

JUNE

РУССКОЕ СЛОВО.

VI

РУССКОЕ СЛОВО.

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-ВЕЗВОРОДКО.

1860.

І Ю Н Ъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза.“

252899

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 25-го Іюня, 1860 года.

Ценсоръ *А. Ярославцовъ.*

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

О САНСКРИТСКОМЪ ЭПОСѢ.

Лекція I.

Мм. Гг.

Успѣхамъ новаго времени мы обязаны открытіемъ обширной и разнообразной литературы, принадлежащей отдаленнѣйшимъ временамъ и развивавшейся впродолженіе тысячелѣтій. Первое знакомство съ нею европейцевъ восходитъ не далье послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, когда англичане, основавъ средоточіе политической власти своей въ Калькуттѣ, въ тоже время обратили вниманіе и на памятники древней цивилизаціи страны, покоренной ими. Еще въ 1822 году не было ни одной санскритской книги, изданной въ Европѣ, нынѣ же — кафедры этого языка учреждены уже во всѣхъ европейскихъ университетахъ; европейская наука имѣетъ, на языкахъ англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ болѣе 20-ти руководствъ къ его изученію; двѣ бібліотеки въ Лондонѣ, двѣ въ Парижѣ, одна въ Оксфордѣ, не говоря уже о бібліотекахъ копенгагенской и берлинской, наполнены драгоценными санскритскими рукописями; множество текстовъ этого языка издано и не перестаетъ издаваться въ Калькуттѣ, Лондонѣ, Парижѣ и т. д. Все это привнесло тотъ результатъ, что мы поставлены нынѣ въ возможность не только въ совершенствѣ понимать этотъ

языкъ, но изучить, даже по печатнымъ книгамъ, если далеко еще не всё, то по крайней мѣрѣ главные, классическіе памятники его письменности.

Памятниковъ этихъ такъ много и содержаніе ихъ такъ многообразно и любопытно, что я, признаюсь, долго колебался, какую отрасль санскритской письменности выбрать для моихъ лекцій, удостоиваемыхъ, м.м. г.г. присутвіемъ вашимъ. Всѣ отрасли литературнаго творчества, начиная съ эпоса до простой сказки и отъ исторической драмы, въ родѣ шекспировской и шиллеровской, до фарсовъ, въ родѣ моліеровыхъ, имѣютъ въ этой литературѣ своихъ представителей, не скажу, затмѣвающихъ европейскія произведенія, но, по художественному совершенству своему, нисколько не уступающихъ имъ, по новости же и оригинальности содержанія невольно еще болѣе привлекающихъ вниманіе наше. Я выбралъ эпосъ потому, что и въ санскритской, также какъ и въ греческой литературѣ, всѣ послѣдующія произведенія развивались подъ его вліяніемъ и, вслѣдствіе этого, не могутъ быть изложены съ надлежащею ясностью безъ предварительнаго съ нимъ ознакомленія.

Санскритскій эпосъ значеніемъ своимъ какъ въ исторіи, такъ и въ литературѣ, видимо, составляетъ только гомерическому эпосу. Какъ гомерическій эпосъ, такъ Рамаяна и Махабхарта изображаютъ торжественную эпоху въ жизни известной доли человечества, когда всѣ духовныя и вещественныя силы его приведены были въ игру, когда все оно выразилось осязаемо и ярко въ самыхъ неукротимыхъ отбѣнкахъ побужденій и дѣятельности, уловливаемыхъ его высшею природою. Дѣйствительно, оба эпоса, греческій и древне-индійскій, воскрешаютъ передъ нами отдаленнѣйшую человѣческую жизнь, со всеми безконечными изгибами ея движеній и чумысловъ, со всемъ неизчерпаемымъ богатствомъ нравственныхъ побужденій, ихъ выдѣлявшихъ и руководившихъ ими, и въ тоже время завершаютъ все ея духовное достояніе на рубежѣ новой жизни; оба они передаютъ въ художественномъ представленіи въкамъ послѣдующимъ этотъ протекшій невозвратный бытъ рода человѣческаго, бытъ, который все-таки, вѣчно оставаясь, не омотря на свою отдаленность, родственнымъ и понятнымъ всякому человѣку, дивною полнотою своего чисто человѣческаго нравственнаго эле-

мента обновляется духъ его во всѣ времена и на воцѣхъ его ступеняхъ, и, пробуждая въ намъ чувство того же блата и любви, чертя ему идеалы высокой простоты неискаженныхъ душевныхъ его души, какъ бы не допустить его перестать быть человекомъ. Оттого и названо изученіе литературы, въ главѣ которой стоятъ Гомеровы произведенія, *studia humanista*, *quae pertinent ad humanitatem* и т. д.

Я указалъ, что эпосу салевритскому соответствуютъ, въ числѣ европейскихъ поэтическихъ произведеній, только довереческій эпосъ. Со всеми другими эпическими поэмами онъ не имѣетъ ничего общаго, какъ и онъ собственно съ Гомеромъ ничего общаго не имѣютъ. Для того чтобы имѣть нѣкъ возможность сообщить мои мысли надлежащую ясность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить вѣрнѣе характеристику древне-индійскаго эпоса, ны мнѣ позвольте, м.м. г.г., коснуться предварительно еще разъ Гомера и сравнить съ нимъ кратцѣ тѣ поэтическія произведенія, которыхъ творцы желали частью съ нимъ соперничать, частью подражать ему. Вывѣтъ съ этимъ, я укажу и на такія произведенія европейскихъ литературъ, которыя действительно имѣютъ съ Гомеромъ, а слѣдовательно и съ древне-индійскимъ эпосомъ, нѣкоторыя общія стороны.

Начало исторической дѣятельности европейскаго человечества ознаменовано моментомъ, когда оно, въ избыткѣ силъ перваго развѣтга цивилизаціи, дружно соединилось во имя идеи и, подчинивъ ей все отдѣльныя интересы, представило жервы образцы высокаго торжества; торжества мысли и чести надъ произволомъ и матеріальною силой. Моментъ этотъ мы видимъ въ героическомъ періодѣ исторіи Греціи. Онъ увѣковѣченъ исласотвѣнными: Гомера, единственнымъ европейскимъ эпосомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Подобный моментъ не повторился въ исторіи, и потому, не было уже другаго Гомера.

Троянскія племена переселились въ Европу, оружіемъ и нравственными превосходствомъ они покорили туземцевъ и подвинули ихъ также къ новой идее — къ осуществленію всемірной власти, дѣйствительно обхватившей все человечество, известное тогдашней Европѣ. Отъ чего бы, казалось, въ феноменъ воскресшей Трои не видѣть событія, стоящаго движенія греческихъ народовъ, ее разрушившихъ, и не избрать его предме-

томъ для римскаго эпоса? Такъ думалъ Виргилій и гениальнымъ усиленіемъ великаго поэта мы обязаны красотамъ классической Энеиды. Но эта прекрасная поэма совсѣтъ не то, что римскій поэтъ желалъ и силился даровать своему отечеству. Спасшаяся отъ пораженія, горстка бѣглецовъ — какъ ни возносятся поэтъ высшимъ таинственнымъ избранничествомъ и назначеніемъ со стороны судьбы — не была способна къ дѣламъ, какія свойственны только народамъ не разочарованнымъ въ принадлежатъ, народамъ исполненнымъ силы и братства, поражающимъ, а не пораженнымъ. Къ тому же, самое осуществленіе идеала всемірной власти принадлежитъ, если дѣйствительно принадлежало оно, не троянамъ, а ихъ потомкамъ. Поэту оставалось сосредоточиваться около своего героя и изображать характеры отдѣльныхъ людей, а не человечества, которое одно можетъ быть предметомъ истинной эпической поэмы. Виргилій сознавалъ это и безсильемъ осуществить предпринятое объявляется, между прочимъ, какъ многолѣтіе его труда, такъ и искреннее желаніе сложить его передъ смертью.

Весь разладъ разнородныхъ стремленій человечества, возникшаго изъ развалинъ римской имперіи, выразился въ поэмі Данта. Она представляетъ какъ бы отрицательный эпосъ, въ которомъ личное могущество мысли поэта, строго держась дѣйствительности и истины и вызванное ими, возносится, какъ нѣкій духъ-звѣздитель, изъ этого хаоса, указывая ему на новую путь жизни и правды. Вотъ единственный по-гомерическій эпосъ, поэма, которую нельзя назвать иначе, но увѣковѣчиваетъ онъ не гармоническую многообразную дѣятельность творящихъ народовъ, а ведетъ ихъ къ подобному гармоническому творчеству путемъ субъективной мысли поэта, и потому, при всегъ безукоризненномъ совершенствѣ созданія Данта, какъ поэмы, должно признать, что идею надлежащаго эпоса выражаетъ оно только въ половину.

Крестовые походы, на первый взглядъ, представляютъ событіе вполне аналогическое съ походомъ греческихъ племенъ подъ Трою. Народы Европы соединились для достиженія общей цѣли и достигли ея хотя на время. Пламенная душа Тасса ухватилась за такое событіе и за такую эпоху: она видѣла въ томъ и другомъ всѣ условія для эпоса, который, всемірнымъ значе-

ніемъ своимъ, казалось, долженъ былъ стать даже выше эпоса Гомера, Тассъ принялся за дѣло и что же? Онъ нашелъ себя поставленнымъ рѣшительно въ одинаковое положеніе съ своимъ древнимъ предшественникомъ. Писецъ «Освобожденнаго Іерусалима» составлялъ сводъ прекрасныхъ романтическихъ образовъ, мастерски придавъ имъ видъ стройнаго поэтическаго цѣлаго и, въ этомъ отношеніи, превозшелъ самого Вергилія, но также, какъ Вергилій, онъ долженъ былъ прибѣгать къ сверхъестественнымъ явленіямъ, не для того чтобы могучихъ и свободныхъ дѣателей—людей выставить еще свободнѣе и могущественнѣе, низводя до нихъ вышшія силы, какъ въ греческомъ и древнѣ-индійскомъ эпосѣ, — а для того, чтобы мертвенному и небывалому въ дѣйствительности сообщать жизнь и движеніе въ поэзіи. Задача была трудная и неосуществимая. Отъ того-то общественныя движенія Гоффеда, какъ и Енея, — у Тасса чужды всякой самостоятельности и машинальны въ полномъ значеніи этого слова. Также какъ Вергилій, итальянскій эпикъ обрѣталъ убѣжище въ одномъ — въ художественномъ изображеніи отдѣльныхъ явленій и отдѣльныхъ характеровъ и успѣлъ только въ этомъ, ибо тутъ творчество поэта не было въ разладѣ съ истиной, всегда лежащей въ основаніи живаго идеала, гдѣ бы онъ ни былъ почерпнуть. Самостоятельнаго эпическаго движенія, при всемъ изяществѣ эпическихъ формъ, въ поэмѣ Тасса быть не могло уже потому, что рыцарями креста руководила отвлеченная идея, нисколько не сливавшая всѣхъ этихъ національностей въ одну массу, что въ движеніяхъ ихъ даже не участвовала соботвенно никакая національность, эта основная стихія такого эпоса, какой Тассъ желалъ подарить человечеству. Къ тому же, въ сонмѣ племенъ, обрѣкшихъ національностью релігіозной идеѣ, не доставало участія со стороны націи, изъ нѣдръ которой вышла по преимуществу идея христіанства, такъ какъ Греція скорѣе враждовала усиліямъ крестоносныхъ латынянъ, нежели имъ способствовала. Предметъ, избранный Тассомъ, небылъ эпическимъ, и потому, онъ не произвелъ эпоса. Известно, что и Тассъ, также какъ Вергилій, крайне былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ и силясь передѣлать его, палъ въ борьбѣ съ невозможностью.

Сказанное о Вергиліи и Тассѣ можетъ быть отнесено въ та-

новой же ибры въ Камбоджу, не говоря уже о Пенриде, авторъ которой вообразилъ, что значеніе эническаго предмета можетъ имѣть даже изолированное событіе отдѣльнаго народа.

Ближе подходятъ къ гомерическому эпосу испанскія сказанія о Сидѣ, Нибелунги, скандинавскія саги и также ново-греческія, сербскія и малороссійскія народныя нѣсни. Общее съ гомерическимъ эпосомъ въ нихъ то, что въ нихъ остался живымъ и не умираетъ торжественный моментъ изъ жизни того или другаго племени, когда оно, при столкновеніи съ элементомъ, ему чуждымъ, выказало всего себя, когда оно, въ борьбѣ на жизнь или на смерть съ этимъ элементомъ, потрясшимъ его до основанія и вызвавшимъ наружу все его внутреннія силы излило, можно сказать, всю свою душу въ своихъ пѣсняхъ, въ этомъ воплѣ послѣдней побѣды или пораженія.

Если бы была возможность соединить въ одно цѣлое все эти отдѣльные моменты торжественной дѣятельности человѣческихъ племенъ, если бы была возможность, вопреки исторіи найдти между ними одну другому современныя живыя органическія соотношенія, если бы была возможность подобное поэтическое цѣлое представить, сохраняя всю индивидуальность его характеровъ, все сокровѣннѣйшіе интересы дѣятелей этихъ сказаній, въ совершенно объективномъ изложеніи, такъ, чтобы творческая сила, вызвавшая подобное созданье, животворила этотъ многосложный міръ и, въ тоже время, могла бы нисколько не смѣшиваться съ своимъ твореньемъ, а оставаться какъ бы въ сторонѣ, т. е., ни дѣлая ни малѣйшаго субъективнаго перевѣса ни одному изъ явленій, вошедшихъ въ организацію этого міра, не пристращаясь ни къ одному изъ нихъ, хотя и давая всегдѣ имъ самое полное развитіе, тогда только мы бы имѣли произведеніе вполне аналогическое съ эпосомъ, составляющимъ предметъ моей настоящей бесѣды.

Говоря объ эпосѣ, въ которомъ высшая національность является двигателемъ идей всечеловѣческихъ и въ тоже время знаменуетъ эпоху ни въ жизни одной какой либо націи, но значительной доли рода человеческого, посвящу нѣсколько словъ самому племени, котораго духовной дѣятельности обязаны мы подобнымъ эпосомъ.

Обширное пространство юго-западной Азіи, отъ береговъ

Индійскаго и Персидскаго морей до западнаго склона Гималайскихъ горъ и по всему протяженію сѣверо-западной части Индійскаго океана; по древлѣ, по преимуществу, населено было племенами, именовавшими себя словомъ *арја*: *Ары*, *Арйна*, *Айрина-вержо* въ Зенд-авестѣ и т. д., что въ нарицательномъ смыслѣ, на санскритскомъ и зендскомъ языкахъ, значить достоинственный, воспитанный и т. д. Племена эти, родотвенныя пеласгическимъ, славяноскимъ и германскимъ, обозначилась въ древнѣйшей исторіи человѣчества раннимъ стремленіемъ своимъ не столько къ завоеваніямъ и порабощеніямъ другихъ племенъ, сколько къ осѣдлости и сосредоточенному гражданскому бытію, представляя въ этомъ отношеніи довольно рѣзкій контрактъ съ ближайшими сосѣдями своими, монгольскими племенами съ сѣвера и семитами съ запада. Исторія не опредѣлила еще съ надлежашею ясностью, что побудило значительную часть этого племени проникнуть, въ глубочайшей древности, черезъ непроходимыя почти ущелія Гиндукуша или черезъ западный Гималай, въ Индію: но, проникнувъ сюда, оно не только распространилось по всему протяженію необъятнаго полуострова, но простерло племенное вліяніе свое на островъ Цейлонъ, на близъ лежащія съ этой стороны обширныя острова Суматру, Яву и т. д., а также на сѣверъ и сѣверо-западъ другаго Индійскаго полуострова, по Бенгальскому заливу до предѣловъ Малакки и вверхъ по окраинамъ Сіамскаго залива до самыхъ предѣловъ Тункинскаго населенія. То, что арійскія племена вошли въ Индію сухимъ путемъ и съ сѣверной ея стороны, доказывается древнѣйшими ихъ преданіями, сосредоточенными около Пенджаба, около сѣверо-западной стороны полуострова, откуда впоследствии уже населеніе ихъ, подвигаясь далѣе и далѣе, приняло наконецъ столь обширныя размѣры. Этой-то доль арійскаго человѣчества принадлежитъ языкъ, который, независимо отъ дивнаго совершенства своей организациіи и литературнаго своего богатства, состоитъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ почти со всеми коренными языками Европы и возводя ихъ къ первоначальному единству, объясняетъ съ неистощаемою полнотою самыя сокровенныя тайны ихъ корней и грамматическаго построенія. Языкъ этотъ названъ потомками арійцевъ, говорившихъ

на языкъ, языкомъ санскритскимъ (санскрита), т. е. словомъ индическимъ, санскритскимъ.

Тѣсныя соотношенія санскритскаго языка съ языками классическими, литовскими, славянскими, германскими и кельтскими, съ каждымъ изъ нихъ порознь, гораздо въ высшей степени, нежели отдѣльныя соотношенія ихъ между собою, убѣдительно доказываютъ, по справедливому замѣчанію Макса Мюллера, что слой арийскаго человечества, перешедшаго чрезъ Гималаи, отделился отъ общаго своего корня не прежде, какъ переживъ сперва вмѣстѣ и одною жизнію съ каждымъ изъ упомянутыхъ племенъ Европы, несомнѣнно составлявшихъ когда-то одно особое семейное цѣлое, но уходявшихъ одно за другимъ, въ разныя доисторическія эпохи, на отдаленнѣйшій западъ, и слѣдовательно, что санскритскій слой арийцевъ отделился отъ корня или оставилъ первобытную родину, гораздо позднее всѣхъ другихъ словъ этого корня. Племя это, какъ бы оставшись наконецъ одно на роднѣхъ пещелищѣхъ, не прежде какъ тогда только и бросило его, подобно своимъ братьямъ, но не последовало за ними, и приняло для своего пути совершенно противоположное направленіе.

Первый изъ двухъ санскритскихъ эпосовъ, Рамаіана, изображаетъ тотъ моментъ въ жизни арийскихъ народовъ, когда они сдѣлались окончательными властелинами по всему полуострову Восточной Индіи, окруживъ на вѣкъ политическую самостоятельность ея прежнихъ туземцевъ и поставивъ даже островъ Ланку, мызынній Цейлонъ, въ полную отъ себя зависимость.

Съ перваго уже взгляда, вы усматриваете, м. м. г. г., что древне-индійскій эпосъ увѣковѣчиваетъ не личный интересъ одного племени, но высокій моментъ торжества міровой цивилизаціи—имѣвшей свои особыя судьбы и свою исторію—надъ варварствомъ необъятной страны, служившей театромъ этому эпосу. Вспомнимъ, что эта страна, объемомъ своимъ, равняется всей почти нашей Европѣ, проходя ея отъ Урала до Нѣмецкаго моря и отъ сѣверныхъ береговъ Скандинавіи до самыхъ южныхъ береговъ Италіи. Само собою разумеется, что подобное торжество было совершено не вдругъ и что неутомимые и полные вѣры въ достоинство челоуѣка и въ его будущее, арийскіе

народы доходяли до этого торжества, безъ всякаго сомнѣнія, вѣками, но эпическій поэтъ Индіи изображаетъ не исторію въ тѣсномъ значеніи этого слова или, вѣрнѣе сказать, не послѣдовательную исторію покоренія Индіи; онъ, какъ и Гомеръ, отмѣчаетъ своимъ поэтическимъ созданіемъ рѣшительный моментъ вѣковаго подвига, раскрывая для этой цѣли, въ художественномъ объективномъ представленіи, весь внѣшній и внутренній бытъ человечества эпохи современной катастрофѣ, ясно этики самымъ обнаруживая и сущность предшествовавшаго ему быта и причины, приведшія такое торжество и такую катастрофу. Поэтому, древне-индійское поэтическое произведеніе, воскрешая передъ нами моментъ знаменательный въ жизни народовъ и представляя его въ полномъ свѣтѣ, объемъ и въ полномъ свѣтѣ есть въ тоже время, независимо отъ поэтического своего изложенія, какъ и эпосъ Греціи для героической ея эпохи, единственное и лучшее историческое произведеніе для героической эпохи древней Индіи. Одна Рамаіана могла бы быть предметомъ лекцій многихъ годовъ для всякаго глубокомысленнаго и краснорѣчиваго профессора. Я расскажу ея содержаніе или, вѣрнѣе, выберу изъ ея содержанія нѣкоторыя черты, которыя могутъ быть, при ихъ отдѣльной передачѣ, общедоступны и сколько нибудь характеристичны, и заключу нѣкоторыми свѣдѣніями, касающимися нашего эпоса и эпохи имъ изображаемой. Ограниченность времени позволяетъ мнѣ держаться въ этомъ очеркѣ только главной нити повѣствованія, не входя въ изложеніе ея многочисленныхъ эпизодовъ, хотя всѣ они и соединены органически съ самою поэмою. Да будетъ позволено мнѣ думать, что я останусь чистъ передъ великимъ созданіемъ, передавая только самый внѣшній, ближайшій его очеркъ! Рамаіана открывается великолѣпнымъ изображеніемъ двора царя Кошаловъ, Дасараты, идеала царей, по личному его могуществу, по благоденствію его подданныхъ, по неизмѣнной вѣрности ему воѣхъ другихъ царей. Политическая власть брахманизма представляется укорененною въ ту пору только въ сѣверной части Индіи и не совсѣмъ еще въ средней, южная часть покрыта непроходимыми лѣсами, въ которыхъ живутъ дикія племена съ отвратительною наружностью, обладающія непоимѣрною физическою силою, съ грубыми нравами; сильнѣйшіе

изъ нихъ аперопоаги. Последнія 'одушевлены непримиримою ненавистью къ брахманистамъ, въ главѣ которыхъ стоятъ модельщики, по видимому, беззащитные, не знающіе другаго оружія, кромѣ своихъ молитвъ, но охраняемые столь мѣткими стрѣлами тѣхъ, о комъ они молятся. Не смотря на то, отдѣльныя колоніи брахмановъ проникнули все-таки въ то время уже къ югу полуострова; но жертвоприношенія ихъ очень часто размѣтываются злыми и хитрыми ракшасами (такъ они называютъ кровожадныхъ туземцевъ). *Дакшина-пада*, нынѣшній Деканъ, представляется зависящимъ отъ туземнаго царя, имѣющаго столицу на островѣ Цейлонѣ. Царь Дасарата, владычествующій въ землѣ Косаловъ, въ средней Индіи, обезпечивъ брахманское вѣрованіе въ предѣлахъ самыхъ отдаленныхъ областей, смирившій всѣхъ враговъ своихъ, празднуетъ наконецъ тысячелѣтіе своего царствованія. Со всѣхъ сторонъ съѣзжаются къ нему цари подвластные. Это торжество царь намѣренъ соединить съ другимъ, не менѣе великимъ торжествомъ: онъ, при жизни своей, намѣренъ короновать преемникомъ себѣ старшаго любимаго сына своего Раму. Совѣтники-брахманы одобряютъ мысль царя. Дѣлаются приготовленія: все, по видимому, благопріятствуетъ осуществленію высшей радости въ жизни государя и родителя. Но ревность и честолюбіе воспаляетъ одну изъ его женъ. Лъстивыя рѣчи приближенныхъ къ ней женщинъ раздуваютъ снѣдающее ее пламя: она, во что бы ни стало, рѣшается сорвать вѣнецъ съ головы царевича, который не ея сынъ, и перенести его на голову своего роднаго сына. Съ трепетомъ орлицы, вообразившей, что вырываютъ у нея дѣтище, съ устами, дрожащими отъ обиды, которую чувствуетъ ея уязвленное высокомѣріе, она бросаетъ на землю свои царственныя украшенія и удаляется въ самыя уединенныя комнаты дворца. Удивленный необъяснимою переменою въ своей женѣ, дотолѣ всегда покойной и счастливой, царь старается разгадать причину ея унынія. Наконецъ она говоритъ ему: «Ты, царь, виною моего несчастія и гибели: твое противозаконное рѣшеніе повергло меня въ прахъ. Ты отдалъ вѣнецъ свой Рамѣ, отданный уже тобою другому. Этотъ вѣнецъ принадлежитъ моему сыну, а не Рамѣ. Ты помнишь твое царственное слово. оно гласило, что не будетъ мнѣ отказа ни въ чемъ, что мое первое

требованіе будетъ для тебя закономъ. Я никогда отъ тебя ничего для себя не требовала. Ты имѣлъ дѣло съ матерью: словомъ своимъ ты уже передалъ престолъ ея сыну.» — «Но Рѣма мой первородный сынъ, говорилъ царь пораженный роковой претензіей жены; онъ любимецъ братьевъ и всего народа. Ты видишь, что всѣ братья любятъ его какъ брата, но чтутъ какъ государя.» — Рѣму ты долженъ измѣнить на двѣнадцать лѣтъ изъ предѣловъ твоего царства въ Дандаковы лѣса. Тамъ откроется ему поприще очищать окраины государства отъ людоедовъ; онъ будетъ защищать святыя семейства брахмановъ, которыя гибнутъ тамъ безнаказанно съ появленіемъ каждой зари. Братья отвыкнувъ, въ его отсутствіе, отъ мысли видѣть въ немъ наследника престола, законъ же царскаго слова узаконить любовь ихъ и вѣрность къ увѣчанному тобою сыну.» Царь не отвѣтилъ ничего на эти слова, убитый тоскою. Но Рѣма узналъ о разговорѣ Кѣкаіанки съ отцомъ его. Не сродно Рѣмѣ допустить, чтобы отецъ его низшелъ въ могилу, бывъ запятванъ нарушеніемъ слова черезъ вѣнчаніе его на царство. Онъ приходитъ къ отцу и объявляетъ ему непремѣнную свою рѣшимость идти въ изгнаніе. Напрасно Барата, братъ его, котораго мать виною всего этого смятенія въ семействѣ и въ царствѣ, всею искренностью любви къ брату и отвращенія къ власти, которая ему не принадлежитъ, отказывается отъ престола; напрасно другіе братья умоляютъ Рѣму остаться — Рѣма непреклоненъ: ни моленія нѣжной его жены, ни матери, ни энергической протестъ трехъ остальныхъ братьевъ противъ законности отцовскаго обѣщанія, даннаго Кѣкаіанкѣ, не останавливаютъ его. Для Рѣмы законность не имѣетъ двухъ сторонъ; она одна и — его отецъ долженъ быть оправданъ. Настаетъ прощаніе Рѣмы съ братьями, матерями и престарѣлымъ отцемъ его, недавно столь счастливымъ своею судьбою и дѣтьми, теперь поверженнымъ въ прахъ горемъ, которое онъ самъ на себя накликалъ своимъ необдуманнѣйшимъ обѣщаніемъ. Рѣма хотѣлъ уйдти одинъ, не желая дѣлать никого участникомъ опасностей и лишеній его изгнанія, но согласился наконецъ взять съ собою жену и одного изъ братьевъ, Лакшмана; двумъ остальнымъ его братьямъ положено остаться при отцѣ. Рѣма ушелъ. Отецъ не переноситъ этого удара и умираетъ въ скоромъ времени на рукахъ Каисалин, матери

Рамы, признавая это единственное роковое несчастье, испытанное имъ въ жизни, воздаваемъ за единственную вину свою, что въ молодости, выйдя на охоту, онъ, по оплошности своей, убилъ однажды челоуѣка. Между тѣмъ Рама бесѣдуетъ съ мудрыми отшельниками, утверждаетъ дружбу съ туземцами, чтущими брахманскій законъ, истребляетъ святотатцевъ и злодѣевъ и жизнь его, при воѣхъ лишеніяхъ, согрѣваемая любовью жены и въ сообществѣ вѣрнаго брата, проходитъ непримѣтно и весело. Живое сознаніе долга заставило его принести добровольно въ жертву престоль, и потому, естественно, что онъ и не думалъ о немъ. Между тѣмъ предчувствіе говоритъ Рамѣ о кончинѣ отца. Вскорѣ являюся и посланные, приглашающіе его, именемъ брата и всего царства, вступить на престоль, принадлежащій ему по праву. Но двѣнадцать лѣтъ изгнанія, на которыя онъ обрекъ себя, чтобы оправдать слово отца, далеко еще не прошли, и потому Рама попрежнему остается непреклоннымъ. Непреклоненъ и Барата, сынъ Кѣкаианки въ своемъ отреченіи: и для его благородной души возмутительно принять власть, не ему принадлежащую, также какъ и Рамѣ — принять власть въ ущербъ для чести его отца, — а между тѣмъ государству грозитъ несчастье отъ отсутствія правителя. Передавъ правленіе брахманамъ, Барата могъ наконецъ вымолить у старшаго своего брата, Рамы, одно, это — дать ему свои сандалиі: Барата согласился править *землю* до истеченія срока двѣнадцати лѣтъ, но не иначе какъ съ тѣмъ условіемъ, что на престолѣ будутъ имъ помѣщены сандалиі (шадука) Рамы и что въ ихъ силу, и то только до истеченія срока, онъ будетъ отдавать повелѣнія, самъ никогда не восходя на престоль. Какъ ни странно можетъ намъ казаться подобное условіе со стороны Бараты, но, вникнувъ ближе, вы увидите во всемъ этомъ процессѣ героизмъ братской любви и правды. Рама отдалъ сандалиі, самъ же немедленно двинулся еще южнѣе и далѣе отъ того мѣста, гдѣ устроилъ было для себя съ двумя спутниками отшельническое пребываніе, думая остаться тамъ на долго. По мѣрѣ того какъ Рама уходилъ далѣе и отъ предѣловъ своей родины, цѣлыя толпы ракшасовъ были истреблены имъ на пути его по южнымъ странамъ полуострова. Цейлонскій царь ракшасовъ высылаетъ противъ него свои полчища; но эти полчища, одно за другимъ, истребляются Рамою, спасшіеся же

благотворно разсказываютъ своему царю о храбрости, силѣ, красотѣ непобѣдимаго челоука, а также и о красотѣ жены его. Для гордаго и чувствѣннаго ракшаса преступленіемъ ужъ было и то, что у другаго, кромѣ его, могли быть жены красавицы: онъ рѣшился, во что бы ни стало, похитить у Рамы жену. Не надѣясь болѣе на силу, Раванъ прибѣгаетъ къ хитрости: самъ онъ отправляется на материкъ, пробирается къ тому мѣсту, гдѣ находился Рама и пускаетъ прекраснаго оленя въ виду двухъ братьевъ и Ситы, жены Рамы. Олень правится Ситѣ. Рама преслѣдуетъ его, но олень ловко увертывается отъ стрѣль Рамы и опять показывается въ чащѣ лѣса. Послѣ этого, Лакшманъ остается при Ситѣ, Рама же погнался за звѣремъ. Но вдругъ послышался вопль: «спаси, спаси меня, Лакшманъ!» Обонимъ отшельникамъ чудится, что это голосъ Рамы. Лакшманъ не вѣрнть голо-су: онъ привыкъ всегда видѣть въ братѣ побѣдителя, дающаго защиту, но не ищущаго ея ни у кого. Не то однако женщина: ея сердце страшится и тѣни риска тамъ, гдѣ, видимо грозитъ опасность ея мужу; она нудитъ Лакшмана поспѣшить на вы-ручку къ брату, когда же Лакшманъ окончательно отказывает-ся отъ того, чтобы оставить ее одну въ дикомъ лѣсу, гдѣ ры-скаютъ звѣри и могутъ скрываться ракшасы, тогда она при-бѣгаетъ къ послѣдному оредству: искренно, или притворно, она съ негодованіемъ выражаетъ ему свое сомнѣніе на счетъ его чести и вѣрности брату и приписываетъ его желаніе остаться при ней тому, что онъ имѣетъ на нее безстыдные виды. «но на-прасно, говоритъ она: живая Сита принадлежитъ одному Рамѣ.» Убитый горемъ и несправедливостью подозрѣнія, Лакшманъ оставляетъ, послѣ этого, Ситу и спѣшитъ туда, гдѣ слышался голосъ брата; ищетъ его и не находитъ. Въ это время тихою поступью, въ брахманскомъ облаченіи и съ пріемами, свойствен-ными брахманамъ, къ Ситѣ приближается Раванъ. Красота Си-ты превзошла въ дѣйствительности все, что было ему говорено о ней: онъ плѣнился ею. Послѣ нѣсколькихъ минутъ притвор-ства, Раванъ открывается Ситѣ, что онъ Раванъ, повелитель Цейлона и всѣхъ ракшасовъ и клянется ей въ вѣчной своей любви. Напрасны угрозы и негодованіе Ситы: Раванъ похища-етъ ее силою и увозитъ на колесницѣ въ столицу своего госу-дарства Ланку. Тамъ помѣщаетъ онъ несчастную жену Рамы

въ лучшемъ отдѣленіи своего дворца и вѣрять ее попеченію туземныхъ женщинъ, вѣнзивъ имъ въ обязанность беречь ее какъ зрѣнцу ока, и въ тоже время всеми способами, какіе только можетъ придумать женская нахлѣбчивость, стараться поселить въ ея сердцахъ добрыя о немъ понятія, оправдывая самую наглость похищенія, на которую онъ рѣшился, тѣмъ, что она же очеревала его. «Что Равагъ, и что Рама? говорили Ситъ ракшасинки. Первый могучій и самостоятельный царь; послѣдній, если и есть въ немъ какія достоинства, все же онъ не болѣе какъ бѣдный и бездомный скиталецъ и быть другимъ не можетъ».

При видѣ чистой красоты, Равагъ возмечталъ во что бы ни стало, возбудить въ ней къ себѣ привязаность. Въ первый разъ онъ почувствовалъ желаніе насладиться истинною любовью: онъ понялъ, что наслажденіе не есть любовь.

Но напрасно говорили Ситъ о ничтожествѣ Рама и величіи Равага, напрасно разсказывали ей потому, что Рама убитъ, напрасно даже понавывали ей окровавленную его голову. Нѣкоторое время она вѣрила смерти Рама, но ни на одно мгновеніе не измѣнила благородной тоскѣ своей.

Можно себѣ представить, какъ это похищеніе подѣйствовало на братьевъ. Они узнали наконецъ о его виновникѣ и хищнику Равану грозить отмщеніе. Увозимая Равагомъ Ситароняла тайкомъ отъ хищника на пути, одно за другимъ, свои украшенія, ждала открыть Рамѣ слѣдъ свой. Обезьяны, т. е., другіе туземцы, наружною своею безобразныя для человека арійскаго племени, но съ кроткимъ, хотя и воинственнымъ характеромъ, находятъ эти украшенія и передаютъ ихъ Рамѣ; слѣдъ ея такимъ образомъ, еще при нѣкоторыхъ показаніяхъ, открыть. — Между тѣмъ Рама примиряетъ междоусобныя распри обезьянъ и даетъ имъ законнаго царя. Дружины этихъ туземцевъ, преданныхъ Рамѣ, строятъ мостъ черезъ огромный проливъ, отдѣляющій островъ Цейлонъ отъ индійскаго материка, по которому проходитъ воцѣвство Рама. Осѣждается столица похитителя и овладѣвается наконецъ Рамою, послѣ нѣсколькихъ приступовъ. Рама убиваетъ въ единоборствѣ Равага, коронуетъ на его мѣсто добродѣтельнаго брата его Вибишана, не совѣтовавшаго тирану Ланки вести незаконную войну съ Рамою, за что, будучи роднымъ братомъ Равага, онъ подвергнулся опасности потерять жизнь и онася толь-

ко бѣгствомъ къ Рамѣ, которому съ той поры, также какъ и сопутствовавшіе ему ракшасы, были неизменно вѣрными союзниками, и другомъ.

Но что же Сита, жена Рамы? Равнѣ убить; по улицамъ города Ланки раздаются радостные крики его гражданъ, проглавляющихъ Раму за то, что онъ спасъ ихъ отъ душегубнаго тирана и далъ имъ царя, чтущаго правду. Но Рама и не спрашиваетъ о Ситѣ; ему дорога честь и за нее онъ отомститъ, какъ требуетъ того законъ, обезчещенная же жена уже не можетъ быть его женою. Невинность Ситы, обезоружившая дерзость даже дикаго похитителя ея, теперь покинутая Рамою, тронула высшія силы. Несчастная, она бросилась въ огонь, умоляя огонь не пощадить ея, если сколько нибудь осквернена она похитителемъ, если она сколько нибудь виновна, и—прошла черезъ огонь невредимою. Тогда звуки невидимой музыки и цветы, упавшіе съ неба, приветствовали торжество невинности Ситы, и Рама заключаетъ ее наконецъ въ свои объятія.

Рама проводитъ такимъ образомъ счастливые дни опять въ сообществѣ милой своей жены и брата, среди народовъ, имъ устроенныхъ и его обожающихъ; между тѣмъ срокъ его изгнанія кончился, онъ возвращается въ свою столицу, истребивъ, впрочемъ, изгнаніе своего, на материкѣ Индіи всѣхъ враговъ брахманизма и даже на отдаленномъ островѣ, къ ней примыкающемъ, водворивъ порядокъ, и съ нимъ законнаго царя, который обязанъ ему престоломъ и жизнью. Дикари перестали съ-тѣхъ-поръ быть людоедами и стали чтить законъ; если же кто изъ нихъ дерзалъ нарушать его, то съ-тѣхъ-поръ достаточно уже было одного негодованія со стороны брахмановъ, для того чтобы уничтожить святотатцевъ; съ-тѣхъ-поръ, надо замѣтить, нѣтъ уже преданій въ летописяхъ Индіи ни о войнствахъ, ни о царяхъ ракшасовъ. Другіе туземные дикари, названные въ нашей поэмѣ обезьянами, вошли въ дружественный союзъ съ брахманистами, введшими между ними порядокъ и регулярныя власти, съ брахманистами, съ которыми за одно навѣкъ они усмирили сильныхъ сосѣдей, отличавшихся не только грубостью нравовъ, но и кровожадными инстинктами. Ясно, что тѣ и другіе, принявъ у себя власть изъ рукъ брахминистовъ, рано или поздно, должны были подпасть потомъ подъ власть своихъ строителей.

Приведенный мною очеркъ содержания Рамаіаны очень естественно может родить слѣдующіе вопросы: гдѣ же во всемъ этомъ міровое значеніе поэмы? гдѣ ея типическіе характеры, остающіеся въ тоже время и чисто человѣческими бѣковыми характерами? Всего этого не только справедливо, но и должно ожидать отъ міроваго эпоса.

Все это, мм. гг., живетъ и дышетъ въ нашей поэмі; но трудно изобразить все это въ предѣлахъ бѣлаго очерка. Еще менѣе міровой интересъ древняго эпоса можетъ быть изображенъ въ переводахъ, ибо художественныя созданія древности, зарожденныя въ нѣдрахъ, такъ сказать, ея природы, разцвѣтшія подъ ея солнцемъ и въ ея атмосферѣ, непремѣнно вянуть и мѣртвѣютъ при всякой попыткѣ перевести ихъ на другую почву, въ другую атмосферу, при всякой попыткѣ пересказать ихъ на языкѣ эпохи съ другими вѣрованіями, нравами, съ другимъ гражданскимъ и общественнымъ бытомъ. Эти произведенія величественны, какъ солнце и какъ небо, однажды созданныя, и также какъ небо, какъ солнце, какъ самыя животворныя явленія природы, доступны изученію, могутъ вѣчать торжество науки, но недоступны воспроизведенію ни для какой гениальности самаго даровитаго художника. Гомеръ, Софокль, Пиндаръ — представители ближайшей къ намъ классической древности, не имѣютъ истинныхъ переводовъ и имѣть ихъ не могутъ. Переводъ Гнѣдича, по общей выдержкѣ и даже по поэтическому колориту, принадлежитъ къ категоріи лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ на всѣхъ языкахъ Европы; но да будетъ мнѣ позволено сказать по совѣсти, что едва ли кто имѣлъ у насъ когда либо терпѣніе прочесть весь этотъ знаменитый переводъ иначе, какъ по объѣту, или по обязанности. А между тѣмъ, стихотворенія Гомера составляютъ славу и гордость Греціи и не перестаютъ служить, во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы, источникомъ возвышеннѣйшихъ неизчерпаемыхъ эстетическихъ наслажденій для юности, съ него начинающаго всякое высшее образованіе. Трудность передачи въ переводахъ произведеній санскритской литературы, естественно, превышаетъ самую трудность переводовъ съ языковъ классическихъ.

Міровое эпическое значеніе Рамаіаны заключается въ томъ, что въ ней отразился во всей полнотѣ и съ безукорызненною вѣрностью

характеръ эпохи, въ которую впервые народы аріійскіе отдаленнаго Востока выступаютъ соединенными силами, какъ двигатели цивилизующей національности, точно также какъ западные ихъ братья греки, впервые являются въ Гомерѣ двигателями подобнаго же дѣла, своимъ подвигомъ открывая блистательную зорю просвѣщенія Европы, страны свѣта, отъ нихъ получившей и самое свое названіе. Та и другая цивилизація отличаются особымъ характеромъ, объясняемымъ сколько различіемъ историческихъ судебъ тѣхъ и другихъ народовъ, столько и индивидуальнымъ различіемъ самыхъ народовъ. Цыфра прозелитовъ древне-индійской цивилизаціи донынѣ никакъ неясно, далеко превышаетъ цыфру цивилизаціи греческой, т. е., европейской. Блестящіе были подвиги аріійцевъ Востока и аріійцевъ Запада, но къ результатамъ привели они совершенно противоположнымъ. Съ одной стороны, памятники обихъ цивилизацій, основанныхъ родственнымъ племенами, столь знаменательны и громадны, съ другой неостанавливаемое ничѣмъ движеніе цивилизаціи аріійской западной, или европейской, и нынѣ совершенный застой и мертвенность цивилизаціи индійской столь поразительны, что я почитаю не недостойнымъ вниманія нашего, мм. гг., остановиться нѣсколько, прежде чѣмъ перейду къ предположенному мною очертанію характера нашей поэмы, на первоначальныхъ причинахъ, приведшихъ такое безконечное различіе въ результатахъ этихъ двухъ цивилизацій. Причины объясняются, между прочимъ, самымъ процессомъ распространенія тѣхъ и другихъ племенъ на усвоенной ими почвѣ. Первобытная борьба аріійцевъ съ аборигенами Греціи до того была незначительна, что она не составила даже историческаго подвига; видѣе борьба между іоніанами и доріанами, т. е., между тѣми же греческими племенами, укоренившимися уже на этой почвѣ, и пришедшими сюда позднѣе, пока не уравновѣсились между обоими политическія отношенія и всѣ греческіе народы не соединились общимъ союзомъ. Масса европейскихъ аріійцевъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, до того была многочисленна, что она съ перваго раза поглотила аборигеновъ Греціи, не оставивъ почти и слѣдовъ ихъ существованія. Не то нашли аріійцы на почвѣ Индійскаго полуострова. Эта необъятная страна покрыта была тогда, болѣею частью

сверфинными дикими племенами, остатки коихъ живутъ еще и нынѣ. Хотя туземные индійскіе народы не были соединены въ одно цѣлое и, притомъ, враждовали между собою, но для того чтобы сладить съ такою массою человечества и на такомъ просторствѣ, аріямъ мало было одной силы оружія или политики. Безспорно, немогавшимъ на пути ихъ и то и другое, но несоравленно рѣшительнѣе повергало передъ ними въ прахъ туземныя племена. Другое невидимое начало, руководившее и омыкнѣ побѣдителей, это — ихъ религія. Какъ американскіе дикари въ испанцахъ думали видѣть своихъ боговъ, такъ древніе дикари Индіи, при очевидныхъ правотвенныхъ и физическихъ преступностяхъ людей къ нимъ приведшихъ, легко убѣждались въ томъ, что эти бѣлые люди ничто иное какъ олицетворенный умъ и воля верховнаго божества, какъ *Золота и мимици* творца вселенной Брахмы, явившагося имъ въ этомъ саннѣ людей, чуждавшихся кровопролитія даже между животными, снабжавшими ихъ одеждою и пищею, людей, хранившихъ святы въ каждомъ семействѣ не угасаемый огонь, столь живо изображавшій неотъемлемую теплоту, связывавшую въ одно неразрывное цѣлое, какъ членовъ каждаго семейства порознь, такъ и самыя отдѣльныя ихъ семейства. Аріиды явились на полуостровѣ Индіи не божествомъ разрушительнымъ, — напротивъ, пріобщающимъ къ себѣ и, такъ сказать, перерождающимъ въ себя одичалыхъ ея обитателей, невольно пріобщавшихся своимъ новымъ для нихъ условіямъ существованія и покорявшихся людямъ, приносящимъ имъ подобныя условія. Туземцы, вступавшіе въ систему брахманскаго общественнаго и политическаго устройства, дѣлались *вайсиами*, т. е. *крестьянъ, Брахмы*. При нихъ оставалось обладаніе землею и ея плодами; но, единясь съ высшими кшатриями, они воспринимали вместе съ тѣмъ святую обязанность питать свои *мимици и золоту*, т. е. пріобщавшихъ ихъ къ себѣ кшатриевъ и брахмановъ, — за то, находя въ нихъ для себя руководителей, оберегателей и воспитателей. Аріидскія семейства селились такимъ образомъ по койлю пререди обращенныхъ ими племенъ, допуская брачныхъ союзовъ, особенно же дочерей вайсиевъ съ высшими брахманстами. Скрѣпяла еще болѣе союзъ моваго въ этихъ странахъ политическаго тѣла, становившагося часъ-отъ-часа обширнѣе и могу-

нравственнѣе. Впрочемъ, и сами брахманы и кшатрии не отказывались отъ правъ, даруемыхъ имъ своимъ *дэвомъ*, т. е. отъ правъ владѣть землею и не посредственно излекать изъ нея пользу, но быть брахманомъ или кшатриемъ человекъ изъ племени вайшьювъ или судръ уже не могъ; такъ гласили коренныя постановленія брахманства. Племена, противившіяся подобному расширенію арийскаго начала, были провозглашаемы жогучами брахманства за восклоненныя волчица существа враждебныхъ богамъ этого новаго политическаго тѣла, что впрочемъ значило одно и то же, что враждебныхъ самимъ членамъ этого тѣла, — гаяъ какъ, во брахманскому вѣрованію, члены брахманческаго общества ничто иное какъ члены самого ихъ бога. Возникла война: вооружившись за одно съ брахманствами именитые туземцы принималось въ союзѣ кшатриемъ, входя такимъ образомъ непосредственно въ брахманскіе союзы не только съ кшатриями, но даже и съ вышнимъ сословіемъ брахмановъ. Народы противившіе брахманству побуждались этимъ путемъ повсюду направленнымъ полуострова, перерождалось: непримѣтно въ арийцевъ, и на землѣ ихъ селились побѣдоносные брахманы и кшатрии, какъ на обоготвенной землѣ. Между смиравшимися добровольно, туземцы богатые дѣлались вайшьями, бѣдные судрами, т. е. людьми, которыхъ брахманское общество признавало принадлежащими себѣ, какъ ноги тѣлу, въ религиозномъ же смыслѣ, послѣдніе должны были признавать себя *новыми Брами*, оставаясь, въ смыслѣ политическомъ, аблагорожеными, но гѣмъ не менше, безвыходными рабами: среди высшихъ сословій, — и славясь: безвыходными, ибо между послѣднимъ и судрами окончательно уже запрещались брахманскіе союзы (рѣдкія исключенія допускались иногда для однихъ дочерей судръ); были привѣра, что: разсчитливые завоеватели обращали въ судръ даже сплошное населеніе цѣлыхъ странъ, довольно обширныхъ и можно думать, что самое названіе судра произошло отъ названія страны. Племена упорныя не признавались за людей и были обречены на жизнь въ всякаго невротительства со стороны обществственности и законовъ. Вотъ краткая исторія и образованія древне-индійскихъ кастъ и покоренія Индійскаго полуострова арийскими племенами. Утѣшеніе въ Рамаіанѣ народа обезьянъ на полуостровѣ

и ракшасовъ на островѣ Цейлонѣ, безъ заведенія между тѣхъ и другими брахманскихъ порядковъ, было только временной политическою мѣрой со стороны торжествовавшего брахманства. Все это происходило въ отдаленнѣйшей древности. Ни Сасотрисъ, ни Навуходоносоръ, ни Киръ не проникали въ эту, какъ бы заколдованную страну, стерегемую съ двухъ сторонъ океаномъ, съ третьей непроходимыми горами, и не изъмали брахманамъ, въ продолженіе тысячелѣтій, подвигать и развивать на просторѣ свое дѣло. Первый Александръ-Македонскій вторгнулся извнѣ въ ея предѣлы, заставъ ее давно уже перерожденною и въ эпоху, когда брахманизмъ, такъ сказать, засыпавшій на вѣковыхъ своихъ лаврахъ, быть пробужденъ могучей реформой, изъ него же изшедшей.

Прочность распространенія обозначеннымъ мною путемъ арійскаго начала въ Индіи, носила въ себѣ сѣмена и будущаго, хотя и отдаленнаго, но неизбежнаго его закоснѣнія, ибо успѣхи подобной системы перерожденія въ себя чуждыхъ племенъ обуславливались непременно могуществомъ жреческаго сословія, которое при всѣхъ возвышеннѣхъ началахъ, лежащихъ въ основаніи первоначальной его организаціи, по самой исключительности своего преемственнаго достоинства, сколько блестящаго, столько и выгоднаго ему, не только въ духовномъ но и въ матеріальномъ отношеніяхъ, не могло не стремиться къ постоянному охраненію этой потомственной исключительности, освящаемой религіей, и вѣстовъ съ тѣмъ, къ умственному монополю, неминуемому источнику какъ собственнаго показанія подобнаго монополю, такъ и племенъ имъ доверенныхъ и ими руководимыхъ. Къ счастью, на долю Индіи выпало раннѣе появленіе упомянутой мною энергической реформы брахманизма, устранявшее на много вѣковъ нравственное и умственное закоснѣніе не въ однихъ прозелитахъ новаго ученія, но и въ ревностныхъ поборникахъ стараго порядка вещей, долженствовавшихъ противодѣйствовать имъ тѣмъ же оружіемъ мыслей, и безсознательно дѣлавшихъ уступки, остававшіяся не безъ влияния и на общественныя отношенія самыхъ брахманскихъ сословій. Буддизмъ, провозгласившій, послѣ совершеннаго уже перерожденія туземныхъ племенъ Индіи въ брахманство, абсолютное равенство всѣхъ людей, т. е. сколько брахмановъ,

своими и самими судрѣ, и одинаковыя права воѣхъ на блага, какъ въ дѣлной, такъ и въ зрѣбной жизни, дѣйствовалъ въ Индіи, въ продолженіе 20-ти вѣковъ, самымъ благотворнымъ образомъ на всѣхъ ея сословія и вѣрованія, вызывая въ этой странѣ, изъ воѣхъ слоевъ общества, духовное творчество, котораго памятники изумляютъ нынѣ ученую Европу, и, насаждая въ государствахъ ея такое гражданское благоустройство, которому дивились даже самые греки, но вытѣсенный наконецъ брахманами, на чужой почвѣ, не имѣя соперниковъ, онъ переродился въ такое же уродливое жречество, которое предотвращало въ Индіи, давъ полную свободу и оставшимся на родинѣ брахманамъ, соперникамъ своимъ, восторжествовавшимъ наконецъ въ предѣлахъ всего полуострова, погружаться въ безусловный абсолютизмъ брахманскихъ догматовъ, прямихъ слѣдствіемъ котораго не могло не быть уничтоженіе всякой творческой дѣятельности и гордое безъисходное невѣжество. Вторженіе народовъ мусульманскихъ, въ такихъ племенахъ, могло вызывать противодѣйствіе, при отсутствіи всякаго другаго высшаго начала, одними немощными проявленіями иступленнаго религіознаго фанатизма, который, обуздываемый внѣшнею силою, не смотря на разныя смѣны иноплеменныхъ властителей, тѣмъ не менѣе, подобно подземному вулкану, цѣль и невредимъ, донынѣ, какъ извѣсто, лежитъ въ основаніи воѣхъ умственныхъ побужденій, всего духовнаго быта этой несчастной страны. Время покажетъ, подадутъ ли руку пробужденія и жизни обитателямъ ея, отыскавшіе ихъ въ подобномъ положеніи, но слѣдъ тысячелѣтнихъ отравотвованій, бодрые и исполненные жизни и свѣта европѣйскіе ихъ братья.

Совершенно была различна судьба арійцевъ, населившихъ Грецію. На небольшомъ своемъ полуостровѣ, всѣ они стояли, такъ сказать, лицомъ къ лицу, съ одинаковымъ языкомъ, съ одинаковыми вѣрованіями; соревнованіе одного греческаго племени съ другимъ, племя одно отъ другаго независѣвшихъ, не реформировавшихъ, не смирявшихъ нравственно, а восполнявшихъ, если позволено такъ выразиться, другъ друга, вызывало съ полнѣйшимъ просторомъ воѣ ихъ силы къ всечеловѣческому творчеству, къ всесторонней дѣятельности,—во воѣхъ же государствахъ древней Индіи была только одна національность, это—брахма-

низки, следовательно, соответственно национальному сравнению и быть между ними не могло. Исторический путь распространения греков не указывал им никакой надобности в кастах; даже исключительное достоинство жрецов, как касты, еще примитивное у Гомера, у греков скоро сдѣлалось достоинством общимъ. Каждый могъ у нихъ быть и жрецомъ, и воиномъ, и земледѣльцомъ: самыя полныя гражданскія права условливались однимъ званіемъ—афинянинъ, спартаецъ, грекъ. Вотъ почему принципы греческой цивилизаціи перодили результаты не только блестящія, но и подлежащія вѣчному развитію во всемъ родѣ человѣческомъ: принципъ греческой цивилизаціи—это несокрушимый принципъ гражданской челоуѣческой свободы, съ которою ни смерть, ни застой не могутъ быть совмѣстны. Возвращаясь къ нашей повѣ.

Древне-индійскій поэтъ, въ духѣ вѣрованій своего вѣка изображаетъ Раму не простымъ челоуѣкомъ, но божествомъ, низшедшимъ свыше, для того чтобы доставить торжество любимому своему племени, или вѣрибе, чтобы доставить торжество надъ врагами закона и правды такимъ же богамъ, но только живущимъ подъ превосходящими условіями смертнаго быта на землѣ въ челоуѣческомъ образѣ. Для нихъ самъ Вишну добровольно принимаетъ образъ челоуѣка.

Вишну, въ образѣ Рамы, подчиняясь условіямъ челоуѣческаго быта, слагаетъ съ себя физическое всемогущество: онъ всемогущъ и непреклоненъ въ правдѣ своей воли и своихъ побужденій и, представляя въ своемъ лицѣ образецъ въ высшей степени нравственнаго челоуѣка, пробуждаетъ такимъ образомъ и утверждаетъ въ людяхъ, слабѣйшихъ братьяхъ своихъ, божественное начало, помрачающееся отъ соприкосновенія съ земнымъ бытомъ. Религія завоевала аріямъ полуостровъ, и потому, вѣсь этого завоеванія, естественно, носить характеръ въ высшей степени религіозный. Царь окруженъ брахманами: они ему служатъ, но въ тоже время онъ исполняетъ волю свою и дѣйствуетъ не иначе, какъ съ ихъ одобренія. Въ идеализированномъ представленіи брахманиста—поэта, эта гармонія двухъ началъ религіознаго и политическаго, дѣйствительно ведетъ къ общему благоденствію.

Не только государственныи бытъ, но и семейный, и общест-

войны; и нравы и обычки эпохи (свадьба, похороны, бычачій на царствѣ и т. п.), и даже различныя философскія воззрѣнія на жизнь и на природу, все это выступает рельефно и краснорѣчиво говоритъ за себя въ поэмѣ нашей. Понѣкоторымъ указаніямъ, можно думать, что и туземцы полуострова имѣли свою цивилизацію до прихода сюда арійцевъ, но что она къ этой эпохѣ переродилась и дошла до окончательнаго искаженія. Наводить на эту мысль описаніе дворца Равана, въ которомъ изображаются предметы изысканной утонченной роскоши, не имѣющей ничего общаго съ простымъ великолѣпіемъ дворцовъ арійскихъ царей, — роскоши, которая даже заставляетъ предполагать бывшую отдаленную торговлю этихъ племенъ, — и еще то, что вообще въ древне-индійскомъ эпосѣ ракшасы представляются волшебниками, могущими по волѣ принимать всякій образъ и т. п.: олень прельстившій Ситу, ничто иное какъ вѣрный рабъ Равана, обрѣкшій себя на явную смерть въ угожденіе своему господину. Впрочемъ, нельзя не обратить вниманія на различіе между оружіемъ, употреблявшимся въ ту эпоху арійцами и туземцами Индіи: первые сражались мечами, стрѣлами, копьями, вторые — только палицами и каменьями.

Съ временнымъ бытомъ чловѣка тѣсно соединенъ въ поэмѣ нашей и бытъ его вѣковой, бытъ нравственный, ибо съ неподражаемою художественною истинною представлены въ ней всѣ отношенія, въ какія только можетъ быть поставленъ, всѣ чувства, какія только можетъ перечувствовать отецъ, братъ, жена, сынъ, другъ, воѣ удары, какіе только можетъ судьба нанести слабому чловѣку и все могущество души, какое только онъ способенъ ей противопоставить. Ни въ одной литературѣ не встрѣчалъ я ничего трогательнѣе прощанія матери съ Рамой, дружбы Ганумана, вождя обезьянъ, сподвижника Рамы, рѣшающагося на подвигъ пробраться тайно во дворецъ Равана, чтобы принести Рамѣ вѣсть о его женѣ, кончины отца Рамы, тоскащаго о своемъ сынѣ, и утѣшеній, приносимыхъ ему убитою горемъ его женою, матерью Рамы. Отъ первой страницы до послѣдней все въ этой поэмѣ исполнено живѣйшаго паэоса. Герои ея непримѣтно дѣлаются существами самыми близкими къ сердцу читателя, испытывающаго то радостныя, то грустныя чувства, во никогда не отвращаемаго описываемыми событіями;

неожиданность же событий, следующих одно за другим, вытекающих одно изъ другого, постоянно возвышая интересъ рассказа, съ какимъ-то невыразимымъ обаяніемъ переносятъ его отъ одного высокаго эстетическаго ощущенія къ другому, которое какъ будто еще возвышеннѣе и еще отраднѣе. Духъ его неоднократно омрачается скорбью, но никогда не испытаетъ онъ въ этой поэмі желчнаго чувства, ибо зло изображается въ ней также безотносительно и безпристрастно, какъ и добро; при подобномъ же безусловно объективномъ представленіи того и другаго, всегда себя чувствуешь выше, какъ бы ни торжествовало зло, какъ бы ни одолевало оно, повидимому, праведника. Только въ Гомерѣ и въ индійской поэзіи объективное творчество представляется совершенно чуждымъ всякой ненависти къ противной сторонѣ, ибо поэтъ, въ томъ и другомъ эпосѣ ненавидитъ зло, а не людей. Это и дало возможность индійскому поэту находить нравственные характеры и между ракшасами и представлять ихъ типически, каковъ напримѣръ Вибишана, братъ Равана, точно также какъ и греческому поэту изобразить напримѣръ между троянами высокій характеръ Гектора; въ самомъ даже Раванѣ поэтъ не унижилъ человѣческой природы и указываетъ на причины, ее искажившія. Совсѣмъ не то мы видимъ во всѣхъ другихъ эпическихъ народныхъ пѣсняхъ.

Одно, что, на первый взглядъ, поражаетъ въ этомъ произведеніи, какъ въ истинно-художественномъ, это то, что Рама, столь энергически заботившійся о своей женѣ, когда былъ съ ней въ разлукѣ, представляется какъ будто не вполне къ ней справедливымъ, освободивъ ее, и что поэтъ допустилъ для ея оправданія внимательство высшихъ силъ. Но Рама, будучи идеаломъ праведника, въ тоже время и сынъ человѣка. Кто знаетъ хорошо человѣческую природу, тотъ пойметъ, что чувства къ похищенной, естественно не могли умереть въ Рамѣ, покуда живъ былъ похититель. Рама не могъ измѣнить чувству своей любви, покуда существовалъ оскорбившій и оскорблявшій это его чувство: оно непременно должно было жить въ Рамѣ вмѣстѣ съ жизнью оскорбителя. Когда же похититель, разбившій святой сосудъ семейнаго счастья Рамы, пересталъ наконецъ существовать, естественно было, кажется, Рамѣ, какъ человѣку, не думать болѣе объ обломкахъ, неприкосновенныхъ уже оскор-

бленимъ. Но есть еще другая причина, кромѣ психологической, которая гораздо болѣе оправдываетъ въ этомъ отношеніи Рама. Онъ былъ всегда безусловнымъ исполнителемъ закона; брахманскій же законъ не допускалъ союза съ женою, которая принадлежала уже другому. Рама, такимъ образомъ, и съ этой стороны, не перестаетъ быть живымъ идеаломъ, изображаемымъ въ лицѣ его. Испытаніе же черезъ огонь, недавно еще имѣвшее силу даже въ Европѣ у племенъ германскихъ (Божій судъ), примѣненное въ нашей поэмѣ къ Ситѣ, было, безъ сомнѣнія, основано на историческомъ преданіи. Историческій, довольно прозрачный, смыслъ этого брахманскаго сказанія тотъ, что Рама, освободивъ жену, соединился съ нею все-таки, какъ выполнивъ предварительно форму, требовавшуюся брахманскимъ закономъ, и что до исполненія этой формы, какъ ни дорога ему была жена, все-таки онъ не позволилъ себѣ дѣлать соблазна нарушеніемъ закона и оставался съ ней въ разлукѣ, пока религиозный законъ не оправдалъ ее.

Въ слѣдующей моей лекціи я перейду къ источникамъ санскритскаго эпоса вообще и постараюсь представить характеристику санскритскаго эпоса другой эпохи.

К. КОССОВИЧЪ.

ПАРАЛЛЕЛИ.

(ЗАМѢТКИ РУССКАГО ПАХАРЯ ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ).

I.

Вступленіе.—Дороги.—Черты изъ быта нѣмцевъ и другихъ народностей западной Европы.

Я былъ очень доволенъ своимъ трехъ-мѣсячнымъ пребываніемъ за границей, и, возвратившись, не могъ отъ избытка сердца, не высказывать моимъ знакомымъ того удовольствія, которое мнѣ доставило путешествіе по западу Европы.

— Но что же вы тамъ видали? обыкновенно спрашивали меня. Были вы въ Вѣнѣ, въ Дрезденѣ, въ Парижѣ, Женевѣ?....—Былъ.—Что же Вѣна—лучше нашей Москвы или Петербурга? А Парижъ?—правда ли, что этотъ городъ можетъ назваться всемірною столицею? Были вы тамъ въ елисейскихъ поляхъ? въ булонскомъ лѣсу? въ баль-мабиль? въ Тюльери? въ Версали? Ну, а Дрезденъ,—что замѣчательнаго въ немъ? каковъ королевскій дворецъ? были вы въ тамошней галлерей,—видели знаменитую мадону? А Женева — красивый городъ? Вѣроятно тамъ часы ни почемъ, и конечно вы купили себѣ что нибудь особенное?

Вотъ какими и подобными имъ вопросами обыкновенно встрѣчаютъ у насъ возвратившагося изъ-за границы. Встрѣтили ими, какъ я выше сказалъ, и меня, и я — что могъ—отвѣчалъ на нихъ. Но отвѣты мои, какъ я замѣчалъ, не удовлетворяли пытливости не издавшихъ запада Европы, и многіе изъ нихъ снова обращались ко мнѣ съ вопросами: что же особеннаго вы видали тамъ?....

На это что однимъ я давалъ отрицательные вопросы, напримѣръ: я не

видѣла на западѣ Европы того титаническаго кнута, котораго бытъюшка животныкъ, раздающаго трудъ человека; дружнаго: я не встрѣчалъ тамъ такого множества собакъ, какъ у насъ; третьяго: я всюду находилъ во селамъ и городамъ чистую воду, крѣпички, черничныя крѣпки и т. п. . . . И видѣлъ я, какъ у некоторыхъ, по вслѣдствіи моихъ ответовъ, хотѣлось сорваться съ языка: они видѣли прехотныхъ козляковъ, но не замѣтили слоняръ. Можетъ быть, они и правы; но я скажу: если мы хотимъ вполне ознакомиться съ цивилизованнымъ Западомъ—не должны вышукать изъ вида ни одной черты изъ его быта. Ботаникъ, желая изучить флору извѣстной мѣстности, собираетъ въ свой гербарій и лишай, и мхи, и подобныя имъ то-слэднія зрѣнья царства растительнаго.

И я не чуждъ желанія насладиться изящнымъ или вышукимъ; и я, называя за откровенность, чуть не плакалъ отъ восторга, глядя на Рафаэлей, Ванъ-Дейковъ, Рубенсовъ, Караважо;—и я чувствовалъ не выраженное удовольствіе отъ концертовъ и оперъ; но опять скажу: чистенькіе, пречныя, погруженныя въ заботы садовъ деревенскіе дѣвочки, съ нѣжъ облагороженными, неопытными назначеніе и назначеніе челоука, обитателями, мнѣ рѣзче бросились въ глаза, чѣмъ дивныя проспекты Парика, Тампери, Версаль и подобныя имъ великолѣпныя жилища сильныхъ міра сего. Нѣтъ, я мало сказалъ: дворцы вообще навѣвали на меня какую-то болезненную грусть; отъ нутренности по Версалью я чуть не отказался: тамъ погребены италіанцы, и послѣдній король,— чтобы скрыть свое мотовство отъ современниковъ, и еще болѣе отъ всуможнаго суда потомства,—снесъ въ свѣтъ постройку этого города-дворца. Напрасно французы доказывали мнѣ, что это дивное созданіе можетъ служить символомъ могущества, славы и богатства націй.— Нѣтъ, думалъ я себя: съ условіемъ вышукать вознѣжъ дриотіанства, съ развѣнчѣннѣмъ нѣматіи челоука-человѣка и индивидуальнаго я, на это дѣло несмотрѣть ничѣ.

Конецъ моему предисловію, за котораго, можетъ быть, безъ смѣны и жарда, я передамъ читателю, что особенно занимало меня на западѣ Европы и сѣть ли это чтѣ и въ какомъ видѣ у насъ на святой Русь.— Начну съ дорогъ.

Въ три мѣсяца моего путешествія я не могъ быть во'вокъ за-моружалъ Германію, Францію, Швейцарію и Болгвію; но гдѣ были, все-гда видѣлъ,—что не только города соединены шоссе, но и села и деревни,—коротко: мнѣ не привелось видѣть ни одной обшуканной дороги. (Видно, что этого я не могу сказать о Франціи). Даже и нѣмалкія повѣстѣя частныхъ владѣльцевъ, дѣчи, заводы, фабрики и ремесленныя мѣстности вышуканнѣя тропинки соединены съ главными дорож-

ни шоссе. Да и что это за шоссе? Гладкое, ровное—как полотно. И замечательно: по выдвинутому, эти дороги даже не считаются, не крайняя мера—вы не видите на них огромнейших закатъ изъ шоссе на огромнаго шоссе; что легко объясняется тѣмъ, что тамъ магистраль выбоинка не медленно засыпается. Действительно, только подобно искусственной бдительности за дорогами онъ и могутъ держаться въ неупорядоченной исправности. Немного бросается въ глаза другая особенность этихъ дорогъ: онъ сравнительно съ нашими очень узки, — многія съ небольшимъ двѣ сажени. Такое узкое полотно естественно меньше стоитъ и дешевле можно держать въ исправности, чѣмъ широкое. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ: по подобнымъ дорогамъ вѣда естественно будетъ приближаться болѣе къ прямолинейному направлению, что очень много способствуетъ къ сокращенію пути и чистоты дороги. Кроме этого узкому полотну легче дать выгнутое положеніе—чѣмъ широкому; перваго рода дороги естественно меньше будутъ страдать отъ разрыва дождями и меньше будутъ держаться на нихъ грязь, которая такъ много содѣйствуетъ къ образованию выбоинъ, чѣмъ дороги втораго рода. По моему мнѣнію и мы не должны мнить нашихъ дорогъ нашими широкими шоссе, нашими широкимъ Русью. При дальности нашихъ разстояній намъ трудно дѣлать широкія дороги и трудно ремонтировать ихъ; для насъ достаточно если на этихъ дорогахъ можно будетъ разъѣзжаться. Многіе изъ нашихъ русскихъ путешественниковъ узкость заграничныхъ дорогъ относятъ къ недостатку земли. Мнѣніе ошибочное. На западѣ Европы общія польза выше всего; и не только частныя интересы не вступаютъ съ ней въ борьбу, но добровольно уступаютъ ей въ ея законныхъ требованіяхъ, безъ сомнѣнія въ добротѣ того убѣжденія, что частныя интересы тѣсно связаны съ общественнымъ благомъ, и безъ него онъ не можетъ существовать. У насъ какъ извѣстно, придерживаются противнаго; и вотъ гдѣ одна изъ причинъ слабаго развитія нашей общественной жизни во всякъ ея исходахъ.

Кромѣ того, что за-границей дороги безупорядочно гладки, ровны, онъ почти повсемѣстно обсажены деревьями и преимущественно фруктовыми: яблонями, грушами, черешнями, вишнями и т. п. Эта обсадка деревьями дорогъ введена всякому владѣльцу земли, граничащей съ дорогою—въ непремѣнный долгъ и ни одѣтъ изъ нихъ не тяготеется такъ повинностию. Дороги, проходящія чрезъ городскія земли, обсаживаются на счетъ города, и здѣсь всякое дерево имѣетъ чуждую, потому что городъ возъ эти деревья отдаетъ въ арендное содержаніе. Мы приводимъ это къ то время, когда деревья были обременены сочными плодами,—и я не могъ не владѣть какимъ-образомъ

зомъ охраняются здѣсь плоды: Множество грушеъ и яблокъ валялось подъ деревьями, даже по самой дорогѣ; но чужая рука не касалась ихъ. И до того развито, въ-особенности у немца, уваженіе къ чуждой собственности, что идущій сморье повалившись подъ ноги яблоко броситъ подъ дерево, въ безопасное мѣсто, чѣмъ раздѣлитъ его ногою, или толкнетъ воза, на что онъ, по видимому имѣетъ полное право. На вопросъ мой: ну ждали этихъ деревьевъ никто не каргультъ, и ну ждали не frutto съ нихъ плодовъ продающіе? Намы обильно-венно посматривали на меня обиженымъ взоромъ, марили меня съ ногъ до головы, какъ будто желая узнать: откуда я—съ какими дѣлами повѣтилми о чуждой собственности, и въ-особенности о собственности общественной?

Глядя на все это, я невольно обращался мыслію къ любезному отечеству: такъ ли у насъ, думаю я, уважаютъ чуждая собственность? Далеко не такъ: насадите по русскимъ дорогамъ фруктовыхъ деревья, не только плоды порвутъ, но и сами деревья поломать или перубить. Многіе у насъ отказываются отъ заведенія садовъ именно потому; что нѣтъ возможности спасти ихъ отъ разлителюй. И скоро ли мы доживемъ до того счастливаго времени, когда у насъ подобно Западу, повсюду распространится неокрепное убяжденіе, что чуждая собственность есть неприкосновенная святыня! Только при этомъ убяжденіи могутъ созрѣть общественная и общественная жизнь, уничтожиться эгоистическое направленіе, увеличиться трудолюбіе. И не думайте, что грѣхъ не уваженія чуждой собственности есть плодъ недостатка всеобщаго просвѣщенія! О, повѣрьте, что повсюду въ урядѣ у насъ знаютъ даже крестьянскія дѣла. Такъ отъ чего же это неуваженіе? отъ грубости и отсутствія сердечныхъ убяжденій. И напрасно мы будемъ выискивать въ этой грубости массу нашего народа, или, иначе, будемъ видѣть эту грубость въ одномъ низшемъ классѣ; нѣтъ, корни этого зла—въ болѣе высшихъ слояхъ. Крестьянскій мальчикъ воруетъ съ чужаго дерева яблоко—потому что отецъ его крадетъ у барина хлѣбъ, или велитъ сыну ночью загнать лошадей на чужой сенокосъ. Отецъ крадетъ хлѣбъ у барина—потому что самъ баринъ или прямо не чистъ на руку, или отнимаетъ у крестьянъ рабочіе дни. Десятникъ наряжаетъ не въ урядъ подводу, потому что самъ сотскій или голова освобождаетъ отъ этой повинности своихъ куманьковъ и сватовъ; а сотскій или голова изымаетъ себя тѣмъ, что становые и окружные не только бездально-безпомощно пользуются не законными подводами, но еще и страшныя ваятия беруть. Становые же и окружные говорятъ: что вы напдаете на насъ,— посмотрите, что дѣлають совѣтники, и председатели управленіе.

Да что вы на шось! говорить вы слышали губернских городов, — знавалите-ли, что там, но выны деловое. Ту же дачнику-мы уви- деть и въ дружны классах нашего общества, — и не браните сол- дате если онъ выкопал въ выншем огороде киргерини картофеля или съянул курицу. . . . идите отъ своимъ укорамъ дальше, и там-то вы отиросте-леточникъ этой грязной жизни. Притварь паразито- лент! Да, да, мм. гг., мы, принадлежаще къ образованному слою, глядяще образумъ поддерживающе грубость нравовъ въ выншомъ классе нашего народа. Я могъ бы насчитать не одну сотню зем- левладельцевъ, которые ведутъ себя безузоризненно и такъ же до- рожаютъ доброту своимъ крестьянъ, — какъ своимъ собственнымъ — и у нихъ воръ среди крестьянъ — явление очень редкое. Темъ са- мымъ случается видать и въ административномъ кругу: частень пред- сѣдатель или управляющій кадетовъ, — и чиновники у нихъ люди бо- лее или менее добросовестные.

Продолжая мои замечаня о дорогахъ, скажу еще, что я нискогда за- границей не видѣлъ бревенчатыхъ или каменныхъ гатей; заврогивъ, всюду встречалъ каменные мосты и мостки, даже на такыхъ про- точихахъ и ручейкахъ, на которыхъ у насъ не сомнѣн бы нужнымъ положить и двухъ-трехъ бревенъ. И думалъ я: если мы, (какъ некоторые говорятъ), такъ бданы камнемъ, и вообще далагани, что не можемъ вслѣду равостае гладкихъ шоссе; то по-крайней-мѣра следовало бы намъ шаршать у иностранцевъ ихъ хорошавы хорош ручьи и прогоннаа где мы топимъ выншихъ лошадей, ломаемъ вын- паша; сданыи не несколько часовъ въ грязь, и проч. и проч. И здесь, право, намъ малымъ отговориваться не иманисомъ средотивъ; сбросъ насъ состоите въ томъ, чтобы въ это дело не выншались стрелкованные комитеты, исправники и окружные; отдайте подоб- нымъ постройкамъ на волю выншихъ мужиковъ, какъ это дается за- границей; — и дело сдывается; козырьте, они найдутъ и материалъ и архитекторствъ. Въ противномъ случаѣ мосты для нихъ будутъ слишкомъ танчаны. Мы; привелее разъ ссочитатъ въ Бессарабию — во что одному выншкому обществу обочелся конь (плотосный ма- газинтъ въ которомъ хранится кукуруза), — и я нашолъ, что цѣн- ность его равнялась 1,500 руб. серебр., между-тамъ какъ если бы стрелке его само общество, то едва ли бы онъ стоилъ 100 руб. Бывшыя мужики доказывали, что они озумываютъ одалатъ конь, что выншь-шодрядчикъ или же руками будетъ дѣлать его; но алаотъ и слушатъ этого-же хотыа. Трудъ свой проотьянине почти ни во что не оставитъ; онъ боится небера денегъ и наряда. Да если бы не первый разъ для него и обременительно было, надобно же когда

нибудь сводить его въ действительную жизнь, которая есть не что иное, как трудъ во всѣхъ его благородныхъ видахъ. И почему въ Германіи и во многихъ другихъ государствахъ западной Европы—устройство дорогъ лежитъ на сельскихъ обществахъ, и тамъ возведено—чтобы отъ деревни до деревни непрерывно было устройство шоссе, со всеми нужными мостами. И почему бы сельскими обществами или какими нибудь компаниями; устройствомъ шоссе, не предоставить повсядневный сборъ съ проходящихъ и эдуцихъ. Ведь въ некоторыхъ городахъ на Западъ берутъ же въпрозздъ и проходятъ по мостамъ?

Въ разговоръ нашего: сообщая отроменія къ желѣзнымъ дорогамъ, мы не должны упустить изъ виду и шоссе. Железные дороги величайшее благодеяніе для нашего отечества. Но они безъ побочныхъ шоссе плодотворно отразятся только на столицахъ, на некоторыхъ и притомъ очень немногихъ городахъ средней Россіи и на городахъ портовыхъ. Это замечаютъ и на западъ Европы: главные пункты, которые связываются желѣзными дорогами, выиграли: въ этихъ пунктахъ, въ десять лѣтъ, города выросли (мно даже сказывали, что выросли по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{3}$ и даже на $\frac{1}{2}$); торговля сдѣлалась шире, возникли заводы и фабрики; но города, не имевшіе прежде большого значенія въ промышленномъ отношеніи, отаки нутать, и торговля ихъ—упадати. Что же касается до сель и деревень, чрезъ которые вранная желѣзные дороги, — то они остались почти тѣмиже, чѣмъ были и прежде; даже рынокъ произведеній этихъ сель чрезъ желѣзные дороги почти ничуть не расширился. И это помнати: тамъ земли раздроблены, почти нати танихъ земледѣльцевъ, которые нимаю бы для продажи 500 штукъ скота или 1000 четвертей хлеба; тамъ съ и все производить въ малыхъ размерахъ, и оти малозрныя партіи всегда имнютъ сбытъ въ городахъ, которыхъ тамъ нанимнота. Я полагаю, чтобы желѣзные дороги: во все не перевозили: сельскихъ произведеній; мне приводилось видѣть нилыо десятка двудвѣэтажныхъ вагоновъ, нагруженныхъ виномъ; видѣть вагоны съ лукою, рогатыми скотомъ; лѣсомъ; но большую часть все вродеть изъ многоамесельныхъ имнотъ. напр: мари, въ Австріи мотъ Венгріи, Дунайскихъ княжествъ и т. п.

Впрочемъ я не буду слишкомъ много распространяться о движеніи сельскихъ произведеній по западно-европейскимъ дорогамъ: всего этого, конечно, я не могу съ должною подробностію изложить, но еще разъ повторю, что мелкопоместные земледѣльцы и небогатые: послѣдние очень рѣдко отвозятъ свои произведенія на станціи желѣзныхъ дорогъ, а если и отвозятъ, то отвозятъ только ближайшіе къ

этих станциях. Тамъ, какъ извѣстно, главную вырубку желѣзныхъ дорогъ нѣмцы съ пассажиромъ.

Если такъ дѣлается на западѣ Европы, гдѣ сельскія производенія гораздо дешевле—чѣмъ у насъ; то какъ дешево сулятъ намъ наши желѣзные дороги, если не прикинетъ къ нимъ густой сети шоссе-ныхъ или желѣзныхъ дорогъ. На югѣ Россіи за перевозъ четверти пшеницы на каждыя 100 верстъ платятъ одна рубль, а иногда и полтора рубль и притомъ на волахъ, которые большую часть питаются подножнымъ кормомъ. Считите же во что обойдется четверть хлѣба, если ее придется провезти 100 верстъ по обыкновенной дорогѣ, на нашихъ дурныхъ телегахъ и лошадакъ, и 200 или 300 по желѣзной? Если ли пользу этого блестящая перспектива нашихъ дорогъ несколько не 잊емъ, и не перестанетъ нашимъ земледѣльцамъ сулить золотыя горы. Да, однимъ мы можемъ поддержать наши желѣзные дороги,—это устройствомъ побочныхъ шоссе-ныхъ дорогъ, а съ ними тѣхъ превосходныхъ фуръ и лошадей, которые вы видите на западѣ Европы. Наша крестьянская лошадака, по нашей ухабистой или грязной дорогѣ, везетъ только двѣнадцать пудъ да целовникомъ и двадцать пять за-границей,—но превосходнымъ мостовымъ на шару накладываемъ 200 и даже 300 пудъ.

Такъ какъ мы не можемъ и думать, чтобы у насъ къ времени окончанія предположенныхъ желѣзныхъ дорогъ возникла густая сеть шоссе; то по крайней мѣрѣ на первый разъ надобно устроить въ известномъ разстояніи отъ станцій желѣзныхъ дорогъ центральные рынки, которые со станціями должны быть соединены шоссе. Кто возмется за все это? Здѣсь нужно вызвать новые капиталы и создать новые общества собственно торговли сельскими производеніями,—какъ вспомогательныя общества желѣзныхъ дорогъ. Только при взаимномъ содѣйствіи двухъ дорогъ этихъ обществъ, при ихъ тѣхъ оказаніи, круговой поруки, благотворное вліяніе желѣзныхъ дорогъ явится во всемъ своемъ плодотворномъ свѣтѣ, который будетъ отражаться даже въ дымной лачугѣ селянина, что наши великія предпріятія главнымъ образомъ и должны имѣть въ виду.

Но и за то, что предположено сдѣлать для улучшенія нашихъ путей сообщенія,—я разумно желѣзные дороги,—величайшее благодареніе моему. Эти дороги составятъ блестящую эпоху для Россіи, и угадайте въ какомъ отношеніи?—въ нравственномъ. Это замѣчаютъ даже на западѣ Европы, гдѣ жизнь народная давно уже бѣтается сильными ключемъ; гдѣ уже привыкли къ высшимъ потребностямъ жизни; гдѣ духовная сторона развернулась до самостоятельности; но

у насъ вліяніе желѣзныхъ дорогъ на нравственную сферу будетъ и должно быть еще ощутительнѣе, еще могущественнѣе.

Патріархъ ученаго міра Гумбольдтъ въ одномъ мѣствѣ сказалъ, что воздухъ, составляя необходимый элементъ для жизни физической, есть вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый элементъ и для жизни духовной, для нравственнаго совершенствованія чловѣка, потому что при немъ только возможенъ даръ слова, или яснѣе—мѣна понятій между разумными существами,—мѣна, которою главнымъ образомъ обуславливается духовное совершенствованіе чловѣчества. Впрочемъ и безъ авторита этого знаменитаго ученаго мы все знаемъ, что даръ слова есть драгоценный даръ неба; даже, сколько мнѣ помнится, философы древняго міра учили, что если животныя неспособны къ усовершенствованію своей духовной стороны, то это потому, что они не могутъ словомъ передавать своихъ понятій другъ другу.

Но для той лабораторіи духовной, гдѣ составляются понятія, и для дара слова, передающаго эти понятія,—необходимо еще другіе проводники,—это все внѣшнія чувства; чѣмъ эти проводники очищеннѣе, благороднѣе, изящнѣе, и, такъ сказать, шире; тѣмъ больше предметовъ входятъ въ тайникъ души, тѣмъ болѣе составляется понятій, тѣмъ обильнѣе становится слово чловѣка, и тѣмъ шире дѣлается кругъ обобщенія и мѣны этихъ понятій.

Я опять сошлюсь на авторитетъ Гумбольдта. Въ своемъ Космосѣ онъ говоритъ: «нѣтъ сомнѣнія, что сближеніе съ моремъ имѣло сильное вліяніе на развитіе духа и характера многихъ народныхъ племенъ, на размноженіе тѣхъ изъ нихъ, которыя должны въкогда связать весь родъ чловѣческой въ одно цѣлое, на возможность достигнуть познанія настоящей фигуры земнаго пространства, наконецъ на усовершенствованіе астрономіи и всехъ математическихъ и физическихъ наукъ; что это вліяніе впоследствии сдѣлалось общимъ и распространилось на народы, живущіе вдали отъ моря, внутри материковъ.» Знаменитый ученый думаетъ, что чловѣкъ сдѣлался духовно-свободнѣе, даже съ того одного времени, когда Колумбъ снялъ оковы съ океана.

Если такое вліяніе на развитіе чловѣческаго духа имѣло море, и притомъ море далеко не покоренное чловѣкомъ; то, безъ сомнѣнія, быстрое путешествіе чловѣка при помощи пара по морямъ, рѣкамъ и материкамъ, еще могущественнѣе отразилось въ духовной сферѣ цивилизованнаго чловѣчества. Но чего можно ожидать отъ тѣхъ счастливыхъ временъ, когда земной шаръ, во всехъ направленіяхъ, прорѣжется царовыми путями и телеграфами! Какая будетъ мѣна понятій, какими исполнитскими шагами чловѣчество пойдетъ къ сво-

ему тройственному совершенству! Пусть всякій вообразить себя, что онъ съ быстротою 40 или 60 верстъ въ часъ переносится съ одного мѣста на другое, что онъ въ самое короткое время обзрываетъ обитаемую имъ подсолнечную во всякъ широтахъ, что при этомъ онъ даетъ пищу своимъ чувствамъ: неправда ли — какъ бы вдругъ, даже безъ соотношенія съ подобными себѣ людьми, его умственный горизонтъ расширился, какимъ могучимъ ливнемъ свѣтъ и теплота полились бы въ его душу! Такъ, мнѣ кажется, съ покореніемъ паровъ, человекъ сталъ выше цѣлой головой: его высшія чувства сдѣлались могущественнѣе и воспримчивѣе, а духъ неудержимъ къ своему совершенствованію. Многіе сътуютъ, что нашъ вѣкъ предался матеріализму, а духовная сторона забыта: повремените, не браните человечество, оно теперь куетъ цѣпи на матерію, наложитъ ихъ на нее, и тогда явится полнымъ владыкою вселенной съ божественнымъ сіяніемъ на чель.

Вотъ съ какой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на предположенныя и предполагаемыя у насъ желѣзныя дороги, — мы, еще такъ мало приготовившіе матеріала для работы ихъ. Можетъ быть, противники желѣзныхъ дорогъ, которые постарались близорукость свою заклеить на печатныхъ станкахъ — отчасти и правы, дѣлая вопросы: что мы будемъ возить по нашимъ дорогамъ? будутъ ли онъ давать намъ приличные проценты? Но они забыли нравственную сторону Россіи. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ, чтобы поднять духъ народа, развить въ немъ потребности высшей жизни, сдѣлать просторнѣе горизонтъ для его воззрѣній, — матеріальныя выгоды до времени должны молчать.

Можетъ быть, въ некоторымъ изъ читателей покажется страннымъ мой взглядъ на желѣзныя дороги, и они невольно сдѣлаютъ вопросъ: действительно ли эти пути благотворно отразятся на нашемъ народѣ.

Въ такомъ случаѣ я попрошу ихъ посмотреть на дѣло болѣе практическими глазами. Скажите: отчего нашъ русскій народъ бѣдно живетъ, т. е., почему онъ довольствуется дымной избенкой, постылыми щами, кускомъ чернаго хлѣба, сврымъ зипуномъ и даже не старается зашить лишнюю конейку? Не ищите причины ни въ бѣдности нашей природы, ни въ скудости средствъ для жизни. Сколько я могъ всмотрѣться въ бытъ поселянъ западной Европы, — они, (т. е. эти поселяне), поставлены, если не въ менѣе, то и не въ болѣе выгодномъ положеніи къ удобствамъ жизни. Но все-таки тамъ высшій классъ, масса народа живетъ въ большомъ довольствѣ, живетъ чище и пріятнѣе. А почему? потому что больше трудится, а

больше трудится потому, что возбуждены потребности лучшей жизни, возбуждено желаніе наслаждаться жизнью.

Но что можетъ возбудить эти потребности, а за ними трудъ, а за трудомъ и желаніе окружить себя большими удобствами жизни? Примѣръ и примѣръ. Китай замкнулъ себя въ стѣнахъ, и оттого сдѣлался притчею во языцѣхъ за свою неподвижность. Народы, жившіе на островахъ и полуостровахъ, развивались и достигали цвѣтущаго состоянія скорѣе, чѣмъ народы континентальныя, — именно потому, что болѣе другихъ видѣли и слышали.

Сколько вы найдете во глубинѣ Россіи крестьянъ, которые имѣютъ очень туго набитыя деньгами мошны, — и между тѣмъ они живутъ вмѣстѣ съ свиньями и телятами, — и почему? потому, что не видѣли, какъ живутъ другіе, подобные имъ поселяне.

Я увѣренъ, что если не все наши простолюдины, то большая часть изъ нихъ думаетъ, что подобная имъ братія вездѣ живетъ также, какъ и они; иные едва ли ввѣрятъ, что возможно жить не въ курной избѣ, и можно насытиться не чернымъ хлѣбомъ. Признаюсь, я самъ недумалъ встрѣтить западно-европейское народонаселеніе въ такихъ привлекательныхъ краскахъ, въ какихъ я его увидѣлъ. А когда мнѣ приводилось спрашивать возвратившихся изъ-за границы: какъ тамъ живутъ подобные нашимъ поселянамъ, т. е., простые мужики; то получалъ обыкновенно такой отвѣтъ: также, какъ у насъ. Э, нѣтъ, далеко не такъ...

Великая милость нашего добраго Царя, что онъ дозволялъ намъ посѣщать западную Европу; но если не хлынетъ туда масса русскаго народа, — большой пользы для Россіи еще не будетъ, потому что теперь болѣею частью вдутъ любители и любительницы изящнаго, но не существеннаго. И вотъ почему невольцо рождается желаніе — чтобы наши сельскія общества поскорѣ воспользовались милостію Царя, — послали бы отъ себя за-границу, пожалуй, въ одну Германію, по дюжинѣ расторопныхъ, смышленныхъ парней, въ сопровожденіи какогонибудь тоже простаго вѣмца.

Тамъ бы они увидѣли, какъ подобные имъ поселяне, сидя на маленькихъ клочкахъ самой дурной земли, умѣютъ извлечь изъ этой земли пользу, и эту пользу приложить къ удобствамъ жизни. Они увидѣли бы, что и дома у тамошнихъ поселянъ строятся иначе, и крыши не тѣ, и печи нынѣ, и со скотомъ не такъ обходятся, иначе варятъ, иначе пекутъ, иначе проводятъ свободное отъ трудовъ время и проч. и проч. А между тѣмъ, вѣрно, многіе изъ нихъ перестали бы роптать, что ихъ обдѣляли землей, что имъ негдѣ вѣсти ско-

*

та, что земля у нихъ дадашая, а небо скупое на дожди и т. п. Въ нашемъ народѣ въ высшей степени развито недовольство. Спросите любого русскаго купца, ворочающаго милліонами: какъ ваши дѣла? Да что, батюшка, не совсѣмъ хороши; нынѣ года стали плохіе; и годъ отъ году хуже. Спросите поселянъ, которые владѣютъ по пятнадцати, двадцати десятинамъ чернозема, толщиною въ аршинъ: что братцы, хорошо вамъ здѣсь живется? какаѣ у васъ земли?—Да земля-то бы еще ничего, да годы стали какіе-то плохіе; вотъ ужъ лѣтъ десятокъ не было урожая.

Не гнѣвите Бога, русскіе люди! посмотрѣли бы вы, жалующіеся на плохіе годы, какъ въ саксонской Швейцаріи и другихъ подобныхъ краяхъ поселяне носятъ въ корзинкахъ землю на высокіе каменные утесы и создаютъ тамъ почву;—а между тѣмъ на ихъ лицахъ написано довольство, и звонкая пѣсня поселянокъ, несущихъ на головахъ землю, раздастся въ скалахъ, какъ трель беззаботнаго соловья. Посмотрѣли бы вы, какъ малыя дѣти бѣгаютъ по большимъ дорогамъ и собираютъ, чуть не въ драку, пометъ скота; посмотрѣли бы вы, какъ они разносятъ лейками вонючую жижу подъ огородный овощъ; испытали бы вы то удушающее зловоніе, которое обдаетъ бельгіяца или нѣмца, везущаго на поле жидкость изъ отхожихъ мѣстъ!—Тутъ бы вы почесали затылокъ и поучились трудолюбію....

Вообще недовольство, по моему мнѣнію, — смертный грѣхъ; оно не возбуждаетъ человека къ дѣятельности, напротивъ парализуетъ его силы, убиваетъ духъ. И не здѣсь ли беретъ начало всеобщее наше желаніе пить горькую чашу и искать усладу въ грубѣйшихъ удовольствіяхъ?—отчасти и здѣсь. Эту черту въ нашемъ народѣ непременно надобно стереть. И вотъ почему, еще разъ повторю: посвященіе русскими мужичками западной Европы имѣло бы для нихъ самыя благодѣтельныя послѣдствія,—по крайней мѣрѣ благодѣтельныя тѣхъ, которыхъ мы ожидаемъ отъ теперешнихъ нашихъ посѣтителей Запада.

Послѣ дорогъ, по естественному порядку, мнѣ слѣдовало бы говорить о городахъ и селахъ, которыя связываются дорогами; но я прежде сдѣлаю нѣсколько замѣтокъ объ обитателяхъ селъ и городовъ запада Европы и начну мои замѣтки съ русской поговорки: «не говори мнѣ кто ты таковъ, а скажи только съ кѣмъ ты знаешься». Поговорка эта, конечно, сложилась не спроста, не безъ данныхъ, оправданныхъ опытомъ. Но нельзя ли и такъ сказать: не говори мнѣ кто онъ таковъ, а дай только взглянуть какъ онъ одѣтъ, гдѣ живетъ, что его окружаетъ?... Въ самомъ дѣлѣ, нужно ли дѣлать

распросы о мужичкѣ, у котораго голова всклокочена, въ бородѣ мякина, рубашка черна, какъ половая тряпка; на ногахъ навиты толстыя онучи, перекрещенныя веревками, идущими отъ лаптей; живеть онъ въ избенкѣ, которая съ однимъ, наполовину лубочнымъ окномъ, стоитъ на бокъ или вросла въ землю; соломенная крыша—мѣстами ободрана, а мѣстами всклокочена. — Нужно ли, еще повторю, дѣлать распросы о подобномъ домохозяинѣ, о развитости его духовной стороны и степени вышняго благосостоянія?—Конечно, не нужно.—Также точно—стоитъ ли забирать справки—если вы встрѣтите господина, положимъ, лѣтъ за пятьдесятъ, у котораго голова пригладена, волосъ къ волосу, просѣдь закрашена, пальцы унизаны перстнями; смотритъ онъ—сый въ отставку ротмистръ—съ высока презрительнаго величія?—Конечно, не нужно. — Не излишни ли также будутъ распросы о какомъ нибудь совѣтникѣ губернскаго правленія или предсѣдатель палаты,—если вы видите женъ ихъ разъезжающихъ въ шегольскихъ каретахъ, съ ливрейнымъ гайдукомъ; въ домъ у нихъ—штофъ и бархатъ; гардеробъ—все изъ столицы, отъ первыхъ модистокъ,—а между тѣмъ и онъ, и мужья ихъ, по видимому, осуждены жить однимъ казеннымъ жалованьемъ (котораго недостаетъ на чай и сахаръ), т. е. у нихъ нѣтъ ни капитала, ни недвижимой собственности. — О прекрасномъ полѣ, по легкости его духовной стороны, еще легче заключать по вышнимъ признакамъ: если вы видите даму, прибѣгающую къ помощи бѣлизъ и румянъ, носящую по три, по четыре браслета на каждой рукѣ, часто, безъ всякой уважительной причины, выставляющую то ту, то другую ножку;—заключайте прямо, что эта дама—пуста, легкомысленна, даже рѣшительно простовата и, въ добавокъ, пожалуй—одну и ту же рубашку носить по цѣлымъ недѣлямъ.

Дѣйствительно, наружный видъ, внѣшняя обстановка могутъ много сказать правды о развитости духовныхъ силъ человѣка или цѣлаго человѣческаго общества. Поэтому я съ полною увѣренностію полагаю, что достаточно взглянуть только на внѣшнюю сторону западно-европейскаго народонаселенія, чтобы сдѣлать безошибочное заключеніе, что тамошній людъ выше стоитъ насъ, русскихъ, по образованію, по практичности и положительности въ жизни. Вотъ, по моимъ наблюденіямъ, двѣ типическія черты въ обитателяхъ запада Европы: въ высшихъ слояхъ нѣтъ той роскоши и напыщенности какія мы видимъ у насъ; въ низшихъ слояхъ повсюду видно стремленіе окружить себя удобствами жизни, которыя являются, какъ слѣдствіе разумаго и усиленнаго труда, чѣмъ наше простолюдыне какъ не можетъ похвалиться.

Вся предметы роскоши, весь комфортъ жизни, съ языкомъ, мы, русскіе, заимствовали отъ французовъ, изъ Парижа — этой столицы модъ. И я думалъ, французы также легко смотрятъ на положительную сторону жизни, какъ мы; но замѣтилъ противное: французъ любить деньги не меньше жиды, и главная цѣль этой любви — обезпечить себя и свое семейство, которое, по той же положительности взгляда на жизнь, онъ старается не умножать. Я не говорю, чтобы французы не любили отлично-обмеблированныхъ салоновъ, щегольскихъ экшнажей и платья, но на все это они не ставятъ послѣдней копейки ребромъ. Что же касается до стола, то здѣсь совершенная умѣренность во всемъ — и въ пищѣ и въ питьѣ. Вообще французъ любитъ окружить себя изящнымъ, безъ большой, впрочемъ, траты денегъ на это изящное; но отнюдь не чудовищною роскошью, пестротой и массивностію, подавляющими взоръ. — Даже въ прекрасномъ полѣ тамъ не видно такой легкости во взглядѣ на жизнь, какъ у насъ. Есть французенки, которыя живутъ, какъ говорится, на распахку; но спросите: что у нихъ въ виду? составить капиталъ, обезпечить себя. Мнѣ сказывали нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, долгое время живущихъ въ Парижѣ, что насъ, русскіихъ, легко отличить отъ французовъ, даже въ самой столицѣ модъ и изысканнаго вкуса, — отличить по той роскоши и напыщенности, которыми мы себя стараемся окружить. Вообще русскіе за-границей считаются богачами, и многихъ изъ нихъ, за одно щедрое разбрасываніе русскаго золота, считаютъ графами и князьями, — между тѣмъ какъ многіе изъ этихъ богачей по уши завязли въ долгахъ. — Имъ, русскимъ, можно такъ жить; — иной разъ слышишь отъ француза или нѣмца: вѣдь на нихъ работаютъ крестьяне, которымъ они ничего не платятъ.

Я сказалъ, что даже въ Парижѣ не замѣтно большой роскоши на тамошнихъ гражданахъ; но въ Германіи еще менѣе гоняются за мыльными пузырями. Здѣсь положительность видна на каждомъ шагѣ. Нѣмецъ набить матерію, работаетъ для нея какъ волъ; но цѣль трудовъ: упрочить свое благосостояніе, обезпечить дѣтей, имѣть время и возможность удовлетворить высшимъ духовнымъ потребностямъ существа человѣческаго. И потому-то вы видите, что нѣмецъ все дѣлаетъ просто, удобно, опрятно; но безъ роскоши, безъ пустой напыщенности.

Хотите вы видѣть его въ церкви, — васъ поразитъ опрятность и чистота одежды; но отнюдь не кокетливая изысканность и еще менѣе — грязь, неопрятность, рабское настроеніе духа; нѣмецъ именно идетъ молиться и не любитъ, чтобы эту молитву чѣмъ нибудь нару-

шали. Сельскія церкви, особливо церкви лютеранъ, производили на меня самое отрадное впечатлѣніе; я убѣдился, что тамъ, вместо безсознательной, рабской набожности, господствуетъ глубокое благоговѣніе предъ святынею,—благоговѣніе сознательное, проникнутое не страхомъ, а теплою любовію.—То же я замѣчалъ и въ городскихъ церквахъ. Въ Дрезденѣ, напримѣръ, въ тамошнемъ соборѣ, который славится своими ораторіями, не только не позволено разговаривать, во время служенія, но даже оборачиваться назадъ. Очарованный дивною ораторіею, въ которой звуки различныхъ музыкальныхъ инструментовъ сливались съ прекрасными голосами человеческими, я невольно обратился назадъ, чтобы взглянуть на играющихъ и поющихъ,—но сейчасъ же увидѣлъ передъ собою швейцара, который въжливо указалъ мнѣ на алтарь. Этихъ швейцаровъ здѣсь не одинъ, и они постоянно предупреждаютъ всякое покушеніе къ разговору и занятію чужаго мѣста (здѣсь мужской полъ стоитъ по-одну сторону, а женскій по-другую). Заслуживаютъ ли пѣвцы похвалу за ихъ уваженіе къ общественному богослуженію,—разбирать не буду; но я все таки не похваляю того генералъ-губернатора, который обыкновенно во время литургіи наводилъ лорнетъ на хорошенькихъ, обратясь снисхожденіемъ къ иконамъ, составляющимъ предметъ особаго уваженія русскаго народа. Общество должна соединять общая святыня, которая должна стоять въ глазахъ его выше всего житейскаго; и тотъ глупъ, кто дерзновенною ногою хочетъ попать то, чѣмъ связывается общество, что дѣлаетъ это общество нравственнымъ, что имѣетъ возможность поставить членовъ этого общества лицомъ къ лицу съ своею совѣстію и съ божественнымъ закономъ. А потому я уважаю жида и магометанина за ихъ уваженіе къ народной святынѣ. Мнѣ много рассказывали о состояніи религіозности западной Европы и почти всегда съ невыгодной стороны; но теперь я убѣдился, что мы не только должны учиться у нашихъ соседей умвѣнно упрочивать свое вѣншее благосостояніе и развивать силы духа, но даже какъ чтить то, что выше человека и его житейскихъ расчетовъ. Многіе изъ нашихъ грамотныхъ людей, желая просвѣтиться лучами Запада, начинаютъ съ того, что принимаютъ читать всякій, направленный противъ религіи вздоръ, и, возвратившись въ Россію, съ неперевареннымъ хламомъ,—они считаютъ себя достигшими верховнаго помазанія. Эти люди замѣчаютъ только запрещенные плоды Запада, но не видятъ того древа жизни, которымъ поддерживается и вѣншее и вѣншее благосостояніе западной Европы. Я нашелъ, что тамъ, и особливо въ Германіи, самая глубокая религіозность, даже въ высшихъ слояхъ народа, которую

желательно было бы привить цѣликомъ къ русскому народу. И вотъ гдѣ грамотность должна быть первою пружиною.

Какъ имъ высоко стоитъ образованіе на западѣ Европы; сколько ни очищали тамошняго человечества отъ предрасудковъ; но борьба католицизма съ лютеранизмомъ продолжается; въ низшихъ классахъ эта борьба переходитъ во вражду, въ презрѣніе и нередко въ открытое оскверненіе того или другаго вѣроисповѣданія; но въ высшихъ слояхъ господствуетъ убѣжденіе, что лютеранизмъ выше католицизма, и католикъ всю вину складываетъ на свое духовенство, которое вообще очень предусмотрительно, и особливо крѣпко держитъ въ рукахъ своихъ воспитывающееся у нихъ молодое поколѣніе, внушая ему полное презрѣніе къ лютеранамъ. Нельзя не отдать чести католическому духовенству за его преданность своему долгу; но оно иногда дѣйствуетъ вопреки своимъ искреннимъ убѣжденіямъ. Мыъ сказывали, что не мало такихъ пасторовъ, которые на уможающіяся свѣти желѣзныхъ дорогъ, смотрятъ съ очень невыгодной точки зрѣнія, вѣроятно боясь, чтобы съ этими свѣтами не протерлись ихъ собственныя мрежи. Будто бы нѣкоторые изъ нихъ явно говорятъ простому народу, что локомотивъ движется не паромъ, а нечистой силой. Находятся между ними и такіе, которые съ укасомъ воображаютъ то счастливое время, когда земной шаръ, какъ обручами, окуется желѣзными рельсами;—тогда, по ихъ умозаключенію, человечество совершенно забудетъ Бога,—конечно, можетъ быть, и забудетъ, но только католическаго.

Лютеранина во всемъ видно, что онъ глубже понимаетъ свою религію, и нравственные убѣжденія его выше, чище, чѣмъ у католина. У перваго преобладаетъ духъ, у втораго—буква; этотъ любитъ церковныя процессіи; но тотъ для молитвы затворяется въ кѣлье; католикъ предается праздному созерцанію вѣншихъ знаковъ религіи; лютеранинъ большую часть времени проводитъ въ трудъ, зная, что всякій благородный трудъ есть служеніе семейству, обществу, а за ними и верховному существу, и что при физическомъ трудѣ также можно возвышаться мыслями горѣ. — Послѣ этого не мудро почитать, почему лютеранскія села благоустроеннѣе католическихъ; земли лучше обработаны, скотъ содержится сытнѣе и чище, дѣти въ самомъ молодомъ возрастѣ трудолюбивѣе и т. п. Вообще даже новичекъ путешественникъ легко отличить деревню католиковъ отъ деревни лютеранъ.

Но я немного удалился отъ предмета. Цѣль моя была сказать, что немцы и другіе народы западной Европы глубже и сознательнѣе почитаютъ свою религію, чѣмъ мы, русскіе.

Хотите шмцевъ видѣть въ театрѣ, или въ концертѣ, кафе-ресторанъ и т. п., и тамъ вы не можете не замѣтить проявленія положительности жизни. Въ театрѣ и концертѣ не только шмцы, но и шмки одѣваются очень просто; бѣлый жилотъ, бѣлыя перчатки, щегольской фракъ — рѣдкость большой руки: шелковыя платья на дамахъ тоже явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ; бриллиантовыхъ серегъ и брошекъ, золотыхъ массивныхъ булавокъ и браслетовъ, безъ которыхъ не могутъ жить даже наши совѣтницы губернскихъ правленій, по видимому, нѣтъ у шмокъ, по крайней мѣрѣ онѣ не показываютъ ихъ безъ особенной нужды. Шмецкія барышни не стыдятся вязать чулки даже въ театрѣ и концертѣ. Въ кафе-ресторанѣ шмецъ и шмка довольствуются чашкою кофе, порціею мороженого, — и своею національною стихіею — пивомъ, не выпуская притомъ изъ рукъ газетъ. Здѣсь вы ни видите не возліяній шампанскаго, ни требованій съдобныхъ рѣдкостей, за которыя платятся чудовищныя деньги. Шмецъ любитъ гулять преимущественно на чистомъ воздухѣ, виѣ города, въ саду, или въ паркѣ, и любитъ заходить подкрѣплять свои силы въ пивоварни, гдѣ, на открытомъ воздухѣ, подъ деревьями или навѣсами разставлены самыя простыя скамьи и столы, даже некрашеные. Въ этихъ пиворасшивальняхъ всегда бываетъ много народу, и что меня особенно поразило, — такъ это равенство: сидитъ за кружкой пива ученый профессоръ, можетъ быть, погруженный въ глубокія думы, около него рядомъ — поденщикъ; около поденщика — дама — одна, другая и третья; на другомъ столѣ вы видите кружокъ студентовъ, пьющихъ также пиво, и закусывающихъ рѣдкой и хлѣбомъ съ масломъ, и глядишь тутъ же на концѣ стола сидитъ трубочность или штукатуръ, которые зашли сюда позавтракать или пополудновать тою же рѣдкою съ масломъ и пивомъ. Коротко — въ этихъ пиворасшивальняхъ вы встрѣтите представителей всѣхъ сословій, начиная отъ богатаго барина или негоціанта съ ихъ семействами, до послѣдняго бѣдняка, который, можетъ быть, въ цѣлый день зарабатываетъ только на кружку пива и порцію колбасы, или рѣдкихъ съ хлѣбомъ. Но не смотря на неравенство образованія и состоянія этихъ посѣтителей, вы замѣчаете, что здѣсь господствуетъ полное уваженіе всякой личности; ни одинъ не смотритъ на другого съ высоты величія; всякій уважается потому, что онъ человекъ. Этому равенству надобно бы поучиться и намъ — русскимъ, потому что у насъ нѣтъ этого равенства и братства. Даже въ Одессѣ, въ этомъ, какъ говорятъ, европейскомъ городѣ, входя въ гостинницу, вы читаете на двухъ дверяхъ: входъ въ дворянскую, и входъ въ мужицкую.

Да, я увѣренъ, если бы съ нашимъ титулярнымъ совѣтникомъ, особенно когда у него красуется на лбу кокарда, а еще болѣе съ титулярной совѣтницей, — да осмѣлился сѣсть рядомъ какой нибудь трубочникъ или каменщикъ, — кажется, эти смертные поплатились бы нѣсколькими клочками своихъ бородъ. Мы все бранимъ нишій нашъ классъ за его невѣжество и грубооть. Но гдѣ же онъ долженъ перенимать все хорошее, какъ не отъ болѣе или менѣе образованныхъ людей! Стало быть, отталкивая его отъ себя, мы замедляемъ его развитіе. Но этого мало, чрезъ это отталкиваніе, мы поселяемъ въ немъ вражду ко всему міру, брюющему бороды, или носящему фракъ и свѣтлыя пуговицы. Ничто такъ не вооружаетъ нишій классъ противъ высшаго, какъ неуваженіе этимъ послѣднимъ личности перваго. «И посылки меня, говоритъ нашъ мужичекъ, и возьми, что тебѣ надо, да по крайности не считай меня безсловесной скотиной; найди подъ часъ и ласковымъ словомъ.» Да, наши простолюдныя, не смотря на свое невѣжество, помнятъ, что они такіе же люди, и скорѣе простятъ лихоимство и даже грабительство, чѣмъ оскорбленіе ихъ личности, оскорбленіе чести ихъ женъ и дочерей. Мы на это имѣемъ факты всехъ временъ и народовъ: сколько въ старинныя годы было баръ, которые послѣднее таскали у бѣднаго крестьянина, и, не смотря на это, умирали своею смертію; но сколько умерло подъ ножами и дубинами тѣхъ баръ, которые срывали первые цвѣтки со всего подчиненнаго имъ прекраснаго пола?.. Такъ дорого человѣку все, что составляетъ принадлежность, чисто —человѣческой природы!

Я вошелъ бы въ длинныя подробности на счетъ быта нѣмцевъ, но боюсь утомить читателя; да къ тому же въ такое короткое время я не могъ совершенно ознакомиться съ нимъ. Однако скажу еще нѣсколько словъ. Въ довольно богатыхъ городскихъ домахъ я замѣтилъ, что кофеделябры, люстры, фарфоръ, шелковыя занавѣски, бархатная мебель — явленія очень рѣдкія, рѣдкія — сравнительно съ подобными салонами въ Россіи, гдѣ упомянутыя вещи гораздо дороже, — чѣмъ за-границей. Еще большая умеренность въ столѣ нѣмцевъ; мнѣ сказывали, что тамъ получающіе до 3000 р. годоваго дохода большею частью ограничиваются двумя блюдами — супомъ и говядиною съ зеленою или картофелемъ, и что вино употребляется исключительно мѣстное, а за нѣмцѣмъ его — пиво. А у насъ, безъ хереса, мадеры, бордо, шампанскаго могутъ ли обойтись даже самыя невѣдомыя захоlustья? и можно ли быть сытымъ безъ пяти блюдъ?

Въ сельскомъ быту нѣмецъ ни въ чемъ не отказываетъ себѣ, что

только можетъ успокоить и подкрѣпить его силы послѣ трудовъ, но гонять все излишнее, все отзывающееся роскошью. Въ домѣ чистота; нѣтъ роя мухъ и другихъ насѣкомыхъ; постель мягкая, съ зановѣсками; окны со ставнями и гардинами — не въ рѣдкость; въ комнату нѣтъ кухонныхъ испареній; есть часы, есть шкафъ или полка съ книгами; есть картины, статуетки, вазочки, — конечно грошевыя. И что всего замѣчательнѣе — самый богатый поселеникъ никогда не силится стать выше своего положенія, и придать себѣ вѣсь предметами роскоши. Этотъ духъ остается и у нашихъ колонистовъ. На югъ Россіи есть не мало колонистовъ, которые могутъ назваться богачами; и все-таки они остаются тѣми же колонистами: въ тѣхъ же домахъ, въ томъ же платьѣ, при той же пищѣ, съ тою же мебелью и прочею обстановкою жизни. Примѣръ поучительный, особливо для русскихъ купцовъ и зажиточныхъ крестьянъ. Но опять скажу: не поднимай носа нашъ брадобрьющій классъ, не топчи съ грязью личность крестьянина, и онъ не мечталъ бы о барствѣ. Да, общій порывъ нашего ниспаго и средняго сословія перейти въ высшій слой общества — есть ничто иное, какъ желаніе застраховывать свою личность. Слѣдовательно, если эти сословія будутъ у насъ пользоваться, какъ въ Германіи и другихъ краяхъ, полными правами человеческими, такого стремленія къ высшимъ званіямъ не будетъ. Наши колонисты избавлены отъ кулаковъ-чиновниковъ, отъ разнаго рода поборовъ, — и они остались довольными своею судьбой, не прельщаются эполетами; но поставте ихъ въ иныя условія, — и они поспѣшатъ оставить свое званіе. Впрочемъ, помня отъ природы лѣнливую натуру славянина, мы можемъ найти еще и другую причину, которая манитъ нашего простолюдина выйти изъ своего состоянія, — причина эта — малодѣятельность большаго числа представителей высшаго общества, для котораго трудится нисшій классъ. Припомнимъ обыкновенную поговорку нашихъ крестьянъ: что ты ничего не дѣлаешь, вѣдь ты не баринъ или барыня. Хохолъ нашъ мечтаетъ: если бы онъ былъ паномъ, то лежалъ бы постоянно на соломѣ и ѣлъ бы сало, т. е., ничего бы не дѣлалъ. Стало быть, здѣсь виноваты покойной памяти крѣпостной трудъ и возможность обезпечивать себя всѣми грѣшными и безгрѣшными доходами. Большое дѣло уничтоженіе крѣпостнаго труда. Трудъ Россіи, который есть первый капиталъ всякаго государства, всякой страны, всякой общины, — отъ этого уничтоженія удвоится, если не учетверится. Здѣсь, въ этомъ крѣпостномъ трудѣ лежала закваска, которая квасила русскій народъ въ малодѣятельности, въ праздности, въ отсутствіи воспримчивости и т. п.

Это была нравственная зараза для всѣхъ сословій нашихъ. Я не знаю, русскіе политико-экономисты, разсматривая крѣпостной трудъ со всѣхъ сторонъ, обратили ли вниманіе на то, что уничтоженіе его вызоветъ изъ бездѣйствія не только высшее сословіе, но и цвѣтъ русскаго народа,—цвѣтъ, отъ котораго Россія, пока, только и можетъ ожидать самыхъ зрѣлыхъ плодовъ. Нечего и говорить, масса нашего народа не образована и совершенно не приготовлена шагать тѣми шагами, которыми шагаетъ на пути прогресса западная Европа, и надобно ждать еще столѣтій, чтобы она выросла до этихъ исполнинскихъ шаговъ. Но не подрастетъ она даже и въ столѣтіе, если у нея не будетъ передовыхъ людей съ полною воспримчивостію всего великаго, полезнаго, добраго и изящнаго. Гдѣ же по естественному порядку мы должны найти передовыхъ людей? До поры до времени въ этомъ классѣ, который образованъ и владѣтъ капиталами. Этотъ классъ, ставя передовыхъ людей при защитѣ роднаго края и въ административномъ кругу,—(за что ему честь и русское спасибо),—до настоящаго времени не былъ настоящимъ вожатымъ на пути къ нравственному прогрессу, къ труду, къ просвѣщенію, къ изслѣдованію источниковъ благосостоянія народа, и разлитію этого благосостоянія въ массы его—и почему? потому во-первыхъ, что и Россіи суждено было, подобно другимъ государствамъ, прожить вѣкъ чиновъ, эпохетовъ и крестовъ, которые привлекали къ себѣ высшее сословіе народа; и во-вторыхъ потому, что это сословіе было обезпечено чужимъ трудомъ и привилегированными правами. Былъ ли крѣпостной нашъ народъ рабами,—мы это оставимъ въ сторонѣ; но что владѣвшіе ими были въ извѣстномъ отношеніи рабами,—это не подлежитъ сомнѣнію. Освобождая первыхъ, они снимаютъ съ себя самихъ тяжелыя оковы, которые удерживали ихъ,—отмѣченныхъ печатью высокаго призванія, отъ прямыхъ обязанностей истинно-благороднаго человека.

Я сказалъ, что нѣмецъ поселянинъ не терпитъ въ домѣ своемъ роскоши, ищетъ прочности и удобствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любитъ сельскій бытъ; и потому-то его усадьба—заглядѣнье: домикъ проченъ и красивъ; помѣщеніе для скота—чисто и удобно; навозъ сложенъ въ кучу—чуть не съ математическою точностію; дворъ вымощенъ; земледѣльческія орудія, повозки и другія необходимыя предметы въ хозяйствѣ сохраняются въ приличныхъ строеніяхъ, вычищены и нерѣдко окрашены; при домѣ непременно—садикъ, цвѣтникъ, огородъ, которые содержатся въ безукоризненной исправности. Я видѣлъ огороды въ десять и двѣнадцать квадратныхъ сажень, и чего въ нихъ нѣтъ? съ такого малаго клочка земли нѣмецъ съ своимъ

смействомъ сумѣетъ пользоваться зеленью и некоторыми кореньями цѣлое лѣто и часть даже сберечь на зиму. И не мудрено: одно онъ вынимаетъ изъ земли, другое сейчасъ же садитъ. Но этого мало,— здѣсь непрѣменно стоитъ нѣсколько деревьевъ, которыя, не мышая огороднымъ овощамъ, даютъ хозяину плоды и служатъ для зелени спасительною тѣнью. Коротко, смотря на деревенскую усадьбу нѣмца,— вы скажите: да, таковъ долженъ быть поселянинъ; а посмотрѣвши на здоровыя, довольныя, веселыя лица этихъ поселянъ, вы можете быть, позавидуете ихъ жизни. Трудится нѣмецъ, особливо въ лѣтнюю пору, отъ зари до ночи; но удивительно, его тяжелые труды не производятъ на васъ грустнаго впечатлѣнія; везетъ нѣмецъ дымящійся, смраднѣйшій навозъ,—но на немъ все чисто, отзывается чѣмъ-то праздничнымъ, и весело онъ идетъ за своими веселыми воликами или конями, хлопая время отъ времени длиннымъ бичемъ въ воздухъ; косить нѣмецъ хлѣбъ или траву, пѣтъ градомъ катится по лицу,—но духъ его не подавленъ, и довольство светится въ глазахъ; бьетъ онъ киркою или двурогой мотыкой каменистую землю; но въ этой работѣ скорѣ видишь его торжество надъ скудною природою, чѣмъ тяжелый трудъ. Мнѣ случалось видѣть на работѣ большія артели,—но не слышалъ я ни браней между работающими, ни угрозъ со стороны надсматривающихъ за ними, ни скандальныхъ исторій, которыми наши мужики обыкновенно подслащаютъ горечь физическаго труда. Видѣлъ я работающихъ поденщиковъ за глазами хозяина и убѣдился, что нѣмецъ и здѣсь работаетъ,—если не съ удовольствіемъ, то по-крайней-мѣрѣ съ усердіемъ, безъ облыги. Мнѣ скажутъ, что я преувеличиваю;—говорите, что угодно, но нѣмецъ дѣйствительно аккуратенъ и честенъ. Повѣрите ли мнѣ, читатель, что одинъ поселянинъ, у котораго я купилъ два фунта вишенъ,—отыскалъ меня въ гостинницѣ,—и для чего—какъ вы думаете? чтобы отдать мнѣ два крейцера, которые я ему сдалъ при размѣнѣ денегъ, по ошибкѣ. Исключая, можетъ быть, нѣкоторыхъ гостинницъ, во всей Германіи, впрочемъ опять исключая нѣкоторыя провинціи Австріи, вы можете быть увѣрены, что васъ нигдѣ, особливо въ селахъ, не обочтутъ. Я нарочно иногда притворялся незнающимъ тамошнихъ денегъ, и позволялъ нѣмцу или нѣмкѣ, продавшимъ мнѣ что нибудь, самимъ брать изъ кошелька моего деньги,—и ни разу не случалось подмѣтити въ нихъ желанія присвоить себѣ чужое.

Сельскій бытъ швейцарцевъ и бельгійцевъ также произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Довольство, усиленный трудъ, чистота, изящная простота въ постройкахъ, одеждѣ, пищѣ и т. д.—вотъ что можетъ быть девизомъ тамошнихъ селъ и деревень и ихъ обитате-

лей. Правда, въ Швейцаріи сама природа отличается изящными формами; но не она закутала въ яркую зелень виноградины и фруктовыхъ деревьевъ швейцарскія села; не она разостлала прекрасныя дороги; не она создала тучныя нивы и луга. Всему виновникъ—усиленный разумный трудъ, соединенный съ бережливостію.

Тоже говорятъ и о Франціи; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ приходилось провѣщать, ни земледѣліе, ни бытъ земледѣльцевъ Франціи не представились мнѣ въ блестящихъ краскахъ. Въ нивныхъ околоткахъ орудія обработки земли не многимъ превосходятъ наши—русскія; попадаются у поселянъ и исхудалыя лошаденки и тощенькія коровки. Въ гриньенской академіи, гдѣ я думалъ найти самыя лучшія породы лошадей и рогатаго скота,—мнѣ показали такія, которыхъ постыдился бы держать порядочный русскій помѣщикъ,—и особливо охотникъ или заводчикъ. На поляхъ видно, что многое дѣлается на скорую руку. Попадаются деревеньки, которыя отчасти могутъ напомнить русскія. Правда—безъ цвѣтника, садочка, огорода вы почти не встрѣтите и французской сельской усадьбы, но не встрѣтите и той аккуратности и той изобрѣтательности, какими владѣтъ поселянинъ нѣмецъ, швейцарецъ и т. п. Славится Франція своими виноградниками; но, по моему мнѣнію, слава эта принадлежитъ однимъ винамъ, которымъ благопріятствуетъ небо, а не самимъ виноградникамъ, которые хуже содержатся, чѣмъ въ Баваріи, въ рейнскихъ провинціяхъ, въ Виртембергѣ и т. п. Какая здѣсь правильность въ посадкѣ виноградныхъ кустовъ, какая разборчивость и тщательность въ подрѣзкѣ, какія дорожки проведены. Но что особенно поражаетъ—это террассы, опоясывающія горы и восходящія до самого темя ихъ: иная гора представляется вамъ огромнѣйшаго размѣра лѣстницею, въ двадцать, тридцать и болѣе площадокъ, которыя прорѣзываются тропинками, состоящими изъ каменныхъ ступеней. Бока этихъ террассъ обыкновенно обложены камнемъ и въ нивныхъ мѣстахъ высются по двѣ и по три сажени, имѣя до полутора и болѣе аршинъ толщины (снизу еще толще). Вообще эти постройки представляются въ нивныхъ мѣстахъ (напримѣръ: почти во всей Фравконіи) исполненными, и конечно они воздвигались цѣлыя столѣтія. Но подобныя построекъ мнѣ не приводилось видѣть во Франціи. Славится эта страна своимъ садоводствомъ; но, кажется, вся эта слава можетъ относиться болѣе къ разнообразію сортовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не находятъ себѣ соперниковъ въ цѣломъ мірѣ, и къ искусственности, напримѣръ: въ производствѣ шпалерныхъ, пирамидальныхъ, карловыхъ и подобныхъ имъ деревьевъ, также въ ранней выгонкѣ плодовъ и т. п. Но все-таки это садоводство не имѣетъ такой общности, какъ въ Германіи и

Швейцарии. И вообще, я не скажу, чтобы больше или меньше обширные фруктовые сады во Франции отличались особенным искусством как в размещении деревьев, так равно и в правильности их. Впрочем и Германия не может этим похвалиться. И знаете ли, читатель, где самое лучшее садоводство, которому позавидовали бы и немцы, и французы, и бельгийцы! . . . Как вы думаете где? — В Саратовской губернии — на берегах Волги, — там, где садами завлудует безграмотная русская борода. Не правда ли, — это вам покажется удивительным? а на самом деле так. Да, в саратовской губернии едва ли не первые в целой Европе сады. Я нигде не видел на Запад таких обширных садов и, при обширности, таких правильных деревьев. Войдите почти в любой саратовский сад, где несколько тысяч деревьев, — и все эти деревья буквально как одно, и притом, если можно так выразиться, в математически-правильной форме, пользуются самым отчетливым уходом. Искусство в этом деле русского мужичка изумительное, и многие садовые операции его не известны, сколько я знаю, даже первоклассным французским садоводам. Правда, в этих садах большую часть воспитывается одна яблоня; но в этом винить нельзя тамошних садоводов: они удовлетворяют запросу.

Читатель, конечно, заметил, что мне вообще Франция менее понравилась, чем Германия и другие государства западной Европы. Да, это правда; но я предпочитаю последние первой собственно по отношению к сельскому быту, и еще раз повторю, что сельская жизнь французов не имеет того привлекательного колорита, как жизнь немцев. Почему это так? сами французы говорят: французы любят город, городской шум, и скорее хотят быть матросом или солдатом, — чем пахарем или скотоводом. — Прогресс ли это? Думаю, нет. Правда, в городской сфере скорее происходит обобщение идей, скорее переливается в народ мнѣя понятий — необходимѣе условие для прогресса человечества; но многие из этих идей и понятий далеки от практической жизни, и потому — то иногда отражаются в массе народа, в самой жизни государства, — не только неблагоприятным, но и очень вредным образом. Городской житель, изнемогая от жары и духоты в июль или август, готов просить небо о дожде и холоде, — но земледельец в это время, убирая хлеб, молит Бога, чтобы Он продала вѣдреную погоду. Так далека практическая жизнь государства, мнѣщаго все свое благосостояние на жизни земледельцев, т. е. сельского хозяйства, от кабинетных и уличных воображений жителей городских, которые пожалуй в некотором отноше-

ни могут назваться и цветомъ, но этотъ цветъ получаетъ нитетельные соки отъ корней, т. е. отъ трудовъ сельскихъ жителей. — Въ уличной только сферѣ могли родиться безумныя идеи коммунизма, социализма и т. н. вздоръ, но не на поляхъ, которыхъ ценность и право собственности понимаютъ только действительная жизнь, кровавый потъ, сознание зависимости отъ различныхъ неблагоприятныхъ условій. Легко иному, не имѣющему ни кола ни двора разеуждать, что надобно собственность уравнивать; но каково приступить къ этому уравниванію тому, который, обливаясь потомъ, втыкалъ колья и городилъ дворъ? Не тяжело и тому держаться подобныхъ идей, который умѣетъ только прожигать деньги, но не испыталъ — съ какимъ трудомъ (конечно здѣсь разумется благородный трудъ, а не трудъ папирмъръ откупщика) они приобретаются.

Я старался показать, что на западѣ Европы — въ высшихъ слояхъ не замѣтно большой напыщенности и роскоши, а въ низшихъ — во всемъ видно желаніе окружить себя всеми удобствами жизни. Къ этому должно еще присоединить одну важную черту: тамъ не замѣтно, чтобы люди съ такою жадностію предавались грубѣйшимъ наслажденіямъ, какимъ предается русскій людъ, т. е. они нравственно выше насъ русскихъ. Гдѣ же причина такого положительнаго и очищеннаго взгляда на жизнь? — Конечно, въ образованіи. Но нельзя не сказать и того, что тамошнее народонаселеніе имѣетъ гораздо болѣе предметовъ для высшихъ наслажденій, чѣмъ мы русскіе, — предметовъ, которые естественнымъ образомъ, по своему превосходству, отодвигаютъ мелочи и грубыя наслажденія на задній планъ, о чѣмъ мы и будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

II.

Сферы удовольствій. — Ландшафты. — Лѣсъ и горы. — Истребленіе лѣсовъ и международное право. — Контроль и пети.

Вообще за-границей всеми мѣрами и средствами стараются удовлетворить чувству изящнаго, — этой одной изъ первыхъ потребностей духа человѣческаго, или, выражаясь языкомъ философіи, одной изъ тѣхъ трехъ прирожденныхъ идей, во внушенію которыхъ чело-вѣчество стремится къ своему тройственному совершенству. И вотъ почему тамошній народъ не ищетъ наслажденія въ грубѣйшихъ удоволь-

ствійхъ, напримеръ: въ планетахъ, небоснахъ и т. п.; конечно, и нашъ русскій народъ не искалъ бы подобныхъ удовольствій, если бы умѣлъ найти другія, вполне достойныя разумаго существа. Жизнь чело- вѣка не можетъ быть безъ извѣстныхъ наслажденій; весь трудъ, и особливо физическій, имѣетъ исходною своею цѣлью доставить чув- ствамъ то ощущеніе, которое называется радостью или весельемъ. Жизнь безъ радостей становится такою тяжелою, такою несносною, что или вызываетъ чело- вѣка на самоубійство, или доводитъ его до такого состоянія, что онъ и для себя, и для общества становится живымъ мертвецомъ, каковъ напримеръ горемыка-пьяница. Следова- тельно, еще разъ повторю, — потребность удовольствій — есть потреб- ность самая необходимая, и притомъ удовлетвореніе ея можетъ — или низвести чело- вѣка до скотоподобнаго состоянія, или возвести его на высоту чело- вѣческаго достоинства.

Еще древніе мудрецы говаривали, что образованіе ума безъ образованія сердца бесполезно. Я могу здѣсь указать на одинъ классъ русскаго наро- да, на которомъ вполне оправдывается мудрое изреченіе древнихъ фило- софовъ. Многіе изъ этого класса, при систематическомъ образованіи, въ составъ котораго входятъ высшіе предметы възнія чело- вѣческаго, — выходятъ изъ учебнаго заведенія съ довольно развитыми способностями, но безъ развитаго и облагороженнаго сердца. Поэтому вступивши въ действительную жизнь, — они становятся или тускла- цами, или предаются самымъ грубымъ удовольствіямъ. Или не эле- няетъ мирная сельская жизнь, съ своею патриархальною престою; не- лютъ въ ихъ сердце восторженной отрады мириады звездъ, тельшихся въ тихую ночь и такъ торжественно напоминающихъ о необъятномъ величій Творца; не для нихъ блестятъ на яркой зелени алмазныя капли утренней росы; и муравей, къ которому премудрый Саламанъ посылалъ ихъ еще изъ школы (звниже! иди ко мравію, и поравни, выдавъ пути его и буди онаго мудрѣйшій), — не научаотъ ихъ ниче- му. И ко всему высокому и изящному длаются они и. елуки и вьмы: чрево для нихъ становится богомъ; чара зелена вина — самое веселія, — и поютъ они пьяной братьею, вьзвани еваканъ. пивка: чащу спасенія прииму, имя Господне призову. — Говорятъ, ружда да- водитъ чело- вѣка до этой чаши; не правда, — неразвитость сердца, грубая кровь, текущая въ жилахъ, отсутствіе чувства изящнаго.

И такъ, если многіе изъ болѣе или мене высшей сферы нашего народа, при умственномъ образованіи, ищутъ, по чароцности своего сердца, грубѣйшихъ удовольствій, подрывающихъ и вьзвѣтс: живрав- ственное благосостояніе ихъ; то чего мы можемъ ожидать отъ той массы нашего народа, которая не имѣетъ даже истинныхъ понятій о

божества и погружена въ невѣжество? Необходима грамотность — этотъ божественный свѣточъ для сѣдящихъ во тьмѣ; но съ этою грамотностію необходимо развивать и сердце,—или, яснѣе, необходимо нашъ народъ знакомить съ сферою другихъ,—изящныхъ и великихъ удовольствій. — Но гдѣ эта сфера и какъ ввести въ эту грубую массу народа? — И здѣсь мы должны поучиться у иностранцевъ.

Въ Германіи музыка и пѣніе, по-видимому, стоятъ на одной ступени съ грамотностію. Въ Баваріи мнѣ сказывали, что ни одинъ молодой человекъ не можетъ быть сельскимъ учителемъ, не умѣя играть на какомъ нибудь инструментѣ (и преимущественно на скрипкѣ). Въ школахъ, гдѣ этихъ учителей готовятъ, обучаютъ ихъ и музыкѣ. Въ Вюрцбургѣ я былъ на одномъ концертѣ, данномъ будущими сельскими учителями; въ этомъ концертѣ играло болѣе 100 однихъ скрипокъ, и въ немъ участвовали даже студенты университета. Играли пьесы первоклассныхъ германскихъ артистовъ, и, сколько я могу судить, исполненіе было очень удовлетворительное: инструменты, наемъ учителей и другіе расходы по обученію этихъ молодыхъ людей музыкѣ, сколько мнѣ помнится, приняло на себя частію правительство, частію особое общество, состоящее изъ профессоровъ университета и другихъ лицъ. Эти концерты можетъ посѣщать всякій бесплатно, и ихъ, действительно, многіе посѣщаютъ. — Прибавлю еще къ тому, что въ Германіи рѣдкій студентъ и учитель гимназій не играетъ на какомъ нибудь инструментѣ.

На вопросъ мой: для чего сельскіе учителя должны учиться музыкѣ? мнѣ отвѣтилъ: для того, чтобы они могли учить дѣтей пѣнію, которое вообще веселитъ человека и возвышаетъ его душу. Съ этимъ нельзя не согласиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ не признавать, что такимъ простымъ путемъ достигаются высокія цѣли. Почему же бы у насъ не ввести музыкальныхъ классовъ для тѣхъ, которые назначаются распространять въ народѣ образованіе! Къ сожалѣнію, многіе изъ начальствующихъ въ извѣстныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ или совершенно воспрепятствуютъ воспитанникамъ заниматься музыкой, или позволяютъ, но только на инструментѣ порочнаго царя Давида (на гусяхъ, которые и дороже и хуже скрипки, или какой нибудь виолончели, и на которыхъ притомъ также можно играть «камаринскаго» или «барыню», какъ и на многострунномъ органѣ). Этого мало, большая часть кончающихъ курсъ въ нашихъ семинаріяхъ не умѣютъ пѣть по нотамъ, и считаютъ униженіемъ для себя заниматься этою яко бы дьячковскою должно-

отню. Каков заблужденіе, какаѣ нелюбови!—Музыка и пѣніе должны быть народной стихіей.

Наше православное богослуженіе имѣетъ глубокаго смысла и можетъ сильно дѣйствовать на душу. Но нельзя не замѣтить, что оно много теряетъ въ своемъ высшемъ достоинствѣ, когда напримѣръ мелодическое: иже херувимы — тянетъ одинъ гусавый и самъ съ собою вздорщій дьячекъ. И почему бы въ самомъ дѣлѣ не востановить въ непрѣмънную обязанность — имѣть при сельскихъ церквахъ хоръ изъ дѣтей, и не положить завѣдывающему этимъ хоромъ извѣстнаго вознагражденія за трудъ? Приучившись къ стройному пѣнію въ дѣтствѣ, крестьянинъ перенесъ бы эту методику и въ возмужалую сферу, а съ этимъ вмѣстѣ мало-по-малу отучился бы пѣть свои въ высшей степени безирравотвенныя пѣсни.

Въ царствованіе покойнаго государя Николая Павловича много было открыто школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ; еще больше ихъ откроется въ настоящее царствованіе нашего благодушнаго Монарха. Пусть же, вмѣстѣ съ грамотностію, крестьянскія дѣти обучаются и пѣнію, — и притомъ вотному.

Благодаря русскимъ виртуозамъ, въ последнее время мы имѣемъ множество очень хорошихъ романсовъ и пѣсней, и нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ: тройка, красный сарафанъ и т. п. уже перенесли въ массу народа, но крайней мѣрѣ, городского. Но съ распространеніемъ вотнаго пѣнія, онъ весь перейдетъ въ народъ, доставитъ ему наслажденіе и вытѣснитъ собою грязныя, грубыя пѣсни, которыми сквернятся уста нашего народа.

Не забуду я праздничныхъ дней, проведенныхъ мною въ некоторыхъ селахъ Германіи. Тамъ я видѣлъ сотнями собравшихся дѣвочекъ и молодыхъ женщинъ, пѣвшихъ божественныя гимны, при чемъ на лицахъ ихъ выражалось какое-то особенное благоговѣніе, кротость и вѣжливость. Пѣвничъ обыкновенно слушали дружка сотни старухъ и малыхъ; все было довольно, всемъ было приятно. Такъ длились цѣлыя часы праздничнаго времени. — И у насъ собираются хоры и воются пѣсни; но въ нашихъ пѣсняхъ слышится то подавляющая тоска, то буйный разгулъ необразованной натуры; и вообще такъ-какъ онъ не совсѣмъ удовлетворяетъ эстетическому чувству, то или совершенно не сочувствуетъ болѣе или менѣе возмужалый возрастъ, или онъ предрасполагаетъ его къ огрубѣнію и къ порокамъ. Нѣтъ, надобно народное пѣніе и музыку едывать болѣе эстетическими; тогда народъ будетъ ими наслаждаться, и онъ будетъ удерживать его отъ грубѣйшихъ удовольствій.

Не забуду я также концертовъ Гейдельберга. Здѣсь и въ составѣ

никъ городакъ и селякъ существуетъ нѣсколько обществъ любителей пѣнія, изъ всѣхъ сословій; каждое общество имѣетъ свое званіе и значокъ въ видѣ шифра, носимаго въ петлицѣ. Въ известные праздничные дни эти общества соединяются въ одно, въ Гейдельбергѣ или въ другомъ городѣ, и такимъ образомъ число пѣвцовъ доходитъ до тысячи и болѣе. При мнѣ этотъ праздникъ пѣвцовъ въ Гейдельбергѣ проходилъ слѣдующимъ образомъ. На обширномъ дворѣ знаменитаго тамоннаго замка, стоящаго на возвышенной, открытой болѣею частью сладкимъ константиномъ горѣ, сѣно за нѣсколько дней были разставлены скамьи для слушателей и устроена сцена для пѣвцовъ. Часовъ съ восьми утра, въ день концерта начали валить изъ небольшихъ пушекъ, которыя громъ, повторяемый эхомъ ущелий горъ, возвыщала, что день праздника насталъ. Часовъ въ одиннадцать пѣвцы, собравшіеся около станціи желѣзной дороги, выстроились правильными колоннами и пошли къ замку въ сопровожденіи духовой музыки и знаменъ, отдалявшихъ одно общество, или корпорацию, отъ другой. Тысячи народа сопровождали этихъ ретоберцевъ изыскаго. Пѣвцы прошли весь городъ въ длину (около трехъ верстѣ), при чемъ въ домъ были украшены разноцвѣтными флагами и коврами. Достигши мѣста своего назначенія, они заняли приготовленную имъ сцену, а слушатели, кому достало мѣсть, сѣли на скамьи, — и началось пѣніе. Такъ-какъ для пѣнія выбраны были классическія піесы и каждый пѣвецъ имѣлъ научныя позанія въ пѣніи, — то можно судить — какое впечатлѣніе могла произвести на слушателей тысяча стройныхъ голосовъ съ аккомпаниментомъ оркестра, и притомъ на чистомъ воздухѣ, въ виду самой очаровательной природы и величественнѣйшихъ развалинъ замка. Верно, здѣсь ни одинъ изъ нѣсколькихъ тысячъ слушателей не вообразилъ о питейномъ домѣ и даже картахъ, — этой заразы нашего образованнаго класса. Вотъ какъ тамъ умѣютъ изобрѣтать дивныя и имѣютъ отъ тамъ полезныя удовольствія.

Почему бы и у насъ не учредить подобныя общества, разумеется, хотя въ городахъ? Чѣмъ наша образованная и полубразованная молодежь занимается въ свободное время? — Увы, даже дамы, свободныя сею, потому что она — вынужденная молодежь — съ презрительнымъ сморщить на танцы. Что же она дѣлаетъ? — ржется въ карты, задыхалась отъ табачной атмосферы, — и ржется иной разъ по нѣлымъ суткамъ. И въ Германіи играютъ въ карты, и тоже есть игорные дома, гдѣ деньги проигрываются десятками тысячъ; но карты тамъ не стихія, — какъ у насъ, и вообще среди молодежи: не въ большомъ употребленіи; потому что та молодежь: дочасть на-

слаждаться жизнью, а не коптить ее за картами, въ табачномъ дыму. И здѣсь нельзя не винить односторонности нашего воспитанія.

Конечно и тамъ не все прекрасно, не все можетъ войти въ сферу истинныхъ удовольствій. Напримѣръ я рѣшительно не пойму, что хорошаго въ дуэляхъ, которыя въ Германіи такъ часты между студентами. Тамъ вы рѣдко встрѣтите студента, принадлежащаго къ какой нибудь корпораціи, — безъ шрама или рубца на лбу, щеки или подбородкѣ. И изъ-за чего они дерутся? иногда изъ-за какой нибудь действительной обиды, но чаще — просто ни за что, ни про что; потому что имѣть шрамъ на лицѣ между студентами считается знакомъ чести, благородства. Особливо молодые студенты (фуксы) ставятъ себя въ обязанность овятить начало своего служенія Милнервъ дуэлю, и нерѣдко одна корпорація съ другой бросаютъ жребій, по числу фуксовъ, и жребіи эти указываютъ, кто съ кѣмъ долженъ драться.

Котати скажу, и въ Германіи студентскія корпораціи теряютъ прежнее свое значеніе; въ нихъ большею частію поступаютъ дѣти богатыхъ отцовъ, которыя идутъ въ университетъ только для того, чтобы носить званіе студента, и большею частію проводятъ время въ прогулкахъ, рестораціяхъ, пивныхъ лавкахъ, однимъ словомъ, сколько я могъ узнать, — и тамъ прилежно учится только та молодежь, которая видитъ въ наукѣ насущный хлѣбъ, — и эта молодежь, замѣчу, ными глазами смотритъ на дуэли. Наши добрые эмигранцы и тамъ, поступивши въ какой нибудь университетъ, такимъ же отличаются терпимостію и усидчивостію, какъ и у насъ въ Россіи.

Да, не все и за-границей удовлетворяетъ эстетическому чувству. На ярмаркахъ и тамъ, какъ и у насъ, ставятся балаганы и палатки, для потѣхи простаго народа. Но въ иныхъ балаганахъ эти потѣхи черезъ-чуръ приторны и пахнутъ древнею глупою обстановкою католицизма. Напримѣръ, входите вы въ балаганъ; здѣсь вамъ показываютъ какую нибудь ученую обезьяну или собачку, Венеру со всеми прелестями, и рядомъ съ ними воскресеніе Христа, похищеніе волхвовъ, возстаніе изъ гроба Наполеона: все эти фигуры въ натуральную величину, сдѣланы изъ воску и, посредствомъ известнаго механизма, приводятся въ движеніе. Соглашусь, что здѣсь профанируется искусство. Всему должно быть свое мѣсто и время.

Католики, замѣчу — хоть, можетъ быть, и не котати, вообще любить образность въ религіи, забывая, что великое ученіе Христа начиваетъ входить въ духъ народа, и что поклоненіе верховному существу, становится духовнымъ, оставляя мнѣшнюю внѣшность.

Католическій городъ или деревню легко узнать при самомъ въездѣ въ нихъ, по множеству крестовъ съ распятіемъ и предстоящими, нерѣдко сдѣланными и обставляемыми безобразно, даже недостойно-святыми. Вюрцбургъ, — центръ баварскаго католицизма, считаетъ своею патроною дѣву Марію, — и вы почти на каждомъ домѣ видите изваянное изображеніе ея. Я думаю, это — большое излишество. Все высокое и священное скоро теряетъ свою цѣну, дѣлается обыкновеннымъ, — если оно часто повторяется предъ вашими глазами, и при томъ въ формахъ довольно грубыхъ....

Но я опять возвращусь къ сферѣ невинныхъ удовольствій. Не говоря уже о томъ, что за-границею сама природа представляетъ много красотъ, поддерживаемыхъ умъемъ и трудолюбіемъ человека, и доставляющихъ ему неизсякаемый источникъ удовольствій, внутри городовъ, которыхъ тамъ такъ много, жители сель и деревень находятъ множество предметовъ, которые могутъ ихъ и развлечь, и поучить кое-чему и доставить разнообразныя удовольствія. Тамъшніе магазины и лавки, со всеми изящными предметами, всякому видны, потому что они какъ будто выворочены (о чемъ будетъ сказано ниже); народъ ходитъ, глазѣетъ, изучаетъ что ему надобно и проводитъ время въ этихъ созерцаніяхъ весело. Во всякомъ порядочномъ городѣ почти каждый день бываютъ публичныя концерты, въ которые за входъ платится по три и много по шести копѣекъ. Безъ театра тоже рѣдкій значительный городъ можно встрѣтить, и входъ, по дешавизнѣ платы за билеты, для всякаго доступенъ. Въ болѣе значительныхъ городахъ есть свои картинныя галлерей, музеумы естественной исторіи, механики, сельскаго хозяйства, рѣдкостей и т. п.; и все эти галлерей и музеумы въ извѣстные дни бываютъ отворены для всѣхъ, безъ всякой платы за входъ. Присоедините къ этому множество газетъ, продаваемыхъ во ничтожной цѣнѣ, и находящихся во всѣхъ ресторацияхъ, которыхъ тамъ такъ много; публичныя библіотеки, даровыя публичныя лекціи и проч. и проч., — и вы можете убедиться, что за-границею сфера удовольствій и наслажденій для всѣхъ вообще — гораздо обширнѣе, чѣмъ у насъ. Не преувеличу — если скажу, что наши, такъ называемые, аристократы, живя въ провинціяхъ, имѣютъ гораздо менѣе предметовъ для развлечения и удовольствій, чѣмъ поселяне Германіи, Франціи, Швейцаріи, Бельгіи и проч. и проч. И потому не мудрено, что въ нашихъ губерскихихъ и уѣздныхъ городахъ — такая манія на карты и чаши веселія. Если же въ такихъ ничтожнѣйшихъ занятіяхъ убиваютъ праздное время болѣе или менѣе образованные русскіе люди, — то, чему дивиться, если нашъ простой народъ находитъ усладу въ кабакахъ или кулачныхъ бояхъ.

Мы стали заботиться о мощеніи улицъ, объ освѣщеніи ихъ, даже о снабженіи городовъ здоровою водою; но надобно съ этимъ вмѣстѣ подумать и объ увеличеніи предметовъ развлеченія и удовольствій, которыя притомъ должны быть доступны послѣднему поселянину. Многое, что имѣеть въ своихъ городахъ западъ Европы, — можемъ сдѣлать и мы въ своихъ городахъ. Напримѣръ, почему бы не открыть во всѣхъ нашихъ городахъ публичныхъ библіотекъ? вѣдь это не Богъ-вѣсть, чего стоить. Но крайней мѣрѣ, почему бы не выписывать городамъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ періодическихъ изданій, жертвуя на это всего какихъ нибудь 200 или 300 руб.; и почему бы для чтенія ихъ не отвести комнату, напримѣръ въ домахъ губернскихъ благородныхъ собраній, которые большею частію стоятъ пусты. Да мало ли можно найдти подобныхъ мѣстъ? Почему бы въ нашихъ губернскихъ городахъ не имѣть кабинетовъ, по крайней мѣрѣ, мѣстной естественной исторіи? Почему бы не имѣть коллекціи усовершенствованныхъ и мѣстныхъ земледѣльческихъ орудій? Почему бы не употребить мѣрѣ для устройства публичныхъ народныхъ концертовъ? Даже почему бы не позаботиться мало-по-малу заводить въ нашихъ, по крайней мѣрѣ, болѣе людныхъ и богатыхъ городахъ, галлерей картинъ и статуй—конечно не оригинальныхъ, а копій, которыя въ настоящее время такъ не дороги. Вѣдь на цѣлую Россію существуютъ только эрмитажъ и академія художествъ! Будь этихъ выставокъ художественныхъ произведеній больше, — и, вѣроятно, у насъ не столько могло бы родиться самобытныхъ художниковъ, сколько ихъ теперь имѣеть Россія; и для генія нуженъ толчекъ, поводъ выступить на поприще своего призванія.

И за-границей, даже лучшія галлерей не пренебрегаютъ копіями; напримѣръ дрезденская большую часть статуй имѣеть въ копіяхъ, вылитыхъ изъ гипса. Фотографія теперь дѣлаетъ чудеса и растворила самыя широкія двери для изученія классическихъ произведеній. Почти со всѣхъ знаменитыхъ картинъ и статуй за-границей можно имѣть превосходныя фотографическія снимки, и по очень доступной цѣнѣ. Я купилъ въ Парижѣ почти всѣ снимки съ знаменитыхъ статуй Лувра и Версаля, и заплатилъ около тридцати рублей. Почему бы хотя подобными коллекціями не знакомить русскій народъ съ высокими произведеніями искусства. Мнѣ кажется, на все это достало бы средствъ и нашлись бы добрые люди, которые помогли бы доброму дѣлу. Только одно условіе—чтобы эти добрыя учрежденія достигали своей доброй цѣли,—они должны быть доступны всѣмъ и каждому, безъ всякой платы. Вѣдь пожалуй въ нашихъ губернскихъ городахъ и есть кое-какія собранія, напримѣръ въ палатахъ министерства государ-

отвѣсныхъ имущества коллекцій земледѣльческихъ орудій и другіе предметы сельскаго хозяйства; въ гимназіяхъ есть физическіе кабинеты, собранія минераловъ, есть бібліотеки и т. п.; но все этоடுத்துвн слишкомъ ограниченному числу людей; а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, подѣ бдительнымъ начальствомъ какого нибудь директора, даже воспитанники не смѣютъ прикоснуться къ сохраняемымъ въ кабинетахъ предметамъ. Да что гимназіи?—наши университетскіе кабинеты не такъ доступны студентамъ, какъ бы это слѣдовало быть. Многіе предметы профессоръ показываетъ студентамъ, не вытаскивая изъ рукъ, потому ихъ уносить, и студенты болѣе ихъ не видятъ. Разумѣется все это дѣлается изъ боязни порчи. Но по моему, пусть иное и испортится, только бы достигалась существенная цѣль.

Я сказалъ, что за-границей въ нѣкоторыхъ городахъ читаютъ публичныя лекціи, по различнымъ предметамъ вѣдѣній человеческихъ, и притомъ бесплатно (вознагражденіе дѣлается отъ правительства). Вотъ предметъ, на который надобно бы обратить у насъ особенное вниманіе. Оставляя простой народъ, возмнитесь за нашихъ помещиковъ, за среднее сословіе, за духовенство,—какую и здѣсь иной разъ можно встрѣтить тѣму—тѣму непроходимую, непроницаемую для взора и для сердца! Помотрите на рутину, господствующую почти на всѣхъ поляхъ нашихъ помещиковъ,—и разберите—гдѣ корень этой рутины?—въ привычкахъ, въ обычаяхъ, въ преданіяхъ, которые существуютъ, потому что тѣмъ ихъ не касался лучъ науки и здраваго смысла. Отчего, напримѣръ, наши помещики пахутъ какими-то крикомъ, называемымъ сохою, и неуклюжими малороссійскими плугами,—и увѣряютъ, что ни американскіе, ни англійскіе плуги для нихъ негодятся, — не подымутъ ихъ земли? Отвѣтъ очень простой: не знаютъ основаній наклонной плоскости, или ясны—не знаютъ—при какіякъ условіяхъ дѣйствуетъ клинь. Отчего на такой низкой ступени стоитъ наше скотоводство? — Оттого, между прочимъ, что нашимъ хозяевамъ почти совершенно неизвѣстно—при какихъ условіяхъ развивается и поддерживается животный организмъ? Почему наши помещики и начальствующіе допустили миллионамъ разумныхъ существъ жить въ гнилыхъ избахъ, вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ? Оттого, что большей части ихъ неизвѣстны условія здороваго дыханія. (Я предвижу, что вы любезный читатель, въ последнемъ въ намѣренны согласиться со мной, и скажете: законы дыханія вѣрному болѣе или менѣе извѣстны; но здѣсь просто нехотѣнье или нерадѣнье.—Что же? вы думаете — лица, попозаботившіяся о жилищѣ прѣстаго народа,—какіе нибудь людодѣды?...) Почему господствуетъ у насъ, за исключеніемъ впрочемъ очень многихъ помещиковъ, пре-

дубаждению къ мединамъ, къ оспопрививанію, къ спасительнымъ мѣрамъ противъ окопныхъ повальныхъ болѣзней? Оттого, что мы невѣдцы. Считайте и разберите тысячи несчастныхъ жертвъ, погибшихъ отъ воды, мороза, угара, грозы, чрезмѣрнаго употребленія хмельныхъ напитковъ и проч. и проч., — и вы найдете, что болѣею частью причиною смерти этихъ жертвъ было невѣжество. Всмотритесь въ массу не только простаго народа, но и тѣхъ, которые принадлежатъ къ такъ называемому болѣе или менѣе образованному классу, — и здѣсь вы встрѣтите множество недостатковъ, сопровождающихся самыми вредными послѣдствіями для здоровья, — и причина этихъ недостатковъ, не скудость средствъ, а неумѣнье должнымъ образомъ воспользоваться тѣмъ, что есть. Къ тому же невѣжеству надобно отнести истребленіе напихъ лѣсовъ, наши гнилые навозные водоюи, содѣйствующіе къ опустошенію стадъ домашнихъ животныхъ, наши частые пожары, пожирающіе милліонами народное богатство; наше неумѣнье и нежеланье воспользоваться тѣми обильными источниками народнаго богатства, которыми Богъ надѣлилъ русскую землю; нашу снѣжку и лѣнь, наши праздники, на которыхъ въ святцахъ не стоитъ даже и крестика, наше пьянство и похмельные дни, нашу глупость спать, наше обольщеніе мишурой и прочіе и прочіе грѣхи, которыми преисполненъ русскій людъ.

Разогнать эту тьму можетъ только свѣтъ науки. Молодое поколѣніе болѣе или менѣе достаточныхъ людей еще имѣетъ возможность быть причастникомъ этого небснаго свѣта, хотя и съ большимъ трудомъ. Но это поколѣніе — нашла въ моръ, и плодовъ отъ него мы можемъ ожидать только по прошествіи полулѣтка; а въ это время много воды утечетъ! и какъ часто бываетъ, что рутина отцовъ тушитъ свѣточъ науки въ дѣтяхъ, прежде, чѣмъ эти послѣдніе вполне созрѣютъ и вступятъ въ дѣйствительную жизнь! — Да, для Россіи самая лучезарная звезда горитъ въ молодомъ ея поколѣніи, но надобно дѣйствовать и на современниковъ; въ противномъ случаѣ, если плавелы не сововмъ заглушатъ добрую пшеницу, — то во всякомъ случаѣ замедлятъ ростъ ея.

— Но не въ школу же идти — когда борода по-поясъ? — Въ такомъ случаѣ надобно къ этимъ бородачамъ послать провозвѣстниковъ истины и добра, надобно открыть для нихъ публичныя лекціи. Книги у насъ неохотно читаются и онѣ требуютъ расходовъ; да крокъ того книга не такъ дѣйствуетъ, какъ живое слово, подкрѣпляющее опытовъ.

Сколько у насъ кончаютъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодыхъ людей съ блестящими дарованіями, — но, за неимвнѣ-

Смѣ мѣста по призванію, эти таланты тонуть въ канцелярскія чернилахъ, убійственно дѣйствующихъ на все силы духа, даже иерархо на благородство сердца. Дайте же этимъ талантамъ обширное, истинно-гуманное поприще, и они прольютъ много свѣта и теплоты. Одна счастливая мысль ихъ, одно искренне—и сильно—высказанное убѣжденіе могутъ принести невечислимые выгоды цѣлымъ милліонамъ русскаго народа. И конечно, если этимъ провозвѣстникамъ истины и добра дать 3000 руб. на ихъ содержаніе — много найдется охотниковъ на это поприще, и нѣтъ сомнѣнія, что они принесутъ больше пользы, чѣмъ должностныя канцелярскія личности, получающія подобное содержаніе.

Предметомъ публичныхъ лекцій должно быть то, что ближе къ жизни и къ занятіямъ русскаго народа, напримѣръ физиологія—животная и растительная, діететика, физика и химія, сельское хозяйство и механика, архитектура, основанія правъ често-человѣческихъ и гражданскихъ и т. п. Само собою разумѣется, что читающіе публичныя лекціи должны быть снабжены необходимыми пособиями и налагать свой предметъ самымъ простымъ образомъ, какъ это дѣлается за границей; и притомъ они не должны ограничиваться однимъ губернскимъ городомъ, но поочередно открывать свои курсы и въ уездныхъ городахъ и даже въ селахъ.

Я увѣренъ, что если бы одни землевладельцы и купцы перемѣхъ двухъ гильдій рѣшились на копѣечное пожертвованіе для пользы своего края,—они безъ всякаго обремененія для себя могли бы содержать не только одного, но даже двухъ и трехъ достойныхъ преподавателей науки.

Если западная Европа, гдѣ лучи различныхъ вѣданій проникли даже въ послѣднюю лачугу земледельца, гдѣ грамотность сдѣлалась общимъ достояніемъ народа, гдѣ книгъ и много, и продается онѣ по дешевымъ цѣнамъ, гдѣ почти для всякой болѣе или менѣе важной промышленности (даже для разведенія куръ) существуютъ общества съ учеными представителями и вліяніемъ на народъ; гдѣ безъ учителя, безъ руководствъ на каждомъ шагѣ представляются множество поучительныхъ предметовъ; гдѣ желѣзныя дороги такъ сильно содѣйствуютъ мнѣ понятій и наглядности;—если тамъ, при такихъ огромнѣйшихъ пособияхъ для образованія и просвѣщенія народа,—еще находятъ очень полезнымъ чтеніе публичныхъ лекцій, и правительство платитъ за нихъ,—то намъ ли, сидящимъ во тьмѣ а съни смертной—не нуждаться въ нихъ?—для насъ онѣ — вонющая потребность.

Строгая логика можетъ замѣтить, что я, желая раскрыть себѣ

удовольствій, которая доступна западно-европейскому народонаселенію, и которой не имѣетъ русскій народъ, сбился въ область науки. Но развѣ наука не есть предметъ наслажденія? развѣ можетъ что нибудь, кромѣ ея, пролить въ душу истинную отраду и утѣшеніе? развѣ безъ нея человекъ можетъ забыться отъ всѣхъ житейскихъ хлопотъ и дразговъ? а страдалица въ здышнемъ мірѣ, горемыку, гонимаго презрѣніемъ надменной толпы, свискивающего себя и своему семейству кусокъ хлѣба кровавымъ потомъ—что можетъ утѣшить и подкрѣпить—какъ не истина, проповѣдуемая наукой? а грубыя наслажденія, высокомерный эгоизмъ, бичующій словесную и безсловесную тварь; бурный потокъ скотоподобныхъ страстей,—предъ чѣмъ смиряются и исчезаютъ,—какъ не предъ свѣточемъ истинъ, стоящихъ выше всего матеріальнаго и грубаго.

Стало бытъ, я не такъ сильно погрѣшилъ противъ логики, какъ это представляется съ перваго взгляда, — и еще разъ повторю, что публичныя библіотеки, открытыя для всѣхъ, музеумы естественныхъ, предметовъ искусствъ, художествъ и промышленности, наконецъ публичныя лекціи, — все это не только можетъ служить къ наученію, но и къ наслажденію, къ разнообразію жизни, къ удержанію массы народа отъ грубѣйшихъ удовольствій, — и за этимъ—къ развитію въ ней высшаго и внутренняго благосостоянія.

Я выше сказалъ, что на западъ Европы, въ тѣхъ краяхъ, гдѣ мнѣ приходилось быть, и природа, при содѣйствіи человека, при умѣньи беречь ея силы и дары,—прекрасна, и сама по себѣ можетъ составить предметъ для удовольствій и для развитія чувства изящнаго. Дѣйствительно такъ.

Но послѣ этого «дѣйствительно такъ», мнѣ, по требованію логики, слѣдовало бы бросить взглядъ на природу западной Европы и доказать, что точно она представляетъ много прекраснаго, питательнаго для духа и для сердца. Согласитесь, что подобный очеркъ сдѣлать не легко: если въ этомъ очеркѣ ограничиться немногими чертами,—то читателю трудно составить понятіе о западѣ Европы; если же его сдѣлать обширнымъ,—то подобная обширность будетъ неумѣстна въ настоящей статьѣ; — и притомъ я не имѣлъ времени разсмотрѣть тотъ край со всею подробностію; я видѣлъ только общій ландшафтъ его, и естественно только общія черты этого ландшафта остались въ моемъ воображеніи.

Собираясь побывать на западъ Европы, я, не зная почему, составилъ себя о немъ самое невыгодное понятіе,—думалъ, что, вѣроятно, тамъ человекъ не пощадилъ ничего изъ даровъ природы, опустошивъ, нарушилъ ея красоты. Да и могло ли быть иначе, думалъ я,

тамъ, гдѣ такое обширное поле было для огня и меча, гдѣ столько было политическихъ переворотовъ, гдѣ поземельная собственность столько разъ переходила изъ однихъ рукъ въ другія; гдѣ при густотѣ народонаселенія, всякій клочекъ земли долженъ быть обращенъ въ пахатное угодье?—Да, вѣрно я увижу одни нескончаемыя поля хлѣбовъ и клевера, разбитыя на геометрическія фигуры. — Каково же было мое удивленіе, когда глазамъ моимъ стали представляться одна за другой картины почти совершенно противоположныя воображаемымъ; и теперь, составивши изъ всѣхъ этихъ картинъ одну, я могу сказать, безъ преувеличенія, что весь видѣнный мною западъ Европы, даже отчасти и Франція, — есть ничто иное, — какъ великолѣпнѣйшій ландшафтъ или пожалуй — паркъ, надъ которымъ трудилась сама природа, умъ и вкусъ челоука, — ландшафтъ, полный жизни, прелести и изящества, и съ которымъ почти и сравнивать нельзя наше отечество! Да, да, и сравнивать нельзя. Вы можете себѣ составить какое нибудь понятіе, напримѣръ о всей Германіи, если вамъ приходилось бывать въ какомъ нибудь прекраснѣйшемъ паркѣ или помѣстьи богатаго барина: въ этомъ паркѣ вы видѣли въ полной красотѣ и прелести — рощи и лѣски, озера, ручьи и потоки съ чистою водою, яркую зелень сочныхъ луговъ, нивы съ тучными колосьями, фруктовые сады, дороги и тропинки, гладкія, чистыя, обсаженные деревьями, мосты и мостики, устроенные съ полнымъ знаніемъ архитектуры; барскій домъ и нѣсколько сельскихъ домиковъ, — простыхъ, но красивыхъ, удобныхъ и тонущихъ въ зелени виноградины или плодовыхъ деревьевъ...

Прибавьте къ этому, что во время вашей прогулки, вамъ попадались лошади, волю, коровы, овцы — полныя, сытныя, веселыя; далье — повозки и различныя хозяйственныя принадлежности — сделанныя прочно, умно и даже красиво. Если въ этомъ помѣстьѣ или паркѣ недостаетъ громадныхъ горъ или скалъ въ дикомъ ихъ величїи, въ самыхъ фантастическихъ очертанїяхъ; недостаетъ возвышенныхъ склоновъ, то одѣтыхъ ярко зеленою лѣса, то покрытыхъ террасами виноградниковъ; — добавьте все это своимъ воображеніемъ, и вы составите себѣ, конечно очень слабое, понятіе о красотѣ и устройствѣ многихъ государствъ западной Европы.

Оставивъ Россію, съ ея безконечными выгонами, на которыхъ не растетъ и трава, съ ея дурно-обработанными полями, съ ея топкими стадами домашнихъ животныхъ, съ ея бревенчатыми, большою частію одноглазыми избами, покрытыми соломой, съ ея непроходимо грязными или ухабистыми дорогами, съ прудами и рыками, куда сливають навозъ и дохлыхъ животныхъ; съ ея, наконецъ, жителями,

грубо или неоправданно одетыми и робко поднимающими взоры свои кверху,—и очутившись за-границей, вы решительно убеждаетесь, что попали въ иной міръ, о прелести и красотахъ котораго вамъ и не грезилось; вы вездѣ и во всемъ видите жизни, полную силъ, бодрость духа, строгое и расчетливое отношеніе между человекомъ и природою, умъ ие всѣмъ воспользоваться, все вредное предотвратить; вы видите, что здѣсь есть хозяинъ—это царь въ головѣ народа, т. е. разумъ, и подчиненная предначертаніямъ этого царя—свободная воля..

Я вижу вашу кислую мину, любезный патріотъ; вижу, какъ вы хотите мнѣ напомнить людность западной Европы, при которой, по поволѣ всякій-де клочекъ земли долженъ превратиться или въ прекрасную ниву, или въ тучный лугъ, лѣсъ или садъ. А я такъ думаю иначе: тамъ, гдѣ мало жителей, природа должна бы остаться въ своей дѣвственной красотѣ; поля должны бы быть, вслѣдствіе меньшей истощенности земли, производительнѣе, скота больше, и следовательно, онъ долженъ бы быть сытнѣе и бодрѣе, а человекъ, при просторѣ, долженъ бы быть свободнѣе, богаче и менѣе изнуренъ. Натѣ, мы бѣдны и одеваемъ нашу природу въ разодранное рубище—не потому, что насъ мало живетъ на русской землѣ, а потому, что мы не дѣти этой земли, а пасынки, моты, у которыхъ нѣтъ отечества, нѣтъ потомства, а есть русское *авось* и жажда временной крѣпости, которую мы по временамъ приправляемъ кваснымъ патріотизмомъ, равносильнымъ русскому квасу, который или пучить, или глазъ рветъ. Я постараюсь доказать это, и прежде всего обращусь къ лѣсу,—къ этому драгоценнѣйшему дару природы, который она готовила для человека цѣлыя столѣтія, и который болѣе всего служитъ къ красотѣ и свѣжести ея силъ.

Не знаю, сколько числится лѣсныхъ пространствъ на западѣ Европы, напримаръ въ срединѣ ея; но кажется, что тамъ вообще, сравнительно съ Россією (разумеется, за исключеніемъ чисто-лѣсной сѣверной полосы ея и Сибири), лѣсу много; но крайней мѣрѣ мнѣ не приходилось быть ни въ одной мѣстности, гдѣ бы не было волнами болѣе или менѣе значительныхъ лѣсныхъ участковъ. Зная, какъ въ Россіи быстро исчезаютъ лѣса, и какъ степи съ каждымъ десятиемъ лѣтъ ширятся на необъятныя пространства, я невольно обращался съ просьбою къ заграничнымъ лѣсничимъ, хозяевамъ а администраторамъ—объяснить мнѣ—какимъ образомъ сохраняются и поддерживаются лѣса на западѣ Европы—въ различныхъ государствахъ Германіи, въ Швейцаріи, Бельгіи и въ другихъ краяхъ. На вопросъ мой мнѣ отвѣчали: 1) что большая часть лѣсовъ, въ настоящее время, въ некоторыхъ государствахъ западной Европы,

напримѣръ въ Баваріи, Виртембергскомъ королевствѣ, въ Швейцаріи и др., принадлежатъ правительству, которое постоянно скунаетъ ихъ, при первой возможности, отъ частныхъ лицъ. 2) Что лица, охраняющія эти лѣса, хотя и не украшаются эполетами, и, можетъ быть, не всѣ превосходно танцуютъ польку и мазурку, — но зато усердно занимаются своимъ дѣломъ, т. е. охраняютъ и разводятъ лѣса, — и притомъ совершенно не причастны ни къ какимъ лѣснымъ грѣхамъ; 3) самъ народъ уважаетъ собственность государства, и почти не было примѣра, чтобы поселяне были пойманы въ кражу лѣса. 4) Что лѣса частныхъ владельцевъ находятся подъ непосредственнымъ наблюдениемъ правительства, такъ-что владелецъ лѣса не можетъ вырубать его безъ разрѣшенія правительства, и вообще обязывается, если по видамъ правительства считается нужнымъ, возобновить вырубленный лѣсъ; если же правительство находитъ, что предположенный къ вырубкѣ участокъ можетъ, по уничтоженіи лѣса, оказать вредное вліяніе на соседственныя пахотныя земли, — то ни въ какомъ случаѣ не дозволяется частному владельцу приступить къ вырубкѣ лѣса. 5) Само правительство постоянно заботится о новой рассадкѣ лѣсовъ.

Вотъ причины, по которымъ лѣса въ упомянутыхъ государствахъ западной Европы — сохраняются и постоянно увеличиваются. Въ Саксоніи и Баваріи, какъ мнѣ сказывали, всѣ видныя въ настоящее время лѣса болѣе или менѣе разведены искусственно и обязаны своимъ явленіемъ на лицѣ земли благоразумнымъ мѣрамъ правительства и благонамѣреннымъ расчетамъ частныхъ владельцевъ. И этого не можетъ не замѣтить даже тотъ, кто совершенно не знакомъ съ наукою лѣсоразведенія. Лѣсныя пространства всѣ болѣе или менѣе правильно очерчены и разбиты на дѣлянки; вырубаются они не-какъ поспало, а по строгимъ правиламъ таксаціи. Въ Саксоніи мнѣ приходилось ѣхать по нѣскольکو часовъ, по желѣзной дорогѣ, и явасемъ протяженіи пути видѣть лѣсныя болышею частію хвойныя насажденія, въ правильныхъ рядахъ, и въ некоторыхъ мѣстностяхъ эти насажденія представляются въ видѣ огромнѣйшихъ террасъ, расположенныхъ на равнинѣ: вотъ насажденіе, положимъ, пяти лѣтъ; за нимъ слѣдуетъ 10, далѣе — 20, 30, 40, 50, 60, 70 лѣтъ и т. д. Любо смотреть на эти чащи, — и тамъ отрадые смотреть на нихъ, когда представишь себѣ на чемъ онѣ растутъ: на кичомъ нибудь пескѣ, сыромъ торфяникѣ, на каменистой землѣ, на безплодномъ суглинкѣ и т. п. Дѣйствительно, за-границей умѣютъ воспользоваться всякимъ лоскуткомъ земли. Особенно это видно на горахъ, — которыхъ, или по крутизнѣ своей, или по каменистости неудобно ни для полей, ни для

лугамъ, — и потому эти склоны одеты лѣсомъ, или, въ некоторыхъ мѣстностяхъ, (напримѣръ въ Баваріи, въ рейнскихъ прусскихъ провинціяхъ, Гессенъ-Кассель, Штутгардъ и т. п.) виноградниками.

Вообще на лѣсъ на горахъ, за-границею, обращено особенное вниманіе, такъ что, за исключеніемъ Франціи, мнѣ рѣшительно не приходилось видѣть вершинъ или крупныхъ склоновъ горъ — обнаженными отъ лѣснаго покрова. Само собою разумѣется, что подъ эту категорию не входятъ чистыя каменные скалы и утесы, напримѣръ въ саксонской Шведаріи, — но и здѣсь сколько возможно поощажена лѣсная растительность. Нельзя не видѣть и на этотъ разъ умнаго распоряженія тамошнихъ правительствъ. Дѣйствительно, если гдѣ, то на горахъ неудобно падать и — если возможно — разводить лѣсъ. Во-первыхъ, горы выше обыкновеннаго уровня земли, и слѣдовательно скорѣе своею прохладною атмосферою (которая преимущественно обуславливается присутствіемъ лѣса) охладятъ тучи и заставятъ ихъ пролиться дождемъ на землю. Во-вторыхъ — если горы вообще защищаютъ долины и равнины отъ вѣтровъ, — такъ сильно иссушающую почву и производящихъ внезапные переходы отъ тепла къ холоду, то тамъ болѣе горы, покрытыя лѣсною чащею. Въ-третьихъ, многіе крутые склоны только тогда и могутъ быть полезны въ хозяйственномъ отношеніи, когда они бывають покрыты лѣсомъ, въ противномъ случаѣ они обнажаются отъ почвы, превращаются въ овраги и дѣлются ни къ чему негодными. Въ-четвертыхъ, горы, покрытыя лѣсомъ, всегда доставляютъ туку лежащимъ при подножьи ихъ долинамъ; слѣдовательно, возвышаютъ ихъ производительность. Въ-пятыхъ, горы, одѣтыя лѣсомъ, способствуютъ образованію ключей и ручьевъ и непосредственно предохраняются рѣки отъ заноса ихъ — глиною, пескомъ, камнями и т. п.

Отсюда само собою становится яснымъ, что западъ Европы, сохраняя по горахъ лѣсъ, угадалъ благотѣльнѣйшее назначеніе его на этихъ мѣстахъ. О, какъ бы и намъ надобно воспользоваться его добрымъ примѣромъ! У насъ рѣшительно на этотъ разъ идетъ повсемѣстная разладка съ здравымъ смысломъ, съ наукою, съ заботливостію о судьбѣ грядущихъ поколѣній. Берега нашихъ рѣкъ, и въ особенности возвышенные ихъ склоны, — почти повсемѣстно обнажены отъ лѣснаго покрова, превращены въ огромные овраги, лишены не только растительнаго слоя, но даже и порядочной растительности, — и рѣки наши, отъ обильнѣйшаго наноснаго матеріала, съ каждымъ годомъ мельютъ и измѣняютъ свое русло. Достаточно на этотъ разъ взглянуть на Волгу, Уралъ, Донъ, Днѣпръ и Днѣстръ, которые, конечно, скоро совершенно перестанутъ быть судоходными.

И отранно — находятъ голубы, которыми крутить свой мезгъ надъ вопросомъ: отчего наши рѣки мелятъ? Вырубая леса, сказала знаменитый Гумбольдтъ, человечество въ будущемъ готовитъ два неизбежныя бѣдствія: недостатокъ толщины и недостатокъ воды. Эти слова великаго ученаго подтверждены и подтверждаются безчисленными примѣрами какъ въ Старомъ свѣтѣ, такъ и въ Новемъ. Сладовскаго, больше и нечего говорить объ атомъ предметѣ, посмотримъ на вредъ отъ истребленія лѣсовъ отъ другой, близкой къ намъ стороны.

Намъ Богъ далъ превосходнѣйшую почву въ цѣломъ мѣрѣ, а разумью черноземъ, котораго и слабаго отъѣвка нать на всемъ западъ Европы; но мы рѣшительно мотаемъ это сокровище. Не говоря уже о неправильности нашихъ системъ полеводства, которыми такъ истощаютъ эти земли, оставляя безъ вниманія то, что мы не имеемъ для этихъ благодатныхъ земель, соответственныхъ орудій, и что мы не стараемся поддержать ихъ природную плодородность искусственнымъ удобреніемъ, травостяніемъ, правильною заботою на нихъ скота, — если бы мы взвѣсили только ту убыль, которой подвергается нашъ черноземъ отъ неудержимыхъ ветровъ и водныхъ потоковъ, уносящихъ съ собою плодотворныя частицы, — мы вполне убѣдились бы, что насъ можно доставить въ число тѣхъ дѣтей, о которыхъ говорится: глупому сыну же въ помощь богатство. Повѣрите ли, любезный читатель, если я скажу вамъ, что мнѣ приходилось находить въ низменныхъ мѣстахъ (въ балкахъ юга Россіи) въ четырнадцать сажень толщины наносъ илу, состоящаго изъ тончайшихъ частицъ глины, чернозема и др. Сочтите же, сколько драгоценнаго тука уносится вѣшними водами и вообще всеми ливневыми дождями въ рѣки, и изъ нихъ въ моря и т. д. По правымъ берегамъ Волги, Дона, въ Бессарабіи я видѣлъ несколько мѣстностей, бывшихъ подъ лѣсомъ, оставившемъ послѣ себя олей чернозема въ аршинъ глубины; — прошло десять лѣтъ послѣ окончательнаго уничтоженія лѣса, — и теперь не только не осталось слѣдовъ чернозема, но даже земля, по причинѣ рытвинъ и обнаженія известковаго дуглинка, совершенно едлаалась на къ чему негодною. Смѣло можно сказать, что этимъ путемъ мы ежегодно теряемъ изъ богатствъ нашей земли на милліоны. Придетъ время, когда добрый гений рациональнаго хозяйства осанитъ Русь, пробудитъ ее отъ дремоты, и она схватитъ за сбереженіе своей благодатнѣйшей земли, — будетъ удерживать потоки ветровъ и дождевыхъ водъ — живыми изгородями и лѣсными насаженіями; — но дай Богъ, чтобы это не было уже слишкомъ поздно!

Если гдѣ, то въ Россіи надобно позаботиться о сохраненіи и разведеніи лѣсовъ, потому что, въ отношеніи климатическомъ, лѣсамъ

судило у нас играть более важную роль, чѣмъ на западѣ Европы. Припомнимъ, что наша европейская Россія есть ничто иное, какъ обширнѣйшая равнина, которая даже съ сѣвера не защищена возвышенными порами, и которая внутри себя не имѣетъ соразмернаго съ своимъ пространствомъ количества открытыхъ водъ, такъ много сдѣлывающихъ возвышенію средней температуры; она можетъ называться континентомъ въ полномъ значеніи этого слова, следовательно отраною съ континентальнымъ климатомъ. Моря, соприкасающіяся къ этому великому континенту, почти совершенно не могутъ оказывать никакого вліянія на температуру и количество атмосферной влаги,—во-первыхъ потому, что они сравнительно слишкомъ малы, во-вторыхъ потому, что за исключеніемъ Чернаго, находятся въ сѣверныхъ широтахъ, и въ-третьихъ, наконецъ, потому, что эти моря почти совершенно разобщены съ теплыми, тропическими теченіями океановъ, которые имѣютъ силу возвышать среднюю температуру, какъ на примѣръ, тропическое теченіе Атлантическаго океана возвышаетъ среднюю температуру Великобританскихъ острововъ. Еще въ менѣе выгодномъ положеніи, по отношенію къ климату, находится наша Сибирь, вложенная къ полярнымъ странамъ, отъ суровости которыхъ теперь она отчасти защищена обширною полосою льдовъ; если современемъ уничтожится этотъ оплотъ, — Сибирь наша удвоитъ жестокость своихъ зимъ. Но мы должны вѣрить, что здравый смыслъ не допуститъ эту богатую страну до такого ужаснаго переворота отъ котораго—пожалуй—порядкомъ достанется и странамъ, лежащимъ по сю сторону Гималая, — даже Остъ-Индіи. Но обратимся опять къ европейской Россіи.

Напрасно я сталъ бы здѣсь приводить числа среднихъ температуръ, количества выпадающей атмосферной влаги и предѣлы распространенія растительности—въ странахъ, лежащихъ подъ одними градусами широты съ континентомъ Россіи: эти числа и предѣлы известны изъ физической географіи даже дѣтямъ; и они ясно показываютъ, что климатъ Россіи для растительности и животныхъ организмовъ менѣе благопріятенъ, чѣмъ климатъ всей западной Европы,—или говоря нѣсколько пространнѣе: зимы у насъ продолжительнѣе, средняя температура года ниже, воды выпадаетъ меньше, быстрые переходы отъ тепла къ холоду и на оборотъ повторяются чаще; что предѣлы для болѣе цѣнныхъ растений мы имѣемъ южнѣе, чѣмъ во всѣхъ государствахъ западной Европы. И опять излишне здѣсь приводить всѣмъ известные причины, по которымъ Западъ находится подъ болѣе благопріятными климатическими условіями: онъ ближе къ обширнымъ морямъ и даже къ океану, несущему воды

трошиковъ; онъ несравненно богаче внутренними открытыми водами и горными краями; наконецъ онъ болѣе, сравнительно, нѣтъ лѣсу и зеленящихся поверхностей.

Не знаю, когда сбудется пророчество знаменитаго Араго,—что современемъ люди будутъ творить рѣки, которыя не останутся безъ благотворительнаго вліянія на климатъ, растительность и организмъ животныхъ; но до того времени благорастворенность климата должна обуславливаться обиліемъ лѣсовъ,—по крайней мѣрѣ Россія должна видѣть въ нихъ свое спасеніе отъ суровости холодовъ и засухъ. Они для нея должны въ известной степени замѣнить недостатокъ открытыхъ водъ и преимущественно морей; потому что вліяніе ихъ на возвышеніе средней температуры и количества атмосферной влаги происходитъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ происходитъ это вліяніе отъ открытыхъ водъ. Пусть западная Европа истребитъ все свои лѣса,—отсутствіе ихъ не можетъ такъ вредно подѣйствовать на климатъ такого края,—какъ окончательное истребленіе лѣсовъ въ Россіи: тамъ другія географическія и топографическія условія.

Многіе ученые, вслѣдствіе всеобщаго истребленія лѣсовъ, мрачными глазами смотрятъ на отдаленную судьбу нашей планеты, и даже думаютъ, едва ли она будетъ удобна для полной жизни органическихъ существъ. Они не только опасаются за недостатокъ водъ—земныхъ и атмосферныхъ, за недостатокъ топлива (потому что пласты каменнаго угля, антрацита и торфа—не неисчерпимы), но даже за недостатокъ чистаго воздуха, который главнымъ образомъ восполняется обширнѣйшею зеленою поверхностью лѣсовъ. А потому надобно предполагать, что современемъ все государства включатъ въ свое международное право—общее охраненіе лѣсовъ; опредѣлятъ мѣста, гдѣ должны сохраняться эти благотворительнѣйшіе представители царства растительнаго—во всей неприкосновенности, и гдѣ должны они вновь занять достойное ихъ мѣсто на лицѣ земли. Потому что нѣтъ никакого сомнѣнія, что истребленіе лѣса въ одной какой нибудь странѣ, повидимому и отдаленной, болѣе или менѣе отражается на атмосферу и другихъ. Россія имѣла бы болѣе благоприятный климатъ, если бы въ сопредѣльныхъ съ нею странахъ восточныхъ Азіи (напримѣръ въ Персіи, въ азіатской Турціи и др.) были сохранены лѣса. Если европейская Россія, положимъ, даже только на западѣ своемъ, гдѣ много обширныхъ лѣсныхъ пространствъ—истребитъ свои лѣса,—то суровость ея зимъ и засухи будутъ чувствительны едва ли не всему западу Европы. Можетъ быть, некоторымъ покажется слишкомъ парадоксальнымъ—если я скажу, что истребленіе могущественнѣйшихъ и роскошнѣйшихъ лѣсовъ Новаго Свѣта будетъ

чувствительно въ климатическомъ отношеніи и въ Старомъ Свѣтѣ. Да, придетъ время, когда подумаютъ о лѣсахъ серьезно, тѣмъ мы. Ковечно, чтобы подвести собственности самостоятельныхъ государствъ общенародному контролю,—много нужно условій,—нужно, чтобы своекорыстіе и матеріализмъ были подавлены высокимъ гуманизмомъ. Но неужели высокія истины христіанства неосуществляются? неужели бурный потокъ страстей сильныхъ міра сего неосыхаетъ предъ свѣтлыми лучами цивилизаціи, здраваго смысла и высокихъ идей христіанства? неужели сильные міра сего никогда не будутъ слугами своихъ подчиненныхъ, какими велитъ имъ быть евангельское слово? . . . . О, нѣтъ, будетъ на землѣ едино стадо и единъ пастырь—духъ небесной истины.

Но до всего этого еще далеко, и наука много должна потрудиться, чтобы доказать необходимость соответственнаго распредѣленія лѣсной растительности на всемъ земномъ шарѣ; еще большаго труда будетъ стоять для гуманизма—разсвѣять своекорыстные виды и убѣдить сердце—принять указанія науки.

Но для всякаго отдѣльнаго государства, управлявшаго одною волею, составляющаго одну родную семью, простирающаго свою заботливость и на судьбу грядущихъ поколѣній,—опредѣленіе неизмѣненныхъ лѣсныхъ пространствъ—дѣло очень возможное, и вопіющій грѣхъ—если оно не позаботится осуществить эту возможность.

Правительство наше, учредивши спеціальное лѣсное учебное заведеніе, единственное по своимъ средствамъ въ цѣломъ мірѣ, и обративши свою отеческую заботливость на сохраненіе государственныхъ лѣсовъ,—много сдѣлало для сбереженія и воспроизведенія этого сокровища природы и государственнаго богатства. Но наши частныя владѣльцы лѣсовъ не слѣдуютъ этому доброму примѣру,—они безъ жалости истребляютъ свои лѣса. Обуздать это своевольство, для котораго нѣтъ ни государства ни общеннаго блага, нѣтъ даже собственнаго племени,—можетъ только одинъ законъ,—и онъ необходимъ. Не ропшутъ же на этотъ законъ баварцы, виртемберцы и другіе владѣльцы лѣсовъ на западѣ Европы.

Что мнѣ до вашихъ разсчетовъ и доходовъ, любезный владѣлецъ лѣса! для супруги вашей нужны брюссельская паутина и брилліантовые часы, но мнѣ, члену того же отечества, нуженъ чистый воздухъ, нужна вода; безъ блондъ и кружевъ, (которыя скажу между прочимъ: рѣшительно не удовлетворяютъ ни одному мотиву эстетическаго чувства; они цвѣются высоко, единственно потому, что покупаются слишкомъ на дорогія жертвы, въ чемъ я лично убѣдился. Этакое, подумаешь варварство во всей современной намъ подсолнечной!!!)

безъ украшенныхъ брилліантами часовъ ваша дражайшая половина можетъ обойтись, но я безъ чистаго воздуха и воды не могу. Конечно и воздухъ и вода есть у меня, но если для васъ нѣтъ потомства, то оно есть для всякаго здравомыслящаго русскаго человѣка.

Но вашъ умственный взоръ, помраченный роскошью и тщеславіемъ, не можетъ смотрѣть въ будущность, пусть же онъ обратится на современность. Положимъ, что для васъ, владѣлецъ лѣсовъ, нужно 20 или 50 тысячъ рублей, чтобы проиграть ихъ въ карты или прокутить во славу русскаго барства или княжества въ Парижѣ,—и вы уничтожаете лѣсъ; но посмотрите на сотни тысячъ бѣдныхъ земледѣльцевъ, которые изъ-за вашей прихоти утирають горькія слезы, терпя скудные урожан на своихъ поляхъ, которыя были защищены вашимъ лѣсомъ—или отъ суровыхъ и несвоевременныхъ холодовъ, или отъ сухихъ потоковъ вѣтра; а у ввѣренныхъ вашему непосредственному попеченію крестьянъ изсякли источники чистой воды, и они утоляютъ свою жажду вонючей навозной прудовой жижей. Позвольте васъ спросить: не варваръ ли вы первой руки!—Вы скажете: это ученые бредни!—Нѣтъ, я могъ бы вамъ указать на нѣсколько рыбныхъ рѣчекъ, которыхъ, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, чрезъ двадцать лѣтъ и слѣдовъ не осталось, и въ этихъ мѣстахъ дѣйствительно жители дѣлають запруды, загачивая ихъ навозомъ. По милости глупыхъ расчетовъ помѣщиковъ и алчности жидовъ, Бессарабія почти въ двадцать лѣтъ опустошена отъ своихъ превосходныхъ лѣсовъ: въ Подоліи, на Волынѣ, въ Кіевскій губерніи тоже они исчезаютъ, и вотъ нынѣшнимъ (1858 г.) лѣтомъ западь опустошилъ необозримыя пространства полей не только въ Новороссійскомъ краѣ, но и въ Бессарабіи и въ соседственныхъ съ ними губерніяхъ. Это не бредни, а факты!

Сухіе вѣтры заволжья и холода востока не были такъ чувствительны для правай стороны Волги, когда гряда сопутствующихъ ей горъ была покрыта лѣсами; но теперь вліяніе означенныхъ дѣятелей атмосферы—губительно дѣйствуютъ на растительность всего этого обширнѣйшаго края. Самое заволжье, находясь подъ защитою лѣсной гряды, имѣло болѣе благоприятный климатъ, чѣмъ теперь. Спросите тамъ любаго старика лѣтъ 60—70, и отъ вамъ скажетъ, что въ прежнія поры они и не знали саней, скотъ круглый годъ пасли на степяхъ и снѣжокъ едва припорошивалъ землю.

Есть у насъ мѣстности, гдѣ въ прежнія времена дубъ былъ господствующею породою и достигалъ исполинскихъ размѣровъ, — теперь молодыя насажденія его иногда вымерзають. Полоса винограда и кукурузы въ Россіи отодвинулась на югъ градусъ на два! —

Такъ измѣнился климатъ у насъ, въдствие истребленія лѣсовъ, а съ ними—уменьшенія и исчезновенія открытыхъ водъ!

Да что доказывать всемъ очевидное. Довольно, если на воздухъ и воду всѣ члены государства имѣютъ одинаковыя права, то и спору быть не можетъ, что эти члены имѣютъ тѣ же права на источники, которые обуславливаютъ существованіе воды и чистоты воздуха—этихъ необходимѣйшихъ элементовъ для жизни.

И такъ во имя правды, во имя русскаго человѣчества, во имя непреложныхъ законовъ природы,—контроль надъ частноты лѣсами, и контроль самый строгій! Богъ съ вами и съ вашими сахарами, стекломъ и фарфоромъ! Все это доставить намъ западъ Европы, а не доставить,—обойдемся и безъ нихъ, но безъ воды, воздуха и топлива жить невозможно. Контроль и контроль! Перенимая у запада Европы моды, шегольскіе экипажи и комфортъ жизни,—переймемъ и благодѣтельныя постановленія его, и подчинимся этимъ постановленіямъ съ христіанскимъ смиреніемъ сердца.

Оставляя пользу, получаемую человѣкомъ отъ лѣсовъ, если посмотримъ мы на нихъ съ эстетической точки зрѣнія, то и здѣсь найдемъ новое убѣжденіе сохранять это драгоценное произведеніе природы.

Въ началѣ этой статьи я сказалъ, что эстетическое чувство народонаселенія западной Европы находитъ для себя обильную пищу въ лѣсной и вообще во всей зеленющей растительности, которою дышатъ тамошнія горы, поля и луга. Небо и море—два прекраснѣйшіе предмета для эстетическаго чувства и напрасно бы я сталъ восхвалять красоту ихъ и описывать—какую отраду, какія сладкія и вмѣстѣ возвышавныя чувства порождаютъ они въ человѣкѣ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ безбрежной синевы моря, по сказанію умныхъ и ученыхъ людей, замѣнить его можетъ одна зелень и преимущественно обширная, мощная, разнообразная, полная жизни и игры,—зелень лѣса. Понявъ это образованный житель Европы, и потому сталъ беречь лѣсъ и, имѣя малевнкій клочекъ земли, поставилъ себя въ обязанность украсить свое жилище зеленью деревъ и яркими красками цвѣтовъ. Дѣйствительно, рѣдкій домикъ тамошняго поселянина не имѣетъ нѣсколько деревцовъ и цвѣтника; и весело ему, т. е. поселянину, отдохнуть послѣ трудовъ подъ тѣнистымъ деревомъ, посмотреть на привѣтливую зелень, на трепеть колышавшихся листьевъ. Чистая природа не навѣтъ на душу его грязныхъ помысловъ и подчасъ удержитъ отъ шумнаго разгула страстей.

Но тамъ, на западъ Европы, кромѣ этого, и природа гораздо разнообразнѣе нашей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ во всей юж-

ной Германіи, въ некоторыхъ частяхъ Саксоніи, въ Баваріи, Виртембергѣ, Швейцаріи и т. д.,— столько возвышеннаго, величественнаго, прекраснаго, что только человекъ съ грубымъ чувствомъ не можетъ прельститься картинами природы, — и онъ, эти — величественныя, изящныя картины, естественно должны были положить печать на всю духовную сторону тамошняго народа. — Въ Россіи, почти во всѣхъ отношеніяхъ, могутъ напомнить тамошніе края красотою и обиліемъ даровъ — только Бессарабія и Подолія, которыя впрочемъ, по богатству своей почвы, стоятъ еще выше тѣхъ странъ. Исключительный Крымъ, некоторые уголки Финляндіи, правыя прибрежья Волги и Дона, мы и мѣстности, и природу во всей почти европейской Россіи имѣемъ очень однообразныя и даже въ некоторомъ отношеніи скудныя. — Но если мы не пощадимъ своихъ лѣсовъ, — картина нашей природы сдѣлается еще безжизненнѣе. И теперь — посмотрите на наши безлѣсныя равнины, или еще ближе на степи: въ иное время онѣ бывають устланы черными заплатами, въ другое — очень короткое — зеленѣють, — и потомъ покрываются какимъ-то песчанымъ цвѣтомъ — самымъ безотраднымъ для эстетическаго чувства. Можетъ ли въ народѣ развиваться жизнь, когда онъ всюду и почти всегда видитъ мертвенность, разрушеніе, гніеніе? — Не парадоксъ это, и не мелочность!

Разговорившись о лѣсахъ, я еще скажу объ истребленіи ихъ, и попрошу читателя посмотреть на этотъ предметъ съ другой стороны.

При видѣ ужаснаго уничтоженія лѣсовъ въ Россіи, многіе разсуждаютъ объ этомъ и стараются отыскать причины, содѣйствующія этому опустошенію. Иные въ число означенныхъ причинъ включаютъ умноженіе фабрикъ и заводовъ; другіе — недостатокъ научныхъ свѣдѣній въ лѣсохозяйствѣ; третьи — въ пастьбѣ скота въ лѣсахъ, четвертые — въ употребленіи лыкъ, деревянныхъ обручей, въ тропичкхъ бережкахъ и т. п. Дѣйствительно всѣ эти причины болѣе или менѣе содѣйствуютъ къ уничтоженію лѣсовъ въ Россіи, и изъ нихъ конечно, болѣе прочихъ — неумѣнье пользоваться лѣсомъ и возобновлять его.

Но что-то я не помню — обратилъ ли кто вниманіе на русскія печи и на построеніе жилищъ, преимущественно крестьянскихъ? По моему мнѣнію, здѣсь главная причина истребленія лѣсовъ.

Русскія крестьянскія печи соединяють въ себѣ всевозможные недостатки, изъ которыхъ я укажу здѣсь только на два, по моему мнѣнію, самые существенныя. Первый: громадность и соответственная этой громадности толстота стѣнъ, или вообще массивность печи. Легко себѣ представить эту громадность, когда мы припомнимъ,

что нередко наши поселанье, за неимениемъ бани, парятся въ своихъ домовыхъ печахъ, и иной разъ мать обмываетъ и паритъ тамъ двоихъ или троихъ ребятишекъ вмѣстѣ. Судите же—сколько потребуются топлива, чтобы награть подобную печь! Положимъ, въ зимнюю пору подобная печь дольше держитъ тепло, чѣмъ меньшаго объема, съ болѣе тонкими стенками: но за то сколько здѣсь пропадаетъ горячаго матеріала въ теплое время года? Чтобъ сварить горшокъ ей, эту печь надобно почти столько же топить, какъ и при двадцати пяти градусахъ мороза. То, что нѣмка-поселанка можетъ приготовить горстью прутиковъ, наша крестьянка приготовляетъ вязанкою толстыхъ дровъ.

Неменьше бросается въ глаза другой недостатокъ, это—расположеніе или форма печи. Чтобы при случаѣ попариться въ ней и имѣть возможность ставить въ нее огромные горшки и чугуны,—эти печи устраиваютъ съ огромнымъ челомъ и съ высокимъ сводомъ; въздвигнуто чѣмъ весь жаръ горячаго матеріала направляется вверхъ, а не непосредственно на горшки или чугуны, въ которыхъ варится пища; даже если приставить горшокъ ближе къ пламени или жару, то и въ такомъ случаѣ онъ нагревается одной стороною, что, очевидно, менѣе сообразно съ экономіей топлива, чѣмъ когда бы жаръ дѣйствовалъ подъ низъ горшка. Хлѣбъ посаженный на подъ скорѣе испечется, чѣмъ приставленный бокомъ къ жару; въ послѣднемъ случаѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, онъ даже вовсе не можетъ испечься.

За этими еще надобно обратить вниманіе на близость трубы къ мѣсту горнія (топки). Смотри на топящуюся печь, мы не можемъ не замѣтить, что нередко пламя, ударяясь о сводъ, загибается въ чело и непосредственно входитъ въ самую трубу, имѣющую не болѣе трехъ-четырехъ аршинъ высоты. — Если правильно-устроенная печь должна дорожить даже теплымъ дымомъ и выпускать его тогда, когда почти весь теплородъ его передается нагреваемому предмету; то разсчитайте—сколько теряется теплоты, когда не только горячій дымъ, но даже пламя, выходятъ чрезъ короткую трубу, на открытый воздухъ!

По моимъ соображеніямъ, только этимъ однимъ путемъ наши крестьянскія жилища теряютъ менѣе $\frac{1}{4}$ теплоты, или, другими словами, $\frac{1}{4}$ горячаго матеріала тратятъ безъ всякой пользы. Но если къ этому присоединить вышеупомянутый недостатокъ, именно—громкость печи и еще два весьма важныя обстоятельства: первое—что печи у нашихъ крестьянъ непосредственно прислоняются къ двумъ стѣнамъ, и второе — что онѣ болѣею частію дѣлаются изъ сырой глины, (которая хотя и обжигается во время топки, но есте-

ственно никогда не может сравниться теплопроводности съ обожженными кирпичами); даъе, если врипомнить, что эти печи для одной варки пици требуютъ сравнительно огромнаго количества горючаго матеріала: то смъло можно полежаь, что при нвношь болъе совершеннѣйшемъ устройствѣ печей — потребовались бы въ годъ для всѣхъ нуждъ крестьянина, при всей суровости русскаго климата, не болъе $\frac{1}{4}$ горючаго матеріала.

Тутъ есть надъ чемъ подумать — хозяевамъ, экономистамъ, губернаторамъ и даже государственнѣмъ людамъ!

Увы! милая добрая русская земля! хоть-бы ты о печахъ-то овиохъ, удовлетворяющихъ первѣйшимъ потребностямъ, позаботилась! Что было во времена рюриковскіе, — то и теперь!....

Что мы будемъ толковать русскому народу о цивилизаціи, о просвѣщеніи — когда онъ печи порядочной не имъеть! — Говорите ему о сохранныхъ кассахъ, — когда онъ еще не умъеть хранить перваго предмета необходимости!... Не съ головы надобно начинать, а съ ногъ: прежде снимемъ съ русскаго мужичка лапти и олучи, а потомъ будемъ учить его шагать скорымъ маршемъ; но въ лаятахъ и олучахъ онъ бѣжать не можетъ.

Знаю, что найдутся рутинисты, которые будутъ защищать и русскую печь, какъ находятся поклонники толстыхъ кунчикъ, вышивающихъ въ день по двѣ дюжины чаю и съѣдающихъ въ одинъ пріемъ по фунту варенья, послѣ разнообразнѣйшихъ и огромнѣйшихъ грибныхъ блюдъ. Эти рутинисты скажутъ, что русская печь — спасенье для русскаго мужичка и его семейства: гдѣ-де онъ бѣдненькій, послѣ холода и мокроты обогрѣется и обсушится; куда онъ повѣситъ мерзлый хомутъ съ шлею; гдѣ баба просушитъ мерзлыя рубашки; куда поставитъ она квашню съ тѣстомъ или горшокъ съ кулагой; гдѣ обсушитъ она свои кудели льна и конопля; да куда, наконецъ, зимой дваться старикамъ и малымъ дѣтямъ? — О, правда, почтенный рутинистъ, правда, благодѣянія русской печи могутъ сравняться только съ благодѣяніями краснаго солнышка....

Только разрешите мнѣ — какъ же наши нѣмцы могутъ обходиться безъ этого солнышка! — Они-де привыкли. — Въ томъ-то и задача, любезнѣйшій, чтобы отучить и нашихъ мужичковъ отъ глупой привычки. Но если мы не можемъ отучить ихъ словомъ, убѣжденіями, — въ такомъ случаѣ должны дѣйствовать именемъ закона: тамъ, гдѣ ежегодно поглощаются миллионы народнаго богатства, законъ необходимъ. И почему бы въ самомъ дѣлѣ не обязать мужичковъ

дѣлать печи по образцу немецкихъ? Вѣдь даны же планы для сѣвъ и нѣбѣ государственнымъ крестьянамъ!..

Но посмотримся еще глубже въ зло русскихъ печей.—За недостаткомъ дровъ въ некоторыхъ мѣстахъ крестьяне наши живутъ въ избахъ мокрыхъ или покрытыхъ инеемъ и льдомъ. Сообразите весь вредъ, который можетъ произойти отъ жизни, въ такихъ избахъ, особливо для дѣтей.—Сколько мнѣ помнится, статистическія данныя показываютъ, что у насъ изъ всѣхъ умирающихъ на долю дѣтей приходится 40 и даже 50%. — Бѣдные малютки великой русской семьи!

Въ другихъ мѣстностяхъ, за совершеннымъ неимѣніемъ дровъ, наши крестьяне топятъ свои избы или соломой или навознымъ кирпичемъ, въ ущербъ экономіи хозяйства. Конечно, большею частью топлива этими матеріалами производится въ черноземной полесѣ, гдѣ удобреніе полей неочисляется необходимостью; но придетъ же время, для этой необходимости;—и тогда народонаселеніе этихъ мѣсть очутится между двухъ страшныхъ крайностей, т. е. между голодомъ и холодомъ. Каменный уголь, антрацитъ и торфъ у насъ имѣютъ только одніе опредѣленные и находящіеся не въ центрѣ государства мѣстности, и едвали будетъ возможность, за дальностію перевозки, употреблять эти матеріалы на отопленіе крестьянскихъ жилищъ. — Да, для большей части Россіи можетъ быть единственнымъ горючимъ матеріаломъ лѣсъ, и его-то надобно побережъ; а сбережъ его мы не иначе можемъ, какъ подведши частные лѣса правительственному контролю, и переобразовавши печи крестьянскихъ жилищъ, — даже самыя жилища, къ которымъ мы и перейдемъ.

III.

Села и деревни.—Вода.—Крыши и пожары.—Строительный матеріалъ и гніеніе высокоствольныхъ лѣсовъ.—Фундаменты.—Избы и хлѣвы.

Отправляясь за-границу, я думалъ, что и тамъ мнѣ представятъ такія же села и деревни, какія существуютъ въ Россіи; но совершенно увидѣлъ иное. Наши русско-немецкія колоніи превосходятъ и, кажется, говоря вообще, дома въ нихъ обширнѣе; однако деревни заграничныхъ поселенъ, въ томъ числѣ и родичей нашихъ — немцевъ, гораздо благоустроеннѣе, больше въ нихъ типшчоскисельскаго, больше разнообразія и красоты. Можетъ быть, я былъ подѣ

влияніемъ очаровавшаго меня Запада, но и тогда и теперь мнѣ представляется, что всякая деревенька въ Германіи, Швейцаріи, Бельгіи и даже, по мѣстамъ, во Франціи, такъ красивы, такъ весело и привѣтливо смотрять, — что кажется, любая изъ нихъ просится подъ карандашъ или на полотно.

Я уже, кажется, говорилъ, что почти воь тамошнія села и деревни закутаны въ зелень садовъ или виноградниковъ. Прибавлю къ этому, что многія изъ нихъ имѣютъ улицы, обсаженные деревьями и примыкаютъ къ рошамъ и лѣскамъ, которыя служатъ мѣстомъ для общественныхъ гуляній.—За этимъ всё онѣ, съ очень немногими исключеніями, и то едвали не въ одной Франціи, вымощены, и мостовыя такъ гладки, такъ исправно и чисто содержатся, что, право, мнѣ не приводилось видѣть ни въ одномъ русскомъ городѣ подобныхъ мостовыхъ по улицамъ. Для стока воды по сторонамъ улицы, на мѣсто нашихъ губернскихъ тротуаровъ или открытыхъ въ аршинъ глубины канавъ (какъ напримѣръ въ Одессѣ), одѣланы едва заметныя узкія, выложенныя камнемъ ложбины, разграничивающіяся проезжей болѣе или менѣе вынуклой нутью отъ тропинокъ для пешеходовъ. Вслѣдствіе ли того, что за-границей и особливо въ Германіи такъ дорожатъ всякимъ помостомъ и всякою нечистою, могущею служить удобреніемъ полей; или вслѣдствіе особеннаго расположенія къ чистотѣ,—только улицы многихъ и очень многихъ деревень такъ чисты, что вы никогда не увидите среди ихъ не только какой нибудь навозной кучи, дохлой кошки или собаки, костей, различныхъ обносковъ, обрывковъ и объѣдковъ, — но буквально тамъ и минуты не залеживаются изверженія проходящихъ по улицамъ животныхъ. Повѣрите ли моимъ словамъ? Да, кто не бывалъ за-границей, — тому трудно повѣрить, какъ и я на первый разъ едва взврилъ глазамъ своимъ. Можетъ быть, все это при дальнѣйшихъ моихъ описаніяхъ яснѣе представится читателю.

Не видѣлъ я ни одной деревни или села безъ чистой воды, которую можно встрѣтить тамъ почти на всякомъ перекресткѣ, и въ иныхъ селахъ даже передъ каждымъ домомъ. Большею частію эти воды проведены изъ ключей или родниковъ трубами, и для черпанія ихъ устроены металлическія помпы, которыя толкаютъ воду ещильной струей. Что здѣсь, въ этихъ снабженныхъ помпами водохранилищахъ, особенно хорошо, — такъ это то, что берущій воду не видитъ источника ея и не соприкасается съ нимъ. Припомните, что у насъ дѣлается: вотъ и порядочный колодець, съ прекраснымъ подземнымъ ключемъ, — но воды въ немъ въ ротъ нельзя взять, а отъ чего? во-первыхъ отъ того, что колодець не покрытъ, и туда, или

по шалости мальчишекъ, или по другимъ непредвидѣннымъ случаямъ, валяется различная дрянь и нечистота, даже подь часъ попадаетъ туда и кошка, или собака, которыхъ вытащать тогда, когда они, раздувшись, всплывутъ на верхъ. Но оставимъ эти случайности,—посмотримъ—какъ берется изъ этихъ колодець вода: вотъ идетъ баба, съ запачканными ведрами, снимаетъ ведра съ плечь, оставитъ ихъ на навозную землю и потомъ съ навозомъ и землею опускаетъ въ колодець: при такомъ мытьѣ нечистыхъ ведеръ, съ приставшею къ нимъ землею, можетъ ли вода держаться чистою и здоровою? Но этого мало. Вокругъ нашихъ колодець и въ обыкновенное время бываетъ грязь, но во время таянiя снѣга или при большихъ дождяхъ, — здѣсь дѣлаются навозныя топи, и грязная вонючая жижа стекаетъ сквозь срубы въ колодець.

Стало быть, нельзя не похвалить нѣмцевъ, что они, такъ сказать, скрыли источники своихъ водъ и дали пользоваться ими безъ опасенiя за чистоту и здоровость воды. На этотъ разъ даже молдаване опередили русскихъ. Путешествуя по Бессарабiи, я былъ пораженъ многочисленности колодець и чистымъ содержанiемъ ихъ. Этого мало: большая часть колодець имѣютъ или бадьи съ веревками, или ковши, которыми можетъ пользоваться всякій проходящiй или проезжающiй. И что удивительно—этихъ бадей или ковшей не крадутъ! Правда, всему этому есть причина: тамъ большею частiю колодцы устриваются частными лицами—или по известному обьту, или въ поминъ души близкаго родственника; следовательно въ основанiи этого добраго дѣла у молдаванъ лежатъ религiозныя убѣжденiя;—но спасибо и за это. Не штука, что иной въ поминъ души покойнаго отца выстроитъ колодець съ журавлемъ и бадьею; но отрадно то, что это святое чувство уважается другими — посторонними. Впрочемъ къ слову сказать: молдаване, по отношенiю къ чистотѣ и опрятности, далеко, далеко опередили русскихъ мужичковъ.

Много у насъ селъ стоитъ на проточныхъ водахъ: рѣчкахъ, ручейкахъ, ключахъ; но и здѣсь вода не чище; потому что въ русла этихъ источниковъ сваливаютъ всякую нечистоту, или она сама собою стекаетъ сюда съ дворовъ. Я знавалъ одно село, въ которомъ протекающiй сильный ручей имѣлъ самую отвратительную воду; между тѣмъ какъ за версту отъ села въ этомъ же самомъ ручьѣ водились форели, которыя живутъ только въ чистой прохладной водѣ. Согласитесь, читатель, что вода есть необходимѣйшiй элементъ для жизни. Следовательно если нѣмцы, швейцарцы, бельгiйцы и другiе западники снабдили ея послѣднюю деревеньку, то значитъ, что они далеко обогнали насъ и на этотъ разъ; потому что въ нашихъ се-

дахъ и деревняхъ—чистая прокладная вода радость,—а о городахъ и говорить уже нечего. Если я не ошибаюсь, въ Россіи только одна Сарепта (колонія въ Саратовской губерніи) имѣетъ чистую воду, проведенную въ улицы. И грустно, и досадно, что только одна, а не все! Положимъ у насъ нѣтъ порядочныхъ земледѣльческихъ орудій и повозокъ,—и, какъ говорятъ, потому нѣтъ, что въ Россіи дорого желѣзо; но почему наши мужички пьютъ воду вонючую или отвратительно-теплую? Право потому только, что имъ не указали и не приказали!

И особливо я на этотъ разъ сердить на гг. помѣщиковъ: хотъ бы за потъ, катящійся отъ тяжелаго труда, они позаботились о порядочной водѣ для своихъ крестьянъ. Ну почему бы, кажется, не заставить ихъ же самихъ надѣлать трубъ и не провести чистой и здоровой воды въ самую деревню или село. Кромѣ здоровья, глядишь, мужички и по опрятнѣе были бы; а чистота и опрятность великое дѣло въ дѣлѣ образованія младенчествуящаго народа. Но я уже на эту тему не разъ говорилъ. Возвращусь опять къ деревнямъ, и снизу подвинусь на верхъ.—

Повѣрители во все мое путешествіе по упомянутымъ государствамъ западной Европы, начавши путь свой отъ Вены, я видѣлъ только три или четыре соломенные крыши—одну, помнится, въ Швейцаріи, а двѣ или три во Франціи. Чѣмъ же тамъ кроютъ дома и хозяйственные службы: 1) желѣзомъ,—однако очень немногіе,—такая кровля тамъ роскошь; даже дворецъ австрійскаго императора не имѣетъ такой крыши,—онъ покрытъ черепицей, какъ и многіе дворцы тамошнихъ королей и герцоговъ; 2) кровельнымъ сланцемъ, который въ тѣхъ краяхъ въ довольно значительномъ употребленіи, но 3) вообще черепицею и притомъ плоскою, которою, для ясности прибавлю, все почти безъ исключенія покрыты дома въ селахъ и деревняхъ Германіи и другихъ государствахъ западной Европы.

Одними этими кровлями тамошнія села резко отличаются отъ нашихъ русскихъ, отъ селъ Венгріи, Силезіи, Валахіи, Молдавіи и др. Наши села издали представляются скучными, потому что кажутъ свои почернѣвшія, или желтобурыя крыши, отчасти напоминающія вазозныя кучи; напротивъ кровли селъ Германіи краснаго цвѣта, который съ зеленью садовъ и полей ярко и притомъ привѣтливо бросается въ глаза. Но, конечно, все это передъ выгодами, доставляемыми черепицею, ничто,—и первая здѣсь выгода, что при подобныхъ кровляхъ села менѣе подвергаются опустошительнымъ пожарамъ. Боже мой! Сердце обливается кровью, когда поолышишь—сколько ежегодно истребляется на святой Руси городовъ, селъ и деревень,

сколько все эти пожары похищаютъ народного богатства, сколько десятковъ тысячъ они повергаютъ въ нищету, и какъ вообще замедляютъ ходъ промышленности, благосостоянія и даже нравственнаго развитія. Мы завели по городамъ и даже некоторымъ селамъ пожарные инструменты; мы обязали жителей селъ бѣжать на пожары—кого съ ведромъ, кого съ топоромъ и т. д.; но факты доказываютъ убѣдительно всякихъ теоретическихъ гаданій, что эти мѣры мало приносятъ пользы и никогда не привесутъ ее въ желаемыхъ размѣрахъ, пока мы не измѣнимъ самыхъ построекъ,—и прежде всего крышъ, которыя вспыхиваютъ какъ порохъ, и легко воспламеняются даже отъ искръ летящихъ головень.

Признаюсь, до поездки за-границу, я не думалъ, чтобы вся западная Европа была покрыта черепицей; мнѣ что-то сдавалось, что и тамъ этотъ кровельный матеріалъ извѣстенъ только въ городахъ, села же и деревни также, какъ и у насъ, покрыты большей частію соломой; но когда я, объѣхавши большую часть тамошнихъ государствъ, увидѣлъ противное, невольно родились подобные вопросы: чего же глядѣли наши именитые, богатые и увѣянные путешественники? Не ужели ихъ сердце не трогалось при видѣ ободранныхъ, всклокоченныхъ, соломенныхъ крестьянскихъ избъ, при въездѣ на русскую землю? Не ужели опустошительные пожары, оставляющіе послѣ себя тысячи полунагихъ, безъ куска хлѣба и безъ крова, не напоминали имъ о безопасныхъ крышахъ Запада? Почему же они не позаботились о повсемѣстномъ уничтоженіи соломенныхъ кровель? Али, глины, братцы, не стало на русской землѣ? Али рукъ нѣтъ? Али дѣлать черепицу такъ мудрено, что только нѣмцы и могутъ ее дѣлать?—Повѣрьте, при искреннемъ желаніи въ десять, много въ двадцать лѣтъ воѣ бы наши города, села и деревни были покрыты черепицей.—Да что же дѣлать прикажете?—Заставить, обязать. Въ этомъ случаѣ нельзя ожидать перемѣны къ лучшему отъ общаго развитія и прогресса. Русскій мужикъ бываетъ изъ рукъ вонъ глупъ: онъ иной разъ, взобравшись на высокое дерево, рубитъ тотъ самый сучекъ, на которомъ стоитъ;—упадетъ, переломитъ себѣ ребра, да весь грѣхъ и свалитъ на волю Божію. Скажите ему, что черепицей крыть безопаснѣе отъ пожара, онъ непременно отвѣтитъ вамъ: коль Богъ попуститъ, такъ и черепица не защититъ. При такихъ грубыхъ предрассудкахъ, имѣющихъ отчасти религіозное основаніе, нечего оставлять на произволъ глупой головы полезное дѣло; надобно эту голову заставить сдѣлать. Да, и здѣсь мнѣ приходится сказать: тамъ, гдѣ гибнутъ ежегодно и безвозвратно миллионы народного богатства, и подрывается благосостояніе сотней тысячъ членовъ государ-

ства;—власть посторонней воли, законъ—необходимы. Чтобы покровительствовать только некоторымъ не общимъ промышленностямъ, существуютъ же тарифныя постановленія, — почему же не одѣлать постановленія для сохраненія и приращенія народнаго богатства, поглощаемаго пожарами,—и поглощаемаго въ такой мѣрѣ, что едва ли выгоды отъ всѣхъ тарифовъ составить одну миллионную долю въ сравненіи съ убытками отъ истребленія огнемъ городовъ, деревень и селъ.

Вы скажете, — что однѣ черепичныя кровли не спасутъ насъ отъ пожаровъ. Я тоже скажу, и ниже постараюсь выставить другія причины, умножающія наши пожары. Но теперь мнѣ хочется сказать еще нѣсколько словъ о черепицъ и соломенныхъ крышахъ.

Я думаю, что ни одинъ нѣмецъ не повѣритъ, что въ Россіи есть люди, даже, по видимому, изъ образованнаго класса, которые утверждаютъ, что соломенные или камышевыя кровли прекрасны и что съ ними ни какія другія не могутъ сравниться. Едва ли и вы, любезный читатель, повѣрите этому; но я еще недавно велъ страшный споръ съ однимъ богатымъ баринномъ, доказывавшемъ, что соломенные крыши самыя лучшія въ мѣрѣ. Этотъ баринъ, какъ и подобныя ему рутинисты, въ доказательство выгодъ соломенныхъ крышъ говорилъ: 1) что эти крыши львтомъ защищаютъ отъ жаровъ, а зимой отъ холодовъ; 2) что онѣ дешевы; 3) что по отношенію къ пожарнымъ случаямъ рвшительно стоятъ на одной степени со всѣми другими,—даже желѣзными; потому—де, что если огонь заберется внутрь зданія, то хоть какую крышу своротить.—Стоитъ ли отвѣчать на эти нелъци: 1, 2 и 3?

Первое само собою уничтожается, при первомъ взглядѣ на воще холодныя, мокрыя и душныя крестьянскія жилища. Последнее доказательство тоже разрушается однимъ тѣмъ, что при пожарѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, перваго дома, отъ котораго онъ начинается, всѣ прочіе загораются не внутри, а снаружи,—со стѣнъ, но чаще, при сильнѣйшихъ пожарахъ, обыкновенно сопровождаемыхъ вѣтромъ,—огонь нападаетъ на свои жертвы сверху, т. е. съ крышъ.—По видимому, сильнѣе прочихъ доводовъ—второе, т. е. дешевизна соломенныхъ крышъ.

Можетъ быть, по отношенію къ единичному лицу, эти крыши и дѣйствительно дешевле; но, по отношенію къ цѣлому государству, онѣ обходятся черезъ-чуръ дорого; потому что по милости ихъ государство ежегодно тердетъ на миллионы, съ огромнѣйшими процентами, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять, даже болѣе. Слѣдовательно, здѣсь голосъ частной выгоды не имѣетъ никакого вѣса, и по моему, если иному до-

отпочтенному хозяину слишкомъ дорого стоитъ черепичная крыша, то пусть ему кровомъ служить сводъ небесный,—а ужъ ни подь камышъ видомъ не матушка солома, по милости которой русская земля разорится и находится въ вѣчномъ долгу передъ своею совѣстію, передъ здравымъ смысломъ, даже передъ евангеліемъ, которое повелѣваетъ дѣлать добро и самымъ врагамъ. — Но дешевле ли соломенные крыши, напримѣръ черепичныхъ, и относительно единичнаго лица? Мнѣ кажется, здѣсь рѣшительно одинъ обманъ. Наши хозяева считаютъ расходы и доходы по одному году, но рѣдко оцѣниваютъ свомъ предпріятіа по десяти или двадцатипяти-лѣтней сложности. Но если бы они считали по сложности нѣсколькихъ лѣтъ, что особенно имѣеть приложеніе къ хозяйственнымъ постройкамъ, то конечно многіе изъ нихъ убѣдились бы, что гораздо выгоднѣе крыть не только черепицей, но даже желѣзомъ.—Я видѣлъ за-границей зданія, на которыхъ черепица, прослуживши сто лѣтъ, еще, по видимому, прослужить столько же, и можетъ быть, ей даже вѣку не будетъ. Извольте же счесть, сколько въ этотъ періодъ времени придется перемѣнить соломенную крышу и даже стропила, которыя, конечно, подь черепицей въ пять разъ дольше могутъ служить, чѣмъ подь соломой или камышемъ; сколько здѣсь придется потерять рабочихъ дней; какой огромнѣйшій выплодъ мышей и крысъ доставать эти крыши, и сколько эти животныя переѣдятъ различнаго хозяйскаго добра, что у насъ между прочимъ и на счеты не кладется. (Но это чтó, по увѣренію одного знакомаго мнѣ землевладѣльца, такъ велико въ Россіи, что можно бы двухъ-сотъ-тысячную армію содержать тѣмъ, что у насъ истребляется крысами и мышами.)—Да не худо на всякій случай приложить къ этимъ счетамъ на каждые двадцать пять лѣтъ пожаръ, который вдругъ подорветъ хозяйство въ самомъ его основаніи, вслѣдствіе чего наши мужички и говорятъ: воръ воруетъ—хоть стѣны оставляетъ; но не приведи Господи пожаръ; послѣ него по міру идешь.

Вообще между нашими русскими, даже образованными хозяевами и заграничными я нашелъ большую разницу: наши любятъ дѣлать все, какъ говорится, на шарамыжку, кое-какъ, хотятъ подь часъ шиломъ море нагрѣть; авдругъ употребить, напримѣръ на какія нибудь постройки, на осушеніе земли и т. п.,—большія суммы, для нихъ дѣло не только не хозяйственное, но даже въ основаніяхъ свомхъ глупое; еще Богъ де знаетъ, долго ли мы проживемъ; а дѣти сами могутъ подумать о себѣ. Право, наши хозяева чистые эпикурейцы! Не то мы видимъ за границей: тамъ въ хозяйственномъ быту все дѣлается—если не красиво, то прочно, и тамъ рассчитываютъ не на десятокъ лѣтъ, а на сот-

ни; тамъ иногда зарывають въ землю капиталы, равняющіеся стоимости самой земли.

Въ заключеніе моихъ замѣчаній на счетъ крыши скажу, что за-границей почти исключительно употребляется плоская черепица. После этого, я рѣшительно не понимаю, почему у насъ тамъ, гдѣ кроютъ этимъ матеріаломъ, употребляютъ одну выгнутую черепицу, напримѣръ въ Одессѣ и въ другихъ городахъ, стоящихъ при Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Мнѣ кажется, что кромѣ некрасиваго вида, желобчатая черепица по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{3}$ тяжелѣе плоской; да сверхъ того для нея требуется известъ и сравнительно частый ремонтъ, между тѣмъ какъ плоская, какъ мнѣ приводилось видѣть, по тридцати и даже пятидесяти лѣтъ можетъ стоять безъ всякаго ремонта. Плоская черепица выгоднѣе для Россіи и въ томъ отношеніи, что на ней не столько можетъ навалиться, и не столь долго будетъ держаться снѣгъ, какъ на желобчатой, на которой иногда въ желобкахъ онъ обледеваетъ и производитъ разрывъ,—обстоятельство очень важное для много-снѣжной русской земли. Конечно въ русскихъ рукахъ и этотъ кровельный матеріалъ не будетъ такимъ, какимъ мы видѣли его за-границей, потому что русскія руки любятъ дѣлать все кое-какъ. Напримѣръ возьмите черепицу и кирпичъ, дѣлаемые въ Одессѣ,—что за дрянь! и стыдно сказать, что сюда везутъ кирпичъ и черепицу изъ Італіи и даже Англіи. Здѣсь-де глины такой нѣтъ,—этакой, съ позволенія сказать, вздоръ! Скажите лучше: рукъ такихъ нѣтъ.

Еще два-три слова. Многіе сѣтуютъ, что въ Россіи простой народъ мало имѣетъ случаевъ для заработокъ.—Дѣйствительно, если у насъ не увеличатся потребности болѣе удобной и довольной жизни,—простой нашъ народъ постоянно будетъ затрудняться зашибить лишнюю копейку, между тѣмъ-какъ за-границей, при тамошней густотѣ населенія, въ заработкахъ затрудненій нѣтъ, и всякій съ здоровыми руками и ногами легко находитъ насущный кусокъ хлѣба. Считите напримѣръ сколько будетъ занято рукъ, если бы вся русская земля рѣшилась ввести у себя черепичныя кровли? Да, сколько можетъ открыться подобныхъ промысловъ! Слѣдовательно, отъ введенія черепицы мы имѣли бы и еще одну важную выгоду! Одной только благодѣтельнойшей придется лишиться,—это кормленія скота крышею, въ неурожайные годы, которые у насъ приходится, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на каждые семь, а въ другихъ на десять лѣтъ одинъ; почему мужички и величаютъ эти годы *дранными*, т. е. въ эти годы, зимою, они обдираютъ свои соломенные, иной разъ и гнилыя, крыши, и кормятъ ими скотъ;—вслѣдъ за чѣмъ обыкновенно начинается свое губительное шествіе по русской землѣ чума рог атаго скота, чрезъ что

Россія тоже ежегодно отсчитываетъ глупому мужицкому разуму миллионы. Надобно бы еще здѣсь сказать, что по милости опустошительныхъ данихъ пожаровъ, которымъ такъ пламенно содѣйствуютъ соломенные крыши,—истребляются наши лѣса, употребляемые на постройку крестьянскихъ избъ и городскихъ домовъ; но такъ какъ я сейчасъ же буду говорить объ этихъ постройкахъ, то новое зло отъ соломенныхъ крышъ—выльется само собою предъ глазами читателя.

Какъ мнѣ почти не случалось видѣть на западѣ Европы соломенныхъ крышъ, такъ точно не видѣлъ я и бревенчатыхъ деревянныхъ избъ и городскихъ домовъ.—Наши путешественники объясняютъ это тѣмъ, что въ тамошнихъ краяхъ мало осталось собственно строеваго лѣса; слѣдовательно пужда-де заставила и заставляетъ прибѣгать къ другимъ строительнымъ матеріаламъ. Но я думаю, если бы и были строевые лѣса, при нынѣшней оцѣнкѣ этого драгоценнаго произведенія природы, при бдительности правительствъ, и, наконецъ, при общемъ сознаніи, что деревянные постройки не удовлетворяютъ многимъ требованіямъ здраваго смысла,—едва ли бы онѣ, эти постройки, были предпочитаемы другимъ.—Хотя у нашихъ пѣмцевъ, колонистовъ, поселенныхъ въ Саратовской губерніи, большая часть домовъ построена изъ дерева; однако при сравнительной дешевизнѣ лѣса, у многихъ изъ нихъ замѣтно желаніе замѣнить лѣсъ глиною и камнемъ, или по крайней мѣрѣ защитить дерево всеми возможными средствами отъ гніенія и потому-то вы видите, что они ставятъ свои дома на фундаментахъ, а если не весь бревенчатый срубъ, то по крайней мѣрѣ углы обшиваютъ досками, что въ совокупности съ другими условіями дѣлаетъ дома пѣмцевъ въ сравненіи съ избами русскихъ поселянъ вдвое, если не втрое прочѣйшими и теплѣйшими.

Изъ какого же матеріала производится постройка на западѣ Европы? 1) изъ кирпича,—впрочемъ сравнительно очень немногія; 2) изъ камня, котораго, замѣчу, въ тамошнихъ мѣстахъ больше, чѣмъ въ Россіи, и въ нѣкоторыхъ краяхъ удивительно какъ хорошгъ; но 3) самый общій строительный матеріалъ —мать—сыра земля, т. е. глина и песокъ.

Оставляя первые два строительные матеріала, употребленіе которыхъ всякому болѣе или менѣе извѣстно, я долженъ бы описать послѣдніе—глину и песокъ; но отказываюсь отъ подробностей, во-первыхъ потому, что употребленіе и этихъ матеріаловъ не безъизвѣстно на русской землѣ, во-вторыхъ даже самое подробное описаніе, но безъ чертежей—мало принесетъ пользы. Но и то еще скажу, что цѣль настоящей статьи только указать—что есть хорошаго за-границей и чего нѣтъ у насъ.—Можетъ быть, другой, болѣе меня опытный путе-

шественникъ, возмется передать соотечественникамъ—какъ перенять полезное запада Европы.

Глину и песокъ, смѣшанные съ какими нибудь растительными и животными остатками (смолой, половиой, верескомъ, мхомъ, пометомъ и т. п.) за-границей употребляютъ для возведенія извѣстныхъ зданій, или дѣлая изъ нихъ сырцовые большіе кирпичи, или прямо набивая ихъ между сплоченными досками (этотъ способъ во многихъ русскихъ журналахъ, напримѣръ въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1852 годъ былъ описанъ и постройки, возведенныя по немъ, называются у насъ землебитными); но чаще ихъ употребляютъ, перемѣшивая съ камнями, съ крупнымъ и мелкимъ щебнемъ, слѣдующимъ способомъ: на возведенномъ каменномъ фундаментѣ ставятъ деревянные столбы по угламъ и по направленію стѣнъ; для угловыхъ столбовъ обыкновенно употребляютъ брусъа болѣе толстые (до четырехъ-шести вершковъ или два бруса вмѣстѣ, чѣмъ по направленію стѣнъ. Эти столбы поддерживаются въ различныхъ направленіяхъ упоринами, толщиною, смотря по величинѣ и высотѣ зданія, отъ двухъ, трехъ и четырехъ вершковъ. Сверху основные столбы перевязываются также брусъями, соотвѣтственной толщины. Такимъ образомъ возводимое строеніе вполнѣ можетъ назваться скелетомъ, или зданіемъ съ рѣшетчатыми стѣнами. Смѣло можно сказать, что здѣсь, въ сравненіи съ чисто-деревянными постройками, употребляется лѣснаго матеріала менѣе чѣмъ на $\frac{1}{20}$, а въ одноэтажныхъ зданіяхъ даже на $\frac{1}{30}$. Между этими столбами и упоринами кладется или одна глина, съ прибавленіемъ песка и растительныхъ остатковъ, или камень, на глинѣ и рѣдко на известковомъ цементѣ,—камень, замѣчу, большею частию неотесанный, бутовой. Такія зданія мнѣ приводилось видѣть не только о двухъ этажахъ, но даже о трехъ и четырехъ. Множество по этому способу выстроенныхъ домовъ украшаютъ лучшія улицы лучшихъ германскихъ городовъ и даже столицъ,—и конечно, если ихъ строятъ и если въ нихъ живутъ, значить, они удобны для жилья, т. е. прочны, теплы и сухи. По оштукатуркѣ, ихъ нельзя отличить отъ каменныхъ или кирпичныхъ. Что же касается собственно сельскихъ домовъ, то смѣло можно сказать, что почти всѣ села и деревни Германіи и другихъ западно-европейскихъ государствъ—выстроены по этому способу.

И такъ на европейскомъ материкѣ почти только одна Россія въ настоящее время имѣетъ города, села и деревни, выстроенные изъ бревенъ! Ну какъ бы, по видимому, не слѣдовать хоть на этотъ разъ примѣру образованнаго Запада! Если я не ошибаюсь, мнѣ кажется, глиняныя и глиняно-деревянныя постройки производятся у насъ только

въ однихъ Остзейскихъ губерніяхъ и у очень, очень не многихъ помѣщиковъ внутри Россіи. И я рѣшительно не могу себя объяснить, почему мы пристрастились къ деревяннымъ строеніямъ! Дешевле ли они?—нѣтъ, даже и въ мѣстахъ, обильныхъ лѣсомъ,—нѣтъ. Прочнѣе ли? тысячу разъ нѣтъ. Безопаснѣе ли отъ огня? сказать—да, значитъ обличить въ себя признаки помѣшательства. Здоровѣе ли они для живущихъ? . . . Если мы взглянемъ вообще на деревянные строенія и особенно на деревенскія, то увидимъ ихъ сырыми, промерзающими зимой, дающими полное пристанище мокрицамъ, русскимъ и прусскимъ тараканамъ, сверчкамъ, мышамъ, крысамъ, даже лягушкамъ и ужамъ и прочимъ непотребнымъ гадамъ, и гадостямъ. Слѣдовательно о здоровости этихъ строеній для жизни человѣка нечего и разсуждать; само дѣло говорить за себя. И такъ, почему же мы пристрастились къ деревяннымъ строеніямъ?—Только по одному тому, что пристрастились; а какъ всякое пристрастіе, неуничтожаемое и неудерживаемое здравымъ смысломъ—есть порокъ—нѣкотораго разряда глупость,—слѣдовательно, если мы изъ дерева строимъ дома, то строимъ только потому, что мы глупы, или, какъ говорятъ малороссіане,—*дурни*. Боже мой! сколько еще на свѣжей памяти современнаго люда красовалось вѣковыхъ, даже дубовыхъ лѣсовъ на русской землѣ,—и всѣ эти лѣса мы ствоили на наши избы и бани! Сколько теперь вырубается ежегодно двухъ-сотъ и трехъ-сотъ лѣтнихъ деревьевъ,—и опять для того же процесса гніенія и страшныхъ русскихъ пожаровъ! Посмотрите на одну Волгу, во время весенняго половодья: сколько сотъ тысячъ превосходнѣйшихъ деревьевъ сплавляетъ она! и всѣ эти вѣковыя произведенія природы назначаются тоже для гніенія и пожаровъ. Сердце обливается кровью, смотря на это страшное бездомничество русской земли.

Я могу надѣсть вамъ, любезный читатель, своими жалобами, воплями на безурядицу, повсюду проявляющуюся въ нашемъ хозяйствѣ,—но еще разъ припомню вамъ тѣ миллионы, которые ежегодно расходуетъ русская земля за свои страшные пожары, порождаемые и поддерживаемые нашими соломенными крышами и деревянными постройками.

И неужели въ самомъ дѣлѣ мы не можемъ имѣть закона, воспрепятствующаго возводить постройки изъ дерева? Неужели въ самомъ дѣлѣ вѣковыя труды природы въ глазахъ хозяевъ русской земли просто—трень-брень? . . . Неужели мы не имѣемъ потомства, которому даже тамъ, гдѣ болѣе насъ берегутъ лѣсъ, дальновидные люди пророчать, что со временемъ оно будетъ покупать дерево на весь золота. Ахъ! гдѣ, уничтоживши свой строевой лѣсъ, покупать его въ Россіи и Ю-

вомъ Свѣтѣ; но откуда получать его наши потомки,—когда при быстромъ уничтоженіи лѣсовъ въ Новомъ Свѣтѣ, и оттуда его нельзя будетъ добыть. Лѣсъ дровяной легче возрастить; но, истребивши строевой, человечество должно ждать его столѣтія.

Мы нѣсколько разъ говорили: да куда же прикажите дѣвать лѣсъ, — когда его много? Не глядѣть же на него. Капиталъ долженъ приносить свои проценты?— По моему, если мы не умѣемъ ввести въ своихъ лѣсахъ правильнаго хозяйства, то пусть лучше лѣса стоятъ, не давая никакихъ процентовъ; за то государство не будетъ оплачиваться милліонами, съ огромными процентами на десятки лѣтъ. — Скажу болѣе: надобно бы желать, чтобы нашъ сѣверъ, почти единственный край, богатый въ настоящее время вѣковыми лѣсами, навсегда остался лѣсною страной: этотъ край имѣетъ бѣдныя почвы, мало способныя къ полеводству; имѣетъ суровый климатъ, неблагопріятствующій земледѣлію, и едва ли когда нибудь будетъ въ состояніи пропитывать себя мѣстнымъ хлѣбомъ; съ другой стороны высокорослые лѣса этого края, умѣряя холодные потоки сѣверныхъ вѣтровъ, благотвѣтельно дѣйствуютъ, можно сказать, на климатъ всего материка европейской Россіи. Послѣдняя причина особенно сильна, и ради ея одной желательно, чтобы лѣса нашего сѣвера, по преимуществу составили собственность государства, которое имѣетъ возможность подчинить ихъ правильному хозяйству. Въ Россіи много степныхъ плодороднѣйшихъ пространствъ, приносящихъ государству ничтожные доходы; (потому что правительство само не воздѣлываетъ ихъ); пусть же часть этихъ земель пойдетъ въ обмѣнъ за лѣса частныхъ владѣльцевъ на сѣверѣ.

Я выше сказалъ, что пріобрѣтеніе частныхъ лѣсовъ правительствомъ — не рѣдкость на западѣ Европы, и можно полагать, (какъ тамъ и полагаютъ) что со временемъ всѣ лѣса составятъ собственность государства; но тамъ, за неимѣніемъ пустопорожныхъ земель, это дѣлать труднѣе, — чѣмъ у насъ. — Но пожелаютъ ли этой мѣны частные владѣльцы сѣверныхъ лѣсовъ? Должны пожелать. Пожалуй, нашлись бы землевладѣльцы, которые запретили бы пить воду изъ рѣкъ, протекающихъ по ихъ имѣніямъ, но законъ не дозволяетъ этого варварскаго самоуправства. Есть дары природы, которые принадлежатъ всѣмъ, и каждый имѣетъ равное право съ другими пользоваться этими дарами. Подъ эту категорію, по моему разумѣнію, надобно подвести и лѣсъ. — Но я уже говорилъ объ этомъ. Возвращусь къ постройкамъ.

Я довольно-таки путешествовалъ въ Россію, всматривался во все, интересовавшее меня, — и не разъ приходило мнѣ въ голову: нельзя ли числами опредѣлять отношеніе домовъ на хорошихъ фундаментахъ

и домовъ *безъ омыза*; но это мнѣ не удалось. Что въ городахъ каменные фундаменты не всеобщы,—это отчасти можно заключить изъ нѣкоторыхъ актовъ, напримѣръ изъ купчихъ крѣпостей, въ которыхъ пишется «домъ на каменномъ фундаментѣ». Однако я думаю, что едва ли на 500 городскихъ домовъ придется съ фундаментомъ одинъ. Еще труднѣе опредѣлять численность избъ съ фундаментами и безъ *омыза* по сѣламъ и деревнямъ, разумѣется труднѣе для меня, потому что мнѣ слишкомъ рѣдко приводилось видѣть крестьянскій домъ, даже порядочный, выстроенный на каменномъ основаніи. Напротивъ за-границей, я рѣшительно не видалъ ни одного деревенскаго домика безъ различнаго фундамента.

Нужно ли доказывать, что фундаментъ для строенія необходимъ? Въ одной евангельской притчѣ строящіе зданія на песокъ называются безумными.... Если вообще деревянныя постройки непрочны; то тѣмъ болѣе воздвигаемыя безъ фундамента. Слѣдовательно можно положить, что такія постройки едва ли живутъ $\frac{1}{10}$ долю своего вѣка, и слѣдовательно перегноеніе нашихъ высокоствольныхъ драгоценныхъ лѣсовъ уже потому одному должно совершаться быстро, что мы не воздвигаемъ нашихъ построекъ на прочныхъ каменныхъ фундаментахъ.—Мнѣ не разъ приводилось проѣзжать подмосковныя и другихъ губерній богатѣйшія села, гдѣ дома есть сажень въ 8—10—15 длины и даже двухъ-этажныя или съ свѣтлицами; и я убѣдился, что болѣею частію эти дома какъ будто испытали на себѣ страшныя удары землѣтрясенія. Не помню я именно села, не вдалекѣ отъ Москвы, по орловскому тракту, гдѣ глядѣвши, какъ говорится, въ оба, я буквально не замѣтилъ ни одного дома, который не перекосялся бы или не повалился на сосѣдній домъ, а нѣкоторыя представляли собой изогнутый хребетъ. На что похоже подобное домохозяйство? Есть ли здравый умъ такъ губить драгоценное произведеніе природы—лѣсъ? Но мало того, что наши крестьяне не дѣлаютъ подъ свои избы прочныхъ фундаментовъ, они окружаютъ ихъ или такъ называемыми завалинами (плетнемъ и земляною насыпью), или просто навозомъ т. е. прямѣйшимъ путемъ достигаютъ быстрѣйшаго гноенія ихъ. При такомъ глумомъ домостроительствѣ иногда и пяти лѣтъ не пройдетъ, какъ нижніе вѣнцы новой избы перегнивають, изба или вростааетъ въ землю, или переваливается одною какою нибудь стороною или угломъ на бокъ,—и разрушеніе избы, на которую можетъ, быть употреблено до сотни полу-вѣковыхъ и даже вѣковыхъ деревьевъ, съ каждымъ годомъ идетъ безостановочно.

Естественно, при навозѣ и при гноеніи нижнихъ бревенъ не можетъ быть сухости въ избѣ; по крайней мѣрѣ мнѣ не случалось видѣть ни

одного крестьянского бревенчатого жилища, которое бы въ зимнюю пору имѣло три или четыре нижнихъ вѣнца, находящихся подъ лавками, въ сухомъ состояніи, и тамъ-то имѣютъ свое жилище тмытѣи мокрицъ, которыя оттуда совершаютъ свои путешествія въ кашни съ тѣстомъ и во всю столовую посуду.

Хотя высшій слой русскаго народа вообще такого мнѣнія, что чистый воздухъ для крестьянъ — слишкомъ большая роскошь, (что между прочимъ видно изъ того, что промыслители о нихъ до-сихъ-поръ не позаботились объ уничтоженіи курныхъ избъ и отдѣленіи разумныхъ существъ отъ скота, съ которымъ крестьяне вмѣстѣ живутъ въ зимнюю пору); однако кстати здѣсь напомнить и объ этой первѣйшей потребности всякаго органическаго, животнаго существа, не исключая даже лягушекъ и клоповъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть чистый воздухъ въ томъ жилищѣ, которое обвалено навозомъ, которое внизу и по угламъ гниетъ, (отдѣлая вредный газъ—углекислоту), плѣснѣетъ и мокнетъ; которое только чрезъ дверь сообщается съ наружнымъ воздухомъ; которое освѣщается лучъ вою или черепкомъ съ саломъ; гдѣ висятъ хомуты и сѣделъ гдѣ грудями лежатъ пропотѣвшіе тулупы и зипуны; гдѣ иной разъ до дюжины выкармливается ягнать, съ телатами и опоросившеюся свиньею; гдѣ подъ лавками сидятъ на яйцахъ гуси, индѣйки и куры; гдѣ стоитъ постоянно полная лахань съ юмоями, иногда вздабриваемая дѣтскими изверженіями; гдѣ просушиваются пеленки и испачканная въ навозѣ обувь; гдѣ живетъ до полдюжины разныхъ существъ—старыхъ и малыхъ, также заражающихъ воздухъ; и гдѣ, наконецъ, для сбереженія тепла отъ преждевременнаго закрытія трубы, угарный газъ не выводится почти по цѣлымъ суткамъ?.... Если еще при этомъ, да изба курная, т. е. безъ трубы?....

Вообразите, любезный читатель, атмосферу подобныаъ жилищъ нѣсколькихъ милліоновъ народа русскаго! Право на этотъ разъ лапландцы, эскимосы, буряты, калмыки и т. п. дикари, въ среду которыхъ еще не проникалъ свѣтъ науки, которые еще не согрѣты теплою христіанской любви,—счастливыѣ нашихъ русскихъ крестьянъ, живущихъ подъ свѣію гуманнѣйшихъ законовъ, примыкающихъ къ семѣи образованнѣйшихъ націй, вступившихъ на гражданское поприще почти десять вѣковъ.—Чего же смотрѣли вы, передовые люди русской земли?... Вы скажете, что дѣло показываетъ лучше теоретическихъ гаданій, въ какой степени описываемыя жилища вредно дѣйствуютъ на здоровье нисшаго класса нашего народа: онъ благодаря, Бога, здоровъ. Да, здоровъ и наши лошаденки не представляются хворыми,—но все таки онъ клячи, съ повислыми головами, и работаютъ только изъ

подъ кнута. По привычки говорить пословица, чортъ въ аду живетъ, и вѣроятнo здоровъ, потому что, какъ значитса въ извѣстныхъ книгахъ, постоянно дѣлаетъ пакости роду человѣческому, особливо монашествующему. Но хорошо ли ему тамъ! Это другой вопросъ. Повѣрьте, господа, на долю которыхъ выпало быть филантропами русской земли, что душная тяжелая атмосфера давитъ нашъ народъ, и онъ не кверху поднимается, а встаетъ, вмѣстѣ съ своею избенкою, въ землю. Измѣните только этотъ внѣшній образъ жизни его, эту грязную, парализирующую его обстановку—и онъ будетъ бодрѣ и тѣломъ и духомъ. Наши статистическія данныя ясно показываютъ, что русскій народъ туго прирастаетъ,—хотя и живетъ на просторѣ, въ здоровомъ климатѣ, при обиліи даровъ природы, хотя ему ученые еще не сообщали теорій полигико-экономистовъ, которые заботятся объ уменьшеніи приращенія народоселенія. Отъ чего же онъ туго прирастаетъ? Не первая ли ему помѣха въ этомъ дѣлѣ, его грязное, тяжелое для жизни, особливо для дѣтей, жилищѣ? Оно между прочимъ, такъ устроено, или расположено, что даже не можетъ доставить всѣхъ удобствъ для брачной жизни. И не отъ того ли русскій народъ, говоря вообще, далеко уступаетъ правильности очертанія лица и тѣлосложенія другимъ европейскимъ націямъ,—что у него не только хомутъ дѣлается кое-какъ, неуклюжими руками, но и другія болѣе важнѣйшія дѣла?...., что чувство его незнакомо съ изящнымъ, съ красотою?.... Много бы можно говорить на эту тему, но боюсь повтореній и неумѣстнаго разширенія моей статьи. И потому я опять возвращусь къ постройкамъ.

Находятся люди, которые увѣряютъ, что въ Россіи глиняныя и глиняно-деревянныя жилия строенія не сообразны съ суровымъ климатомъ. Я встрѣчалъ много помѣщиковъ, которые, при полной возможности построить домъ изъ кирпича или камня, строили его изъ дерева, утверждая, что каменные строенія вообще холодны. Можно бы не одну сотню примѣровъ представить, что глиняныя строенія и у насъ въ Россіи, даже подъ 55° с. ш. по опыту оказались превосходными. Я видывалъ нѣсколько домовъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Саратовской губерніи, построенныхъ изъ глины и мелкаго камня, или изъ тонкихъ досокъ, обложенныхъ глиною,—и эти дома были и сухи и теплы.

Путешествуя въ 1857 году по Бессарабіи, я вдругъ наткнулся на одно село, и рѣшительно думалъ, что меня нѣкая волшебная сила перенесла въ Тамбовскую или Пензинскую губернію: село это имѣло старѣйшаго стила деревянную церковь и бревенчатыя одноглазныя избы, съ соломенными всклокоченными крышами.—Это что за село?—спросилъ я своего кучера.—Здѣсь живутъ липованы, російскіе люди отвѣчалъ мой возница.—Давно ли они здѣсь?—Да врядъ ли помнѣтъ

старика, когда они сюда выселились.—Я нарочно остановился въ этомъ селѣ, и увидѣлъ, что русскіе мужички и здѣсь, среди прекрасныхъ, необыкновенно чистыхъ поселеній резешей, остались, тѣмъ же мужичками, съ тою же обстановкою, въ тѣхъ же зипунахъ и крашенинныхъ сарафанахъ, какъ и въ глубинѣ Россіи. Помню, что я, посмотрѣвшійся на прекрасныя глиняно-деревянныя дома резешей и тамошнихъ помѣщиковъ, невольно спросилъ одного зажиточнаго, (впрочемъ въ этомъ селѣ не только всѣ зажиточныя, но даже очень, очень достаточныя хозяйства) липована: почему вы одни здѣсь живете въ бревенчатыхъ избахъ?—Да это какъ-то удобнѣе, ваша милость, отвѣчалъ липованъ.—Чѣмъ же удобнѣе? спросилъ я, теплѣе что ли?—Оно таки правду сказать и по теплѣе,—и другое дѣло мы уже привыкли къ своимъ избамъ.

Вотъ какъ у насъ обыкновенно говорятъ не только мужики, но и просвѣщенные люди. Невѣжество—и больше ничего.

Еще страннѣе слышать, когда говорятъ, что у насъ потому фундаментовъ не дѣлаютъ, что въ Россіи камня нѣтъ. Охъ, Господи! Можетъ быть, Ты, сравнительно и обдѣлилъ возлюбленное отечество камнями, предвидя, что избіеніе младенцевъ русской земли (смотри статист. табл. рожд. и смерти) можетъ совершаться и безъ камней, но, кажется, этотъ горькій обдѣлъ выпалъ только на одно заволжье!

Еще нѣсколько словъ. Если мы уже такъ пристрастились къ деревяннымъ постройкамъ, то почему бы намъ по крайней мѣрѣ не обкладывать ихъ глиною, внутри и снаружи, какъ это дѣлаютъ наши же русскіе нѣмцы? вѣдь все-таки, можетъ быть, процентовъ на пятьдесятъ менѣе было убытковъ отъ пожарницъ, и, по крайней мѣрѣ, на 100% отъ глины!—Бѣда! глины нѣтъ,....—Нѣтъ, глина-то есть, да дѣло мастера бьется...—Но вѣдь подобныя постройки не то что Иванъ-Великій, который приводитъ русскаго мужичка въ изумленіе, и онъ, глядя на него, иной разъ говоритъ: Экъ сворочентъ!—Сворочентъ-то сворочентъ, да какъ крестъ-то вколочентъ? возражаетъ другой.—Экая ты голова съ мозгомъ! подхватываетъ третій: пагнули, да и воткнули!... Смѣшно! однако, если русскій мужичекъ съ такимъ запасомъ силъ, что ему кажется возможнымъ нагнуть Ивана Великаго,—онъ ли не сумѣетъ обложить своей избы глиняными кирпичами? Укажите и прикажите, и дѣло будетъ въ шляпѣ.

Большую частью за-границей по селамъ и деревнямъ дома—одноэтажныя, но немало о двухъ этажахъ. Двухэтажныя дома по русскимъ селамъ могутъ назваться пока исключеніемъ изъ общаго порядка вещей; но желательно, чтобы поселяне наши обратили вниманіе на этотъ родъ постройки. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы только нижній этажъ дѣлать въ полъ-этажа, т. е. на половину и болѣе въ землѣ, и здѣсь

приготавливать пищу, мыть бѣлье, просушивать мокрую одежду и хозяйственную сбрану,—наши крестьянскія жилища много бы выиграли въ чистотѣ и въ отношеніи здоровья,—между тѣмъ и расходы на эту прибавку къ обыкновенной избѣ не могутъ быть значительны,—особливо если поселяне наши положить себѣ правиломъ—ставить свои избы на фундаментахъ. Есть у насъ зажиточные крестьяне, которые имѣютъ по двѣ избы, стоящія въ одной связи, т. е. имѣющія одни общія сѣни, и одна изъ этихъ избъ служитъ какъ бы черною избой, т. е. кухнею, помещеніемъ для батраковъ, молодыхъ животныхъ и т. п.; но на мой взглядъ этотъ родъ постройки не можетъ сравниться въ выгодахъ съ первымъ: во-первыхъ на него больше расходуется строительнаго матеріала; во-вторыхъ, больше идетъ топлива; въ-третьихъ, такія постройки болѣе обширное поле представлять для пожаровъ. Невыгоды очень значительны! Сколько мнѣ помнится, наши предки были умнѣ насъ, современниковъ XIX вѣка: они любили двухъ-этажные дома и, если я не ошибаюсь, нижній этажъ у нихъ назначался для молодыхъ домашнихъ животныхъ.

Еще позволю себѣ обратить вниманіе читателя на одинъ важный недостатокъ въ обыкновенныхъ крестьянскихъ постройкахъ,—недостатокъ, котораго трудно найти въ сельскихъ постройкахъ западной Европы: это отсутствіе потолковъ въ сѣняхъ. Дѣйствительно, мы рѣдко встрѣчаемъ, чтобы сѣни нашихъ сельскихъ избъ имѣли потолокъ,—а если и имѣютъ, то досчатый, сдѣланный кое-какъ, т. е. изъ тонкихъ досокъ, безъ смазки и безъ насыпи. Чтобы судить,—какъ много чрезъ это безпотолочье теряется теплоты—достаточно въ зимнюю пору взглянуть на дверь, ведущую въ избу: она обыкновенно бываетъ покрыта льдомъ, а верхній косякъ ея—ледяными сосульками; и какъ только отворяется,—то теплый воздухъ огромною массою уносится подъ крышу сѣней. Случается, что въ зимнюю ночь, съ трескучимъ морозомъ, избная дверь такъ примораживается, что съ величайшимъ усиліемъ можно отворить ее, при помощи топора или косыря. Но мало того, что потолка въ сѣняхъ нѣтъ, нерѣдко вы найдете сѣни, сплетенныя изъ хвороста, и совершенно не обмазанныя,—это значитъ, что избная дверь прямо сообщается съ наружнымъ воздухомъ.

Я много бы могъ выставить другихъ недостатковъ въ нашихъ крестьянскихъ жилищахъ; но довольно и высказанныхъ, и изъ нихъ легко можно видѣть, что мы самые плохіе хозяева въ цѣлой Европѣ, и что вообще на домохозяйство нисшей братіи высшая братія нѣсколько вѣковъ смотрѣла сквозь пальцы, и вообще ей до этого хозяйства и дѣла не было. Я увѣренъ, что мною не выставлено ни одного недостатка въ жилищѣ крестьянъ, котораго бы нельзя было устранить

силою одной заботливости, однимъ состраданіемъ къ страждущимъ братьямъ; всѣ эти недостатки могли бы быть исправлены руками самихъ же крестьянъ,—если бы только имъ указали, внушили и приказали. Напримѣръ, вотъ это безпотолочье въ сѣняхъ: что стоитъ крестьянину сдѣлать здѣсь, да и въ избѣ, потолокъ изъ хворосту, вальковъ, обвитыхъ соломою и пропитанныхъ глиной, какъ это дѣлаютъ малороссы, пѣмские колонисты, жители Бессарабин и т. п.?.... Право, здѣсь все дѣло остановилось за тѣмъ, что не указали и не приказали,—пожалѣли нѣсколькихъ часовъ и словъ! Покаемся, и за тяжелую вину свою, по крайней мѣрѣ, перестанемъ клеймить нашихъ мужичковъ—невѣждами, грубымъ созданіемъ, хамовымъ отродьемъ, варварами.... Вѣдь варвары-то настоящіе мы, которымъ доброе правительство отдало на попеченіе эту меньшую братію.

Я еще долженъ бы, по ходу рѣчи, коснуться построекъ, служащихъ для помѣщенія скота, хлѣба, полевыхъ орудій и т. п. Но этотъ предметъ еще обширнѣе—чѣмъ самая жилища поселянъ, и мнѣ пришлось бы пуститься въ слишкомъ большія подробности, которыя не будутъ умѣстны въ настоящей статьѣ.

Домашній скотъ за-границей—почти весь и повсемѣстно содержится въ хлѣвахъ,—такъ что мнѣ только два или три раза случилось видѣть небольшія стада коровъ, пасущіяся по лугу, за исключеніемъ, впрочемъ, овецъ. Естественно послѣ этого заключить, что для постоянного жилища скота тамошніе хозяева должны были устроить хлѣва съ большими удобствами, чѣмъ мы, держащіе его цѣлое лѣто на выгонахъ. Дѣйствительно эти удобства мы и находимъ тамъ, особливо въ Германіи и Бельгіи. Тамошніе хлѣва вообще теплы, имѣютъ потолки и прочный чистый полъ, сдѣланный изъ камня, или особеннаго, впрочемъ дешеваго цемента. Изверженія животныхъ не залеживаются въ этихъ хлѣвахъ, если нѣтъ для нихъ внутри самаго же хлѣва особаго помѣщенія; почему хлѣвъ у иного нѣмца чище, — чѣмъ изба нашего крестьянина въ зимнюю пору, когда съ нимъ вмѣстѣ живутъ ягнята, телята, свиньи и другая домашняя живность. Моча также имѣетъ стокъ въ опредѣленное мѣсто, — обыкновенно подъ навозную кучу. Всѣ эти хлѣва и подобныя имъ службы сдѣланы за-границей изъ глины и дерева, или изъ камня. Русскихъ плетней, служащихъ у насъ для устройства хлѣвовъ и для заборовъ, — за-границей мнѣ не приводилось видѣть; слѣдовательно, тамъ нѣтъ этой гальванической цѣпи, которая служитъ проводникомъ нашихъ страшныхъ пожаровъ, и которые давно бы пора уничтожить и намъ, живущимъ въ вѣкъ телеграфовъ. Какъ только припомнились мнѣ русскіе плетни, — опять въ воображеніи моемъ протянулись длинною веревницею страшные по-

жары, и я боюсь какъ бы снова не заговорить о нихъ при такомъ удобномъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ превосходно наши плетни проводятъ огонь отъ одной избы до другой! едва ли они на этотъ разъ не имѣютъ права первенства предъ соломенными и деревянными крышами. Само собою разумѣется, что сюда же надобно отнести и наши городскіе досчатые заборы, которые также трудно встрѣтить въ городахъ западной Европы.

Вообще нѣмецъ старается, чтобы его воловъ или лошадей лѣтомъ муха не кусала, зимой холодъ не билъ, и чтобы горсти сѣна или шматка навоза не пропала даромъ. И не думайте, что такое устройство хлѣвовъ вы найдете только у однихъ богатыхъ хозяевъ, — нѣтъ — у всякаго поселанина безъ исключенія. (Эти исключенія выпадаютъ на долю Венгрии и другихъ провинцій Австріи, а также отчасти на Францію). Да, мнѣ кажется, вся Германія возстала бы на того изверга, который осмѣлился бы держать свой скотъ безъ должной защиты отъ неблагоприятныхъ вліаній атмосферы! Такъ тамъ развито убѣжденіе, что животныя, раздѣляющія трудъ человѣка, или доставляющія ему другія выгоды, — должны пользоваться достойнымъ разумнаго существа попеченіемъ! То ли мы видимъ у нашихъ поселанъ, даже у гг. помѣщиковъ? Увы! Почти вся юговосточная полоса Россіи держитъ свой скотъ цѣлую зиму при 20, 25 градусахъ мороза, подъ открытымъ небомъ; сѣвернѣе этой полосы, гдѣ зимы еще продолжительнѣе а морозы суровѣе, — мы также очень рѣдко у крестьянъ находимъ теплые хлѣва: большею частью стѣны этихъ хлѣвовъ плетень, сквозь который дуетъ вѣтеръ, валится снѣгъ, проникаетъ тридцати градусный морозъ. И всему этому виной — невѣжество и безпечность. Чего бы стоило по крайней мѣрѣ обмазать плетень глиной? На это и времени и умѣнья у русскихъ поселанъ достало бы. Нѣкоторые изъ нашихъ крестьянъ дѣлаютъ для молодыхъ животныхъ, напримѣръ ягнятъ и телятъ, такъ называемыя землянки, — почему бы этихъ землянокъ не дѣлать и всѣмъ, — даже для взрослого скота. Да мало ли средствъ защитить скотъ отъ вьюгъ и непогодъ? И если гдѣ, то здѣсь могли бы оказать величайшую услугу такъ называемые воздушные или землѣбитные кирпичи, изъ которыхъ, какъ мнѣ приходилось видѣть, у многихъ помѣщиковъ сдѣланы превосходныя помѣщенія для скота.

Пожалуй и на этотъ разъ находятъ рутинисты, которые говорятъ, что скотъ, держимый подъ открытымъ небомъ, крѣпче, и что такое содержаніе ближе подходитъ къ естественному. Подобное сужденіе мнѣ не разъ приходилось слышать отъ гг. помѣщиковъ. Я думаю, что этимъ сужденіемъ рутинисты хотятъ прикрыть свои мелочные расчеты, свое нежеланіе облегчить горькую долю страдающихъ живот-

ныхъ. Правда ни лошади, ни рогатый скотъ, ни овцы, находясь въ дикомъ состояніи, не строили себѣ жилищъ подобно бобрамъ; но нѣтъ сомнѣнія, что они жили въ болѣе теплыхъ климатахъ, и отъ непогодъ находили себѣ убѣжищъ въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ: и нѣтъ сомнѣнія также, что отъ разныхъ случайностей климата ихъ гибли тысячи, какъ это иногда бываетъ со скотомъ, пасущимся въ зимнюю пору на степяхъ заволжья и юга Россіи, во время такъ называемыхъ фугъ (вьюгъ). Но оставимъ древность, и зададимъ себѣ вопросъ: съ тѣми ли тѣлоположеніемъ, съ тѣми ли силами, мы имѣемъ нашихъ домашнихъ животныхъ, какими они владѣли до покоренія ихъ и до варварскаго обращенія съ ними? Конечно нѣтъ? Стало быть, болѣе или менѣе изнеможенный организмъ нашихъ домашнихъ животныхъ требуетъ и большаго о немъ попеченія. Если киргизъ-кайсаки или калмыки не строятъ хлѣбовъ и не запасаютъ сѣна на зиму для своихъ табуновъ (впрочемъ уже многіе изъ нихъ въ настоящее время взяли за кобу), то этому примѣру отнюдь не должны слѣдовать наши оседлые хозяева, имѣющіе измученныхъ и слабосильныхъ лошадепокъ и воловъ. Табуны упомянутыхъ кочующихъ инородцевъ переходятъ въ зиму откормленными, съ запасомъ жира: а у насъ измученными и худыми отъ полевыхъ работъ, и отъ скуднаго, болѣею частью подожнаго корма. Хотя и кочевой скотъ, послѣ продолжительной и снѣжной зимы, на весну выходитъ едва движущимся, но онъ скоро поправляется; напротивъ нашихъ домашнихъ животныхъ—лошадь и волъ, измученныхъ суровостію зимы и скуднымъ кормомъ, — весной ожидаютъ соха, или плугъ, и ихъ нераздѣльные спутники подожный кормъ и кнутъ. Возьмите теперь нѣсколько генерацій, пользующихся подобнымъ уходомъ со стороны человѣка,—и вы конечно убѣдитесь, что самая крѣпкая натура должна ослабѣть, и ослабѣвши, слѣдовательно должна пользоваться и лучшимъ попеченіемъ. Въ заволжьи и степяхъ Новороссіи у многихъ хозяевъ овцы круглую зиму держатся на открытомъ воздухѣ и при малоснѣжки пасутся по степямъ; но съ овцы берется только волна, и потому она не можетъ служить примѣромъ для лошади и рогатаго скота, отъ которыхъ человѣкъ беретъ трудъ. И конечно здѣсь—причина, по которой рогатый скотъ, содержаемый одинаково съ овцами, скорѣе выраживается и чаще подвергается опустошительнымъ болѣзнямъ. Впрочемъ я напрасно стараюсь доказывать, что приличное помѣщеніе для домашнихъ животныхъ и особливо на зимнее время, необходимо. Увѣренъ, что въ глубинѣ сердца даже закоренѣлый рутинистъ видитъ эту необходимость, — даже видитъ ее послѣдняя русская баба, которая иной разъ изъ состраданія къ бѣдной коровѣ, старается обильнѣе пометомъ плетенный хлѣвъ,

за что она впрочемъ принимается уже тогда, когда видить, что бѣдную скотину, грызущую ржаную солому, крѣчить (собственное выражѣніе нашихъ крестьянъ) тридцати градусный морозъ.

Изыскивайте, гг. патріоты, мѣры къ улучшенію народнаго скотоводства! но если вы не вырвете изъ рукъ русскаго мужика тяжеловѣснаго кнута, если не заставите его дать домашнимъ животнымъ питательный кормъ и хорошее помѣщеніе, если не измѣните упряжной системы,—то ни арабская кровь, ни голландскіе или швейцарскіе производители, ни вызолоченныя вазы, — не улучшатъ нашего скота, и обычный нашъ уходъ за нимъ доведетъ его до крысopodobнаго зрака, о чемъ пространнѣе будетъ сказано ниже.

ПАЛИМИСЕСТОВА.

ТРЕХМЪСЯЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ЮЖНЫМЪ КРАЯМЪ АВСТРІИ.

II.

Если вы, читатель, любите наблюдать за жизнью народною, если признаете, что только посредственное общеніе съ народомъ можетъ дать правильный взглядъ на его положеніе, то позжайте въ Австрію, прокатитесь по ней изъ конца въ конецъ, перекиньтесь хотя двумя-тремя словами съ встрѣчающимися вамъ спутниками, и вы увидите, какъ мало еще знаемъ мы истинный бытъ народовъ австрійскихъ, какъ не достаточно очерчиваютъ намъ его стѣснительность, даже и преувеличенныя наши предположенія о бѣдственномъ иль состояніи. Не думайте, чтобы пытливая наблюдательность ваша могла быть утомительна для васъ,—вы только заведите разговоръ, покажите только, что не прочь послушать, да не скройте при этомъ и вашего русскаго происхожденія, и передъ вами посыплются факты, развернется душа и вы узнаете то, чего не предполагали и о чемъ никогда не читали. Правда, что безъ озираній дѣло не обойдется; говорящій постоянно будетъ ворочать глазами во всѣ стороны, станетъ понижать голосъ до шопота, по мѣрѣ приближенія посторонняго человека; но въдь это не помѣшаетъ интересу, не уничтожитъ его и остановки разговора или неожиданное обращеніе его въ сферу самыхъ пустыхъ понятій, если проходящему вздумается остановиться не вдалекъ отъ васъ; вы скоро къ этому привыкнете, если еще не привыкли, и скоро поймете необходимость въ крайней осторожности. Пріятно кататься по мѣстамъ, гдѣ глазъ встрѣчаетъ общее довольство; безспорно, спокойнѣе и отраднѣе сердцу видѣть быстроту и прочность успѣховъ цивилизаціи; но полезно побывать и тамъ, гдѣ сердцу предстоитъ борьба, гдѣ зрѣніе и слухъ будутъ отражаться

частыми протестами противъ отсутствія этой цивилизаціи. Противоположности всегда даютъ правильное понятіе; одно свѣтлое, какъ и одно темное могутъ привести лишь къ односторонности. Свѣтлаго въ европейской жизни знаемъ мы много, а темнаго не достаточно, — я разумью жизнь политическую. Чтобы изучить темную сторону, совѣтую еще разъ вамъ съѣздить по Австріи: лучшей школы найти трудно.

Австрія въ настоящее время сдѣлалась, кажется, притономъ всеобщихъ жалобъ на бѣдность. Куда бы ни бросились вы, въ городъ или въ селеніе, гдѣ бы не встрѣтились вы съ ея подданными, на чужбину или пароходъ, вездѣ будутъ раздаваться въ вашихъ ушахъ жалобы, или пассивныя, грустныя, со стороны людей, потерявшихъ всякую надежду на улучшеніе, отчаявшихся въ спасеніи, или активныя, бурныя, сопровождаемыя рѣзкими порицаніями и проклятіями распорядителей, если энергія въ человѣкѣ еще не убита, если въ немъ хранится еще надежда на свѣтлую будущность и онъ ищетъ только симпатіи, чтобы увеличить реактивную силу. Въ послѣдніе дни, въ массу жалующихся вступили даже и немцы, бывшіе доселѣ только холодными зрителями жалобъ инородцевъ. Рѣшимость правительства уничтожить страшный свой дефицитъ однимъ слѣдующимъ годомъ, поразить, безъ сомнѣнья, всякаго, мало-мальски знакомаго съ объемомъ здѣшнихъ налоговъ и съ бѣдностью народа. Правда, правительство обнародовало и намѣреніе свое сдѣлать нѣкоторыя сокращенія въ расходахъ, но можно ли ему вѣрить въ этомъ, да и сможетъ ли оно, хотя на словахъ и крѣпко надѣется, уменьшить расходъ тамъ, гдѣ онъ болѣе всего, какъ въ содержаніи войска? Австрія уменьшаетъ войско передъ весною 1860 года. Да вѣдь это станетъ понятнымъ только развѣ въ такомъ случаѣ и смыслѣ, что часть тяжести на содержаніе войска падетъ новымъ налогомъ на подданныхъ, а количество войска все-таки не уменьшится. Какъ бы то ни было, о сокращеніи войска пока говорятъ, и мы будемъ надѣяться, что ничего не скажутъ, между тѣмъ какъ увеличеніе налоговъ уже совершилось съ перваго января, равно какъ начали уже вносить ихъ и тѣ люди, которые всегда, вездѣ, а также до 1860 года и въ Австріи, были свободны отъ всякихъ налоговъ. По крайней мѣрѣ, я не безъ ужаса прочиталъ знаменитый законъ о дефицитѣ. Мнѣ тотчасъ же представилась нищета большинства подданныхъ, замѣчавшаяся мною повсюду и обязанная если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ чрезмѣрности податей и налоговъ, — а теперь они увеличиваются еще покрытіемъ дефицита. Откуда, спрашивалъ я себя, спрашиваю и до сей минуты, возьметъ народъ деньги: послѣдняя война и

такъ отняла у него все и не только состояніе, а и средства скоро поправиться впередъ. Многіе должны были продать свой скотъ, другіе заложить землю, третьи войти въ долги. Неужели правительству не достаточно еще того, что оно такъ погтыдно обмануло своихъ подданныхъ обнаруженіемъ, по окончаніи войны, распоряженія объ оставленіи и на будущее время усиленныхъ только по случаю войны налоговъ? И неужели оно посредствомъ множества вѣрныхъ своихъ посредниковъ, разсыпанныхъ по всемъ мѣстамъ, не узнало еще въ настоящемъ свѣтъ обвинявшаго быта жителей? А онъ такъ ярко бросается въ глаза каждому провзжающему, даже и не останавливающемуся на подробностяхъ.

Въ одинъ изъ первыхъ своихъ прѣздовъ въ Землинъ, я вознамѣрился осмотрѣть городъ и особенно православныя церкви. Подходя къ одной изъ послѣднихъ, я встрѣтилъ человѣкъ пять сербовъ, сидящихъ у воротъ ограды и разговаривающихъ между собою. Не обратитесь къ нимъ было нельзя, потому что ворота были заперты и пробраться въ церковь не въ урочное время, послѣ вечера, возможно было только при содѣйствіи ближайшаго церковнаго начальства. Первый вопросъ мой, можно ли осмотрѣть церковь, принятъ былъ сухо: сидящіе переглянулись и двое отвѣтили, что вечерня уже кончилась и церковь заперта. Я понялъ ихъ сомнѣніе относительно моего происхожденія и вѣроисповѣданія, а потому и не замедлилъ объясниться, что я русскій путешественникъ, и мнѣ, какъ православному было бы очень желательно видѣть здѣшнія наши церкви. Декорація перемѣнилась разомъ, все встало и начали со мною здороваться чисто по московски. Оказалось, что одинъ изъ сидящихъ былъ старостой и не только выразилъ сердечное удовольствіе показать руссу *свою* церковь, но обойти со мной и остальные. Третья церковь еще не совсемъ готова, и мы застали въ ней работниковъ, спавшихъ докончить свои работы, подъ надзоромъ одного изъ священниковъ. Въ каждой церкви находились какіе либо подарки изъ Россіи, или въ священныхъ сосудахъ, или въ одеждѣ, или въ книгахъ: они хранятся съ особенною заботливостію, потому что, дѣйствительно, составляютъ цѣннѣйшіе предметы въ церкви. По осмотру церковей, староста, еще далеко человѣкъ не старый, не хотѣлъ разстаться со мною и до глубокой ночи сопровождалъ меня по городу, объясняя подробно все, на чемъ останавливалъ я свое вниманіе. Въ заключеніе привелъ онъ меня въ ресторацію и предложилъ выпить съ нимъ бутылку сербскаго вина, за которую никакъ не хотѣлъ взять съ меня денегъ, даже и половины: я охотно уступилъ чувству гостепримства серба, тѣмъ болѣе, что вино оказалось все-

ма дешевымъ. Во время угощенія разговоръ, естественно, могъ принять другой оборотъ, такъ какъ не попадалось уже на глаза развлекающихъ предметовъ, а отсутствіе людей постороннихъ не препятствовало откровенности хозяина. Мнѣ любопытно было узнать о положеніи православнаго народонаселенія въ австрійскомъ пограничномъ городѣ, а потому я и не тратилъ времени обратить рѣчь въ эту сторону. Староста сообщилъ мнѣ, что главная масса народонаселенія состоитъ изъ сербовъ, — подъ этимъ именемъ разумеется не одна національность, и взрѣисповѣданіе: сербъ въ понятіяхъ серба можетъ быть только православнымъ; вѣра и происхожденіе слиты тутъ въ одномъ словѣ такъ тѣсно, неразрывно, что никому не прійдетъ въ голову разделять ихъ. Но въ Землинѣ сербы составляютъ только податное сословіе: чиновничество, котораго здѣсь много, по пограничности города и его парходной пристани, все изъ нѣмцевъ; если и найдется съ пятокъ чиновниковъ изъ славянъ или мадяровъ, такъ они нисколько не отдѣляются отъ послѣднихъ. Кажется, здѣсь совершенно въ одинаковой степени съ понятіемъ чиновника соединяется мысль о нѣмецкомъ его происхожденіи, какъ съ выраженіемъ сербъ — православное взрѣисповѣданіе. Жизнь наша, продолжалъ староста, самая горькая: *ми смо сви сиромаси*. Подобное выраженіе, съ немногими иногда варіаціями, будетъ провожать путешественника по всюду въ земляхъ сербскихъ и хорватскихъ: *худяци, кукавици, сиромаси* три термина, которыми обыкновенно сербъ и хорватъ опредѣляютъ бытъ своего народа. Порезъ (подать), вотъ уже девять лѣтъ, увеличивается съ каждымъ годомъ; передъ войною дошелъ онъ до того, что народъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ продажѣ своихъ пожитковъ. А тутъ вдругъ война, и налоги почти удвоились. Слава Богу, что она *тогда* кончилась скоро и теперь, безъ сомнѣнія, облегчить насъ мѣръ. При такомъ же состояніи, неминуемо обнищаютъ и тѣ, которые хоть сколько нибудь позаправились до 1849 года. Напрасное ожиданіе! Черезъ мѣсяцъ, конечно, прочиталъ староста, что усиленный налогъ не сить; а теперь могъ уже узнать, что, по случаю уничтоженія дефицита, долженъ онъ и еще значительно увеличиться. Мы платимъ, говорилъ староста дальше, со всего: съ земли, съ дома, съ занятія, съ продуктовъ, съ капитала, а между тѣмъ достать не откуда, правительство не дѣлаетъ ничего для облегченія нашего. Надобно ли перестроить церковь или поправить ее, — дѣлаемъ все мы, надобно ли устроить школу и ошачивать учителей, — все лежитъ на насъ; работающія же руки отнимаются безпощадно частыми и усиленными наборами. Тутъ пришелъ мнѣ на память мой извозчикъ, возившій меня по Фрушкой горѣ: съ отчаяніемъ переда-

валъ онъ мнѣ жалкое свое состояніе. „Вотъ послѣдніе пятьдесятъ гульденовъ долженъ былъ отдать я въ самомъ началѣ весны; а купилъ ихъ въсколко лѣтъ, чтобы прикупить земли и привести въ лучшее устройство свой виноградникъ; онъ составляетъ для меня единственное средство существованія, а при такомъ положеніи вся выручка едва-едва хватаетъ для уплаты податей и налоговъ. Между тѣмъ, благодаря Бога, состояніе мое куда лучше другихъ. На освобожденій своихъ и не смотрѣлъ бы: только жалость одна. А вѣдь работаютъ весь до кроваваго пота, награды же никакой; только и слышишь, что подавай, а за что и куда подавай? Хоть бы на одинъ крейцеръ сдѣлало что-нибудь правительство изъ этихъ денегъ для насъ.

Въ отвѣтъ на жалобы старосты, я нашелъ не лишнимъ остановиться на статистическихъ данныхъ жителей Австріи, по народности. Онъ не мало удивился, когда услышалъ отъ меня, что славянъ вохъ за *семьдесятъ* милліоновъ, что нѣмцевъ не болѣе *шести* милліоновъ; еще болѣе изумленъ онъ былъ количествомъ всѣхъ сербовъ, превышающимъ четыре милліона и съ радостію узналъ, что черногорцы тоже сербы и по происхожденію, и по языку, и по вѣрѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ записывалъ онъ въ свою памятную книжку карандашемъ всѣ числовыя величины; попросивъ меня не только повторить еще разъ объ упомянутыхъ народахъ, но сообщить, сколько и хорватовъ, и мадяровъ, и чеховъ и словаковъ. Надобно передать все это *своими*, замѣтилъ онъ, а то вѣдь мы знаемъ только сербовъ «кнежевине». Подобная любознательность заставила меня послѣ повсюду, во время бесѣдъ съ простомыядными славянскими, касаться этого предмета; староста человекъ читавшій, да и то оказался не свѣдущимъ въ статистикѣ своего государства, думалъ я, что же сказать о другихъ? И дѣйствительно, многихъ до того поражали числа, что они не удерживались отъ разнообразныхъ заключеній, имѣвшихъ уже чисто политической смыслъ. Не мало приходилось удовлетворять ихъ распресамъ о Россіи; каждый успѣхъ ея, въ какомъ бы отношеніи ни было, принимали они съ такимъ ощущеніемъ и съ такою радостію, какъ будто бы онъ совершался у нихъ и въ ихъ пользу.

Странная политика у настоящаго правительства австрійскаго: оно одною и тою же рукою созидаетъ и разрушаетъ. Обираетъ народъ, конечно, съ единственною цѣлію удовлетворить тѣмъ расходамъ, которые необходимы для насильственной снѣжки своихъ разнородныхъ частей, и какъ будто не замѣчаетъ того, что подобными поборамъ, въ тоже время, болѣе и болѣе осветляетъ народное сознаніе, ищущее

естественно; исхода из-под невыносимаго гнета. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ спокойно и хладнокровно оставаться, напримеръ, далматинецъ, подати и налоги на котораго идутъ въ одинаковой градации съ сербами и другими народами, а между тѣмъ средства жизни почти прекратились. Известно, что самымъ главнымъ средствомъ для далматинца были или виноградники: выручка отъ продажи вина составляетъ для него существеннѣйшій доходъ. Но вотъ уже девять лѣтъ, какъ, по случаю болѣзни, виноградъ не приноситъ ничего далматинцу. Гдѣ же это видано, чтобы неурожай, такой полнѣй, какъ въ Далмаціи, главнаго продукта не обращаетъ вниманія правительства и не побуждаетъ его не только облегчить подати и налоги, но еще оказывать соотвѣтственную помощь? Но Австрія находитъ достаточнымъ облегченіемъ уже и то, что не беретъ своихъ процентовъ съ вина, котораго народъ не имѣетъ. Или бѣганы за отъиживаемымъ капиталомъ, хотя бы въ пять гильденовъ, развѣ можетъ сноситься равнодушно? Видѣ правительству, безъ сомнѣнія, болѣе стоитъ плата шпионамъ, по этому случаю, чѣмъ выручка процентовъ съ такихъ капиталовъ. Русскому читателю, быть можетъ, это ни совсѣмъ понятно. Постараюсь объяснить.

Въ Австріи, независимо отъ повинности за домъ, полагается повинность на отдѣльныя квартиры въ домѣ. Понятно, что, влѣдствіе этого, цѣнность на квартиры поднялась, въ послѣднее время, значительно. Этотъ налогъ принимается на себя или домовладѣлецъ, и тогда прибавляетъ его къ цѣнѣ квартиры постояльцу, или и то и другое составляетъ самъ платитъ. Конечно, тутъ можно бы, на первый взглядъ, допустить такой случай, что хозяинъ дома, для уменьшенія налога, объявляетъ цѣнность на квартиру меньшую, а съ постояльца беретъ больше; но это уничтожается обязанностію постояльца уведомлять объ истинной цѣнѣ собственною подписью, и разумется; ни одинъ постоялецъ не уменьшитъ своей платы. Не думайте, чтобы при этомъ имѣлся въ виду интересъ постояльца, намѣреніе устроить его отъ произвола домовладѣльца, — нисколько, тутъ дѣль исключительно педерова, и правительству еще пріятнѣе, если цѣнность на квартиры будетъ выше и выше, потому что въ такомъ случаѣ оно получитъ больше. Съ другой стороны, для домовладѣльца такой педеръ сушее варварство: легко можетъ случиться, что одна, а пожалуй и больше, изъ квартиръ его дома стоятъ свободно нѣсколько мѣсяцевъ; онъ не только теряетъ процентъ съ капитала, положеннаго въ домъ, но долженъ еще платить, кромѣ общей повинности за домъ, и налоги на квартиры. Еще отъсчитывается налогъ съ обращающагося капитала. Вы имѣете свободныхъ сто рублей; на-

лена. Но вы въ Землянѣ, и, следовательно, не предполагаете уже возможности дожидаться пароходу землянскихъ пассажировъ. Между тѣмъ вы видите около берега множество лодокъ; въ нихъ сидятъ и три человека, готовые васъ сейчасъ же перевезти въ Бѣлградъ; все у васъ справлено: вещи осмотрѣны, паспортъ съ визой. За чѣмъ же медлить и дожидать парохода четыре или пять часовъ? Вы подходите къ лодкѣ, хотите войти въ нее,—а записка есть у васъ? спрашиваетъ лодочникъ. Какая записка? возражаете вы:—вотъ мой видъ съ визой, задержки за мной нѣтъ никакой. Да, но вы должны получить записку отъ такого-то чиновника и заплатить ему деньги за лодку; перевозъ въ Бѣлградъ содержитъ правительство. Вы идете къ чиновнику и съ изумленіемъ слышите, что перевезти въ Бѣлградъ на лодкѣ стоитъ два гульдена. А такъ вотъ за чѣмъ вся эта медленность! На пароходѣ вы заплатите только двѣнадцать крейцеровъ; доходу большого тутъ нѣтъ: не лучше ли же заставить васъ пятичасовымъ ожиданіемъ прохзаться на лодочкѣ и взять съ васъ двѣсти крейцеровъ? Между тѣмъ какъ тотъ же самый путь на лодкѣ, отъ Бѣлграда до Земляна, обходится вамъ меньше чѣмъ въ гульденъ, но установленной таксы правительствомъ сербскимъ, и деньги идутъ вовсе не въ казну, а тѣмъ кто трудится, перевозчикамъ. А какую бы могли извлекать выгоду землянскіе бѣдняки изъ перевоза проезжающихъ въ Бѣлградъ, безъ малѣйшаго притомъ обремененія пассажировъ, потому что на лодкѣ можетъ сѣсть четыре-пять человекъ съ вещами и, следовательно, пришлось бы платить тоже не больше двѣдцати крейцеровъ, какъ на пароходѣ. Нѣтъ, правительство австрійское не только отняло у несчастныхъ доходъ, но еще самымъ извѣстнымъ способомъ выжимаетъ лишній крейцеръ съ проезжающихъ.

Но вотъ и другой случай, который укажетъ вамъ ясно, какъ заботится правительство объ улучшеніи удобствъ торговаго класса. Я убѣдился въ этомъ самъ лично, во время путешествія своего по Савѣ, къ Сисеку.

Что за рѣка, эта Сава! какъ приятно становится на душѣ, когда вспоминишь о прелестныхъ съ нея видахъ и вдали; что же сказать о путешествіи по ней? На первой половинѣ пути, съ правой стороны, представляется взору величественная равнина Славоніи, съ чистенькими осеками, съ роскошными виноградниками и съ непрерывно-облажаемыми около ея берега мельницами; съ лѣвой—гористая Боснія; на второй половинѣ, Славонія сменяется Кроаціей, а слѣва все еще продолжается рядъ высокихъ горъ боснійскихъ, но не голыхъ, скалистыхъ, какъ въ Далмаціи, а покрытыхъ самою свежою зеленью отъ лесовъ лиственныхъ. Только при впадѣніи Уны въ Саву,

составляющей границу между австрийскою Кроманіей и турецкою Борніей, съ запада, вы проходите съ этими горами; не скоро проститесь и съ самой Савой, потому что пароходъ весьма близко отъ устья Уны войдетъ въ рѣчку Кульпу и, прошедши двести-триста сажень, остановится у пристани Стекоюй. Провзжая вдоль всей почти Савы, я не могъ не поразиться сближеніемъ названія съ стариннымъ глаголомъ *сути*, откуда наше *согати* и откуда такъ же естественно могло образоваться существительное *Сава*, какъ отъ *плути* (старинная форма настоящаго времени *плосу*) *плавать*, или отъ *слути* (старинная форма настоящаго времени *слосу*) существительное *слава*. Дѣйствительно, трудно вообразить другую рѣчку, которой приличнѣе бы было названіе *сущейся*; она вся состоитъ изъ изгибовъ, извилинъ, и пароходъ то и дѣло вертится направо и влево, открывая съ каждымъ поворотомъ своимъ новыя и новыя картины, одну другой восхитительнѣе и очаровательнѣе. Наслаждаясь живописными видами *посавской* мѣстности, я не упускалъ случая по бесѣдовать съ туземцами. Найти сводручнаго человека не трудно, когда владеешь столь могучимъ средствомъ сближенія до откровенности, какъ туземный языкъ. Я разговаривалъ съ двумя купцами, изъ которыхъ одинъ митровчанинъ, вѣхалъ въ Сисекъ, другой также черезъ Сисекъ, возвращался домой въ Аграмъ. Подобно остальнымъ подданнымъ австрийскимъ, и они не удерживали жалобъ своихъ на безчувственное невниманіе къ ихъ торговой промышленности правительства. Ближе всего касалось ихъ пароходство по Савѣ, и они съ особенною силою останавливались на этомъ предметѣ.

Вы уже знаете, что пароходъ идетъ только до Сисека, оставляя Саву съ правой стороны и прерывая, такимъ образомъ, непосредственное сообщеніе съ центральнымъ пунктомъ Кроманіи, и въ политическомъ и въ торговомъ отношеніяхъ, то-есть, съ городомъ Аграмомъ, лежащимъ на Савѣ верстахъ въ восемьдесятъ отъ впаденія въ нее Кульпы. Что за причина не пропустить пароходъ до самаго Аграма? Отвѣчать на этотъ вопросъ крайне трудно, даже не возможно безъ самыхъ дерзкихъ предположеній въ ущербъ нравственности мѣстнаго правительства. Не думайте, чтобы Сава становилась отъ устья Кульпы въ верхъ мелководиве: она все-та же самая, а эпитоки мѣстности увѣряли меня, что очищеніе верховья соединено съ гораздо меньшими еще затрудненіями, чѣмъ произведенное очищеніе въ нижнихъ частяхъ. Я каждый день любовался на Саву, живя въ Аграмѣ, и сколько могу судить по своему глазомеру, она не только не уже, а еще шире своей средины; видъ же большихъ судовъ, наполненныхъ огромнымъ количествомъ товаровъ, могъ убѣдить меня,

что и глубина ея несколько не уступитъ широтѣ. И все-таки пароходы не ходятъ до Аграма, не смотря на то, что уже два раза отправлялась депутация изъ Аграма просить *власть* о разрѣшеніи, даже соглашаясь на свой счетъ произвести очистку русла. Тутъ уже идетъ дѣло не объ отнятіи у подданныхъ естественныхъ выгодъ въ свою пользу, а просто о стѣсненіи только изъ какихъ-то темныхъ расчетовъ, безъ всякой видимой для самого себя выгоды. Правительство, не взирая на нужды народныя, на полную зависимость ослабленія если не уничтоженія ихъ, отъ удобныхъ путей сообщенія, до-сихъ-поръ не провело желѣзной дороги отъ Аграма къ одной изъ пристаней близкой Дравы, по которой также ходятъ пароходы, а также не соединяетъ Аграма вѣтвью съ своею южною дорогою, отъ Триеста на Вьну: между тѣмъ отъ Аграма до Штейнбрюка, ближайшей станціи на этой дорогѣ, всего десять миль, а пространство таково, что не представляетъ нигдѣ особыхъ препятствій, которыя бы потребовали значительныхъ издержекъ. Отсюда и происходитъ, что купецъ аграмскій, или вообще кроатскій, для доставки товара, положимъ, въ Пестъ, долженъ довести его прежде сухимъ путемъ до Сисека, потомъ провезти по всей Савѣ до ея впаденія въ Дунай, около Земляна, и въ заключеніе, подняться въ верхъ по Дунаю, — цѣлыя сутки пути на пассажирскомъ пароходѣ, — до Песта. Такимъ образомъ, отъ во-первыхъ, теряетъ время и расходы, при доставкѣ отъ Аграма до Сисека, во-вторыхъ, чуть ли не вдвое увеличиваетъ общее пространство на этомъ пути, сравнительно съ тѣмъ, какое предстояло бы ему совершить по желѣзной дорогѣ до пристани по Дравѣ и потомъ Дравою и Дунаемъ; наконецъ, въ-третьихъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ купецъ проигрываетъ сравнительно съ желѣзною дорогою на Штейнбрюкъ въ Вьну и Пестъ, если и допустить, что отдельная вѣтвь изъ Кроаціи прямо на Пестъ не по силамъ нынѣшнему правительству.

Но такъ увлечена державная Австрія своимъ принципомъ раздѣленія своихъ подданныхъ, что не только не хочетъ ввести ихъ интересовъ въ планъ постройки у себя желѣзныхъ дорогъ, а напротивъ, усиливается на сколько возможно отстранить вся способы удобнаго, между ними общенія, проводя дороги единственно изъ соображеній военныхъ. Такимъ образомъ и тутъ, въ статьѣ желѣзныхъ дорогъ Австрія остается удивительно вѣрною сама себѣ: она беретъ деньги у народа, увеличиваетъ, и безъ того уже невыносимые, налоги по случаю проведенія дорогъ, — и въ употребленіи этихъ денегъ думаетъ лишь о томъ, какъ бы покрѣпчѣ сковать оковы, которыми опутываетъ своихъ подданныхъ и какъ бы по насильственному от-

нять у нихъ средства смѣло потребовать у нея отчета въ разстратъ кровавыхъ ихъ денегъ.— Не менѣе жаловались кушцы мнѣ и на высокую плату какую должны давать они на пароходахъ австрійскихъ. Съ невыразимымъ удовольствіемъ приводили они тотъ фактъ, по которому и Австрія, хотя на Дунавъ, была вынуждена понизить цѣну: фактъ этотъ заключается въ открывшемся въ прошлое лѣто плаваніи французскихъ пароходовъ. Скоро ли придетъ то время, когда исполнится желаніе моихъ хорватскихъ знакомыхъ, чтобы и на Савѣ заставляли французы Австрію понизить плату, и другое еще сильнѣйшее желаніе, увидѣть по скорѣе на Дунавъ и Савѣ русскіе пароходы. Они не хотятъ и думать, чтобы послѣдніе не были предпочтены, по крайній мѣрѣ въ славянско-мадьярскомъ народонаселеніи, всемъ остальнымъ.

И приведенныхъ нами примѣровъ достаточно, надѣмся, чтобы судить читателю о страшномъ матеріальномъ давленіи, подъ которымъ принуждены жить подданные австрійской имперіи. Но эти примѣры составляютъ лишь небольшую частицу цѣльнаго гнета; они указывали лишь потому, что какъ-то ярче бросаются въ глаза чужестранному путешественнику, какъ-то выпуклѣе выдавались въ моихъ наблюденіяхъ и потому, что на нихъ чаще всего наводили меня встрѣчи и бесѣды съ отдельными туземными личностями. Но какъ бы ни велика была еще масса частныхъ случаевъ матеріальнаго стѣсненія, все-таки они далеко не исчерпываютъ тягостнаго положенія нашихъ юго-западныхъ соплеменниковъ и не объясняютъ намъ того, поминутно поразительнаго явленія, въ силу котораго они считаютъ болѣе счастливою жизнь подъ саблею турка, чѣмъ подъ швабскимъ перомъ Австріи. Невыразимо-убійственно положеніе болгарина и серба подъ бвснующимся мусульманскимъ, гдѣ ничѣмъ ни обезпечены отъ произвола послѣдняго ни его имущество, ни его жизнь, и однакоже, тѣмъ не менѣе, юго-славянине австрійскій призналъ справедливымъ образовать пословницу: болыи турокъ саблемъ, него Шваба перомъ (лучше съ своею саблею турокъ, чѣмъ съ перомъ нѣмецъ). Причина столь страннаго предпочтенія кроется въ систематическомъ стремленіи австрійскаго правительства осуществить фантастическій принципъ свой — обезнародить славянскіе народы, вельдствіе чего, къ гнету матеріальному присоединяется и гнетъ не вещественный, духовно-правотвенный, направленный на самыя коренныя условія народности—на языкъ, а чабтію и на вѣру. Дѣйствуя противъ распространенія славянскаго языка, въ пользу его забвенія и изгнанія изъ жизни, правительство естественно должно дѣйствовать и противъ всего того, что и кто разноситъ языкъ въ массу, савдо-

вательно противъ литературы и литераторовъ; а какъ литераторомъ можетъ одыаться всякій образованный человекъ, не увлеченный въ сѣти нѣмецко-австрійской политики, не извратившій своего смысла, подобно ея органамъ, на способъ дикой мономаніи, то и противъ всѣхъ образованныхъ славянъ, welche noch slavisch denken, какъ выражаются на техническомъ своемъ языкѣ здѣшніе администраторы.

Много пришлось бы говорить объ этомъ родѣ стѣсненія нашихъ соплеменниковъ; я укажу лишь на нѣкоторыя свои наблюденія, касающіяся и практическаго осуществленія цѣлей правительства вѣрными его органами и оффиціальныхъ распоряженій и дѣйствій власти по этому предмету.

Самыми лучшими проводниками нѣмецкаго языка въ земляхъ славянскихъ служатъ для правительства назначаемые имъ туда чиновники и распоряженіе школами. Чиновничество высшее исключительно нѣмецкое; среднее и низшее почти: туземець-чиновникъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, составляетъ не болѣе какъ шестой процентъ, въ другихъ только десятый или двѣнадцатый. Если вы представите себѣ, что туземець-чиновникъ непремѣнно человекъ бѣдный, снискивающій дневное пропитаніе единственно казеннымъ жалованьемъ, то поймете, какъ невозможна съ его стороны парализація овѣчливающихся нѣмецко-австрійскихъ его собратій. По закону, чиновникъ долженъ знать языкъ туземный, даже долженъ, при опредѣленіи, сдать экзаменъ по немъ. Но какую силу можетъ имѣть подобное постановленіе тамъ, гдѣ овѣчченіе составляетъ одно изъ существеннѣйшихъ стремленій власти, гдѣ объемъ чиновничества необыкновенно распространенъ и власть зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы каждое управленіе не замѣнить *своимъ*, и гдѣ, вообще, при исполненіи закона, допускаются всѣ іезуитскіе софизмы, оправдывающіе его противозаконность. Вотъ и примѣръ экзамена. Въ Зарь, въ нынѣшнюю весну, одинъ изъ нѣмцовъ заблагоразсудилъ поступить въ чиновники. Приходилось и ему экзаменоваться изъ сербско-хорватскаго языка. Экзаменаторъ, нѣмецъ-чиновникъ, спрашиваетъ у него, что знаетъ онъ: ничего, отвѣчаетъ кандидатъ на мѣсто. Можетъ ли это быть, вѣдь вы давно уже живете здѣсь и, конечно, что нибудь да знаете. Рѣшительно ничего, повторилъ кандидатъ. Да хотя одну фразу, одно слово сербское? Только и знаю, что. . . . и при этомъ случившійся нѣмецъ—претендентъ на чиновничество, произнесъ тѣ два бранныхъ слова, съ которыхъ обыкновенно начинаютъ говорить по русски заходящіе и къ намъ на Русь нѣмцы. Ну, больше и не надобно замѣтилъ экзаменаторъ, и далъ свидѣтельство въ удовлетворительномъ знаніи сербскаго языка. Да, впрочемъ, экзаменъ совершенно

бесплезенъ и при предположеніи, что онъ совершается правильнымъ образомъ и съ надлежащими требованіями со стороны экзаменующаго;—все равно, здѣшній нѣмецъ на столько упоренъ въ своемъ языкѣ по собственному своему расположенію и на столько понимаетъ свое отношеніе къ поставившей его власти, что не будетъ говорить ни по хорватски, ни по сербски, ни по чешски и такъ далѣе, хотя бы и пришлось ему вращаться въ кругу коренныхъ славянъ. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, какъ безпорядочно развитъ эгоизмъ въ этихъ людяхъ: они признаютъ непростительнымъ грѣхомъ оставить свой языкъ въ пользу чужаго и тогда, когда живутъ въ чужой землѣ, имѣютъ дѣло почти исключительно съ этими людьми и содержатся на счетъ этихъ людей; и въ тоже время готовы возводить на стѣнень государственнаго преступленія не расположеніе славянскихъ туземцевъ говорить съ ними по нѣмецки, даже при незнаніи ихъ языка нѣмецкаго. И конечно, своею неутомимою навязчивостію, безграничнымъ довѣріемъ къ своимъ доносамъ со стороны правительства, австрійскіе чиновники втискиваютъ всюду свой официальный языкъ (лишенный, впрочемъ, всякъ прекрасныхъ качествъ чистаго языка нѣмецкаго) въ разговоръ славянъ, боящихся подать поводъ къ неудовольствію, отсюда къ подозрительности, пожалуй, часто и фактивной, а наконецъ, какъ къ неизбежному ея результату, и къ доносамъ. Какъ часто приходилось мнѣ выражать свое неудовольствіе знакомымъ славянамъ, разомъ перемѣнявшимъ въ какой либо задушевной бесѣдѣ въ одной изъ кофейнъ или ресторацій родную свою рѣчь на нѣмецкую, какъ скоро подходилъ или чиновникъ или праздно-проживающій, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ городъ нѣмецъ, можете судить уже потому, что безъ ресторацій или кофейнъ обойтись здѣсь нельзя, а, въ силу наблюдательности совокупно всякъ органовъ правительственныхъ за русскимъ чело-вѣкомъ (о которомъ узнаютъ они немедленно въ городѣ или по исправности полиціи, превосходно пользующейся въ этомъ случаѣ телеграфическими линіями, или по свойственному имъ инстинкту), при первомъ появленіи его въ общественное мѣсто, немедленно же присоединяется одинъ изъ такихъ органовъ и тотчасъ же старается отвлечь вашихъ собесѣдниковъ своими нѣмецкими возраженіями, какъ скоро вы образовали съ ними кружокъ и звали разговоръ, разумется, на своемъ языкѣ, славянскомъ. Какъ бы желалъ я, чтобы эти слова на бумагѣ дошли до дорогихъ моихъ старыхъ знакомыхъ: они напомнили бы имъ мой гнѣвъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, соединенный съ равными порицаніями тутъ же, на мѣстѣ, за которыя не только не сердились они на меня, а, еще

благодарен, и котормя не разъ потому утрачивалъ новую стойкостью въ родномъ языкѣ, не смотря на все налеты и жужжанія австрійскиихъ олъшней; а напомниши обо мнѣ, столь горячо полюбившемъ ихъ русовъ, быть можетъ, слова эти, начертанныя съ столь яснымъ воспоминаемъ о нихъ, не останясь бы вполне безшлезны, для нихъ и теперь и на будущее время.

Не полагайте, читатель, чтобы подобное вдавливаніе немцаго языка ограничивалось лишь среднимъ сословіемъ, или городскимъ народонаселеніемъ: чиновничество ведетъ себя одинаково и поотношеніи къ простолюдиамъ, жителямъ селъ и деревень, хотя само собою пошито, уснаки здасъ и далеко не соответствуютъ его уснаіямъ. Я никогда не забуду случая, которму пришлося мнѣ быть свидѣтелемъ на новосадской (Newsatz) пароходной пристани, во время покупки билета на пароходъ. Мнѣ надобно было отправляться изъ Новаго Сада, часа въ четыре утра, въ Карловець. Пароходъ уже пришель, а кассиръ еще спитъ; поднятый намъренно стукъ ожидающими пассажирами передъ ршеткой, за котормой почивалъ кассиръ, заставилъ его проснуться не въ духъ; онъ съ большимъ неудовольствіемъ приступилъ къ своему занятію; вымывая на получающихъ билеты тѣмъ, что ниному не хотѣлъ размывать бумажки, даже въ пять гульденовъ, хотя некоторымъ приходилось заплатить за мѣсто и большую ихъ половину. Получивши билетъ для себя, я остановился не подальку, чтобы уложить въ мѣшокъ бывшія у меня подъ мышкою двѣ книги, завереть его и потомъ уже идти на пароходъ. Въ это время подошелъ къ кассиру сербъ, съ просьбою дать ему также билетъ, и какъ вся рачь его на первый разъ, заключилась въ одномъ словѣ, въ обозначеніи мѣста, куда намърень онъ ахать, до Землина, то и не мудрено, что нѣмецъ кассиръ понялъ и отрѣзалъ билетъ. Но сербу надобно было распорядиться и своими вещами, поэтому, не зная, вѣроятно, гдѣ свѣшиваютъ кладъ, онъ обратился съ вопросомъ къ тому же кассиру; послѣдній посмотрѣлъ злобно на серба и ничего не отвѣтилъ; сербъ повторилъ свой вопросъ, употребивъ вмѣсто роднаго термина слово *багажъ*, чиновникъ выразумѣлъ домогательство простолюдина и грубо указалъ ему пальцемъ, гдѣ должно спрашивать о подобныхъ вещахъ, преформетавъ при этомъ намецкую фразу.

Конечно сербъ ея не понялъ и стоялъ въ недоуменіи; я постарался ему перевести и объяснить, какъ долженъ поступить онъ съ своимъ багажомъ. Между тѣмъ кассиръ отсчиталъ ему сдачу съ гульдена знаменательными *шестосиками*, котормы, во какому-то счастью; ни съ того — ни съ сего, стали вдругъ, вмѣсто шести крѣйцеровъ, обозначать десять, согласно съ бумажнымъ гульденомъ, возросшимъ

отъ стоимости шестидесяти крейсеровъ разомъ до ста. Последний—сербъ отъишалъ было, но тотчасъ же возвратился въ рипетку, показывая на свою ладонь, гдѣ лежала сдача, проговорилъ «не олос». Такое сочетаніе славянскаго отрицанія съ австрійско-немецкимъ словомъ поставило въ туникъ кассира; сербъ прошепелъ уже какую фразу; но по сербски, только съ тѣмъ же не олос: все отени, господине, не олос дали. Чиновникъ окончательно забѣсился и съ неготовомъ, самою гадкою бранью обсыпалъ несчастнаго славянина, за то что онъ не говоритъ по немецки. Не помочь последнему было бы непростительно. Оказалось, что кассиръ недодалъ двадцати крейсеровъ сдачи, что для простоядина составляетъ большой отътъ. Конечно, при внимательствѣ посторонняго человека, недостающіе крейсеры были возвращены, но не могъ бѣдный сербъ вернуть сдачу кассиру, за его постыдную, гнусную брань. Неужели у имперскаго чиновника не хватало на столько человеколюбія и разсудительности, чтобы не считать виновнымъ серба за то, что онъ рѣдился сербомъ, взросъ и воспитался среди милліона земляковъ на родной землѣ сербской, которую злой судьбѣ угодно было вдавить въ имперію австрійскую, а правительству послѣдней вздумалось отъправить въ эту землю чиновника нѣмца, не знающаго ни слова по-сербски. Да и тѣ чиновники, которые понимаютъ сербской и хорватской языкъ, которые даже хорошо владѣютъ имъ, никогда почти не употребляютъ его въ разговорахъ съ сербами и хорватами, онъ служитъ для нихъ посредникомъ лишь при сношеніи съ мадьярами.

Бумажная администрація точно таже, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе проводитъ нѣметчину. Возьмете ли вы объявленіе, квитанціи или бланкеты въ присутственныхъ мѣстахъ, вы увидите повсюду стремленіе удалить рѣчь славянскую. Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ о развѣшиваемыхъ объявленіяхъ на австрійскихъ пароходахъ, гдѣ участвуютъ чуть ли не все западно-европейскіе языки, со включеніемъ даже и ново-греческаго, и нѣтъ ни одной буквы сербской или хорватской, между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ такихъ пароходовъ исключительно ходятъ вдоль славянскихъ береговъ и исполняютъ пассажирами главнѣйшимъ образомъ изъ славянъ. Въ 1849 и 49годахъ, въ Кроаціи, бланкеты, напримѣръ, почтоваго вѣдомства (для пассажирскихъ билетовъ) и другихъ учрежденій, печатавшіеся съ обѣихъ сторонъ, съ одной по-немецки, съ другой по-хорватски, прописывались только по хорватски. Грѣва прошла, несчастная помощь хорватовъ потнбавшему правительству забыта быстро, и бланкеты стали прописываться на обѣихъ языкахъ: прошло еще года два, и сторона хорватская начала оставаться блною, стали писать только

по немецки; въ последнее время новые бланкеты уже и приготовляются для одного немецкаго языка. Такъ постепенно думаетъ идти къ своей цели, даже и въ такихъ мелочахъ послѣдовательно, систематизация австрійская.

Но гораздо важнее распоряженія правительства о преподаваніи въ школахъ и гимназіяхъ. И тутъ, подобно постепенному введенію языка немецкаго на объявленіяхъ, квитанціяхъ и бланкетахъ, оно систематически съ 1849 года устрояло рѣчь туземную изъ преподаванія, доведя въ последнее время статью эту до того, что славянскіе ученики должны слушать и изучаться по немецки. Понятно, что достигнуть такого результата было не только не легко, но едва ли и возможно при господствующемъ большинствѣ туземныхъ преподавателей, не перекрашенныхъ въ австрійской купели онемеченія; необходимость замѣнить ихъ *своими* была слишкомъ очевидна, чтобы правительству не хватиться за одинъ изъ обычныхъ рычаговъ, и вотъ началось удаленіе славянъ и замѣщеніе ихъ кровными немцами, покорными до безсознательности исполнителями предначертаній идоложскаго своего кумира. Во многихъ мѣстахъ, даже мѣстное нарѣчіе славянское стало преподаваться немцами, на способъ того, какъ некогда, по стариннымъ грамматикамъ, 'игъльбуо напиримър', у насъ греческому- и латинскому языкамъ. Измѣнивъ, такимъ образомъ, составъ преподавателей, не трудно уже было перевернуть языкъ и относительно-цахъ славянскихъ учителей, которые по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ удержались на своихъ мѣстахъ. Меньшинство съ одной стороны, опасность при житейскихъ нуждахъ потерять мѣсто съ другой, представляютъ достаточное ручательство для правительства въ невозможности реакціи отъ нихъ, хотя бы внутренне они и продолжали мыслить по славянски. Особенно жестокому гоненію на своихъ учителей подверглись несчастные славенцы, жители Крайны, Штирии и Каринтіи; онемеченіе въ этихъ странахъ проникло уже глубоко, и правительство съ жадностію устремило все силы свои, чтобы захватить по скорѣе все славянское въ народъ. Мы случались не разъ встрѣчаться съ славенцами, учителями гимназій въ чужихъ странахъ. Надобно слышать ихъ жалобы, доходящія до отчаянныхъ воплей, на притѣсненія власти, чтобы понять всю силу безчеловѣчной несправедливости. Сколько разъ обращались некоторые изъ нихъ съ умоляющими просьбами къ правительству перевести ихъ на родину, представляя необходимость таково перевода и со стороны климата, и со стороны семейныхъ отношеній, и даже напращивая: warum denken sie slawisch—говорятъ въ отъѣздъ на подобныя просьбы. Одинъ изъ примѣровъ столь безчув-

стремленія изгнанія въ чуждыя гетиманіи, я привелъ въ своемъ описаніи путешествія въ письмѣ къ И. И. Срезневскому.

Но вотъ наступаетъ война итальянская. Не говоря уже о ея неуспѣшномъ результатѣ для Австріи, во внешнемъ отношеніи, она раскрыла правительству много внутреннихъ ранъ, образовавшихся отъ неутомимой его гонимы за осуществленіемъ завѣтныхъ принциповъ. Залечить эти раны можно было только уступкою народности — правительство понимало это лучше всякаго, какъ въ свою очередь, не думало, по своему упрямству, возросшему до *idée fixe*, поступиться ни на одинъ шагъ своею рьяностью, держаться до послѣдняго издыханія закореняемыхъ принциповъ. Какъ же поступить въ такомъ случаѣ? Система обмановъ обрѣтала въ природу въ австрийскомъ правительствѣ, и отъ чего же бы не пустить въ ходъ новый обманъ, когда имъ можно достигнуть чего-нибудь? И вотъ, издаются афиши о намѣреніи власти произвести въ администраціи реформы, — тѣ изъ народа, которые сокращали еще кое-какую зеру въ свое правительство, монархію, опирающуюся на надежды, выслушавъ новые объявленія, съ намѣрами на признаніе народности, — оптимизма и надежды усиливается и сопровождается радостнымъ чувствомъ. Что же вышло на самомъ дѣлѣ? Часть мы уже знаемъ: реформація разразилась, сначала, прокламаціею объ оставленіи въ прежней силѣ распоряженія о налогахъ, изданнаго въ критическія минуты, передъ началомъ войны, потомъ, новымъ указомъ объ увеличеніи еще болѣе налоговъ, послѣдствіемъ трактатовъ о дециматѣ. Посмотрѣвъ теперь на другую половину объявленій, гдѣ просвѣчивается мысль о народности. Въ началѣ августа, подданные прочтѣли законъ о введеніи въ преподаваніе языка туземнаго. Европа, судя по газетамъ, приняла горячо, къ сердцу, новое постановленіе, совсѣмъ признавая обращеніе австрийскаго правительства. Въ самой Австріи, въ умѣхъ ея подданныхъ, замѣтно было раздвоеніе; потому что тамъ и въ ней люди, повѣрившіе въ *обращеніе*: такъ чувствительно, и съ такою силою былъ выраженъ законъ. Между тѣмъ, время идетъ своимъ чередомъ, а исполненія никакого не видно; попрежнему славянскія дѣти некупаютъ черотвы въ школахъ хлѣбъ въ вымышленной оберткѣ. Начинается броженіе, сопровождаемое нѣмыми разговорами и легкими протестаціями мѣстныхъ начальствъ: необходимо взрастить и успокоить недовольныхъ и, надобно быть на alerte, здѣсь, вблизи къ арміи, чтобы оплести всю іезуитскую ловкость власти, всю силу несправедливой въ ней порчи, съ какою дѣйствовала она въ настоящемъ случаѣ. Тамъ, гдѣ деморализація народности удалась больше, гдѣ, следовательно, меньше можно было ожидать об-

щей и энергической реакціи, мѣстная власть, настроенная центральную, выставилъ на видъ протестаторомъ основной законъ, что каждое новое постановленіе должно приводиться въ исполненіе не иначе, какъ по полученіи циркулярнаго предписанія изъ министерства, а такого циркуляра еще не получено. Такой способъ употребленъ въ земля Чешской и Моравской, а, быть можетъ, и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ мнѣ еще не удалось побывать. Тамъ же гдѣ народность выдерживала доселѣ побѣдоносно натиски обезпародыванной власти, гдѣ единодушіе не раздроблено и гдѣ, такимъ образомъ, подобная отговорка мѣстнаго начальства способствовала бы къ сильнѣйшему раздраженію, центральное правленіе поступило иначе. Оно, въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія, отправляетъ конфиденціальную бумагу главному мѣстному начальству, съ указаніемъ какъ слѣдуетъ толковать изданный печатно законъ по отношенію къ вѣрнымъ его надзору учебнымъ заведеніямъ. Ужъ, конечно, толкованіе носить тотъ смыслъ, что эти заведенія иудъ законъ, указанный безъ всякаго ограниченія, съ характеромъ полной общности, не подходятъ; что для этого надобно то-то и то-то, чего въ этихъ заведеніяхъ нѣтъ. Эту конфиденціальную бумагу и показываешь конфиденциально мѣстный начальникъ всякому, кто, по глубокому родолюбию своему, не оставляетъ его въ покоѣ справками. Такова бумага прислана была въ Аграцъ, въ главное мѣсто правленія Кроаціи. Способъ толкованія въ ней закона и противорѣчіе его основной мысли послѣдняго, указаны мною въ вышеупомянутомъ письмѣ. Проѣзжая по Далмаціи, я полюбознательствовалъ узнать, какими образомъ растолкованъ законъ о языкѣ въ преподаваніи и здѣсь. Не справкѣ оказалось, что циркуляръ дозволяетъ преподавать науки втеченіе года на родномъ языкѣ; но экзамены должны совершаться по немецки. Стоитъ ли распространяться въ объясненіяхъ, что и этотъ толкъ ведетъ къ тому же результату, къ изгнанію народнаго языка. Какой учитель, отвѣчающій за успѣхи своихъ учениковъ, являющихся въ школу или съ совершеннымъ незнаніемъ немецкаго языка, или съ самымъ слабымъ, ринется самъ излагать свои уроки по сербо-хорватски и отъ учениковъ требовать такого же изложенія, когда на экзаменѣ необходимо отвѣчать по немецки? Вѣдь это значитъ не рисковать только изгнаніемъ, а несомнѣнно быть въ немъ уврѣненнымъ.

Такъ прошло полгода послѣ напечатанія чувствительнаго закона, приведеннаго, быть можетъ, не одно отдаленное правительство въ заблужденіе, а исполненія не только не послѣдовало, но правительство своими толкованіями и объясненіями постаралось еще показать

подданнымъ, что оно вовсе и не воображало учинить столь не благоую въ основныхъ своихъ взглядахъ непослѣдовательность, что обнародывало оно законъ только для обмана чужихъ народовъ и властей, въ надеждѣ, что обманъ удастся распространить какъ нибудь и въ своихъ владѣнiяхъ: почему, напримеръ, въ Банатъ или Краоцію не думать, что въ Чехіи и Моравіи законъ нашелъ приманеніе, и наоборотъ, развѣ у чеха и моравана, оставшихся при старой вѣстчинѣ, отнята возможность мечтать, что у кроатовъ и далматинцевъ перешелъ уже этотъ законъ въ жизнь. Правительство могло имѣть такія гуманныя соображенія, при неумолимо строгихъ заставахъ, и для устнаго и для печатнаго слова, на всехъ границахъ и отдаленныхъ областей государства, и отдаленныхъ селеній области, каштелъ и отдаленныхъ улицъ города, даже и отдаленныхъ домовъ улицы. Но тщетны ухищренія и закаленного въ борьбѣ съ народностями правительства австрійскаго. Тамъ, гдѣ ложь и обманъ одлались обыкновенными явленіями, и вскрываются они передъ сознаніемъ гораздо быстрее: и если Австрія удалось продлить заблужденіе чужихъ народовъ на мѣсяцы, дошедшіе до полугода, то у себя дома она давно уже отбита постыднымъ фактомъ отъ доверія къ себѣ и тѣмъ, кто до сей минуты имѣлъ хотя разбитые остатки его въ своемъ сердцѣ. Въ настоящія минуты, положительно не вѣрятъ австрійскіе подданные ни въ чемъ своему правительству: оно до такой степени вышло изъ доверія, что едва ли можно убѣдить народъ въ истинѣ и дѣйствительнаго въ его пользу распоряженія; онъ даже и не скажетъ, что все это вздоръ, ложь или дѣлается съ какою либо заднею мыслію, для него враждебною, а развѣ только плюнетъ съ отвращеніемъ, да махнетъ рукою. Въ замѣнъ рѣшительной потери въ подданныхъ вѣры въ нравственныя начала правительства, организовалось въ душѣ ихъ другая вѣра, дошедшая въ большинствѣ и до сознательнаго убѣжденія, что подобное правительство существовать не можетъ и не должно, что поддерживать его было бы непростительнымъ грѣхомъ и противъ религіи и противъ здраваго человѣческаго смысла. Такія мысли я только что вынесъ изъ разговора съ чехами, разсуждавшими въ кружкѣ своемъ о новыхъ слухахъ, но слухаю готовящихся будто бы вновь въ Вѣнѣ реформаціяхъ. Что онѣ могутъ готовиться, я этому вѣрю, но не сомнѣваюсь ни мало и въ томъ, что главная забота при ихъ приготовленіи сосредоточена на замыслѣ какого либо новаго, искуснѣйшаго обмана.

Въ женскихъ школахъ и институтахъ еще строже слѣдится за проведеніемъ чужаго языка и тѣмъ усильнѣе, разумеется, изгоняется изъ памяти родной языкъ въ послѣднемъ, чѣмъ закрытве со-

держаніе дѣвушекъ и долговременное разобщеніе ихъ отъ круга семейнаго и знакомыхъ. Дѣло понятное, что матери имѣютъ самое сильное и вѣстразимое вліяніе на воспитаніе молодаго поколѣнія,— и образованіе ихъ въ духѣ анти-народномъ, но крайней мѣрѣ въ холодности или равнодушіи къ нему служить уже достаточнымъ залогомъ подобныхъ же чувствъ къ своей народности и въ возросшемъ подѣ надзоромъ такихъ матерей поколѣнія. Сколько разъ жаловались начальницѣ не на опущеніе, а на безсладное изгнаніе народнаго языка въ институтѣ аграрномъ, хорватскіе патриоты Агрона, и все напрасно—начальница недовольна даже и на то, что дѣти вступаютъ въ институтъ безъ знанія нѣмецкаго языка. Для истинныхъ хорватовъ остается одно средство—оставлять дочерей своихъ съ недостаточнымъ, по бѣдности, домашнимъ образованіемъ и предоставить пользоваться высшимъ женскимъ заведеніемъ, содержащимся на кровавые ихъ крейцеры, чистымъ нѣмцамъ и означеннымъ крестамъ. И конечно, это единственный исходъ и, невѣстнымъ обстоятельствомъ, самый лучший, потому что самый надежный для удержанія врывающейся съ такимъ насиліемъ нѣмечины. До послѣдняго времени тоже самое было и въ Зарѣ, для нѣскихъ славянокъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что здѣсь вмѣсто нѣмецкаго языка распространенъ былъ итальянскій. Употѣхъ былъ такъ блистателенъ, что православные священники обязаны были на исповѣди употреблять для молодыхъ женщинъ и дѣвицъ языкъ итальянскій. Какъ же, сравнивается, могли понимать они божественную науку службу, совершающуюся на языкѣ славянскомъ; и не должны ли были предпочесть богослуженіе католическое, гдѣ по крайней мѣрѣ итальянская проповѣдь могла быть имъ понятна? И въ самомъ дѣлѣ, православная церковь пустѣла съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, тогда какъ католическая, наоборотъ, соотвѣтственно умножалась посѣтителями. Такимъ образомъ, цѣли правительства достигались двойныя: и со стороны народности и со стороны религіи. И какъ должны благодарить далматинцы, нѣс, безъ различія въ роноповѣданіи, нынѣшняго православнаго епископа далматскаго, Княжевича, употребившаго послѣ тяжкихъ усилій, образовать въ Зарѣ женскую гимназію, гдѣ преподаются все предметы на туземномъ, сербокомъ языкѣ. Я видѣлъ одну изъ дѣвицъ, учившуюся въ этой гимназіи и съ чувствомъ благоговѣнія къ этому учрежденію разговаривала съ нею по сербски. Тутъ въ разговорѣ, могъ нагляднымъ образомъ убѣдиться я, до какой степени тѣсно связана языкъ съ духомъ и чувствомъ: она проникнута всецѣло любовью къ своему народу, интересуется всемъ, что его касается, и недопускаетъ для себя возможности предпочесть родному языку какой-

бы то ни было чужой. Желательно, чтобы далматинцы побольше заготавливали себе матерей въ православной женской гимназiи въ Зарь: меньше чѣмъ въ два поколѣнiя возвратились бы тогда обитательные горожане снова къ общему своему центру, изъ котораго такъ резко выдѣлились.

Двѣтвоя противъ народности славянской распоряженiями относительно языка въ школахъ и гимназiяхъ, правительство не упускаетъ случая, всеми способами, подрывать и литературные органы языка. Журналы и газеты, направленные на народъ, оно запрещаетъ по самымъ произвольнымъ придркамъ, по самому подозрительнѣйшему толкованiю зачастую обыкновеннѣйшихъ и невиннѣйшихъ мыслей; точно также, незаконно отказываетъ оно въ просьбѣ о дозволенiи открыть новую газету или новый журналъ, какъ скоро целью новаго изданiя служить образованiе народа не въ духъ нѣмецко-правительственныхъ газетъ и изданiй. Отсюда количество славянскихъ газетъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину, если принять во вниманiе, что издающiяся въ настоящее время суть правительственныя газеты, какъ: Сербскiй Дневникъ въ Новомъ Садѣ, Народныя Новины въ Аграмѣ, и Глашникъ Далматинскiй въ Зарѣ. Журналы же, какъ ни было ихъ мало у южныхъ славянъ и прежде, перешли въ неопредѣленно выходящiе сборники или альманахи. На дняхъ, мѣстное начальство въ Прагѣ вздумало было даже запретить устроеннiеся издавна каждый годъ, въ январь, чешскiе народныя балы, и главному распорядителю пришлось съѣздить въ Вѣну, чтобы выхлопотать разрешенiе: тѣмъ не менѣе, заготовленные билеты съ изображенiемъ льва, герба чешскаго, были конфискованы немедленно же, по отпечатанiи. Не проходитъ, конечно, даромъ и литераторамъ не милое слово ихъ правительству, хотя бы это слово высказалось по требованiю самой чистой истины и благороднѣйшей чести, и хотя бы оно заключало въ своей формѣ все условiя приличiя. Одинъ изъ примѣровъ жесточайшаго преслѣдованiя правительствомъ литератора хорватскаго, Прауса, бывшаго издателемъ любимаго хорватами «Невена» и полезнѣйшаго «Славянскаго Юга» за то, что онъ задумалъ въ последнемъ журналѣ, на нѣмецкомъ языкѣ (Süd-slawische Zeitung), доказывать нѣмцамъ ихъ неправды противъ славянъ, разсѣлаемыя въ периодическихъ изданiяхъ нѣмецкихъ, приведенъ нами въ другомъ мѣстѣ, и мы не имѣемъ надобности повторять еще разъ, потому что подъ рукою находится довольно великъ запасъ подобныхъ случаевъ. Мы остановимся на слѣдующихъ двухъ.

До 1856 года, преподавателемъ хорватскаго языка въ «умской гимназiи» былъ Курелацъ. Личность эта знакома едва ли не всемъ

славистамъ нашего отечества; по крайней мѣрѣ, его очень близко знаютъ гг. Срезневскій, Бодянский, какъ зналъ и покойный Прейсъ; готовностію его къ ученымъ услугамъ пользовались и некоторые другіе, какъ напримѣръ, г. Злобинъ. Образование Курелаца весьма разностороннее и классическое, европейскіе языки съ ихъ литературами известны ему почти въ, и притомъ въ совершенствѣ. Окончивъ курсъ наукъ въ вѣнскомъ университетѣ, проживши нѣсколько лѣтъ въ Прагѣ, онъ рѣшился, наконецъ, употребить обширную приготовленность свою на пользу роднаго своего языка и своихъ хорватскихъ соотчичей и съ охотою принялъ мѣсто учителя въ Фиумѣ. Городъ этотъ, подобно остальнымъ городамъ приморско-адриатическимъ, болѣе чѣмъ на половину объята итальянцѣмъ, языкъ хорватскій ограниченъ одними чернорабочими, да единицами ревностнѣйшихъ патріотовъ, сохранившихъ свою независимость отъ власти, благодаря собственнымъ средствамъ существованія. Хорватская литература, съ рѣдко издающимися книжками, съ сборниками, альманахами и съ газетами, перестала находить доступъ у горожанъ, еще болѣе, конечно, у чиновничества; молодое поколѣніе начало являться въ школы съ знаніемъ лишь итальянскаго языка. Прошло пять-шесть лѣтъ учительства Курелаца, и слѣды обращенія къ своему родному языку въ городѣ сдѣлались столь ярко замѣтными, что не могли не обратить на себя вниманія успокоившагося было на счетъ выгубленія хорватизма въ Фиумѣ правительства. Въ самомъ дѣлѣ, Курелацъ умѣлъ пробудить любовь къ нему не только въ своихъ ученикахъ, но и въ городскомъ обществѣ, въ семействахъ: ученики выходили изъ его рукъ съ полною готовностію содѣйствовать своими трудами процвѣтанію литературы и народности, а общество, подъ его вліяніемъ, стало читать хорватскія книги и, своимъ сочувствіемъ къ нимъ, умножило вознагражденіе бѣднымъ литераторамъ и терпящимъ ущербъ издателямъ. Равнодушно смотрѣть на такую личность, столь быстро подрывавшую правительственные планы, было не возможно для правительства, и оно зорко выжидало хотя малѣйшаго повода, чтобы придраться къ ней и устранить ее. Въ 1856 году, Курелацъ долженъ былъ приготовить рѣчь для акта гимназическаго. Предметъ избранъ былъ имъ исключительно язычно-литературный, именно: совѣтъ молодому поколѣнію какъ можно чаще обращаться къ чтенію старинной блистательной литературы хорватской, XV — XVII столѣтій, съ цѣлію почерпнуть отсюда богатство, чистоту и правильность роднаго языка, бѣднаго и понорченнаго въ устахъ современныхъ хорватовъ. Задача получила полное одобреніе отъ дирекціи гимназій и отъ палатинъ; отъ той и отъ другой была одобрена и отпечатанная

рѣчь, съ дозволеніемъ произнести ее на актѣ. По публичномъ прочтеніи, начальникъ полиціи тутъ же, на актѣ, нашелъ необходимымъ принести торжественную благодарность автору за истинное наслажденіе, какое доставлялъ онъ ему и всему обществу своею рѣчью. Проходитъ мѣсяца три, и изъ вѣнскаго министерства получается въ дирекцію приказъ объ увольненіи Курелана, изъ службы и о конфискованіи его рѣчи. И то и другое исполнено, но Куреланъ, не чувствовавшій ни какой за собою вины, рѣшился попросить у начальства объясненія и суда. Кто имѣлъ въ рукахъ эту рѣчь, кто хотя бѣгло пробѣжалъ не многія ея страницы, тотъ, разумется, пойметъ что обыкновеннаго суда дать автору рѣшительно было нельзя, потому что и при самомъ злонамѣренномъ толкованіи мыслей автора, трудно найдти что-нибудь противное любому человѣческому правительству. Вѣна выслала въ Фіумъ вельможнаго чиновника для секретныхъ допросовъ Курелана. Но послѣдній не хотѣлъ ограничиться словесными показаніями, зная хорошо, какъ легко въ ушахъ слушателя могутъ принимать онъ произвольный колоритъ; онъ испросилъ дозволеніе на письменный отвѣтъ, который и отправилъ въ министерство; на нѣмецкомъ, конечно, языкѣ, втрое или вчетверо большій своей рѣчи. Я имѣлъ наслажденіе читать тотъ отвѣтъ, могущій составить украшеніе австрійско-нѣмецкой литературы, и удивлялся силѣ энергій, благородной гордости и полному сознанію со стороны автора своей проты. Последнее устыдилось само своего поступка, но возвратить могущее орудіе народнаго образованія Курелану, поставить его опять учителемъ хорватскаго языка въ Фіумъ побоялось и предложило ему кафедру нѣмецкаго языка въ Триестѣ. Куреланъ рѣшился лучше подвергнуться крайней бѣдности, ограничить свои доходы скудными частными уроками, способными сохранять его только отъ полной нищеты, чѣмъ добровольно подчиниться умственно-нравственной ссылке, уморившей преждевременно не одного достойнаго дѣятеля и въ наукѣ и въ литературѣ славянской. Онъ отказался столь же мужественно и гордо отъ министерскаго предложенія, какъ написалъ и оправдательной отвѣтъ свой министерству. Грустно положеніе этого чловека, преданнаго всѣми духовными силами ученымъ занятіямъ; и тѣмъ грустнѣе, что общарные, полные ученаго интереса и пользы труды его, по крайній бѣдности, не могутъ имѣть никакого исхода. Сколько еще лѣтъ заставить судьба лежать въ руконисяхъ множество его сочиненій, вполнѣ приготовленныхъ къ печати? А съ какимъ блистательнымъ успѣхомъ могла бы замѣнить такая личность некоторыхъ тамъ, гдѣ нуждаются въ подобныхъ, думаю я во время бесѣды съ Куреланомъ, думаю и теперь, припоминая живо

основательность и глубину знанія его языка и литературы итальянской и нѣмецкой, соединенное съ отчетливымъ знаніемъ языка и литературы нашей, отечественной. Въ Австріи же онъ легко можетъ умереть съ голоду точно также, какъ недавно умерли въ Чехіи Коубекъ и Риттерсбергъ; или изныть въ цѣпяхъ и въ заключеніи, подобно даровитѣйшему писателю чешскому Гавличку.

Въ 1853 — 54 годахъ издателемъ прекратившагося съ концемъ 1858 года, по случаю правительственныхъ пытокъ надъ Прусакомъ, журнала «Невенъ» былъ Боговичъ. Значеніе этого человѣка въ хорватской литературѣ и народности слишкомъ велико, чтобы останавливаться на немъ подробно здѣсь. Въ скоромъ времени, въ общемъ очеркѣ современной хорватской литературы и ея дѣятелей, мы постараемся по ближе познакомить читателей съ талантливымъ поэтомъ аграмскимъ и съ отношеніями его къ хорватамъ и правительству. Въ настоящемъ случаѣ, съ насъ довольно одного, что Боговичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ даровитѣйшихъ хорватскихъ литераторовъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ давящую со всѣхъ сторонъ литературу и умѣютъ посредствомъ ея подкрѣплять и освѣжать народный духъ въ тяжелой борьбѣ съ чужеродною обезнародывающею властію. Во время своего редакторства, въ одномъ изъ номеровъ Невена, Боговичъ обнародовалъ извѣстіе объ уничтоженіи правительствомъ хорватскаго устава. Фактъ, случившійся дѣйствительно; и если правительство, по своимъ соображеніямъ, нашло необходимымъ совершить его, то, казалось бы, странно быть даже недовольнымъ на то, что издатель журнала упомянулъ объ этомъ, безъ всякихъ, впрочемъ, колкостей и малѣйшаго нарушенія подавлическихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе, за объявленіемъ послѣдовало обвиненіе Боговича чуть-ли не въ оскорбленіи величества и наряженъ судъ. Судебный процессъ долженъ, въ подобномъ случаѣ, пройти три инстанціи: нисшую — полицейскую, среднюю — подъ предсѣдательствомъ Бана и, наконецъ, высшую — уже въ столицѣ государства, въ Вѣнѣ. При этомъ, послѣдняя инстанція только утверждаетъ рѣшеніе средней, коль скоро оно высказано единогласно. Судомъ полицейскимъ, Боговичъ былъ оправданъ всѣми голосами, за исключеніемъ одного нѣмца, подавшаго отдѣльное мнѣніе, не согласное съ общимъ рѣшеніемъ. Не взирая, однакоже, на это мнѣніе, средняя инстанція *единогласно* признала подсудимаго виновнымъ. Дѣло перешло въ Вѣну, и здѣсь остановились судьи на единичномъ мнѣніи первой инстанціи и обвинили Боговича на трехмѣсячное заключеніе въ темницу, гдѣ онъ и высидѣлъ въ кандалахъ все время производства дѣла и опредѣленный срокъ высшею инстанціею. — Чтобы выпуклѣе представить беззаконность суда надъ невин-

нымъ славяниномъ, упомянемъ о недавно конченномъ въ Прагѣ судебномъ процессѣ, по поводу гнуснѣйшаго обвиненія нѣмецкимъ-жидомъ достойнѣйшаго и всѣми уважаемаго Ганки, въ поддѣлкѣ послѣднимъ рукописи краледворской.

Судъ окончился, кажется, еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. И въ первой (Kreis gericht) и во второй (Landes gericht) инстанціяхъ Кугъ обвиненъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ долженъ бы былъ немедленно же подвергнуться и опредѣленному наказанію: просидѣть три мѣсяца въ заключеніи, *поститься* въ это время по средамъ и пятницамъ и залатить сто гульденовъ штрафу въ пользу бѣдныхъ. Апелляціи быть не могло, но и подчиниться такому рѣшенію, какъ самому нѣмецкому — жиду, такъ и его клеветамъ нѣмцамъ, руководившимъ Кугомъ во всемъ процессѣ обвиненія Ганки, казалось крайне унижительнымъ. Что дѣлать? Кугъ, съ прошеніемъ, отправляется въ Вѣну, является на общую аудіенцію императора, — и дѣло остановлено, наказаніе не исполнено еще и трудно сказать, чѣмъ все закончится. А между тѣмъ, и во время самого судопроизводства Кугъ успѣлъ уже сдѣлать преступленіе. Онъ рѣшительно отвѣчалъ на предложенный вопросъ: былъ ли подъ судомъ прежде, отрицательно, тогда какъ по справкѣ оказалось, что онъ былъ уже судимъ за государственное преступленіе въ Пестѣ, обвиненъ и только по милости императора замѣнена ему виселица десятигодичнымъ заключеніемъ въ крѣпости, откуда онъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ ней, могъ выдти лишь по случаю всеобщей амнистіи. Такъ судятъ здѣсь виновныхъ партизановъ правительства въ оскорбленіи ни чѣмъ не запятанной, благороднѣйшей чести одного изъ достойнѣйшихъ и полезнѣйшихъ между всѣми славянами.

Стѣсненіе славянъ въ образованіи простирается и на полученіе ученыхъ степеней. Известно, что экзаменъ, напримѣръ, на степень доктора, требуетъ вообще издержекъ, иногда и весьма чувствительныхъ. Но мѣра требованій зависитъ отъ профессоровъ экзаменующихъ, — и этого достаточно, чтобы, при нѣмецкомъ ихъ происхожденіи и при австрійскомъ образѣ мыслей, устранить снисходительность въ требованіяхъ не по отношенію, разумѣется, къ ученымъ свѣдѣніямъ экзаменующагося, чего никто и не ищетъ, а въ платѣ, стѣснительной для бѣдныхъ славянъ болѣе всевозможной начитанности и учености. И сколько приходилось мнѣ выслушивать жалобъ отъ правовѣдовъ, медиковъ и словесниковъ на убійственныя затрудненія во время ихъ испытаній, по случаю не уступчивости профессоровъ ни на одинъ крейцеръ. Экзаменъ обходится имъ не менѣе, какъ въ 500 гульденовъ, — угодно выплатить ихъ, можете приступить къ экзамену, нѣтъ — идите прочь, хотя бы вы въ наукѣ хватали звѣзды съ неба. Вы уже знакомы

нѣсколько съ финансами у славянъ австрійскихъ, и вамъ не трудно представить какой ничтожный процентъ докторовъ между славянами, въ общей массѣ между ихъ учеными. А докторская степень почти необходима, чтобы уврочить за собою мѣсто и одѣлаться, такимъ образомъ, вліятельнымъ на молодое поколѣніе, и, конечно, для правительства тѣмъ пріятнѣе, выгоднѣе, чѣмъ меньше количество славянъ будетъ съ правами на занятіе подобныхъ мѣстъ: оно не затруднится ни мало подставить на каждую ваканцію до десяти нѣмецкихъ докторовъ, посвященныхъ бесплатно и безъ свѣдѣній родолюбными профессорами пропагандистами.

Весь этотъ гнетъ, даващій вообще всѣхъ славянъ, надобно возвысить въ квадратъ, если не въ кубъ, чтобы имѣть истинное понятіе о состояніи славянъ православнаго исповѣданія. Вы, быть можетъ, улыбнетесь при этомъ, читатель; въ вашей головѣ, быть можетъ, не совмѣщается съ понятіемъ современной цивилизаціи на Западѣ мысль о гоненіи на различныхъ христіанскія вѣроисповѣданія въ правительствахъ западныхъ; вы, пожалуй, готовы уже назвать меня человекомъ увлекающимся, смотрящимъ на все съ черной стороны, готовымъ видѣть и въ свѣтломъ одно темное; но прошу васъ поудержать свою подозрительность, прошу не забывать, что здѣсь дѣло идетъ объ Австріи, которая только географически принадлежитъ къ Западу, и обратить спокойное вниманіе, если только можете оставаться спокойны, на слѣдующіе факты, собранные мною собственными наблюденіями и добытые отъ людей, не вѣрить которымъ не можетъ и величайшій скептикъ. Само собою понятно, что инквизицій явныхъ не употребляетъ современная Австрія, въ ней нѣтъ болѣе и публичныхъ auto-da-fé, не гоняются уже за не католиками, какъ за зайцами гончія собаки, тѣмъ не менѣе, сколько развилось новыхъ, закрытыхъ для посторонняго глаза путей, сколько приводится въ дѣйствіе разнообразныхъ пружинъ, и вещественныхъ и нравственныхъ, которыми все еще думаетъ дойти до цѣли своей правительство, всецѣло воспринявшее планы римскихъ первосвященниковъ. Планы обращенія схизматиковъ, какъ зоветъ еще до нынѣ католическій міръ православныхъ, въ правительство австрійскомъ могли пріобрѣсти еще новую напряженность, потому что они такъ удачно помогаютъ и политическимъ его принципамъ. Оно, втеченіе долговременнаго господства надъ славянами, имѣло достаточно случаевъ убѣдиться, какъ туго, почти безъ малѣйшаго успѣха, обезнародываются подданные его православныя. И дѣйствительно, надобно пробѣхать по австрійскимъ землямъ славянскимъ, чтобы увидѣть во всей полнотѣ громадное превосходство въ прочности, незлыбимости ихъ народ-

ности и чтобы признать православіе съ славянскимъ богослуженіемъ за тотъ оплотъ, передъ которымъ разсыпаются въ крахъ всѣ козны обезнародывающей власти. Возмите въ примѣръ одну Далмацію, съ ея обитающими городами, и вамъ откроется самое наглядное, самое поразительное доказательство. У кого въ городахъ Далмаціи хранится еще туземный языкъ и кто отдѣляетъ себя изъ далматинцевъ отъ среды славянства—почти единственно православные; въ какихъ городахъ овладѣлъ всѣмъ народонаселеніемъ итальянскій языкъ и гдѣ жители забыли о своемъ славянскомъ происхожденіи,—тамъ, гдѣ нѣтъ православныхъ; почему въ Каттаро такъ рѣзко выдѣляются граждане отъ всѣхъ остальныхъ далматинскихъ горожанъ господствующимъ употребленіемъ славянскаго языка, совершеннымъ незнаніемъ многими итальянскаго,—потому что въ Каттаро три четверти народонаселенія состоятъ изъ православныхъ христіанъ. Мудрено ли послѣ этого стремленія правительства—не пережившаго еще, кажется, только одной въ себѣ мысли, мысли о необходимости германизированья,—ослабить въ своихъ владѣніяхъ православіе и расширить католицизмъ? Такое стремленіе выражается и въ нѣкоторыхъ видимыхъ дѣйствіяхъ.

Возстаніе мадяровъ въ 1848 году произвело много бѣдствій южно-венгерскимъ поселеніямъ, состоящимъ изъ сербскихъ славянъ, следовательно православныхъ; разрушены были нѣкоторые города, особенно церкви и монастыри. Прошло уже почти двѣнадцать лѣтъ послѣ этого событія, а слѣды разрушенія неслажены и до нынѣ; многія церкви остаются доселѣ безъ богослуженія, монастыри исправлены лишь на столько, чтобы какъ нибудь можно было жить въ нихъ малочисленной братіи. Въ первые дни путешествія своего, я былъ весьма непріятно пораженъ такимъ явленіемъ; мнѣ представлялось тотчасъ же безпечность и небрежность нашихъ епископовъ, и я готовъ былъ уже обвинять ихъ за то, что втеченіе столь долгаго времени, при маломъ вообще количествѣ церковей, они не могли привести разрушенныхъ, хотя въ такое положеніе, чтобы сдѣлать ихъ годными для богослуженія. Особенно странно было смотрѣть мнѣ на порчи въ стѣнахъ и куполахъ одного изъ храмовъ Новаго Сада, а также на разбитый епископскій домъ: городъ, думалъ я, чистый, довольно большой, богатый, съ преобладающимъ большинствомъ православныхъ жителей, и такъ не внимателенъ къ главнѣйшимъ своимъ мѣстамъ. Но тутъ же услышалъ я и объясненія, оправдавшія внонѣ православныхъ сербовъ. Въ первые годы, послѣ роковой войны венгерской, жители такъ были разорены, что, конечно, не могли и думать совершить поправки изъ своихъ капиталовъ. Два раза обращались они къ правительству съ прошеніемъ немотѣ имъ возобновить

храмы, не безъ основанія надѣясь на готовность его исполнить ихъ просьбу, такъ какъ разрушеніе послѣдовало отъ бывшихъ враговъ правительственныхъ и направлено было на сербовъ, единственно потому, что послѣдніе явились защитниками правительства. Отвѣта не было до-тѣхъ-поръ, пока жители города успѣли уже поправиться и достигли возможности сдѣлать своими общими силами то, на что, какъ видно, не думало тратить славянскихъ же денегъ австрійское правительство. Но безъ дозволенія высшей власти нельзя поправлять церкви и епископскаго дома и на частный приходской счетъ; отпра-вили, года два назадъ, новое прошеніе; только отвѣта все еще не получено, по крайней мѣрѣ не было его въ концѣ августа 1859 года. Епископъ живетъ въ наемномъ домѣ, а въ церкви нѣтъ богослуженія. Ждали долго пособія на починки и въ другихъ мѣстахъ православыя христіане, но и тамъ кончилось ожиданіе тѣмъ, что притупили къ поправкамъ на мозольныя свои деньги, и онѣ идутъ слишкомъ десять лѣтъ, и все еще не вездѣ дошли до конца.

Не доставляя никакого пособія на возобновленіе разрушеннаго, исключительно по милости правительства, въ предметахъ первой нравственной потребности, и даже задерживая готовность удовлетворить этой потребности собственными деньгами христіанъ, оно, правительство, не вздумало и облегчить отъ налоговъ монастыри, столь жестоко потерпѣвшіе во время мадыарскаго возстанія. Въ самомъ дѣлѣ, монастыри не только платятъ налоги съ земли, имъ принадлежащей, но подвергаются еще страшнымъ набѣгамъ чиновничества, которое считаетъ неотъемлемымъ правомъ ѣсть и пить въ монастыряхъ, едва властвующихъ средствами для своего существованія. Всюду, гдѣ я былъ въ монастыряхъ, попадались мнѣ на глаза чиновники, возсѣдавшіе въ комнатахъ игумена или архимандрита за столомъ, обставленнымъ или виномъ или кушаньемъ. Я не могъ думать, чтобы это было случайно, потому что подобныя встрѣчи происходили и въ буденныя дни и во всякое время дня, а показанія жителей монастырскихъ были слишкомъ чистосердечны и положительны, чтобы не верить имъ, и не признавать такихъ пированій чиновничества въ кельяхъ монастырскихъ за явленіе постоянное и обыкновенное. Вмѣстѣ съ этими почитателями выводится на оцѣну и нѣмецкій языкъ, хотя бы почитатель былъ одинъ, а общество туземныхъ гостей доходило до десяти и болѣе. Я не забуду объѣда у одного изъ почтенныхъ представителей православнаго славянскаго духовенства. Это было въ городѣ, но не въ монастырѣ, хотя за столомъ сидѣло человѣкъ шесть или семь монаховъ, да постороннихъ славянъ человѣкъ пять. Разговоръ, естественно, долженъ былъ бы идти на туземномъ языкѣ

сербскомъ; такъ и было передъ обѣдомъ, когда собрались все гостя; но вотъ является австрійскій военный, никакъ неожиданнѣй, и рѣчь разомъ обращается въ нѣмецкую. За столомъ, хозяинъ дома, сидѣвшій на первомъ мѣстѣ, замѣтилъ мое молчаніе и, наклонившись къ моему уху, сказалъ: вѣроятно, вы въ первый еще разъ въ своей жизни встрѣчаете православнаго славянскаго епископа, въ кругу славянъ, говорящимъ по нѣмецки? Понятно, что я отвѣчалъ утвердительно на заданный вопросъ, — и, дѣйствительно, долго приучалъ свои глаза и уши къ столь невиданному мною явленію и все-таки не могъ приучить ихъ, хотя и вполне соглашался съ замѣчаніемъ хозяина, что иначе въ такихъ мѣстахъ и бытъ не можетъ. Развѣ ужъ попадетса очень энергическій и самостоятельный человекъ, но тогда не замедлятъ ему предложить отправиться въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей на покой. Постоянная толкотня чиновниковъ въ монастыряхъ православныхъ, объясняется очень легко вліяніемъ монастырей на народъ и тяготѣніемъ ихъ къ ненавистному для правительства Востоку: последнее признаетъ необходимымъ, держать эти учрежденія, какъ и живущихъ въ нихъ, подъ постояннымъ и самымъ бдительнымъ надзоромъ, въ тоже время отнимая у нихъ кормомъ чиновниковъ и послѣднія средства, остающіяся отъ официальныхъ налоговъ.

Замѣчательно также постройки православной церкви въ Рагузу. По поводу выдѣленія православнымъ особаго кладбища, надобно было озаботиться построеніемъ на немъ особой церкви. И вотъ, отправлена просьба о разрѣшеніи приступить къ работамъ: къ просьбѣ присоединенъ былъ и планъ церкви. Не сомнѣваясь ни сколько въ дозволеніи, община православно-рагузская начала постройку. Шла она довольно быстро, благодаря усердію жертвователей; въ непродолжительное время, церковь была возведена уже до купола, какъ вдругъ выходитъ приказъ остановить работы. Начинаются придирки къ объему церкви, которую начальству хотѣлось видѣть въ меньшемъ объемѣ. Возникаетъ процессъ; онъ тянется цѣлыхъ семь лѣтъ и почти отстроенный, но непокрытый еще храмъ приходитъ въ странное разрушеніе отъ дождей и непогоды.

Прошлымъ лѣтомъ особенно возмутительно высказалась нетерпимость православія со стороны власти. Оказалось вакантною одна кафедра въ пестскомъ университетѣ; самый достойнѣйшій конкурентъ на ея занятіе, затмѣвавшій собою всехъ остальныхъ, былъ православный. Начальство сильно желало имѣть его въ числѣ профессоровъ, но никакъ не могло ородиться съ мыслью ввести въ него православнаго, а потому предложило ему искомое мѣсто съ неизменноымъ условіемъ обратиться въ католичество. Что за побужденія были у образо-

ваннаго чловѣка переманить свою вѣру, мы не знаемъ, но только онъ сдѣлался католикомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ и кафедру въ университетѣ. Чтобы заговорили о Россіи, если бы ея правительство вздумало поступить подобнымъ же образомъ въ своихъ владѣніяхъ? А Россія, какъ однородное государство, имѣла бы несравненно болѣе на это права, да, при настоящемъ положеніи едва ли бы и затруднилась въ пріисканіи достойныхъ преподавателей, если бы даже ино-вѣрцы ея и были стойче и тверже, чѣмъ упомянутый нами новый профессоръ въ Пестѣ.

Но болѣе всего домогается австрійское правительство забрать въ свои руки православныя гимназіи. Сдѣлать это оно можетъ подъ условіемъ вспомошествованія отъ казны гимназіи или непосредственнымъ ея содержаніемъ на свой счетъ. Къ счастью, въ этомъ отношеніи, замѣчается несравненно больше твердости въ православномъ начальствѣ, и оно, не смотря на стѣсненія въ средствахъ, на бѣдность платы директорамъ и наставникамъ, до-сихъ-поръ упорно отказывалось отъ не рѣдкихъ предложеній правительства помочь гимназіи своимъ пособіемъ или пріемомъ ея на полное свое иждивеніе. Православное начальство не можетъ не понимать, что вслѣдъ за такимъ вспоможеніемъ произойдетъ перемѣна преподавателей, а съ ними не различно введется и нѣмецкій языкъ и система подавленія православія, и почтенный директоръ карловичской гимназіи, Паптеличъ, соглашается лучше довольствоваться тремястами талеровъ, подвергать себя и многочисленное свое семейство бѣдности, чѣмъ переживать грозную опасность для своей вѣры и народности. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ много твердости и самопожертвованія въ православномъ славянствѣ австрійской имперіи. При страшныхъ матеріальныхъ недостаткахъ, отъ чрезмѣрныхъ податей и налоговъ, оно обязано еще само заботиться объ образованіи молодаго поколѣнія и поддерживать церкви и причтъ церковный, — и охотно все дѣлаетъ, на сколько позволяютъ скудныя средства, не обращая вниманія на то, что подобною твердостью и заботливостью о поддержаніи своей вѣры и народности лишаются многихъ изъ матеріальныхъ выгодъ, которыми съ очевиднымъ предпочтеніемъ пользуются католики.

Какъ ни коротко и отрывочно переданы бѣглыя наши наблюденія надъ положеніемъ славянскихъ народовъ въ Австріи, все же, думается, онѣ достаточны для того, чтобы признать его крайне не завиднымъ. Пріѣздъ русса къ сербамъ, къ хорватамъ, далматинцамъ представляется какимъ-то праздникомъ. И въ самомъ дѣлѣ, вы переходите отъ одного семейства къ другому, идете съ однимъ въ кофейню, съ другимъ въ ресторацію совершенно какъ праздникиѣ. По

всюду около васъ веселыя лица, каждый рвется высказать все, что у него на душѣ и съ восторженнымъ распрашиваетъ о томъ, что дѣлается въ Руси, какъ идутъ дѣла въ Китаѣ, на Кавказѣ, въ какомъ положеніи наука и внутренняя администрація, особенно, какъ движется вопросъ крестьянской. Успѣхи послѣдняго приводятъ ихъ въ рѣшительный восторгъ: они рукоплещутъ, чуть-чуть не прыгаютъ, какъ дѣти, и съ жаромъ высказываютъ свои заключенія о результатахъ, въ которыхъ видѣется имъ новая эпоха для цѣлаго славянства. Всякое отрывочное газетное извѣстіе о Россіи принимается ими къ сердцу и возбуждаетъ непременно толки, причемъ, конечно, достается своимъ чередомъ правительству, не позволяющему распространяться о Россіи въ своихъ газетахъ и не допускающему иностранныхъ. Слѣдствію глубоко охватившей славянъ симпатіи къ Россіи должно приписать и умножающееся все болѣе и болѣе число учащихъ языку русскому. Многие читаютъ совершенно свободно, хотя и не принадлежатъ вовсе къ классу людей специально ученыхъ; не мало есть и такихъ, между католиками, которые пишутъ уже и кириллицей, и не прочь даже замѣнить ею письмо латинское. Обученіе русскому языку стало такою модою, что перешло и на прекрасный полъ: однѣ изъ женщинъ и дѣвицъ продолжаютъ укрѣпляться въ своихъ свѣдѣніяхъ по русскому языку, еще большее число начало учиться ему. Вмѣстѣ съ языкомъ проникаются онѣ и политическими воззрѣніями на Россію отъ окружающей ихъ мужской среды. О быстротѣ увеличивающейся массы переводовъ съ русскаго языка, и прозаическихъ и стихотворныхъ, нечего и говорить: можно только жалеть, что стѣснительное ограниченіе ввоза русскіхъ книгъ не всегда даетъ славянамъ возможность дѣлать надлежащій выборъ для своихъ переводовъ. Желаніе узнать Россію во всѣхъ подробностяхъ, сблизиться какъ можно тѣснѣе съ нею, отразилось и на переходѣ значительнаго уже количества, особенно изъ далматинцевъ, въ русскую службу, преимущественно въ морскую: мысль, что они будутъ служить славянскому царству, заставили многихъ покинуть мѣста въ Австріи, еще большая масса, какъ извѣстно мнѣ, готовится къ переходу, люди эти очень будутъ полезны у насъ если сообразимъ глубокое ихъ знаніе своего дѣла, ловкость и искусство моряковъ далматинскихъ. Получившіе мѣста въ Россіи, болѣе всего въ частной черноморской компаніи, не могутъ нахвалиться своимъ положеніемъ, и увеличиваютъ сочувствіе къ ней въ своихъ соотечественникахъ. Трудно изобразить восторгъ массы славянъ оказаннымъ гостепріимствомъ хотя одному ихъ собрату: громкіе симпатическіе тосты въ честь русскаго Императора и Россіи умножаются съ каждымъ мѣсяцемъ, на всемъ пространствѣ земель славянскихъ.

Кто не знаетъ изъ австрійскихъ славянъ своего *Состриана Стрица* и гдѣ не пьютъ въ славу и здорье его едва ли не каждый день? Полиція долго не понимала значенія этого тоста, пока не успала захватить одного католическаго священника, которому превосходное туземное винокроатское развязало языкъ и онъ не удержался отъ комментарій на обычный терминъ, въ минуту восторженнаго тоста съварному стрицу. Впрочемъ, это обстоятельство не произвело никакого задерживающаго вліянія, тосты учащаются болѣе и болѣе, сопровождаясь различными патетическими вариациями. Въ Чехіи, напримѣръ, съверный стрицъ не разлученъ съ своимъ басовымъ инструментомъ (*Stric sbason*); въ одномъ изъ городовъ Кроаціи, не за долго до моего туда пріѣзда, образовался новый тостъ, непосредственно слѣдующій за первымъ, извѣстный подъ именемъ *tertius primus*. Составился онъ слѣдующимъ образомъ. Однажды, собравшіеся славяне въ лучшей кофейнѣ города, завели политическій разговоръ о Китаѣ, Турціи и Австріи. Результатъ разсужденій ихъ вышелъ такой, что прежде всего должна пасть Турція, за нею Китай, и наконецъ, Австрія. Но такое заключеніе было не по сердцу собесѣдникамъ и они съ готовностію присоединили свои желанія къ тому, кто рѣшилъ, при этомъ, выразиться: пусть же *tertius* будетъ *primus*. Новъ былъ терминъ этотъ и въ упомянутъ городкѣ, во время моего въ немъ кратковременнаго пребыванія; но онъ уже вполнѣ извѣстенъ былъ по всюду въ Далмаціи, куда отправился я изъ него прямо.

Сочувственное настроеніе умовъ къ Россіи между славянами, естественно, не ускользаетъ отъ взора австрійской полиціи, а при посредствѣ ея и отъ вниманія самого правительства. И тѣмъ напряженнѣе это вниманіе, сопровождается оно тѣмъ строжайшими карантинными, во всѣхъ возможныхъ видахъ, чѣмъ быстрѣе распространяется сочувствіе и чѣмъ гласнѣе и рѣзче оно высказывается. Отсюда та безумная, выходящая изъ предѣловъ приличія подозрительность къ Россіи и особенно къ русскимъ, изрѣдка заѣзжающимъ въ славянскія земли, отсюда и тѣ полныя злобы отзывы о насъ отчасти въ австрійскихъ изданіяхъ періодическихъ, а еще болыпе въ подкупныхъ изданіяхъ германскихъ, куда корреспондируютъ нравительственно — австрійскіе наемники. Правительственныя лица понимаютъ очень ясно, что въ сущности русскихъ путешественниковъ ни какъ нельзя считать эмиссарами, пронагандистами; они убѣждены, что ни сами по себѣ путешественники не имѣютъ подобныхъ цѣлей, ни правительство наше не полагаетъ уместнымъ дѣйствовать согласно съ ними, и тѣмъ не менѣе, кричатъ объ интригахъ, объ агитаторахъ, пишутъ и перепиываютъ бумаги многымъ властямъ о наблюденіи за русскими, о не-

обходимости предотвращенія связей съ ними туземныхъ славянъ, и такъ далѣе. Дѣлается все это для того только, что не хочется сознаться въ собственномъ своемъ безсиліи, и желательно, возбудивъ соплеменный патриотизмъ въ нѣмцахъ и ненависть къ мнимымъ кознямъ Россіи, ухватиться за послѣднее оставшееся средство поддержать свое существованіе. Но вѣдь постоянно нельзя обманывать и германскихъ нѣмцевъ, и они слава Богу, разгадываютъ болѣе и болѣе свою милую соплеменницу и, вѣроятно, съ такимъ же смѣхомъ читаютъ выходки корреспондирующихъ въ ихъ газеты жидовъ изъ Вѣны, какъ всѣ истинно образованные люди въ другихъ странахъ, не исключая и самой Австріи. Развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ читать съ инымъ чувствомъ замѣчаніе, напримѣръ, во второмъ номерѣ 1860 года, *Auslanda* (писанное, какъ намъ извѣстно, правительственнымъ лицомъ), въ статьѣ *Oesterreich*, будто итальянская война была въ значительной степени дѣломъ *интригъ* русскихъ? Кто же не понимаетъ, что современные подданные Австріи находятся въ такомъ состояніи духа, что еслибы, дѣйствительно *вздумала* только Россія интриговать; то не хватило бы никакихъ человѣческихъ силъ удержать и на одну недѣлю бытіе Австріи. И кому же неизвѣстно, что сама Австрія понимаетъ это дѣло лучше другихъ? Развѣ не этимъ сознаніемъ въ австрийскомъ правительствѣ значенія Россіи относительно его подданныхъ можно и должно объяснять тѣ разнообразныя, одна другой гнуснѣйшія мѣры, какія принимаетъ оно, къ счастью уже бесполезно, противъ сближенія съ русскими и противъ всего того, что можетъ хотя напоминать о Россіи славянамъ.

Тяжело, да, думается, и невозможно представить безъ собственнаго опыта тотъ наглый надзоръ со стороны полиціи, какому подвергается человекъ русскій въ каждомъ городѣ юго-славянскомъ; слѣдовало бы описать, — но я не берусь и предоставляю этотъ подвигъ другимъ. Мнѣ слишкомъ опротивѣло знакомство съ полицейскими спутниками: и въ Землянѣ, и въ Новомъ Садѣ, и въ Панчевѣ, и въ Аграмѣ, и въ Фумѣ, и въ Зарѣ, и въ Дубровникѣ и въ Коттарѣ и во всѣхъ другихъ городахъ, чтобы не приводить ихъ на память еще разъ, и къ тому же добровольнымъ образомъ. Довольно будетъ, если я замѣчу, что полиція ожидаетъ васъ за ~~дверью~~ до вашего прибытія въ городъ, потому что немедленно телеграфуютъ о вашемъ туда отъездѣ, и точно также, въ свою очередь, обязаны дать знать по телеграфу полиціи слѣдующаго города, какъ скоро садитесь вы въ экипажъ, въ вагонъ или на парходъ для отъезда въ него. Какъ наблюдаютъ за русскимъ въ самомъ городѣ, можете судить изъ очерка жизни моея въ Аграмѣ. На столько же, если

еще не больше, усиливается наблюдение и за всеми теми туземцами, кто приходит къ русскому, съ кѣмъ заговорить послѣдній на улицѣ или въ кофейнѣ. Понятно, что туземцы не лишены удовольствія выслушивать иногда и допросы, заключающіеся нерѣдко предостереженіями *уклониться* отъ зла, побережъ себя, и такъ далѣе.

Чтобы полнѣе убѣдиться, до какой степени представляется опасною язвою въ глазахъ правительства сближеніе съ русскими славянь, припомнимъ, какъ въ 1858 году, весною, поступала рагузанская полиція, когда жители огромными толпами стекались изъ города на пристань гравозскую, чтобы полюбоваться на стоявшій тутъ русскій пароходъ, Полканъ, и поговорить, если удастся, съ русскими. Полиція считала долгомъ дежурить на пристани постоянно и тотчасъ же разгоняла народъ, какъ только замѣчала его приближеніе; тѣхъ же, кто рѣшался добраться на лодочкѣ къ самому Полкану, съ цѣлію разсмотрѣть его въ подробностяхъ и насладиться гостепринствомъ русскаго экипажа, оставившаго всеобщую добрую память о себѣ въ Дубровничанахъ, полиція записывала тутъ же, на берегу, и давала знать высшему начальству. Ужъ не боялись ли австрійцы, что Полканъ явился съ цѣлію овладѣть классическою славянскою Рагузою? Не мудрено, у страха глаза велики. Въ силу этого страха, начальство признало необходимымъ удалить изъ Рагузы и протоіерея Николаевича, пользовавшагося вліяніемъ на народъ — и посѣщавшаго, какъ православный, русское консульство въ Рагузѣ, въ силу того же страха, запрещено и намѣстнику Николаевича, нынѣшнему священнику, имѣть сношенія съ русскимъ консуламъ.

Полиція, хотя и другаго сорта, подобнымъ же образомъ, чуть не съ палками, готова разгонять и русскія книги. За то, какъ и трудно имѣть русскую книгу у горныхъ славянь! Прямымъ способомъ достать ее нѣтъ ровно никакой возможности: пути пресѣчены все, и надобно ожидать особенныхъ случаевъ... Миѣ думается, что система преслѣдованія протестантскихъ книгъ католическимъ правительствомъ въ Чехіи, въ XVII вѣкѣ, всецѣло обратилось во второй половинѣ XIX вѣка на русскія. Да и можетъ ли быть иначе, когда книги сильнѣе всего поддерживаютъ духовную связь, столь ненавистную Австрійи. И вотъ какъ поспукаетъ она въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прямо противодѣйствовать трудно, какъ въ высылкѣ газетъ и журналовъ. Выходятъ печатные стихи, подъ надзоромъ правительства, всѣхъ европейскихъ и даже американскихъ переодическихъ изданій. Заглавія перепечатаются цѣликомъ и даже тѣми же буквами, хотя бы то было по еврейски, или по армянски, даже по турецки. Полнота удивительная; но подходитъ дѣло до русскихъ, и система из-

мняется разомъ. Объявляются лишь некоторые изданія, въ самомъ ограниченномъ количествѣ, притомъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ: извольте выписывать. И действительно, у меня есть одинъ знакомый въ Прагѣ, который рѣшился выписать какой-то журналъ изъ Петербурга, по объявленію въ казенномъ списокѣ періодическихъ изданій; только получилъ въ отвѣтъ изъ редакціи, куда адресовалъ онъ свое письмо, уведомленіе, что она во все не имѣетъ подобнаго изданія, да сомнѣвается, чтобы и гдѣ нибудь оно было въ Россіи. Если же кто вѣдуче добрался до истиннаго оглавленія, на русскомъ языкѣ, со всеми необходимыми условіями подписки, и думаетъ отправить по почтѣ слѣдующія въ редакцію деньги, съ просительнымъ письмомъ о высылкѣ газеты или журнала, то почтамы, принявши письмо и деньги, сносятся предварительно съ начальствомъ, и въ то время, какъ подписчикъ ожидаетъ уже получить разомъ два или три нумера, ему предлагаютъ вдругъ взять назадъ свои деньги и письмо. Такой маневръ былъ не давно употребленъ съ другимъ моимъ знакомымъ также, пражаниномъ. Повѣстно, что при подобномъ гоненіи, не возможно имѣть въ Австріи ни одной русской газеты, или журнала; и въ самомъ дѣлѣ, вы не встрѣтите ихъ нигдѣ, кромѣ библиотекъ и музеевъ, куда обыкновенно присылаютъ даровые экземпляры, и то рѣдко по почтѣ или посредствомъ транспорта, а большею частію, съ проезжающимъ въ Австрію русскимъ человѣкомъ. Надзоръ за русскими книгами не ограничивается только свѣтскимъ ихъ содержаніемъ и по отношенію только къ свѣтскимъ людямъ. Книги спеціально — богословскія не менѣе подвергаются обыскамъ и пересмотрамъ, хотя бы онѣ принадлежали исключительно духовной власти и доховно-церковному учрежденію. Такъ, на примѣръ, весною 1859 года, русскій святѣйшій синодъ сдѣлалъ подарокъ православной зарской семинаріи, состоящей изъ сочиненій по части церковной исторіи, богословія и такъ далѣе. Книги отправлены были на имя епископа Княжевичи; ему дали знать, какъ скоро прибыли онѣ въ Зару, но передать тотчасъ же книгъ оказалось не возможнымъ, — ихъ препроводили въ Вѣну, гдѣ оставались онѣ мѣсяца четыре и возвратились назадъ съ обычною печатью, гарантирующею пользованіе ими отъ придирокъ мѣстной полиціи.

Австрія напрягаетъ все свои силы, чтобы устранивъ отъ своихъ подданныхъ всякое воспоминаніе о Россіи. Преслѣдуя русскія книги, она въ одинаковой же степени, не дозволяетъ и въ своихъ изданіяхъ печатать что-либо о Россіи, кромѣ, разумѣется, дурнаго и пасквильнаго. Сомнительно, чтобы меньше можно было знать о Россіи въ самомъ Китаѣ, если довольствоваться только газетными извѣстіями; и

какъ странно съ непримычки поражаетъ глазъ читателя австрійской газеты: вы увидите въ ней свѣданія и объ Америкѣ, и объ Африкѣ, и объ Авіи, даже о Новой Голландіи, а Россіи, ближайшей сосѣдкѣ Австріи, какъ будто не существуетъ. Разъ-разъ въ мѣсяцъ выпуститъ нѣсколько словъ о ней жидъ-редакторъ; но изъ этихъ словъ положительнаго не узнаете вы ничего, а только подумаете, что писавшему удивительно какъ хотѣлось бы выставить всеобщее недовольство въ Россіи, увѣрить своихъ читателей въ какихъ-то демонстраціяхъ правительству отъ народа и вообще убѣдить ихъ, что не стоитъ говорить о такой страшѣ, какъ Россія. Я сказалъ жидъ-редакторъ. Не думайте, чтобы этимъ выраженіемъ хотѣлъ я унижить народъ, заслуживающій во многомъ вниманіе, расположенность и уваженіе. Здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ жидѣхъ австрійскихъ, которые стали правою рукою правительства и всецѣло завѣдываютъ газетною частью. Относительно ихъ, на столько же не могу сказать ничего хорошаго я, какъ и всякій австріецъ, даже преданный правительству, но не потерявшій еще вполне человеческого сердца. Для этого сорта людей не существуетъ ничего законнаго и справедливаго въ совѣсти. Клеветы, ложь и обманъ составляютъ единственное ихъ оружіе въ газетахъ, коль скоро дѣло идетъ объ администраціи въ Австріи или о политическихъ отношеніяхъ ея къ другимъ державамъ. Съ 1856 года, они особенно злобно выступили противъ Россіи, печатая всякій ложный слухъ, всевозможныя выдумки къ ея очерненію, и ни одною буквою не извѣщая читателей даже о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя касаются прямо и не посредственно къ улучшенію быта ихъ собратій, евреевъ русскихъ; между тѣмъ, какая нибудь пойманная продѣлка еврея контрабандиста на границѣ русской, повлекшая за собою, естественно, должное наказаніе, даетъ имъ уже достаточный поводъ разразиться всею пошлюю филиппикою и противъ Россіи, и противъ ея правительства. Само собою понятію, что правительство подставляетъ страшныя препятствія славянамъ для позадокъ ихъ въ Россію. Оно охотно выдаетъ паспортъ въ Англію, въ Прусію, въ Турцію, въ Америку, даже не много затрудняется относительно Италіи; но какъ скоро явилось прошеніе о выдачѣ пасса въ Россію, начинаются увѣщанія, уговоры, и если ничего не помогаетъ, даже и усиленная плата, тогда лицо разомъ становится подозрительнымъ въ глазахъ полиціи, хотя бы до этого времени оно не навлекало на себя никакого полицейскаго надзора; на него начинаютъ смотреть, какъ на человека опаснаго, мятежника, врага правительству и уже ничто не въ силахъ измѣнить установившійся подобный взглядъ. Вотъ почему такъ много желающихъ между славянами прокатиться въ наше отечество и такъ

мало пощащающихъ его. «Какъ могу я съхать къ вамъ,» отвѣчаетъ славянинъ на ваше замѣчаніе, что не душно бы было если бы онъ и другіе подобныя ему люди съ средоточіями побывали въ Россіи: — «вѣдь тогда лучше бы было и не возвращаться назадъ; а оставивъ свою родину, свой народъ въ такомъ положеніи людямъ, которые могутъ быть ему поддержкою, руководителями, и грѣшно и стыдно.» Стремленіе удалить отъ своихъ подданныхъ все, что напоминаетъ о Россіи, распространилось даже и на церковныя книги православныхъ христіанъ. Известно, что съ давнѣйшихъ поръ богослужебныя книги у сербовъ и православныхъ далматинцевъ получались изъ Россіи, преимущественно посредствомъ подарковъ. Въ предисловіяхъ къ этимъ книгамъ обыкновенно печатаются имена царствующаго нашего дома, а въ служебникахъ не разъ упоминаются имена Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника престола и другихъ, въ эктоніяхъ и другихъ молитвахъ. Бывали и случаи, что во время службы священникъ или діаконъ, еще чаще причетники, держась строго книги, не подставляли соответствующихъ именъ изъ своей австрійской императорской фамиліи, и тогда вмѣсто Франца Іосифа молились православные въ Австріи за Николая Павловича или за Александра Николаевича. Терпѣть такую связь казалось и не приличнымъ и опаснымъ правительству, и оно вознамѣрилось прекратить ее. Съ этою цѣлю, рѣшено было въ Вѣнѣ перепечатать церковныя книги. Онѣ уже перепечатаны и разосланы бездешежно по церквамъ. Я разматривалъ вновь вышедшія въ столицѣ Австріи церковно-славянскія книги и удивлялся точности сходства ихъ въ объемѣ, въ печати, въ заглавныхъ листахъ, въ вынѣткахъ и начальныхъ буквахъ съ нашими книгами кievскаго изданія. Отличить нѣтъ почти никакой возможности, если смотрѣть на одну вышность. За то въ содержаніи выброшено уже все что мало-мальски можетъ указывать на Россію. Не говоря о замѣнѣ русскихъ царскихъ именъ австрійскими, въ предисловіи, въ эктоніяхъ, молитвахъ и т. д., удалены изъ книгъ вѣнскихъ всѣ, безъ исключенія, русскіе святые, а количество святыхъ сербскихъ умножено. Но, сколько могъ я замѣтить, правительство не достигло этимъ своихъ цѣлей: православные славяне смотрятъ на присланные имъ книги изъ Вѣны съ недовѣріемъ, чуть-чуть не считаютъ ихъ отступническими, и вродѣ жаждутъ служить по прежнимъ русскимъ изданіямъ, сложившимъ *изъ старому* книги новыя.

Въ Галиціи, правительство австрійское поступило еще благосклоннѣе. Известно, что галичане суть руссы, ближайшіе наши родичи, говорящіе однимъ языкомъ съ нашими малороссіянами и исповѣдающіе

православную ветру: только чуть ихъ дожили были, въ силу этихъ-лихъ, разнообразныхъ козней и ухищреній, принять униатство. Вмѣстѣ съ латинкомъ и вероло, галичане-русы употребляли и азбуку русскую въ своей литературе. Болзнь правительства за Галицію всегда была велика, и тѣмъ сильнѣе, сравнительно съ опасеніемъ за другіе славянскія области, чѣмъ ближе родство жителей ея съ русскими, и чѣмъ непосредственнѣе примыкаетъ она географически къ Россіи. Издавна даѣтвовалъ тамъ и католическій пропагандазмъ не столько съ религіозною уже цѣлю, сколько съ политическою, чтобы разорвать хотя единъ узелъ, связывающій такъ крѣпко галичанъ съ православною Россіею. Оказалось, что этотъ пропагандазмъ дѣйствуетъ и медленно и не съ тѣмъ успѣхомъ, какого желалось бы правительству. Предотвѣщаясь нужда въ посредничествѣ, и власть устремляла въ послѣднее время все свое вниманіе на шовиенность, рассчитывая такъ, что приучивши народъ къ латиницѣ, она, во-первыхъ, уже этимъ отдѣлитъ тѣ-скольке его отъ Востока, особенно массу престоплюдиновъ, которые не станутъ же учиться вмѣстѣ и другой, кирилловской азбуцк; во-вторыхъ, пострѣтитъ и хотя маленькой мостикъ для сближенія съ католическимъ. Процессъ о навязываніи правительствомъ латинской азбуки галичанамъ довольно обширенъ и важенъ, чтобы не распространяться объ немъ особенно, что мы и востарасмоа одѣлать въ скоромъ времени, когда соберемъ возъ даннныя. Здѣсь только замѣтимъ, что какъ скоро, не взирая на все домогательство власти, латиница была отвергнута, опредѣлено было уже закономъ писать по крайней мѣрѣ церковными буквами, а ни чуть русскими гражданскими.

Но напрасно усиливается правительство прервать естественныя связи и подѣлать симпатію въ славянахъ къ Россіи; напрасно также распускается оно между простымъ народомъ, удалявшимся околленіе войска вѣланъ Митровицы, на Савѣ, и слухи, будто русскій царь просятъ у австрийскаго царя помощи, какъ передавали мнѣ оремскіе поселяно: послѣднему народъ не верить, даже смѣютъ надѣть такую несообразностію; что же касается до симпатій, то преданнымъ шиллеровскою въ Прагъ, конечно съ сильною горечью убѣдять правительство, что она растетъ не по годамъ, а по месяцамъ и недѣлямъ, и заняла далеко уже за предѣлы славянства. Такъ какъ шиллеровскій праздникъ въ Прагъ былъ первою моею встрѣчею съ чехами, но выгвадъ изъ земель юго-славянскихъ, то хотя краткимъ очеркомъ низодовъ этого праздника я нахожу вполне приличнымъ заключить описаніе путешествія моего у юго-славянъ и одѣлать такимъ образомъ, переходъ къ славянамъ западнымъ. Еще въ Вацѣ прочиталъ я въ газетахъ о готовящемся торжествѣ, по случаю это-

летнего любил Шиллеру, въ столицѣ Чехин, и рѣшительно не зналъ, какъ понимать участіе чеховъ, однихъ изъ всего славянскаго племени, въ чьето народно-нѣмецкомъ торжество. Въ день моего приѣзда въ Прагу я могъ уже любоваться на огромный факель-цугъ и слышать воодушевленные крики. На другой день, когда знакомство мое, на первый разъ хотя и ограниченное, успѣло установиться, я узналъ, что чехи не виноваты въ бывшемъ празднествѣ ни сномъ ни духомъ; что оно устроено исключительно обитающими въ Прагѣ нѣмцами и только въ силу своеобразности газетъ австрійскихъ сдѣлано было въ нихъ общее объявленіе *о праздникѣ въ Прагѣ*. Чехи, впрочемъ, не упустили случая показать, что они исключаютъ себя изъ числа нѣмцевъ и, при всемъ уваженіи къ Шиллеру, не признаютъ въ честь его торжества для себя народнымъ. Нѣмцы, вмѣстѣ съ правительствомъ, внутренне осуждаютъ въ дѣйствіяхъ чеховъ демонстраціе, — да иначе и понимать никакъ невозможно, хотя въ газетахъ и стараются скрыть и придать выходкамъ чеховъ особый характеръ. Выходки состояли въ слѣдующемъ. Въ то время, какъ нѣмцы проходили съ факелами по улицѣ, стоявшіе на створамъ чехи пѣли свои народные пѣсни, между которыми, на одномъ пунктѣ, можно было слышать и пѣсни 1848 года, съ различными восклицаніями, не заключающими въ себѣ ни малю сочувствія къ празднику, ни даже сочувствія къ своему правительству. Когда же факель-цугъ приближился къ памятнику Карла IV, столь живо воспоминаемаго до-сихъ-поръ народомъ чешскимъ, короля чешскаго и императора римско-нѣмецкаго, то громогласные крики совершенно другаго свойства заглушили виваты факельщиковъ въ честь Шиллера, нѣмецкой національности и т. п. На другой день, послѣ празднества, захвачены были полиціею три гимназиста, изъ которыхъ самому старшему не исполнилось еще и шестнадцати лѣтъ. Не смотря на ихъ молодость, полиція признала нужнымъ явиться къ нимъ на домъ и осмотрѣть все ихъ бумага, не найдши, разумеется, ничего въ нихъ, чтобы выходило изъ черной записки школьныхъ. Причина ареста дѣтей была слѣдующая. Чтобы увеличить массу факельщиковъ, начальство нѣмецкое сдѣлало воззваніе къ гимназіямъ пражскимъ, не исключая и той, которая всецѣло наполнена чехами. Одинъ изъ гимназистовъ, пятнадцати-лѣтній чешош, тотчасъ же, по выслушаніи воззванія, написалъ такое объявленіе: «Поворъ чехамъ, если кто изъ нихъ увидится участіемъ въ торжествѣ шиллеровскомъ. Мы чтимъ Шиллера, какъ великаго духа, движущаго литературу всего образованнаго міра, но да не скажетъ никто, будто чехи уже забыли собственную славу до того, что готовы дѣлать изъ себя посмѣшныя чужимъ народамъ! Чтимъ Шиллера, какъ и все возвышенное, въ какомъ бы народѣ не родилось оно; тамъ не менѣе,

было бы стыдомъ для насъ, если бы воздавали ему мы славу, какъ будто бы онъ принадлежалъ славянскому народу. Вы нѣмцы хотѣли отнять у насъ то, что имѣемъ мы у себя самаго святаго; хотѣли уничтожить, частію сдѣлать какого-то поддѣльщика древнѣйшихъ памятниковъ нашей славы, которые свидѣтельствуютъ намъ, какъ высоко процвѣтали геройскіе наши предки гуманностью, тогда какъ ваши герои продолжали еще лить кровь изъ череповъ непріятелей! И мы дадимъ себя на посмѣяніе вамъ самимъ, чтобы вы могли хвалиться, что докончили великое дѣло нашего отъясненія, что Прага сдѣлалась нѣмецкимъ городомъ?! Этого, дасть Богъ, вы не дождетесь никогда отъ насъ! Вы настоящіе, мы будущіе! Читатели славянскаго отечества.»

Другой ученикъ это объявленіе прильпилъ къ стѣнѣ, а третій не хотѣлъ сорвать его, когда приказывалъ ему поделъ. Три дня ареста въ полиціи казалось недостаточнымъ наказаніемъ за составленіе приведеннаго нами объявленія; начались тѣ таинственныя сношенія полицейской власти съ начальствомъ гимназій, которыя такъ обычны въ австрійской имперіи. Дѣло не обошлось безъ совѣщанія съ Вьною, и талантливый молодой авторъ-дѣтя, краса, по признанію всего гимназическаго начальства, цѣлой гимназій, былъ изъ нея исключенъ навсегда, разумѣется безъ права поступить въ другія гимназій.

Такимъ образомъ, начало моего знакомства съ положеніемъ западныхъ славянъ было не утешительно; оно разомъ напомнило мнѣ незавидное положеніе ихъ южныхъ собратій. Каково-то будетъ продолженіе и конецъ?

Л . . . . . иѣ.

1-го Января 1860 года.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

РОМАНЪ.

Соч. О. Рабиновича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на большой дорогѣ, между однимъ большимъ и другимъ маленькимъ городомъ, на границѣ Новороссійскаго-края и Малороссіи, стоялъ одинокій постоялый дворъ, котораго теперь, по неизвѣстнымъ причинамъ, уже тамъ нѣтъ. Этотъ постоялый дворъ носилъ названіе *Краснаго-трактира*, тоже по неизвѣстной причинѣ. Если пуститься въ міръ догадокъ, то очень легко можетъ статься, что владѣлецъ трактира предположилъ когда-нибудь окрасить его крышу красною краской, и, по пылкости своего воображенія, уже предварительно назвалъ его краснымъ; но такъ какъ онъ, владѣлецъ, вѣроятно не владелъ тайной окрашиванія соломы въ красный цвѣтъ, то оттого и предположеніе его не сбылось. Или, легко можетъ быть, что выстроивъ этотъ трактиръ, владѣлецъ, въ пылу сердечнаго умиленія, хотѣлъ его назвать *прекраснымъ*, но послѣ совѣтъмъ и, отбросивъ частицу *пре*, удовольствовался остальнымъ, что очень возможно, если только онъ учился грамматикѣ и зналъ разницу между положительною и превосходною степенью. Но это одна только догадка летописца, основанная на темныхъ толкахъ, и онъ никакъ не смѣетъ навязывать ихъ своимъ читателямъ, которымъ нѣтъ никакой нужды до гипотезъ. Какъ бы себѣ тамъ ни было, а трактиръ, до заката дней своихъ, остался Краснымъ-трактиромъ,

хотя крааного въ немъ было ровно еталоко, смалко чернаго въ Черномъ моръ.

Красный-трактиръ отстоялъ отъ большой дороги на нъскольке сокъ шагавъ въ сторону, и былъ выстроивъ въ однуъ этажъ. Съ фронта онъ казался черезъ-чуръ продолговатымъ, и въ насмурную погоду, вообще невыгодную для всякъ наружностей, онъ могъ даже переходить на овчарню; но красивое крыльцо съ четырма деревянными колонами, раздвляя его на двъ равныя половины, скрывало эхотъ недостатокъ и даже придавало ему какой-то гостеприимный видъ, разумеется, въ извстныхъ случаяхъ и смотря по душевной настроенности наблюдателя. Надъ крыльцомъ красовалась большая вывеска, на которой былъ нарисованъ лимоннаго цвта левъ, стоящій на заднихъ лапахъ и вывалившій красный какъ огонь языкъ въ четверть аршина, вроятно, для удоотворенія путешественниковъ въ несправности своего желудка. Преданіе, которое живетъ княземъ-невидимкой и все знаетъ, которое Богъ-вотъ откуда берется и чѣмъ цитается, рассказываетъ, что художника, писавшаго надъ дверьми трактира царя зврей, ужасно затрудняли переднія его лапы. Дать имъ держать большой крендель, какъ онъ, художникъ, видѣлъ на вывескѣ одного булочника въ соседнемъ большомъ города,—было бы не-кетати: какое дѣло Красному-трактиру до кренделей? А другихъ атрибутовъ въ львинныхъ лапахъ художнику видѣть недовелось. По этому онъ рѣшился на смѣлую мысль—оставить переднія лапы льва въ воздухъ, безъ всякаго занятія. Отъ этого казалось, что левъ собирается лвать на крышу, и потому, не смотря на его грозную наружность, онъ имѣлъ въ себѣ что-то очень забавное. По странному стеченію обстоятельствъ, вырѣзанный изъ дерева пѣтухъ, красовавшійся на верху крытаго колбдца, тоже подиалъ вверхъ одну свою лапку, что намѣкало на какую-то снмватію между пѣтухомъ и львомъ, на зло всемъ естественнымъ исторіямъ.

Не знаю, многіе ли изъ моихъ читателей видѣли тѣ прекрасныя мѣста, гдѣ процвѣталъ Красный-трактиръ, котораго вышневка и низвользовались заслужанною славою на двадцать пять веротъ въ окружности, и отъ котораго теперь остались однѣ развалины, грустно напоминающія о быломъ; но въ эпоху, въ которую происходила наша исторія, этотъ трактиръ стоялъ на верху своей извѣстности и имѣлъ даже своего собственного козла, заведеннаго по настоятельному требованію извозчиковъ, которые подмѣтили гдѣ-то домоваго, и грозились перемѣнить свой маршрутъ, если ихъ не уснокоятъ на счетъ этой важной статьи. Кто бывалъ на Украинѣ, тотъ знаетъ какъ роскошно дѣлалъ природа одѣваетъ поля весною и какими чудными, здоровыми

воздухомъ она позволяеть дышать своимъ обитателямъ; а кто не бывалъ, тотъ ужъ навѣрное читалъ объ этомъ въ тысячу книгъ; следовательно, мнѣ нечего повторять всемъ известное. Довольно если скажу, что Красный-трактиръ пользовался весьма здоровымъ климатомъ, потому что стоялъ на открытомъ воздухѣ, и въ тотъ вечеръ, съ котораго начинается эта исторія, купался въ морѣ зейени, по выраженію поэта, потому что все было зелено вокругъ его, и близъ лежавшій лѣсокъ, отстоявшій отъ него на нѣсколько шаговъ, и поля, растилвшіяся вокругъ на безграничное пространство и сливавшіяся съ весеннею синевою неба. Лѣсные обитатели играли свои неумоляемыя пѣсни, заглушаемыя по временамъ болѣе громкою пѣсней удалаго ямника, захожаго дѣтены изъ Орловской губернии, выпускавшаго на пастбище лошадей изъ почтовой станціи, которая запряталась за лѣсъ, за цѣлую версту отъ трактира. Немного поодаль отъ дороги, между чумацкими возами, разставленными въ два ряда, мелькалъ веселый огонекъ, подъ высѣвнымъ котломъ, въ которомъ готовилась каша. Хладнокровные холмы, не смотря на свой аппетитъ, не суетяся, приготовляясь къ ужину: одинъ изъ нихъ медленно отъискивалъ баклагу, чтобъ отправиться въ трактиръ за горькакой; другой, подбоченясь одной рукой, другою перемѣнивалъ каму отройнымъ угловникомъ, отъ наружности котораго голландецъ упалъ бы въ обморокъ; третій высыпалъ изъ мѣшка сахарна свиту и тщательно выдувалъ соломенки и прочія растительныя вещества, нечаянно попавшія въ мышокъ; другіе, сидя на корточкахъ вокругъ котла, курили коротенькія трубки и задумчиво глядя въ огонь; а иные, лежа на спинѣ, и вперявъ глаза въ багровыя облака, за которыми садилось солнце, лаконически переговаривались между собой.

Въ это время два пѣшехода приближались къ трактиру. Одинъ былъ плотный мужчина лѣтъ тридцати трехъ, средняго роста, одѣтый въ суконную куртку верблюжьяго цвѣта и такіе же панталоны, очень узкіе, на которыхъ спереди, въ соседствѣ съ карманами, были вышиты черными снурками хитрые узоры, а по наружнымъ швамъ, начиная отъ коленъ до пятокъ, были нашиты маленькія медныя пучочки. Лицо его, закрытое почти на треть со стороны головы, цѣлыми лѣбомъ волосъ и плотно надвинутымъ клеенчатымъ картузомъ, казалось, заключалось въ однихъ только густыхъ рыжихъ ускахъ и огромныхъ башенбардахъ, которые, начинаясь отъ висковъ, торчали въ безднѣ золотаго галстука, небрежно обмотаннаго нѣсколько разъ вокругъ шеи. Хотя по запыленному виду этого челевика, можно было догадаться, что онъ сдѣлалъ порядочный переходъ, однако въ немъ было очень мало признаковъ усталости, не смотря даже и на то, что

онъ вѣсъ на спинѣ тяжелый продолговатый ящикъ, висящій на широкомъ ремнѣ и обернутый въ черную клеенку. Поверхъ этого ящика лежала еще продолговатая котомка, изъ-за которой выглядывала обрая головка обезьяны, беспокойно поворачивавшаяся во все стороны. За нимъ, уныло опустивъ голову, плелась сухощавая дѣвочка, лѣтъ около двѣнадцати, одѣтая въ темное коротенькое платьице, изъ-подъ котораго виднѣлись панталоны, имѣвшіе претензію нѣкогда быть бѣлыми. Лицо дѣвочки было блѣдно, съ оливковымъ оттѣнкомъ, и казалось еще блѣднѣе, отъ контраста съ большимъ чернымъ плетенымъ воротничкомъ, который плотно покрывалъ ее шею и плечи, и въ нужныхъ случаяхъ могъ исправлять должность мантильи. Лицо это, будучи чрезвычайно правильно очерчено и оживлено двумя большими черными глазами и еще чернѣйшими бровями, могло бы назваться прекраснымъ, еслибъ его не портило какое-то выраженіе страданія, которое проявлялось то безпрестаннымъ раздуваніемъ тонкихъ, почти прозрачныхъ ноздрей, то легкимъ судорожнымъ подергиваніемъ губъ. Голова дѣвочки была повязана старымъ платкомъ, изъ-подъ котораго въ безпорядкѣ падали черные подстриженные волосы, громко вопіявшіе о давней разлукѣ съ гребнемъ. Въ довершеніе портрета дѣвочки, мы прибавимъ, что черезъ плечо у нея висѣлъ небольшой обручъ, обмотанный разноцвѣтными сукоными крайками.

Путники шли по канавѣ, противоположной той, за которою чумаки остановились для ночлега. Поровнявшись съ возами, мужчина остановился и схватилъ дѣвочку за руку.

— Смотри, Тила, чумаки, сказалъ онъ, указывая на возы

Дѣвочка подняла голову.

-- Видишь, Тила? повторялъ мужчина ласково.

— Ну, чтожъ если чумаки? спросила дѣвочка.

Мужчина улыбнулся.

— Давай-ка, мы ихъ всполюшимъ, сказалъ онъ. — Смотри же дѣвка—«Вьютъ вѣтры».

Тутъ онъ встряхнулъ висѣвшимъ за его спиной ящикомъ, чтобы приблизить его болѣе къ правому боку и, вынувъ изъ кармана большой ключъ, съ блестящею мѣдовою рукою, началъ его всаживать въ незѣтное ему мѣсто ящика, который, какъ читатель давно уже вѣроятно подозревалъ, былъ ни болѣе ни менѣе какъ шарманка.

Помня мѣсто, на которомъ она остановилась, шарманка, для янтродукціи, добыла остальную половину одной громкой ноты и собралась сдѣлать какую-то янтрую руладу, когда хезантъ ея, догадавшись, что это не то что ему надобно, быстро передвинулъ валъ, от-

чего ей едва-едва еще жалобный и разбудил двух собак, драматических около чумацких возовъ. Собаки подняли лай съ разными вариациями, видимо стараясь поддѣлаться подъ услышанный ими звукъ, хотя шарманка уже давно наигрывала пѣсню «Вьютъ вѣтры, вьютъ буйны», и языкомъ своихъ валторнъ, фистулъ и барабановъ, казалось, говорила имъ, что ихъ усмія и смѣшны и напрасны. Но собаки не унимались. Остановившіеся подлѣ дороги и поднявъ вверхъ головы, онѣ выли, словно, кто-нибудь ихъ напаял для этого, и совершенно заглушала пискливый гомозъ дѣвочки, которая, какъ будто изъ проронья, акомпанировала шарманкѣ и нецѣдно коверкала слова пѣсни.

— Гей, тю, гей, го! раздалось между чумаками. -- Дивись, катеринка, катеринка.

Чумаки быстро поднялись на ноги и подбѣжали къ камавѣ. Мальчишки, впервые пошедшіе въ дорогу съ своими отцами, и, вѣроятно, никогда не видавшие такихъ диковинокъ, вопросительно поглядывали на стариковъ, которые, улыбаясь, почесывали за ухомъ, какъ будто желая этимъ сказать: «знаемъ мы васъ, проклятыя катеринки! Не одну копу грошей стоите вы намъ, за мимолетное удовольствіе поскákatъ подъ вашу музыку въ яткѣ какой-нибудь чернобровой шинкарки». Молодые парни съ неистовствомъ повторили: «Гей, тю, жидъ, нѣмецъ, катеринка!» а собаки продолжали немилосердо заливаться, вытѣдуть шею и поворачивая свои острые морды изъ стороны въ сторону. Въ это время обезьяна, исправляя свою обязанность, дѣлала отчаянные прыжки съ плеча шарманщика на котомку, и назадъ, оборотивъ лицо свое къ публикѣ, щолкая своими тонкими бѣлыми зубами, и мотая головой, видимо стараясь привести въ нормальное положеніе свой высокій, готической архитектуры чепчикъ, отъѣхавшій кемпожко на одинъ бокъ.

Не обращая вниманія на происходящій вокругъ него гвалтъ и, съ лукавою улыбкой, погрузивъ всю нижнюю часть лица въ свой бездонный галстухъ, шарманщикъ продолжалъ вертѣть рукой и быстро приближался къ Красному-трактиру, гдѣ лимонный левъ ждалъ его съ распростертыми объятіями, а деревянный пѣтухъ-петиметръ готовился разшаркаться по послѣднему фасону! Дѣвочка, едва успѣвая за своимъ спутникомъ, подпрыгивала и поминутно спотыкалась, отчего голосъ ея, и безъ того слишкомъ рѣзкій, еще болѣе дробился въ горло и приводилъ въ негодование саму пивницу.

Хозяинъ трактира, высокій черноволосый еврей, въ халатъ изъ мебельнаго ситца, на которомъ темныя фантастическіе цвѣты походили на исподняскіе бычачьи глаза, услышавъ звукъ шарманки, вы-

бешель на крыльцо, таща за собой глупую кучу ребятишек, которые хлещут в ладоши и, подожавая, кричали: «Татуно, татуно, музыка, музыка идет!»

— А это старый знакомый!.. Миръ съ вами Перецъ!.. промашеть трактирщикъ, протянувъ къ шарманщику правую руку въ-за своего халатного пояса, гдѣ она у него торчала и отсюда онъ лезъ ее вытаскивать.—Вы насъ совсѣмъ забыли.

Шарманка и пивца остановились въ одно время.

— Съ вами миръ, ребѣ-Мендель, отвѣчалъ Перецъ, поставивъ шарманку съ обезьяной на лавку крыльца и выпрямляя спинку.— Да, давнешко не былъ: ужъ третій годъ пошелъ, какъ мы съ вами не видались. Какъ поживаете?

— Ами! отвѣчалъ ребѣ-Мендель, поднявъ очень высоко брови и погладивъ бороду:—здоровы, слава Богу!

— А дальники? продолжалъ Перецъ.

— Ами и дальники! отвѣчалъ Мендель тѣмъ же тономъ.

— Ну, лишь бы ами, сказалъ Перецъ,—а то еще хуже бываетъ... А! вотъ и команда ваша, продолжалъ онъ, поперемѣнно поглаживая по головѣ дѣтей, толпившихся около Менделя.—Это тотъ малютка Пивца? неужели? эка головорѣзъ какой!.. Ну, молодцы у васъ ребята, да и дочери тоже красавицы будутъ.

Отецъ самодовольно улыбался, а шестилѣтній Исаакъ, или Исокъ, который, незастыно по какимъ заслугамъ, былъ переименованъ въ Пивца, даже показалъ шарманщику языкъ въ знакъ совершеннаго удовольствія.

— Тилочка! вдругъ произнесъ шарманщикъ, быстро обернувшись къ своей спутницѣ, которая съ закрытыми глазами стояла оперируясь о колену крыльца. Я заболтался, дуракъ я... и совсѣмъ забылъ какъ ты горошина крѣпкая (*).

Онъ взялъ ее на руку, какъ берутъ обыкновенно дѣтей, и, схвативъ другою рукою шарманку, сказалъ трактирщику:

— Пойдемъ же въ комнату, хозяинъ. Да подайте намъ штофъ пива и чегонибудь съѣстнаго: мы устали и проголодались.

Въ противность всѣмъ описаніямъ жидовскихъ комнатъ, наименее щадя, кроме неопрятности, никакихъ другихъ принадлежностей, мы скажемъ, что трактиръ Менделя былъ опрятенъ на столько, насколько въ степныхъ корчмахъ это допускается. Первая комната, довольно большая, назначенная для путешественниковъ нашего класса, от-

(*) Т. е., слабого сложения.

личалась странным отоломъ, занимавшимъ почти всю ея левую половину, и широкими окнами вокругъ огня. Въ известныхъ местахъ были прибиты картины безъ рамокъ, на которыхъ было заметно сильное нашествие мухъ, и оттого мужественное лицо воинопобитой Бобалыны было все въ весушкахъ, а *малысманс*, получаемый офицеромъ изъ рукъ прекрасной черешенки, сильно смазывалъ на татарскую лепешку; а въ одномъ углу почти подъ самымъ потолкомъ, въ очень наклонномъ положеніи, даже висело зеркало, низшее странное свойство отражать только грудь и часть живота и больше ничего. Отъ этой комнаты небольшая дверь вела въ продолговатую каморку, въ которой стояла бочка съ водкой, заночагаемые штофы съ разными напитками, и еще что-то, чего, за темнотой, определить нельзя, потому что хозяинъ считалъ нужнымъ, по причинамъ ему одному известнымъ, на вѣчныя времена заклеить окно этого капища, на которое многие почтенные люди съ нехотѣлы издали засматривались. Изъ этой каморки былъ уже входъ въ хозяйское жилище, которое ничѣмъ особеннымъ не отличалось, если только исключить постель, красовавшуюся своимъ безчисленными перинами, да еще одну очень замѣчательную картину, писанную однимъ бердичевскимъ художникомъ на стеклѣ, на которой былъ представленъ персидскій вельможа Аманъ, въ курткѣ и съ фуражкой въ рукахъ, подающій письменный доносъ царю персидскому, сидящему въ огромныхъ креслахъ, въ халатѣ и треугольной шляпѣ. Что же касается до второй половины трактира, низшей изъ сѣней совсѣмъ особый входъ и назначенной для гостей высшаго разряда, то, за неизмѣнимъ въ ней надобности, мы ее оставляемъ безъ описанія.

Шарманщикъ быстро вошелъ въ большую комнату съ своею двойною лампою, а хозяинъ зажогъ свѣчу и засуетился въ приготовленіи ужина своимъ гостямъ, по временамъ покрикивая на дѣтей, безпрестанно швырявшихъ около Пэреца и дѣлавшихъ гримасы обезьянъ, въ чемъ сильно отличался маленькій Ници, который, будучи замаранъ и растрепанъ болѣе всѣхъ, имѣлъ на то неотъемлемое право.

— Ну, теперь подкрѣпимся и отдохнемъ, мамзель Бурга, сказалъ Пэрець, давъ своей обезьянѣ щелчокъ въ носъ и усаживая дѣвочку на удобномъ мѣстѣ за столомъ, на который хозяинъ поставилъ масло, сметану, холодные пироги съ сыромъ и кружку пива. — Ну-же, Тила, перебѣтанъ, продолжалъ Пэрець съ огорченіемъ, видя, что слезы катятся по щекамъ дѣвочки. — Какая-жъ изъ тебя будешь пивница и танцовка, когда только и дѣло что хнычешь?

Но Тила не переставала плакать.

Мендель въ недоумѣніи началъ поглядывать попеременно; то на дѣвочку, то на Пѣреца.

— Сиротка! произнесъ Пѣрець, какъ бы въ отвѣтъ на вопрошающій взглядъ трактирщика:—Бѣдная сиротка: ни отца ни матери!...

— Неправда Пѣрець, отецъ есть! возразила Тина со слезами.

— Возми твоимъ врагамъ такихъ отцовъ желаю! отвѣчалъ Пѣрець:— Ужъ нечего сказать, хорошъ отецъ, который бросилъ жену и дочь и шляется гдѣ-то у черта въ зубахъ!—Ну, да это ужъ старая сказка! Лучше знь, да ложись спать: завтра надо рано въ дорогу.

Дѣвочка, вслащивая, онала еѣ плеча обручъ и, вынивъ поданный ей Пѣрецомъ стаканъ пива, принялась есть и кормить обезьяну, которая передъ каждымъ кускомъ дѣлала уморительныя рожи и заставляла хохотать дѣтой.

Трактирщикъ, который былъ очень любознатель, подсылъ къ Пѣрецу, чтобъ узнать отъ него о новостяхъ, происходившихъ на свѣтѣ. Кому знать о нихъ, какъ не шарманщику, шатающемуся по будувству и посвящаемому воъ ярмарки? Мендель давно зналъ Пѣреца, часто являвшагося въ тѣхъ мѣстахъ и всегда приносившаго цѣлый запасъ новостей и разказовъ, почерпнутый имъ въ томъ городѣ, въ которомъ онъ останавливался на зимнія квартиры. Пѣрець, въ свою очередь, зная хорошо Менделя, который за какую-нибудь любознательную вѣсть даже готовъ былъ отсутствіе ужинъ по своей цѣнѣ, не щадилъ себя и, во временахъ, вралъ немилосердо, частью отъ корыстныхъ побужденій, а частью отъ природной наклонности. Онъ зналъ, что Мендель, выросшій въ глуши и не видѣвшій ничего, кромѣ карчмы своего отца, потомъ своего тѣста, потомъ своей собственной, считалъ Пѣреца, изъ уваженія къ его огромнымъ бакенбардамъ, за царя шарманщиковъ и самого бывалаго дѣтину; следовательно, разказать ему обыкновенныя вещи, значило бы совершенно уронить свою репутацію. Къ тому же шарманщикъ былъ веселаго нрава и часто вралъ безъ всякихъ побужденій, такъ для собственной лютости. Но теперь, слезы его спутницы, повергли его въ удивленіе, и онъ былъ не расположенъ къ разказамъ. Мендель замѣтилъ, что ему предстоитъ сильная борьба съ упрямостью шарманщика и рѣшился, завестъ рѣчь по деликатной и издалека.

— А откуда несетъ васъ теперь добрый годъ, Пѣрець? спросилъ Мендель, съ притворствомъ роясь на полкъ, и отъявкая то, чего тамъ не было.

— Изъ Волыни, отвѣчалъ шарманщикъ.

— А что, какъ тамъ хлѣбъ?

— Не то чтобъ дорого.

— А эту дѣвочку гдѣ вы взяли?

— Тамъ же, отвѣчала Пѣрець. — Ышь, ашь, прибавила онѣ, взглянувъ на голову дѣвочки, которая, улыбаясь вопросъ трактирщика о себѣ, быстро взглянула на него и перестала зѣть.

— Сиротка? спросилъ Мендель.

Пѣрець утвердительно наклонилъ голову и углубился въ пироги съ сыромъ.

Мендель дотадался, что пока онъ не задобрить дѣвочки, онѣ ничего не добьется отъ шарманщика.

— А ну-ка, Юзя, сказалъ Мендель старшему своему сыну. — води возьми у матери пряника для этой хорошенькой дѣвочки.

Юзя стрѣмглавъ бросился въ двери съ такимъ усердіемъ, что уронилъ съ головы свою ермолку, которая была сшита изъ высокоскихъ лоскутковъ разноцвѣтнаго ситца и намѣкала на близкое родство съ одяломъ такого же свойства, гдѣ нибудь далеко запрятаными для торжественныхъ случаевъ.

— Вотъ видишь какъ тебя любятъ, Тилочка, сказалъ Пѣрець, посмотрѣвъ на ребенка съ чувствомъ глубокаго участія. — Поиди же поцѣлуй въ руку ребѣ-Менделя.

Дѣвочка встала изъ-за стола и молчаливо исполнила приказаніе своего покровителя.

— Будь же умницей, не плачь больше: что прошло того не воротили! продолжалъ Пѣрець, усаживая ее на прежнее мѣсто: — а то какъ будешь все плакать, то и голосъ у тебя сдѣлается плаксивый и ты мени просто разорешь.

— Но буду больше, отвѣчала она, лаская Пѣреца обѣими руками за щетинистый, давно небритый подбородокъ.

— А давно достали вы такую умницу? началъ опять Мендель.

— Другой годъ, отвѣчалъ Пѣрець. — Бѣднѣжкѣ пришлось бы милостыню просить, елибѣ и не подоспѣлъ во время.

— Ахъ Боже мой! произнесъ Мендель.

— Да, милостыню, увирую васъ, продолжалъ Пѣрець. — А вообразите! отецъ, говорятъ, ходилъ въ шелковыхъ панталонахъ, тамъ, гдѣ-то въ Англии.

При словѣ «Англія» у Менделя защебетало въ носу. То-то, вѣрно, тамъ штучки, подумалъ онъ, въ этой Англии, гдѣ ходятъ въ шелковыхъ панталонахъ.

— А какая у меня наливка съ прошлаго года! сказалъ Мендель, щолкнувъ языкомъ и прищуривъ одинъ глазъ: — просто венгерское. Для себя оставилъ маленькій боченокъ, и то тайно отъ кормчаго зазвдателя. Берегу для истинныхъ друзей. Эй, Юзя,inesi-ка бу-

тылку изъ чулана, знаешь, изъ тѣхъ что въ песокъ закопаны. Да не пей, мошенникъ, а то уши выдеру.

Шарманщикъ кашлянулъ, началъ разглаживать усы и осматривать комнату.

— А что это за человекъ? спросилъ онъ трактирщика, увидявъ молодого русскаго мальчика, который сидѣлъ въ темномъ углу, за противоположнымъ концомъ стола и, подперши голову обѣими руками, не сводилъ глазъ съ шарманщика и съ любопытствомъ прислушивался къ разговору, изъ котораго онъ, кромѣ слова «наливка», ничего не понялъ. — Я что-то прежде вовсе его не замѣтилъ.

— Атъ! отвѣчалъ Мендель: — тоже мнѣ человекъ! Оборванный мальчуганъ, да и только. Выпьемъ-ка по стаканчику *этого*, продолжалъ онъ, наливъ себѣ и Пѣрецу изъ двойной бутылки, которую внесъ Юзя.

— Да, ничего, идетъ! сказалъ Пѣрецъ, медленно отвѣдая свой стаканъ. — Да все же это не венгерское, ребъ-Мендель. Гай, гай! я самъ таскался по Венгрии когда-то, былъ въ Пестѣ, и видѣлъ какъ. . . . .

— Гмъ! разумѣется, оно не то, прервалъ Мендель, которому нужна была Англія, а не Венгрія, о которой онъ уже зналъ довольно изъ прежнихъ рассказовъ и даже самъ рассказывалъ другимъ, какъ тамъ пастухи умываются чистымъ токайскимъ, и прочія любопытныя вещи. — Оно, разумѣется, не то что венгерское, да не объ томъ рѣчь. Что-жъ тамъ въ Англіи-то отецъ этой дѣвочки, сказали вы?

— Живетъ бариномъ, бездѣльникъ, отвѣчалъ. — Бросилъ жену и дѣтя и знать ничего не хочетъ.

— Неужели? воскликнулъ Мендель, качнувъ головой. — Какъ же онъ бросилъ, расскажите, пожалуйста.

— А рассказать, Тилочка? спросилъ Пѣрецъ ребенка.

— Расскажи, отвѣчала дѣвочка тихо. — Я всегда люблю слушать о батюшкѣ, хоть ты и бранишь его всегда.

— Видите ли ребъ-Мендель, началъ шарманщикъ: — отецъ ея жилъ на Волыни холостымъ лѣтъ до тридцати семи-осьми и промышлялъ пивками. Говорили, что у него и копейка водится, да навѣрное неизвѣстно. Знали только, что онъ часто ѣздитъ въ Бессарабію, и имѣетъ дѣло съ немцами да съ французами. Мать ея была дѣвушка уже въ лѣтахъ, не то, чтобъ очень красавица.

— Не правда, Пѣрецъ! вскричала дѣвочка со слезами на глазахъ: — она была такая хорошая, съ черными бровями!..

— Ну, ну, душа моя; я только говорю не слишкомъ, а не то чтобъ и дурна; а ничего, дѣвушка такъ себя . . . . Точь-въ-точь она, приба-

вилъ Пэрецъ на лету подь ухо Менделя, и лукаво поведъ глазами въ ту сторону, гдѣ сидѣла его спутница: — такіе же черные глаза, такая же блѣдность въ лицѣ....

Мендель высоко поднялъ свои брови и сталъ пристально оглядывать дѣвочку.

— Ничего, произнесъ онъ шопотомъ: — не то, чтобъ *гмз*.... (тутъ онъ не много надулъ губы), не то чтобъ *фэ*... Атъ! А деньги имѣла?

— Въ томъ-то и штука, что имѣла, громко отвѣчалъ Пэрецъ, продолжая свой рассказъ. — Вотъ и подвернулся какой-то свать, не видать бы ему добра! да и спаровалъ ихъ. Дескать, онъ человекъ торговый, разбитной, пустить деньги въ оборотъ, и будетъ хорошо. Да вышло не хорошо: заторговался бѣдняга. Пріѣхалъ изъ Бессарабіи разъ, да привезъ женъ молдаванскую коцевейку, — она и души не слышитъ; пріѣхалъ другой, привезъ три нитки жемчугу, — сосѣдки злятся, а молодая жена просто блаженствуетъ. Поѣхалъ опять въ Бессарабію съ шявками, да вѣрно не повезло. Одни говорятъ, что пѣвки всѣ повыдохли, кто говоритъ, что молодець деньги въ гальберъ-цвельфъ спустилъ; правда ли одно или другое — а ужъ онъ домой не воротился. Пропалъ человекъ, да и только! Прошелъ мѣсяць, прошелъ другой, родилась эта цаца, а отца нѣтъ да нѣтъ. Бѣдная жена все ждала да плакала, ждала да плакала, а вѣдь жить надо ребъ-Мендель?

— Какъ же! *Не по твоей воли умираешь ты, не по твоей умираешь, не по твоей родишься*.... со вздохомъ отвѣчалъ ребъ-Мендель, цитируя одно старинное изреченіе.

— Вы кажется ошиблись — сто разъ извините! сказалъ Пэрецъ, выпивъ другой стаканъ наливки. Сказано: не по твоей воли родишься ты, не по твоей живешь, не по твоей умираешь.... Впрочемъ не въ томъ дѣло. Бѣдной женщины надобно было жить; вотъ и начало изъ дому ушлывать все хозяйство, да и самому жемчугу съ коцевейкой по-боку досталось. Сосѣдки, наконецъ, уялись, стали сожалѣть и совѣтовать. Вотъ и посоветовали ей завести харчевню. Досить лѣтъ я у ней постоянно останавливался; вотъ эта малютка подь моиими глазами росла, годы уходили, а бѣдная мать ея все ждала и надеялась на возвращеніе мужа, — да не дождалась. Отъ нужды, скорби и безсонницы она начала хворать, а въ прошломъ году свалилась и ужъ не встала. Я пришелъ за день до ея смерти. Она не охала, все молчала, да пристально глядѣла на всякаго, кто входилъ. По временамъ она сжимала крѣпко глаза: можетъ быть ей хотѣлось плакать, да вѣрно слезъ не было.... А признаюсь, должно быть нелегко умирать, когда видишь, что оставляешь слабаго ребенка безъ всякой зашиты!...

Пэрець грустно опустиль голову.

— Ну, далье? произнесъ любопытный Мендель.

— Что далье? отвѣчалъ шарманщикъ: — умерла — похоронили — вотъ и все... Теперъ скажите ребѣ-Мендель, чтобы вы съѣдали на моемъ мѣсть?

— Разумѣется, то есть... постарался бы, отвѣчалъ заикаясь Мендель.

— Хмъ! произнесъ Пэрець съ такимъ тономъ, который ясно означалъ, что онъ не вѣритъ трактирщику. — Хмъ! да. Вотъ и взялъ я къ себѣ дѣвочку, больше-то нечего было взять: все, даже и ко-черга съ лопатой были заложены у какого-то добраго чловѣка. Эхъ, эхъ, эхъ! ну-ка попробуемъ вашу наливку, такъ ли пахнетъ третій стаканъ, какъ прежніе два?

Пэрець налилъ себѣ стаканъ и залпомъ опорожнилъ его.

— Да, почтеннѣйшій, продолжалъ шарманщикъ: — взялъ къ себѣ сиротку, выучилъ пѣть пѣсни, плясать и *дѣлать штуки съ обручемъ*. Вѣдь лучше же чтобъ какъ нибудь умѣла выработать свой хлѣбъ, чѣмъ шататься подъ окнами.

Дѣвочка, внимательно выслушавъ этотъ разсказъ, придвинулась къ шарманщику и положила голову къ нему на грудь.

— Да! сказалъ Мендель: — вы съѣдали хорошо, Пэрець, очень хорошо. А чтожъ, отецъ-то?

— Что, отецъ? отвѣчалъ Пэрець, приложивъ свою обросшую щеку къ лицу ребенка. — Долго объ немъ не было ни слуху ни духу; но ужъ недавно, года два-три тому назадъ, какъ разнеслась вѣсть, что онъ попалъ какъ-то въ Англію и съѣлся богатымъ чловѣкомъ.

— Какъ же это? спросилъ Мендель.

— Вотъ что разсказываютъ, отвѣчалъ Пэрець: — слушайте!

Трактирщикъ слегка поднялся и опять сѣлъ, какъ будто желая укрѣпиться на своемъ мѣсть, подперъ лицо обѣими руками и устремилъ свои сѣрые блестящіе глаза на разсказчика.

— Надо вамъ знать, началъ Пэрець: — что у англичанъ есть городъ называемый Лондонъ, въ которомъ жителей безъ числа и счету. Вотъ молодецъ-то нашъ шлялся долго по Лондону, и разносилъ старое платьѣ. Пока онъ не зналъ тамошняго языка, ему было плохо, но какъ выучился, то пошелъ въ гору: вѣрно не промахъ, бездѣльникъ. Ознакомившись съ англичанами, онъ узналъ что между ними есть очень странные люди. Напримѣръ, онъ замѣтилъ что какой-нибудь богачъ обѣдаетъ за однимъ разомъ въ пяти трактирахъ...

— Въ пяти трактирахъ! вскричалъ Мендель не своимъ голосомъ.—
Ай, ай, ай!

— Въ пяти, честное слово!.. Напримѣръ, тамъ ему нравится то блюдо, онъ его съестъ и стремглавъ легитъ на паровой машинѣ въ другое мѣсто, гдѣ хорошо готовятъ другое блюдо и такъ далѣе — и чѣмъ страннѣе блюдо и его названіе, тѣмъ больше охотниковъ и тѣмъ лучше платятъ. Что-жъ? вздумалъ нашъ молодецъ открыть харчевню съ огромною надписью на дверяхъ, что здѣсь, молъ, готовятъ *жидовскую рыбу на польскій манеръ*. Англичане звали, звали на вывѣску да и сказали: давай попробуемъ. Нашъ пріятель сталъ готовить имъ рыбу съ перцемъ, съ лукомъ, съ начинкой и картофелемъ, какъ, напримѣръ, и у васъ ребъ-Мендель, на субботу дѣлаютъ, и сталъ драть съ нихъ по червонцу за порцію. Англичане хохочутъ да ѣдятъ, — да главное — платятъ. Такъ въ короткое время накормилъ онъ половину Лондона жидовскою рыбою, и хорошо набилъ карманъ. Ну, ужъ потомъ разумѣется, съ деньгами пойдти въ гору не трудно. Теперь говорятъ онъ ходитъ въ шелкахъ да въ бархатахъ, и *сама черта ему до головы не достанетъ*...

— Признаюсь, скалъ Мендель: — англичане должны быть пустой народъ, когда за рыбу съ перцемъ обогатили человека.

— Да что ребъ-Мендель! возразилъ Пэрецъ, наливъ себѣ свѣжій стаканъ хваленной вишневки: — вы ихъ не знаете. Они не то, чтобъ очень глупы, да въ головѣ у нихъ какая-то каша вмѣсто мозгу... Удивительно мнѣ право какъ это вы до-сихъ-поръ ничего не слышали о странностяхъ этого народа!..

— Раскажите что-нибудь объ англичанахъ, произнесъ жалобнымъ тономъ трактирщикъ:—я еще ничего объ нихъ не знаю.

— Да вотъ, напримѣръ, теперь, отвѣчалъ Пэрецъ, которому вишневка развязала языкъ:—завели войну съ китайцами за чай...

— Какъ за чай? спросилъ Мендель.

— Такъ. Вы, говорятъ, пьете хорошій чай, а намъ посылаете дрянъ; нвтъ! такъ вотъ же мы васъ!..

— И воюютъ?

— Воюютъ.

— Отчего китайцамъ не дать имъ хорошаго чаю?..

— Не сходно, другъ мой, не сходно: себѣ дорого стобитъ.

— А сколько, напримѣръ?

— Да страшно вымолвить, отвѣчалъ Пэрецъ, самъ недоумывая, какую цѣну назначить. — А вотъ я вамъ только расскажу, что это за чай, ребъ-Мендель, а вы ужъ сами положите цѣну. На одной тычкѣ англійскій генералъ взялъ въ пленъ китайскаго генерала со

всѣмъ его войскомъ и обозомъ. Китаецъ взмолился: — «Отпусти, говоришь, на волю; вѣдь я знаю зачѣмъ ты пришелъ сюда: отдамъ тебѣ весь мой чай. — Хорошо, говоритъ англичанинъ, отпущу. А сколько у тебя чаю?» — «Да, цѣлый запасъ на три года: семьдесятъ два золотника.» — «Шутишь! сказалъ англичанинъ: — мнѣ семьдесятъ два пуда дай.» — «Помилюй! говоритъ китаецъ — да у меня у самого дворянъ изъ двухъ-сотъ двѣнадцати человекъ состоитъ, а одной четверти фунта на годъ предостаточно, ей Богу!» — «Да что-жъ это за чай такой?» спрашиваетъ англичанинъ. — «А вотъ увидишь, отвѣчаетъ китаецъ: — вели зарѣзать барана.» Зарѣзали. «Вели содрать шкуру подъ лопатками.» Содрали. Китаецъ взялъ одинъ чайный листокъ, разрѣзалъ бритвой на четыре части, положилъ подъ каждой лопаткой по кусочку, и прикрылъ барана одеяломъ. — «Ну, теперь, говоритъ китаецъ, вели подать пуншу, а ужъ жаркое будетъ.» — «Какъ, неужели?» спросилъ англичанинъ, и велѣлъ приготовить пуншу. Пока успѣли налить стаканы, китаецъ раскрываетъ барана, — и что-жъ? баранъ изжаренъ какъ на самомъ лучшемъ огнѣ, и даже подъ ребрами немного пригорѣлъ. . . .

— Будто-бы! вскричалъ изумленный Мендель, который во все время разсказа о баранѣ, не спускалъ пожирающаго взгляда съ разскащика и съ вытянутою впередъ шеєю, съ спертымъ дыханіемъ, шопотомъ повторялъ за Пѣрецомъ каждое слово. — Будто бы есть такой чай на свѣтъ? ай, ай ай!

— Разумѣется, есть, отвѣчалъ равнодушно шарманщикъ, обратившись снова къ источнику своего вдохновенія — къ бутылкѣ съ наливкой.

— Что-жъ? спросилъ Мендель: — послѣ этого они помирились съ китайцами?

— Какое помирились! пуще разозлились. Вотъ такой, дескать, и подавай намъ чай, а то все ваше китайское государство разгромимъ пушками.

— Пушками! возразилъ Мендель испугавшись.

— Да, пушками, отвѣчалъ Пѣрецъ. — Вы никогда не видали какъ палятъ изъ пушекъ? продолжалъ онъ, болѣе и болѣе воспламеняясь своимъ веззаніемъ. — О, бѣда! Вообразите! въ огромную мѣдную трубу высыпаютъ десять пудовъ пороху, десять пудовъ ядеръ и одинъ пудъ гвоздей; потомъ все это зажигаютъ — пифъ! пафъ!.. Пф!...

Тутъ разскащикъ, не много приподнявшись съ мѣста и сдѣлавъ движеніе прежде одной рукой, а потомъ другою, какъ будто стрѣляя изъ пистолецовъ, пришелъ въ такой энтузіазмъ и такъ искусно произнесъ послѣдніе три звука, что Мендель вообразивъ, что въ са-

момъ дѣлъ произойдетъ выстрѣлъ, въ страшномъ испугѣ вскочилъ со стула, и бросившись къ дѣтямъ своимъ, стоявшимъ близъ шарманщика съ разинутыми ртами, не своимъ голосомъ закричалъ:

— Ай, дѣти прочь!...

Молодой человекъ, сидѣвшій въ темномъ углу, громко захохоталъ; шарманщикъ съ коварной усмѣшкой вперилъ свои глаза въ Менделя; маленькая Тила, не много сторбившись, лукаво переплетала пальцы своихъ рукъ, въ родѣ калача, и тоже улыбалась, окидывая взоромъ хохотавшаго молодого человека и испуганнаго Менделя; даже мамзель Берта, прыгая по столу и царапая дѣвочку за плисовый воротничекъ, безпрестанно скалила на трактирщика свои зубы и отрицательно кивала головой, какъ будто желая сказать: „нѣтъ, братъ, ты не годишься въ артиллеристы!“ между тѣмъ какъ самъ Мендель съ своимъ благословеннымъ потомствомъ, стояли въ разныхъ углахъ комнаты, именно въ такомъ положеніи, въ какомъ бываетъ войско, *отброшенное* непріятельскимъ залпомъ.

— Нини-а! произнесъ наконецъ Мендель: — вотъ тебѣ и пушки!

Онъ медленно подошелъ къ столу и, сѣвъ на прежнее мѣсто, выпилъ стаканъ наливки и видимо собрался съ духомъ.

— Такъ онъ крѣпко грохочутъ, эти... пушки? спросилъ Мендель, желая возобновить разговоръ и удивившись въ своей безопасности.

— Не-ми-ло-сер-до! отвѣчалъ шарманщикъ, закинувъ назадъ голову, съ видомъ признаннаго авторитета.

— И попадаютъ?

— Безъ промаха.

— Тамъ, значитъ, *шпренджина* устроена въ середкѣ?

— Нѣтъ, пружины нѣту, а *импелз* дѣйствуетъ.

— По этому опасно стоять передъ пушечнымъ отверстіемъ? спросилъ Мендель.

— Безъ сомнѣнія, опасно, отвѣчалъ Пэрецъ.

— Ну, какъ же это? А если, напримѣръ, китаецъ не хочетъ стоять противъ отверстія?

— Помилуйте! отвѣчалъ Пэрецъ съ негодованіемъ.—Условіе положено, чтобъ онъ непременно стоялъ.

— Ну, а если онъ все-таки не хочетъ? запальчиво спросилъ Мендель, сдѣлавъ энергическое движеніе головой и руками.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ спокойно Пэрецъ: — два англичанина его держать.

Противъ этого аргумента ужъ не могло быть никакого возраженія и Мендель, задумавшись о невыгодахъ и опасностяхъ войны, грустно опустилъ голову.

II.

«Пушки! пушки!... Кто это ихъ выучилъ такъ немилосердо грохотать?... И еще бы хорошо, какъ бы только грохотали, а то еще убиваютъ! и еще бы хорошо, еслибъ можно было спрятаться куда-нибудь,—пускай бы себя убивали неосторожныхъ; а то еще два усача тебя держать за руки, и заставляютъ ждать пока какой нибудь глупый гвоздь не вскочетъ тебѣ прямо подъ ложечку и — не прогнѣвайся! А жена и дѣти, бѣдныя, ничего не подозревая, сидятъ себѣ дома да ждутъ писемъ,—она, положимъ, очищаетъ бураки, а дѣти красятъ козла еишькою, или выдаютъ замужъ кошку; а тутъ вдругъ письмо съ черною печатью: «такъ и такъ, дескать, почтеннѣшая Гитель-Хава, мужъ твой Богу душу отдалъ; гвоздь глубоко зашелъ: нельзя было выдернуть.» И вотъ она бьется головой объ стѣну, ребятишки голосятъ, а тутъ всякъ—знай лѣзетъ себѣ подъ стойку да распечатываетъ штофы, или точитъ горьлку изъ бочки, забывъ послѣ завернуть кранъ,—и горьлка льется на полъ какъ вода какая-нибудь простая, льется, льется черезъ самый порогъ, а пьяные ящики изъ станціи припадаютъ къ землѣ, хохочутъ да потягиваютъ некупленное добро.... Страшно подумать! ногти синѣютъ отъ ужаса!... Нѣтъ, дѣлайте со мной, что хотите, только не ставте передъ пушечнымъ отверстіемъ!...

Эти печальныя мысли мимольтно представились Менделю, когда онъ, опустивъ голову, загнулъ одной рукой въ верхъ бороду и грустно дѣлалъ свои наблюденія надъ выставившимся ея кончикомъ.

Пока ребѣ-Мендель думаетъ, а Пэрець потягиваетъ остатки хваленной наливки, а Тила докармливаетъ мамзель Берту, а сорванецъ Пици показываетъ козу на стѣнѣ посредствомъ хитро-сплетенныхъ своихъ пальцевъ,—намъ не мѣшаетъ познакомиться съ молчаливымъ гостемъ, о которомъ мы уже имѣли случай намекнуть два раза.

Это былъ русскій мальчикъ, лѣтъ семнадцати, очень смуглый и очень курчавый. Онъ сидѣлъ за столомъ, сбросивъ съ себя свой демикатовою халатъ, что давало возможность видѣть красный ситцевый жилетъ, во всемъ его великолѣпнѣ, и даже часть мѣднаго гребешка, торчавшаго изъ кармана и прицѣпленнаго къ ленточкѣ, которая вѣроятно нѣкогда и гдѣ-то исполняла эту самую обязанность у карманныхъ часовъ. Серебряная серѣжка въ ухѣ молодаго человека показывала, что онъ нѣкогда пользовался материнскою заботливостью, а каріе живые глаза его удостовѣряли, что не разъ былъ ему мягъ чубъ отъ своихъ и чужихъ за проказы. Онъ казался выше ростомъ, чѣмъ

бы по лътамъ его слѣдовало, и на красивой верхней губѣ его даже пробивалось уже нѣсколько черныхъ очень нѣжныхъ волосковъ; но по его обнаженной шеѣ, гибкой, продолговатой и круглой, какъ правильный цилиндръ, можно было видѣть, что онъ еще не совсѣмъ сложился и что въ будущемъ онъ общается быть статнымъ молодцомъ. Подлѣ него лежала толстая палка, къ которой была привязана пара сапоговъ и небольшая котомка, заключающая въ себѣ скудный багажъ его.

Онъ сидѣлъ, опершись обѣими локтями на столъ, и мялъ въ пальцахъ крохи хлѣба, оставшіяся на столѣ отъ его невзыскательнаго ужина. Хотя онъ ровно ничего не понималъ изъ разговора, веденнаго между трактирщикомъ и шарманщикомъ, однако онъ съ живостью слѣдилъ за ихъ движеніями, по временамъ ошупывая у себя что-то подъ жилетомъ, гдѣ скрывалась вещь, для него, вѣроятно, очень драгоценная. Веселая улыбка пробѣгала по его интересному и лукавому лицу, когда онъ на лету схватывалъ какое-нибудь слово, которое по звуку своему казалось страннымъ его непривычному уху. Онъ шопотомъ повторялъ это слово нѣсколько разъ, какъ будто испытывая, въ состояніи ли языкъ его пошевелиться на жидовскій ладъ. Хотѣлось бы ему очень знать, о чемъ толкуютъ эти люди, и онъ не разъ открывалъ ротъ, чтобъ какъ нибудь начать разговоръ съ ними, и даже, при испугѣ Менделя, съ умысломъ громко расхохотался, чтобъ какъ нибудь его разсердить и заставить заговорить къ себѣ по-русски; но несносный Мендель не удостоилъ обидѣться и продолжалъ свои разсужденія съ Пѣрецомъ по прежнему на своемъ нарѣчій, казавшемся молодому чело-вѣку *кочковатымъ* и *тряскимъ*, какъ замерзшая послѣ грязи большая дорога. Но когда Мендель погрузился въ свои мрачныя думы, а Пѣрецъ, за недостаткомъ собесѣдника, щолкалъ въ опорожненную бутылку и безъ цели глядѣлъ въ *туманную даль*, молодой чело-вѣкъ съ рывимостью встряхнулъ кудрями и принялъ эту минуту общаго молчанія за благоприятную для начатія разговора:

— А куда, землякъ, Богъ несетъ? спросилъ онъ шарманщика.

— Га? произнесъ Пѣрецъ опомнившись.

Мальчикъ повторилъ вопросъ.

— Далекю, любезный: отсюда не видать, отвѣчалъ Пѣрецъ чистымъ русскимъ языкомъ.

— Одначе, возразилъ мальчикъ, улыбнувшись и показавъ свои прекрасные бѣлые зубы:—одначе, спрось не бѣда...

«Эка зубы богатые», подумалъ Пѣрецъ, который очень часто страдалъ зубами и всегда говаривалъ, что онъ не завидуетъ ни князьямъ ни графамъ, а только тѣмъ, у кого здоровые зубы. «Вотъ зубы! отдаю

бы за нихъ свои бакенбарды, не смотря на то, что они въ последнее время надѣлали столько шуму между горничными въ Одессѣ.

— А тебѣ хочется очень знать? спросилъ Пэрець.

— Отчего-жъ бы и нѣтъ, отвѣчалъ мальчикъ.—Можетъ быть намъ одна дорога.

— А ты куда? спросилъ Пэрець.

— Скажи ты прежде....

— Нѣтъ, скажи ты прежде....

— Не скажу, пока ты не скажешь, отвѣчалъ мальчикъ, встряхнувъ головой и отчаянно вперивъ свои лукавые глаза въ шарманщика.

— Молодецъ! люблю! вскричалъ Пэрець, вставъ изъ-за стола и съ сомнительною твердостью въ ногахъ приблизился къ мальчику. — Люблю, повторилъ онъ, слегка ударивъ мальчика по плечу: — выдержалъ характеръ. Ты малой шельмовскій!... А выпьемъ пива?...

— Пожалуй, коли ты заплатишь, отвѣчалъ мальчикъ со смѣхомъ.

Пэрець подсылъ къ нему и, обнявъ его одной рукой, положилъ голову на столъ и сталъ его осматривать съ явнымъ любопытствомъ.

— Такъ я еще долженъ тебѣ заплатить, чтобъ ты пилъ мое пиво? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мальчикъ: — ты только заплати за пиво, а я ужъ буду пить.

— Да ты уменъ какъ попъ Семенъ, сказалъ Пэрець, любившій при случаѣ прихвастнуть своимъ знаніемъ русскихъ поговорокъ.—Эй, хозяинъ, пива намъ!

Мальчикъ съ жадностью выпилъ стаканъ холоднаго пива, которое, повидимому, очень ему понравилось.

— Ну, чтожъ, скажешь куда идешь? спросилъ онъ шарманщика.

— Да куда мнѣ къ нечистому идти, отвѣчалъ Пэрець:—какъ не въ Капшукѣ на ярмарку.

— Такъ оно и есть, возразилъ мальчикъ: — да и я-жъ туда.

— А! произнесъ Пэрець значительно.—А что ты тамъ будешь дѣлать?

— Самъ не знаю. Иду, авось потрафится счастье.

— А на что тебѣ счастье? и безъ него обойдешься.

— Обходился я безъ него вотъ ужъ два года, да шлоха штука, отвѣчалъ мальчикъ, грустно качавъ головой.

— Чтожъ ты будешь дѣлать въ Капшухахъ? спросилъ Пэрець, тронутый грустью мальчика.

— Что Богъ дастъ. Можетъ, какой купецъ прійметъ въ службу. Умью писать, и на счетахъ выкладывать, и прашпортъ есть годовой,

прибавилъ мальчикъ, показавъ висѣвшій у него подъ рубахой кожаный гаманецъ.

— Ну, братъ, мало-жь у тебя капитала для разживы, сказалъ Пэрець:—еще меньше моего: у меня хоть эта штука есть.

Онъ махнулъ головой на шарманку, лежавшую на противоположной скамьѣ.

— И у меня есть штука, возразилъ мальчикъ, смѣясь, и, взявъ со скамьи свою котомку, оставилъ передъ глазами Пэреца одинъ конецъ ея, изъ котораго выглядывала винтообразная головка скрипки.

— Какъ, неужели! вскрикнулъ изумленный Пэрець, который, таща съ малолѣтства на спинѣ шарманку, получилъ сильную симпатію ко всякому кто играетъ, и ко всему что играетъ. — Ты музыкантъ?

— Такъ себѣ, самоучка, отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, сказалъ Пэрець, паливъ стаканы мальчику и себѣ: — коли ты нашъ братъ музыкантъ, то не пропадешь.

Тутъ онъ такъ значительно махнулъ рукой и сдвинулъ бровями, что никто, кажется, безъ видимой опасности, не посмѣлъ бы оспаривать его мнѣнія.

— Какъ бы не такъ, отвѣчалъ мальчикъ: — не пропадешь!.. Не разъ колотили меня скрипкой по головѣ.

— А кто это смѣлъ? спросилъ Пэрець, съ важностью подвѣвъ голову.

— Были такіе, небось . . . . отвѣчалъ мальчикъ.

— Тсъ! произнесъ трактирщикъ, наклонившись къ окну, за которымъ раздались человѣческіе голоса и стукъ подѣхавшей повозки.—Молчите, кто-то пріѣхалъ!...

— А намъ какое дѣло! вскричалъ Пэрець, на котораго сильно началъ дѣйствовать тройной зарядъ, состоявшій изъ пива, наливки, и потомъ опять пива. — Эка важность... кто-то пріѣхалъ! Чортъ его побери, что пріѣхалъ!...

Онъ подперъ лицо своею широкою ладонью и оборотился къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ мальчику, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не обращать вниманія на того, кто пріѣхалъ.

— Не ругайся, дурню, раздался чей-то голосъ въ комнату: — а то зададутъ тебѣ такого, что и своихъ не узнаешь, какъ говорятъ французы....

— Ба! вскричалъ шарманщикъ, вскочивъ съ мѣста и схвативъ новаго гостя за руку. — Это ты, Сидоръ Ильичъ!... Ай, ай, ай! вотъ славно!

— Я, я, дружище, отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ, трясая за руку шарманщика. — Шеламляхъ, шеламляхъ, продолжалъ онъ важно, полагая

что очень правильно произносить это еврейское привѣтствіе.—И еще разъ шеламляххххъ, почтеннѣйшій *хрѣм* или *родька*, какъ тебя, я право забылъ....

— Пэрецъ.... отвѣчалъ шарманщикъ.

— Да бишь, *Пэрецъ*, отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ: — все забываю. Помню только, что ты называешься какимъ-то горькимъ именемъ.— А ты, почтеннѣйшій *Вензель*, продолжалъ, обращаясь къ Менделю, Сидоръ Ильичъ, имѣвшій особенное дарованіе коверкать имѣна:—дай-ка водочки, да хорошую булку, а жаркое у меня свое.

— Ну, садись же поталуемъ, Сидоръ Ильичъ, сказалъ Пэрецъ.— Въ Капшукі? а?

— Постою, отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ: — дай распорядиться прежде. Эй, Клима! крикнулъ онъ, открывъ окно:—кобылу отпряжешь послѣ; прежде внеси *ширму* и сундукъ, да желтый ящикъ, да *лоша* заверни въ свиту и внеси, да чамайданъ внеси, да уже и мазницу внеси, чтобъ ямщики на случай не уташили.... Слышишь, Клима!

Клима не отвѣчалъ.

— Тебѣ говорятъ, или нѣтъ, продолжалъ Сидоръ Ильичъ съ неудовольствіемъ. — Эка проклятый хохолъ, слова отъ него не добьешься. Слышишь что тебѣ приказываютъ, или надо непременно, чтобъ я тебя выругалъ.

— Та чую, отвѣчалъ грубый голосъ: — чую, ну!...

Сидоръ Ильичъ хрюкнулъ, сѣлъ за столъ, выпилъ водки, опять крикнулъ и, вынувъ изъ кармана складной ножъ, къ концу котораго было придѣлано, неизвѣстно для какихъ надобностей, большое мѣдное кольцо, разрѣзалъ булку и перекрестился.

Кто-жъ этотъ Сидоръ Ильичъ, бывшій такъ близко знакомъ съ Пэрецомъ и Менделемъ, знавшій что ямщики охотники до чужихъ мазницъ, имѣвшій въ своемъ обладаніи какое-то таинственное *лоша*, *ширму*, сундукъ, чамайданъ и суроваго Клима?

А вотъ мы его сей часъ отрокомендуемъ читателю.

Во-первыхъ, Сидоръ Ильичъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, сложенія болѣе нежели полнаго, и роста менѣе нежели средняго. Онъ имѣлъ круглое гладко-выбритое лицо, круглые глаза, круглый носъ и рудый подбородокъ въ двухъ экземплярахъ. Волосы его были сѣдоваты, подстрижены въ скобку и сзади подбриты, отчего румянная его шея имѣла пенельный оттѣнокъ съ глянцемъ. Рѣсницы у него были очень рѣдкія и короткія, а брови, за отсутствіемъ, подразумевались! Онъ былъ одѣтъ по дорожному, въ широкія шаровары изъ синяго демикатона, которыя были заткнуты въ длинныя голенища или *сблясы* его сапоговъ, достигавшихъ на вершокъ выше колѣвъ, и въ суконную

костю без рукавовъ, которая между малороссіянами имѣетъ особенную привилегію принадлежать къ костюму прекраснаго и непрекраснаго пола, и по своему покрою позволяетъ себѣ надвѣвать и беременной бабѣ, выгоняющей свою свинью въ *черидку*, и семилѣтнему мальчику, перебѣгающему въ зимній вечерокъ босикомъ, съ двумя покрывками въ рукахъ, черезъ дорогу къ сосѣду за *богатыемъ*. Поверхъ этой *кофты* Сидоръ Ильичъ имѣлъ обыкновеніе подпоясываться желто-краснымъ поясомъ, для здоровья, чтобъ не растрясти *кишокъ*, какъ онъ говаривалъ часто, ударяя себя въ животъ. Вся эти признаки явно говорили, что Сидоръ Ильичъ природный малороссъ; но онъ никогда въ этомъ не сознавался, а, напротивъ, бранилъ при всякомъ случаѣ хохловъ и, выдавая себя за человѣка чистой русской крови, уроженца Курской, а иногда и Витебской губерніи, (Сидоръ Ильичъ имѣлъ слабость полагать, что Витебскъ принадлежитъ къ великороссійскимъ губерніямъ,) называлъ себя Сидоромъ Гуцинымъ, хотя враги его узнали, что онъ назывался просто Гуца. Не смотря однакожъ на простоту костюма, въ которомъ предсталъ передъ нами Сидоръ Ильичъ, мы, по авторскому праву заглядывать въ чужіе чемоданы, увѣряемъ читателя, что въ *чамайданѣ* Сидоръ Ильича, составлявшемъ его гордость и величіе, окрывался синій суконный сюртукъ, галстухъ изъ зеленаго драдедаму, жилетъ всѣхъ семи цвѣтовъ радуги и еще кое-что иное прочее, что иногда превращало его въ человѣка отчаянно порядочнаго.

Во-вторыхъ Сидоръ Ильичъ былъ... хозяинъ кукольнаго *вертела*, остроумный толкователь похожденій *Черноморца*, укрощающаго лютую змѣю и, наконецъ, похищаемаго курносою смертью.

Онъ вѣшалъ въ Капшукѣ на ярмарку съ своими дивными актерами, которые, служа изъ одной любви къ искусству, не требовали жалованья, не просили ни зелья, ни питья, и имѣли прекрасную привычку лежать смиренно въ сундукъ, пока желѣзная воля ихъ повелителя не вызывала ихъ для жизни и страданій, на потѣху почтенной публики, имѣвшей удовольствіе заплатить за входъ по пятаку съ персоны.

Вошелъ Климъ, у котораго лѣвая нога на подобіе кочерги была вогнута внутрь, такъ что пальцы ея касались пятки правой. Онъ внесъ завернутое въ свиту *лоша*, или новорожденнаго жеребенка, которымъ кобыла подарила счастливаго Сидора Ильича утромъ того же самаго дня. Климъ, положивъ жеребенка на полъ и вынувъ изъ сапога рожекъ съ табакомъ, насыпалъ въ горсть извѣстную пропорицію, и втянулъ ее носомъ съ безспорнымъ искусствомъ.

— Будетъ буладый, произнесъ Климъ, у котораго носъ не давалъ

пропуска ни *ж* ни *и*, отчего эти буквы, желая обойтись безъ пропуска превращались въ *б* и *д*.

— Давай скорѣй желтый ящикъ съ съестнымъ, вскричалъ сердито Сидоръ Ильичъ: — я смерть ѣсть хочу!

— Будетъ *буладой басты*, продолжалъ Климъ, задумчиво осматривая жеребенка: — и здоровый въ *догаты*....

— Провались ты съ нимъ! вскричалъ взбѣшенный Сидоръ Ильичъ: — долго ли ты меня будешь мучить! Эка безтолковый, продолжалъ онъ, когда Климъ отправился за ящикомъ. — Ты ему приказывай, а онъ свое; сказано хохлацкая пащья!...

— Такъ ты въ Капшукя, Сидоръ Ильичъ? спросилъ шарманщикъ.

— Эгмъ... отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ, набивъ себѣ ротъ холодной бараниной изъ желтаго ящика.

— Вотъ и мы тоже, продолжалъ Парецъ:—и этотъ молодець туда же: скрипачъ, ей Богу!

Тутъ онъ ударилъ мальчика по плечу.

— Кто скрипачъ? живо спросилъ Сидоръ Ильичъ: — этотъ мальчикъ? неужто?... Давѣдъ это распрекрасно! Вотъ ужъ именно на ловца зверь бѣжитъ, какъ говорятъ французы!...

Дѣйствительно ли полагалъ Сидоръ Ильичъ, что такъ французы говорятъ, или это была особенная острота, которую онъ себѣ усвоилъ, — это покрыто мракомъ неизвѣстности; но достоверно то, что онъ часто взваливалъ свои поговорки на французовъ, къ которымъ питалъ особенную склонность, съ-тѣхъ-поръ какъ видѣлъ въ Одессѣ знаменитаго фокусника француза, проглотившаго живаго зайца.

— А я только и хотѣлъ, мои паштенины, продолжалъ Сидоръ Ильичъ:—разсказать вамъ мою печаль. Вѣдъ безъ музыканта остался, какъ безъ шпаги, ей, слово великое!

— Такъ уже вы Сидоръ *Илиевичъ*, не маете того хлонна, что на кларнетѣ у васъ гралъ? спросилъ Мендель.

— То-то, что нѣту-ти, отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ. — Вѣдъ отрашно какія бѣды со мною приключились! Вотъ *игралъ* я въ Одессѣ подъ качелями сряду три недѣли; ничего: публика осталась довольна. Я эдакъ, послѣ трудовъ, знаете, хотѣлъ, какъ обнаковенно, отдохнуть да погулять; и чтобы пойдти въ «Быструю рѣку», что на херсонской улицѣ!—и адобещтъ тамъ, что твой сантуринъ, и компанія теплая: все знакомцы, — а то занесла нелегкая въ Вавилонъ! Вывѣска проклятая подмадила. Знаете, эдакъ написано золотомъ: «Погребъ—Вавилонъ» а съ боку виноградъ, просто живой, а снизу подпись на семи языкахъ. Вошелъ—ничего, людно. Подали мнѣ какой-то виноградъ; ничего, и виноградъ; и сыръ отъишный, и огурцы чудеса. Пришла музыка, загре-

ла—пошли пѣсни, пляски, чудо! Подвернулись какіе-то усатые ребята, подѣли, разговорились, поподчивали меня, а у меня ужъ таки шумѣло въ головѣ, какъ говорятъ французы. Сѣли мы играть въ карты, въ три листа съ подходцемъ, а тутъ все подаютъ вино да закуски. Кончилось тѣмъ, что я остался безъ гроша; еще между нами и драка была; кого я приколотилъ, хорошенько не помню, а только проснулся утромъ на съѣзжей, съ большимъ фонаремъ подъ глазомъ.

Слушатели всѣ расхохотались.

— Да, хорошо вамъ смѣяться, продолжалъ безбровый Сидоръ Ильичъ: — а мнѣ-то каково было. Пришлось выхвать изъ Одессы — нечѣмъ выхвать. То-то говорятъ хохлы: *Одесса—песя*. Нечего дѣлать, продалъ я пристяжнаго и отправился на одной кобылѣ....

— Это все пустяки, замѣтилъ шарманщикъ:—чтожъ тутъ за бѣда? Вотъ я и вовсе обхожусь безъ кобылы.

— Какъ пустяки! возразилъ Сидоръ Ильичъ.—Не привыкла проклятая кобыла безъ пристяжнаго ходить, и норовъ получила: въ Куцой балкѣ чуть было не утопила меня. Да вѣдь это я все говорю, какая скверная весна мнѣ теперь далась. Въ Суходолѣ мой музыкантъ запыль; возился я съ нимъ долго, пока привелъ въ расудокъ; привезъ въ Кременчугъ и тутъ его въ солдаты взяли. А тутъ надѣ въ Капшуги, голова ты мая бѣдная! Одна только и надѣя, что на Трифона коновала, коли будетъ на ярмаркѣ; бойко, анахтыма, на торбанъ играть!....

— Ну, теперъ этотъ парнишко тебѣ и пригодится, сказалъ шарманщикъ, указывая на мальчика.

— А поступишь ко мнѣ? спросилъ Сидоръ Ильичъ мальчика.—А? какъ тебѣ, пантанный, зовоть?

— Антонъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Поступишь, что ли, Антоша? повторилъ Сидоръ Ильичъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ Антоша.—съ моимъ удовольствіемъ.

— Откуда-жъ ты, чтожъ ты, какъ ты и почему ты, какъ говорятъ французы? спросилъ Сидоръ Ильичъ, съ важностью оборотившись къ мальчику.

— Да вотъ меня хозяйнъ знаетъ, отвѣчалъ мальчикъ, указывая на Мешделя. — Я изъ Топтаевки. Отецъ былъ изъ Рассен и занимался кабацкимъ дѣломъ. Покойникъ училъ меня грамотѣ и рихметикъ: все прочилъ въ повѣренныя по откупу, да не дождался, бѣдный. Вотъ я послѣ его смерти, пошелъ на станцію въ писаря,—да что? толчковъ да нетасовокъ было много, а толку мало. Одна утѣха была скрипка; какъ заиграю «Лучинушку», или «Не шуми ты мать зеленая дубровушка», да слезами обольюсь, припоминаючи свое сиротство, вотъ и

все; — да и на это позволенія не давали; дескать лютяй я, шаромыжникъ. Я и бросилъ. Благо, есть билетъ годовой, да кое-какъ набралось у меня цылковыхъ пятокъ — я и отправился. Слышалъ я про кашуковскую ярмарку; говорятъ, народу гибель създается, авось и я добьюсь до чегонибудь. Вотъ и пошелъ.

— Какія же штуки играешь ты? спросилъ Сидоръ Ильичъ, закинувъ назадъ голову, съ видомъ чловѣка, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго или неизвѣстнаго въ мѣрѣ.

— Да разныя, отвѣчалъ Антоша: — вотъ, примѣромъ: «При долинушкѣ».

— Хорошо, перебилъ Сидоръ Ильичъ: — это пригодится при пляскѣ *мужика и бабы* въ моемъ вертепѣ. Далѣе?

— Ну «Не шуми ты мать»....

— Ладно; это когда смерть тащитъ запорожца. Еще?

— «Антовъ козу ведетъ»... «Цыганку»... «И шумитъ, и гудитъ»....

— Хорошо, хорошо. Это когда запорожецъ усмиряетъ змью и разъяжаетъ съ ней верхомъ. Ну-съ?

— Вальсъ-казакъ играю, и *лекосцьц* одинъ играю, знаете что ля-лядри-ля дри-та-та...

— Чудесно! Это когда жидъ съ жидовкой будутъ плясать.

— Знаю еще маршъ, да одно колѣно изъ матрадуры, да...

— Довольно! вскричалъ Сидоръ Ильичъ, махнувъ рукой. — Мнѣ только нужно для вертепа приличную музыку, а коли знаешь больше, то знай себя на здоровье. Ну какой же, Антоша, стало быть, уговоръ положимъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Антоша: — говорите вы.

— Хорошо. Жалованья теперь положить не могу, только подвода моя до Капшуконъ, и тамъ хватера и харчи моя. А коли увижу, что способности есть къ моему ремеслу, и все идетъ между нами въ ладахъ, тогда и за жалованье потолкуемъ. Такъ, что ли?

— Пожалуй.

— Ну такъ по рукавъ и за магарычъ. Эй, Вензель! дайте-ка намъ бутылочку спотыкача!

Антоша, непривычный до крѣпкихъ напитковъ, послѣ втораго стакана порядочно развеселился; онъ вынулъ изъ котомки скрипку и, желая показать свое искусство, началъ вызывать по одиначкѣ всѣ свои штуки, какъ чародѣй вызываетъ тѣни, находящіяся въ его обладаніи. Сидоръ Ильичъ, распоясавъ свою кофту, былъ въ особенно прекрасномъ расположеніи духа и, подымая то одну то другую изъ своихъ коротенькихъ ногъ, безпрестанно повторялъ: «Ну варварски играетъ, бестія!» при чемъ на лицѣ полупьянаго Пѣреца промелькивала легкая

улыбка, какъ бы говорившая: «много ты знаешь въ музыкѣ толку, какъ я вижу!» Въ промежуткахъ попойки Пѣрецъ часто подходилъ къ спавшей Тилъ и съ заботливостью матери, то поправлялъ ея изголовье, то прикрывалъ ее. Утомленная длиннымъ переходомъ, она скорчилась на широкой лавкѣ и обняла одной рукой лежавшую возлѣ нея обезьяну, ничуть не слыша шума и крика артистовъ, запивавшихъ магарычъ. Мецдель, сидя на лавкѣ, спалъ опустивъ голову на грудь: но сонъ его былъ безпокоенъ, потому что Антоша немилосердно пилялъ по струнамъ, отчего трактирщику мерещились пушки и китайцы, и онъ часто раскрывалъ глаза въ испугъ, бормача какія-то слова, вѣроятно не очень лестныя для музыкальнаго таланта Антоши. Въ дополненіе картины, кочергообразный Климмъ, сидѣвшій на дворѣ подѣ окномъ, надѣвъ на голову видлогу (капюшонъ) своей свиты, чтобъ защитить себя отъ ночнаго холода, вставлялъ въ открытое окно свое четырехугольное небритое лицо и звалъ полнымъ ртомъ на веселыхъ собесѣдниковъ. Эти звыки сопровождались очень страннымъ громкимъ иканьемъ, которое, казалось, въ состояніи было бы перевернуть всю внутренность у кого бы то ни было, только не у Клима; а за иканьемъ следовало страшное носовое шипѣніе весьма близко подходявшее къ звуку, издаваемому водой, когда она доходитъ до степени кипѣнья. Однимъ словомъ, казалось, что Климмъ, завидуя мастерству Антоши, самъ превратился въ инструментъ, но не пискливый какъ скрипка Антоши, а зывающій, икающій, шипящій и свистящій какъ локомотивъ, когда онъ на цыпочкахъ подкрадывается къ спокойно стоящимъ вагонамъ, чтобъ подхватить ихъ и унести съ быстротою урагана.

III.

Долго ли, коротко ли кутили наши пріатели — мы не знаемъ. До насъ только дошло то, что шарманщикъ, какъ пѣшеходъ, спѣвшій на ярмарку, проснулся за долго до солнечнаго восхода, и отправился въ дорогу съ своею маленькою спутницею. А Сидоръ Ильичъ, за котораго спѣшить обязана была его кобыла, проснулся уже не рано и долго отплеывался, не извѣстно отчего: отъ слотыкача ли, оставшаго по себѣ непріятный вкусъ во рту, или отъ лобзаній жеребенка, который, по несповѣдомости судьбы, очнулся въ объятіяхъ Сидора Ильича, очень удивившагося, при пробужденіи, что не голову свою, а ноги, нашелъ онъ на чемоданѣ.

Молчаливо и медленно шелъ Пѣрецъ, держа за руку свою павицу. Онъ былъ необыкновенно задумчивъ. Была ли тому причиной вчерашняя попойка, внушило ли ему какое-нибудь грустное чувство это бы-

ное дитя, худое, слабое, принужденное тащиться за нимъ изыщомъ, или прекрасное весеннее утро вселило въ него пріятную задумчивость, — кто можетъ это знать? А утро дѣйствительно было прекрасное. Зелень травы и деревьевъ, обмытая nocturnal влагой, дышала жизнью и почти ослѣпляла своею необыкновенною яркостью; отъ нея вяло прохладой, хотя воздухъ былъ совершенно неподвиженъ, какъ будто притаивъ дыханіе въ торжественномъ ожиданіи солнечнаго восхода. Вдали видились склоны невысокихъ горъ, на которыхъ вспаханныя черныя полосы были перемѣшаны съ зеленѣющими узкими полосами; а тамъ, у подошвы этихъ горъ, двигались темныя точки, то разсыпаясь, то сбиваясь въ сплошную массу, то медленно, то быстро, смотря по произвольному визгу и свисту пастуха, котораго издали не трудно было узнать по его длинной булавѣ. Мѣстами, поодаль отъ дороги, стояла какая-нибудь одинокая верба, разросшаяся, тѣнистая, подъ которой замѣтно было что-то черное. Это, вѣроятно, телъга запоздалаго провѣзжаго, который, подъ прикрытіемъ своего войлока, пріютился у вербы на ночь, пустивъ свою спутанную лошадь роскошествовать по зеленому полю. Какъ хороши бываютъ въ Малороссіи эти утренія картины, въ которыхъ нѣтъ ничего великолѣпнаго, поражающаго, но которыя простотою своихъ размѣровъ и тѣней навѣваютъ на душу тихое спокойствіе! Это не восхитительныя виды Андалузій, приводяшіе душу въ волненіе отъ избытка наслажденія, и не величественно-пустынные виды Аравіи, повергающіе въ уныніе отъ какого-то тягостнаго чувства одиночества; а скромныя виды, пропитанныя жизнью доброй матери — природы, отъ которыхъ вдыхается легко и сладко и которые въ состояніи заставить человѣка сказать чуть слышно: «да жизнь — дѣйствительно блаженство»!... Помнится мнѣ одно такое утро, давно, въ другіе годы, при другихъ условіяхъ.... Меня умчала лихая тройка ковей.... позади меня остался кто-то съ заплаканными глазами.... меня страшно щемило за сердце; а между тѣмъ это было мое счастливое утро!... Но это сюда нейдетъ.... Продолжаю.

И вотъ наши спутники все шли да шли, а утро все подвигалось впередъ и съ нимъ начало двигаться все то, что движется на бѣломъ свѣтѣ. Сперва засуетились галки и начали кружить цѣлыми стаями въ воздухъ; горделивыя аисты медленно расхаживали по полямъ, поворачивая во всѣ стороны свои длинные шеи, какъ франты на прогулкѣ. Солнце озарило свѣтомъ деревья, которыя, какъ бы гордясь своими позолоченными верхушками, начали бросать отъ себя колоссальныя тѣни, какъ все то, что пользуется чужимъ свѣтомъ. Съ появленіемъ солнца ночная тишина быстро исчезла. То раздавался от-

далекий лай собаки, варнаго страха какаго нибудь одинокаго хутора; то слышалось мычанье стада, выгоняемаго на пастбище изъ маленькой деревушки, спрятавшейся въ балкѣ; то вдали на большой дорогѣ мчался во всю скачь табунъ лошадей, спавившій на ярмарку съ своимъ табушникомъ—головорезомъ, которому пришла фантазія гнать лошадей сломя голову, чтобъ поразвѣять свое похмѣлье и насладиться топотомъ пятисотъ копытъ.

Ни одного слова не произнесли наши слутники между собой. Изрядка Пѣрецъ, какъ бы волнуемый какой нибудь мыслью и забывъ о ребенкѣ, котораго держалъ за руку, пускался быстрымъ шагомъ, и тогда Тила, опустивъ голову и глядя себя подъ ноги, подожкивала за своимъ вожатымъ; но вдругъ Пѣрецъ останавливался, и съ видомъ сожалѣнія вглядѣвшись въ дѣвочку, опять начиналъ свой изрядный грустный шагъ, который, казалось вовсе не шелъ къ его всегда быстрымъ и живымъ движѣніямъ. Мамзель Берта, опять одѣтая въ свой готическій чепчикъ, и имѣя на себѣ красный спенсоръ, тоже приторюнившись сидѣла на котомкѣ своего хозяина и при каждомъ разѣ, когда дѣвочка оглядывалась на нее, что случалось очень часто, обезьяна потряхивала головой и скалила зубы, что наводило улыбку на грустное лицо дѣвочки. Видно было, что дружба самая тѣсная связывала эти два слабыя существа, которыя оба равно лежали на попеченіи джюаго Пѣреца, оба всѣми силами старались быть ему въ помощь, и оба не слишкомъ заботились о цѣли своего путешествія.

Много народа спѣшило по дорогѣ на ярмарку мимо нашихъ пѣноходовъ, шедшихъ околицей. Сосѣдній помѣщикъ, развалившись въ своей плетеной бричкѣ съ дышломъ, въ которой, впрочемъ, впряжка была только тройка и то разношерстныхъ, курия изъ огромной трубки съ серебряною крышккой, и крутя по временамъ свой густой устъ, мечталъ о своихъ волахъ, выгнанныхъ на продажу, о ремонтерахъ убійственно затягивающихся вагштафомъ и мечущихъ качаловскій, о молодой женѣ своей, любящей до безумія качели и, наконецъ, (какихъ странныхъ скачковъ не дѣлаетъ воображеніе!) о плотной Химкѣ — коровницѣ, согнаной съ барскаго двора, за ея шельмовскіе глаза, какъ выражалась старая теща помѣщика. А тамъ, за помѣщикомъ, тянулася медленно огромная арба, нагруженная горшками, и хозяинъ этого добра, угрюмый малороссіянинъ, понукая воловъ, съ досадою припоминалъ, какъ въ прошлую ярмарку, какъ—разъ на этомъ мѣстѣ, какой—то сиверный человекъ, нагнавъ его, спросилъ: «А что, дядька, на мельницу везешь эти горшки?»... А за горшками тянулось повозки съ колесами и осями, и мазинцами, и керыгами, и лопатами, и бочѣнками, и баклагами. Или вдругъ раздавался звукъ двухъ коло-

кольчиковъ и крикъ верховаго, который нагайкой очищалъ путь бричкѣ на рессорахъ, застеганной фартукомъ и зонтикомъ на глухо, чтобы сидѣвшій въ ней ревизоръ питейнаго откупа, могъ на свободѣ обдумать свои убійственные планы о разсыропкѣ, подсылахъ и прекращеніи корчемства. И вотъ, колокольчики умолкли, пылъ скрылся съ глазъ ревизора съ его передовымъ, какъ скрываетъ она все великое въ юдоли сей, и опять настала тишина на дорогѣ, и только по временамъ раздавалось мистическое «цобъ—цоба» Богъ знаетъ откуда, потому что въ Малороссіи оно, кажется, виситъ въ воздухѣ. — А наши путники все шли да шли.

Наконѣцъ, послѣ трехчасовой ходьбы, они достигли гати, известной въ тѣхъ мѣстахъ подъ названіемъ Лисьей-Гребли. Помѣщикъ на вѣчныя времена назвалъ гать свою этимъ именемъ, потому что подъ нею онъ затравилъ лисицу, послѣ трехлѣтней постоянно неудачной охоты. Подъ Лисьей-Греблею разстилалась зеленая поляна, среди которой возвышался рядъ прекрасныхъ молодыхъ дубковъ, изъ-за которыхъ выглядывалъ колодець съ своею длинною шейю и полуразрушившимися корытами. Тутъ Пѣрецъ вздумалъ сдѣлать приваль.

— Здѣсь позавтракаемъ и отдохнемъ, сказалъ онъ, поставивъ свою ношу подъ деревомъ.

Лицо дѣвочки просіяло. Она побѣжала къ корыту, чтобъ обмыть лицо и руки, по временамъ толкая въ маленькія, образовавшіяся вокругъ корыта, лужи мамзель Берту, которая кувыркалась и прыгала ей на спину.

Завтракъ былъ не долгій и не затѣйливый. Черный хлѣбъ и нѣсколько луковицъ съ солью, и полная горсть малороссійскихъ ореховъ, изъ которыхъ нѣсколько досталось на долю обезьянъ, — утолили голодъ нашихъ путешественниковъ.

— А что, дѣвка, будемъ писать, или нѣтъ? спросилъ Пѣрецъ, когда, окончивъ завтракъ, онъ началъ набивать свою коротенькую трубку.

— Будемъ, отвѣчала Тила, вытаскивая изъ кармана маленькую тетрадку сѣрой бумаги и карандашъ.

Она скинула свою плисовую перелину, сложила ее нѣсколько разъ изнанкой вверхъ, положила на землю и, помѣстивъ на ней свою тетрадку, стала на колѣни, нагнувъ немного спину, вытянувъ впередъ шею и устремивъ глаза на Пѣреца, который, растянувшись на землѣ и облокотивъ голову на одну руку, важно приготовлялся дать свой ежедневный урокъ въ чистописаніи своей питомицѣ.

Обезьяна, привычная къ этимъ занятіямъ, приютилась у дѣвочки

нодь бокомъ, бросая свои быстрые озабоченные взгляды то на нее, то на Пэреца и цѣпляясь переднею лапой за бумагу.

— Ахъ, Берта, произнесла дѣвушка: — не мѣшай же. Ну, Пэрецъ, диктуй.

«Хорошо тебѣ говорить диктуй» подумалъ Пэрецъ, «а я просто не знаю съ чего начать. Вотъ и полгода вѣтъ какъ сталъ я ее учить писать и въ это время успѣлъ продиктовать ей всю мудрость, которую я почерпнулъ нѣкогда въ школѣ, отъ моего учителя, не выпускавшаго плети изъ рукъ. А злой былъ, варваръ: только и дѣло что или колотилъ по щекамъ, или по спинѣ...»

Пэрецъ замечтался о своей юности.

— Ну же, Пэрецъ, повторила дѣвочка нетерпѣливо.

— Гмъ произнесъ Пэрецъ.—Просмотримъ сперва содержаніе прежнихъ уроковъ. Читай.

Тила, заикаясь и повторяя каждое слово по нѣсколько разъ, прочла нѣсколько строчекъ, содержаніе которыхъ заключалось въ томъ, что сынъ уведомляетъ отца о своихъ успѣхахъ въ наукахъ и о томъ, что учитель его «съ помощью Божьею» [прилагаетъ о немъ сильное стараніе.

— Ну, знаю, перебилъ Пэрецъ: — читай другое.

Тила начала читать другое письмо отъ другаго сына къ другому отцу, о томъ, что онъ, сынъ, отправился въ Бердичевъ для закупки разныхъ товаровъ, отъ продажи которыхъ ожидаетъ огромныхъ барышей.

— Слѣдующее! произнесъ Пэрецъ.

Слѣдующее гласило, что сынъ отправился въ Олмюцъ съ партією волковъ, которые дадутъ чистой прибыли по крайней мѣрѣ червонецъ отъ головы.

Пэрецъ заставлялъ дѣвочку перечитать всѣ письма и всѣ они были отъ сына къ отцу, всѣ почти одинаковаго содержанія, потому что въ нихъ только и говорилось, что о школьныхъ успѣхахъ или о торговыхъ предпріятіяхъ.

«Чертъ возьми!» подумалъ шарманщикъ: «вотъ вся мудрость, которую я вынесъ изъ школы. Къ чему годится она мнѣ теперь? Да къ чему годилась она мнѣ тогда, когда я писалъ къ отцу, который уже не существовалъ, о дѣлахъ для меня совершенно чуждыхъ, потому что Олмюцъ съ своими волками и Бердичевъ съ своими товарами совсемъ не шли къ моимъ босымъ погамъ и пестрядевому халату, который ежегодно мнѣ спивало Общество Обученія *).»

*) Эти общества называются «Хебра талмудъ-тора».

И Тила, въ первый разъ прочитавъ за однимъ разомъ все эти судія письма, лишенные всякаго интереса, и, выкинувъ въ нихъ смыслъ, тоже задумалась.

— Отчего же все эти письма отъ сына, а не отъ дочери? спросила она Пэреца.

— Я дочерью никогда не бывалъ, душечка, отвечалъ шарманщикъ. — Учу тебя тому, чему меня учили.

— Отчего же отецъ никогда не пишетъ къ сыну? опять спросила Тила.

«Ну, пошли вопросы!» подумалъ Пэрець, котораго умное дитя не разъ ставило въ туникъ.

— А оттого не пишетъ, что не пишетъ, отвечалъ онъ. — Вотъ же отецъ мой ко мнѣ не писалъ, и твой къ тебѣ тоже.

Дзвочка грустно опустила голову. Каждое воспоминаніе объ отцѣ тревожило ея дѣтское сердце. Оно ей приводило на память мать, часто сквозь слезы говорившую объ отцѣ. Она припомнила то время, когда сидя на козляхъ у матери, выслушивала ея длинные рассказы о томъ, какъ сватался за нее отецъ, какіе подарки онъ ей присылалъ въ день свадьбы: бѣдная женщина, въ горькомъ своемъ одиночествѣ, облегчала грудь своєю разказами дочери-малюткѣ о такихъ вещахъ, о которыхъ та не имѣла понятія. Но эти рассказы запечатлѣлись на всегда въ дѣтской памяти. Тила живо представляла себѣ отца, молодымъ курчавымъ и высокимъ мужчиной, какъ его описывала мать, и каждый день, ощущая на себѣ ласки матери, живо воображала себѣ, что такъ ласкалъ бы ее и отецъ, еслибы онъ не былъ гдѣ-то далеко, за моремъ. Было однажды и что-то похожее на надежду, когда мать ея, сидя разъ пригорюнясь подъ своимъ маленькимъ окномъ, на вопросъ дитяти «Что ты глядишь мама?» отвечала: «Жду не идетъ ли отецъ». Долго думала тогда объ этомъ Тила и, свыкшись съ этой идеей, часто повторяла и божилась матери, что отецъ непременно скоро будетъ. Бѣдная женщина, полагая, что устами невиннаго ребенка говоритъ небо, сама вѣрила предсказаніямъ Тилы; но когда силы ея начали ослабѣвать, она неоднократно говорила дочери: «Дай Боже, чтобъ онъ воротился при моей жизни! чтобъ хоть тебѣ сдѣлать какое нибудь добро, если онъ мнѣ никакого не сдѣлалъ. А если онъ придетъ послѣ моей смерти, то тебѣ не будетъ никакой пользы: онъ тебя не знаетъ. Онъ можетъ встрѣтиться съ тобой на улицѣ и пройти мимо, или, еще хуже, бросить тебѣ копейку милостыни, бѣдная моя сиротка!» Теперь, со смертью матери, всякая надежда погибла. Ребенокъ трепеталъ при видѣ каждаго мужчины, хоть не много походившаго на его идеаль, который онъ себѣ составилъ о

своимъ отцу. Сколько разъ, на ширюшкахъ въ погребкахъ, когда за полтину серебра Пэрецъ нанимался на три часа играть на шармангѣ и давать свои представленія, бѣдная дѣвочка послѣ утомительныхъ своихъ штукъ съ обручемъ, бывало вглядывается въ ширюшки! И если какой нибудь гуляка, довольный тѣмъ, что она провзла сквозь обручъ съ стаканомъ воды на лбу, не проливъ ни одной капли, броситъ ей мѣдную монету, съ восклицаніемъ: bravo, чертенокъ! какъ бывало забьется ея маленькое сердце: не обываеся ли предсказаніе матери, не отецъ ли бросаетъ ей теперь подаваніе! И она, пританувъ дыханіе, прислушивалась къ разговорамъ этого гуляки, не пророкитъ ли онъ хоть слово о родимомъ ея городѣ, о ея матери, о чемъ нибудь похожемъ на печальную ея повѣсть. Ни слова! Это чужой, и вчера былъ чужой, и завтра будетъ чужой! И ребенокъ бросался на свою постель, измученный бессонницею и грубыми сценами пьянства, и, заглушая свои рыданія отъ Пэрца, засыпалъ, видя во онъ свою искудалую, бѣдную мать и стройнаго курчаваго отца.

Слезы капали на бумагу, лежавшую передъ Тилой. Пэрецъ, любившій дѣвочку со всею силою своего простаго грубаго сердца, всегда уважавшій ея слезы, на которыя онъ смотрѣлъ какъ на необыкновенную дань ея круглому сиротству, далъ ей свободу плакать, а самъ между тѣмъ придумывалъ какое бы новое дать содержаніе теперешнему уроку. Въ первый разъ въ жизни онъ ломалъ голову надъ писемомъ, потому что до того никогда ему не приходилось писать писемъ. Въ школьные образцы его истощались и надоели ему порядочно. Ему, наконецъ хотѣлось испытать свои силы на бумагѣ! на словахъ онъ былъ не промахъ, — въ этомъ онъ былъ совершенно увѣренъ.

— Зачѣмъ тратить время на слезы? сказалъ онъ: — лучше примемся писать, голубочка.

Въ его словахъ было столько доброты, и въ глазахъ его светилась такая нелицемѣрная привязанность, что дѣвочка, какъ бы потрясенная гальванизмомъ, забыла свое горе и сосредотчила все вниманіе на своего благодѣтеля, въ которомъ она нынѣ имѣла и отца и мать. Нетинное чувство дѣлаетъ всегда чудеса: ему не хотѣя вѣрить и вѣнуется взрослый, тѣмъ болѣе ребенокъ, еще незнающій, что голову и глазамъ всего чаще повелѣваетъ разумъ и что, по большей части, они выражаютъ совсѣмъ не то, что лежитъ глубоко зарыто въ душѣ.

Тила съ силой прижала карандашъ между тремя своими художескими пальчиками и, въ ожиданіи диктовки, воткнула его въ бумагу, въ которой навѣрное на томъ мѣстѣ образовалась дыра.

— Пиши, начал шарманщикъ: — «Дрожайшая моя сестрица Мариамъ».....

— Сестрица Мариамъ.... повторила дѣвочка.

— «Во-первыхъ увѣдомляю тебя, что я пользуюсь жизнью и здоровьемъ, въ какомъ....» Покажи!

— Дѣвочка поднесла тетрадку къ Пѣрецу, который началъ ее разсматривать. Любопытный видъ представляла эта небольшая группа. Дюжій Пѣрецъ, лежа растянувшись на землѣ, внимательно разсматривалъ бумагу, на которой чуть виднѣлись каракульки, написанныя слабою непривычною рукою. Обезьяна, обнявъ его длинною лапой, воткнула свою мохнатую морду въ письмо, чуть ли не съ такою же какъ самъ учитель глубокомысленностью, между тѣмъ, какъ ученица, сидя на корточкахъ не много поодаль отъ двухъ экзаменаторовъ, не опускала съ нихъ своихъ прекрасныхъ черныхъ глазъ, и кусая карандашъ, ожидала услышать свой приговоръ изъ устъ наставника и по временамъ улыбалась, глядя какъ суетилась и хлопотала Берта.

— Идетъ! сказалъ Пѣрецъ.—Есть немного ошибокъ, да кто же безъ нихъ? И самая моя шарманка тоже часто ошибается. Не такъ-ли, мамзель Берта? прибавилъ онъ, пустивъ огромную струю дыму изъ трубки въ мохнатое лицо обезьяны, которая прыгнула на два аршина вышины, въ знакъ полного своего наслажденія.—Ну, продолжай: «въ какомъ желаю видѣть тебя въ скорости, аминь!»

— Аминь! произнесла Тила.

— «Во-вторыхъ, даю тебѣ знать что мнѣ случается очень хорошая партія, именно дѣвица....»

Дѣвочка вопросительно остановила глаза на Пѣреца.

— «Дѣвица Малка, продолжалъ Пѣрецъ: — дочь господина Бецдета кагалнаго писаря, на которой я и думаю жениться....» Чтожъ ты не пишешь?

Лицо дѣвочки было блѣдно какъ полотно. Какъ окаменялая смотрѣла она неподвижно нѣсколько секундъ въ лицо Пѣрецу, и потомъ въ изступленіи вырвала изъ тетрадки исписанный ею листокъ и, разорвавъ его на мелкіе куски, громко зарыдала.

— Это что такое? спросилъ изумленный Пѣрецъ.

— Ничего. Я этого письма не допишу, отвѣчала Тила.

— А почему, хотѣлъ бы я знать? замѣтилъ Пѣрецъ съ нѣкоторою строгостью.

— А потому, что ты хочешь меня оставить и жениться на какой-то Малкѣ. Я умру!

Пѣрецъ засмѣялся.

— Ахъ, ты дитя, сказалъ онъ:—да это пропись, выдумка, больше ничего.

— Отчего-жъ не сказалъ ты: «на дѣвицъ Тыгъ?» спросила дѣвочка съ живостью.

Перецъ пристально поглядѣлъ на свою питомицу и началъ крутить усы.

— Положимъ и на Тыгъ, сказалъ шарманщикъ, въ раздумь, поднимаясь на ноги.—Положимъ, хмъ!...

Глаза дѣвочки ярко заблестали. Она подбѣжала къ Перепу, взяла его руку въ обѣ свои маленькія рученки и приложила ее къ своему лицу: это была ея привычка выражать удовольствіе. Прислонившись къ своему покровителю всѣмъ тѣломъ и выдвинувъ немного шею впередъ, она устрѣмила свои пылающіе глаза на Берту, которая сидѣла противъ нея на корточкахъ, мигала глазами и облизывалась. Дѣвочка разсказывала глазами обезьянъ о какой-то заветной своей тайнѣ; поздри ея слегка раздувались; сильно сжатые губы выражали что-то похожее на улыбку; какія-то неясныя тѣни носились въ умѣ этой дѣвочки, которой высокій лобъ и матовая блѣдность обещали много желаній и чувствъ въ будущемъ. Перецъ чувствовалъ подъ своей рукой жаръ, шедшій въ лицъ ребенка, и слышалъ бѣшенъ нежныхъ жилокъ въ ея щекѣ и шев. Онъ устрѣмилъ глаза на какое-то облачко въ углу небосклона, потряхнулъ головой, вздохнулъ глубоко и почти шопотомъ произнесъ: «Пора въ дорогу».

IV.

Если мы не польнимся и отправимся въ Капшуки на ярмарку, то намъ непременно нужно будетъ переходить черезъ мостъ, ведущій въ мѣстечко; а если мы не провалимся, — хотя провалиться и не опасно, потому что, по мѣстному сказанію, всю воду изъ рѣки перетаскалъ откушникъ къ себѣ въ подвалъ,—если не провалимся, потому что мостъ изъявляетъ нѣкоторую склонность къ разрушенію,—наконецъ, если не провалимся, говорю я, то мы не можемъ не замѣтимъ стоящій по правую руку постоялый дворъ. Такъ какъ гнилая цивилизація еще не проникла въ Капшуки, то постоялый дворъ обходится безъ всякой надписи. Торчащій на воротахъ шестъ, къ которому привязанъ клокъ сѣна, похожій на бороду одного трагического актера въ роль какого-то боярина, — удостовѣряетъ въ томъ, что сюда заѣзжаютъ люди, хотя это немножко странно, что кормъ лошадиный служитъ приманкой для людей. Что касается до внутренняго комфорта, то въ немъ не можетъ быть никакого сом-

нвѣня, послѣ того какъ вы снаружи усматриваете ставни на петляхъ, а вслѣдствіе того и окна, а вслѣдствіе оконъ, красныя, кругомъ ихъ полосы, съ зелеными рогами, въ родъ сосновыхъ ветвей, на какихъ-то рогахъ висятъ опять красныя шары, вѣроятно изображеніе яблокъ, которые именно похожи на красныя шары, считающіе просто *три*, если вѣтъ карамболя.

Постоялый дворъ кипитъ народомъ. Подъ просторными навѣсами стоятъ повозки, брички, коляски, и другіе экипажи, которыхъ имена до насъ не дошли. Извозчики и кучера суетятся около колодца, возвышающагося среди двора; одни поятъ лошадей, другіе уже наполнили, кто бранится за ведро, кто заигрываетъ съ молодницей, согнувшейся подъ ношей трехъ кулей соломы. Поодаль отъ колодца стоитъ одинокій возъ и возлѣ него лежитъ пара воловъ, съ философскою важностью истребляющая свой прекрасный завтракъ изъ душистой травы. На возу сидитъ мужикъ и, куря изъ коротенькой трубки, задумчиво глядитъ на толпу, собравшуюся около венгерца, который, стоя на колыняхъ, раскрываетъ свой волшебный ящикъ съ лѣкарствами отъ всѣхъ болѣзней. Мужика не прельщаютъ всѣ эти разноцвѣтныя скляночки, ни отдаленный гулъ ярмарки и мычанье коровъ и телятъ, ни выставки съ напитками, ни даже *сластенница* съ своимъ дымящимся лакомствомъ и лоснящеюся кофтой, ни сбѣтенщикъ-бородачъ, ничто, ничто. Онъ не пріѣхалъ на ярмарку ни продавать, ни покупать, онъ не составляетъ звена въ этой гремящей цѣпи. Онъ просто привезъ изъ деревни провизію для старой барыни, которая, располагая пробывать въ Кашукахъ цѣлыхъ три дня, признала заблаго привезти съ собой маленькій подвижной анбаръ со всякимъ добромъ, на погибель всѣмъ торговкамъ-живодеркамъ.

Между тѣмъ венгерецъ кричалъ:

— Купите, купите.... вотъ каплей одъ ломоть, одъ ноготьдъ.... одъ болѣйзни всякой... всѣ продамъ, себѣ ничего не оставлю, ей Богу!.. Скоро купите, а то пойду на ярмарктъ....

— А что, Степка, не купить ли? спросилъ дюжій кучеръ у своего сосѣда: — вѣдь на всякъ случай пригодится, — а теперъ благо есть денжата....

— Нешто, Савельичъ, купи, отвѣчалъ Степка.

— Какихъ же? произнесъ Савельичъ, почесывая за ухомъ въ недоумѣніи: — зубныхъ, аль глазныхъ, аль другихъ какихъ: вѣдь угадать трудно какая болѣсть нападеть....

— А вотъ, спроси у самого цесарца, отвѣчалъ Степка: — ужъ онъ надоумитъ.

— Эй, цесарець, вскричалъ Савельичъ, проталкиваясь сквозь толпу:—покажь-ка! Это какія?

— Вотъ одъ сухой волосъ каплей.... вотъ одъ гнилой зубъ... вотъ одъ мутный глазъ.... одъ грызоты.... одъ ломоты..... отвѣчалъ венгерецъ, безпрестанно трогая головки своихъ пузырьковъ. — А вотъ порошокъ одъ мазоль, одъ сухотки, одъ холеры....

— Стой! закричалъ Савельичъ не своимъ голосомъ. — Давай отъ холеры!

— Что ты? что ты? вскрикнулъ Степка, схвативъ его за руку:—зачѣмъ тебѣ отъ холеры? вѣдь холеры ужъ не будетъ?

— Какъ не будетъ? спросилъ Савельичъ.

— Да такъ не будетъ; не приказано. Давича рассказывала ключница Матвѣвна какъ сама слыхала господа читали, на газетахъ припечатано, выолали холеру за море къ персидскимъ басурманамъ, ужъ тамъ ей колдунь и сгнить....

— Ну, такъ давай отъ всѣхъ болзневъ вмѣстѣ, сказалъ Савельичъ рвшительно. — Есть у тебя, что-ль, какія?

— Есь, есь, господинъ мой, какъ же! отвѣчалъ венгерецъ, вынимая изъ-за пазухи пустой пузырекъ и обтирая его полотенцомъ. — Вотъ наліемъ одъ этой, и одъ этой, и отсюда три капель, и отсюда одинадцать.... продолжалъ венгерецъ, приводя въ исполненіе слова свои:—и еще укуснаго масла немножко.... и сахарной эсенць.... вотъ, готово, господинъ! рубль сорокъ капикъ за все....

Въ это время въ одной изъ комнатъ постоялаго двора, у раствореннаго окна, сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти, и курилъ трубку. Онъ былъ малъ ростомъ и худъ, и казался еще миньютюрнѣе отъ привычки горбиться и отъ черкесскаго архалука, небрежно имъ наброшеннаго вмѣсто халата, который, широко драпируясь около него, скрывалъ всю его талью и шею и позволялъ видѣть только маленькую головку и черные безпокойные глаза, свѣтившіеся какъ уголья. Еслибъ не черные усыки, освѣившіе его тонкія губы, его можно было бы принять за ребенка, такъ небрежно и дѣтски падали его густые волосы, на прекрасный гладкій лобъ, такъ кругло и бѣло было лицо его. Онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ затягивался безпрестанно дымомъ и, медленно выпуская его тонкою струей, устремлялъ по временамъ невнимательный взглядъ на венгерца съ его аптекой и толпу, вокругъ нея стоявшую. Казалось его не слишкомъ интересовало все то, что происходило за окномъ, и только при видѣ процесса составленія венгерцемъ универсальнаго лѣкарства, что-то едва похожее на улыбку на мигъ измѣнило грустное выраженіе его лица.

— Ахъ, назадъ тому годъ, сказалъ про себя молодой человекъ:— такъ бы вдыхалъ я въ себя свѣжій утреннй воздухъ, и такъ бы глядѣлъ я на эту занимательную сцену!

— Пожалуйте, Елисей Павловичъ, произнесъ кто-то грубымъ голосомъ, позади молодого человека:—самоваръ поданъ-съ.

— Тѣу ты, болванъ! вскричалъ молодой человекъ, затрясшись всѣмъ тѣломъ:— вѣчно грянетъ какъ громъ и перепугаетъ меня...

— Отчего же пугаться изволите, помиуйте-съ, Елисей Павловичъ?

— Вотъ, разсуждай съ нимъ, сказалъ Елисей Павловичъ, вставая со стула и сдѣлавъ жестъ рукой:—пойди рассказывай ему въ сотый разъ, что у меня нервы слабыя....

При этихъ словахъ, человекъ перепугавшй Елисея Павловича, махнулъ рукой, давая замѣтить, что это вещи уже давно извѣстныя и весьма пустыя,—и оборотился къ двери.

— Погоди, Иванъ, сказалъ молодой человекъ, удерживая его за руку.—Сколько разъ приказывалъ я тебѣ не называть меня Елисе-емъ Павловичемъ, а господиномъ Бубновымъ, или даже просто Бубновымъ, если тебѣ угодно?

Слуга молчалъ.

— Нѣтъ, скажи, Иванъ, сколько разъ, прошу тебя? продолжалъ молодой человекъ смягченнымъ голосомъ и почти сквозь слезы.

— Да разъ тридцать пять или и всѣ сорокъ будетъ, отвѣчалъ Иванъ хладнокровно.

— Зачѣмъ же ты меня такъ не называешь?

— Барыня не приказываетъ, сказала Иванъ.—Дескать, не любить, чтобъ его называли Елисеемъ, такъ стало быть досадно; а коли досадно, такъ дѣлай.

Молодой человекъ засверкалъ глазами какъ тигръ.

— А, барыня! вскричалъ онъ:—это она такъ распоряжается? Такъ иди же знаешь куда? и пригласи твою барыню туда же.

Иванъ, злобно улыбувшись, вышелъ изъ комнаты.

Бубновъ быстро сбросилъ съ себя архалукъ, и началъ одѣваться. Разныя принадлежности его туалета были разбросаны по всѣмъ угламъ комнаты, на самой почти серединѣ которой стоялъ небольшой открытый чемоданъ. Съ перваго взгляда чемоданъ могъ казаться довольно полнымъ, но при внимательномъ разсмотрѣннй оказалось, что это беспорядочность его хозяина придавала ему такой обманчивый видъ полноты, потому что все въ чемоданѣ лежало вверхъ ногами, скомкано и сбито. Бубновъ ворчалъ, одѣваясь. И безъ того невеселый отъ своихъ размышленй, онъ еще болѣе нахмурился, послѣ

объясненія съ лаксемъ, имѣвшимъ привычку, или наставленіе отъ кого-нибудь, разстранвать его нервы и звать его Елисеемъ,—самымъ ненавистнымъ для него именемъ.

— Вся съ радостью готовы дѣлать то, что можетъ нанести мнѣ огорченіе, говорилъ про себя молодой челоѣкъ. — Нѣтъ! пора кончить съ этимъ убійственнымъ учительствомъ здѣсь!... Гдѣ это мой галстухъ?... Ахъ, Боже мой!... прибавилъ онъ, опрокидывая стулья на скаку отъ угла въ уголъ, и торопливо заглядывая подъ столъ и за печку. — Гдѣ-жъ это мой галстухъ?... Боже мой, какъ это несносно!... Все противъ меня.... рѣшительно все: и баре и челять.... и даже.... проклятый галстухъ куда-то запропастился, чтобъ бѣсить меня!...

Онъ былъ въ сильномъ нервическомъ разстройствѣ; голосъ его дрожалъ, слезы блесгли въ глазахъ его, а руки шарили въ чемоданъ, безжалостно выворачивая и коверкая все, что въ немъ было. Наконецъ рука его выбросила изъ чемодана сапогъ. Бубновъ посмотрѣлъ себя на ноги и увидѣлъ, что только одна нога его была обута въ сапогъ, а на другой была туфля. Онъ сильно махнулъ ногой, туфля слетѣла съ ноги, ударилась о низенькій потолокъ, и оттуда съ силой упала ему на голову.

— Боже мой! вскричалъ онъ опять:—это мученье, а не жизнь! зачѣмъ родился я на свѣтъ!.... Отчего это все въ природѣ противъ меня?...

Онъ сѣлъ на чемоданъ и началъ натягивать сапогъ, но, почувствовавъ въ немъ что-то мягкое, съ испугомъ сорвалъ съ ноги полунадетый сапогъ, вскочилъ съ мѣста и съ силой началъ его вытряхивать; изъ него выпалъ галстухъ. Досада его прошла въ одну минуту; онъ разразился громкимъ смѣхомъ при мысли, что самъ въ разсѣянности захнулъ галстухъ въ сапогъ, а сапогъ въ чемоданъ. Бубновъ обладалъ самымъ страннымъ въ мірѣ характеромъ: малѣйшая бездѣлица могла его взбѣсить и разстроить и почти заставить плакать; но потомъ такая же бездѣлица заставляла его расхохотаться, и въ мигъ досада его проходила. Быстрота перехода отъ веселья къ досадѣ и на оборотъ въ этомъ челоѣкѣ вполне соответствовала быстротѣ его движеній, которыя имѣли въ себѣ что-то нечеловѣческое, такъ были они беспокойны и судорожны.

Онъ одѣлся скоро, пригладилъ волосы и немного успокоился. Рѣшившись отказаться отъ учительской должности въ домъ, гдѣ все наносило ему непріятности, онъ вошелъ твердою ногой въ большую комнату, гдѣ его ждали къ чаю.

— Насмлу-то! вскричала сидѣвшая за самоваромъ маленькая, сухая, черномазая женщина, лѣтъ тридцати пяти. — Зовешь, не дозовешься вась....

— Помилуйте, Пелагея Михайловна! началъ Бубновъ храбро; но Пелагея Михайловна не дала ему кончить.

— Какое помилуйте! вскричала она. — Вы знаете, Ивану Петровичу нужно рано на конную, и мнѣ... тоже... Миша, шалишь, Миша!.. закричала она громовымъ голосомъ на мальчика лѣтъ восьми, который, пользуясь начатою его маменькою рѣчью, тыкалъ свои два пальца въ чашку маленькой сестры, сидѣвшей съ нимъ рядомъ за чаемъ, и облизывалъ ихъ. — Вотъ, батюшка, полюбуйтесь на плоды вашего воспитанія, прибавила она, злобно взглянувъ на Бубнова.

Иванъ Петровичъ, т. е., почтенный сожитель сердитой барыни, сидѣлъ на противоположномъ концѣ стола, въ венгеркѣ со шнурками, туго застегнутой около шеи, отчего полное и румяное лицо его казалось еще полнѣе и румянѣе. На кончикахъ его рыжихъ съ просѣдю усовъ, висѣли бѣлыя капли, образовавшіяся отъ третьяго стакана — смѣси чаю, рому и сливокъ. Первые два стакана Иванъ Петровичъ всегда пилъ *безъ ничего*, по собственному его выраженію, для запаха; а третій стаканъ былъ уже для желудка и сердца. Его маленькіе, заплывшіе жиромъ глаза, съ ужасомъ созерцали Пелагею Михайловну и выражали удивленіе, какимъ это образомъ отъ такого невзрачнаго, мизернаго тѣла, происходилъ такой оглушительный крикъ. Онъ толкнулъ локтемъ сидѣвшаго возлѣ него старшаго своего сына, красиваго юношу семнадцати лѣтъ, съ улыбкой показывая на оторопѣвшаго и поблѣднѣвшаго Бубнова. Юноша опустил свои длинныя рѣсицы, погрузилъ глаза въ стаканъ и чуть слышно вздохнулъ.

— Садитесь же... отчего не садитесь за столъ? продолжала запальчиво Пелагея Михайловна. Она нывырнула изъ рукъ салфетку, зазвонила ложечками и стаканами, опрокинула полоскательную чашку, плюнула на долговязую Ганку, которая какъ-то подвернулась для услугъ, сложила руки на груди, опрокинулась на спинку стула, на которомъ сидѣла, и съ презрѣніемъ поглядѣла на Бубнова, а потомъ на мужа.

— Чего вы улыбаетесь, Иванъ Петровичъ? спросила она, не опуская съ мужа своихъ глазъ и качая головой, что могло означать «болванъ ты, болванъ!»

— Я?... Пелагея Михайловна, отвѣчалъ мужъ, съ удивленіемъ: — я улыбаюсь?.. Вотъ еще!...

Все затихло. Кто вошедъ въ комнату въ это мгновеніе не позави-

довалъ бы семейному счастью помѣщика Ивана Петровича Самсыки? Патриархально предсѣдалъ онъ за завтракомъ на почетномъ мѣстѣ, съ обвѣхъ сторонъ сидѣли его дѣти: Жакъ, красивый юноша съ русыми кудрями и голубыми глазами; баловникъ Миша, у котораго вѣчно на кончикъ носа было черное пятно, отъ привычки водить носомъ взадъ и впередъ по столу; маленькая Галя, съ съточкой на головѣ и неминуемой золотухой, и, наконецъ, почтенная Пелагея Михайловна, супруга его, перлъ хозяйства и олицетворенный нѣжинскій огурецъ въ рассоль. А на ярмаркѣ для продажи были три матки съ слышимъ жеребенкомъ, воску, полотна и нитокъ много и шкуръ овечьихъ не малое количество. За все это предвидѣлись въ перспективѣ деньги; не говоря о томъ, что еврей-арендаторъ долженъ былъ тутъ же на ярмаркѣ заплатить *рату* за треть, а въ деревнѣ винокурня поправлялась и общала новые *источники благодати*, какъ выражался Иванъ Петровичъ. Все было хорошо, только то скверно, что самъ Иванъ Петровичъ былъ ужасный трусъ, боялся жены, и оттого выходило, что и онъ нападалъ на несчастнаго учителя, изъ одного желанія угодить ей; а что она терпѣть не могла Бубнова—это было ясно какъ день и извѣстно всей дворнѣ, которая наперерывъ старалась быть одного мнѣнiя съ господами.

А было время когда Пелагея Михайловна очень жаловала учителя Бубнова, именно въ самомъ началѣ его всупленiя къ нимъ въ домъ. Тогда она часто улыбалась ему, и хвалила стихи его сочиненiя, — а что онъ сочинялъ стихи, это благоразумный читатель уже могъ предвидѣть изъ обстоятельства, случившагося съ туфлей, сапогомъ и галстухомъ. Да, неопытный юноша, къ несчастью, писалъ стихи, въ которыхъ преобладала грусть, вполне соответствовавшая его бездомному положенiю въ свѣтѣ. Въ его звучныхъ строкахъ говорила его больная, дѣтская душа, которая отъ грусти и плача дѣтскаго вдругъ переходила въ страсть и напряженную силу. При чтенiи подобныхъ мѣотъ, онъ то краснѣлъ то блѣднѣлъ, грудь его вздымалась высоко, а глаза метали искры. Къ сожалѣнiю, мало олушателей сочувствовало ему, когда онъ расточалъ передъ ними свои задушевные думы; только одна Пелагея Михайловна заглядывалась на его гладкiй лобъ и черные глаза и иногда мысленно говорила: «какой онъ интересный мужчина, ей Богу! ужестъ!» — Бубновъ готовый увлечется всякою новостью, только что привхавшiй въ деревню къ Самосыкамъ, съ свойственною ему пылкостью, принялъ ее за приетанъ отъ минувшихъ буръ и неудачъ, о которыхъ онъ рассказывалъ не охотно и которыя старался забыть. Знали только, что онъ кручылъ сирота, и что до самаго окончанiя курса наукъ въ университетъ, онъ съ горемъ

но поламъ перебывалъ уроками и перенеской лекціи для богатыхъ студентовъ. Деревня, лѣсъ и поле сначала очаровали молодого человека, имѣящаго странную способность въ мигъ очароваться и разочаровываться. Семья, въ которую онъ пошелъ, ему казалась самою патриархальною и счастливою, только не много необразованною. У него родилась мысль смягчить ихъ деревенскіе нравы и онъ началъ съ того, что предложилъ Ивану Петровичу познакомить его съ исторіею, Пелагее Михайловнѣ читать стихи свои и чужіе, въ томъ предположеніи, что поэзія располагаетъ къ добру. Иванъ Петровичъ, обидившись, отвѣчалъ ему, чтобъ онъ читалъ исторію его дѣтямъ за то, онъ и деньги беретъ, а я-де не ребенокъ; а Пелагею Михайловну постаралась вздохнуть и отвѣчала: «ахъ стихи! я очень ихъ любила... сдѣлайте одолженіе.» И вотъ, вечерами въ комнату Жака раздавался гармоническій голосъ Бубнова, читавшаго вслухъ Пушкина, Лермонтова, и свои собственныя произведенія; онъ прекрасно читалъ и его глаза горѣли, и глаза Пелагеи Михайловны тоже горѣли. Бубновъ былъ въ чаду отъ новости своего положенія и отъ страсти получать, а можетъ быть и отъ ста рублей серебромъ, которые получалъ за треть впередъ, — никогда не случалось ему имѣть столько денегъ въ одно время; отчего бы то ни было, но онъ былъ въ шестипномъ чаду, отъ котораго въ одинъ прекрасный вечеръ его пробудило какое-то интимное полуслово и двумысленный толчекъ Пелагеи Михайловны. Бубновъ прозрѣлъ и запряталъ свои стихи на самое дно чемодана. Его восторгъ мгновенно упалъ ниже точки замерзанія и, привыкнувъ вѣчно предаваться крайностямъ, Бубновъ возненавидѣлъ свою должность и сталъ оказывать явное презрѣніе Ивану Петровичу и Пелагее Михайловнѣ. Съ-тѣхъ-поръ началось его гоненіе.

— А что, Елисей Павловичъ, оказалъ Иванъ Петровичъ: — вѣдь Миша въ самомъ дѣлѣ, то есть, весьма дурнаго поведенія! за чтожъ вы берете деньги?

Бубновъ, вмѣсто отвѣта, откусилъ половину кренделя и хлѣбнулъ чаю.

— Хорошо вамъ отмалчиваться почтеннѣйшій, продолжалъ Иванъ Петровичъ: — а вѣдь деньги требуете, небось. Вотъ и Жакъ вчера мнѣ стыду надѣлалъ, что не взялъ бы съ васъ чѣмъ вы смотрите. Отецъ Петръ его спросилъ какую-то латинскую пословицу, а онъ только покраснѣлъ да и сказалъ, не знаю. Хорошо же вы учитесь почтеннѣйшій.

— Какая же это латинская пословица, папилька! возразилъ Жакъ. — Отецъ Петръ мнѣ сказалъ: *Medice, cura te ipsum*, — а мнѣ почему знать

что это такое? Онъ можетъ быть, самъ не много болѣе этого знаетъ по-латынѣ.

— Положимъ, отвѣчалъ отецъ.—Ну, а зачѣмъ же ты увѣрялъ, что правитель Парагвая, докторъ Франсіа, не докторъ, тогда какъ его вездѣ называютъ докторомъ, даже и въ Сѣверной Пчелѣ....

— Разумется, не докторъ медицины, сказалъ Жакъ.—Слово «докторъ» значитъ ученый; докторовъ разныхъ есть, напримѣръ, докторъ правъ, докторъ богословія....

— Полно, такъ ли? спросилъ отецъ взглянувъ на учителя.

— Совершенно такъ, отвѣчалъ Бубновъ.

— Вотъ ужъ у кого добьешься правды! язвительно замѣтила Пелагея Михайловна.

Бубновъ презрительно улыбнулся.

— Вы до того переполнили мою горькую чашу, грустно сказалъ онъ:—что я ко всему привыкъ. У васъ нѣтъ разницы между Иваномъ, Гапкой и учителемъ дѣтей вашихъ. Богъ съ вами!

— Эка, угнетенная невинность, сказала Пелагея Михайловна:—чтожъ вы за вельможа такая, скажите на милость?

— Будто только вельможи люди? отвѣчалъ Бубновъ:—будто надъ несчастнымъ, неимѣющимъ ни родныхъ, ни крова, можно издѣваться сколько душъ угодно? Человѣкъ продающій свои услуги за деньги, по вашему, не достоинъ ни сожалѣнія ни уваженія.

— Поззія, почтеннѣйшій, поззія! воскликнулъ Иванъ Петровичъ, разразившись громкимъ смѣхомъ.

— Да, поззія, отвѣчалъ Бубновъ,— и у него навернулись слезы на глазахъ.—Цѣлая бездна поззіи, высокой, божественной, въ любви къ своему собрату. Это поззія, которою прочувствовались не многіе, хотя она и вертится на языкѣ каждаго.

Онъ сгорбился и задумчиво опустилъ голову на грудь. Казалось, при этомъ общемъ вопросѣ, Бубновъ забылъ собственное свое горе: онъ замѣтался. Машинально началъ онъ вертѣть чайной ложечкой въ стаканъ; стаканъ кружился на блюдечкѣ, на которомъ стоялъ; блюдечко поскользнулось, упало со стола и повлекло за собою стаканъ; Бубновъ опомнился, хотѣлъ удержать паденье стакана и такъ неловко пагнулся, что задѣлъ головой полную по самыя края нелоскательную чашку, которая опрокинулась и залила весь столъ.

— Господи, спаси и помилуй! воскликнула Пелагея Михайловна, перекрестившись.

— Ну ужъ разиня! перервалъ мужъ, взглянувъ на Бубнова.—Скажите на милость, привыкнете ли вы когда быть вмѣстѣ съ людьми?

— Вотъ уже четвертый стаканъ разбиваетъ онъ въ это лѣто,

жалобно сказала Пелагея Михайловна. — Боже, Боже! когда избавлюсь я отъ этого уroda?

— Очень скоро, сударыня, отвѣчалъ Бубновъ утрово: — скорый можетъ быть, чѣмъ полагаете... даже сейчасъ, если угодно...

— Не страшайте ради Бога, сказалъ Иванъ Петровичъ:— было-бъ корыто...!

Жакъ поблѣднѣлъ при послѣднихъ словахъ отца и взглянулъ на учителя, который, остановясь среди комнаты, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и опустилъ голову, въ полномъ сознаниіи своего униженія и безсилія.

— Чтѣ со мною дѣлается? тихо произнесъ Бубновъ, взявшись обѣими руками за голову.— Точно ли мнѣ говорятъ такія вещи?

— Вамъ же, вамъ, сказалъ Самсыка насмѣшливо:— кому же какъ не вамъ?.. Не держитесь, почтеннѣйшій, за голову: не свалится, небось—слишкомъ пуста. Только поэзія какая-то, ха! ха! ха!.. Ну даль же я славнаго фука, продолжалъ онъ, вздохнувъ и почесавъ себѣ носъ:— что взялъ васъ въ учителя! Не приготовите вы, какъ я вижу, Яшу въ университетъ, нѣтъ!.. Вамъ все стишки сочинять тамъ о Востоку, что-ль, какомъ-то, да объ Индіи, да о греческихъ разбойникахъ, будь они прокляты! Вамъ вотъ, все эдакія финтифанты... Пффы!.. Тутъ Иванъ Петровичъ выразительно повертѣлъ ладонью передъ своимъ лбомъ, что по его мнѣнію должно было имѣть очень глубокой смыслъ.

— А амбиція, ов-ва! подхватила жена:— словно губернской предводитель, или графъ какой...

— А по мнѣ, коли нанялся, возразилъ мужъ:— то ужъ амбицію въ сторону, хоть будь не только графъ, но даже исторіо-графъ...

Иванъ Петровичъ, слышавъ или начитавъ гдѣ-то слово «исторіо-графъ», полагалъ, что это долженъ быть титулъ еще важнѣе графскаго. Ему казалось, что онъ выразился очень краснорѣчиво, и онъ съ торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ на Бубнова; но тотъ, вмѣсто глубокаго уваженія къ оратору, расхохотался какъ сумасшедшій.

Иванъ Петровичъ, обиженный этимъ неуваженіемъ къ себѣ учителя, сдвинулъ брови, а у Пелагеи Михайловны чепецъ уже остановился на бекрень: новая буря готова была разразиться; но въ это мгновеніе, совершенно неожиданно, раздался подъ окнами звукъ шарманки, и тоненькій пискливый голосокъ пѣлъ:

«Вотъ милица тройка удало-о-о-о»

Вдоль па-дорожка столбово-о-о-й.»

Миша и Галя вскочили съ мѣстъ своихъ и начали хлопать въ ладоши, крича: «Папаша, мамаша!.. ахъ! позовите... ахъ! ахъ!» Задум-

чивый Жакъ вздохнулъ свободно, вѣроятно отъ удовольствія, что этотъ счастливый случай перерветъ ссору, которая, казалось, на этотъ день была упрямѣй обыкновеннаго и вовсе не хотѣла кончиться. На Бубнова, какъ на челоуька энергическаго въ высшей степени, перемичиваго и впечатлительнаго, эти неожиданные рѣзкіе звуки шарманки и странное произношеніе изъицы подвѣйствовали сильно и въ мигъ заставили его забыть непріятную сцену. Даже на Пелагею Михайловну эта «тройка удалая» повѣяла чѣмъ-то пріятнымъ, и хотя она не первый разъ слышала ее, однако именно въ это утро пѣсня эта напоминала ей что-то давно прошедшее, когда въ ранней молодости своей, она, Пелагея Михайловна, на ухарской тройкѣ ускакала съ кѣмъ-то, и была потомъ остановлена на седьмой верстѣ, и была потомъ покойнымъ папа увѣщиваема въ дѣвичьей отеческимъ образомъ... Ахъ, какъ сладостны воспоминанія молодости!

— Хорошо, сказалъ Иванъ Петровичъ, который спокойно дожевывалъ кусокъ ветчины и одинъ не поддакъ обаянію шарманки, потому что принадлежалъ къ роду непослушныхъ камней, не хотѣвшихъ плясать подъ дудку Орфея. — Отправимся, Пелагея Михайловна; уже давно пора. А вы, Бубновъ, займитесь тутъ уроками съ дѣтьми... или... или прежде... знаете... можно и зазвать, пожалуй, ась, Палапинька? чтобъ потышить дѣтей, какъ вы думаете?

— Можно отвѣчала жена. — Зовите шарманку, Елисей Павловичъ, пусть дѣти повеселятся; вотъ вамъ четвертакъ — расплатитесь. Ты, Гапка, смотри мнѣ — отъ дѣтей ни на шагъ... да моихъ чепчиковъ не примѣривать на свою глупую голову. Ты думаешь, я не знаю?... все знаю. А вы, господинъ поэтъ, прибавила она, вновь обращаясь къ Бубнову: — помните себя ваши дерзости. Отрекомендую я васъ хорошо... на весь уездъ распубликую... подъ землей отъ меня не спрячется... Узнаютъ небойсъ вашъ, милый нравъ.... А за стаканъ заплатите, будьте спокойны.

Бубновъ улыбнулся.

— Это мнѣ не новость, сказалъ онъ: — кажется цѣлый сервизъ числится за мной. А что касается до вашихъ рекомендацій, то я ихъ не боюсь: не достанутъ онъ туда, куда я намѣренъ отправиться....

— Достанутъ, почтеннѣйшій, сказалъ Иванъ Петровичъ: — то есть, еще какъ достанутъ! На то почтовое сообщеніе устроено въ государствѣ.

V.

— Уфффъ! произнесъ Бубновъ, качая головой и провожая глазами бричку, въ которой супруги отправились. Онъ долго еще въ задумчивости качалъ головой и щурился глаза, пристально поглядывая на Жака,

который забился въ уголокъ и опустилъ голову. Молчаливый и чрезвычайно робкій характеръ этого молодого человѣка всегда наводилъ на размышленія Бублова, Жакъ ничего особенно не любилъ и ничего особенно не ненавидѣлъ. Легкая улыбка часто озаряла его прекрасное и свѣжее какъ майское утро лицо, но еслибы вы хотѣли доискиваться причины этой улыбки, вы-бъ ея навѣрное не нашли, потому что, по-видимому, ея явленіе бывало совершенно случайно и безотчетно. Часто, когда Бубновъ объяснялъ ему какую нибудь сухую фразу изъ Салустія, или толковалъ объ одномъ изъ двадцати четырехъ источниковъ изобретенія, у Жака вдругъ мелькнетъ это странная улыбка, которая заставляла на цѣлые часы задумываться энергическаго учителя, доискивавшагося разумнаго смысла во всѣхъ малѣйшихъ изгибахъ человѣческой натуры. Почти годъ уже былъ Бубновъ вмѣстѣ съ этимъ молодымъ человѣкомъ, удивлялся его успѣхамъ и прилежанію, а не могъ составить себѣ о немъ яснаго понятія. Иногда гуляя при лунномъ свѣтѣ въ саду, объ руку съ Жакомъ, и упиваясь ароматомъ и пѣгой украинской ночи, Бубновъ предавался всей восторженности своей натуры, и, шагая съ одной планеты на другую, развивая, съ свойственнымъ ему жаромъ, всю необъятность мірозданья, онъ смотрѣлъ въ глаза своему спутнику и не находилъ въ нихъ ни какаго отвѣта. Бубновъ спускался на землю, перелеталъ моря и бездонныя пропасти Альповъ, описывалъ Италію, которую онъ никогда не надѣялся видѣть и куда стремились все его юношескія мечты, перемѣшивалъ свой рассказъ гармоническими стихами, на мѣстѣ импровизованными, о чудномъ небѣ этой страны, о ея пѣсняхъ, о ея судьбахъ, — и тотъ же безстрастный взглядъ Жака былъ отвѣтомъ на пылкое и поэтическое описаніе учителя. Онъ идіотъ, думалъ Бубновъ, и по цѣлымъ днямъ, выключая часы урока, убѣгалъ отъ него, боясь разсѣпать передъ чурбаномъ свои благородныя мысли. Но, иногда, когда невзначай до Жака долеталъ болѣзненный крикъ негодяя, котораго исправляли на заднемъ дворѣ отъ привычки рвать перья изъ крыль барскихъ гусей, или когда Пелагея Михайловна, браня коровницу за то, что «безрогая» перестала давать молоко, пожелаетъ ей, коровницѣ, опухнуть и лопнуть, съ ея мужемъ, свекровью, золовками и племянниками, — иногда при такихъ случаяхъ у Жака вырвался тихой вздохъ, и краска покрывала ему всю щеку: «Онъ чувствителенъ, благороденъ», говорила себѣ тогда Бубновъ: «чтожъ это, наконецъ, за мальчикъ такой? Идіоты не могутъ чувствовать и оскорбляться». Бубновъ никакъ не могъ понять Жака, а Пелагея Михайловна и Иванъ Петровичъ удивительно его понимали. Первая увѣряла, что ему въ дѣтствѣ приключился «переполохъ», отъ канальи кормилицы, вздумавшей на масля-

нидѣ натереть себѣ лицо мѣломъ; а отецъ говаривалъ часто: — «Яна у меня будетъ ученый... пуцу его въ мыдыщину.... онъ такой важный—весь въ меня... И я былъ бы ученымъ, да Наполеонъ Бонапартъ мнѣ помѣшалъ, какъ честной и благородный человекъ!» И теперь, взглядываясь въ лицо Жака, Бубновъ долго бы еще думать о странности его характера, еслибъ, наконецъ, легкій капшль, раздавшійся за окномъ, не пробудилъ его. Онъ дрогнулъ, встрепенулся и увидѣлъ передъ открытымъ окномъ рыжее и мохнатое лицо шарманщика, позади котораго пряталась худощавая и блѣдная дѣвочка, поминутно то опуская то поднимая свои испуганные глаза.

— Господа, что выехали изъ воротъ, сказалъ шарманщикъ, приподнявъ свой картузъ: — просили меня зайти сюда съ моею *компанією*

— Коли *прогнали*, то нечего дѣлать, отвѣчалъ Бубновъ насмѣшливо. — Пожалуйте-съ!

Шарманщикъ понялъ иронию Бубнова, однакожъ ни капли не смутился и не потерялъ своего артистическаго достоинства. Онъ только на пути отъ окна къ дверямъ успѣлъ замѣтить своей спутницѣ, чтобъ она ободрилась и что черноглазый маленькій господинъ долженъ быть очень хорошій человекъ. Ступивъ на порогъ, шарманщикъ громко произнесъ: «Голла, мамзель Берта!» и, съ быстротой молніи, наша знакомка, обезьяна Берта въ своемъ фантастическомъ костюмѣ, очутилась среди комнаты, къ несказанному восторгу Миши и Гали, которые прижались въ уголокъ и притамли дыханіе. Краснощекая Гапка, стоя возлѣ дѣтей, мелахолически сложила руки на грудь, при видѣ отчаяннаго прыжка обезьяны, и произнесла «От-се!» Маленькая Тила улыбалась развязности Берты и грозилась на нее пальцемъ, отъ чего та дѣлала гримасы, облизывалась, быстро вертѣла головой во все стороны и еще быстрымъ мигала глазами. Каждый разъ когда обезьяна устремляла пристальный взглядъ на Гапку, которая по своему дородству и краснымъ монистамъ дѣйствительно была самымъ презентабельнымъ лицомъ во всемъ обществѣ,—блѣдная дѣвушка вздрагивала, отплевывалась,—и бураковый цвѣтъ лица ея сгущался еще болѣе и переходилъ въ темно-синій. Она видѣла что-то зловещее въ этомъ сверхъестественномъ, по ея мнѣнію, существѣ, которое выпытываетъ глаза; вотъ-вотъ, думала Гапка, заговорить оно про черный боръ, про темный лѣсъ, про Лукьяна повара и про настоящаго виновника, оставившаго, на прошлой недѣлѣ, незатвореннымъ окно, выходящее изъ чулана въ садъ, что было причиной ночнаго посѣщенія собаки и уничтоженія цѣлаго конченаго гуся. Наконецъ, шарманка заиграла галопъ и Берта завертѣлась, какъ бышенная, купаясь будто въ красномъ пла-

мени, которое, отъ быстроты поворотовъ, образовали собой разрывающіяся поды ея краснаго сценисера. Дѣти хлопали въ ладони и хлопали, а Гапка незаметно перекрестилась и выбѣжала вонъ изъ комнаты, чтобъ опять не попасть подъ пытливыя взгляды обезьяны.

Когда танецъ окончился, Берта однимъ прыжкомъ очутилась на плечѣ Перца и спокойно услыха, вполнѣ сознавая, что добросовѣстно выполнила свой долгъ и что счарадъ дѣшла до ея пріятельницы, маленькой Тилы. Дѣвочка сперва запѣла какую-то извѣсто, слова которой, по своему обыкновенію, она немилосердо коверкала. Хотя Перцу, ея учитель музыки, и зналъ всегда, что произносимыя павицею слова, совсѣмъ не похожи на русскія, однако онъ объ этомъ не только не заботился, но даже находилъ въ томъ свою особенную выгоду, потому что не разъ ему случалось получать хорошую плату отъ молодыхъ господчиковъ именно за эти изуродованныя слова, которыя заставляли ихъ хохотать. И теперь было точно также. Бубновъ катался на полу со смѣху отъ этихъ странныхъ приемъ, изобретенныхъ извѣстцею, отъ важности шарманщика, стоявшаго съ выдвинутою впередъ ногой и закинутой назадъ головою, отъ уморительнаго вида Берты, которая задумчиво качала своимъ чепчикомъ съ одной стороны на другую, какъ качаетъ старушка, когда она печально слѣдитъ за дѣтскими играми и вспоминаетъ давно минувшіе годы. Все это имѣло въ распоряженіи слушателей къ веселости.

— Bravo! вскричалъ Бубновъ, когда пѣсня кончилась. — Не правда ли, Жакъ, очень хорошо?

— Очень, отвѣчалъ Жакъ, который никогда не приходилъ въ сильный восторгъ. — Только не понимаю, что это такое: Опи молодечника Василіса бой?

Бубновъ улыбнулся.

— Это должно быть:

Очи молоденкія

Веселятъ собой...

изъ «Краснаго Сарафана», отвѣчалъ онъ.

Перецъ величественно кивнулъ головою въ знакъ согласія на эту отвѣтъ Бубнова, и принялся передвигать вагъ.

— Прикажете подать полный стаканъ воды, сказалъ онъ. — А ты, Тила, *галломэ-маршур! Айнс, ундъ цвай, ундъ алс ди драй!*...

Дѣвочка остановилась среди комнаты и закинула назадъ голову, отъ чего ея лоснящіяся волосы свѣсилась назадъ и открыли ея гладкій лобъ, бѣлый какъ слоновою кость. Она поставила эмалею рукою себѣ на лобъ поданный ей стаканъ съ водою и сложила руки на груди съ видомъ рѣшимости и самоувѣренности. Гапка, болявно гля-

давила на все эти приготовления сквозь растворенную дверь, сильно начала беззастенчиво за участь стакана, но Бубновъ положилъ руку на сердце и несколько разъ кивнулъ служанкѣ головой, желая этимъ сказать, что онъ отвѣчаетъ за все послѣдствія. Шарманщикъ заигралъ какую-то мазурку и—представленіе началось.

Девочка пошла мѣрными шагами по комнатѣ, отбивая тактъ своими высокими каблуками, и, возвращаясь спиной назадъ, *плела ногами лапачи*, по техническому выраженію ея наставника. При третеймъ колъизъ мазурки, когда шарманка открыла передъ публикой все богатство своихъ звуковъ, Тила присанилась и начала выдѣлывать разныя на, на которыя мамзель Берта, какъ бы сочувствуя танцовкѣ, отвѣчала одушевленными прыжками на синевъ Пэреца. Публика была въ восторгѣ и уже готовилась разразиться рукоплесканіями; но Пэрець, пронзительнымъ свистомъ, остановилъ преждевременный энтузіазмъ. Девочка опять остановилась на среднѣхъ комнаты, сняла съ плеча обручъ и съѣла на полъ. Медленно продвѣла она сквозь обручъ одну ногу, потомъ другую, потомъ голову, такъ что онъ задержался у ней на шею, и въ такомъ положеніи стала качаться взадъ и впередъ. Стаканъ стоялъ у ней на лбу неподвижно и составлялъ фокусъ, на который были обращены все взоры. Она бережно выпутала свою шею изъ обруча, остановилась на ноги и обручъ упалъ на полъ, составляя заколдованный кругъ, въ которомъ стояла комедіянтша; но не выходя изъ этого круга, она быстро присѣла, подняла одной рукой обручъ; осторожно провела его вдоль по своему тѣлу до самой головы и потомъ граціозно бросила отъ себя въ сторону, такъ что онъ попалъ прямо на шею Пэрецу, который не переставалъ вертѣть свою шарманку, означая тѣмъ, что представленіе еще не кончилось. Девочка сняла со лба стаканъ съ водой и съ улыбкой показала его присутствующимъ, для удостовѣренія что ни одной капли не пролито. Наконецъ, она вынула изъ кармана серебряный пяточекъ: отыскала въ полу узкую щель, въ которую воткнула его, такъ что половина оставалась наружу. Остановившись близъ мѣста, гдѣ пяточекъ былъ воткнутъ, Тила медленно начала загибаться назадъ, пока не уперлась ладонями о полъ. Образовавъ такимъ образомъ изъ себя фигуру въ родѣ дуги, она съдвѣла нѣсколько круговъ на одномъ мѣстѣ, и потомъ глазомъ вытаскала пяточекъ изъ щели. Окончивъ это, она быстро остановилась на ногахъ, тряхнула своими черными волосами и глубокой вздохъ невольна вырвался изъ ея груди. Медленно подошла она къ Бубнову, съдвѣла реверансъ и показала ему свой прищуренный глазъ, въ которомъ торчалъ пяточекъ. Шарманка замолчала. Съ гордостью, смѣшанною съ какимъ-то сожалѣніемъ, глядя Пэрець

на свою шитолицу, покручивая одинъ усъ; а Берта, привычная къ этимъ представленіямъ и угадывая ихъ окончаніе, прыгнула давить на шею, стала ласкаться къ ней, тыкать подъ ея подбородокъ своею мохнатую морду и пощолкивать зубами. На языкъ Берты это вероятно означало, что она совершенно довольна искусствомъ своей подруги.

Дѣти обступили комедіантшу. Миша началъ оцѣщивать ея лобъ, какъ бы желая удостовѣриться нѣтъ ли въ немъ гвоздей, или чего нибудь другаго, что удерживало стаканъ отъ паденія, а маленькая Галя непременно хотѣла завладѣть пяточкомъ. Жакъ началъ расширивать дѣвочку какъ ее зовутъ, давно ли выучилась этимъ штукамъ,— и улыбался ея отвѣтамъ. Только одинъ Бубновъ, показавшій сначала такое рѣшительное намѣреніе веселиться, вдругъ пріунылъ. Онъ уже былъ такъ устроенъ, что отъ необузданной веселости переходилъ въ самую безнадежную грусть, и на оборотъ. Маниально расслабился онъ съ шарманщикомъ и, примѣтивъ на шеѣ дѣвочки изомненную косынку, онъ вынулъ изъ кармана новый шелковый платокъ, недавно присланный ему однимъ его другомъ изъ Одессы, и молчаливо подалъ его дѣвочкѣ. Она стояла неподвижно, опустивъ глаза, не рѣшаясь принять подарокъ.

— Отчего-жъ ты не берешь? спросилъ Пѣрецъ, вдвойнѣ радуясь и богатому подарку и тому, что онъ не обманулся, когда съ первыхъ словъ Бубнова, заключилъ, что онъ добрый человекъ.

Тяла взяла платокъ и обмотала его во кругъ шеи.

— Отчего же ты не благодаришь? спросилъ опять Пѣрецъ, укладывая на спину свою шарманку.

Тяла не трогалась.

— Благодари же, сказалъ Пѣрецъ нѣсколько сурово.

Дѣвочка начала утирать кулакомъ наверхувшіяся у ней слезы и едва слышно проговорила: «благодарю!»

— Хороша благодарность! сказалъ шарманщикъ въ сильной досадѣ.— Вотъ опять ни съ того ни съ другаго слезы... Боже мой, Боже мой! когда же перестанешь ты быть такой дикаркой, дѣвка?— Позвольте, сударь, прибавилъ онъ, обращаясь къ Бубнову:— мнѣ поблагодарить васъ за эту негодную дѣвчонку. Она еще не была въ свѣтъ... знаете? сирота... не получила ни какой деликатности... А вотъ, повезу ее въ Одессу, тамъ она сдѣлается умнѣе: Одесса, знаете, городъ шлифованный; тамъ и собаки воютъ на итальянскій манеръ....

Пѣрецъ улыбнулся своей остротѣ.

— А ты отправляешься въ Одессу? спросилъ Бубновъ.

— Да, хочу пробраться по маленьку туда, отвѣчалъ шарманщикъ.—

Надоела мнѣ эта глушь; никакой пользы нѣтъ, только что мозоли натираешь себя на рукахъ и ногахъ. Одесса славный городъ, прибавилъ онъ, слегка вздохнувъ:—бывалъ я тамъ часто, а теперь хочу поселиться въ немъ на всегда. Народъ тамъ музыкальный, знаетъ цѣну нашему брату; а тутъ что? просто необразованный климатъ, и больше ничего... Играешь иногда, играешь, по цѣлымъ часамъ, соберется цѣлая громада народу, а никто *разломаннаго* пятака не бросить. Только вы, право, мнѣ встрѣтились здѣсь такіе добрые. Желѣемъ всякаго благополучія! счастливо оставаться!..

Онъ вышелъ съ своею *компанією* и, проходя мимо окна, опять поклонился, и сталъ вертѣть шарманку. Бубновъ прислушивался къ ея ослабѣвшимъ вдали звукамъ, смѣшаннымъ съ дребезжащимъ пискомъ Тилы, и безпрестанно ерошилъ себя волосы пальцами, отчего можно было заключить, что кришкая дума занимала его.

— Что... вы вдругъ такъ приуныли? робко спросилъ Жакъ учителя, садясь близъ него.

Бубновъ поднялъ голову и посмотрѣлъ въ глаза своего ученика, въ нихъ свѣтилось то выраженіе участія и чувствительности, которое такъ рѣдко у него проявлялось. Подобныя явленія Бубновъ называлъ разумными минутами, и въ эти минуты пробуждать апатическую натуру молодого человека—онъ считалъ своимъ долгомъ.

— Развѣ не жалко смотрѣть на такое униженіе человеческого достоинства? сказалъ онъ.

— На какое? спросилъ Жакъ.

— На какое! гмъ, на какое! да вотъ на то, что мы недавно съ вами видѣли.

— Что же тутъ такого особеннаго?

— Вы спрашиваете, сказалъ Бубновъ, грустно улыбаясь.—Неужели вамъ не приходило въ голову, что эта бѣдная дѣвчонка тоже была чѣмъ нибудь дитятей, что и ее можетъ быть горячо прижимала къ себѣ трепещущая грудь, озаряла улыбка любви! Можетъ быть много было пролито слезъ объ ея участи, и много ночей не досыпала любящая мать надъ ея изголовьемъ. И вотъ она предназначена скитаться по блѣ-свѣту, не извѣдавъ радостей, которыя ощущаетъ дитя въ кругу себѣ подобныхъ дѣтей. Ея покровитель совершенно чужой для нея человекъ, который можетъ быть еще жестоко съ нею обходится; ея подруга — животное, предназначенное для равной съ нею участи, т. е. тѣшить людей...

Глаза Бубнова блистали ярко; въ щекахъ его всегда блѣдныхъ, заигралъ слабый румянецъ; все его маленькое лицо пришло въ движеніе и безъ словъ, однимъ только своимъ выраженіемъ, говорило, го-

ворило красноречиво, что въ этой груди огромный запасъ теплоты человеческой и благородной энергіи. Жакъ ему сочувствовалъ и съ видомъ полнаго удовольствія смотрѣлъ ему въ глаза.

— Тышить людей!.. продолжалъ съ горечью Бубновъ, какъ будто какое-то непріятное воспоминавіе было связано съ этой мыслью: — и люди за это платятъ гривенниками и пятальтинными, за которые покупаешь хлѣбъ и говядину, для подкрѣпленія, какъ говорится своихъ силъ, для чего? для новыхъ подвиговъ, для новой потѣхи людской, для свѣжей платы. Мммъ... какъ противно!

Онъ крѣпко ударилъ себя по лбу.

— Вотъ и я, Жакъ, продолжалъ Бубновъ: — почти годъ тышу нашего папеньку и маменьку, или скорѣе они потѣшаются надо мною, и платятъ мнѣ за то деньги. А я, гнусный человекъ, унижилъ себя до этого, тысячу разъ переносилъ оскорбленія, потерялъ свое человеческое достоинство, какъ потеряла эта бѣдная дѣвочка, которая ломаетъ и коверкаетъ свое тѣло въ угоду вамъ, мнѣ, Мишѣ, Гапкѣ и кому хотите.... Баста! я не занимаюсь съ тобой сегодня, Миша: можешь дѣлать что хочешь, и съ вами тоже, Жакъ. Полно. Довольно я переносилъ — не могу больше, на волю хочу: я увѣжаю отъ васъ.

Миша захопалъ въ ладоши отъ радости и стремглавъ бросился изъ комнаты.

— Вамъ у насъ было худо, сказалъ Жакъ, взявъ Бубнова за руку. — Увѣжайте: вамъ не мѣсто здѣсь.

Въ первый разъ Жакъ говорилъ съ такимъ участіемъ. Слезы на-вернулись у него на глазахъ и онъ крѣпко сжималъ руку своего учителя, который впервые сталъ понимать, что напрасно такъ долго ломалъ себя голову надъ характеромъ этого юноши. «Это просто долженъ былъ родиться добрый человекъ, думалъ Бубновъ: впечатлѣнія дѣтства и недостатки воспитанія не могли уничтожить въ немъ этого прекраснаго качества, но и не могли развить его на столько, чтобъ современемъ сдѣлаться самостоятельнымъ. Ни воли ни воспріимчивости, ни энергіи, ничего другаго нѣтъ въ этомъ молодомъ человекѣ, а есть одна природная доброта, которая спитъ и каждый разъ требуетъ пробужденія; ей нуженъ толчокъ, чтобъ ей выказаться на мгновеніе, а безъ того она глохнетъ, какъ душистая травка между репейникомъ. Вѣчно ему оставаться добрякомъ даже безъ собственнаго сознанія; и можетъ быть десятки лѣтъ довершать то, чего не могли сдѣлать первыя семнадцать, то есть затрутъ это маленькое зерно добра и останется автоматъ, машина, помѣщикъ, чиновникъ чего добраго, даже ученый, если ему порядкомъ набьютъ всякаго за-

пасу въ голову. Неужели есть такія натуры ва овътъ? Должно быть есть.»

— Вы говорите—худо, Жакъ, сказалъ Бубновъ послѣ этихъ размышлений:—взтъ, болѣе чѣмъ худо: невыносимо!

— А вы никогда ничего не говорили.

— Кому бы сталъ я говорить? да и зачѣмъ?.. Развѣ вы не бывали свидѣтелемъ безчисленныхъ оцѣнъ, подобныхъ сегодняшней утренней сценѣ, гдѣ такъ прекрасно выказался добрый и вѣжливый характеръ вашихъ родителей?

— Да, правда; и мнѣ бывало очень неловко при подобныхъ сценахъ: всегда чувствовалъ, что кровь бросается въ голову, да я забывалъ скоро и думалъ, что и вы тоже забывали.

— О, забывать не въ моемъ характерѣ, къ несчастію. Я много кое-чего не забывалъ изъ моей жизни, чего бы забыть хотѣлъ. Много чужихъ страданій у меня въ памяти, а то забыть еще свои!

— Чтожъ вы будете теперь дѣлать?

— Сперва разчитаюсь съ вашимъ папенькой, пошлою подводу въ деревню за моими вещами и книгами, а тамъ—маршъ въ дорогу!

Бубновъ сталъ самодовольно потирать себѣ руки отъ одной мысли, что освобождается скоро отъ не навистнаго ему мѣста. Онъ раскурилъ свою трубку и сталъ весело шагать по комнатѣ, глядя на носки своихъ сапоговъ.

— Маршъ, маршъ! говорилъ онъ самъ себѣ.—Маршъ впередъ, на встрѣчу жизни... Ты правъ, Сеня, милый добрый Сеня!...

— Что это за Сеня? спросилъ Жакъ.

— А, вы слышали... отвѣчалъ Бубновъ подыая голову.—Кто Сеня? это Семенъ Осколкинъ, мой другъ, мой искренній неизмѣнный другъ. Онъ живетъ въ Одессѣ... приглашаетъ и меня туда...

— Какъ, и вы въ Одессу? спросилъ Жакъ:—въ тотъ самый городъ, про который говорилъ жидъ-шарманщикъ?

— Да, въ тотъ самый. Вы слышали, что онъ говорилъ: славный городъ, а здѣсь климатъ необразованный, ха, ха, ха!... Вотъ я получилъ отъ Осколкина письмо... пишетъ—непременно прѣзжай.

— Бубновъ вынулъ изъ боковаго кармана нѣсколько бумагъ, между которыми отыскалъ небольшой пакетъ, и показалъ его Жаку; но тотъ, вѣроятно уже утомленный такимъ необыкновенно длиннымъ разговоромъ, бросилъ быглый взглядъ на пакетъ и молча отправился въ другую комнату, гдѣ лежала его учебная книга. Не обращая вниманія на безстрастіе Жака, къ которому онъ, впрочемъ, успѣлъ привыкнуть, Бубновъ съ любовью поглядывалъ на письмо друга, нѣсколько разъ повертѣлъ его въ рукахъ, нѣсколько разъ про-

говорилъ съ веселой улыбкой: «О, Сеня, Сеня, великій Семены!», что у него выражало самую крайнюю степень привязанности и удовольствія,—и потомъ присѣлъ къ столу, чтобъ въ десятый разъ прочитатъ это письмо, заключавшее въ себя слѣдующее:

«Милый и безмѣнный Елисей! (ты не сердись, дружище: мнѣ можно;) ты мой бубновый тузъ, медоточивый пѣвецъ страны Италійской и иныхъ!

«Какого черта лежишь ты тамъ въ захолустѣ, спрашиваю я тебя? Учительствуешь? да и тутъ ты можешь *практиковать ту же самую профессію*, какъ говаривалъ нашъ лекторъ нѣмецкаго языка. Поверь, что и здѣсь найдется довольно простяковъ, которымъ покажется, что ты дѣтей ихъ научишь чему нибудь, а спроси они у Семена Осколкина, такъ онъ имъ скажетъ, что ты прекрасная натура, благородный человекъ, поэтъ хотя еще ненапечатанный и врядъ ли когда-нибудь печататъ имѣющійся, — а ужъ что до учительства, такъ пассеъ и репассеъ тысячу одинъ разъ! Ты смѣешься? ну, хорошо: это здорово; а все-таки ты рѣшительно ни къ чему не годишься, кромѣ какъ въ друзья. Да это пустяки, а прѣзжай только. Будто всякъ человекъ дѣлаетъ то, къ чему онъ годится! Иной, напримѣръ, кривъ отъ природы, а преподаетъ логику; другой отлично подтасовываетъ карты, а подписываетъ протоколы и резолюціи; третій... да что третій? положимъ, я третій. Ты знаешь, я отлично правлю лошадами — помнишь какъ бывало наймемъ на целый день тройку и я мчу тебя въ Филиппово-село? А? Вотъ, былъ бы я значить хорошимъ кучеромъ, а совсѣмъ попалъ въ актеры. Ну, растолкуй, что это значить, о ты философъ и толкователь человечества! Еще въ университетѣ шпиговалъ ты себя Шеллингомъ, а въ деревнѣ я думаю сталъ настоящій соловей-разбойникъ въ философіи.

«А городъ братъ здѣсь чудесный! Съ позволенія сказать море, и луна, и морскіе раки (по два руб. сер. штука), и черноокія гречанки: и все то, что нужно вашему брату поэту для домашняго обихода. Апельсинами мости мостовую, фундуковъ никто въ руки не беретъ: ими кормятъ индѣекъ, а изъ лимоновъ жидовки варятъ борщъ. Жаль только, что здѣсь не курятъ *Жукова*, а къ басурманскому табаку я до сихъ поръ еще непривыкъ. Есть, братъ, здѣсь нѣкая рыба, глаголемая *кефали*, сирѣчь «голова» на греческомъ діалектѣ, ибо есть она глава и краса всего рыбаго народа. Ее готовятъ на двадцать одинъ манеръ, а если еще каждый манеръ запить ямайкой, то унеси ты мое горе, быстра рѣченька съ собой! Да вотъ прѣзжай скорѣе, ты прійдешь въ благородный восторгъ и первый же вечеръ напѣешься со мной до пьяна, хоть приходишь мнѣ тогда играть Угодною.

Аргорос! Есть у меня и славная компанія здѣсь: все тертыя штуки— вотъ самъ увидишь. Да какъ я по-итальянски отхватываю, изумленья просто. Впрочемъ, здѣсь одни только каплуны не говорятъ по-итальянски, а тѣ, что продаютъ ихъ, говорятъ, увѣряю тебя!— Да не забудь любезный другъ, что я квартирую въ испанскомъ переулкѣ, на углу, какъ разъ противъ манежа. Приѣзжай днемъ, а ночью не попадешь. А что я тебя такъ долго не писалъ, то это оттого, что я былъ влюбленъ въ одну голубую шляпку, и дотого сдѣлался дуракомъ, что въ два мѣсяца семь разъ оштрафовали за неявку къ должности... Коли захочешь, то раскажу лично всю эту исторію, а коли не захочешь, такъ не надо. До того же цѣлую тебя столько разъ, сколько устриць привезетъ завтрашній паруходъ изъ Константинополя, и говорю: прости, и помни обо мнѣ! Затѣмъ остаюсь съ пріятною моею наружностью, сидя на стулѣ, и имѣю честь по гробъ именовать, такъ какъ меня наименовали, т. е.

Семень Осколкинъ.»

— Ахъ!... Сеня-великій! проговорилъ съ улыбкой Бубновъ, прочитавъ письмо.— Тебѣ вездѣ хорошо... а я... чертъ его знаетъ что у меня за характеръ такой!.. Боюсь, что мнѣ суждено нигдѣ не уживаться... Впрочемъ рѣшено: я ѣду въ Одессу!...

VI.

— Пѣрецъ, можно спросить тебя о чемъ нибудь? сказала Тила шарманщику, когда они около полудня сидѣли на землѣ подъ отроющеюся палаткой, куда они пріютились для истребленія своего обѣда.

— Пожалуй, спроси, сказалъ ей Пѣрецъ.

— Отчего это не умью я благодарить? продолжала она, взявъ его за локоть и глядя ему въ глаза.

— Что это за вопросъ?

— Разумвется вопросъ.

— Я тебя не понимаю.

— Какъ же! сказала она нетерпливо:— отчего, сегодня утромъ, когда тотъ добрый баринъ смотрѣлъ на меня такъ ласково и подарилъ такой прекрасный платокъ, я стояла какъ каменная?

— А я знаю! сказалъ Пѣрецъ:— я тебя спрашиваю.

— А я тебя спрашиваю.

— Ну, когда хочешь, то я тебя скажу, Тила. Ты дурочка маленькая, и вѣчно у тебя въ головѣ этотъ.... этотъ....

— Отецъ, подхватила Тила.

— Ну, хорошо, отецъ, о которомъ нажужжала тебѣ покойная мать. И вотъ тебѣ все кажется, что ты нищая, что тебѣ даютъ подаише... это все мать тебѣ понабила въ голову, да простить ее Богъ!

— Ну, дальше, сказала дѣвушка.

— Дальше то, продолжалъ Пѣрецъ: — что въ тебѣ есть какая-то гордость—а это грѣхъ—вмѣсто благодарности за ласку или подарокъ, ты обижаешься. А чѣмъ же намъ жить, Тилочка, какъ не тѣмъ, что люди намъ платятъ за труды?

— За труды, говоришь ты, Пѣрецъ: а мнѣ все казалось, что это намъ даютъ такъ, изъ милости.

— Вотъ, видишь, то ты горда не въ мѣру, то ты ужъ унижаешь себя и меня черезъ-чуръ... Отчего изъ милости? Развѣ ты не поешь имъ пѣсень, не плясешь, не ломаешься? а я развѣ не тружусь, таща на себѣ эту ношу? Развѣ отъ этого люди не имѣютъ удовольствія? Изъ милости!.. вотъ еще!

Шарманщикомъ овладѣло благородное негодованіе. Ему даютъ изъ милости! Ему, который одинъ знаетъ сколько вѣсу въ этомъ неуклюжемъ ящикѣ, имѣющемъ еще какую-то проклятую особенность врваться своимъ острымъ краемъ въ бокъ! Ему, который одинъ знаетъ (но никому не говорить онъ этого), чего стѣбитъ цѣлые годы вертѣть рукой все съ одной и той же стороны, цѣлые годы постоянно слушать одно и тоже и не молить небо о глухотѣ! А она, бѣдный ребенокъ,—она такая худенькая, нѣжная, а сколько случается ей ночей недосыпать, сколько верстѣ дѣлаетъ она пышкомъ въ сутки; сколько разъ приходится ей измученной, усталой, съ просохшимъ горломъ пѣть веселія пѣсни! Прохожіе зѣваютъ, ничего не подозревая, другіе хохочутъ, находя звуки странными и невѣрными, — да, точно, она фальшивитъ—кто это знаетъ такъ вѣрно какъ онъ (Пѣрецъ при этой мысли гордо улыбнулся), но попросилъ бы онъ самую первую пѣвицу одесской оперы, при такихъ условіяхъ, пѣть вѣрно. Или можетъ быть бѣдной Бертъ даютъ изъ милости! Развѣ она не трудится, не истощаетъ силъ своихъ? А ужъ ей трудиться рѣшительно не предназначено: она рождена вольною птицей, далеко гдѣ-то за морями въ дремучемъ лѣсу, гдѣ растутъ эти прекрасные орѣхи—какъ бишь ихъ?—огромные, вотъ, что изъ одной половины можно сдѣлать суповую чашу... суповую... ахъ! супъ хорошій не мѣшалъ бы теперь, съ крупой да съ картофелемъ, что въ Польсѣ называется «крупникомъ»... а въ Польсѣ гадко... болота ужасныя, и лихорадка, и народъ неуклюжій,—какая разница между нимъ и народомъ черкесскимъ! вотъ ужъ красавцы! стройныя, гибкія, жаль только, что забіяки большіе.... да поклоняются своему Шамилю...

А отчего это въ Одессѣ напиться пьянымъ называется: отправиться Шамиля ловить?...

Пэрець глубоко задумался надъ этимъ важнымъ вопросомъ и лънливо дождавъ свой жареный судакъ.

— Ты сказалъ, что отъ нашихъ трудовъ люди имѣютъ удовольствіе, начала опять Тила: — а вѣдь тебѣ больно все вертѣть да вертѣть, да и мнѣ больно ломаться.

— А! произнесъ Пэрець, поднявъ голову: — ужъ что больно, такъ ты никому не говори: не поможетъ.

— Почему же то, что намъ больно, доставляетъ другимъ удовольствіе?

— Почему? гмъ... да такъ.

Дѣвочка замотала головой.

— Нѣтъ, ты не знаешь, сказала она.

— А ты знаешь? спросилъ Пэрець.

— Нѣтъ, не знаю... и ты не знаешь, и мама тоже не знала... Помню, задумчиво продолжала Тила, лаская Берту, которая лежала у ней на рукахъ, мордой вверхъ, и какъ балованный ребенокъ качалась съ одной стороны на другую: — помню въ Лудмиръ, гдѣ мы жили, на дворѣ была школа. Мальчики кричали весь день: все учились; а учитель съкъ ихъ больно. А когда вынустятъ ихъ на часъ погулять по двору, то тотчасъ и карабкаются къ намъ на крышу, искать воробьиныхъ гнѣздъ. Какъ жалко было смотреть! Найдутъ бѣдную птичку, слабенькую, голую, да хохочутъ, мнутъ ее въ рукахъ, рвутъ другъ у друга изъ рукъ, потомъ подерутся за полуживую птичку, и кончатся тѣмъ, что она задохнется въ пальцахъ какого нибудь буйна, и онъ броситъ ее, а драка все продолжается. Старые воробьи бывало прилетятъ, да кружатся-кружатся надъ гнѣздомъ, потомъ покружатся надъ мертвой пташкой, пощебечутъ, должно быть поплачутъ по своему, да улетятъ: а мальчишки все таскаютъ другъ друга за волосы. Я разъ спросила маму: что это за радость имъ мучить воробьевъ, которые имъ ничего худаго не дѣлаютъ? А она мнѣ говоритъ: «глухимъ мальчикамъ радость чужое горе». Ну, а зачѣмъ это такъ—она не сказала. Нѣтъ, и мама, должно быть, не знала...

— Подростешь, много кое-чего узнаешь, дитя мое, сказалъ Пэрець: — теперь пока довольно.... А, погляди-ка какой съездъ большой. Славная будетъ ярмарка! Вотъ, Тила, потрудимся здѣсь, чтобъ заработать немало денежокъ, а тамъ маршь въ Одессу.

— А зачѣмъ намъ въ Одессѣ деньги? спросила Тила.

— Зачѣмъ деньги?... Го, го, го! Во-первыхъ, деньги никогда не ищутъ; во-вторыхъ, въ Одессѣ нужно нанять квартиру, обзавестись;

а въ-третьихъ, до Одессы далеко: нужно будетъ кой-гдѣ и подводку нанять — тебѣ трудно такой дальній путь одѣлать пѣшкомъ.

— Съ тобой не трудно. Сначала мнѣ не нравилось, а теперь привыкла.

Пэрець погладилъ дѣвушку по головѣ.

— Умница ты моя, сказалъ онъ:—дай Богъ, чтобъ тебѣ всегда хорошо было со мной!

— Мнѣ очень нравится, продолжала Тила:—что тебя вездѣ знаютъ куда мы ни придемъ, и ты знаешь все, все на свѣтъ.... и никого не боишься. Правда, Пэрець, ты никого не боишься?

— Кого жъ мнѣ бояться? отвѣчалъ Пэрець, гордо покручивая усы въ полномъ сознаниіи своей безопасности. — Подати заплатилъ, билетъ есть....

— Нѣтъ, прервала дѣвочка, замотавъ быстро головой: — нѣтъ, не то.... Ахъ, Пэрець, какой ты, ей Богу! не понимаешь.... Ты не боишься ночью одинъ, а я ужасно боялась сначала ночью въ полѣ, когда мы переходили изъ одной корчмы въ другую. И теперь боюсь, да не такъ, а прежде я слышала какъ кто-то все бѣжалъ за мной.

— Это пустяки.

— Нѣтъ не пустяки, возразила дѣвушка шопотомъ:—мнѣ кажется, мама за мною ходила, такая блѣдная, блѣдная, въ бѣломъ саванѣ и въ однихъ чулкахъ.... такъ странно!

— Ты глупенькая!

— Бѣдная мама! похоронили и засыпали землею. А вѣрно ей было сначала жаль меня, она и выпросилась у могилы на время, чтобы слѣдить за мною. Я думала, что она пришла меня брать съ собой.... А взяла бы, такъ было бы лучше: меня такъ грызло въ сердцѣ.... такъ было жаль уходить все дальше отъ Лудмира.... уже никогда не видать маминной могилы....

— Оставь пустяки говорить, сказалъ Пэрець, у котораго слеза повисла на кончикъ уса, отъ трогательной болтовни его любимицы.

— Но это было все сначала, продолжала дѣвочка, грустно поднявъ глаза къ небу: — теперь мама уже не является. Только иногда снится мнѣ, что она мнѣ моетъ и чешетъ голову, или греетъ мои руки у себя въ пазахъ, какъ бывало она дѣлала, когда у насъ не чѣмъ было топтать ножи.... И мнѣ тоже уже не хочется, чтобъ она меня взяла къ себѣ: мнѣ жаль оставить тебя.... и Берту.... ты такой же добрый какъ мама.

Шарманщикъ съ жаромъ поцѣловалъ дѣвочку въ лобъ.

— Мнѣ съ тобою хорошо, продолжала она:—ты меня любишь.... и Берта любить. Мнѣ веселѣе чѣмъ въ Лудмирѣ: такъ весело ходить

но зеленой траве, видеть много городов и разных людей, перешагивать рьки на паромках, смотреть на птичекъ какъ онѣ вольно летаютъ стадами подъ небомъ синимъ, синимъ.... Ахъ какъ все это чудесно!... Только жаль, что мама умерла; еслибъ она была жива, и она бы ходила съ нами вездѣ....

— Нельзя знать, сказалъ Перецъ, улыбувшись: — можетъ быть и не захотѣла бы она ходить съ нами. Ну, полно намъ толковать... Зайдемъ-ка лучше вонъ въ ту палатку, видишь? Это уже Сидоръ Ильичъ успѣлъ поставить ее.... Эка скорый, мошенникъ!

Дѣйствительно, Сидоръ Ильичъ, прѣхавшій съ утра, и не любившій тратить время, съ помощью Клима и Антоши поставилъ свою палатку во всемъ ея великолѣпнѣ, около которой народъ уже началъ собираться. Она отличалась отъ прочихъ палатокъ тѣмъ, что на самомъ отлогомъ мѣстѣ ея крыши снереда, были вышиты красныя узоры, очень странныя, которые съ перваго взгляда ставили въ тунжъ не одну голову о ихъ значеніи. Впрочемъ, люди достойные всякаго довѣрія, и имѣвшіе случай видѣть палатку Сидора Ильича подъ разными широтами земнаго шара, увѣрили, что красныя узоры были не что иное какъ надпись: «Адесская трупа ку...льная»: слогъ «ко» въ послѣднемъ словѣ пострадалъ отъ тревоженій міра сего. У входа вѣшла завѣсъ, или то что Сидоръ Ильичъ называлъ *ширмой*; на ней были нарисованы яркими красками всѣ положенія героевъ его трупны, разумѣется, съ немалыми преувеличеніями, потому что, къ сожалѣнію, и Сидоръ Ильичъ не былъ чуждъ всеобщей слабости человѣческой: обещать много а исполнять мало, что и навлекало иногда на него ропотъ публики. Такъ, однажды, среди самаго представленія, нѣкій Самарскій (*) сапожникъ, нублочно выразилъ свое неудовольствіе сильною фразой, за то что на ширмѣ жидъ представляетъ верхомъ на свиньѣ, а на дѣлѣ онъ только тащуетъ краковьякъ. При этомъ случаѣ, однакожъ, Сидоръ Ильичъ, знавшій лично критика, вздумалъ потрунить надъ нимъ. Извѣстно всякому свѣтскому человѣку, что послѣ кукольнаго представленія, дается въ *pendant* одна сцена, гдѣ носатый Ванюша, въ красномъ плащѣ и рыцарской шляпѣ съ перомъ, торгуется съ лакеемъ, бранится съ будочникомъ, любезничаетъ съ прекраснымъ поломъ, и при этомъ случаѣ острить немилосердо. Сидоръ Ильичъ, въ отмщеніе самарскому критику, импровизовалъ новую сцену и, вмѣсто будочника, вывелъ сапожника, который сначала обходится съ Ванюшей очень надменно, зоветъ его молокососомъ, а потомъ треплетъ его

(*) Городъ Новомосковскъ (Екатеринославской губерніи) простоявшимъ называлъ Самарь.

по плечу и смягченнымъ голосомъ говоритъ: «Одначе, Ванька, не робей. Ты не гляди, что я Самарскій *шоцецъ*, а говори со мной какъ съ простымъ человекомъ!» Публика расхохоталась этому тонкому намеку на известную всему міру заносчивость самарскихъ сапожниковъ, а критикъ со стыдомъ удалился, пилъ и буянилъ цѣлый день и не разъ повторялъ, что еслибъ не боялся становаго, то зналъ бы онъ уже, что сдѣлать съ палаткой и ея подлыми идолами.

— Пожалуйте, нашгенные, пожалуйста! торжественнымъ голосомъ кричалъ Сидоръ Ильичъ, у дверей своей палатки, гдѣ стоялъ столикъ, а на немъ небольшой ларецъ, куда бросались пятаки за входъ:— вотъ начинается, вотъ!... штуки невиданныя, неслыханныя, неписанныя, безъ всякаго обмана и хвальша... Не комаръ на мухъ женится, не заяцъ на балабайкѣ играетъ, а добрый молодецъ по свѣту гуляетъ, людей потышаеть, злую ехидну укрощаетъ и отъ лютой сметри жисгъ покидаетъ.... Пожалуйте, вотъ начинается!... Не дорого, красавицы мои, прибавилъ Сидоръ Ильичъ своимъ обыкновеннымъ вкрадчивымъ голосомъ, прамѣтивъ, что двѣ дѣвушки въ разноцвѣтныхъ *плазтахъ* и *стричкахъ*, въ недоумѣніи поглядывали одна на другую.— Развяжите свои хусточки, распредлюбезныя мои, и пожалуйста на *комедию*: ей, будете убаготворены лучше чѣмъ насиньемъ и горячемъ (**).

— Что, безъ платы и меня непустишь? спросилъ подошедшій Пѣрецъ.

— Ты нашего поля ягода, улыбнувшись отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ.— Съ тебя за входъ братъ не годится.

— Да я только для моей *компаньйонки*, сказалъ Пѣрецъ, указавъ на Тилу:— а мнѣ-то что за невидалъ такая! Видалъ я, братъ, въ Кіевъ и Одессъ и не такіе театры...

— Вотъ, на! ты вездъ съ своею Одессой носишься, какъ съ писанною торбой, съ недовольнымъ видомъ, отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ.— Бывали и мы тамъ, видѣли и мы театры и прочихъ геркулесовъ.... Чегожъ тутъ рассказывать! вошелъ да и дѣло съ концомъ. Новости! бормоталъ про себя Сидоръ Ильичъ, когда Пѣрецъ съ своей спутницей скрылся за дверью палатки:— въ Одессъ театры.... Диковинка!... тамъ мрутъ сюда не несутъ! За моремъ телушка — полушка да провозъ рубль, какъ говорятъ французы!...

Между тѣмъ какъ Сидоръ Ильичъ зывалъ публику, а флегматическій Климъ возился около стоявшей позади палатки повозки съ задранными въ верхъ оглоблями, и заботился о комфортѣ своего любимца, будущаго буланаго жеребенка, — Антоша помѣстился внутри

(*) *Насинье*—сымя подсолнечника; *горяче*—сбитень.

палатки противъ сцены и, вполне чувствуя важность своего положенія, съ приличнымъ хладнокровіемъ беспрестанно настраивалъ свою скрипку, поднося ея то къ одному уху то къ другому. То, что мы тутъ называемъ сценой, было нечто похожее на шкафъ, котораго верхняя половина была завѣшена короткою занавѣскою изъ цветной бумаги. Пространство отъ боковъ этого шкафа вплоть до стѣнъ палатки было тоже завѣшено, но уже не бумагой, а кусками толстой рядовины, на которыхъ залаты изъ разныхъ лоскутовъ ситцу, сунна, а иногда и старой *запаски*, наводили на мрачную мысль о дирахъ. Вообще, вся эта часть палатки носила на себѣ печать таинственности для зрителей, изъ которыхъ нѣкоторые уже успѣли на переднихъ двухъ лавкахъ, устроенныхъ изъ старыхъ досокъ на весьма сомнительныхъ подпоркахъ. Они, т. е. зрители, толковали о значеніи бумажной занавѣски на сценѣ, и какимъ образомъ она поднимается въ мигъ, если только потянуть снизу за шнурокъ; а одинъ молодой человекъ въ дышущей свѣжестью шапкѣ изъ свѣжыхъ смушекъ, и великолѣпномъ бумажномъ платкѣ на шеѣ, — одинъ изъ тѣхъ юношей, которыхъ талантъ развивается за письменнымъ столомъ въ волостномъ правленіи, — занималъ прекрасный полъ умными разговорами, имѣя въ головѣ своей злодѣйскую надежду на обрушеніе скамеекъ и общую свалку, столь привлекательную въ многихъ случаяхъ. По его рассказамъ, онъ уже успѣлъ побывать въ трехъ *яткахъ* и отвѣдалъ сливянки, терновки и ерофеича; онъ зашелъ еще и сюда, хотя увѣренъ, что все это плутоветво, потому что у куколъ нѣтъ ногъ. Онъ божился что всѣ куклы натканы на проволоки, которыя хозяинъ держитъ въ рукахъ и движеть куда ему захочется, и что если черноморецъ и закидываетъ одну ногу за ограду, — то это вздоръ, потому что одна только нога у него и есть, и закидываетъ онъ ее для того, чтобы люди думали, что у него ихъ двѣ. Кому знать это больше, какъ не ему, бывшему въ Ромнахъ на ильинской ярмаркѣ? Вотъ, что касается до того немца, который вмѣсто калачей жретъ пылающую солому, и послѣ этого вытягиваетъ изо рта ото аршинъ лентъ — то это другое дѣло: есть чему подивиться.

Антоша прислушивался къ этимъ разговорамъ и внутренно сознался, что ему предстоитъ немалое испытаніе. Это уже не то, что забраться иногда послѣ полуночи на сѣновалъ (какъ онъ иногда дѣлывалъ на Гонтавской станціи) и тамъ усладить собственное ухо музыкой: тутъ надо услаждать чужія уши, а что чужія уши не такъ легко услаждаются, это онъ зналъ по опыту изъ потасовокъ старосты, котораго ничто такъ не приводило въ ярость, какъ Антошина скрипка. Но много есть загадочнаго въ природѣ человеческой! Насъ иногда что

нибудь отразить, а мы, не смотря на то, желаемъ чтобъ оно скорѣе исполнилось. Трусоотъ ли это, заставляющая насъ трепетать передъ всякою неизвѣстностью, или простое любопытство, которое такъ сильно въ насъ, что мы бы даже не отказались отъ путешествія въ заширотомъ мѣстикѣ съ высокой башни въ морскую пучину, а-ла-Дантесъ, если это не такъ дорого стоило; какъ бы то ни было, а Антоша по этому закону природы, и боялся, и съ нетерпѣннѣмъ ждалъ начала представленія.

— А! произвѣсь онъ съ видимымъ удовольствіемъ, при входѣ Пэреца въ палатку.

— Не только а, но и бэ, отвѣчалъ Пэрець дружески потрепавъ его по плечу.— А что, дружище, крипкая у тебя квинта? Придется безъ разстановки полтера часа играть.

— Римская, отвѣчалъ музыкантъ: — держу въ намасленной бумажкѣ.

— Да ты бы лучше игралъ на шелковыхъ.

— Пробовать, да нейдеть. Кабы у меня смычѣкъ съ бѣлой *волосмой*, то ничего; а то черная очень жестка и рветъ шелкъ.

«Ничего, подумалъ Пэрець: основательно изучилъ свое искусство.»

— Ну-съ, начнемте! раздался голосъ входящаго Сидора Ильича, за которымъ следовалъ Климъ съ своею кочергообразною ногою. Хозяинъ скользнулъ подъ занавѣсъ, а возница величественно остановился у двори, придерживая ее могучею рукой. Обернувшись задомъ къ сценѣ, Климъ внимательно сталъ разсматривать прежде шапки гостей потомъ поясы, если таковыя обрѣтались, потомъ сапоги; отъ сапоговъ взоръ его перешелъ къ желтымъ черевикамъ съ подковами, поднялся до плахтъ и наконецъ возвысился до косъ и очипковъ. Повидимому, Климъ питалъ къ человечеству убійственное равнодушіе, и если что нибудь заслуживало его вниманіе, то это одежда и обувь, которыми онъ тотчасъ оценивалъ по своему. Напримѣръ, на этотъ очипокъ въ Водолагалъ шинкаря повѣрила бы квартиру, а въ Шестернѣ врядъ ли дали бы полторы четвертки; а ужъ за такіе-то сапоги вездѣ бы дали три кварталы, и еще полдесятка сельдей въ придачу, а можетъ быть и весь десятокъ. Эти разчисленія занимали его долго, и онъ не обращалъ вниманія ни на остервенѣніе, съ которымъ Антоша пилъ на скрипкѣ, ни на удовольствіе публики, выражавшееся смѣлыми восклицаніями и хохотомъ. Что ему до всего этого? Тридцатилѣтнія странствія съ вертепомъ притупили его вкусъ: онъ легко могъ уснуть, не смотря на этотъ гвалтъ, и непремѣнно уснулъ бы, еслибъ его въ это время не занимала одна интересная мысль, родившаяся у него недавно, именно въ одинъ день и часъ съ буланымъ жеребен-

комъ. Эта мысль заключалась въ слѣдующей задачѣ: съ какого боку своей меланхолической матери — кудрей кобылы, будетъ современемъ подвезаться на пристяжку оный буланый жеребенокъ? Стараясь разрѣшить этотъ важный вопросъ и лица вдохновенія въ оноемъ рѣшкѣ, Климъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то дергаетъ снаружи полстѣнную дверь палатки и усмивается войти.

— Да, сего вже де буде, промвнесь Климъ, принимая оборонительную позу.

— Пусти, любезный! раздался голосъ снаружи—я заплачу сколько надо.

— Дедай тоби чортъ! отвѣчалъ Климъ.

Что-то пошевелилось снаружи, и въ одинъ мигъ маленькая головка показалась внутри палатки, сквозь небольшое отверстіе, которыми Климъ, вѣроятно, пренебрегъ. Перецъ, увидѣвъ эту головку, поспѣшно всталъ со скамьи и, грозно посмотрѣвъ на Клима, сдѣлалъ какой-то выразительный жестъ въ то самое мгновеніе когда Климъ готовился очень неделкатнымъ образомъ выпроводить головку назадъ. Климъ остановился въ недоумѣніи и пока онъ собирался съ мыслями, новый посѣтитель уже вскочилъ въ палатку и пѣсколько медныхъ монетъ покоились въ широкой ладони Клима. Новый посѣтитель былъ Бубновъ.

— Ахъ, какъ я тебѣ благодаренъ, сказалъ онъ Перцу съ блестящимъ отъ удовольствія лицомъ.—Этотъ болванъ ни за что не пускалъ, а мнѣ смерть хотѣлось посмотреть.

Перецъ почтительно уступилъ свое мѣсто Бубнову, удивляясь внутренно, что это за охота явилась у такого прекраснаго панича забратъся на кукольную комедію.

— Ахъ, и ты тутъ, малютка! продолжалъ Бубновъ, нотирая руки и садясь подлѣ Тилы.—Ну, хорошо, будемъ смотреть.

Не станемъ утомлять читателя описаніемъ хода комедіи, потому что въ ней не было ничего новаго. Черноморецъ обыкновеннымъ порядкомъ прошелъ свой жизненный путь. Свѣтала онъ крѣпко храбрился, колотилъ встречнаго и понеречнаго, аздилъ веркомъ на козѣ, вышибъ все зубы у змѣи своей дубинкой; а потомъ пришла смерть съ носой, и забіяка смирился передъ ея могуществомъ. Антона, получившій все наставленія отъ своего хозяина на дорогу, добросовѣстно исполнилъ свою обязанность, сверхъ собственныхъ ожиданій, и только всего одинъ разъ ошибся, заигравъ казака вмѣсто погребальнаго марша, при ирещаніи черноморца съ жизнью. Но это не домышало публикъ остаться вполне довольною и хототать надъ островами носоваго Ванюши, который пронзительно пищалъ, трясъ

своимъ плюмиджемъ и немилосердно колотилъ своего собесѣдника деревяннымъ молоткомъ по головѣ. Комедія кончилась и публика начала расходиться, при чемъ извѣстный юноша въ острей шапкѣ, очень любезно толкалъ въ бока прекрасный полъ, и шарилъ руками во всемъ направленіямъ.

— Зачѣмъ вы сюда пожаловали? улыбаясь спросилъ Перецъ Бубнова, когда уже все зрители вышли и они одни остались въ палаткѣ.

— Это мой капризъ, отвѣчалъ Бубновъ:—мнѣ такія представленія очень нравятся.

И дѣйствительно Бубновъ, какъ мы имѣли уже случай неоднократно замѣчать, имѣлъ много странностей, но и много свѣжести въ своемъ характерѣ. Наблюдать за увеселеніями простаго народа, подмѣчать самыя смѣшныя, даже тривіальныя сцены, — доставляло ему столько же удовольствія и содержанія для размышленій, какъ самая возвышенная поэма. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ разсматривалъ устройство палатки, и любовался на красиваго Антошу и на вспотѣващаго Сидора Ильича, который только что вылезъ изъ подъ ширмы.

— Мое почтеніе, произнесъ Сидоръ Ильичъ, обращаясь къ Бубнову и ловко махнувъ правою рукою, что у него означало деликатное обращеніе.—Мое почтеніе вамъ, сударь мой! Позвольте доложить, комедія кончилась.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Бубновъ: — вижу что кончилась. А разве нельзя тутъ посидѣть нѣсколько минутъ? Вотъ, я съ знакомыми толкую.

Тутъ онъ указалъ на Перца.

— Ничего, можно-съ, сказалъ Сидоръ Ильичъ, благосклонно наклонивъ голову на одинъ бокъ.

— А, скажите, спросилъ Бубновъ у Сидора Ильича:—довольны вы первымъ сборомъ.

— Благодарить Бога, начало меня ублаготворило, сборъ ничего.

— А какъ однакожь?

— Напримѣрнѣ... пятнадцать копеекъ да два рубля, отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ, немогшій отстать отъ своей-малороссійской привычки всегда начинать денежный счетъ съ меньшей суммы. — А вотъ, какъ народъ поразгуляется, то... посмотримъ, сказалъ ольпой, какъ говорятъ французы... Мы эдакъ за всю ярмарку можемъ отпустить представленій съ пятьдесятъ, вотъ оно и вѣдетъ сто рубликомъ коли и не все тридцать корбованцевъ.

— Да, замѣтилъ Бубновъ, съ серьезнымъ видомъ надувъ губы:—

это не дурно. Ну, а ты, какъ бишь тебя зовутъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ шарманщику.

— Меня зовутъ Пэрець, а прозываютъ Тарарамъ, отвѣчалъ шарманщикъ.

— Пэрець! повторилъ Бубновъ: — это что-то по испански. что-то въ родъ Пэрець—и Мендоза—и Хименесъ—и Ферейра—и Пачеко и прочая.

Онъ захохоталъ во все горло.

— Точно такъ, по-испански, хладнокровно отвѣчалъ Пэрець: — я и не далеко отъ Испаніи родился—въ Бѣлостокской области.

Бубновъ нуще расхохотался.

— Ну, а твои дѣла какъ идутъ? спросилъ онъ.

— Тоже слава Богу! отвѣчалъ Пэрець:—падьюсь собрать на дорожные расходы до Одессы.

— Такъ ты рѣшился непременно отправиться въ Одессу?

— Рѣшился.

— Такъ отправимся вмѣстѣ, сказалъ Бубновъ:—и я туда. Я найму извозчика, ты дашь третью часть... Мнѣ и веселѣй будетъ въ дорогѣ и дешевле обойдется. Согласенъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Пэрець весело. — Покорнѣйше благодарю. Вѣкъ не забуду... вы просто отецъ, ваше благородіе.

— Ну, хорошо, благодарить не за что, сказалъ Бубновъ.—Смотри же, когда ярмарка кончится, соберись да и маршъ въ путь-дорогу.

— Мои сборы не долги: я, да Тила, да мой пѣвучій ящикъ, да этотъ зверь; все на лицо и все готово, возразилъ Пэрець, показавъ пальцемъ на обезьяну, которая, сидя неподвижно и не спуская своихъ маленькихъ глазъ съ своего хозяина, какъ будто предугадывала, что дѣло идетъ о весьма важномъ обстоятельстве.

Черезъ нѣсколько дней ярмарка отошла совсѣмъ. Пэрець заходилъ нѣсколько разъ къ Бубнову и помогалъ ему собираться въ дорогу. То нужно было Бубнову купить складной самоваръ и запастись чаемъ на дорогу, то предстояла крайняя надобность въ ковръ, Богъ знаетъ для чего и на что, то являлась какая нибудь другая потребность; а главная потребность состояла въ томъ, чтобъ какъ нибудь скорѣе истратить свои деньги, потому что какъ только онъ у Бубнова заводился, ему становилось неловко, его давило что-то въ карманѣ, имъ овладало беспокойство и прихоти въ голову его копышились и лазали одна на другую, какъ лазятъ и копышатся мухи въ сосудъ, намазанномъ медомъ. Съ облегченіемъ же кармана, къ Бубнову всегда мало-по-малу возвращалось спокойствіе; не нужно хло-

потать, не нужно покупать: все обстоит благополучно, т. е. *безденежно*, какъ по большей части, следовательно, не выходитъ изъ круга обыкновеннаго; а потому и можно уже заняться, и писать что-нибудь, и читать что-нибудь, или же любоваться прекрасными видами и размышлять о своей любимой Италіи, музыкальной, поэтической, изыщенной; а то, прошу покорно.... природа, стихи, Италія и *деньги* — на что это похоже! можетъ ли тутъ быть смыслъ какой-нибудь!

Наконецъ собрались. Пэрещъ пришелъ съ своею *компанією* на квартиру Бубнова и привелъ съ собою Антошу.

— Знаете, что, сударь, сказалъ Пэрещъ: — я-бъ васъ не того.... да вы очень деликатный человекъ: васъ можно....

— Что такое? спросилъ Бубновъ съ испугомъ.

— Да, вотъ, продолжалъ Пэрещъ, указывая на Антошу: — парень-золото, ей Богу! ручаюсь за него.

— Сдѣлайте отеческую милость, произнесъ робко Антоша, взявшись рукой за свою сережку: — по гробъ жизни не забуду.

— Да чего же вы оба хотите? спросилъ Бубновъ.

— Возьмемъ ужъ и его съ собой, отвѣчалъ Пэрещъ жалобнымъ голосомъ.— Страшно хочется ему самому попробовать, точно ли вода горькая въ Одессѣ.

— Только-то, сказалъ Бубновъ, взглянувъ на Антошу, который почтительно стоялъ передъ нимъ, держа въ обѣихъ рукахъ шапку и умоляя его глазами объ не отказъ. «Такъ и онъ туда, подумалъ Бубновъ, попытать счастья. И онъ вѣрно, такой же бобыль, какъ я, безъ роду и племени, безъ опредѣленной цели, ищетъ пробить себѣ тропинку въ жизни.»—Ну, пожалуй, можно, сказалъ онъ вслухъ.

— Я заплачу, коли прикажете, рублей пятокъ, либо сколько тамъ придется на меня за подводу, сказалъ Антоша: — да еще буду уоуживать вамъ, сударь, на дорогъ.

— Нѣтъ, ужъ Богъ съ тобой, отвѣчалъ Бубновъ: — платить не надо. А когда хочешь услуживать такъ изволь; сапоги вычистишь, вотъ, кстати надо купить ваксу и щетки, или чубукъ вычистишь, или что-нибудь другое. Хорошо! прибавилъ онъ, потирая по обыкновенію, руки отъ удовольствія:—вотъ мнѣ и не скучно будетъ съ вами, да и въ дорогъ безопаснѣе, чѣмъ больше народу.

Въ это время взѣхала на дворъ крытая брика съ парюю тощихъ лошадей въ дышлѣ, которой предстояла завидная участь доставить нашихъ знакомцевъ въ Одессу. Нельзя сказать, чтобъ брика была слишкомъ граціознаго фасона, но что она была сплетена изъ прутьевъ, въ томъ не было никакого сомнѣнія, потому что въ тѣхъ мѣстахъ

гдѣ въ ней были пробиты дыры, торчавшіе концы прутьевъ свидѣтельствовали объ этомъ фактѣ. Еще имѣла она у козелъ какую-то машину, которую хозяинъ брики, еврей-балагула *), называлъ *ливс-ромъ*, имѣвшую какое-то таинственное значеніе во время процесса смазыванія колесъ. Если исключить эту машину, да еще привязанный съ боку величественный *макогинъ*, необходимый на случай несчастія съ осью, — то во всѣхъ прочихъ принадлежностяхъ брики и въ веревочной конской сбруѣ видна была чрезвычайная простота. Лошади, не смотря на свою худобу, были, по увѣренію фурмана, добрые кони, хотя, для наблюдательнаго глаза, эта *доброта* могла казаться неровною, потому-что одна лошадь была слишкомъ большаго, а другая слишкомъ малаго роста. Какимъ-образомъ уравнивали онъ шаги свои и оставались всегда въ дружескихъ отношеніяхъ между собою — это остается тайной непроницаемой; но то достоверно, что большая лошадь, принадлежавшая къ выслужившимъ срокъ въ конной артиллеріи и купленная фурманомъ съ публичнаго торга, имѣла обыкновеніе, ни съ того ни съ другаго, останавливаться какъ вкопанная на одномъ мѣстѣ и, не смотря ни на какія понуканья, тогда только пойдти впередъ, когда ей самой заблагоразсудится, — при чѣмъ меньшая, съ величайшею легкостью, известнымъ ей способомъ, сбрасывала съ себя шлею, и останавливалась поперегъ дышла, не спуская вопрошающихъ взоровъ съ своей подруги. Подобныя приключенія, заставлявшія возницу слѣзати съ козелъ для приведенія въ порядокъ сброшенной шлеи, всегда не много сердили его, и онъ, по случаю наклонности къ поперечной позиціи, прозвалъ свою меньшую лошадку *клипа* **).

— Стой, сгинь, пропади! произнесъ *балагула*, когда онъ остановился у крыльца: — вотъ, никакъ не удержишь!..

Пѣрецъ, суетившійся около багажа Бубнова, изкоса посмотрѣлъ на лошадей, изъ-за своего козырька, надвинутаго на одинъ глазъ, и нѣсколько усумнился въ ихъ быстротѣ.

— Да полно, пріятель, произнесъ онъ съ усмѣшкой: — точно ли эти скотины страдаютъ быстротой?

— Чтобъ я умеръ, если лгу! отвѣчалъ *балагула*.

— Ну, если я не повѣрю твоей клятвѣ, то тоже не буду вольнодумцемъ, сквозь зубы проговорилъ Пѣрецъ.

Онъ началъ укладывать вещи Бубнова, потомъ поставилъ спереди

*) Фурманъ

**) Демонъ.

свою шарманку, усадилъ БERTY и маленькую Тилу, трепетавшую отъ удовольствiя прокатиться въ бричкѣ, съ отеческимъ попеченiемъ за-пихнулъ въ тѣсный уголъ котомку Антоши, въ которой покоилась известная намъ скрипка, и ловко подбѣжалъ къ Бубнову съ известiемъ, что все готово. Бубновъ въ дорожномъ своемъ костюмѣ, т. е., въ красной фескѣ и верблюжьемъ архалухѣ баспословной ширины, въ это время прощался съ Жакомъ, который, пришедъ провожать его, стоялъ съ закинутыми за спину руками и молчаливо прислушивался къ словамъ своего бывшаго учителя.

— Да, прощайте! говорилъ съ жаромъ Бубновъ, котораго любящее доброе сердце никогда не могло хладнокровно разставаться съ тѣми, съ которыми онъ оставался даже короткое время. — Прощайте! быть можетъ судьба никогда не сведетъ насъ болѣе...

Въ безноконныхъ глазахъ Бубнова заблестѣли двѣ слезинки. Какъ всѣ нервическiя натуры, онъ имѣлъ привычку дорожить тѣмъ, чтѣ терялъ, хотя бы потеря была не слишкомъ велика. Какъ поэта, его тревожило все то, что готово было превратиться въ «былое»; все прошедшее имело для него невыразимую цѣну, именно потому, что оно невозвратно. Что-то безотрадное и болѣзненное звучало для него въ словѣ «невозвратно», и мысль, что вотъ-вотъ въ эту минуту совершается то, что черезъ мигъ сдѣлается невозвратнымъ, тяжело давила его грудь, навѣвала на него тоску и рождала въ немъ вопросъ: зачѣмъ это по закону природы все поочередно должно перейти въ прошедшее? Какъ Фаустъ, хотѣлъ бы онъ сказать мгновенно: стой! но не оттого, чтобъ онъ считалъ это мгновенье самымъ счастливымъ, а только для того, чтобъ оно не уходило. Быть можетъ, его несбыточное желанiе быть вѣчно молодымъ и ужасъ, съ которымъ онъ разсуждалъ о необходимости состарѣться когда нибудь—имѣли основанiемъ эту настроенность души его.

— А ну-те, паничу, скоренько! кричалъ фурманъ съ козель.

— Сейчасъ, братецъ, отвѣчалъ Бубновъ. — И такъ, прощайте, Жакъ. Спасибо, что пришли проститься.... Маменька ваша не хотѣла пустить Мишу, Богъ съ нею! кланяйтесь маменькѣ.... и папенькѣ кланяйтесь... спасибо имъ за хлѣбъ за соль... Вотъ, дайте Мишѣ перочинный ножикъ.... я ему купилъ на память.... а Галѣ—куклу; а вамъ даю мой братскiй поцѣлуй. Прощайте!

Онъ махнулъ рукой и быстро вскочилъ въ брику, а Жакъ все съ закинутыми назадъ руками, стоялъ не подвижно и бесмысленно глядѣлъ ему въ слѣдъ.

— Вью, гитта, гитъ! *gautz-uns-beihs!* вскричалъ фурманъ, ударивъ

лошадей своею длинною плетью, при чемъ *клина* не упустила случая брыкнуть задними ногами.

— Дѣйствительно *гаутъ-ундъ-байнъ*, замѣтилъ Бубновъ съ улыбкой, понявъ эти нѣмецкія слова, которые значатъ «кожа да кости». Не придется ли намъ гдѣ нибудь плохо съ этими клячами, а? какъ ты думаешь, Пѣрецъ-и-Мендоза и прочая?

— Ничего, сойдетъ, г-нъ Бубновъ, отвѣчалъ Пѣрецъ.—Это мнѣ напоминаетъ одинъ анекдотъ съ такимъ же балагулой какъ нашъ. Знаете, пассажиръ договорилъ фурмана; ну хорошо. Вотъ фурманъ и говоритъ пассажиру:—У меня лошади быстрыя, а вы конечно, бонитесь сидѣть въ брикъ, когда приходится съ горы спускаться.—Да, боюсь, отвѣчаетъ пассажиръ.—«То то и есть» говоритъ фурманъ:—«вотъ вы подѣ каждой горкой и потрудитесь слезать. А на гору, знаете, тяжело; вѣдь надо же и скотину пожалѣть, такъ ужъ и на гору пойдете пѣшкомъ.—Пожалуй, отвѣчаетъ пассажиръ:—пойду и на гору пѣшкомъ.—Ну, а по ровной дорогѣ», продолжаетъ фурманъ:—«очень пріятно проходиться, такъ ужъ вы, пожалуйста и по ровной дорогѣ...»—Какъ! говоритъ разсѣренный пассажиръ:—и по ровной дорогѣ идти мнѣ пѣшкомъ! когда же буду я въ брикъ сидѣть?—Когда будемъ кормить» отвѣчаетъ балагула хладнокровно.

Пока Пѣрецъ рассказывалъ свой анекдотъ, путешественники проѣхали большую площадь, на которой кой-гдѣ еще торчали длинные шесты, остатки балагановъ и лавокъ, составлявшихъ аристократическую часть ярмарки. Вотъ уже скрылись и шесты; вотъ въѣхали въ узкую кривую улицу съ плетневыми заборами по обѣимъ сторонамъ; хаты начали рѣдѣть; наконецъ показалась и послѣдняя хата не много по больше другихъ, но за то грязная и безъ всякой ограды, стоявшая поодаль отъ прочихъ, какъ бы совѣстась сосѣдства мирныхъ и чистыхъ крестьянскихъ избъ. Много народа у этой хаты, въ которой помѣщался кабакъ, значавшійся по откупной табели подъ именемъ «подгорнаго нитейнаго дома.» Баба, съ заткнутой въ очипокъ восковой свѣчей сидитъ на возу и бережно держитъ въ обѣихъ рукахъ новую раму со стеклами, предназначенную для домашняго украшенія, торжливо поджидая мужа, который уплачиваетъ послѣднюю дань ярмаркѣ. Неуроданный бычокъ, привязанный къ крестьянской *блѣдѣ*, или одноколку, жалобно мычалъ, въ ожиданіи своего хозяина, составляющагося на балабайкѣ съ ямщикомъ—буяномъ, которому недостаетъ къ полному счету еще одной чарки, чтобъ завести драку. Солдатъ, бойко заломавъ фуражку, на призвъ угощаетъ пивомъ молодицу, по временамъ припѣвая: «Ой былъ, да нѣтути, да поѣхалъ на мельницу,» на что дама его, лукаво улыбаясь, замѣчаетъ ему, что

нужно вѣтъ: «Ой бузь та нема, та поїхавъ до млына;» а иначе не приходило въ рыхтму. Все это весело, шумно, живо, а брика наша прошла мимо, не искусившись разбитою бутылкой, висвѣшею на крыльяхъ питейнаго дома, и служившею ему вѣрной эмблемой. Только одинъ Антоша, сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ фурманомъ, какъ-то равъ вытянулъ шею и усмѣхнулся: ему показалось, что онъ въ толпѣ замѣтилъ старосту, который во времена оны наминалъ ему чубъ; да еще клыда обросила шлею и встала поперекъ дышла, потому что вдругъ ей пришла охота остановиться. Фурманъ слѣзъ съ козель, пожелалъ лошади *чернаго года*, поправилъ шлею, да мимоходомъ купилъ у провзажающаго дегтяра полкварти дегтю, и опять сѣлъ на свое мѣсто. Въю, гитта-гить! и лошади помчалось и Капшуки остались далеко позади.

— Про—щай, хохландія, произнесъ Антоша, обернувъ назадъ голову и махнувъ рукой.

VII.

Долго ли, коротко ли, тащились наши путешественники, — навѣрное не знаемъ, а по всѣмъ вѣроятностямъ, должно быть довольно долго. На пути Бубнова занимали забавные рассказы шарманщика и толки его съ Антошей, о разныхъ предметахъ общежитія. Последний, прослуживъ некоторое время на почтовой станціи, полагалъ, что имѣеть право судить о лошадяхъ и изъявлялъ склонность развигрывать знатока; но Перецъ, по собственному выраженію, тотчасъ *отбивалъ ему крылья*, приводя неоспоримыя данныя, что черкесскія лошади первыя въ цѣломъ свѣтъ, что никто не могъ знать лучше его, проживавшаго въ Грузіи нѣсколько мѣсяцевъ. Въ жару своего вдохновенія, Перецъ однажды увѣрялъ, что ему рассказывали живые свидѣтели, объ одной черкесской лошади, принадлежавшей одному армянину, которой быстрота была такъ изумительна, что армянинъ, жившій въ двухъ верстахъ отъ Тифлиса, никогда не могъ попасть въ этотъ городъ, потому что лошадь въ одно мгновеніе, оставляла его далеко за собой; и по этой причинѣ, армянинъ всегда отъезжалъ отъ своего жилья версты на три въ противоположную Тифлису сторону, и тогда уже пускался въ городъ: другаго средства никакого не было. Каснувшись Кавказа, Перецъ не приминулъ еще рассказать объ одномъ удивительномъ горячемъ ключѣ въ Пятигорскѣ, въ которомъ яйца сваривались въ полминуты. Это еще положимъ, не важность, но главное въ томъ, что только яйца, честно добытыя, сваривались въ ключъ, краденныя же ни какимъ образомъ не могли свариться, хоть вари

его лгать. Самъ онъ, Пэрець, чтобъ увѣряться въ этомъ чуде о немалую опасностью для себя, укралъ у одного казака полдосынка яицъ и тихо варилъ ихъ въ ключъ отъ пяти часовъ утра до полудня. Мало ли что ни рассказывалъ Пэрець! а Антоша слушалъ его со вниманіемъ, перекинувшись грудью черезъ спинку креселъ и обративъ голову къ сидѣвшему въ брикъ саникой къ нему рассказчику. Позиція эта, по скромному бѣгу лошадей, не имѣла ничего не удобнаго для Антоши; а напротивъ, ему было очень пріятно смѣять такъ и наблюдать веселое и умное лицо Бубнова, съ котораго не сходила улыбка выродоженіе этихъ рассказовъ. И Тила, прижавшись къ своему милому Пэрецу, котораго дороже она ничего не имѣла въ свѣтъ, котораго умнее и добрее она ничего не воображала, ложилась къ нему на широкую грудь, и, поднявъ вверхъ глаза, глядела такими образомъ на его невыразимо густыя и запыленные бакенбарды. Еще занимали Бубнова ежедневные уроки чистописанія, которые Тила брала отъ шарманщика, во время полуденнаго кормленія лошадей. Бубновъ, хорошо знавшій нѣмецкій языкъ, безъ труда понималъ испорченный діалектъ, на которомъ разговаривалъ Пэрець съ своей питомицей, а въ скорости и совсѣмъ такъ привыкъ къ нему, что въ затруднительныхъ для Пэреца случаяхъ, самъ подсказывалъ ему содержаніе какойнибудь прописи. Бубнова удивила эта любознательность въ бѣдной скитающейся дѣвочки, и терпѣніе, съ которымъ дюжій шарманщикъ взялся передавать ей весь запасъ своихъ знаній. И Антоша, если только не игралъ гдѣнибудь поодаль на скрипкѣ, тоже присутствовалъ при этихъ урокахъ и всячески унималъ мамзель Бурту, чтобъ она не царапала свою любимицу за плюсовый воротникъ. Очень часто, когда Тила во время урока устремляла свои черные глаза на Пэреца и, молча, грызла карандашъ, а Пэрець, закинувъ голову, пускалъ густыя облака дыму изъ трубки и тоже не опускалъ своихъ взоровъ съ дѣвочки — Бубнову казалось, что онъ въ этихъ нѣмыхъ взглядахъ видитъ больше чѣмъ простую дружбу, и что какое-то таинственное выраженіе едва развивающагося пламеннаго чувства, чуть замѣтно, какъ разсвѣтъ на востекъ, проскальзывало по матовому лицу Тилы. Все это развлекало въ дорогѣ Бубнова, который, въ промежуткахъ горькаго нетерпѣніемъ скорѣй добраться до цели своего путешествія.

Была пятница. До ночи еще оставалось около часа. Вдали отъ дороги видѣлось нѣсколько избъ вольныхъ хлебопашцевъ. Фурманъ остановился у одинокаго востоялаго двора, отстоящаго отъ Одессина пятнадцать или двадцать верстъ.

— Не дотянемъ до Одессы, сказалъ онъ флегматически, заверчивая на широкій дворъ:— дѣлать нечего, будемъ *шабашевать* тутъ.

— Ахъ, Богъ ты мой! какая досада, вскричалъ Бубновъ жалобно:— Неужели, голубчикъ, ужъ никакъ нельзя дотянуть до города! вѣдь смерть какая скука простоять здѣсь до воскресенья.

— Никакъ не можно паниченьку, чтобъ я умѣреть, невозможно! отвѣчалъ лукавый фурманъ, который съ умысломъ наровилъ весь день такъ, чтобъ къ вечеру дохватъ до этой корчмы и въ ней остаться *шабашевать*. Расчетъ состоялъ въ томъ, что въ этой корчмѣ овесъ и сѣно дешевле, чѣмъ въ Одессѣ, и что, призвавъ туда въ воскресенье, онъ можетъ тотчасъ имѣть пассажировъ для новаго вояжа, тогда какъ *шабашевать* въ городѣ невыгодно, потому что за себя одного придется заплатить цѣлковый, не говоря уже о лошадахъ и объ искомьяхъ, которымъ можно подпасть, втеченіе цѣлыхъ прогульныхъ сутокъ, по случаю отличныхъ чайныхъ трактировъ и краснаго молдавскаго вина.

Дѣлать было нечего. Снесли поклажу на половину занимаемую содержателемъ постоялаго двора, носившую названіе горницы, и расположились тутъ до воскресенья. Хозяйка, молодая румяная еврейка, держа на рукѣ годовалого мальчика, суетилась въ маленькой каморкѣ, служившей спальнею. Она накрыла одной рукой столикъ бѣлою скатертью, поставила четыре мѣдныхъ массивныхъ подсвѣчника, вычищенныхъ и блестящихъ, и начала вправлять въ нихъ свѣчи, въ ожиданіи мужа, который долженъ былъ скоро пріѣхать. Всю недѣлю мужъ постоянно проживалъ въ Одессѣ, гдѣ онъ промышлялъ мелкими партіями разнаго хлѣба, и только на шабашъ пріѣзжалъ къ своему семейству.

Есть у евреевъ сказка,—передѣланная въ поэмѣ однимъ изъ извѣстныхъ современныхъ поэтовъ Германіи,—о заколдованномъ принцѣ, котораго волшебная сила превратила въ собаку, и которому, однакожь, во уваженіе стараній благодѣтельной феи, принцессы Саббаты, позволяется разъ въ недѣлю принять по прежнему человѣчскій образъ. Сохрани меня небо сравнивать самаго послѣдняго изъ моихъ соплеменниковъ съ собакой, въ оскорбительномъ смыслѣ; но, принимая въ соображеніе вѣчный голодъ этого животнаго и его удивительное чутье,—сравненіе выходитъ поразительное. И дѣйствительно, сколько лишений переноситъ еврей втеченіе недѣли, сколько огорченій, трудовъ, сколько бѣготни предстоить ему, и сколько бессонныхъ ночей проводить онъ! Заботы отнимаютъ у него все природныя способности, выключая одной — заработать какъ-нибудь конейку. Онъ глухъ къ пѣснямъ, не смотря на свою врожденную страсть къ музыкѣ; онъ

чуждъ своей семьѣ, которая надвѣдаетъ ему своими ласками, тогда какъ голова его оборачивается вверхъ дномъ и трескается при мысли о неизвѣстности завтрашняго дня; онъ запыляетъ, нечесанъ, умытъ только для исполненія обряда при молитвѣ, но не для опрятности; онъ бѣгаетъ по улицамъ и не знаетъ жжетъ ли солнце, бушуетъ ли гроза, хоронятъ ли кого, женится ли кто. Вѣчно въ лихорадочномъ жару отъ постоянной бѣготни и оскорбленій, онъ почти забываетъ, что онъ человѣкъ. Но вотъ приближается заходженіе солнца въ пятницу, и, по волшебному мановенію принцессы Саббата, онъ опять принимаетъ свой человѣческій образъ и все человѣческое опять на цѣлыя сутки дѣлается доступно его воспримчивой натурѣ. Онъ умывается, но ужъ не для обряда, а именно для того чтобъ быть чище, онъ переодевается въ свое лучшее платье, онъ мурлычитъ тихо заунывную пѣсенку, (веселыхъ напѣвовъ очень мало у евреевъ) и съ гордостью потираетъ одну руку о другую, при мысли о предстоящемъ ужинѣ, и завтрашнемъ обѣдѣ, который уже запасенъ и для котораго не нужно будетъ ломать головы. Онъ цѣлый день будетъ спокоенъ и свободенъ; никакая, даже самая легкая работа въ этотъ день не допускается; онъ дѣлается другомъ и семьяниномъ, ходитъ въ гости или прослушиваетъ уроки своихъ ребятишекъ. И оттого-то эта принцесса Саббата дорога его истерзанному сердцу; и оттого-то онъ и время считаетъ только по ней. На вопросы: «когда ты прїѣдешь? когда ты со мной рассчитаешься? когда будетъ готово то-то? когда ты уѣзжаешь?» у него всегда одинаковой отвѣтъ: «На субботу», «послѣ субботы». Всегда у него передъ глазами эта лучезарная фея, которая позволяетъ ему разъ въ недѣлю быть человѣкомъ.

Прїѣхалъ хозяинъ. Съ радостнымъ лицомъ встрѣтила его жена, цѣлую недѣлю его невидавшая. Онъ умылся горячею водою, переоделся въ свой ластиковый сюртукъ съ удивительнымъ глянцемъ, и, взявъ на руки маленькаго Абрамку, началъ его забавлять то тамъ то другимъ.

— А что *господиш-родственникъ* (*), сказалъ Перецъ хозяину: — что слышно въ Одессѣ?

— Что слышно въ Одессѣ? право, не знаю, отвѣчалъ хозяинъ. — А что слышно на Новомъ-базарѣ или на Пересыпи—могу вамъ сказать.

— Какъ же такъ! Развѣ Новый-базаръ и Пересыпь не въ Одессѣ?

— Да, оно такъ, но мы почти только и знаемъ что Новый-базаръ или Пересыпь: это нашъ міръ.

— Ну, хорошо; скажите, что тамъ у васъ слышно? продолжалъ Перецъ, большой охотникъ до новостей.

(*) *Ревъ-куресъ*—обыкновенное привѣтствіе между незнакомыми евреями.

— Особеннаго нитого нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ: — привозъ теперь не большой: только колонисты возятъ, а изъ Вессарабинъ еще не начинали. Почты насъ съ ума сводятъ: каждый день другая почта... то вздорожала пшеница, то опять припала; просто, не знаешь что дѣлать: вотъ, такъ, покупаешь, зажмура глаза, авось что нибудь перепадетъ.

— А зачѣмъ живете вы здѣсь на степи, когда у васъ занятіе есть въ городѣ? спросилъ Пѣрецъ.

— Эхъ, пріятель мой, отвѣчалъ хозяинъ: — жить въ Одессѣ — не разживешься: дорого все, да прихоти разныя. Хорошо *работать* въ Одессѣ, что нибудь заработаешь; а жить надо подальше не много. Мнѣ—то отъ продажи сѣна и овса тутъ прибыли мало, да выгода въ томъ, что квартира приходится почти даромъ, и расходы небольшіе, да и жена обходится безъ разныхъ заботъ, которыя въ городѣ считаются необходимостью. А я, въ городѣ, кое-какъ перебиваюсь цѣлую недѣлю.

— Это очень благоразумно, замѣтилъ Пѣрецъ: — такъ можно и конейку зашибить со временемъ.

— Да; можетъ быть. У насъ въ Одессѣ многіе начали съ малаго, а погляди—теперь большіе дома повыстроили. Вотъ, одинъ мой знакомый, торговалъ мышками, а теперь въ пролеткахъ разъѣзжаетъ:—Ну, а васъ, откуда Богъ несетъ? спросилъ въ свою очередь хозяинъ.

— Издалека, изъ Малороссіи.

— Вѣрно, *аглицкіе пѣдоки* (*)? продолжалъ хозяинъ, искоса поглядывая на красную фесу Бубнова.

— Ммм... не совсѣмъ! отвѣчалъ Пѣрецъ: — что-то въ этомъ родѣ.

— Что, и тотъ молодой господинъ тоже изъ *нашихъ*? шепотомъ спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не изъ нашихъ, отвѣчалъ Пѣрецъ: — чиновникъ, учитель; алмазъ (**), которому равнаго въ свѣтѣ нѣтъ... Ъѣтъ въ Одессу принскать себѣ мѣсто.

— Если алмазъ, такъ недалеко пойдеть, сказалъ хозяинъ: — насъ нужно удалаго, разбитнаго...

— Пойдите, вы, пойдите, отвѣчалъ Пѣрецъ съ неудовольствиемъ: — вы всѣхъ мѣряете своей мѣркой. Вамъ кажется, что если вы безъ удали не обходитесь, чтобъ хорошо принять пшеницу отъ колониста, то и всѣмъ она нужна, эта удалъ.

— Нѣтъ, я такъ... впрочемъ, мое дѣло сторона.

(*) Такъ евреи называютъ волтыжеровъ.

(**) Т. е. добрыйша дѣла.

— То-то сторона! велите-ка лучше дать ужинать, да будемъ спать: намъ съ дороги нуженъ покой, да и вы, кажется, едва ли за жалую неделю въ Одессу выспались.

— Правда, сказалъ хозяинъ:—за то жъ я тутъ вадамъ красовца-каго, на чемъ свѣтъ стоитъ.

На другой день Бубновъ ужасно скучалъ: ему хотѣлось уже скорѣй быть на мѣстѣ, обнять Осколкина, а тутъ стой по неволѣ целый битый день въ двадцати верстахъ отъ желанной цали. Онъ уже выслушалъ до послѣдняго рассказы хозяина ностоялага двора о шницяхъ, гречихѣ, кукурузѣ и другихъ продуктахъ; онъ читалъ, писалъ, гулялъ въ поля; слушалъ музыку Антони, который подъ навѣсомъ твердилъ на скрипкѣ какую-то новую пѣсню; гонялся съ Тилой по двору за обезьяной, и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ сократить день. Онъ готовъ былъ прибавить извозчику, чтобъ тотъ уѣхалъ вечеромъ, но къ вечеру насунулись ужасныя тучи, полился дождь, съ громомъ и молніею, а Бубновъ, пуще всего, боялся грома и молніи. Прикрывъ голову подушкой, въ страшномъ безпокойствѣ, онъ лежалъ на широкой скамьѣ, боясь пошевелиться и внутренно удивляясь неустрашимости хозяина, который, не смотря на грозу, отиравался въ городъ, чтобъ не пропустить завтрашняго базара. «Корысть проклятая!» думалъ Бубновъ: «А что, если громъ гдѣ-нибудь прихлопнетъ,—тогда и хорошая почта изъ-за границы тебѣ не поможетъ. Ну, молнія, словно пожаръ въ облакахъ!»

Трах-та-та-та-тррррр! отвѣчали облака, такъ что стѣны задрожали.

Бубновъ заткнулъ себѣ уши пальцами. «Чертъ возьми!» продолжалъ онъ мысленно: «еще этого недооставала, чтобъ молнія положила тебѣ этакъ на-повалъ, гдѣ нибудь въ степной хатѣ! Завидная участь! Впрочемъ, умирать вездѣ равно.... Да что это я забилъ себѣ въ голову *умирать*.... неужели мой послѣдній часъ насталъ?..»

Громъ повторился еще сильнѣе прежняго.

«Такъ точно», продолжалъ Бубновъ: «насталъ мой послѣдній часъ. Чтожъ! умирать такъ умирать: жалеть не о чемъ; жизнь не болѣе нѣжно ласкала меня.... Сирота я безродный.... радости знавалъ я не много, и то только тогда, когда оставлялъ дѣйствительный міръ для идеальнаго, когда по капль выливалъ душу мою на бумагу и облекалъ въ формы мои задушевные грезы.... А кому извѣстны онѣ, эти грезы, стоившія мнѣ столькихъ лихорадочныхъ дней и ночей? Прочтеть ли ихъ кто когда-нибудь?... Нѣтъ, не прочтеть, если молнія здѣсь убьетъ меня.... а если не убьетъ, то можетъ быть.... и кто нибудь прочтеть... Издамъ въ свѣтъ.... у красавицы затрещетъ сердце, читая мои

стихи, и любовь отзовется на многолетний зов мой.... Любовь, любовь!.. меня полюбить..... не такъ какъ... о, не хочу назвать *ея* имени!.. ненавижу *ее*!.. Но еслибъ меня полюбили истинно.... Еслибъ это сбылось когда-нибудь, чтобъ жаркая грудь трепетала у моей груди... чтобъ пламенные глаза обливали меня своимъ свѣтомъ.... чтобъ *истинная*, важная привязанность приглубила меня, бездомнаго... О, еслибъ это сбылось!....

И онъ забылъ о молнии и громѣ. Онъ трепеталъ всемъ тѣломъ, потъ капалъ съ его лба, но уже не отъ боязни; — и, изъ этого дивирамба мыслей, у него образовалось въ головѣ чудное гармоническое стихотвореніе, о любви и славѣ, въ одно время увячавшихъ поэта. Онъ швырнулъ съ головы своей подушку, сѣлъ за столъ и началъ писать въ своей записной книжкѣ.

Тѣла, обнявъ обезьяну, свала на другомъ концѣ скамьи; Антоша хрипѣлъ у дверей; Перецъ, лежавшій съ нимъ рядомъ, некручивалъ усы и не спускалъ глазъ съ Бубнова. Въ другой комнатѣ, которой дверь оставалась непритворенною, хозяйка, сидя на кровати и въ пѣлоголоса напѣвая пѣсню, качала висячую люльку, въ которой спалъ ея маленькій сынъ.

Гроза начала утихать. Бубновъ, совершенно забывшій объ ней, окончилъ свою работу, успокоился и опять легъ на постель.

— Ты не спишь Перецъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сударь, не сплю.

— Отчего-жь ты не спишь?

— Такъ, грустно что-то.

— О чемъ же тебѣ такъ вгрустнулось?

Перецъ всталъ и прошелся по комнатѣ; Бубновъ слѣдилъ за нимъ глазами.

— Вы слышите эту пѣсню, что хозяйка поетъ? спросилъ онъ Бубнова.

— Слышу, отвѣчалъ Бубновъ.

— А знаете что она значить?

— Нѣтъ.

— Такъ я вамъ скажу. Это обыкновенная колыбельная пѣсня у евреевъ. Попробую вамъ перевести:

Подъ абрамкиной люлькой
Стоитъ золотая роза;
Коза пойдетъ торговать
Изюмомъ и миндакомъ:
Это лучший товаръ.
А Абрамка мой

Будетъ наукамъ обучаться;
 Научамъ обучаться
 И книги сочинять,
 Книги будетъ онъ сочинять,
 И честнымъ свреетъ останется на всегда.

Бубновъ приподнялся на постели и, подперши голову одной рукой, съ любопытствомъ прислушивался къ словамъ шарманщика.

— Ну, чтожь, сказалъ онъ: — содержаніе не дурно для ребенка. Чтожь тутъ грустнаго?

— Ничего, отвѣчалъ шарманщикъ, съѣвъ на своей постели и взявшись обѣими руками за голову. — Ничего тутъ дѣтъ грустнаго.... И мнѣ, вѣрно, тоже когда-то пѣли эту пѣсню.

Онъ опять всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Вѣдь пѣли же, продолжалъ онъ: — мамъ возьмъ ее поютъ...

— Чтожь такое? прервалъ Бубновъ, появившій грусть бѣдняка, который случайно вспомнилъ, что и онъ былъ чѣмъ-то сыномъ, и что его тоже убаюкивала пѣсенкой мать, которой знать ему не досталось.

— Ничего, продолжалъ шарманщикъ. — А поглядите, какой дѣзъ меня ученый вышелъ и какія я книги сочиняю.

— Не возьмъ же науки знать, сказалъ, улыбувшись, Бубновъ.

— Само собою, не возьмъ, прервалъ Перецъ: — и я тоже самое говорю.... То-то и плохо, что у насъ завелась ученая болѣзнь какаятто: послѣдній факторъ прочить своего сына въ ученые... А по моему, лучше бы оставили ученье для богатыхъ, а оловякъ бы сыновей учили ремеслу какому, либо записали въ земледѣльцы... Это вѣрно, чѣмъ въсь ихъ науки.... «Наукамъ будетъ обучаться, и книги сочинять».... гмъ! поютъ же такія вещи, и кто? — посмотрите, жена кулачкика... гмъ!.. что, примѣрно сказать, за каждую гривну чуть ли не дерется по десяти разъ въ день.... Пѣли и мнѣ, вѣрно, эту пѣсню... а вотъ, стало быть, пришлось вѣкъ тащить на синнѣ шарманку.... Эхъ, сударь, знаете ли вы что это за мука.....

Но Бубновъ, утомленный сильнымъ напряженіемъ, уже спалъ. Шарманщикъ долженъ былъ оставить свои глубокомысленныя разсужденія, и бросился на постель.

Едва начало разсвѣтать, — и путешественники наши пустились въ путь. Бубновъ, не привыкшій вставать съ зорей, продремалъ поддогами. Остовалось до города верстъ десять, не больше; на дворъ разсвѣло совсѣмъ; фурманъ остановился на довольно высокой горѣ поить лошадей; Бубновъ встрепенулся.

Съ этой горы городъ былъ виденъ какъ на ладони.

Какъ хорошъ видъ съ этой горы на нашу Одессу, на нашу южную красавицу, когда она умоется дождемъ, въ прекрасное лѣтнее утро! Кто въ подобныя минуты видѣлъ Одессу, тотъ можетъ сказать, что видѣлъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Европы. Вотъ по долинамъ извивается дорога, по которой тамъ и сямъ разбросаны одинокіе домики; потомъ домики становятся гуще и гуще, и наконецъ сбиваются въ сплошныя улицы, ровныя, чистыя. Это Пересыпь. Безконечныя обозы тянутся въ нѣсколько рядовъ, все къ одному пункту, къ этому отлогому холму, который называется «сиускомъ». А тамъ на горѣ, во всемъ великолѣпнн блестятъ разноцвѣтныя крыши церквей и домовъ; съ лѣвой стороны широкою скатертью стелется море, по которому, въ разныхъ направленіяхъ, словно мотыльки въ лунную ночь, чуть замѣтно качаются бѣлые паруса. Далѣе, какъ черное облако, виднѣется острый моллъ, ступившій тяжелою ногой въ воду, на которомъ что-то чуть-чуть шевелится: это ранніе артельщики и работники подводныхъ лодокъ; а за молломъ, какъ будто прислонившися къ неприступной скалѣ, выросъ лѣсъ мачтъ, густой островерхій лѣсъ, съ разными флюгерами, которыхъ цвѣтъ сливается съ сѣро-голубымъ цвѣтомъ неба и теряется въ утренней полупрозрачной атмосферѣ.

— Стой! закричалъ Бубновъ фурману, готовившемуся спуститься съ горы. — Погоди, дай налюбоваться.

И онъ сталъ въ брикъ на ноги, жадными взорами пожирая прекрасный видъ, и жадною грудью впивая свѣжій утренній воздухъ.

— Такъ вотъ онъ, тотъ городъ, гдѣ фундуками индѣекъ кормятъ, а изъ лимоновъ варятъ борщи! весело и въ полголоса проговорилъ Бубновъ. — Ты правъ, Сеня, великій Семень: городъ дѣйствительно чудный.

Минувъ Пересыпь, Пѣрецъ велѣлъ остановиться у подошвы спуска. Онъ соскочилъ съ брики, вытащилъ поодиначкѣ свою *компанію*, и расшлатился съ фурманомъ.

— А что, Антоша, сказалъ Пѣрецъ: — слезай и ты: вмѣстѣ пойдемъ.

— Коли возмешь съ собой, то скажу спасибо, отвѣчалъ Антоша, соскакивая съ козелъ:— я вѣдь здѣсь никого не знаю.

— То-то и есть, возразилъ Пѣрецъ. — Ну-съ, прощайте, господинъ Бубновъ! счастливо вамъ оставаться; благодаримъ за ласку. Дай Богъ вамъ найти здѣсь всякаго благополучія!

— Дай Богъ, дай Богъ! Благодаримъ покорно! подхватилъ Антоша.

— Прощайте, друзья, отвѣчалъ растроганный Бубновъ. — Прощай и ты Тмлочка!... авось еще увидимся когда-нибудь.

Тмла поцѣловала его въ руку. Брика тронулась.

— Не забывайте насъ, кричалъ Перецъ вслѣдъ за отказавшимъ Бубновымъ:—мы васъ никогда не забудемъ. Да не примите за обиду, коли поклонюсь вамъ гдѣ-нибудь на улицѣ.

— Помилуй, братецъ, отвѣчалъ Бубновъ, высунувшись изъ брики:— вотъ еще вздумалъ! чѣмъ тутъ обижаться? напротивъ....

Перецъ остальнаго не дослушалъ. Онъ уже всадилъ свой блестящій ключъ въ шарманку, и, чтобъ не терять драгоценнаго времени, наигрывалъ «Зориньку ясную»; а брика медленно поднялась на гору и отправилась отъѣзживать испанскій переулочекъ.

VIII.

Тутъ авторъ беретъ читателя подъ руку и вѣжливо проситъ следовать за собой на второй этажъ дома, стоявшаго на испанскомъ переулкѣ и вмѣщавшаго въ себя квартиру Семена Осколкина. Если читатель желаетъ перевести духъ, то можетъ остановиться на маленькой галлерей, которая ему встрѣтилась на пути, и оттуда окинуть взоромъ все зданіе и внутренность двора, что для него будетъ очень возможно по причинѣ большаго недочета въ стеклахъ галлерей, а иначе, т. е. въ случаѣ нахождения всѣхъ стеколъ въ вожделѣнной цѣлости, врядъ ли можно было бы видѣть сквозь нихъ что-нибудь, ибо прозрачность ихъ подвергается большому сомнѣнію.

И такъ, читатель остановился у разбитаго стекла, и видитъ, въ образъ неправильнаго четвероугольника, небольшой дворъ огромнаго дома, вмѣщающаго мѣстами два этажа, мѣстами три, а мѣстами доходщаго даже до чего-то подобнаго на четыре, и который занимаетъ почти цѣлый кварталъ. Такія же галлерей, со стеклами болѣе или менѣе разбитыми, крадутся кругомъ всей внутренности двора, на всѣхъ этажахъ, во всѣхъ направленіяхъ безъ всякаго систематическаго порядка. Симметрія,—это именно то, чего домъ этотъ терять не можетъ. Если съ одной стороны торчитъ какой-нибудь фантастическій мезонинъ, приделанный въ новѣйшее время, то навѣрное противъ него крабуется *плоская возвышенность*, на которой развѣшивается бѣлье; если съ одной стороны выдалось красивое крыльцо изъ сосновыхъ досокъ, окрашенныхъ подъ мраморъ, съ блестящей мѣдной дощечкой, гласящей объ имени и званіи пожимаца, — то какъ разъ напротивъ съ другой стороны навѣрное обрѣтается большая зеленая бочка, съ желѣзными обручами, для принятія въ вѣдра свои дождевой воды, стекающей съ крыши. Словомъ: этимъ «если» и «что» конца бы не было, еслибъ мы захотѣли; но это было бы слишкомъ скудно и мы оставляемъ воображенію читателя дорисовывать

остальные контрасты и несообразности, по своему усмотрѣнію. Довольно если скажемъ, что эта пестрота и контрасты происходили отъ большаго множества пожильцовъ, и отъ главнаго условія хозяина, отказавшагося на вѣки-вѣчные отъ всякихъ передѣлокъ и печинокъ. Всякій пожилецъ имѣлъ право передѣлывать свою квартиру по-своему, пристраивать къ ней что угодно, окрасить въ какой цвѣтъ угодно, закладывать окна и двери, или выбивать новыя, — проводить трубы, выводить навѣсы и уступы, словомъ — ему давался полная свобода распоряжаться своимъ кошелькомъ и квартирой; и если козлякъ иногда и видѣлъ, что у одного или другаго пожилца преобладаетъ болѣе разрушительный элементъ, нежели творческій; то это его не беспокоило, потому-что *новый* пожилецъ долженъ будетъ все сдѣлать на свой счетъ, если найдетъ какія-либо неудобства. Отъ этого происходило то, что домъ этотъ носилъ на себѣ всевозможные цвѣта и тѣни, и что въ немъ можно было найти квартиру какого бы покроя ни вздумалось, начиная отъ щегольского помѣщенія холостого негоціанта, до ободраннаго жилья театральнаго барабанщика. Въ разныхъ отдѣленіяхъ дома этого помѣщались: аптека, кондитерская, заведеніе теплыхъ и холодныхъ ваннъ, винный погребокъ, локанда, или гостинница средней руки, нѣсколько цирюльныхъ заведеній и папиросная фабрика; но преимущественно въ немъ имѣли свои квартиры артисты и музыканты русской и итальянской труппы, молодые живописцы безъ работы, дантисты безъ практики, прачки и швеи и другіе представители и представительницы человѣческой дѣятельности, подъ разными наименованіями. Человѣкъ съ слабыми нервами, могъ бы сказать, что въ этомъ дворѣ было очень безпокойно; но это вздоръ, просто ничего. Изъ одного окна слышалось пѣніе, изъ другого выходилъ ревъ контробаса, тамъ на балконѣ флейтистъ въ интересномъ неглиже упражнялся въ руладахъ, по сосѣдству съ нимъ шипѣлъ станокъ позументщика; на верху скринка отчаянно заливалась, на низу фаготъ то завкался, то лопался какъ ракета въ воздухъ, а рядомъ съ фаготомъ скворецъ передразнивалъ утокъ, которыя неумолкно кричали, полоскаясь въ маленькой лужѣ, образовавшейся передъ локандой. Если къ этому прибавить неподдѣльное мяуканье нѣкоторыхъ кошекъ и лай нѣкоторыхъ собакъ и собаченокъ, странное шипѣнье и храпѣнье, случающееся иногда отъ столкновенія этихъ развородныхъ животныхъ, и громкій обменъ словами между ихъ хозяевами и хозяйками, происходящій съ мѣстъ, состоявшихъ подъ разными высотами, долготами и широтами, то ужъ больше тамъ никакого шума и быть не могло, развѣ бы только мальчикамъ еще вздумалось колотить бревномъ по жестяной ваннѣ, стоявшей въ углѣ.

А чтобъ закончить описаніе дома одной маленькой иперболой, скажемъ, что если бы по какому-нибудь чуду, весь городъ исчезъ, а остался бы одинъ только этотъ домъ съ своимъ народонаселеніемъ, то изъ него одного могъ бы образоваться опять цѣлый городъ въ продолжительное время.

Осколкинъ лежалъ на кровати, въ квартирѣ своей, которая состояла изъ трехъ комнатъ съ передней, и была довольно хорошо отдалана и меблирована. Онъ читалъ роль изъ тетрадки.

— Петрушка, а, Петрушка! дашь ли ты сегодня чаю, или нѣтъ? кричалъ онъ, не спуская глазъ съ тетрадки.

Петруша не отвѣчалъ; Осколкинъ продолжать читать.

— Петрушка, а, Петрушка! чтожь чай-то? началъ онъ опять черезъ нѣсколько минутъ, не перемѣняя своего положенія.

Въ передней происходилъ какой-то неясственный говоръ; Осколкинъ началъ прислушиваться.

— Петръ, тебѣ говорить что-ли! закричалъ онъ. — Съ кѣмъ ты тамъ шепчешься?

— Какой-то грекъ васъ спрашиваетъ, отвѣчалъ вошедшій Петръ.

— Что за грекъ?... дай мнѣ чаю.... Скажи чтобъ убирался къ черту.

— Не могу знать—греченокъ какой. Если, дескать, баринъ спитъ, то разбуди.

— Ну,пусти, пожалуй; да дай чаю скорѣе.. Бубновъ! вскричалъ онъ, увидѣвъ гостя, котораго Петръ, по красной ескѣ, принялъ за грека.

— Сеня! Сеня! произнесъ Бубновъ, лежа на груди Осколкина, которому онъ не далъ подняться съ постели.

— Ну, души, души, братъ, сколько угодно, говорилъ Осколкинъ лежавшему на немъ Бубнову.—Да чего ты разрюмился.

Бубновъ рыдалъ, не выпуская изъ объятій своего друга.

— Эхъ, такъ не такъ же! вскричалъ Осколкинъ:—такъ вотъ я тебѣ покажу какъ...

И широкоплечій, мускулистый Сеня взялъ Бубнова на руки, какъ маленькаго ребенка и понесъ по комнатамъ.

— Ну, цѣлуй, цѣлуй, разбойникъ, вотъ такъ, продолжалъ онъ, самъ цѣлуя Бубнова, въ глаза, въ лобъ и въ щеки.—Что, наплакался? Баста! Кто плачетъ здѣсь? кто смветъ хныкать? Да я люблю какъ десять тысячъ братьевъ любить не могутъ! и прочая и прочая. Садись же вотъ такъ; ну, хорошо.. Да говори же, ради Бога, что ты онымъ что-ли?

— Почти что онымъ, отвѣчалъ Бубновъ, у котораго слезы ли-

лись въ два ряда:—отвѣчалъ, другъ мой сердечный, отъ радости, что опять тебя вижу, моего Сенью, великаго Семена Осколкина, послѣ пятирехлѣтней разлуки.

— А вотъ, ты его видишь, здорова и невредима... стоитъ передъ тобой, какъ листъ передъ травой, сказалъ Осколкинъ, выпрямившись передъ сидѣвшимъ Бубновымъ, и взявшись подъ бока.— Душа ты моя, Елисей... глазамъ моимъ не вѣрю.

При словѣ «Елисей» Бубновъ опустилъ глаза.

— А, да! продолжалъ Осколкинъ:—забылъ, что тебе это не нравится; да я, братъ, отучу... давно сказалъ, что отучу, такъ ужъ отучу... Но объ этомъ рѣчь впереди!... Да чтожь это? неужели ты тутъ весь... вотъ какъ есть и больше ничего... т. е. *уфисъ*, какъ говорятъ здѣсь?

— Ахъ, ты мнѣ напомнилъ, отвѣчалъ Бубновъ:—я со воимъ и забылъ про мою поклажу. Прикажи, пожалуйста, человеку, чтобъ показалъ фурману куда сносить; а то вѣдь онъ самъ толку не добьется въ этомъ новомъ ковчегѣ... Вообрази, братецъ, битыхъ полчаса отъискивалъ тебя: никто не знаетъ... или не понимаетъ.

Осколкинъ засмѣялся.

— Э! у васъ такъ, сказалъ онъ:—безъ путевода не скоро доберешься до цѣли. Я, вотъ, все собираюсь составить топографическую карту этого дома, да все некогда... Ужъ вмѣстѣ съ тобой составимъ: окажемъ услугу человечеству. — Эй, Петрушка, вели сносить вещи этого барина! Вотъ видишь,—тутъ онъ покачалъ пальцемъ на Бубнова:—Этотъ баринъ — мой другъ, а не гречонокъ, болваншосимусъ ты такой! слушайся его, все равно, какъ меня!..

— Слушаю! отвѣчалъ Петрушка, и вышелъ.

— То есть, онъ тебя также не будетъ слушаться, какъ и меня не слушается, продолжалъ Осколкинъ, обращаясь къ Бубнову. — Вообразить не можешь, что за мука съ прислугой здѣсь... въ три года моего пребыванія, это одиннадцатый слуга мужеска пола, не говоря о семи женщинахъ и одномъ нѣмцѣ... Ну чортъ ихъ побери! Снажи-ка, расплатился ты съ твоимъ извозчикомъ, или опять тотъ же *уфисъ*?

— Что это за уѣсъ? спросилъ Бубновъ, смѣясь.

— Уѣсы!.. Кто его знаетъ, чья эта голова выдумала здѣсь? а богатѣйшее слово: оно означаетъ—шищъ фищъ нима нищъ, или хабе-никсъ гельдтъ, или никого дома нѣтъ, какъ мы говаривали въ университетѣ, когда сапожникъ приходилъ нестать, знаешь... вотъ!..

И онъ началъ большимъ пальцемъ чесать остальныя четыре пальца открытой своей ладони.

— Не церемонься, душа моя, продолжалъ онъ:—коли цѣту, такъ

вотъ я расплачусь: послѣ разочтется... Ну, говори, рцы, сколько ему слѣдуетъ, этому египетскому дворянину?

Бубновъ вытащилъ изъ бездоннаго кармана своего архалука какого-то класснаго стереотипнаго изданія, и началъ его прилежно разсматривать.

— Да бровь эту дрянн! вскричалъ Осколкинъ. — Скажи прежде, сколько слѣдуетъ извозчику?

— погоди же, отвѣчалъ Бубновъ:— тутъ у меня записано, сколько онъ забралъ на дорогѣ денегъ.

— А, ну хорошо, сосчитай, сказалъ Осколкинъ:— а я пока пойду умышляться.

Умышляясь и расплатившись съ фурманомъ, Осколкинъ, въ ожиданіи чаю, котораго слуга приготовлялъ для друзей, закурилъ папироску, придерживая ее тоненькими серебряными щипцами: другою рукою онъ расчесывалъ передъ зеркаломъ свои радкіе волосы.

— А что, неправда, я похорошѣлъ? оказалъ Осколкинъ Бубнову.

— Да, мы оба похорошѣли, съ грустной улыбкой отвѣчалъ Бубновъ. — Еще въ университетъ мы съ тобой слыли за первыхъ красавцевъ, а теперь и говорить нечего.

— Что, ны?... ты только что суховаръ немного, да ростомъ не взялъ, а все прочее, ничего: и волосы отличные, и глаза черные, и щеки есть, хоть маленькія, да есть... А у меня, что? посмотри... ну, что эта за харя? лицо шестиугольное какое-то, черномазое, все въ складкахъ, не смотря на мои тридцать лѣтъ; волосъ дюжинъ пять наберется; глаза подъ лобъ закатились... зубы черные... Ну, фигура, нечего граха таять!

Дѣйствительно, Осколкинъ, будучи отъ природы нехорошъ собой, теперь вполне соответствовалъ портрету, который онъ самъ съ себя списалъ. Раннія страсти и разгульная молодость, преждевременно покрыли морщинами лицо его, отнявъ у него навсегда цвѣтъ здоровья и свѣжести; волосы его сильно выпадали, и на маковкѣ уже начала образовываться луна по собственному его выраженію. Но не смотря на это, впаде сѣрые его глаза горѣли умомъ; съ лица его никогда почти не сходила саркастическая улыбка; въ движеніяхъ онъ былъ гибокъ и быстръ; и когда онъ говорилъ, въ его голосѣ, несколько хрипломъ, было столько выразительности и одушевленія, придававшихъ и самому лицу столь необыкновенную игру, что, кажется, не утомился бы во цѣлымъ днямъ слушать его и не спускать глазъ съ этого живаго и энергическаго лица. Кроме того, это былъ благородный и безкорыстный человекъ; онъ не спускалъ ни кому, не унижался ни передъ кѣмъ; другу готовъ былъ отдать послѣдній рубль, съ

приятными кутить по целымъ суткамъ; подъ шумокъ одалать пакость тому, кто ему не нравился, а, иногда, вдругъ, ни съ того ни съ другого, запереться на несколько дней у себя въ комнатѣ, и тутъ наединѣ, предавшись тяжкой грусти, припоминать разные моменты своей прошедшей жизни. Онъ былъ актеръ по призванію, любилъ свое искусство безъ фанатизма но разумно, не предавался грубымъ фарсамъ въ веселыхъ роляхъ и не становился на ходули въ патетическихъ; но по странному стеченію обстоятельствъ, только небольшое число понимало и цѣнило талантъ его, а масса его не замѣчала, — о чемъ самъ онъ рѣшительно и не заботился.

— Да, фигура красивая, продолжалъ онъ: — и еще исключенная изъ втораго курса... Вѣдь меня изгнали, аки козлице зловредное... ты знаешь... А ты что? ты, братъ, ничего... ты ходокъ... на все собаку съялъ... и поэтъ, и ученый... и курсъ кончилъ... Эхъ, бѣда! никакъ не могу привыкнуть къ этимъ проклятымъ папирсамъ... то-ли дѣло Жуковы!.. Петрушка, а Петрушка, подай-ка ромъ сюда!.. Хочешь, Елисей?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бубновъ: — мнѣ дай сливокъ да хлѣба: я рано всталъ и проголодался.

— А, и ты тутъ? презнесъ Осколкинъ, пшвырнувъ на полъ тетрадку, которую слуга обыкновенно клалъ къ нему на чайный столикъ; и ты тутъ?.. презираю тебя сегодня.

— Кого ты презираешь? спросилъ Бубновъ?

— Роль презираю сегодня, и репетицію...

— Отчего-жъ это?

— Презираю и баста. Сегодня я твой. Поведу тебя по городу, за городъ, куда вздумается... Будемъ объѣдать, выпьемъ чего-нибудь, даже *умилмся*, коли охота будетъ.

Умиляться на языкъ Осколкина значило напиться пьянымъ, но тому уваженію, что, по большой части, человекъ, порядочно выпившій, съ умиленіемъ глядитъ на міръ и его обитателей.

— Давно не умиллся я, со смѣхомъ сказалъ Бубновъ, припомнивъ это студенческое слово Осколкина. — Эхъ, плохо мнѣ приходилось!

— Да ну, полно! прервалъ Осколкинъ: — забудь прошлое, — будемъ думать о настоящемъ... Нѣтъ, лучше не будемъ думать теперь ни о чемъ... Что куришь, что ли?.. Да?.. ну, кури.

И онъ вправилъ папиросу въ другія маленькія щипцы, которыхъ у него было много, и подалъ Бубнову.

Такъ сидѣли друзья, одинъ противъ другаго, за небольшимъ круглымъ столикомъ, задумчиво попивая чай и пуская себя подъ носъ

клубы дыма, не смотря на обнаруженное Осколкинымъ желаніе ни о чемъ не думать.

— Ишь ты, какъ раструбился, чертовъ сытъ! началъ опять Осколкинъ. — Слышишь, Бубновъ?

— Да, трубить, жестоко... Сосѣдство не очень пріятное.

— Это — *signos trombatore*—по нашему просто трубаць, а у ниль, видишь все съ прибавкой «синьйоръ». Еще спасибо ему, что не *trombatore assolutissimo*.

— А чебъ это означало?

— Мнѣ почему знаты!... Кажется что-то такое очень великолѣпное... Какъ придетъ сюда, знаешь, изъ-за моря, новая персона для оперы, то всегда на афишѣ выставляется: «будетъ дебютировать такой-то синьйоръ *basso-profondo assoluto*, или такая-то синьйора *prima-donna assoluta*... а гляди, черезъ короткое время *profondo* или *assoluta* отправляются въ страны невѣдомыя, и рады-рады если, изъ сожалѣнія, ниль дали на дорогу.

— А отчего-жъ это такъ.

— Какая ты невнимательность, ты гой еси, мой добрый молодець! отвѣчалъ Осколкинъ на распѣвъ и покачивая головой. — Какъ отчего! Больно поправились публикѣ, ха, ха, ха!.. Однако, этотъ мой сосѣдь, славный малый... А объдаемъ мы сегодня у Барбуни.

— Кто эта Барбуня?

— Собственно говоря, барбуня-рыба; да я такъ прозвалъ хозяина локанды, что въ этомъ дворѣ, нѣкоего звали Михаила, который помѣшанъ на рыбныхъ блюдахъ: и во снѣ и на яву вѣчно видятъ маринованную кефаль, жаренные луфары, или барбуню, или ставридію, или селингосы, или скумбрію...

Въ это время раздался легкій ударъ въ дверь комнаты, въ которой друзья евши завтракали.

—А, это тоже сосѣдь, сказалъ въ полголоса Осколкинъ, подвигаясь со стула:—узнаю его по предварительному стуку; но совсѣтъ другаго рода, важный джентльменъ израильской породы, крѣзь... Войдетъ, прибавилъ онъ громко.

Вошелъ человекъ лѣтъ пятидесяти, пльшивый, но статный себою и крѣпкаго сложенія. Онъ былъ гладко выбритъ, весь въ черномъ, кромъ туго накрахмаленнаго бѣлаго галстуха.

— Здравствуйте, сказалъ онъ, сжавъ зубы, садясь и подавая руку Осколкину.—Какъ вы себя чувствуете?

По произношенію этихъ не многихъ словъ, замѣтно было, что онъ иностранецъ.

— Благодарю, чувствую себя безподобно. отвѣчалъ Осколкинъ. —

Рекомендую, мой другъ, господинъ Бубновъ, о которомъ вамъ говорилъ не разъ и не два.

— А! произнесъ гость, значительно окинувъ однимъ взглядомъ Бубнова, который, сгорбившись и не выпуская изо рта папироски, глядѣлъ во все глаза на гостя.

— Мосье Меерсонъ, оказалъ Осколкинъ Бубнову, указывая на гостя: — банкиръ, мой добрый знакомый и сосѣдъ.

— Рекомендуюсь, произнесъ опять сквозь зубы Меерсонъ, который сидѣлъ выпрямившись, какъ будто былъ затянута въ корсетъ. — Будемъ знакомы если угодно.

— Какъ же! вскричалъ весело Осколкинъ: — непременно будьте знакомы: — я приказываю. Не будете жалеть оба. Бубновъ славный малый, хоть трусь, ой Богу, трусь; а вы мсье Меерсонъ... тоже бы сказаль, славный малый, да плавивы больно... да еще церемонны немножко. Ну, ничего, обойдется. Вотъ и я тоже славный малый, да пьяница горькій.

Бубновъ захохоталъ

— Вы общали, началъ Меерсонъ отрывисто, какъ будто не слышавъ ни одного слова изъ всего сказаннаго Осколкинѣмъ: — вы общали сходитъ со мной въ гости къ моей бѣдной Сперанцѣ... сегодня гдѣ какъ ее похоронили... Идете со мной на кладбище?

Бубновъ содрогнулся.

— Охотно, отвѣчалъ Осколкинъ: — дайте только одѣться.

— Хорошо, сказала Меерсонъ, медленно поднимаясь со стула. — Я запомлю вамъ напоминать. Одѣвайтесь, а я пока схожу въ контору и отдамъ кой-какія приказанія.

IX.

— Кто такой этотъ человекъ? спросилъ Бубновъ Осколкина, когда Меерсонъ вышелъ. Его безчувственная манера и холодность сдѣлали большое впечатлѣніе на Бубнова.

— Сказаль же я тебѣ нѣкто Меерсонъ, банкиръ, отвѣчалъ Осколкинъ.

— А Сперанца?

— Дочь его, которая умерла за годъ назадъ.

— Откуда-жъ онъ? гдѣ его семейство?

— У него семейства нѣтъ; была одна дочь, да в ту, какъ видишь, похоронилъ. Онъ родомъ, говорить, изъ Галиціи; жилъ долго гдѣ-то въ Англіи, или Италіи, нажилъ капиталъ; похоронилъ въ Ливорне жену, которая оставила ему дочь Сперанцу... т. е., собственно говоря, не

дочь, а падчерицу, потому что онъ съ женой дѣтей не имѣлъ, а имѣла она эту дочь отъ перваго брака; но онъ, говоритъ, любилъ ее больше нежели можно любить родную дочь. По его словамъ, эта дѣвушка была само совершенство: красавица собой, добра какъ ангелъ, отлично воспитана и имѣла огромный капиталъ, оставшійся отъ матери, кромѣ его собственнаго состоянія, которое онъ копилъ для нея же. Да вретъ, не для нея...

— Какъ вретъ!

— Такъ, просто вретъ. Копилъ для нея.... гмъ! для кого же копить онъ теперь, когда ея ужъ нѣтъ?... Ужъ такова страсть копить деньги, такъ, лишь бы копить, заставляя уважать себя, да путать биржевые курсы по шучьему вельвью, а по своему хотѣнью. Впрочемъ, можетъ и не вретъ, продолжалъ Осколкинъ, повязывая галотухъ передъ зеркаломъ: — можетъ быть, прежде, и для нея, а послѣ это вошло въ натуру, знаешь....

— И эта Сперанца умерла?

— Да. Но прежде онъ ее выдалъ замужъ за одного молодого чело-вѣка, сына здѣшняго богатаго купца. Этотъ молодой человекъ былъ въ Ливорнѣ, влюбился въ Сперанцу, а она въ него. Меерсону партія понравилась... тщеславіе гнусное, знаешь, хотѣлось породниться съ здѣшнимъ богатымъ домомъ, который принадлежитъ къ жидовской аристократіи.

— Ну, чтожъ dalje? спросилъ Бубновъ.

— Далже! — право не помню, беззаботно отвѣчалъ Осколкинъ. — Выдалъ замужъ... замужъ... дай Богъ память; да, выдалъ замужъ, а послѣ и пожалѣлъ, да поздно. Узналъ онъ, что ее тоже взяли только изъ-за денегъ, и прочая, какъ водится на овѣтъ. Онъ рѣшился оставить Италію и пріѣхать сюда, чтобъ быть съ своей Сперанцей вмѣстѣ. Говоритъ, нарочно учился по русски... Много языковъ знаетъ, и русскому хотѣлъ выучиться, и выучился, какъ видишь, — да вретъ онъ и тутъ.

— Какъ, вретъ! вскричалъ Бубновъ, немножко выведенный изъ терпѣнія безпорядочнымъ разказомъ своего друга.

— А какъ же! отвѣчалъ Осколкинъ: — разумѣется, вретъ. Онъ хоть и нечисто произноситъ, а все видно, что жилъ въ Россіи долго; а выучился на старости лѣтъ, такъ хорошо говоритъ по-русски, какъ онъ говоритъ — что-то мудро. Мы съ тобой въ юности учились по-латинъ, а много мы знаемъ?

— Это нустиакъ! прировнялъ мертвый языкъ къ живому. Къ тому-жъ онъ родился въ Галиціи, а тамъ по-русски понимаютъ.

— Пожалуй, можетъ быть и тутъ не вретъ. Да его какъ-то не рас-

кусниш; онъ не охотно отвѣчаетъ, когда спрашиваешь про его преміую жизнь. Впрочемъ, онъ очень умный человекъ, много видалъ въ свѣтъ, дается добро... вотъ и я ему долженъ теперь двести рублей; послѣ бенефиса заплачу, нелегкая его не возметъ! а умру, пропадутъ деньги, — еще смотри когда онъ не похоронитъ на свой счетъ, такъ подлець хочу быть.

— Ну, заранортовался! оказалъ Бубновъ съ улыбкой: — началъ однимъ, кончилъ другимъ: ты все тотъ же Сѣня великій.

— Тотъ же, душа моя, безалаберный Семенъ Осколкинъ, который на экзаменъ, на новѣйшій вопросъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ, отвѣчалъ мудреною цитатой изъ логики Квиеветтера, разсмыслилъ экзаменатора и получалъ пять съ плюсомъ.

— Пошелъ блуждать по лабиринту, сказалъ Бубновъ, махнувъ рукой: — и ужъ никакъ не выведешь.

— Аяъ нѣтъ, самъ выйду, крикнулъ Осколкинъ: — на зло тебѣ самъ выйду. Вотъ онъ и пріѣхалъ сюда, и чтобъ не было скучно, завелъ огромную коммерцію: кормить Сардинію и Ирландію кукурузой; а дочь умерла — объ этомъ ужъ тебѣ сказано; говорятъ свекровь въ гробъ вогнала, или мужъ, Богъ ихъ знаетъ. Ну умерла Сперанца, и конечно, понялъ ты, что ли? вотъ идетъ, прибавилъ Осколкинъ, улышавъ мѣрную походку Меерсона. — Одевайся же, и ты пойдешь за нами. Все равно, до обѣда нужно погулять.

— Не странно ли будетъ, что я первый визитъ мой одѣлаю мертвымъ? спросилъ съ некоторымъ безпокойствомъ Бубновъ.

Осколкинъ расхохотался.

— Ты все та же баба, съ своими повѣрьями и предчувствіями, оказалъ онъ. — Ну, останься дома когда не хочешь.

— Нѣтъ пойду! возразилъ Бубновъ, принявъ рѣшительный видъ. — Что это, въ самомъ дѣлѣ?... останься дома... что я ребенокъ какой? Боюсь, что ли? Пойду!

Онъ наскоро одѣлся и всѣ трое отправились.

Минувъ городъ и большую площадь за городомъ, они взяли на право и приблизились къ небольшому домику, отъ котораго тянулась высокая каменная ограда, расположенная четверугольникомъ на ограниченное пространство. На фронтонъ домика стояла надпись: «Последнее убжище для всѣхъ живущихъ». Это былъ ходъ въ еврейское кладбище. Привратникъ отворилъ калитку.

— Прикажете провестъ? спросилъ онъ.

— Не нужно, отвѣчалъ Меерсонъ, сунувъ ему въ руку серебряную монету.

Предшественные Меерсономъ, друзья наши, молча, шли окоро по

извилистымъ дорожкамъ кладбища, бросая бѣглые взгляды на встречающіеся надгробные памятники, разной величины и наружности, часто довольно странной и фантастической. Для Бубнова, котораго все приводило въ волненіе, было что-то невыразимо страшное въ этомъ безмолвномъ жилищѣ смерти, посвященномъ слезамъ и скорби живыхъ. Проходя поспѣшно между рядами низенькихъ памятниковъ, съ черными досками и бѣлыми на нихъ буквами или на оборотъ, ему казалось, что эти квадратныя буквы двухъ цвѣтовъ смерти, какъ ты-оляги глазъ, то открываются, то прищуривается и глядятъ ему вслѣдъ, и будто хотѣтъ сказать: «что твой умъ, что полетъ твоей мысли, передъ этимъ холоднымъ и правдивымъ результатомъ?» Онъ припомнилъ другое кладбище, не столь большое, но болѣе дорогое его сердцу,—другое кладбище, усыянное крестами, между которыми есть одинъ свѣрый каменный крестъ, обнесенный скрошною оградой. Въ той могилѣ, подъ тѣмъ свѣрымъ крестомъ лежитъ его добрая мать, единственный другъ на землѣ, котораго онъ имѣлъ въ детствѣ. Онъ припомнилъ какъ много-много лѣтъ назадъ, ее отняли у него,—онъ былъ тогда десятилѣтній мальчикъ,—и отнесли на кладбище и онъ рыдалъ тамъ, и бился, и добрые люди съ трудомъ оторвали его отъ могилы и на рукахъ унесли домой. Онъ припомнилъ, какъ послѣ, въ позднѣйшее время, въ одну трудную минуту своей жизни, когда онъ нашелъ обманъ и измѣну въ очаровательныхъ глазахъ, обѣщавшихъ сначала такъ много счастья,—онъ пожертвовалъ своими послѣдними деньгами на дорожныя расходы и проѣхалъ нѣсколько сотъ верстъ, чтобъ поклониться праху матери, облегчить грудь и помолиться у оврагу креста, и потомъ опять начать свою скитальческую, одинокую жизнь. Все это съ быстротою молніи пролетѣло въ головѣ Бубнова, и нѣсколько вздоховъ вырвались изъ его груди.

Между тѣмъ Осколкинъ, поглядывая на всѣ стороны, принялся смѣстать, потомъ, нашедъ это неловкимъ, спохватился, потомъ опять забылъ и началъ свистать, потомъ опять спохватился, и наконецъ, въ досадъ что его такъ долго заставляютъ молчать,—чтобъ дать какой-нибудь исходъ своему неутомному характеру, принялся колотить палкой во всѣ стороны, по низенькимъ полуобрушившимся памятникамъ.

Они остановились передъ великолѣпнымъ монументомъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. Никакихъ фигуръ на этомъ монументѣ не было; только съ головы его грустно наклонился искусно сдѣланный вѣнокъ изъ лилій и незабудокъ, разорванный на двое, а по бокамъ были изсѣчены выпуклые фестоны изъ другихъ цвѣтовъ, перемежаемыхъ съ кипарисными ветвями. По срединѣ были черныя надписи на

еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, мѣстами пересыпанныя золотыми звязочками. Все было отделано съ удивительнымъ изяществомъ и отчетливостью, и доказывало, что надъ этой работой трудились въ одной изъ лучшихъ мастерскихъ Италіи.

— Вотъ здѣсь лежитъ *она*, произнесъ Меерсонъ тихо, какъ будто боясь разбудить спавшую тѣнь.

Они съѣли на пьедесталѣ монумента.

— Бѣдная Сперанца! продолжалъ Меерсонъ:—думалъ ли я сидѣть на твоей могилѣ, когда ты въ первый разъ назвала меня своимъ отцемъ.... Бѣдная Сперанца! твой родной отецъ погребенъ въ морѣ, у Гибралтара... твоя мать лежитъ въ Ливорно, а тебѣ пришлось лежать здѣсь....

— Вы—умный человекъ, сказалъ Осколкинъ:—а говорите пустяки, какъ баба какая. Ну что тамъ такое, отецъ лежитъ тамъ, мать въ другомъ мѣстѣ, а она тутъ? Что тутъ такое?.. Эка новости какія!

Меерсонъ грустно опустилъ голову.

— Какой ты, право, Сеня! сказалъ Бубновъ, вполнѣ сочувствуя грусти старика.—Какихъ ты тутъ новостей ищешь въ несчастьи? Развѣ скорбь имѣетъ право на наше вниманіе тогда только, когда она происходитъ отъ новаго и поразительнаго несчастья? Скорбь всегда скорбь. Эка ты странный человекъ!

— Оставьте его, сказалъ Меерсонъ.—Ему хочется болтать и разсѣять меня.... Онъ въ душѣ совсѣмъ другое чувствуетъ: я его знаю и за то люблю, что онъ доброту свою высказываетъ на свой манеръ, совсѣмъ не такъ какъ другіе люди.

— А онъ зналъ Сперанцу? спросилъ Бубновъ старика.

— Нѣтъ, я ея не зналъ, подхватилъ Осколкинъ:—только онъ такъ много наговорилъ мнѣ объ ней, что, такъ вотъ, просто, передъ глазами стоитъ.

— И у меня она тоже всегда передъ глазами, сказалъ старикъ.—Какъ теперь, кажется, гляжу на ея длинные каштановые волосы, какъ она ихъ обматываетъ вокругъ шеи и рзвится со мной, и хохочетъ такъ громко, такъ весело!... Мнѣ не суждено было ласкать мое родное дитя.... я находилъ радость въ ласкахъ полуроднаго.... а теперь и этой радости не стало.

— А вы никогда не были женаты прежде? спросилъ Бубновъ.

Старикъ наклонилъ голову, подумалъ нѣсколько секундъ и потомъ, какъ будто пробудясь отъ сна, произнесъ.

— Нѣтъ, не былъ.

— Быть можетъ Сперанца не могла вынести здѣшняго климата, сказалъ Бубновъ.

— Да, отвѣчалъ старикъ грустно:— мало ли что быть можетъ! Умерла отъ климата, или къ климату примѣшались еще огорченія, угнетенія,—лишь бы умерла. У смерти всегда есть свои извиненія. Послушайте людей, такъ никто бы никогда не умиралъ, еслибъ не было причины. Тотъ простудился, другой объѣлся, третій испугался, много климатъ вогналъ въ гробъ, а много тоска заѣла... Да, можетъ быть, я и виноватъ, что выдалъ ее за этого бездушнаго чело­вѣка, достойнаго члена бездушнаго семейства! Да чтожъ... я вѣдь не могъ знать... фирма «Н. Вельшеръ и Сыновья» меня ослѣпила. Я съ этимъ домо­мъ имѣлъ частыя сношенія; молодой чело­вѣкъ казался перломъ молодежи, хорошъ собой, образованъ, солиденъ и тонкій купецъ.

— И чтожъ, семейство это угнетало Сперанцу? спросилъ Бубновъ, вкрадчивымъ тихимъ голосомъ. Молодой чело­вѣкъ самъ понималъ какъ неловко съ первой минуты знакомства обременять Меерсона вопро­сами; но природное любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ приличія.

— Говорятъ, отвѣчалъ Меерсонъ.— Впрочемъ, мало ли что скажутъ. Я теперь узналъ это семейство: оно действительно не изъ лучшихъ; однакожъ все не вѣрится, чтобъ оно было причиной ея смерти. Лю­ди злы, это правда—это я видѣлъ во многихъ странахъ свѣта, и по­тому-то, что они злы, они представляютъ своего ближняго еще злѣе, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ, и потому-то я и не вѣрю всему, что мнѣ рассказали.....

Онъ замолчалъ. Бубновъ и Осколкинъ закурили папиросы.

— Къ тому же у меня была еще и другая причина, что я Сперанцу выдалъ замужъ сюда, началъ опять старикъ, какъ будто ища извиненія для самого себя:—мнѣ хотѣлось перевехать въ Россію.

— Отчего-жъ вамъ такъ хотѣлось? спросилъ Бубновъ, припоминая свой утренній разговоръ съ Осколкинымъ.

— Отчего? возразилъ старикъ съ жаромъ, немного смутившись:— что за вопросъ? хотѣлось, какъ вамъ, напримѣръ, хотѣлось бы по­бывать въ Парижѣ, или Римѣ.

Осколкинъ значительно посмотрѣлъ на Бубнова.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, продолжалъ Меерсонъ, при­нявъ свой холодный апатическій видъ: — мнѣ хотѣлось въ Одессу; тутъ обширное поле для коммерческой дѣятельности.

— Какъ вамъ эга дѣятельность не пріѣлась, беззаботно замѣтилъ Осколкинъ:—тутъ, придется роль заучить, или иногда самому вы­бриться, такъ клянeshъ день своего рожденія, а вамъ даже и не снится отъ сильной страсти къ дѣятельности.

— Это неправда, отвѣчалъ Меерсонъ:—если мнѣ иногда не снится,

то не отъ страсти къ дѣятельности... На все есть время. *Здѣсь* точно господствуетъ какая-то лихорадочная дѣятельность; нѣтъ, ни отдыха, ни сна; маклера изъ театра вытаскиваютъ негоціантовъ; здѣсь и не говорятъ: трудиться, заниматься, а говорятъ: *работать*. И дѣйствительно все работаютъ какъ поденщики; все живутъ, чтобъ нажить деньги. Мнѣ это не нравится. Я трудился въ Лондонѣ, тамъ дѣятельности больше, тамъ и временемъ дорожатъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь; но за то тамъ есть время когда жить, и когда трудиться.

— Чертъ возьми! вскричалъ Осколкинъ, потирая руки и очень довольный, что разговоръ принялъ другой оборотъ.—Потрудился бы и я, чтобъ эдакъ, по вашему, зашибить хоть миллиончикъ. А ты какъ Бубновина?

— Я? я, братъ, и съ сотней не справлюсь, отвѣчалъ Бубновъ.—Мнѣ только тогда хорошо, когда имѣю одинъ цѣлковый въ карманѣ.

— Вѣрю, сказалъ Меерсонъ. — Было время, когда я не имѣлъ и цѣлковаго, а мнѣ тогда лучше было, чѣмъ теперь. Къ чему служить мнѣ богатство? Оно хорошо, если есть съ кѣмъ его дѣлить.

— Если только за этимъ остановка, то раздѣлите его между нами, вскричалъ Осколкинъ, захохотавъ.

— Не имѣю права, важно отвѣчалъ Меерсонъ.—Пока еще у меня осталась малѣйшая надежда... я долженъ... я долженъ... впрочемъ, лучше ли было-бъ вамъ съ богатствомъ?

— О, я думаю, отвѣчалъ Осколкинъ.

— А я не думаю, сказалъ Меерсонъ.—Вы, мсье Осколкинъ и теперь пренебрегаете своимъ талантомъ, а съ богатствомъ и говорить нечего... вы сбились бы совсѣмъ съ толку, и кончили бы очень плохо, безъ всякаго сомнѣнія. А этотъ молодой человекъ распростился бы съ своею поэзіею... тоже сбился бы съ толку... Вы слышали,—онъ даже съ сотней не справится. Нѣтъ, господа, оставяйтесь вы лучше при своихъ природныхъ дарахъ, а мнѣ дайте дожить вѣкъ съ моимъ скучнымъ богатствомъ.

— Обыкновенныя фразы всѣхъ скрагъ, шепнулъ Осколкинъ на ухо Бубнову. — Однакожъ, мы заболтались, прибавилъ онъ громко: — не пора ли?

— Да, пора, сказалъ Меерсонъ, вставая:—мои почтенные родственники, Вельшеры, ждутъ меня къ обѣду.

Онъ горько улыбнулся.

— А! произнесъ Осколкинъ:—такъ вы тамъ сегодня?

— Да; сегодня день рожденія одного изъ пяти сыновей этой почтенной фирмы. Я имъ сдѣлаю сюрпризъ: напомню, что сегодня тоже день смерти Сперанцы. Они конечно, этого не помнятъ. Гдѣ-жъ

имъ напомнить! дѣлъ такъ много, и денегъ такъ много!.. Пойдемте, господа.

На обратномъ пути въ городъ Осколкинъ болталъ безъ умолка. По обыкновенію всѣхъ весельчаковъ, онъ былъ немножко брюзгливъ по утрамъ, но становился веселѣе, когда время приближалось къ обѣду; за обѣдомъ онъ приходилъ въ паѣосъ, который уже продолжался далеко за полночь, и, вслѣдствіе этого паѣоса, опять хмурился на другое утро. Разумѣется, что бывали исключенія какъ рго и сонга этого паѣоса, такъ равно и всего прочаго.

— Ну, возму-жъ я тебя въ руки сегодня! сказалъ Осколкинъ Бубнову, когда Меерсонъ ихъ оставилъ и они стали приближаться къ локандъ Михали, онъ же Барбуня: — то есть, накормлю совсѣмъ на андеръ-манеръ. Это, братъ, тебѣ не Харьковъ, нать. Тутъ ты умения такихъ матеріаловъ отвѣдаешь, какихъ и во снѣ не видѣлъ.

— Вотъ еще! вскричалъ Бубновъ съ испугомъ: — не хочу твоихъ диковинокъ: мой желудокъ къ нимъ не привыкъ... еще заболѣю.

— Заболѣешь — выльчимъ сказалъ Осколкинъ весело: — здѣсь портерь отличный, а медокъ, просто...

Онъ поцѣловалъ сложенные въ кучу пальцы своей правой руки.

— А ты думаешь, отсюда лѣчить будемъ? продолжалъ онъ, показывая палкой на аптеку: — нѣтъ, дудки!... Однакомъ, баринъ хорошій, тебѣ и побрѣться не мѣшало-бъ.

Бубновъ схватился за подбородокъ.

— Ахъ Боже мой! сказалъ онъ: — чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ, ты прежде не могъ мнѣ этого сказать. Два часа хожу по городу съ заросшимъ подбородкомъ, какъ бродяга какой, а онъ мнѣ ни слова.

— Каковъ! вскричалъ Осколкинъ, расхохотавшись: — я должентъ ему напомнить, что ему нужно дѣлать. Ну, хорошо, буду; отылиъ всегда буду тебѣ напоминать: душа, дескать, Елисей, тебѣ, кажись, пить хочется, — и ткну тебѣ стаканъ въ зубы; или: голубчикъ Елисей, тебѣ зубъ болитъ, и поташу къ дантисту... даю слово.

— Оставь шутки, пойдемъ домой брѣться, сказалъ Бубновъ.

— Не нужно домой: вотъ тебѣ и заведеніе. Здѣсь братъ такъ брѣютъ, что и первый цирюльникъ персидскаго шаха заложить въ ротъ палецъ удивленія. Вотъ!...

Осколкинъ указалъ на вѣвьску, на которой былъ изображенъ сидящій господинъ въ желтыхъ брюкахъ, въ голубомъ фракѣ и въ розовыхъ перчаткахъ, съ сильно взбитымъ тупеємъ; возлѣ этого господина стоялъ другой господинъ въ такомъ же костюмѣ, только безъ перчатокъ, и тащилъ перваго господина за обнаженную руку, изъ которой извилисто опускалась на земь красная полоса. По вы-

раженію лица сидячаго господина и его вытянутой позиціи на стулѣ видно было что онъ не смиркомъ охотно позволялъ тащить себя за руку стоячему господину. Подъ этими двумя фигурами было написано:

Тутъ

бръютъ и Стрегутъ

волосы красятъ

зубы Рвутъ прахтикованный цырульникъ

Капрель Кичкалдуровъ

— А что, какая вывеска? спросилъ Осколкинъ Бубнова, который смотрѣлъ на вывеску и улыбался.

— Курьёзна, очень.

— А вотъ увидишь канъ курьёзна, когда онъ тебя положитъ на колыно....

— Какъ на колыно?

— Просто вытаетъ тебя шною какъ барану, да положитъ на колыно. Капрель, вольми-ка этого барина да нобрый его, знаешь, эдакъ, мастерски.

Капрель, который стоялъ передъ дверьми своей лавки, безъ верхняго платья, обвязанный на брѣхъ, вмѣстѣ передника, цвѣтвымъ носовымъ платкомъ, къ которому былъ прицѣпленъ широкій ремень, привѣтливо улыбнулся Осколкину.

— А, муюю, наше почтёніе, пожалуй-сь! сказалъ онъ.

— Какой страшный, щемитъ Бубновъ Осколкину, глядя боязливо на Капрела.

Дѣйствительно Капрель обладалъ замѣчательною фзіономією. Онъ былъ очень высокъ ростомъ и очень худъ; оливковаго цвѣта лицо его, обезображенное оспой, имѣло свирьлое выраженіе, которое еще болѣе усиливалося отъ большаго, понатнувагося на бокъ носа, и большаго чернаго глаза, налитыхъ кровью; а были глаза у Капрела налиты кровью оттого, что онъ такъ крѣпко затягивалъ себя шною своимъ тешенимъ галстукомъ, что принужденъ былъ дышать въ одно время и ртомъ и носомъ; а затягивалъ себя Капрель такъ крѣпко галстукомъ оттого, что считалъ себя большимъ красавцемъ; а считалъ себя Капрель красавцемъ оттого, что имѣлъ очень черные волосы, до того черные, что они даже казались темносными. Эти-то волосы, облитые, какъ цементомъ, самодѣлковою помадой, какого-то иностраннаго запаха, составляли красу и гордость Капрела, и такъ плотно лежали на головѣ его и okayмляли виски, что никакая буря не могла бы ихъ потревожить.

— Пожалуй-сь, муюю, останетесь довольнымъ, повторилъ Кап-

ремъ, впуская своихъ гостей въ лавку и самъ олядуя за ними.

— Сабунъ-веръ-чабукъ! вскричалъ онъ на одного изъ своихъ подмастерьевъ.

— Что-о? спросилъ испуганный Бубновъ.

— Не вамъ, мусю, отвѣчалъ Капрель: — эта я говорю мальчикъ, чтобъ далъ проворна мыла.

— На какомъ это языкъ?

— Чиста турецка, сказалъ Капрель съ достоинствомъ, намыливъ Бубнову подбородокъ и щеки, и принимаясь его брить.

— А что, Капрель, сказалъ Осколкинъ, усвѣпши на скамь, придланной къ стѣнѣ и обшитой сукномъ, на манеръ турецкаго дивана: — какъ поживаешь?

— Слава Богу! отвѣчалъ Капрель. — Брвю и гривеннички забираю.

— Ты все по гривенничку, а вотъ французы по тридцати копекъ серебромъ лупятъ.

— То французъ, а мы человекъ неграмотный: для насъ и гривенникъ ххарощъ. Лучше большой рыбка, чѣмъ маленькой тжараканъ.

Бубновъ залился смѣхомъ.

— Потше, сударь, сказалъ Капрель, быстро отнявъ бритву: — когда брвешься смѣяться не нада... Прикажете чистить?

— Какъ чистить? спросилъ Бубновъ.

— Стало быть гладко побрить, два раза бритвой проходить.

— Что его спрашивать! вскричалъ Осколкинъ: — онъ неукъ. Брай какъ олядуеть, а мнѣ подай желтую книжку, знаешь?

— А, пондравился вамъ, самодовольно сказалъ Капрель, доставъ изъ-подъ зеркала не большую книжку въ желтой оберткѣ и бросивъ ее къ Осколкину.

— Какъ же не понравилась, отвѣчалъ Осколкинъ: — вотъ ужъ годъ круглый я ее читаю у тебя, да все до конца не доберусь.

Капрель принялся чистить Бубнова, а Осколкинъ углубился въ чтеніе замѣчательнаго литературнаго произведенія, подъ заглавіемъ: «Битва русскихъ съ кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробъ супруга съ хорами и маршами.»

Теперь носторинитесь фигуры въ нашемъ «Калейдоскопѣ» и дайте на время мѣсто другимъ.

МОХАММЕДЪ АМИНЪ.

I.

ПОСЪЩЕНІЕ ЕГО КО МНѢ.

22-го апрѣля мнѣ дано было знать, что прибывшій сюда съ Кавказа Мохаммедъ-Аминъ желаетъ посѣтить меня и просить о назначеніи дня и часа, когда я могу принять его. Я назначилъ полдень слѣдующаго 23-го числа (въ субботу); но десятью минутами раньше назначеннаго часа почтенный гость пожаловалъ ко мнѣ, въ сопровожденіи полковника, ориенталиста, г. Богуславскаго.

Объ этомъ уже давно извѣстномъ лицѣ я слышалъ много прежде, и имя его довольно было знакомо мнѣ, какъ каждому русскому читателю, изъ рассказовъ нашихъ періодическихъ изданій, и, конечно, при настоящемъ случаѣ, я собрался встрѣтить его сообразно предварительному понятію, какое я могъ составить по немъ сравненію его съ знаменитымъ нашимъ Шамилемъ. Разумѣется, я представлялъ его себѣ молодцомъ-мужиной, среднихъ лѣтъ, храбрымъ, умнымъ, хотя не столь ученымъ, какъ Шамиль, говорящимъ на арабскомъ и кумыкскомъ языкахъ, свѣдущимъ въ последнемъ столько же, какъ и Шамиль. если не больше. Однимъ словомъ, я представлялъ его достойнымъ муридомъ своего муршида. Въ предположеніяхъ своихъ я не ошибся, кромѣ одного: я нашелъ Мохаммедъ-Амина гораздо сильнѣе въ арабскомъ языкѣ, слѣдственно гораздо ученѣе въ *арабизмъ*, (*)— что въ Дагестанѣ развито въ высшей степени между тамошними учеными. Сверхъ того, оказалось, что онъ *Хафизъ*, т. е. знаетъ весь Ко-

(*) „*Аль-Арабийэтъ*“, т. е. весь отразилъ арабской словесности.

ранъ *наизустъ*, (**) и хорошо знакомъ съ правилами *Таджсида*—наукою чтенія Корана, иначе называемою въ болѣе обширномъ смыслѣ *Гкараатъ*; во всемъ прочемъ я нашелъ его какъ думалъ—ученикомъ имама Шамиля, о которомъ онъ,—да будетъ сказано въ честь его,—отзывается съ почтеніемъ, и не потому вовсе, что такъ подобаетъ муриду, но потому, что онъ дѣйствительно уважаетъ его.

Мохаммедъ-Аминъ былъ представленъ мнѣ гораздо проще, чѣмъ его имама, т. е. безъ свиты, одинъ. Я встрѣтилъ его у дверей своего кабинета и, по намеку полковника Богуславскаго, привѣтствовалъ его по арабски, потому что персидскій или турецкій языкъ онъ знаетъ довольно плохо. Удивленъ я былъ быстрой, свободной рѣчью и отличными его произношеніемъ, въ-особенности гортанныхъ звуковъ. Къ этому, конечно, приспособило его хорошее знаніе черкесскаго языка, который также изобилуетъ такими звуками.

Почтеннаго моего гостя я посадилъ на почетномъ мѣстѣ и самъ сѣлъ напротивъ него, и извѣстные мнѣ попутчики мои знакомые окружили насъ съ естественнымъ любопытствомъ. Первое наше знакомство началось, конечно, восточными комплиментами; затѣмъ цѣли обиденные вопросы и отвѣты: какъ ему правится Петербургъ, Россія, каковы дальніе пути, ея пространство, сами русскіе, ихъ гостепріимство? и т. п. Въ отвѣты были умны, умѣстны и совершенно сообразны съ условіями восточной и даже европейской политики. При каждой фразѣ онъ произносилъ слова: *Аль-хамду-лилла*—*слава Богу!* и часто повторялъ фразу, когда хотѣлось ему придать отвѣту полное значеніе: *Аль-хамду-лилла! Аль-хамду-лилла!*—говорилъ онъ, когда рассказывалъ о приѣмѣ фельдмаршала, о милости Государя Императора, о привѣтствіи и добродушіи русскихъ; но жаловался на то только, что въ Петербургѣ онъ не успѣлъ еще видѣть многихъ и многого.

Мнѣ очень любопытно было знать: что Мохаммедъ-Амина заставило сдѣлать мнѣ визитъ; но, опасаясь оскорбить восточный этикетъ, въ особенности дагестанской, который запрещаетъ дѣлать подобные вопросы съ перваго разу, я молчалъ покада. *Сени зидетимъ-чима гелдене дилэ ни-чинз гелдинз, я меджез гелдинз,—ди хонз галдинз*—говоритъ пословица; т. е., поспѣвшему тебя не говори; затѣмъ пожаловалъ? или какъ пожаловалъ? а скажи *добро пожаловать!* Однакожъ между разговоромъ мой кунакъ (гость) разрашилъ мое сомнѣніе,

(**) Это ставится въ большее достоинство на Востоку, и читатель знакомъ съ этимъ эпитетомъ, по той же причинѣ даннымъ одному изъ первоклассныхъ восточныхъ поэтовъ и принятымъ имъ за *послѣднимъ*.

давъ знать, что генералъ К. . . . .скій, съ которымъ онъ и воевалъ и возъ дружбу, часто говорилъ ему обо мнѣ и совѣтовалъ познакомиться со мною по пріездѣ въ Петербургъ.

Послѣ обычнаго угощенія по правиламъ восточнаго гостеприимства, мой гость сдѣлалъ мнѣ нѣкоторые вопросы, какъ-то: давно ли я здѣсь въ Петербургѣ, сколько лѣтъ жилъ въ Казани, много ли тамъ мусульманъ, какого они исповѣданія, т. е. какого отъѣла суннитскаго ученія (*); держатся ли они строго своего ученія, споможъ бычасть и есть ли между ними люди привѣчательные своею ученостію? — На все эти вопросы я отвѣчалъ въ подробности; но невольно затруднился въ удовольствіи его на послѣдніе два; однакожъ онъ меня прѣдупредилъ.—Надо замѣтить, что казанскіе и оренбургскіе ученые за нѣсколько лѣтъ тому назадъ пользовались большимъ славомъ между горцами. Господствовавшій недавно тамъ юридизмъ, какъ мы говорили въ нашей статьѣ о *Муридизмѣ* (Русское Слово, въ декабрь 1869 г., стр. 204), былъ привезенъ туда изъ стѣпей оренбургскихъ; между тѣмъ все средне-азійскіе рубежи русскихъ владѣній въ Дагестанѣ носятъ имена болгарскаго или казанскаго царства; слова *Оренбургъ*, *Уфа* тамъ неизвѣстны; даже Астрахия въ ихъ географіи прѣдлежитъ казанскому царству, несмотря на то, что долгое время, во какому-то странному отеченіи обстоятельствъ, она принадлежала Кавказу (**). Слѣдственно имя *Казань* было всегда благозвучно въ ушахъ дагестанцевъ и темная эта страна для нихъ—всегда безотчетно интересною. Какой бы ученый татаринъ, изъ Оренбурга или Астрахани, ни пріѣзжалъ въ Дагестанъ,—для него называться обимъ казанскимъ или болгарскимъ, какъ европейскіе путешественники въ средней Азіи, кто бы они ни были по происхожденію, часто выдаютъ себя, для такого же шика или для большаго обозначенія своей безопытности, за англичанъ. Изъ этого же соображенія взять особенный титулъ «казанскій», данный мнѣ Мохаммедомъ-Аминномъ въ его *мемуарѣ*, ниже сего изложенномъ въ переводѣ.

И такъ вопросы Мохаммедъ-Амина объ моламахъ въ Казани и объ ученыхъ казанскихъ показались мнѣ дѣломъ шекотливымъ; не при-

(*) Четыре отъѣла суннитскаго ученія: *ханзафидское*, *шафитское*, *халва-лидское* и *маликидское*. Самые многочисленныя суть *ханзафиды*, иначе называемыя *азалиды*. Вся Турція, весь Туркестанъ и русскіе татары суть *ханзафиды*; на Кавказѣ господствуетъ шафитское ученіе; въ Египтѣ тоже; въ Сиріи и Араміи халвалидское, съ примѣсью шафитскаго; въ Африкѣ маликидское.

(**) Во время Ермолова и позже Астраханская губернія была подчинена управленію главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ.

ходилось мнѣ ни хвалить, ни порицать ихъ; другими словами—ни поддерживать его мнѣнія, ни разочаровать его. Я не успѣлъ еще дать ему полный отвѣтъ, какъ онъ прибавилъ: въ русскокомъ законѣ есть одно важное—это вѣротерпимость; это очень хорошо, умно; всякое вѣроисповѣданіе живетъ по своему, какъ повелеваетъ ему его законъ и его совѣсть. Но судя по слухамъ, кажется, науки теперь тамъ очень слабы; или это какая-нибудь случайность?... Обрадованнымъ такой предупредительности, я тутъ замѣтилъ, что, напротивъ, въ Казани есть и очень ученые муллы и *имамы*, и что тотъ же законъ, который ему нравится, какъ умному человѣку, имъ вполне предоставляется ихъ право, а правительство поощряетъ ихъ всеми мѣрами.

Любопытный мой гость сидѣлъ у меня около часа времени. Я представилъ ему другихъ моихъ гостей; онъ былъ очень любезенъ и по одиначкѣ съ ними познакомился и спрашивалъ о ихъ службѣ, о ихъ чинахъ, о ихъ здоровьяхъ. Эти вопросы, сколько они ни странны для нашихъ европейцевъ, имѣли однакожъ то основаніе, что Мохаммедъ-Аминъ, какъ политическое лицо, хотѣлъ произнести каждому должное выраженіе своего почтенія; но, замѣтивъ, что въ нашихъ салонахъ нѣтъ особаго чинопочтанія, онъ былъ одинаково любезенъ со всеми; и то дѣлаетъ ему еще честь, что онъ тутъ видѣлъ самого себя ниже вѣхъ: былъ примарно учтивъ и умѣренъ въ разговорѣ все время.

Я представилъ ему въ даръ три книги моихъ сочиненій, изданій на арабскомъ и туренкомъ языкахъ: болѣе всего онъ прельстился *конкордансомъ* Корана, недавно изданнымъ мною въ свѣтъ. Какъ *хафизъ*, знающій весь Коранъ наизусть, онъ обратилъ особенное вниманіе на это сочиненіе и нѣсколько разъ осмотрѣлъ его. Удостоверившись, что по немъ можно разомъ найти все *фразы* и *слова* Корана, безъ содѣйствія и одолженія *хафизовъ* (*) онъ произнесъ: *барекаллаха!* (браво!) и сказалъ: «какъ въ Европѣ все дѣлается такъ удобно, такъ просто!»

Я показалъ Мохаммедъ-Амину мое описаніе муридизма и Шамилля, въ журналѣ Русское Слово. Для того, чтобы еще разъ убѣдиться мнѣ въ вѣрности моихъ документовъ, изъ которыхъ составлены «приложенія» (Русское Слово за Декабрь, 1859, стр. 232), я показалъ ему все мои подлинныя бумаги, полученныя въ 1852-мъ году отъ Керимъ-Бей. О таблицѣ подъ № 5, (тамъ же, стр. 242)

(*) Нужда въ конкордансѣ Корана всегда была ошутительна между мусульманами. Если кто желалъ знать, гдѣ въ Коранѣ такое-то слово, такая-то фраза, то онъ не иначе могъ найти ихъ, какъ прочитавъ весь Коранъ, или обратиться къ помощи отличнаго *хафиза*. Вотъ, почему Мохаммедъ-Аминъ, снѣгъ будучи хаѣномъ, тотчасъ повѣлъ пользу этой руководительной книги.

онъ сказалъ, что въ надписи верны, но заметилъ, что тутъ нѣтъ изображеній нѣкоторыхъ другихъ знаковъ. Я сказалъ ему, что я не могъ достать рисунка изображеній этихъ знаковъ и что объ этомъ я упоминалъ уже въ моемъ описаніи этихъ знаковъ (тамъ же, стр. 229). Онъ прочелъ наизусть надпись одного знака отличія: *«кто думаетъ въ послѣдствіи, тотъ никогда не можетъ быть храбръ»*, и сказалъ: *«это много пролило крови!»*

Относительно № 4-го приложенія — пѣсней на арабскомъ языкѣ, по моему *ошибочному* указанію будто составленныхъ Шамилемъ для пѣнія муридамъ во время приступа къ сраженію (тамъ же, стр. 238), Мохаммедъ-Аминъ замѣтилъ, что эти пѣсни не имамомъ Шамилемъ составлены, а самими *Зейнуль-Абидиномъ*, (*) четвертымъ имамомъ, имя котораго два раза упоминается въ нихъ (въ 14-мъ и 18-мъ куплетахъ). За это я благодарилъ ученаго Мохаммедъ-Амина; но тѣмъ менѣе остаюсь при убѣжденіи, что пѣсни эти не принадлежать Зейнуль-Абидину, а какому нибудь самозванцу, главѣ муридовъ, желавшему утвердить свое значеніе пролитіемъ крови во имя «святыни», народной. По свидѣтельству полковника Богуславскаго, Шамиль также отказался отъ пѣсней вписанныхъ мною *ему* и говорилъ, что во время атаки его муриды, *по его ученію*, ничего не пѣли, какъ только *ля-илла-илла—нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха!* однакожъ Мохаммедъ-Аминъ очень знакомъ съ этими пѣснями и знаетъ ихъ наизусть и говоритъ, что безъ нихъ никакое сраженіе не выигрывалось!

Въ этомъ посвященіи новаго кавказскаго гостя, Мохаммедъ-Амина, весь разговоръ нашъ имѣлъ болѣе ученый характеръ. Я нашелъ его весьма приятнымъ, и действительно, по тамошнему, очень ученымъ человекомъ. Онъ видѣлъ свѣтъ болѣе Шамиля; былъ въ Константинополь два раза, былъ въ Сиріи и малой Азій, стало быть болѣе обращался въ кругу людей иноплеменныхъ, разнаго элемента. Но все-таки большая разница между нимъ и Шамилемъ! Онъ ученѣе Шамиля, опытнѣе, и какъ кажется красивѣе его; но остается одно важнѣйшее на сторонѣ Шамиля достоинство, которымъ человекъ покоряетъ и ученыхъ и опытныхъ, и малыхъ, и великихъ,— это—свѣтлая голова, здравый самородный умъ, который всегда и очаровываетъ, и повелеваетъ. Этимъ-то Шамиль покорилъ, соединилъ подъ свою власть весь Дагестанъ, и Мохаммедъ-Аминъ былъ въ числѣ его муридовъ и усердныхъ слугъ. Мнѣ было очень любопытно знать, какъ будетъ отзываться онъ о Шамилѣ, въ-особенности теперь, когда онъ вовсе не нуж-

(*) Зейнуль-Абидинъ считается въ числѣ святыхъ между мусульманами всего исповѣданія. Въ *Тарихатъ* онъ считается въ числѣ столповъ этого ученія.

дается въ немъ. Въ честь его дабудетъ оказано, повторю что вслѣдствіе разъ онъ произнеслъ имя Шамилъ иначе, какъ съ особеннаго почтеніемъ, какъ произноситъ преданный ученикъ имя уважаемаго своего наставника, или—бывшій подчиненный—имя бывшего, умнаго почетнаго своего начальника.

Мехаммедъ-Аминъ по наружности брысотеъ, мужчина стройный, плотный, довольно высокаго роста; имѣетъ физіономію пріятную, привлекательную, всегда съ предупредительною улыбкою. Отъ роду ему, какъ можно видѣть изъ словъ его въ нижеприведенномъ переводѣ написаннаго имъ для меня *мемуара*, сорокъ два года. Слѣдственно онъ одѣланъ муридомъ Шамилъ когда ему было около семнадцати или восемнадцати лѣтъ, и съ-тѣхъ-поръ онъ былъ въ непрерывной дѣятельности, въ развѣздахъ, въ путешествіяхъ, въ постоянномъ движеніи, что много послужило ему къ развитію его физическихъ силъ. Какъ въ подвижномъ, выдаюмъ челоуакъ, въ немъ замѣтна ловкость въ обращеніи, живость въ разговоръ и въ манерахъ и любопытство даже до слабости. Онъ беспрестанно дѣлалъ вопросы иногда даже не кстати, но всегда можно было замѣтить какую-нибудь цель: одни изъ этихъ вопросовъ касались науки, другіе политики, конечно въ сжатомъ, бѣдномъ ея значеніи; третьи—чинопочитанія; словомъ—разговоръ шелъ живо, непринужденно, непрерывчато. Я не могъ добиться въ некоторыхъ связныхъ отъ него, касательно прошедшей жизни, исключая того только, что въ дѣтствѣ онъ учился у гонедскаго кадія *Деитъ-Бика*, а потомъ кончилъ образованіе у знаменитаго аварца *Абдур-размана*; что онъ еще въ молодости своей былъ назначенъ имамомъ Шемуломъ въ качествѣ наместника (намба) къ черкесамъ, гдѣ онъ жилъ послѣ почти независимымъ господиномъ, въ продолженіе почти всей своей бытности у нихъ. Видя, что на исполненіе желанія моего нѣтъ никакой надежды, я просилъ его написать для меня на арабскомъ языкѣ что-нибудь въ родѣ *мемюаре*, т. е. воспоминаній о своей жизни. Онъ обещалъ очень охотно; но съ-тѣхъ-имѣетъ, взаменъ этого, просилъ и меня составить для него *по восточной астрологій таблицу для распознанія счастливыхъ и несчастливыхъ дней года и мѣсяцевъ!* Признаюсь, задача для меня была очень трудная, несимпатичная, но я обещался, думая, что все это кончится одними только обещаніями съ обѣихъ сторонъ, что онъ не напишетъ мнѣ свою біографію и что мы съ нимъ уже болѣе не свидимся, а если и свидимся, то, думалось, едва ли скоро. Но онъ сдержалъ свое слово. Когда я заплатилъ ему визитъ, 25-го числа апрѣля же, онъ, къ изумленію моему, вручилъ мнѣ свой составленный мемуаръ—и я также долженъ былъ сдержать данное слово, хотя это мнѣ стоило, говорю, большаго усилія, какъ недобровольная работа.

Переведъ нашъ мемуара, такъ и моея брошюры, я почелъ нужнымъ прибавить въ концѣ этой статьи. Изъ перваго читатель узнаетъ, хотя вкратцѣ, исторію жизни Мохаммедъ-Амина, писанную имъ самимъ; изъ второй онъ увидитъ всю нелѣпость, до какой доходятъ мусульмане въ астрологіи, въ отношеніи распределенія дней года для разнаго ряда *предпріятій*;—тѣмъ болѣе это не будетъ неумѣстно, что придется читателю на память, что недавно и въ Европѣ занимались этимъ дѣломъ, и что не далѣе, какъ 200 лѣтъ тому назадъ, верою самыхъ просвѣщенныхъ нынѣ странъ Европы были въ оковахъ этого суевѣрія (*).

II.

Мой визитъ Мохаммедъ-Амину.

25-го апрѣля, въ полдень, я поѣхалъ къ Мохаммедъ-Амину, говоря по нашему — заплатить ему визитъ. Этотъ обычай совершенно противоположенъ восточному; тамъ первый визитъ принадлежитъ *жителямъ* города, а потомъ *пріѣзжій* дѣлаетъ *баз-дидъ*, т. е. платитъ визитъ. Европейскія дипломатическія особы въ тѣхъ странахъ пользуются мѣстнымъ обычаемъ, т. е., по пріѣздѣ своемъ требуютъ перваго визита отъ туземцевъ, потомъ сами платятъ имъ визитъ. Это значитъ, что они, какъ у себя, такъ и у нихъ ждутъ перваго визита отъ иностранцевъ. Изъ этого правила исключаются только *великіе* послы, или *амбасадеры*, за которыми *первенство* остается *вездѣ*.

Шамилево посѣщеніе меня, равно какъ и мохаммедъ-аминово, выхоятъ изъ категоріи обыкновенныхъ визитовъ: это не иное что, какъ капризъ любопытства или безотчетной любознательности.

У Мохаммедъ-Амина никого не было. Очень обрадованный, повидимому, моему пріѣздомъ, онъ посадилъ меня на диванъ на своемъ мѣстѣ и самъ сѣлъ противъ меня въ кресло. Сколько тутъ ни было церемоній, но я долженъ былъ уступить его гостепримству. Первое дѣло, чѣмъ онъ удивилъ меня, было то, что онъ представилъ мнѣ маленькую тетрадь, имъ писанную на арабскомъ языкѣ, въ видѣ брошюры или отдѣльно составленнаго сочиненія, по образцу восточныхъ,—это была краткая его біографія, которой переводъ прилагается здѣсь. Не ожидая такой любезности со стороны его, я невольно выразилъ ему мою искреннюю благодарность и обѣщаніе непременно исполнить

В (*) Какъ видно изъ «*Звѣздъ трехъ волжскихъ*» (Бамбергъ, 1821 года), до нашего времени, къ несчастію, слѣды астрологіи не совсѣмъ еще изгладились.

его желаніе и представить ему вскорѣ астрологическій выводъ о *счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ* года и мѣсяцевъ. Затѣмъ мы прочтали съ нимъ вмѣстѣ его брошюру, и очень было приятно видѣть въ ней легкость и правильность, следовательно и совершенное знаніе, доказывающее, что авторъ ея одинаково владѣетъ арабскимъ языкомъ, какъ въ письмѣ, такъ и въ разговорѣ. Конечно, тутъ есть и промахи, но надо вспомнить, что она написана *за одинъ ярысема*, ночью, притомъ человекомъ, усталымъ отъ развѣздовъ продолженіе цѣлаго дня *), когда невольно клонить сонъ, когда воображеніе застилается туманомъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ, вошли нѣкоторые изъ его свиты; между ними Мохаммедъ-Аминъ представилъ своего меньшаго роднаго брата Абу-Бекра, очень на него похожаго и ростомъ и окладомъ лица, но, какъ кажется, это скорѣе простой горецъ, чѣмъ ученый. Нашъ разговоръ съ нимъ былъ немногословенъ на кумыкско-татарскомъ нарѣчій, которое онъ знаетъ также плохо, какъ и старшій его братъ.

Что всего интереснѣе для меня было въ этомъ визитѣ, то это слѣдующее.

При мнѣ пріѣхалъ къ нему нашъ почтенный адмиралъ Серебряковъ, давно знакомый съ Мохаммедъ-Аминомъ по своей долговременной службѣ въ тѣхъ краяхъ. Слишкомъ тринадцать лѣтъ они не видались и потому едва узнали другъ-друга. Я охотно взялся исполнить должность переводчика между ними. Конечно, служа переводчикомъ, передавая изъ одной головы въ другую чуждыя для меня мысли, я чувствовалъ себя какъ бы въ глухомъ, незнакомомъ мнѣ лѣсу; слышалъ безпрестанно только новыя названія лицъ и мѣстъ; изложеніе причинъ бѣгства такого-то, упрямства такихъ-то, отступленія третьихъ, нападенія четвертыхъ. Какъ человеку небывалому на мѣстахъ по берегамъ Чернаго моря, у черкесовъ, о которыхъ шелъ разговоръ, и незнакомому съ подробностями кавказской хроники, трудно было удержать что-нибудь въ памяти для интереснаго описанія; но изъ всего разговора я понималъ, что Мохаммедъ-Аминъ былъ третій человекъ послѣ *Хаджи-Мохаммеда и Сулеймана-Эфенди*, которые, одинъ за другимъ (начиная съ 1842 года), возмущали черкесовъ, приглашая ихъ къ *сознательному исламу* **), т. е., къ враждѣ противъ *гуровъ*—

*) 24-го числа, Мохаммедъ-Аминъ съ свитой своей былъ въ Царскомъ Селѣ вплоть до вечера.

(**) Черкесы, до исхода прошлаго столѣтія, были совершенно какъ наши чувашы и черемисы—язычники; они имѣли свои *табуи-азачи*, въ родѣ чувашско-черемисскихъ *кереметей*, гдѣ отправляли богослуженіе. Между ними замѣтны были (какъ и до-сихъ-поръ есть еще въ горахъ) нѣкоторыя остатки христіан-

русскихъ; что Мохаммедъ-Аминъ успѣлъ между горцами болѣе своихъ предшественниковъ, потому что, *во-первыхъ*, онъ дѣйствовалъ умнѣе ихъ; *во-вторыхъ*, онъ умѣлъ навести тамъ ужасъ именемъ Шамши; что нашего адмирала Серебрякова черкесы любили и побаивались; что Мохаммедъ-Аминъ всегда избѣгалъ стоять лицомъ къ лицу съ русскими; не желалъ воевать съ ними, а если и воевалъ, то по необходимости; что онъ уговаривалъ не только подчиненныхъ ему абадзаховъ, но даже и другія общества не состязаться съ русскими, а жить съ ними мирно и осторожно. Только тутъ Мохаммедъ-Аминъ проговорился: «Мы ждали войны между Россією и Турцією, а потому я ждалъ конца, чтобы дѣйствовать сообразно требованію обстоятельствъ; вотъ причина, почему я избѣгалъ всегда войны, не полагаясь на желаемые успѣхи.» Адмиралъ съ удивленіемъ спросилъ: «Какъ вы могли предвидѣть войну, когда объ ней и рѣчи не было? Скажите, въ самомъ дѣлѣ, Мохаммедъ-Аминъ, съ любопытствомъ прибавилъ адмиралъ, — я и тогда слышалъ, что вы предрекали войну, между тѣмъ какъ мы даже и во снѣ не слышали объ ней; а оказалось, что вы были правы!» Мохаммедъ-Аминъ на это сказалъ: «Дѣло прошлое! Я зналъ о войнѣ черезъ нашихъ комиссаровъ въ Константинополѣ. Въ ту пору (въ 1849—1850 году!) оттоманскому кабинету извѣстно было, что съ Россією безъ войны не обойдется; рано или поздно она будетъ. Потомъ мы получили извѣстіе, что все готовится къ войнѣ — и ей быть неминуемо.»

Признаюсь, при всемъ равнодушіи переводчика, я не могъ скрыть крайняго удивленія—слышать отъ горца, что онъ зналъ политику Анг-

ства, заглушенные обычаями идолопоклонническими; но со времени очаковскихъ мохаммедовъ послалось тамъ при содѣйствіи турокъ. Хотя черкесы, по своимъ сношеніямъ съ крымскими ханами, и прежде были знакомы съ исламомъ, но тогда исламъ ограничивался однимъ названіемъ, и то между князьями. Сверхъ того, у черкесовъ обычай, — во всякой общинѣ свои — составляютъ и вѣру и законъ. Какъ начавшееся тамъ христіанство совершенно впало въ оковы этихъ обычаевъ и никто не могъ позаботиться о немъ, — исламъ также могъ бы совершенно исчезнуть тамъ, если бы не позаботилось о немъ турецкое правительство. Эта заботливость не въ томъ состояла, чтобы образовать черкесовъ, но лишь въ томъ, чтобы они носили имя *мусульманъ*, признавали бы Коранъ и верили тому, что русскіе, какъ и всѣ другіе христіане, суть *языры*, и что *джмады* противъ нихъ составляетъ *обязанность* мусульманъ, когда *имамъ* предписываетъ это (см. „Русское Слово“ за декабрь 1859 г., стр. 187—190). Вотъ вся *сознательность*, какую требовали агенты турецкаго правительства и имама Шемудли отъ черкесовъ. Несмотря на то, что мохаммедовство начинаетъ распространяться между черкесами, оно такъ слабо еще тамъ, что магіянная мудрая поштыка, много можетъ сдѣлать въ пользу христіанства.

ли еще въ ту пору, когда мы были слишкомъ увѣрены въ непоколебимой ея дружбѣ съ нами и когда вся Европа была занята участіемъ орлеанскаго дома, судьбою Франціи! Я, право, не знаю, могло ли это быть въ самомъ дѣлѣ, но Мохаммедъ-Аминъ утверждалъ это, — и обороты разговора, и вопросы, и допросы адмирала Серебрякова, и допытывательныя на нихъ отвѣты — все говорило въ пользу его правоты. А въ томъ, что Мохаммедъ-Аминъ имѣлъ тайную переписку съ турецкимъ правительствомъ, нѣтъ ни какого сомнѣнія. Мы помнимъ, что десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые изъ его писемъ, адресованныя на имя кого-то въ *Галатъ*, были перехвачены нашими лазутчиками. Въ этихъ письмахъ Мохаммедъ-Аминъ, сообщая о своихъ удачахъ и неудачахъ *), всегда прибавлялъ: *«доведи обо всемъ этомъ до свѣдѣнія того, кому слѣдуетъ.»*

Какъ бы то ни было, весь разговоръ между адмираломъ Серебряковымъ и Мохаммедомъ-Аминомъ касался только обстоятельствъ, предшествовавшихъ объявленію войны между Россією и Турцією, т. е. — до снятія и упраздненія нашихъ укрѣпленій на берегахъ Чернаго моря; послѣ чего адмиралъ нашъ совсѣмъ уже не имѣлъ сношеній съ Мохаммедъ-Аминомъ. Утѣнительно было то, что вообще отзывъ Мохаммедъ-Амина объ адмиралѣ Серебряковѣ, былъ весьма лестный и, по всему судя, совершенно искренній.

НІ.

Переводъ мемуара, писаннаго собственноручно Мохаммедъ-Аминомъ для меня, на арабскомъ языкѣ, ночью 25 апрѣля.

«Во имя Бога милосердаго, милостиваго! Хвала Аллаху Всевышнему и миръ на тѣхъ изъ рабовъ его, которыхъ онъ удостоилъ избранничествомъ.

«Когда ученый.... Каземъ-Бекъ Дербендскій и Казанскій, (1) живущій въ Петербургѣ, просилъ меня написать нѣсколько о томъ, что со

*) Въ последнемъ захваченномъ письмѣ было сказано: „Сынъ Царя, — говорить, — и это вѣрно, — съ огромною арміею идетъ на Кавказъ: пускай принимаютъ миръ!“ — Все это доказываетъ, что Мохаммедъ-Аминъ не дремалъ и что действительно имѣлъ тайное сношеніе съ турецкимъ правительствомъ.

1) Для почета, относительныхъ или притяжательныхъ прилагательныхъ члѣвъ больше тѣмъ лучше. Беретъ мѣсто рожденія, воспитанія, долготы пребыванія и наконецъ жителства. Мохаммедъ Аминъ называетъ меня *Казанскимъ* исключительно изъ уваженія и въ знакъ почтительности, потому что, какъ замѣчено выше, Казань имѣетъ славу въ Дагестанѣ.

мною было въ Дагистанъ, Черкеской землѣ и въ другихъ странахъ,— я составилъ это для него, не смотря на свой недостатокъ въ арабскомъ языкѣ; но Богъ да благословить.

Говорить смиренный рабъ Божій Мохаммедъ-Аминъ сынъ Ходжіо Дагистанскій, Говѣдаскій, житель Абезаха (слѣдующее:) Въ первые годы моей жизни я скитался въ качествѣ *теلميца* (ученика, студента). Это началось по кончинѣ моего отца въ 1245 году, и мнѣ тогда было 11 лѣтъ. Послѣ, когда явился имамъ Шемуиль, я содѣйствовалъ ему и около пяти лѣтъ ходилъ съ нимъ. Наконецъ по возвращеніи изъ адхирскаго дѣла, онъ послалъ меня въ качествѣ *наиба* къ Черкесамъ. Это было въ 1852 году ⁽²⁾. Я одинъ у черкесовъ и вздѣлъ съ мѣста на мѣсто, утѣшая ихъ къ повиновенію, чего и достигъ: вои они мнѣ подчинились и приняди присягу на покорность.

Черезъ нѣсколько времени, по причинѣ измѣны и возстаній между горцами и другими обществами, дѣла поразстроились. Вторично мы постарались, при посредствѣ умныхъ и благочестивыхъ людей изъ нихъ, чтобы достигъ цѣли и успѣли въ этомъ, они все безъ остатка, вторично присягнули мнѣ на вѣрность. Вотъ имена покорныхъ обществъ: *Абезахъ* (Абазехи), *Шабсыгъ* (Шапсуги), *Абухъ* (Убухи), со всеми принадлежащими къ нимъ и малыми селеніями, какъ-то: *Натхегашъ* (Натухайцы), *Бжадукъ* (Бзадухи), *Кереки*, или *Кемерки* (русскаго названія не знаю;—не Кемергойцы-ли, или Темиргоевцы?), *Хѣткуй* (Хатукойцы), *Мохшъ* (Махощевцы) и жители *Лябзгирди* (Лабинцы), и *Беслени* (Бесленевцы); даже и жители *Арджуагъ* (Артухачъ или Адлеръ) и *Медади* (русскаго названія не знаю), *Шусъ* (Шушъ) и *Хамди-Гкуагъ* (русскаго названія не знаю). Потомъ возникла неприязнь между Россією и турко-англо-французами, вслѣдствіе чего русскія украденія были снесены съ морскихъ береговъ. Тогда я находился въ Абухъ, поджидая упраздненія крѣпости *Шаши* ⁽³⁾. Когда это послѣдовало и былъ открытъ морской путь, мы отправились въ Кон-

²⁾ Словесно Мохаммедъ-Аминъ сообщилъ мнѣ, что онъ родился въ 1242 году, т. е., восемью годами позже здѣсь показаннаго времени. Вообще въ показаніи годовъ есть ошибки и несообразности. Ему было 11 лѣтъ въ 1245, т. е. въ 1829 году, и онъ началъ учиться; когда же появился Шамиль (въ 1834 году или по Гиджрѣ въ 1250) и онъ перешелъ къ нему, слѣдственно ему было 17 лѣтъ; а потомъ черезъ пять лѣтъ, а именно въ 1252 году, т. е. 1836, онъ былъ назначенъ *наибомъ* къ черкесамъ, слѣдственно ему было тогда 22 года, а если судить по его показанію, то выйдетъ, что *наибомъ* онъ былъ назначенъ 18-ти лѣтъ. Однакожъ изъ словъ адмирала Серебрякова язамѣтилъ, что Мохаммедъ-Аминъ явился на сцену въ 1846 году: можетъ статься, что онъ нѣсколько времени дѣйствовалъ тайно.

³⁾ Или *Самѣ*: прежнее Головинское укрѣпленіе. Турки его назвали *Су-ваши*.

стантинополь. Прозжая мимо Варны, мы встрѣтили французскія и англійскія войска у крѣпости, и они всѣ салютовали намъ выстрѣлами изъ пушекъ съ каждой батареи. Со мною тогда было около 70-ти черкесскихъ князей. Предъ отъездомъ изъ Константинополя Хонкаръ (т. е. султанъ) возвелъ меня въ званіе *Мир-Мирана*—генерала ⁽⁴⁾.

«По прибытіи къ черкесамъ я предпринялъ походъ на *Карачайскія* владѣнія, гдѣ начинается Кубань; жители покорились намъ, но подошлъ Козловскій (генералъ) и послѣ трехдневнаго сраженія, описаніе котораго потребовало бы много времени, отнялъ у насъ Карачай и мы возвратились въ Абезахъ. Затѣмъ Омаръ-Паша, главнокомандующій Хонкара, потребовалъ меня въ Сухумъ-Калз; я отправился туда съ князьями Абезахскими, Шабсыгскими и Абухскими. Омаръ-Паша далъ мнѣ *нишанъ* (орденъ) ⁽⁵⁾ и *боіорольду*, т. е. бумагу (или дипломъ) названіе правителя всею Черкесією; сверхъ-того дали намъ и всѣмъ нашимъ товарищамъ много денегъ,—и мы возвратились совершенно довольны.

Послѣ этого Россія заключила миръ съ турко-французо-англичанами, а мы остались въ мирѣ. Въ ту пору возсталъ въ Шабсыгъ нѣкто Сафаръ-Паша и враждовалъ со мною, называя себя правителемъ Черкесіи. Я подвинулся противъ него съ войсками, но умные люди между нами изъ черкесовъ разсудили, лучше намъ обоимъ ѣхать въ Константинополь къ Хонкару—и кого изъ насъ двухъ султанъ назначитъ правителемъ, тотъ и правитель. Оба мы приняли это рѣшеніе и подтвердили свое условіе клятвою, чтобы никому изъ насъ не измѣнить ему. Время отправленія было назначено судьями; я исполнилъ слово свое и, какъ только настало это время, уѣхалъ въ Константинополь; но Сафаръ-Паша не поѣхалъ и измѣнилъ своей клятвѣ. Въ Константинополь я не могъ добиться отвѣта, потому что Турція, будучи уже въ мирѣ съ Россією, не могла войти въ наши дѣла; она изъявила только согласіе продолжать мнѣ управленіе Черкесами на основаніи рѣшенія Омаръ-Паши, давшаго мнѣ авторитетъ на то, и я съ этимъ возвратился. Съ русскими же я не могъ помириться, по примѣру Тур-

⁴⁾ Когда я читалъ это мѣсто съ Мохаммедъ-Аминномъ, онъ мнѣ сказалъ, что фирманъ на это званіе находится съ нимъ и теперь; онъ хотѣлъ было показать его мнѣ по окончаніи чтенія: но какъ пріѣхалъ адмиралъ Серебряковъ, то я забылъ напомнить ему объ этомъ. *Мир-Миранъ*—прежнее названіе генералъ-майора; мнѣ этотъ чинъ называется *Мир-Лива*.

⁵⁾ Слово *нишанъ* значитъ *знакъ* (отличіи). Отсюда взято русское слово *мишкетъ*. Точъ-въ-точъ и въ этомъ смыслѣ употребляется это персидское слово на всѣмъ Востокѣ.

ція, потому именно, что мой имамъ Шамуль, пославшій меня набогъ, еще находился во враждѣ съ ними.

Въ 1271—1854-мъ году, черезъ годъ, я похалъ въ Константинополь, чтобы совершить путешествіе въ Мекку, потому что я слышалъ, что въ томъ году будетъ великое поклоненіе въ Каабъ. Когда я прибылъ въ Константинополь,—это было въ мѣсяцъ Рамазанъ,—Хонкаръ велѣлъ арестовать меня и не отпускали меня до того времени, пока не разъяхались уже все богомольцы; черезъ полтора же мѣсяца меня соотлаи въ Сирію. Такимъ образомъ я упустилъ время важнаго путешествія въ Мекку и крайне былъ огорченъ этимъ. Въ Сиріи я былъ въ отчаяніи, ибо семейство наше оставалось частію въ Черкесіи и частію въ Дагистанъ; а черкесы, воюя съ русскими, ожидали меня съ нетерпѣніемъ. Потому-то, уповая на Аллаха, я выхалъ изъ Сиріи безъ дозволенія Хонкара и съ тремя товарищами пустился въ путь по степямъ Сирійскимъ ⁶⁾. Пришли мы къ кочующимъ арабамъ; побыли у нихъ; потомъ поворотили къ рѣкѣ, впадающей въ Бѣлое море ⁷⁾, по Трипольской землѣ. Здѣсь посѣтили прахъ Ибрагима бинъ Адгема ⁸⁾ въ землѣ Ладукійской ⁹⁾; потомъ поворотили въ Алеппо, потомъ въ Антабъ ¹⁰⁾.

Въ странахъ арабскихъ и курдскихъ мы часто были въ большихъ опасностяхъ отъ разбойниковъ. Почти въ десяти мѣстахъ мы были въ такой опасности, что насъ едва не убили; но мы были вполне вооружены, такъ что Господь Богъ, черезъ это наше оружіе, опасъ насъ отъ погубели.

Черезъ два мѣсяца по оставленіи Шама (Дамаска) мы стали приближаться къ Черному морю ¹¹⁾ и прибывъ въ селеніе *Хирессунъ* ¹²⁾.

⁶⁾ Это значить—они выхали изъ Дамаска и отправились направо къ востоку.

⁷⁾ Т. е. Средиземное. Это значить, недалеко въ степь, они повернули на лѣво на *Каракъ* или *Хассію*, а потомъ къ *Хамсу*, гдѣ течетъ рѣчка по направленію къ сѣверо-востоку, а потомъ къ сѣверо-западу, мимо Антиохіи. Подъ Трипольскою землею разумется богатая природою своею значительная область на югъ Алеппской, главный городъ которой почти на самомъ берегу моря.

⁸⁾ Имя одного великаго мистика, уважаемаго на всемъ мохамметанскомъ Востоку. Онъ умеръ въ 160 г. Гиджра, т. е. 776 Р. Х.

⁹⁾ Т. е. Латакійскій,—древняя *Laodicea ad mare*, городъ основанный Селевкомъ (Никаторомъ) въ честь имени своей матери Laodicea, въ началѣ IV столѣтія до Р. Х.

¹⁰⁾ Т. е. *Антабъ*, около 80 верстъ выше Алеппо въ Маріашскомъ пашалыкѣ.

¹¹⁾ Послѣ Антаба Мохаммедъ-Аминъ не упоминаетъ болѣе городовъ, по которымъ можно было бы видѣть его путь. Какъ онъ упоминаетъ объ опасности отъ *Курдовъ*, то надо полагать, что онъ направилъ путь черезъ Діари-Бекръ и захватилъ сѣверо-западныя границы Курдистана, а оттуда вѣлъ назадъ, мимо Арзерума. Конечно, онъ вѣлъ провѣзжалъ incognito, чтобы непопасть въ руки, потому-то и вхалъ все проселочными дорогами.

¹²⁾ *Хирессунъ* значительное селеніе на берегу моря, почти подъ 41° с. ш. и

Тутъ едва насъ не схватили; но, видно, Господь Богъ не предопредѣлялъ этого.

«Мы отдали своихъ лошадей хозяину одного судна и онъ за это взялся насъ доставить въ Черкесскія земли. Такъ и обшлось. Однажды, на пути своихъ мы встрѣчали русскій пароходъ и суда; но насъ не могли встичь и взять въ плѣнъ, по причинѣ сильной бури вирожденіе дня. Такъ мы добрались до земли Черкесской и были встрѣчены черкесами, которые приняли меня съ восторгомъ.

«Тогда прибыли Козловскій (генералъ) съ большими войсками и выстроилъ укрѣпленіе на рѣкѣ *Сагуаса* (русскаго названія не знаю), и это укрѣпленіе до-сихъ-поръ существуетъ, на пунктѣ, гдѣ Абезахи вблизи его сжали свои поля и имѣли свои снокосы. Положеніе наше было таково, что, не имѣя ни отъ кого помощи, намъ надо было войти въ мирныя переговоры съ русскими, о чемъ я и думалъ было, но какъ я былъ посланъ сюда шейхомъ ¹⁾ Шамилемъ, а онъ былъ еще въ войнѣ съ русскими, то я постыдился начать мирныя переговоры прежде его, дабы мнѣ не быть извинникомъ, — и такъ мы воевали еще три года.

«Русскія войска обложили Дагистанъ; покорили его и взяли въ плѣнъ Шемуила. Затѣмъ Шемуилъ писалъ письма изъ Калуги, советуя намъ помириться, потому что это необходимо, и я немедленно объявилъ о мирѣ. Первые мирныя переговоры велись генераломъ Филипсономъ, который приказывалъ вѣхать къ князю Барятинскому, сардару кавказскому. Я согласился. Но по возвращеніи отъ генерала Филипсона, когда я намеревался вѣхать въ назначенный срокъ къ сардару, все князя абезахскіе собрались и сказали: «Мы не согласны, чтобы ты похалъ въ предѣлы русскіе для свиданія съ Сардаромъ, или съ намъ бы то ни было, — по этому я и не похалъ. Изъ этого сардаръ заключилъ, что наши мирныя переговоры не заслуживаютъ довѣрія; потому онъ и приказалъ генералу Филипсону выступить съ войсками къ каменному мосту, у самаго входа въ Абезахъ, съ тѣмъ, что: «если Мохаммедъ-Аминъ и абезахи не выйдутъ противъ тебя въ этомъ мѣстѣ, то на мирныя переговоры ихъ мож-

---

36° в. д., недалеко отъ Трѣбизона (верстахъ въ 50-ти). Авторъ здѣсь говоритъ о полиціи турецкой, что едва они не были узваны, — буквально сказано: «чуть не посадили насъ въ тюрьму».

¹⁾ Шейхъ значитъ *старейшина*. Когда Шамилъ величаютъ имамомъ, то всегда называютъ его *Шемилъ*, но не *Самуилъ* — какъ пишутъ у насъ въ некоторые. (См. о переимѣнъ имени этого въ статьѣ о Шамилѣ, Русское Слово, за Декабрь 1859 г., стр. 219).

но положиться; если же напротивъ, то нельзя имъ вѣрить. Но ни абезахи, ни я, смиренный рабъ, не измѣнили данному слову. Тогда генералъ Филипсонъ писалъ къ намъ письмо слѣдующаго содержания: Призжай и повидайся съ Сардаромъ; иначе ни тебѣ, ни абезахамъ пользы не будетъ, а скорѣе будетъ вредъ. Тогда я повхалъ. Призхалъ я въ Ставрополь; оттуда за Сардаромъ продолжалъ путь до Тифлиса. Послѣ свиданія съ Сардаромъ, онъ вмѣстѣ съ абезахскими князьями отправилъ меня въ Петербургъ, куда я прибылъ въ мѣсяцъ Шавваль 1275 года ¹⁴).

«Вотъ краткое извлеченіе изъ всего того, что было со мною въ моей жизни въ Дагистанъ, въ Черкесію, въ Турцію, въ Сирію и въ Аравію. Но если описать все это, какія съ нами были трудности въ черкесскихъ земляхъ, какъ то: по разъздамъ, по войнамъ въ самыхъ земляхъ черкесскихъ за измѣну ихъ послѣ покорности и даже при первоначальномъ покореніи ихъ; по переселеніямъ ауловъ съ русскихъ границъ; по войнамъ съ русскими; по содруженію укрѣпленій ¹⁵); по наведенію страха на злоумышленниковъ,—то набралось бы матеріаловъ для многихъ томовъ. Мы избѣгали многословія, боясь навести скуку.

«Мы просимъ Бога Всевышняго, чтобы Онъ улучшилъ нашу судьбу на будущее время и чтобы онъ принялъ наши души тогда только, когда онъ сподобитъ насъ своимъ благоволеніемъ. Да будетъ такъ, по его щедротамъ, по его милосердію! Аминь.

«Писалъ эти (строки) покорный рабъ Мохаммедъ-Аминъ, для ученаго... Каземъ-Бека, въ городъ Петербурга, въ 1275 году (т. е. въ 1276—1860)».

За этимъ слѣдуютъ стихи:

«Нѣтъ писущаго (писателя), который бы въ день божьяго суда не увидалъ того, что написали его руки.

«Итакъ, не пиши, смертный, ничего такого, что можетъ заставить тебя раскаяваться въ день воскресенья мертвыхъ!»

¹⁴ Шавваль 10-й мѣсяцъ луннаго года. Въ нынѣшнемъ году онъ начался 7-го Апрѣля. Въ показаніи года авторъ сдѣлалъ ошибку: нынѣшній считается по Гиджрѣ 1276, а не 1275. Мнѣ кажется подобныя ошибки у него и въ другихъ приведенныхъ имъ здѣсь годахъ.

¹⁵ Дѣйствительно Моххамедъ-Аминномъ сдѣланы многія укрѣпленія (Махкама) и большая часть изъ нихъ сожжены русскими; въ числѣ ихъ Бугундури и Кудакъ, которыя сжегъ адмиралъ Серебряковъ, какъ я могъ заключить изъ его разговора съ Мохаммедъ-Аминномъ.

Не знаю, какъ мой читатель, но я очень доволенъ этою брошюрою Мохаммедъ-Амина. Только тутъ я не понимаю одного: почему турецкое правительство прогнѣвалось на него, послѣ такихъ великихъ милостей, какими оно обольщало его во время войны?—Можетъ быть, за то, что онъ слабо дѣйствовалъ противъ русскихъ, или, можетъ быть, оно хотѣло угодить черезъ это намъ и показать, что, будучи въ мирѣ съ Россіею, оно преслѣдуетъ его врага. Въ последнемъ случаѣ нельзя хвалить турецкую полицію за ея оплошность, что цѣлая компанія бѣглыхъ, притомъ такихъ важныхъ, могла пройти всю Азіатскую Турцію и благополучно прибыть опять на Кубань! Въдѣ такой переходъ не то, что бѣжать изъ Сибири черезъ Бухару.

IV.

Переводъ отвѣта на вопросъ Махаммедъ-Амина о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ мѣсяцевъ и года, по восточной астрологии. *)

«Во имя Бога милосердаго, милостиваго!

«Хвала Богу, Творцу небесъ и задіаковъ, промыслителю движенія звездъ въ нихъ восходъ и закатъ!

«Когда, милостивый государь, ученый и извѣстный своими отличными познаніями, Мохаммедъ-Аминъ, сынъ Ходжіо, Дагестанскій и Гонѣдаскій, живущій въ Абазехъ, просилъ меня составить для него таблицу для узнанія счастливыхъ и несчастныхъ дней мѣсяцевъ, для того, чтобы ею руководствоваться ему во время нужды, — я извлекъ для него изъ астрологическихъ сочиненій, чтимыхъ на Востоку, употребляемыхъ между составителями календарей, полное, хотя сокращенное, правило, по которому упомянутый милостивый государь можетъ всякій разъ, когда ему нужно, дойти до желанной цѣли. Итакъ, прибѣгаю къ помощи Бога!—Говоритъ покорный рабъ Каземъ-Бекъ, что по астрологии счастье и несчастье дней въ дѣлахъ жизни узнаются, по большей части, по мѣсту луны во время ея прохожденія черезъ зодіаки, смотря по собственному положенію луны и отношенію самыхъ зодіаковъ къ стихіямъ,—какъ присудили это дав-

*) Мой отвѣтъ написанъ также по образу мусульманскихъ сочиненій, потому что, во-первыхъ, и весь смыслъ его далекъ отъ того, чтобы ему назваться европейскимъ; во-вторыхъ потому, что долгъ красенъ платежемъ: я хотѣю угодить Мохаммедъ-Амину и писалъ по образцу его брошюры.

нишіе ученые, чему однакоже, нѣтъ никакой вѣры между европейскими.

Итакъ, знайте, что зодіаковъ 12 (тутъ идутъ ихъ названія). Эти зодіаки по свойству своему дѣлятся на *постоянные*, *непостоянные* и *смѣшанные* или *двухсторонніе*, т. е. и постоянные и непостоянные вмѣстѣ.

Постоянные суть: Телець, Скорпіонъ, Левъ и Водолей; *непостоянные*: Овенъ, Козерогъ, Ракъ и Вѣсы; *двухсторонніе*: Близнецы Стрѣлецъ, Дѣва и Рыбы.

Въ отношеніи къ стихіямъ они дѣлятся:

Къ *огню* относятся: Овенъ, Левъ, Стрѣлецъ.

Къ *земль*: Телець, Дѣва и Козерогъ.

Къ *водѣ*: Ракъ, Скорпіонъ и Рыбы.

Къ *воздуху*: Близнецы, Вѣсы и Водолей.

„Когда хотятъ предпринять какое-нибудь дѣло и желаютъ знать, какой день мѣсяца счастливый для его начатія, то должно найдти мѣсто прохожденія луны по зодіакамъ; потомъ найдти, по приведенному выше описанію, характеръ зодіака и соотношеніе его къ стихіямъ. После всего этого сообразить сущность дѣла предпринимаемаго и изъ его соотношенія къ астрологическому содержанію зодіака выводить заключеніе. 1. Напримѣръ, хочется избрать день для *путешествія*. Слѣдуетъ выждать время, когда луна въ своемъ кругообращеніи воступитъ въ одинъ изъ тѣхъ зодіаковъ, который по своему астрологическому содержанію однороденъ съ *сущностью путешествія*; а путешествіе значитъ *временное движеніе* съ мѣста на мѣсто, а не съ намѣреніемъ *постоянства* въ немъ: слѣдственно надо выждать когда луна на пути своемъ будетъ въ одномъ изъ тѣхъ зодіаковъ, которые принадлежатъ категоріи *непостоянныхъ*, т. е. Овенъ, Козерогъ, Ракъ и Вѣсы: всѣ эти благодѣтельны для путешествія. б) Путешествіе дѣлается *сухопутно* или *водою*. Если сухопутно, то выждать время того зодіака изъ приведенныхъ четырехъ, который относится къ стихіи *земль*, а именно—время нахождения луны въ Козерогъ; но если путешествіе должно совершиться водою, то выждать время нахождения луны въ *Ракъ*, который относится къ стихіи *водѣ*.

NB I. Если путешествіе долговременно и должно дѣлать его и *сухопутно* и *водою*, то въ разсужденіе берется то, какъ оно *начинается*. Овакожь, людямъ достаточнымъ, неторопящимся, совѣтуется всякій разъ *при перемѣнахъ* держаться правила. 2) Въ путешествіи принимается въ разсужденіе *господствующее* его значеніе, т. е., если предетонитъ *большую часть* его дѣлать *водою*, то на незначительныя въ сравненіи съ тѣмъ разетованія

сухаго пути не обращается вниманіе, хотя бы ими и начинать путешествіе, и на оборотъ.

II. Хочется избрать день для покупки дома или земли. Слѣдуетъ выждать время, когда луна въ своемъ пути будетъ въ зодіакъ, относящемся къ категоріи *постоянныхъ*, не смотря на то, что въ самомъ *дѣйстви*и есть *движеніе*; потому что тутъ соображается результатъ дѣйствія, или *намыренія*: ибо покупаютъ съ цѣлью *вѣчнаго* или *постояннаго владѣнія*. Стало-быть надо выждать время, когда луна будетъ въ зодіакъ *Тельца*, который относится къ категоріи *постоянныхъ* и притомъ къ стихіи *земль*.

„На этихъ примѣрахъ можно основывать и другіе случаи.

„Теперь остается намъ найти правило, по которому определять путь луны по зодіакамъ и отыскать, *въ какомъ зодіакѣ и въ какомъ градусѣ этого зодіака* находится луна въ такой-то день мѣсяца и года. Астрологи составили для этого слѣдующее общее правило:

„Отыщи по календарю мѣсто солнца *въ зодіакѣ* *); возьми данное число *луннаго* мѣсяца, въ которомъ хочется предпринять дѣло; умножь это число на 2; къ произведенію прибавь еще 5, которое называется технически *узломъ*; раздьли всю сумму на *узлы*, т. е., на 5. Тогда, по числу *узловъ* прибавь къ зодіаку, въ которомъ находится солнце, столько же названій слѣдующихъ зодіаковъ *по порядку*: тогда послѣдній и есть тотъ зодіакъ, въ которомъ находится луна въ тотъ день.

«Хочется вамъ знать, въ какомъ градусѣ названнаго зодіака находится луна,—тогда возьми *остатокъ дѣленія цѣлой суммы на узлы* и умножь его на 6: произведеніе укажетъ на число градуса. Если же остатка не будетъ, то луна въ 1-мъ градусѣ названнаго зодіака.

«Напримѣръ, мы хотимъ знать, въ какомъ зодіакѣ луна 19-го Шавваля **). —Умножимъ 19 на 2 и къ произведенію 38 прибавимъ *узлы* 5; всю сумму 43 раздьлимъ на 5 (*узлы*), частное будетъ 8 и $\frac{3}{5}$. Затѣмъ, прибавимъ по числу *узловъ* восемь названій зодіаковъ къ тому, въ которомъ солнце, а именно къ *Тельцу* (потому что съ 9-го апрѣля по 9 мая солнце въ зодіакѣ Тельца), такъ: 1) Близнецы, 2) Ракъ, 3) Левъ, 4) Дѣва, 5) Вѣсы, 6) Скорпіонъ, 7) Стрелецъ и 8)

*) Это не трудно; стоитъ только знать астрологическіе мѣсяцы (съ 9-го марта по 9-е февраля) и считать зодіаки по порядку. Напримѣръ, такъ: солнце 9-го марта вступаетъ въ Овенъ, 9 апрѣля въ Телецъ, 9 мая въ Близнецы, и т. д. Въ високосныхъ годахъ въ мартѣ вмѣсто 9 надо взять 8.

**) 10-го мѣсяца луннаго года. Въ этотъ день, (28 апрѣля) я составилъ и окончилъ мой отвѣтъ на вопросъ Мохаммедъ-Амина.

Козерогъ. Следственно 19-го Шаввала луна въ зодіакъ Козерога. Хочется знать, въ какомъ градусъ Козерога она имѣетъ свое приближаніе: умножимъ дробныя 3 на 6, выйдетъ произведеніе 18; стало-быть она въ 18-мъ градусъ Козерога. Следственно воъ часы этого дня счастливы для путешествія, для гулянья, для возобновленія одежды, однимъ словомъ,---для всего, что имѣетъ отношеніе къ *движенію и перемѣнѣ*, въ которомъ однакожь нѣтъ *намъренія востоянства*, какъ: перемѣна квартиры, возобновленіе знакомства и дружбы; посаженіе деревьевъ и разведеніе плантацій и т. п. Для подобныхъ предпріятій 19-е Шаввала не годится.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Если зодіакъ относится къ категоріи *смѣшанныхъ*, то тутъ нѣтъ ни счастья, ни несчастья.

2. Если зодіакъ по своему характеру предвѣщаетъ несчастье, а счастье — по отношенію своему къ стихіямъ, то при необходимости можно полагаться на дѣйствіе послѣдняго, т. е., на *счастье*: ибо оно по своему относительному значенію сильнѣе. На примѣръ, разводитъ плантацію 19 Шаввала нехорошо, потому что хотя Козерогъ принадлежитъ категоріи *непостоянныхъ*, но намъреніе дѣйствующаго заключается *въ постоянствѣ*; при необходимости онъ можетъ не опасаться дѣйствія несчастья, потому что Козерогъ, принадлежа стихіи *земль*, предохранитъ это дѣйствіе отъ несчастья, такъ какъ это дѣйствіе входитъ въ составъ земледѣлія.

«Вотъ сокращенное общее правило, которое я составилъ для милостиваго государя, ученаго Мохаммедъ - Амина, 19-го Шаввала 1276 года.»

Неправда ли, что это очень забавно. Взгляните въ любой восточный, въ-особенности персидскій календарь, котораго, впрочемъ, ни одинъ ориенталистъ безъ предварительнаго изученія не пойметъ, — тутъ всѣ почти счастливые и несчастливые дни недѣли и мѣсяца составлены или выведены изъ этого общаго правила. Тутъ есть много другихъ вопросовъ, какъ-то: разныя предсказанія о бурѣ, о пожарахъ, о голодѣ, о войнѣ, о повальныхъ болѣзняхъ; съ другой стороны — объ изобиліи, о мирной жизни, о благоденствіи, и т. п. — все это составляется еще по другимъ соображеніямъ, какъ то: по характеру правителей года (семь планетъ), по взаимному положенію планетъ, по движенію эклиптики и т. п. Всѣ эти нелѣпости когда-то занимали и умнѣйшихъ европейцевъ своего времени. Потому, осмѣивая все это,

не худо обратить ближе вниманіе на себя, ближе разглядѣть суеваріе, которое господствуетъ даже и по сію пору въ лучшихъ нашихъ обществахъ, и которое отличается отъ указаннаго нами, можетъ быть, только по внешности.

ПРОФЕССОРЪ М. А. КАЗЕМЪ-БЕКЪ.

14 Мая 1860 года.

И Д Е И

(Изъ Гейне).

ГЛАВА I.

Она была мила, и онъ любилъ ее; во
онъ не былъ милъ, и она его не любила.

(Изъ старой пьесы).

Знаете ли вы эту старую пьесу, сударыня? Это очень оригинальная пьеса, хоть немножко через-чуръ меланхолическая. Я игралъ въ пей когда-то главную роль, и всѣ дамы плакали; одна только не плакала, ни единой слезки не уронила, и въ этомъ-то и заключался эффектъ пьесы, настоящая ея катастрофа.

О! эта единая слезка! она до-сихъ-поръ меня мучить; когда сатанѣ хочется сгубить мою душу, онъ жужжитъ мнѣ на ухо пѣсню объ этой неуроненной слезкѣ, гадкую пѣсню съ еще болѣе гадкой мелодіей..... О! только въ аду и услышишь эту мелодію

Что такое блаженная жизнь, сударыня, вы можете себѣ отлично представить, тѣмъ болѣе, что вы замужемъ. Что за дивныя удовольствія! всевозможныя забавы! радуйся и веселись, и катайся, какъ сыръ въ маслѣ! Съ утра до вечера пиръ, тончайшія блюда! жареные гуси пархаютъ вокругъ съ соусниками въ клювъ, и имъ очень лестно, если ихъ съѣдятъ; сіяющіе масломъ торты растутъ на волѣ, какъ подсолнечники; повсюду ручки бульона и шампанскаго; повсюду деревья, на которыхъ шелестятъ салфетки. Ышь, и обтираешь себѣ ротъ, и опять ѣшь, и желудка не

испортишь; потомъ поешь гимны, или играешь и рѣзвишься съ миленькими, нѣжными, крылатыми мальчиками, или пойдешь погулять по зеленому лугу; бѣлыя развивающіяся одежды сидятъ такъ просторно, и ничто не нарушаетъ чувства блаженства. Ни горя нѣтъ, ни неудобства! даже если иной разъ, случится, наступишь кому-нибудь на мозоль и скажешь: excusez! тотъ улыбнется и весь просіяетъ, и говоритъ: «братъ, мнѣ не больно; au contraire, сердце мое еще слаще вкушаетъ блаженство!»

Но объ адѣ, сударыня, вы не можете имѣть никакого понятія. Изъ вѣсхъ чертей знаете вы развѣ только самаго маленькаго Вельзевулчика, Амура, ловкаго акціонера ада; а самый адъ знакомъ вамъ только изъ «Донъ-Жуана», и для этого обманщика женщинъ, подающаго дурной примѣръ, адъ кажется вамъ все еще недостаточно жарокъ, хотя наши достохвальныя театральныя дирекціи не жалѣютъ огненныхъ эффектовъ, пламеннаго дождя, пороха и сѣры.

Но въ аду гораздо хуже, нежели думаютъ наши театральные директоры (иначе они не давали бы столько плохихъ пьесъ). Въ аду адскій жаръ, и какъ попалъ я разъ туда въ каникулы, просто нельзя было выдержать. Вы не имѣете никакого понятія объ адѣ, сударыня! официальныхъ извѣстій получается оттуда мало. Говорятъ, будто бѣдныя души должны читать тамъ цѣлый день всѣ плохія книги, которыя здѣсь печатаются; но это клевета. Такого ужаса не можетъ быть въ аду; такихъ утонченныхъ мукъ не выдумать сатанѣ! Напротивъ, картина Данта ужъ слишкомъ умѣренна, вообще слишкомъ поэтична. Я такъ воображаю себѣ большую мѣщанскую кухню съ безконечно длинной печью, на которой стоятъ въ три ряда желѣзные горшки, и въ этихъ-то горшкахъ сидятъ грѣшники и жарятся. Въ одномъ ряду сидятъ все наша братія и—какъ вы думаете! вѣдь въ порядочномъ количествѣ; и черти разводятъ подъ ними огонь съ особенной тщательностью. Въ другомъ ряду сидятъ жиды и постоянно кричатъ, и черти ихъ по временамъ поддразниваютъ. Одинъ толстый, отдувавшійся ростовщикъ жаловался на чрезмѣрный жаръ, и смѣхъ было смотрѣть, какъ одинъ чертенокъ выдѣлъ ему на голову нѣсколько ведеръ воды, въ доказательство того, какая въ водѣ освѣжающая благодать. Въ третьемъ ряду сидѣли язычники, осужденные вѣчно горѣть, какъ и жиды.

Я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, подъ котораго подкладывали новые уголья, очень уныло кричалъ изъ горшка: «Пощадите меня! я Сократъ, мудрѣйшій изъ смертныхъ; я училъ истинѣ и справедливости, и пожертвовалъ жизнь свою добродѣтели.» Но глупый чертъ не смущался, дѣлалъ свое дѣло и бормоталъ: «Толкуй! всѣхъ язычниковъ надо жечь; не дѣлать же для одного исключенія?» — Увѣряю васъ, сударыня, жаръ былъ ужасный, и притомъ крикъ, вопли, стонъ, оханье, визгъ — и среди всѣхъ этихъ ужасныхъ звуковъ внятно слышалась гадкая мелодія пѣсни о непророченной слезкѣ.

ГЛАВА II.

Она была мила, и онъ любилъ ее; но онъ не былъ милъ, и она его не любила.

(Изъ старой пѣснѣ).

Сударыня! старая пѣса эта — трагедія, хотя герой въ ней никого не закалываетъ, и самъ не закалывается. У героини прекрасные глаза, чудные глаза — не чувствуете ли вы запаха фиалокъ? — чудные глаза, и такіе острые, что какъ хрустальные кинжалы пронзали они мое сердце, и вѣроятно выглядывали у меня изъ опивы; но я все-таки не умеръ отъ этихъ убійственныхъ глазъ. Прекрасенъ былъ и голосъ у героини — не слышалось ли вамъ соловьиной трели, сударыня? — Чудный, бархатный голосъ, чудно сотканный изъ самыхъ лучезарныхъ звуковъ; и душа моя запуталась въ этой ткани, и задыхалась, и терзалась. Я самъ (это говоритъ графъ Гангесскій и дѣйствіе происходитъ въ Венеціи), я самъ изнемогъ разъ отъ этихъ терзаний, и еще въ первомъ актѣ собрался положить конецъ представленію, и отстрѣлить себя дурацкій колпакъ, вмѣстѣ съ головой. Я пошелъ въ одну галантерейную лавку на Via Burstah, гдѣ была выставлена пара прекрасныхъ пистолетовъ.... Я ихъ очень хорошо помню — еще около нихъ стояло много веселыхъ игрушекъ, и перламутровыхъ и золотыхъ: желѣзные сердца на позолоченныхъ цѣпочкахъ, фарфоровыя чашки съ нѣжными девизами, табакерки съ хорошенькими картинками, какъ, напримеръ: исторія Сусанны, лебединая пѣсня Леды, похищеніе савинянокъ, Лукреція, толстая добродѣтель съ обнаженною грудью,

въ которую она вдобавокъ втыкаетъ кинжалъ, la belle ferronière — все заманчивыя лица.... Но я все-таки купилъ пистолеты, не торгуясь много; а потомъ купилъ и пуль и пороху, и отправился въ таверну синьора Зампетто, и спросилъ себя устрицъ и стаканъ рейнвейну.

Бѣсть я не могъ, а пить и тѣмъ паче. Горячія капли падали въ стаканъ, и въ стаканъ видѣлъ я дорогую отчизну, синій священный Гангесъ, вѣчно сіяющія Гималаи, исполницкіе банановые лѣса, гдѣ въ просторныхъ зеленыхъ аллеяхъ спокойно гуляютъ умные слоны и бѣлые пилигримы; чудные какъ грезы цвѣты смотрѣли на меня съ таинственной грустью; золотыя волшебныя птицы кротко ворковали; трепетныя лучи солнца и нѣжно глупыя звуки смѣющихся обезьянъ пріятно щекотали мнѣ чувства; изъ далекихъ пагодъ слышалось благоговѣйное жреческое пѣніе, а въ промежуткахъ звучалъ заунывно страстный голосъ дѣйской султанши. Въ своемъ покрытомъ коврами покоѣ, она страстно мѣталась изъ угла въ уголь, рвала свою серебряную фату, сбивала съ ногъ черныхъ невольницъ съ павлиньими онахалами, и плакала, и топала, и кричала. — Я однакожъ не могъ ее новять: отъ таверны синьора Зампетто до гарема въ Дели 3000 миль, и притомъ прекрасная султанша умерла 3000 лѣтъ тому назадъ. И я жадно пилъ вино, веселое свѣтлое вино; но въ душѣ моей становилось все темнѣе. — Я былъ приговоренъ къ смерти

Когда я поднялся изъ таверны по лѣсенкѣ, въ улицахъ слышался похоронный звонъ, народъ волновался потокомъ; а я сталъ на углу Strada san Giovanni, и произнесъ слѣдующій монологъ.

Есть въ старыхъ сказкахъ золотыя замки,
Гдѣ арфы раздаются, пляшутъ дѣвы,
Блестятъ одежды слугъ, и ароматомъ
Жасминъ и миртъ и розы сладко дышать.
Но стоить произнести зарокъ волшебный —
И вмигъ вся эта пышность разлетится,
И старыя останутся обломки,
Да крикъ совы полночной, да болото.
Вотъ такъ и я однимъ волшебнымъ словомъ
Со всей природы снялъ очарованье.

Блѣдна, мертва и холодна, лежитъ
 Она передо мной, какъ царскій тругъ,
 Что парядили въ гробъ: покрыли щеки
 Румянами, и въ руки дали скипетръ.
 Но все желты поблекшія уста:
 Ихъ позабыли также нарумянить....
 И мыши скачутъ подъ носомъ, и дерзко
 Надъ золотомъ и пышностью смѣются.

Это ужъ такъ принято, сударыня — произнести непременно монологъ, прежде чѣмъ застрѣлиться. Большою частію при этомъ случаѣ употребляется гамлетовское «быть или не быть.» Это прекрасное мѣсто, и я съ удовольствіемъ привелъ бы его здѣсь; но человекъ самолюбивъ, да какъ при этомъ писалъ еще, какъ я, и трагедіи, въ которыхъ есть подобныя прощальныя монологи, какъ на примѣръ, въ безсмертномъ «Альманзорѣ,» то очень понятно, что овоимъ собственнымъ словамъ отдашь предпочтеніе даже передъ шекспировскими. Во всякомъ случаѣ такія рѣчи — очень полезный обычай; въ нихъ по крайней мѣрѣ выигрышь времени. Такимъ образомъ случилось, что я застоялся довольно долго на углу Strada san Giovanni, и, стоя тамъ, приговоренный и обреченный смерти, я вдругъ увидѣлъ ее!

На ней было голубое шелковое платье и розовая шляпа, и глаза ея взглянули на меня такъ кротко, побѣждая смерть, даруя жизнь... Сударыня! вы, разумѣется, знаете изъ римской исторіи, что въ древнемъ Римѣ весталки, встрѣчая на дорогѣ преступника, ведомаго на казнь, имѣли право помиловать его, и бѣднякъ оставался въ живыхъ. Однимъ взглядомъ спасла она меня отъ смерти, и я стоялъ передъ нею, какъ возрожденный, какъ ослѣпленный солнечнымъ блескомъ ея красоты; она прошла мимо и оставила меня въ живыхъ!

ГЛАВА III.

Она оставила меня въ живыхъ, и я живу; а это главное.

Пусть другіе наслаждаются очастьемъ лежать въ могилѣ, которую ихъ возлюбленныя украшаютъ вѣнками цвѣтовъ и орошаютъ слезами любви... О женщины! презирайте меня, насмѣ-

хайтеся надо мной, наклеивайте мнѣ носъ! только оставьте меня въ живыхъ! Жизнь отрадна до смѣшнаго, и міръ представляетъ такую милую путаницу! Это какъ будто сонъ какого-то хмѣльнаго бога, который ускользнулъ à la française съ шумнаго пира боговъ, улегся спать на какой-нибудь уединенной звѣздѣ, и самъ того не знаетъ, что все это онъ и творить, что ему снится — и грезы его принимаютъ порой дико пестрые образы, а порой сливаются въ разумную гармонию. Иліада, Платонъ, марафонская битва, Венера-Медицейская, страбургскій соборъ, французская революція, Гегель, пароходы и такъ далѣе—все отдѣльныя хорошія мысли въ этомъ творческомъ снѣ. Но это долго не продлится; сонливецъ проснется, протретъ себѣ заспаные глаза, и улыбнется—и отъ нашего міра ничего не останется, словно его и не бывало.

Все равно! я живу. Пусть я лишь туманный образъ грезы, все же это лучше, чѣмъ холодное, черное, пустое небытіе смерти. Жизнь есть выше изъ благъ, и худшее изъ золъ есть смерть. Пусть берлинскіе гвардейскіе поручики подсмѣиваются и называютъ трусостью, что принцъ гомбургской съ трепетомъ отступаетъ отъ открытой своей могилы—у Генриха Клейста было не меньше храбрости, чѣмъ у его зашнурованныхъ товарищей съ высокой грудью, и онъ къ несчастью доказалъ это. Но всѣ сильные люди любятъ жизнь. Эгмонтъ Гете не хочется разставаться съ «милой привычкой жить и дѣйствовать.» Эдвинъ Имермана льнетъ къ жизни, «какъ дитя къ материнской груди,» и какъ ни горько ему жить чужою милостью, онъ все-таки проситъ помилванья:

«Дышать и жить всего на свѣтѣ выше!»

Когда Одиссей встрѣчаетъ въ подземномъ мірѣ Ахиллеса вождемъ мертвыхъ героевъ, и перевозитъ его за славу между живыми и за почетъ даже у мертвыхъ, Ахиллесъ отвѣчаетъ:

О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвымъ.

Даже когда маіоръ Duvent вызывалъ драться на пистолетахъ

великаго израиля Лёве, и сказалъ ему: «Если вы не станете драться, госнодинъ Лёве, такъ вы собака!» тогда Лёве отвѣчалъ: «Я хочу лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ (*).» И онъ былъ правъ.— Я часто дрался, сударыня, чтобы имѣть право сказать это.— Слава Богу, я живу: въ жилахъ моихъ кипитъ алая жизнь, подъ моими ногами дрожить земля, въ пламенной любви обнимаю я деревья и мраморныя статуи, и онѣ оживаютъ въ моихъ объятіяхъ. Каждая женщина есть подаренный мнѣ міръ; я упиваюсь мелодіями ея лица, и однимъ взглядомъ своихъ глазъ наслаждаюсь больше, чѣмъ другіе всѣми своими членами, во всю свою жизнь. Каждая минута для меня безконечность; я мѣрю время не брабантскимъ или маленькимъ гамбургскимъ аршиномъ, и мнѣ не нужно обольстительныхъ обѣщаній: будетъ съ меня и этой жизни! вѣдь я могу жить и въ прошломъ жизнью предковъ и могу завоевать тамъ себѣ цѣлую вѣчность.

Я живу! пульсъ природы бьется и въ моей груди, и когда я ликую, мнѣ отвѣчаетъ тысячегласное эхо. Я слышу тысячи соловьевъ. Ихъ прислала весна пробудить землю отъ ея утренней дремоты, и земля вздрагиваетъ отъ восторга; цвѣты ея—это гимны, которые она вдохновенно поетъ солнцу. Солнце движется одинокомъ медленно; мнѣ хотѣлось бы ударить по его огненнымъ коньямъ, чтобы они быстрѣе мчались. Но когда оно шина погружается въ море, и выходитъ ночь съ большими страстными глазами... О! тогда—то проникаетъ меня истинная радость; вечерніе вѣтерки, какъ ласковыя дѣвушки, припадаютъ къ моему бурному сердцу, и звѣзды манятъ меня, и я поднимаюсь, и возношусь надъ маленькой землей и надъ мелкими мыслями людей.

ГЛАВА IV.

Но придетъ пора, и погаснетъ огонь въ моихъ жилахъ, зима поселится въ моей груди, бѣлый пухъ ея скудно одѣнетъ мою голову, и туманы ея затмятъ мои глаза. Мои друзья лежатъ въ забытыхъ могилахъ, и я остался одинъ, какъ одинокой колось, забытый жнецомъ; разцвѣло новое поколѣніе, съ новыми желаніями и новыми мыслями; съ изумленіемъ слышу я новыя имена

(*) Лёве по-нѣмецки левъ. (Переводъ.)

и новыя пѣсни; старыя имена забыты, и самъ я забыть; можетъ быть немногіе еще уважаютъ меня, но многіе бранятъ и никто не любитъ! И ко мнѣ подбѣгаютъ краснощекія дѣти, и насильно вкладываютъ старую арфу въ мои дрожащія руки, и говорятъ мнѣ съ улыбкой: «Ты долго молчалъ съдой лѣвнвецъ! спой намъ опять пѣсню о грезахъ твоей молодости!»

И я беру арфу, и старыя радости и печали пробуждаются; туманы рѣдѣютъ; на моихъ мертвыхъ глазахъ опять раздвѣтаются слезы; въ груди моей снова вѣетъ весна; сладостные звуки грусти дрожатъ на струнахъ арфы; опять вижу я синюю рѣку, и мраморныя дворцы, и прекрасныя лица женщинъ и дѣвушекъ — и пою пѣсню о цвѣтахъ Бренты.

Это будетъ моя послѣдняя пѣсня; звѣзды будутъ глядѣть на меня, какъ въ ночи моей молодости; влюбленный свѣтъ мѣсяца станетъ опять лобзать мои щеки; призрачныя хоры умершихъ соловьевъ зальются въ отдаленіи; дремотою смежатася мои глаза; душа моя угаснетъ со звуками моей арфы..... какъ благовонныя цвѣты Бренты!

Мою могилу осѣнитъ дерево. Мнѣ хотѣлось бы пальму; но пальма не растетъ на сѣверѣ. Это будетъ вѣроятно липа, и лѣтнимъ вечеромъ будутъ подъ нею сидѣть и говорить любовники. Чирикъ слушая ихъ, покачивается на вѣткѣ, и молчитъ; и ласково шелеститъ моя липа надъ головами счастливецъ.... Они такъ счастливы, что имъ нѣкогда даже прочесть, что написано на бѣломъ надгробномъ камнѣ. Но когда потомъ любовникъ теряетъ свою возлюбленную, онъ опять придетъ къ знакомой липѣ, и будетъ вздыхать, и плакать, и смотрѣть на могильный камень долго и часто, и прочтетъ на немъ надпись: «онъ любилъ цвѣты Бренты.»

ГЛАВА V.

Сударыня, я обманулъ васъ! Я не графъ Гангесскій. Никогда въ жизнь мою не видалъ я священной рѣки и цвѣтовъ лотоса, отражающихся въ его тихихъ волнахъ. Никогда не лежалъ я, мечтая, подъ индійскими пальмами; никогда не лежалъ я, молясь алмазному богу въ Ягернаутѣ. Я точно также не былъ въ Индіи, какъ индѣйка, которую мы ѣли вчера за обѣдомъ.

Но я происхожу изъ Индостана, и оттого-то мнѣ такъ любо въ широкихъ и пѣвучихъ лѣсахъ Вальмики; какъ знакомое горе, шевелятъ мнѣ сердце геройскія страданія божественнаго Рáмо; изъ цвѣтущихъ пѣсенъ Колидазы возникаютъ передо мной отраднѣйшія воспоминанія. И когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна милая дама въ Берлинѣ показывала мнѣ хорошенькія картинки, привезенныя отцомъ ея изъ Индіи, гдѣ онъ долго былъ губернаторомъ, нѣжно нарисованныя, благоговѣнно кроткія лица казались мнѣ такъ знакомы, и все это собраніе представлялось мнѣ моею собственной фамильной галлереей.

Францъ Боппъ—вы вѣроятно читали его «Наля» и систему санскритскихъ спряженій, сударыня—сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о моихъ предкахъ, и я теперь знаю навѣрное, что я произошелъ изъ головы Брамь, а не изъ мозолей его; я думаю даже, что вся Магабарата со своими двѣсти тысячами стиховъ есть ничто иное, какъ аллегорическое любовное письмо, написанное однимъ изъ моихъ предковъ къ одной изъ моихъ прапрабабушекъ. О! они очень любили другъ друга; души ихъ сливались въ поцалуѣ; глаза ихъ сливались въ поцалуѣ; оба они были не что иное, какъ одинъ поцалуѣ.

Волшебный соловей сидитъ на аломъ кораловомъ деревѣ въ Тихомъ Океанѣ, и поетъ пѣсню про любовь моихъ предковъ; съ любопытствомъ глядятъ жемчужины изъ своихъ раковинныхъ келій; чудные водяные цвѣты содрагаются отъ грусти; умныя морскія улитки, съ пестрыми фарфоровыми башенками на спинахъ, выползаютъ на песокъ; морскія розы стыдливо краснѣютъ; желтыя колючія морскія звѣзды и тысячецвѣтныя стеклянныя моллюски движутся и выются, и все плачетъ и слушаетъ.

Но, сударыня, эта соловьиная пѣсня такъ велика, что я не могу привести ее здѣсь; она велика, какъ міръ; одно посвященіе Анангъ, богу любви, длиннѣе полнаго собранія романовъ Вальтеръ-Скотта, и къ нему—то относится слѣдующее мѣсто въ Аристофанѣ:

»Тіотіо, тіотіо, тіотинкъ,
Тототото, тототото, тототинкъ!«

(Переводъ Фосса.)

Нѣтъ, я родился не въ Индіи; я увидѣлъ Божій свѣтъ на бе-

регахъ той прекрасной рѣки, гдѣ на зеленыхъ холмахъ растутъ глупость и осенью собирается, выжимается, разливается въ бочки и посылается за-границу. Я еще вчера слышалъ отъ одного господина глупость, сидѣвшую anno 1811 въ ягодкѣ винограда, которую я тогда самъ видѣлъ въ Иоганигсбергѣ. Много глупостей употребляется впрочемъ и на мѣстѣ, и люди и тамъ, какъ вездѣ, рождаются, ѣдятъ, пьютъ, спятъ, смѣются, плачутъ, клеветуютъ, всячески стараются о продолженіи своего рода, хотятъ казаться не тѣмъ, что они есть, и дѣлать, чего не могутъ, начинаютъ бриться не прежде, какъ у нихъ выростетъ борода, а борода выростаесть у нихъ часто прежде, чѣмъ они поумнѣютъ, а когда они умнѣютъ, они опять туманятъ себѣ голову бѣлой и красной глупостью.

Mon Dieu! еслибъ я могъ двигать горами, изъ всѣхъ горъ я выбралъ бы Иоганигсбергъ, и велѣлъ бы ей всюду за мной слѣдовать. Но я не способенъ на такія чудеса, и долженъ прибѣгать къ фантазіи, и фантазія разомъ переноситъ меня на милый Рейнъ.

О! какая это прекрасная страна! сколько въ ней привѣтливости и солнечнаго свѣта! Въ голубыхъ струяхъ отражаются прибрежныя горы со своими горными руинами и рощами и старинными городами. А тамъ, лѣтнимъ вечеромъ, сидятъ у дверей своихъ домовъ мѣщане, и пьютъ изъ большихъ кружекъ, и дружно толкуютъ о томъ, что вотъ слава Богу, виноградъ поспѣваетъ, и что суды непременно должны быть гласные, и что Марію-Антуанету ни зачѣмъ ни-просто гильотинировали, и что отъ пошлыны вздорожалъ табакъ, и что всѣ люди равны, и что Герресь—умнѣйшая голова.

Меня никогда не занимали эти разговоры, и я предпочиталъ сидѣть съ дѣвушками у стрѣльчатаго окна, и смѣялся ихъ смѣху, и позволялъ бить себя по лицу цвѣтами, и притворялся, что сержусь, пока онѣ не рассказывали мнѣ своихъ секретовъ, или какихъ нибудь другихъ важныхъ исторій. Хорошенькая Гертруда бывала до смерти рада когда я подсаживался къ ней. Эта дѣвушка была словно пламенная роза, и когда разъ обвила она мнѣ шею, я думалъ, что она сгоритъ и испарится въ моихъ объятіяхъ. Хорошенькая Катарина расплывалась въ звонкой нѣжности, когда говорила со мной, и глаза у нея были такъ чисты и глубоко сини, какъ я никогда не видалъ ни у людей, ни у звѣ-

рей, и только изрѣдка встрѣчалъ у цвѣтовъ; отрадно было въ нихъ смотрѣть, и много отрадныхъ думъ проходило въ головѣ. Но красавица Гедвига любила меня: когда я подходилъ къ ней, она наклоняла къ землѣ головку, такъ что черныя локоны ниспадали на вспыхнувшее лицо, и яркіе глаза сверкали сквозь нихъ, какъ звѣзды въ темномъ небѣ. Стыдливыя уста ея непромогали ни слова, да и я не могъ ничего сказать. Я откашливался, а она дрожала. Она просила меня иногда черезъ сестру не взбираться такъ быстро на утесы, и не купаться въ Рейнѣ, если я набѣгался до поту или напился. Разъ подслушалъ я ея теплую молитву къ маленькой Мадоннѣ, украшенной фольгой и озаренной горящей лампадкой въ уголкѣ сѣней. Я ясно слышалъ, какъ она молилась, чтобы я не лазалъ, не пилъ, и не купался. Я навѣрно влюбился бы въ хорошенькую дѣвушку, будь она ко мнѣ равнодушна; но я былъ къ ней равнодушенъ, потому что зналъ, что она меня любитъ. Чтобы быть мною любимой, сударыня, надо обращаться со мной en saaille.

Хорошенькая Юганна была кузина трехъ сестеръ, и я любилъ подсысть къ ней. Она знала прелестнѣйшія сказки, и когда показывала мнѣ своей бѣлой рукой въ окно, на горы, гдѣ происходило все, что она рассказывала, я становился какъ околдованный. Старые рыцари вставали въявь изъ горныхъ развалинъ и рубили другъ на другъ желѣзныя латы; на вершинѣ являлась опять Лорелея, и пѣла свою сладостно-погибельную пѣсню; а Рейнъ журчалъ такъ разумно, такъ успокоительно, и въ тоже время такъ заманчиво и грозно; а хорошенькая Юганна смотрѣла на меня такъ странно, такъ таинственно, такъ загадочно родственно, точно и сама она живетъ въ сказкахъ, которыя только что рассказывала. Это была стройная блѣдная дѣвушка, подточенная болѣзнью и задумчивая; глаза ея были ясны, какъ сама истина, губы благочестиво сжаты, и въ чертахъ лица ея видѣнъ былъ слѣдъ какой-то исторіи, но не мистической исторіи... Можетъ быть любовной легенды? не знаю, я никогда не рѣшался спросить ее. Когда я долго смотрѣлъ на нее, я становился ясенъ и покоенъ; казалось, въ сердцѣ моемъ тихій воскресный день, и ангелы служатъ въ немъ во славу Божию.

Въ такія ясныя минуты рассказывалъ я ей исторію изъ моего дѣтства, и она всегда серьезно слушала меня — и странно! Когда

я не могъ припомнить именъ, она напомнила мнѣ ихъ. Я съ изумленіемъ спрашивалъ ее тогда: отчего знаетъ она эти имена? Она, улыбаясь, отвѣчала, что узнала ихъ отъ птицъ, что живутъ въ гнѣздахъ подѣ карнизомъ ея окна, и хотѣла увѣрить меня, что это тѣ самыя птицы, которыхъ я когда-то ребѣнкомъ купилъ на свои карманныя деньги у жестокосердыхъ крестьянскихъ мальчиковъ, и выпустилъ на волю. Мнѣ кажется, впрочемъ, что она все знала; не даромъ она была такъ блѣдна, и такъ скоро умерла. Она знала и то, когда умретъ, и хотѣла, чтобы я уѣхалъ наканунѣ изъ Андернаха. Прощаясь, она подала мнѣ обѣ руки—у ней были бѣлыя, чудныя руки, и чистыя какъ остія—и сказала: «Ты очень добръ; а какъ будешь золъ, вспомни о мочкоѣной малюткѣ Вероникѣ!» Вѣрно болтливыя птицы сказали ей и это имя. Въ минуты воспоминаній, я часто ломалъ себѣ голову, и не могъ вспомнить млага имени.

Теперь, когда я опять вспомнилъ его, и самое раннее дѣтство опять раздвѣтается у меня въ памяти, и я опять дѣтя, и играю съ другими дѣтьми на дворцовой площади въ Дюссельдорфѣ на Рейнѣ.

ГЛАВА VI.

Да, сударыня! я родился въ Дюссельдорфѣ, и упоминаю объ этомъ на тотъ случай, если по смерти моей за честь быть моею родиной станутъ спорить семь городовъ: Шильда, Кревинкель, Польквицъ, Боккумъ, Дюлькенъ, Геттингенъ и Шёппенштедтъ. Дюссельдорфъ—городъ на Рейнѣ. Въ немъ живетъ шестнадцать тысячъ человекъ, и много сотъ тысячъ человекъ кромѣ того лежитъ тамъ въ землѣ. Между ними есть многіе, о которыхъ матушка моя говоритъ, что было бы лучше, еслибъ они были еще въ живыхъ; напримѣръ, дѣдъ мой и дядя, старый геръ фонъ-Гельдернъ и молодой геръ фонъ-Гельдернъ; оба были такіе знаменитые доктора, и сколько людей спасли отъ смерти; а сами не могли спастись—умерли! И старая Урсула, когда-то нянчившая меня, лежитъ тамъ въ могилѣ, и на могилѣ ея растетъ розовый кустъ. Она такъ любила запахъ розъ, и сердце ея благоухало розами и добротой. И старый умный каноникъ тамъ же схороненъ. Боже мой! какой онъ былъ жалкій, когда я видѣлъ

это въ послѣдній разъ! Онъ весь состоялъ только изъ ума и наветырей, а все-таки день и ночь учился; онъ какъ будто бо-
 лелъ; что черви найдутъ у него въ головѣ недочетъ въ идеяхъ.
 И маленкій Вильгельмъ тамъ же лежать, и это моя вина. Мы
 были школьными товарищами во французскомъ монастырѣ, и
 играли на той сторонѣ его, гдѣ протекаетъ Дюссель. Я сказалъ
 ему: «Вильгельмъ! достань кошечку, что свалилась въ воду!» Ве-
 село обѣжалъ онъ на доску, лежавшую надъ водой, спасъ кошечку,
 но самъ упалъ въ воду, и когда его вытащили, онъ былъ весь
 мокрый и мертвый. Кошечка еще долго жила.

Дюссельдорфъ — прекрасный городъ, и какъ вспомнишь о
 немъ вдали, особенно какъ и родился—то тамъ, отравно такъ
 становится на сердцѣ. Я родился тамъ, и мнѣ все чудится, что
 я сейчасъ долженъ идти домой. Говоря «домой» я разумѣю
 Больмеръ-Штрассе и домъ, въ которомъ я родился. Этотъ
 домъ будетъ со временемъ очень замѣчательнъ, и я поручилъ
 сказать старухѣ, владѣлицѣ дома, чтобы она ни подъ какими
 видомъ его не продавала. Теперь за цѣлый домъ не получить
 она столько, сколько со временемъ будетъ получать на водку
 отъ знатныхъ англичанокъ, подъ зелеными вуалями, ея служан-
 ка, когда станетъ показывать имъ комнату, гдѣ я впервые уви-
 дѣлъ свѣтъ Божій, и чуланчикъ, куда отецъ обыкновенно за-
 ширалъ меня за кражу винограда, и темную дверь, на которой
 мать учила меня писать буквы мѣломъ. Сударыня, если я буду
 когда нибудь знаменитымъ писателемъ, то... Боже мой! сколь-
 ко трудовъ стоило это моей бѣдной матушкѣ!

Но слава моя спитъ еще въ мраморныхъ копияхъ Каррары,
 макулатурный лавръ, украшающій чело мое, не разлилъ еще
 своего благоуханія по всему свѣту, и знатныя англичанки
 подъ зелеными вуалями, прѣзжая нынче въ Дюссельдорфъ, не
 осматриваютъ еще знаменитаго дома, и идутъ прямо на тор-
 говую площадь, и любятъ тамъ стоящую посреди площади
 колоссальной черной конной статуей. Она представляетъ кур-
 швота Яна-Вильгельма. На немъ черныя латы и большой па-
 рикъ съ висячими локонами. Въ дѣтствѣ я слышалъ преданіе,
 что художникъ, отливавшій эту статую, съ ужасомъ замѣтилъ
 во время отливки, что у него не хватитъ металлу; тогда сбѣ-
 жались всѣ граждане города, и принесли ему свои серебряныя

ложки, чтобы кончить статую — и во цѣльнѣ часанѣ стоялъ я передъ памятникомъ и ломалъ себѣ голову: сколько серебряныхъ ложекъ можетъ въ немъ быть, и сколько можно бы купить на это серебро яблочныхъ пирожковъ? Яблочныя пирожки были тогда моею страстью (теперь это — любовь, истина, свобода и раковой супъ). Не подалеку отъ статуи курепрота отстоялъ обыкновенно на углу театра странно испеченный: кривонотій паренъ, въ бѣломъ передникѣ и съ корзинкой, выложенной чудными дымящимися пирожками, которые онъ возхвалялъ своимъ тоненькимъ голоскомъ: «яблочныя пирожки! свѣжіе пирожки! только что изъ печки; нахнутъ такъ славно!» Въ позднѣйшіе годы покуситель, являясь ко мнѣ, говорилъ со мной такимъ же заманчивымъ тоненькимъ голоскомъ, и я не остался бы битыхъ двѣнадцати часовъ у синьоры Джульеты, если бы она не завела со мной бесѣды въ такомъ же сладкомъ, душистомъ яблочно-пирожномъ тонѣ. Правда, яблочныя пирожки не нравились бы мнѣ такъ, еслибы кривой Германъ не прикрывалъ ихъ такъ таинственно своимъ бѣлымъ передникомъ. Какъ известно, передники.... Впрочемъ, я уклонился отъ предмета. Вѣдь я говорилъ о конной статуѣ, въ которой столько серебряныхъ ложекъ и нѣтъ ни капли супу, о статуѣ курепрота Яна-Вальгельма

Говорять, это былъ славный государь, большой любитель искусствъ и самъ очень искусный. Онъ основалъ картинную галлерію въ Дюссельдорфѣ, и въ тамошней обсерваторіи показываютъ до-сихъ-поръ чрезвычайно искусный деревянный кубокъ, выпѣзанный имъ самимъ въ свободные часы.

Въ ту пору нѣмецкіе князья не были еще такіе мученики, какъ теперь, и спали спокойно. И спокойно спали у ногъ ихъ народы и, просыпаясь поутру, говорили: «здравствуй, родной!» а они отвѣчали: «здравствуйте, дѣтушки».

Но вдругъ все измѣнилось. Однажды, какъ мы проснулись по утру въ Дюссельдорфѣ, и хотѣли сказать; «здравствуй, родной!» оказалось, что родной нашъ уѣхалъ, и во всемъ городѣ овладѣла какая-то тупая тоска: во все были въ какомъ-то похоронномъ расположеніи духа, и въ молчаніи шли на площадь, и читали длинное объявленіе на дверяхъ ратуши. Погода была сѣрая, а сухопарый портной Килианъ стоялъ въ своей нан-

новой куртки, которую носилъ обыкновенно только дома; ошіе шерстяные чулки его спустились, и печально проглядывали его голыя ножонки; тонкія губы дрожали, когда онъ бормоталъ про себя прибитое на дверяхъ объявленіе. Старый пфальцскій инвалидъ читалъ нѣсколько громче, и при нѣкоторыхъ словахъ крупныя слезы катились на его бѣлые, честные усы. Я стоялъ около него, и вмѣстѣ съ нимъ плакалъ и спрашивалъ его: о чемъ мы плачемъ? Онъ отвѣчалъ: «курфюртъ благодаритъ....» И читалъ дальше, и при словахъ: «за сохраненіе долга вѣрныхъ подданныхъ, и снимаешь съ васъ обязанности ваши», заплакалъ еще горше. — Странно видѣть такъ горько плачущимъ старика въ полинявшемъ мундирѣ, съ изрубленнымъ солдатскимъ лицомъ. Нека мы читали, съ ратуши сняли и гербъ курфюрта, и все имѣло такой испуганный и хмурый видъ, какъ будто ожидало солнечнаго затмѣнія; члены ратуши ходили такъ грустно и тихо, какъ оставшьяе; даже всемогущій уличный десятникъ не имѣлъ уже повелительнаго вида, и стоялъ мирно и равнодушно, хотя оумасившій Аловзій опять скакалъ на одной ногѣ и съ дурацкой гримасой выкрикивалъ имена французскихъ генераловъ, а горбунъ Гумперцъ валялся пьяный въ грязи, и вѣлъ «*са га са га*».

— А я пошелъ домой, и плакалъ, и оокрушался, что курфюртъ «благодаритъ». Матушка не знала, что со мной дѣлать; я стоялъ на стосы, и ничего не слушалъ. Со слезами легъ я въ постель, и ночью мнѣ снилось, что пришелъ конецъ міра. Прекрасныя, кристальныя сады и зеленые луга снимали съ земли, какъ ковры, и свертывали въ трубку. Фонаришки взлѣзъ на высокую лестницу, и снималъ съ неба солнце; вортной Калпакъ стоялъ около, и говорилъ самъ себѣ: «Надо мнѣ идти домой, да хорошо проведѣться; вѣдь я умеръ и сегодня же меня скоро вѣять». Становилось все темнѣе: скудно мерцало въ небѣ нѣсколько звѣздъ, но и онѣ упали, какъ осенныя желтыя листья; мало-по-малу исчезли все люди; я, бѣдный ребенокъ, бѣзлично бродилъ вокругъ, и остановился наконецъ у плетня остатко-крестьянскаго двора, и увидалъ тамъ человѣка, врываващаго лопатой землю, а около него обратительную злобную женщину; у которой въ передникѣ лежало что-то похожее на сдранную человѣческую кожу, и это была мѣсяцъ, и она

положила его съ трепетной заботой въ готовую шотклу, а за мною стоялъ псалодикъ и вваливалъ и вскланивалъ, и читалъ по окладамъ: «курфиротъ благодарить».

Когда я проснулся, солнце, какъ и всегда, свѣтило въ окна. На улицахъ слышался барабанъ. Когда я вошелъ въ геотинную и поздоровался съ отцомъ, который сидѣлъ тамъ въ бѣломъ немюарѣ, я услышалъ разсказъ легконогаго шарнишера, зашивавшаго отца, о томъ, что сегодня присягаютъ въ ратушѣ новому великому герцогу Юхиму, и что этотъ герцогъ изъ лучшей самиллн, и женится на сестрѣ императора Наполеона, и что дѣйствительно онъ человекъ очень красивый и зашевелъ локонами свои прекрасные черные волосы; скоро будетъ его торжественный въездъ, и онъ навѣрно понравится всемъ девицамъ. Между тѣмъ на улицѣ все раздавался барабанный бой. Я вышелъ изъ воротъ и смотрѣлъ, какъ входили французскія войска, этотъ веселый народъ славы, съ пѣніемъ и звономъ проходившій по всему свѣту, ясно строгія лица гренадеровъ, медвѣжьи шапки, трехцвѣтныя кокарды, сверкающіе штетыки, волтижеры, съ веселостію и point d'honneur въ сердцѣ, и впереди огромный, облитый серебромъ тамбуръ-мажоръ, который скидывалъ свою палку съ позолоченнымъ шаромъ до перваго этажа, а глаза и до втораго, гдѣ сидѣли у оконъ хорошемякія дѣвушки. Я радовался, что у насъ покой — матушка этому не радовалась — и поспѣшилъ на площадь. Тамъ все было по прежнему: казалось, все свѣтъ перекрашивалось въ новую краску. Новый гербъ висѣлъ на ратушѣ; желѣзная рѣшетка съ балкона была завѣшана пштыми бархатными коврами; французскіе гренадеры стояли на часахъ; у старыхъ ратгерровъ были новыя лица; они одѣлись въ свои праздничные кастаны, и смотрѣли другъ на друга по французски, и говорили «bonjour»; изъ всѣхъ оконъ глядѣли дамы; любопытные мѣщане и нарядные солдаты кинули на площади; я съ нѣсколькими другими мальчиками вскарабкался на большую лошадь курфирота, и смотрѣлъ оттуда внизъ, на пеструю толпу.

Союдскій Питеръ и долговязый Кунцъ чуть не сломали при этомъ случаѣ себя шеи, и очень бы хорошо сдѣлали, потому что одинъ убѣжалъ потому отъ своихъ родителей, пошелъ въ солдаты, дезертировалъ и въ Майнцъ его разстрѣляли; а другой

занился впоследствии географическими изслѣдованіями чужихъ кармановъ, попалъ по этому въ дѣйствительные члены неправительнаго заведенія, разорвалъ желѣзныя узы, привязывавшія его къ этому заведенію и къ родинѣ, благополучно ушелъ за море, и умеръ въ Лондонѣ отъ слишкомъ узкаго галстука, который затянулся у него на шеѣ, самъ собой, когда королевскій чиновникъ выдернулъ доску у него изъ подъ ногу.

Долговязый Кунцъ сказалъ намъ, что въ этотъ день ученья не будетъ, по случаю присяги. Мы долго ждали ея конца. Наконецъ балконъ ратуши наполнился пестрыми господами съ знаменами и трубами, и господинъ бургомистръ въ пресловутомъ красномъ кастанѣ сказывалъ рѣчь. Рѣчь тянулась, какъ гумиластикъ, или какъ визаній колпакъ, въ который спустили камень — разумѣется не философскій камень. Нѣкоторыя фразы я могъ разслушать очень ясно, напримѣръ, что насъ хотятъ сдѣлать счастливыми. При послѣднихъ словахъ затрубили трубы, замахали знаменами, забили барабаны и закричали «вивать!» Крича «вивать!» я крѣпко держался за стараго курфирста. Это и не мѣшало, потому что у меня кружилась голова, и мнѣ ужъ казалось, что люди стоятъ на головахъ, такъ какъ свѣтъ повернулся верхъ дномъ; голова курфирста въ длинномъ парикѣ кивала и говорила: «держись за меня крѣпче;» только канонада съ вала прогрезвила меня, и я тихонько слѣзъ съ лошади курфирста.

Возвращаясь домой, я опять видѣлъ сумасшедшаго Алонзія, какъ онъ скакалъ на одной ногѣ, и выкрикивалъ имена французскихъ генераловъ, и горбуна Гумперца, валявшагося въ грязи и вопившаго: «*ça ira! ça ira!*» и я сказалъ матушкѣ: «насъ хотятъ сдѣлать счастливыми, и потому сегодня нѣтъ ученья».

ГЛАВА VII.

На другой день міръ опять пришелъ въ порядокъ, и опять, какъ и прежде, надо было идти въ школу, и опять, какъ прежде, учить наизусть: римскіе цари, цифры годовъ, *nomina* на *im*, *verba irregularia*, но гречески, по еврейски, географію, нѣмецкій языкъ, считанье въ головѣ. Боже мой! и до-сихъ-поръ голова кружится... все надо было учить наизусть. Иное мнѣ

потомъ пригодилось. Такъ, не зная и изустъ римскихъ царей, мнѣ было бы рѣшительно все равно впоследствии, доказалъ ли Нибургъ, или не доказалъ, что они никогда не существовали. А не зная я хронологіи, мнѣ бы никакъ не ориентироваться потомъ въ Берлинѣ, гдѣ дома такъ похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, или два гренадера, и гдѣ не найдешь своихъ знакомыхъ, не помня нумера дома. Съ каждымъ знакомымъ я обыкновенно соединялъ въ головѣ и какое нибудь историческое происшествіе, годъ котораго совпадалъ съ номеромъ его дома. Я тотчасъ же припоминалъ нумеръ, когда вспоминалъ о происшествіи, и мнѣ приходило въ голову какое нибудь историческое событіе при видѣ каждаго знакомаго. Такъ, напримѣръ, встрѣчая моего портнаго, я тотчасъ вспоминалъ марафонскую битву; если мнѣ попадался нарядный банкиръ Христіанъ Гумпель, я вспоминалъ тотчасъ о разрушеніи Іерусалима; когда я видѣлъ запутаннаго въ долгахъ пріятеля португальца, я думалъ о бѣгствѣ Магоммета; когда видѣлъ университетскаго судью, чловека извѣстнаго строгою честностью, я вспоминалъ смерть Амана; встрѣчая Вадцекъ, я припоминалъ Клеопатру. Боже мой! бѣдняга теперь умерла; слезные мѣшочки высохли, и о ней можно сказать съ Гамлетомъ: «возьмите все! Это была старая баба; а въ нихъ у насъ не будетъ недостатка.» Цифры годовъ, какъ сказано, очень важны. Я знаю людей, у которыхъ только и было въ головѣ, что двѣ-три цифры годовъ, и они сумѣли найти въ Берлинѣ нужные имъ дома, и теперь ужь обыкновенные профессора. Я не мало мучился въ школѣ съ цифрами, а главное въ ариметикѣ. Лучше всего понималъ я вычитаніе. Въ немъ есть очень хорошее правило: четыре изъ трехъ не вычитается; надо занять единицу. Я впрочемъ совѣтую въ подобныхъ случаяхъ занимать нѣсколько грошей; почему знать, что случится.

Что касается латинскаго языка, вы понятія не имѣете, сударыня, что это за путаница! У римлянъ вѣрно не осталось бы времени на покореніе вселенной, еслибъ имъ приходилось сначала выучиться по латыши. Эти счастливые люди еще въ колыбели знали, какія имена существительныя заканчиваются въ множественномъ падежѣ на *im*. Я же напротивъ долженъ былъ учить языкъ въ котѣ лица своего на изустъ. Все-таки однакожь хорошо, что я ихъ знаю. Такимъ образомъ, напримѣръ, двадцатаго іюля 1825

годе, когда я держалъ публичный диспутъ въ Геттингенѣ на латинскомъ языкѣ — его стоило послушать, сударыня — скажи я *zinnaret* вмѣсто *zinnaris*, присутствующіе ученые можетъ быть замѣтили бы это, я покрылся бы вѣчнымъ стыдомъ. *Via, vigilia, iis, tussis, cucumis, amussis, conpabis, zinapis*. Эти слова, имѣвшія такое большое значеніе для міра, имѣли его именно потому, что принадлежали къ одному классу и все-таки оставались исключеніями. Оттого я ихъ очень уважаю, и такъ какъ они у меня всегда подъ рукой, когда могутъ вдругъ мнѣ понадобиться, то я обязанъ имъ душевнымъ успокоеніемъ и утѣшеніемъ въ темныя минуты жизни. Но *verba irregularia*, сударыня, — они отличаются отъ *verba regularia* тѣмъ, что стоятъ больше розогъ — ужасно трудны . . .

О греческомъ нечего и рѣчь заводить; а то я ужъ черезъ чуръ разоержусь! Средневѣковые монахи едва ли не справедливо утверждали, что греческій языкъ есть изобрѣтеніе дьявола! Одинъ Богъ вѣдаетъ страданія, которыя вынесъ языкъ-за него. Съ еврейскимъ языкомъ было мнѣ меньше труда, потому что къ жидамъ я питалъ всегда особенную любовь, хотя они досихъ-порѣ распинаютъ мое доброе имя. Я однакожъ не могъ такъ преусиить въ еврейскомъ, какъ мои карманные часы, которые находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ростовщиками, и отъ нихъ переняли многіе жидовскіе обычаи — такъ, напримеръ, по субботамъ они не шли — и научились священному языку, и впоследствии занимались имъ грамматическимъ образомъ: часто въ безсонныя ночи слымалъ я съ удивленіемъ какъ они баявъ устали повторяли: «каталь, катальта, катальти — киталь, китальта, китальти — покать, покадети, — пикать — пикъ — пикъ.....»

Впрочемъ гораздо больше понималъ я нѣмецкій языкъ, хотя это дѣло вовсе не легкое. Мало намъ, бѣднымъ нѣмцамъ, что надо мучать военные мотен, рекрутство, поголовныя и тысячи другихъ податей, мы еще наваячили на себя Аделунга, и мучимъ другъ друга дательнымъ и винительнымъ. Многому въ нѣмецкомъ языкѣ научился я отъ стараго ректора Шальмейера, заболѣвшагося обо мнѣ съ дѣтства. Кое-чему выучился я также у профессора Шрама, написавшаго книгу о вѣчномъ мирѣ, а въ классѣ котораго больше всего дрались мои школьные товарищи:

Вода перомъ безъ всякой сметы и думая о томъ и о семъ, я взаимѣтно заболтался о старыя школьныя годахъ. Пользуясь этимъ случаемъ, чтобы показать вамъ, сударыня, что я во-все не виноватъ, что такъ плохо выучился географіи, и не могъ впоследствии ориентироваться въ свѣтъ. Въ то время французы переставили всѣ границы, и каждый день за-ново иллюминировали карты; страна, бывшая голубой, являлась вдругъ зеленой; нѣкоторые окрашивались даже въ кроваво-красный цвѣтъ; значившіяся въ учебникахъ души такъ смѣшались и спутались, что чертъ сломалъ бы тутъ ногу; мѣстныя произведенія тоже измѣнились: цикорій и брюква росли тамъ, гдѣ прежде бѣгали только зайцы, и за ними охотники. Самые характеры народовъ не-ремѣнились: нѣмцы стали поворотливы, французы перестали де-ремонтиться, англичане перестали бросать въ окошко деньги, а венеціанцы утратили прежнюю хитрость; въ выюпныхъ сферахъ нло сильное производство: старымъ королямъ давался новые мундыры; новыя королевства неслись какъ пироги; а нѣкоторые истоптаны изгонялись, напротивъ, изъ своихъ дворцовъ, и при-нуждены были иначе зарабатывать себѣ хлѣбъ, и поэтому нѣкоторые заранее занялись ремесломъ и дѣлали наприимѣръ сур-гучъ, или.... Сударыня, періодъ этотъ надо же кончить; у меня не хватаетъ ужъ духа.... однимъ словомъ, въ такія времена не очень-то выучишься географіи.

То ли дѣло натуральная исторія. Тутъ не можетъ быть большаго измѣненій, и притомъ существуютъ вѣрные рисунки обезьявъ, двуутробокъ, зебровъ, носороговъ и проч. Эти рисунки со-стались у меня въ памяти, и мнѣ случалось очень часто впоследствіи, встрѣчаясь съ людьми, узнавать въ нихъ съ перваго взгляда, старыхъ знакомыхъ.

Мифологія шла хорошо; меня радовала эта толпа нагихъ бо-говъ, такъ весело управлявшая міромъ. Едва ли былъ въ дре-внемъ Римѣ хоть одинъ школьникъ, знавшій лучше меня главныя статьи своего вѣроученія, наприимѣръ: любовныя похождения Венеры.

Можетъ быть эта мифологія была въ сущности не такъ без-правствозна, какъ объ ней накричали. Такъ, наприимѣръ, что можетъ быть приличнѣе мысли Гомера снабдить супругомъ эту многолюбимую Венеру?

Но кто изъ у меня всего лучше, такъ это французскій языкъ. Насъ учили оббать Дольнуа, французскій эмигрантъ, написавшій мнѣ много грамматикъ и носившій рыжій парикъ. Какъ уморительно подпрыгивалъ онъ, объясняя намъ свой *art poétique* и свою *histoire allemande*. Во всей гимназии это былъ единственный преподаватель нѣмецкой исторiи. Впрочемъ и французскій языкъ имѣетъ свои трудности; для изученiя его нужно много военнаго постоа, много барабаннаго боя, много *apprendre par coeur*, и главное — нельзя быть *une bête allemande*. Въ немъ не мало трудныхъ словъ. Я очень хорошо помню, словно это случилось вчера, какия неприятности мнѣ были отъ слова *la religion*. Разъ шесть спрашивали меня: «*Non! какъ по французски *elre!**» и воъ шесть разъ съ наждамы разомъ плаксивѣ отвѣчалъ я: «*de sredi!*». Въ седьмой разъ экзаменаторъ отъ потемнѣвшемъ какъ виномъ лицомъ вопричалъ въ бѣшенствѣ: «*la religion!*». И мнѣ достался дѣльный дождь розогъ, и воъ товарищи смѣялись...

Parbleu, madame! Я очень преуспѣлъ во французскомъ! Я понимаю не только *parois*, но даже и ломаный аристократическiй французскiй языкъ. Еще недавно въ одномъ благородномъ обществѣ понималъ я почти половину изъ разговора двухъ нѣмецкихъ праминъ, изъ коихъ каждой было за шестьдесятъ пять лѣтъ, и у каждой не меньше шестидесяти пяти предковъ. Однажды въ Берлинѣ въ *salé royal* слышалъ я французское *parler* мосъё Ганса, Мишеля Мартенса и понималъ даже у него каждое слово, хотя ни въ одномъ изъ нихъ не было смысла. Надо знать духъ языка, а духу лучше всего можно выучиться посредствомъ барабана. *Parbleu!* какъ много обязанъ я французскому барабанщику, который долго былъ у насъ на постоа! Онъ глядѣлъ чертомъ; но сердце у него было добрейшее, и онъ отлично барабанилъ.

Это была маленькая подвижная фигурка съ свирѣпыми черными усами, изъ-подъ которыхъ краснѣли упрямо надутыя губы. Оттененные глаза бѣгали по сторонамъ.

Я, маленькiй мальчуганъ, льнулъ къ нему, какъ къ солнцу, и помогалъ ему чистить его блестящiя когтицы, и бѣлать нѣ-ломъ его камзолъ. Мосъё ле-Гранъ желалъ нравиться. Я олдывалъ за него и на каруль, и на порожничку, и на варадъ. Что это было за блескъ и за веселье! *Les jours de fête sont passés!*

Моему ле-Гранжъ зналъ по нѣмецки только два-три латинскихъ слова, и то главныя выраженія: хлѣбъ, поцалуй, честь. За то барабаномъ умѣлъ онъ выразить все отлочно. Напримѣръ, когда я не зналъ, что такое «batare», онъ барабанилъ десютеутскій маршъ, который мы, нѣмцы, какъ извѣщаетъ и Гете, барабанили въ Шампаніи — и я понималъ его! Вадунавъ разъ объяснить мнѣ слово «Annenagwe», онъ забарабанилъ ту простую и древнюю мелодію, подъ которую въ рывочные дни пляснуть на площади собани, а именно: dum — dum — dum! я разсудился, но все-таки понималъ его.

Такимъ же образомъ преподавалъ онъ мнѣ и новѣйшую лекцію Я, правда, не понималъ его словъ; но во время разговора онъ постоянно барабанилъ, и я зналъ, что онъ хочетъ сказать. Это въ сущности лучшая метода. Исторію взятія Бастили, Тюильри, и т. д. можно понять вполне лишь тогда, какъ знаешь, какъ барабанили при этихъ случаяхъ; только услышавъ на барабанѣ красивый гильоенный маршъ, понимаешь вполне, какъ это случилось, и почему. Сударыня, это удивительный маршъ! Онъ потрясъ меня до мозга костей, и я былъ радъ, что забылъ его. Эти вещи приходятъ въ забвеніе, когда становимся старша. Молодому человѣку нашего времени приходится удерживать въ головѣ столько другикъ знаній — вѣсть, бестовъ, генеалогическія таблицы, рѣшенія сеймовыхъ засѣданій, драматургію, форшнейдерство..... и действительно, какъ ни гора я себя любь, я долго не могъ вспомнить этой могучей мелодіи.

Врожденный ли у меня талантъ барабанить, или я съ ранней лѣтъ приобрѣлъ его, но онъ у меня во войтъ чловакъ, въ рукахъ и ногахъ, и часто проявляется по-новоя. Однажды въ Берлинѣ сидѣлъ я въ аудиторіи тайнаго совѣтника Шмальца, человѣка, который спасъ государство своею книгой объ опасностяхъ черныкъ и красныхъ плащей. Вы помните изъ Палатина, сударыня, что крикъ ола открылъ некогда столь же опасный заговоръ; вы знаете также изъ Ливія, или изъ беккеровой всемирной исторіи, что гуси спасли Капитолій, а изъ Салюстія вамъ отлочно извѣстно, что страшный заговоръ. Катлины были обнаружены бледною Фульвией . . . . Но возвратимся къ вашему барону. Въ аудиторіи господина тайнаго совѣтника Шмальца слушалъ я среднее право. Это было случившаго лѣт-

ютя храбрые гренадеры, и подымают крикъ всвучнутые: съ глѣздъ итшцы, и грюкнать вдали лодники. Я видѣлъ императора, со знаменемъ въ рукѣ, на мосту при Леди. Я видѣлъ императора въ обромѣ плакъ при Маренго. Я видѣлъ императора на мѣстѣ въ битвѣ у пирамидъ.... воюду дымъ пороха и шапелюши! Я видѣлъ императора въ сраженіи при Аустерлицѣ.... о! какъ сажетъли пули надъ гладкой ледяной равниной! Я видѣлъ, я слышалъ сраженіе при Ісаѣ.... думъ, думъ, думъ.... я видѣлъ, я слышалъ сраженія при Эйлау, при Ваграмѣ.... вѣтъ, я едва могъ выдержать! Месье ле-Гранъ барабанилъ такъ, что у меня у самого чуть не лопалась кожа.

ГЛАВА VIII.

Но что сталося со мною, когда я увидалъ его самого, увидалъ собственными блаженными глазами его самого, его—ура!—императора.

Это было въ аллеѣ дворцоваго сада въ Диресельдерѣ. Пробывася сквозь звѣдую толпу, я думалъ о военныхъ подвигахъ и битвахъ, которыя пробарабанилъ мнѣ месье ле-Гранъ, и сердце мое было генеральный маршъ; но въ то же время думалъ я о полицейскомъ приказѣ, воспрещавшемъ подъ опасеніемъ штрафа въ пять талеровъ, ѣздить по аллеѣ. А императоръ со свитою своею ѣхалъ по аллеѣ верхомъ. Трехногныя дерева омыслились, гдѣ онъ проѣзжалъ; солнечные лучи дрожали, съ ребячьимъ любопытствомъ сквозясь въ зеленой листвѣ; а во голубому небу пыла золотая звѣзда. На императорѣ былъ его невзрачный зеленый мундиръ, и маленькая всемірно-историческая шляпа. Онъ ѣхалъ на бѣломъ конѣ, и конь шелъ такъ спокойно, гордо, такъ увѣренно, такъ знатно.... небрежно, почти совсѣмъ опустившись, сидѣлъ императоръ. Одна рука высоко держала поводъ, другою онъ добродушно трепалъ по шеѣ лошадку. Это была свѣтзарная мраморная рука, могучая рука, одна изъ тѣхъ двухъ рукъ, которыя укротили многоглавое чудовище анархіи... И она-то добродушно трепала по шеѣ лошадь. И лицо было того же цвѣта, какъ мраморныя головы грековъ и римлянъ; черты его были такъ же благородно-правильны, какъ черты антиковъ, и на лицѣ этомъ было написано: «Нѣтъ

богоу, кромѣ меня!» Улыбка, согрѣвавшая и успокоивавшая вѣд сердца, лежала на его губахъ, хотя и знала всѣ, что этимъ губамъ стоило свиснуть — *et la Prusse n'existait plus*; этимъ губамъ стоило свиснуть — и всѣ іезуиты отзвонили; этимъ губамъ стоило свиснуть — и пошла плясать вся священная римская имперія. И эти губы улыбались. И глаза улыбались тоже. Глаза были ясны, какъ небо; они умѣли читать въ сердцахъ людей; быстрымъ взоромъ видѣли они разомъ все въ мірѣ, все, что мы видимъ лишь по очереди, одно за другимъ, или только какъ тѣнь. Лобъ былъ не такъ ясенъ; на немъ гнѣздились духи будущихъ битвъ, и порой пробѣгало что-то по этому лбу — пробѣгали творческія мысли, великія семимильно-шагающія мысли, на которыхъ духъ императора безримо обходилъ міръ, — и я думаю, каждой изъ этихъ мыслей съ лихвою хватило бы нѣмецкому писателю на цѣлую жизнь усидчиваго писанья.

Императоръ спокойно ѣхалъ по аллеѣ; ни одинъ полицейскій не остановилъ его; за нимъ на гордыхъ, сырѣющихъ копяхъ, въ золотѣ и драгоценныхъ каменьяхъ, ѣхала его свита; гремѣли барабаны; раздавались трубы; около меня вертѣлся сумасшедшій Алонзій, и выкрикивалъ имена его генераловъ, вблизи мычалъ пьяный Гумперцъ, и народъ восклицалъ тысячами голосовъ: «да здравствуетъ императоръ!»

ГЛАВА IX.

Императоръ умеръ. На пустынномъ островѣ Индійскаго моря его одинокая могила; и онъ, кому былъ тѣсенъ земной шаръ, лежитъ подъ маленькимъ холмомъ, гдѣ пять плакучихъ ивъ грустно поникли зелеными кудрями, и съ печальнымъ стономъ протекаетъ кроткій ручеекъ. Нѣтъ надписи на его надгробномъ камнѣ; но Кліо написала на немъ правосуднымъ рѣзцомъ невидимыя слова, которыя будутъ звучать, подобно волшебнымъ струнамъ, цѣлыя тысячелѣтія.

Британія! тебѣ принадлежитъ море. Но въ морѣ мало воды, чтобы смыть позоръ, который завѣщалъ тебѣ, умирая, великій покойникъ. Не твой вѣтреныи сэръ Гудсонъ, нѣтъ, ты сама была сициліанскимъ съищникомъ, нанятымъ.... заговорщиками, чтобы втайнѣ отмстить этому человѣку изъ народа, за то, что

народъ сдѣлалъ нѣкогда публично съ однимъ изъ нихъ. А онъ былъ твоимъ гостемъ, и сѣдился у твоего очага.

И черезъ тысячилѣтія будутъ дѣти Франціи нѣтъ и говорить о странномъ гостепримствѣ «Беллерофона», и когда эти насмѣшливыя и слезныя пѣсни будутъ отдаваться по ту сторону канала, краска будетъ кидаться въ лицо всѣмъ честнымъ британцамъ. Но будетъ время, что эта пѣсня отдастся тамъ; а уже Британіи нѣтъ; гордливый народъ поверженъ въ прахъ; разбиты вестминстерскія гробницы; забытъ царственный прахъ, заключавшійся въ нихъ.... и святая Елена будетъ священной могилой: куда поѣдутъ на корабляхъ съ пестрыми вымпелами народы съ Востока и Запада, и будутъ укрѣплять себѣ сердце великимъ воспоминаніемъ о мученикѣ пострадавшемъ при Гудсонѣ Ло, какъ о томъ благовоествовали Ласъ Казесъ, Омсара и Антомархъ.

Странно! трехъ величайшихъ противниковъ императора, поразила ужъ страшная судьба: Лондондери перерѣзалъ себѣ горло, Лудовикъ XVIII умеръ, а профессоръ Зальесльдъ всееще профессоромъ въ Геттингенѣ.

ГЛАВА X.

Яснымъ, морознымъ осеннимъ днемъ, по аллеѣ дюссельдорфскаго дворцоваго сада тихо проходилъ молодой человекъ студенческаго вида. Порой, будто изъ дѣтской прихоти, онъ подбрасывалъ ногой сухіе листья, покрывавшіе землю; порой грустно взглядывалъ на засохшія деревья, на которыхъ висели еще кое-гдѣ золотые листья; взглядывая, онъ вспоминалъ слова Главка:

«Та же, что листьямъ дубравнымъ, чреда и людскимъ
поколѣньямъ.»

Вѣтеръ развѣетъ листья по землѣ; но дубрава завяжетъ

Новыя почки, лишь снова весна народится. И люди

Такъ же: одно поколѣніе мретъ—подрастаетъ другое.»

Въ прежніе дни этотъ молодой человекъ смотрѣлъ на эти деревья совсѣмъ съ другими мыслями. Онъ былъ тогда ребенкомъ, и искалъ птичьихъ гнѣздъ, или лѣтнихъ жуковъ, которые очень занимали его, когда весело жужжали въ воздухѣ и радовались красотѣ міра и были довольны однимъ сочно-желтымъ

лсточкомъ, каплею росы, теплымъ солнечнымъ лучемъ и сладкимъ ароматомъ травъ. И сердце ребенка было тогда также счастливо, какъ эти порхающіе звѣрки. Но теперь его сердце стало старше; солнечные лучи въ немъ погасли; всѣ цвѣты увяли; поблекъ даже и прекрасный сонъ любви. Въ бѣдномъ сердцѣ не осталось ничего, кромѣ отваги и скорби, и горше всего то, что это сердце—было мое сердце.

Въ этотъ день воротился я въ родной городъ; но мнѣ не хотѣлось оставаться тамъ ночевать, и меня тянуло въ Годесбергъ, съѣсть у ногъ моей пріятельницы, и рассказывать о маленькой Вероникѣ. Я носѣтилъ милую могилу. Изъ всѣхъ живыхъ друзей и родственныхниковъ отыскалъ я только дядю да тетку. Мнѣ попадались, правда, на улицѣ знакомыя лица; но меня ужъ никто не зналъ, и самый городъ смотрѣлъ на меня чуждыми глазами. Многие дома съ-тѣхъ-поръ были выкрашены за-ново; изъ оконъ глядѣли незнакомыя лица; около старыхъ трубъ порхали старыя воробьи; все было такъ мертво и притомъ такъ свѣжо, какъ салатъ, растущій на кладбищѣ. Гдѣ прежде говорили по французски, теперь говорили по прусски. Тѣмъ временемъ тутъ пріютился даже маленькій прусскій дворникъ, и у всѣхъ были придворные титулы. Прежняя фризерма моей матушки стала придворной фризермой; были тутъ и придворные портные, и придворные саножники, и придворныя истребительницы клоповъ, и придворныя кабачки. Весь городъ казался придворнымъ лазаретомъ. Только старый курфирстъ узналъ меня. Онъ все еще стоялъ на старомъ мѣстѣ; но какъ будто похудѣлъ. Стоя все время на площади, онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ современныхъ бѣдствій; а отъ этого спектакля не пожирѣешь. Я былъ какъ во снѣ, и вспомнилась мнѣ сказка о заколдованныхъ городахъ, и я пошелъ по скорѣй изъ воротъ, боясь рано проснуться. Въ дворцовомъ саду я многихъ деревьевъ не досчитался; нѣкоторые согнулись, а четыре большіе тополя, казавшіеся мнѣ преждѣ зелеными исполинами, стали теперь маленькіе. Тутъ гуляло нѣсколько хорошенькихъ дѣвушекъ въ пестромъ нарядѣ, точно живые тюльпаны. И эти тюльпаны я зналъ, когда они были еще маленькими луковками. Ахъ! вѣдь это были сосѣдскія дѣти, съ которыми я когда-то игралъ «Принцессу въ башнѣ.» Но прекрасныхъ дѣвушекъ, которыхъ я зналъ нѣкогда цвѣтущими розами,

встрѣтилъ я розами поблекшими, и не въ одно высокое чело, восхищавшее мнѣ сердце своей гордостью, врѣзалъ Сатурнъ своюю косою глубокія морщины. Только теперь, но—увъ! слишкомъ поздно понялъ я, что значили взгляды, которые нѣкогда бросали онѣ на развивающагося отрока; съ-тѣхъ-поръ я замѣчалъ не разъ на чужбинѣ параллельныя выраженія въ хорошенькихъ глазахъ. Глубоко тронулъ меня смиренный, низкій поклонъ одного человѣка, котораго я видѣлъ когда-то богатымъ и знатнымъ, а теперь встрѣтилъ нищимъ; извѣстное дѣло, что человѣкъ, единожды начавъ падать, словно по закону Ньютона, мчится къ гибели все съ болѣе и болѣе ужасающей быстротой. Въ одномъ только не замѣтилъ я никакой перемѣны: въ маленькомъ баронѣ, который, по прежнему весело попрыгивая, гулялъ по саду, и одной рукой поддерживалъ кверху лѣвую еалду, а другою помахивалъ своей тоненькой тросточкой. Тоже было у него радушное личико съ сосредоточеннымъ на носу румянцемъ; таже старая шляпочка; таже старая косичка, только въ ней проглядывали мѣстами вмѣсто прежнихъ черныхъ бѣлые волосики. Но какъ ни весело смотрѣлъ онъ, все-таки я зналъ, что бѣдному барону пришлось съ-тѣхъ-поръ вытерпѣть не мало горя. Личико его старалось это скрыть отъ меня; но бѣлые волосики его косички выдали мнѣ его у него за спиной. И самой косичкѣ не хотѣлось въ этомъ признаваться, и она уныло—весело покачивалась.

Я не усталъ; но мнѣ все-таки захотѣлось посидѣть еще разъ на деревянной скамейкѣ, гдѣ я когда-то врѣзалъ имя моей милой. Я едва нашелъ его; такъ много врѣзали надъ нимъ другихъ именъ. Ахъ! когда-то я заснулъ на этой скамейкѣ, и мнѣ снилось счастье и любовь! Сны что пѣна. Вспомнились мнѣ и прежнія дѣтскія игры, и старыя чудесныя сказки. Но сквозь нихъ слышалась новая фальшивая игра, и новая безобразная сказка... Это была исторія о двухъ бѣдныхъ душахъ, что измѣнили другъ другу, и потомъ зашли такъ далеко въ своей невѣрности, что измѣнили даже Господу Богу. Это грустная исторія; если у человѣка нѣтъ лучшаго дѣла, надъ нею можно поплакать. О Боже! нѣкогда мѣръ былъ такъ прекрасенъ, и птицы пѣли Тебѣ вѣчную хвалу, и маленькая Вероника смотрѣла на меня кроткими глазами, и мы сидѣли передъ мраморной статуей на дворцовой площади...

Съ одной стороны стоялъ старый заброшенный дворецъ, гдѣ по ночамъ ходила женщина безъ головы въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ длиннымъ шелестящимъ шлейфомъ; съ другой стороны высокое бѣлое зданіе, гдѣ въ верхнихъ покояхъ чудно блестящія пестрыя картины въ золотыхъ рамахъ, а въ нижнемъ этажѣ стояло столько тысячъ тяжелыхъ книгъ, которыя часто поражали любопытствомъ меня, и маленькую Веронику, когда благочестивая Урсула приподнимала насъ къ большимъ окнамъ. Позже, когда я сталъ большимъ мальчикомъ, я каждый день взбирался тамъ на самыя высокія лѣстницы, и доставалъ самыя высокія книги, и читалъ ихъ такъ долго, пока не пересталъ бояться чего бы то ни было, и менѣ всего женщинъ безъ головъ, и сталъ такъ уменъ, что забылъ всѣ старыя игры и сказки, и картины, и маленькую Веронику, и даже ея имя.

Въ то время, какъ я сидѣлъ на старой скамьѣ дворцоваго сада и припоминалъ прошлое, за мною слышался смутный говоръ. Люди жалѣли о судьбѣ бѣдныхъ французовъ, взятыхъ въ русскій плѣнъ, задержанныхъ тамъ, не смотря на миръ, много лѣтъ, и только теперь возвращающихся. Я поднималъ глаза, и увидалъ дѣйствительно этихъ сиротъ славы. Въ прорѣхи ихъ лахмотныхъ мундировъ сквозила голая нищета; жалобно глядѣли глубокіе глаза изъ ихъ смятыхъ лицъ. Хотя и усталые и болѣею частью хромые, они проходили однакожь какъ будто военнымъ шагомъ, и, что странно, впереди ковылялъ барабанщикъ съ барабаномъ. Глухимъ трепетомъ охватило меня воспоминаніе о сказкѣ про солдатъ, павшихъ днемъ въ сраженіи, а ночью опять встающихъ съ поля битвы и идущихъ съ барабанщикомъ впереди въ родной городъ, какъ о томъ поется въ старой народной пѣснѣ:

«Онъ громко въ барабанъ свой бьетъ—

И строй по городу идетъ.

Вотъ улица—знакомый домъ. . .

Тарамъ—тамъ—тамъ! Тарамъ—тамъ—тамъ!

Не видно ль милой подъ окномъ?

«Солдаты изъ могилъ встаютъ. . . .

Ровняйся! маршь! Они идутъ—

И барабанщикъ впереди. . .

Тарамъ—тамъ—тамъ!—Тарамъ—тамъ—тамъ!

Гляди, красавица, гляди!»

Въ самомъ дѣлѣ, бѣдный французскій барабанщикъ, казалось, всталъ, на половину изтлѣвшій, изъ могилы. Это была небольшая тѣнь въ грязной изорванной сѣрой шинели. Лицо мертвое, желтое; длинные усы уныло свѣсились надъ поблекшими губами; въ глазахъ, какъ въ догорающемъ трутѣ, мелькали лишь изрѣдка искорки, но и по одной такой искоркѣ узналъ бы я мосье ле-Грана.

Онъ тоже меня узналъ, и пригласилъ меня съѣсть съ нимъ на траву, и сидѣли мы, какъ встарь, когда онъ преподавалъ мнѣ на барабанѣ французскій языкъ и новѣйшую исторію. Все тотъ же былъ это знакомый старый барабанъ, и я не могъ надивиться, какъ онъ остался у него въ плѣну. И барабанилъ онъ какъ встарь; только не говорилъ при этомъ. Упрямо были сжаты его губы; но тѣмъ выразительнѣе говорили его глаза. Они побѣдоносно вспыхивали, когда онъ барабанилъ старинные марши. Тополи около насъ задрожали, когда онъ забилъ опять старый гильотинный маршъ. И старинныя битвы за свободу, и старинныя сраженія, и дѣянія императора, все барабанилъ онъ какъ встарь и казалось, что и самый барабанъ его существо живое, и радуется, что можетъ выразить свою душу. Опять слышалъ я грохотъ пушекъ, свистъ пуль, шумъ сраженія; опять видѣлъ бьющуюся на смерть гвардію; опять видѣлъ развѣвающіяся знамена; опять видѣлъ императора на конѣ.... Но мало-по-малу въ радостную дробь барабана прокрадывался грустный тонъ, и изъ барабана вырывались звуки, въ которыхъ грозно сливались самое дикое ликованье и раздирающая тоска. То былъ, казалось, побѣдный и въ тоже время похоронный маршъ. Широко, какъ у призрака, раскрывались глаза ле-Грана, и мнѣ видѣлась въ нихъ широкая бѣлая снѣжная равнина, покрытая трупами.... Это была битва подъ Москвой.

Я никакъ не думалъ, чтобы старый жесткій барабанъ былъ способенъ на такіе горькіе звуки, какіе извлекалъ изъ него мосье ле-Гранъ. Это были пробарабаненныя слезы, и онъ звучали все тоже, и, словно мрачное эхо, вырывались глубокіе вздохи изъ груди ле-Грана. А самъ онъ становился все блѣднѣе и призрачнѣе; сухія руки его дрожали отъ стужи, и сидѣлъ онъ какъ во снѣ, и билъ лишь по воздуху своими барабанными палками, и будто прислушивался къ отдаленнымъ голосамъ, и наконецъ

взглянуть на меня глубокимъ, бездонно глубокимъ, умоляющимъ взглядомъ.... Я понялъ его.... иголова его опустилась на барабанъ.

Мосье ле-Гранъ уже не барабанилъ болѣе въ этой жизни. И барабанъ его не издалъ уже болѣе ни звука. Онъ не долженъ былъ ни одному врагу свободы служить для рабской тревоги. Я очень хорошо понялъ послѣдній умоляющій взглядъ ле-Грана, и тотчасъ же вынулъ шпагу изъ своей налки, и проткнулъ барабанъ.

Г Л А В А XI.

Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, madame!

Но жизнь, въ существѣ своемъ, полна такого роковаго трагизма, что ее бы нельзя было сносить безъ этой смѣси патетическаго съ комическимъ. Это знаютъ наши поэты. Грозившія картины человѣческаго безумія показываетъ намъ Аристанъ лишь въ смѣющемся зеркалѣ юмора; великую скорбь мысли, сознающей свое собственное ничтожество, Гете рѣшается выговорить лишь въ рубленыхъ виршахъ кукольной комедіи, и самый скорбный вопль о бѣдствіи челоуѣчества влагаетъ Шекспиръ въ уста дурака, судорожно раскачивая его дурацкую палку со звонками.

Всѣ они выучились этому у великаго древняго поэта, у судьбы, доводящей юморъ до высшей степени въ своей тысячи-актной всемірной трагедіи, какъ мы это видимъ каждый день. Только уходятъ герои, являются клоуны и арлекины со своими дурацкими палками; за кровавыми сценами революціи и дѣлами имперіи идутъ, переваливаясь, толстые Бурбоны со своими старыми выдохшимися шуточками и нѣжно легитимными каламбурами, и граціозно порхають за ними старая аристократія съ голодной улыбкой, а тамъ плетутся и долгополыя черныя платья со свѣчами и хоругвями. Даже къ высшему пафосу всемірной трагедіи примѣшиваются комическія черты. Отчанный республиканецъ, какъ Брутъ, вонзившій себѣ ножъ въ сердце, можетъ быть сначала понюхалъ не рѣзали ли этимъ ножомъ селедки. И на этой великой всемірной сценѣ происходятъ такіе же недосмотры, какъ и въ нашихъ балаганахъ. И здѣсь бываютъ пьяные герои, забывающіе свою роль, позабытыя не на мѣстѣ кулисы, не во время раздавшійся голось суфлера, танцовщицы, произ-

водящія эффектъ поэзією своихъ бедръ, костюмы, блестящіе на первомъ планѣ

Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, madame! Когда я дописывалъ конецъ предшествующей главы, и рассказывалъ вамъ какъ умеръ мосьё ле-Гранъ, и какъ добросовѣстно исполнилъ я *testamentum militare*, лежавшій въ его послѣднемъ взглядѣ; когда я дописывалъ эту главу, въ дверь ко мнѣ постучалась и вышла бѣдная старушка, и кротко спросила, не докторъ ли я. Я отвѣчалъ утвердительно, и она убѣдительно просила меня пойти къ ней, и срѣзать мужу ея мозоль.

Г Л А В А XIII.

Сударыня! Подъ горячими полушаріями Леды лежала уже вся троянская война, и вамъ никакъ не понять знаменитыхъ слезъ Пріама, если я вамъ не расскажу сначала о старыхъ лебединыхъ яйцахъ. Поэтому прошу васъ не жаловаться на мои отступленія. Во всѣхъ предъидущихъ главахъ нѣтъ ни одной строчки, которая не шла бы къ дѣлу; я пишу сжато; избегаю всего лишняго, пропускаю часто даже необходимое. Я не привелъ даже ни одной цитаты. А между тѣмъ цитаты изъ древнихъ и новыхъ книгъ — главное удовольствіе юнаго автора, и пара ученыхъ цитатъ украшаютъ такъ—сказать цѣлаго человѣка. Не подумайте однакожь, сударыня, что у меня мало знакомства съ книжными заглавіями. Кромѣ того, я знаю пріемы великихъ умовъ, умѣющихъ выкапывать коринку изъ хлѣба и цитаты изъ университетскихъ тетрадей. При нуждѣ я могъ бы сдѣлать заемъ цитатъ у моихъ ученыхъ друзей. Другъ мой Гаусъ въ Берлинѣ есть такъ—сказать маленькій Ротшильдъ цитатъ, и съ радостью ссудитъ меня нѣсколькими милліонами; а если у самого нѣтъ ихъ на-готовѣ, то ему ничего не стоитъ взять ихъ у другихъ космополитныхъ духовныхъ банкротовъ. Но мнѣ еще нечего думать о займѣ; я человекъ достаточный; у меня есть 10,000 цитатъ ежегодно; я даже сдѣлалъ открытіе, какъ выдавать фальшивыя цитаты за настоящія. Еслибъ какой нибудь великій богатый ученый, на-примѣръ Михаэль Беръ, вздумалъ купить у меня этотъ секретъ, я готовъ уступить его за 19,000 талеровъ; пожалуй, можно

было бы и еще кое-что выторговать. О другомъ изобрѣтеніи своемъ я не могу умолчать, а потому сообщая его gratis.

А именно: я считаю полезнымъ — всѣхъ темныхъ авторовъ цитировать съ номерами ихъ домовъ.

Эти «добрые люди и плохіе музыканты» (такъ обращается Понсъ-де-Леонъ къ оркестру), эти темные авторы всегда имѣютъ у себя въ запасѣ экземплярчикъ давно забытыхъ книжечекъ, и чтобы извлечь эти книжечки, надо цитировать и номеръ дома авторовъ. Еслибъ я вздумалъ цитировать, напримѣръ, «Пѣсенникъ для подмастерій» Шпитты — гдѣ нашли бы вы его, сударыня? Если же я скажу:

Vid. Пѣсенникъ для подмастерій, П. Шпитты; Люнебургъ, на Люнеръ-Штрассе, N 2, направо отъ угла...

то вы можете сударыня, если по вашему, она стѣитъ этого труда, добыть эту книжечку. Она впрочемъ этого не стѣитъ.

Вы не имѣете понятія, сударыня, какъ для меня легко цитировать. Все служить для меня случаемъ выказать свою глубокую ученость. Заговорю ли я, напримѣръ, объ ѣдѣ, то замѣчаю въ выноскѣ, что и римляне и греки и евреи тоже ѣли; я исчисляю всѣ драгоценныя кушанья, какія приготовляла кухарка Лукула (зачѣмъ это пришлось мнѣ родиться полторы тысячи лѣтъ спустя?); я упоминаю также, черныя общественныя трапезы у грековъ назывались такъ-то и такъ-то, и что спартацы ѣли дрянные черныя супы. Хорошо впрочемъ, что меня тогда не было еще въ живыхъ. Я не могу вообразить себѣ ничего ужаснѣе быть спартанцемъ: супъ мое любимое кушанье. Сударыня, я собираюсь скоро ѣхать въ Лондонъ; но если дѣйствительно правда, что тамъ не ѣдятъ супу, тоска по роднымъ супамъ привлечетъ меня снова на родину. Объ ѣдѣ древнихъ евреевъ могъ бы я распространиться съ большою подробностью, и прослѣдить ее до жидовской кухни новѣйшаго времени. Я упомянулъ бы при этомъ обо всей жидовской улицѣ. Я могъ бы также привести, какъ гуманно выражались многіе берлинскіе ученые о жидовской ѣдѣ. При этомъ случаѣ я могъ бы перейти къ другимъ преимуществамъ и достоинствамъ жидовъ, къ изобрѣтеніямъ, которыми мы обязаны имъ, какъ напримѣръ: векселя. По поводу жидовъ я могъ бы цитировать Тацита: онъ говоритъ, что жида почитали ословъ въ своихъ храмахъ. По поводу же

ословъ — какое обширное поле цитать открывается мнѣ! Сколько замѣчательнаго можно сказать о древнихъ ослахъ въ противоположность нынѣшнихъ. Какъ умны были древніе, и — увы! какъ глупы новыя! Какъ умно говорить напримѣръ валаамовъ осель...

vid. Pentat. lib. — — — — —

Сударыня, у меня нѣтъ подъ рукой этой книги, и я оставляю мѣсто для указанія страницы. Что касается до глупости новѣйшихъ ословъ, я могу указать...

vid. — — — — —

Нѣтъ я и тутъ остаю мѣсто; иначе я меня цитируютъ — injis-gium. Новѣйшіе ослы — большіе ослы. Древніе ослы, стоявшіе столь высоко въ цивилизаціи —

vid Gesneri: De antiqua honestate asinorum —

(In comment. Götting. T II. p. 32.)

повернулись бы въ могилѣ еслибъ слышали, что говорятъ объ ихъ потомкахъ. Нѣкогда *осель* былъ почетнымъ именемъ — значилъ тоже, что нынче гофратъ, баронъ, doctor philosophiae. Іаковъ сравниваетъ съ осломъ сына своего Иссахара, Гомеръ — своего героя Аякса; а нынче съ осломъ сравниваютъ господина Фонъ-Штура! Сударыня, по поводу подобныхъ словъ я могъ бы глубоко погрузиться въ исторію литературы; я могъ бы цитировать всѣхъ великихъ мужей, которые были влюблены; напримѣръ: Abebardus, Picus Mirandulanus, Borbonius, Cartesius, Angelus Politianus, Raymondus Lullus и Henricus Heineus. По поводу любви могъ бы я цитировать опять всѣхъ великихъ мужей, которые не курили табаку, какъ напримѣръ: Цицеронъ, Юстиніанъ, Гете, юстицратъ Гуго, я... кстати же мы воѣ пятеро болѣе или менѣе юристы. Мабиліанъ не могъ переносить дыма даже чужой трубки, и въ своемъ Iter Germanicum жалуется, говоря о нѣмецкихъ гостиницахъ, quod molestus ipsi fuerit tabaci grave oleutis foetor. Напротивъ, другимъ великимъ мужамъ приписывается особое пристрастіе къ табаку. Рафаэль Торусъ написалъ гимнъ табаку (вы можете быть еще не знаете, сударыня, что Исаакъ Эльзевиръ издалъ его in quarto, въ Лейденѣ, anno 1628), а Лудовикусъ Киншотъ написалъ къ нему предисловіе въ стихахъ, Гревіусъ написалъ даже сонетъ на табакъ. И великій Боксгорніусъ любилъ табакъ. Бель въ своемъ Dict. hist. et critiq. говорить,

что слышалъ, что великій Боксгорніусъ когда курилъ, надѣвалъ большую шляпу съ дырой на переднемъ полѣ, куда часто протыкалъ свою трубку, чтобы она не мѣшала его занятіямъ.

Вы видите, сударыня, что у меня нѣтъ недостатка въ основательности и глубинѣ. Только въ систематизированьи я еще немножко поотсталъ. Какъ истому вѣмцу, мнѣ слѣдовало бы начать эту книгу объясненіемъ ея заглавія, по обычаю священной римской имперіи. Конечно, Фидій не писалъ предисловія къ своему Юпитеру, и нигдѣ не нашелъ я ни одной цитаты на Венерѣ Медицейской: я осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, но древніе греки, были греки, а нашъ братъ, честный вѣмецъ, не можетъ же отказать отъ своей вѣмецкой натуры, и мнѣ слѣдуетъ объяснить, почему моя книга называется «Идеями».

По этому, сударыня, я буду говорить:

I. Объ идеяхъ:

A. Объ идеяхъ вообще.

a. О разумныхъ идеяхъ.

b. О неразумныхъ идеяхъ.

α. Объ обыкновенныхъ идеяхъ.

β. Объ идеяхъ, переплетенныхъ въ свиную кожу.

Последнія подраздѣляются, кромѣ того, на... Впрочемъ объ этомъ будетъ въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА XIV.

Сударыня, прежде всего имѣете ли вы понятіе объ идеѣ? Что такое идея? «Въ этомъ сюртукѣ—хорошая идея.» говорилъ мой портной, разсматривая съ серьезнымъ видомъ знатока мой сюртукъ, относившійся ко временамъ моего берлинскаго франтовства, и изъ котораго я хотѣлъ сдѣлать почтенный домашній кафтанъ. Прачка моя жалуется, что пасторъ Штраухъ набилъ идеями голову ея дочери, и что она совсѣмъ поглупѣла, и не слушаетъ ума разума. Кучеръ Паттензенъ бормочетъ при каждомъ удобномъ случаѣ: «Вотъ идея—то! вотъ идея—то!» Вчера онъ очень разсердился, когда я его спросилъ, что онъ разумѣетъ подъ идеей. И сердито проворчалъ онъ мнѣ: «Ну—идея—это идея! идея—всякій вздоръ, который приходитъ человѣку въ го-

лову.» Въ этомъ же смыслѣ поставилъ это слово въ заглавіи своей книги готратъ Геренъ въ Геттингенѣ.

Кучеръ Паттензенъ такой человекъ, что найдетъ дорогу и въ темную туманную ночь на широкой люнебургской равнинѣ. Готратъ Геренъ съ такимъ же умнымъ инстинктомъ отыскивалъ старые караванные пути Востока, и ужъ не мало лѣтъ гуляетъ по нимъ также спокойно и терпѣливо, какъ любой верблюдъ древнихъ временъ. На такихъ людей можно положиться, за ними можно слѣдовать безъ страха, и потому я назвалъ эту книгу идеями.

Значить, титулъ книги въ этомъ случаѣ также не важенъ, какъ титулъ автора. Онъ выбранъ не изъ учебной гордости или изъ тщеславія. Примите печальнѣйшее увѣреніе, сударыня, что я не тщеславенъ. Это объясненіе необходимо, какъ вы увидите ниже. Я не тщеславенъ. Еслибъ на головѣ моей росъ цѣлый лѣсъ лавровъ, и въ юное сердце мое изливалось цѣлое море олимпіаду, я все-таки не сталъ бы тщеславнымъ. Друзья мои и другіе современники старательно оградилъ меня отъ этого порока. Вы знаете, сударыня, что старыя бабы слегка поплевываютъ на своихъ питомцевъ, когда хвалятъ ихъ красоту, съ тѣмъ, чтобы похвала эта не повредила милымъ малюткамъ. Вы знаете, сударыня, что въ Римѣ, когда триумфаторъ, увѣнчанный славой и украшенный пурпуромъ, въѣзжалъ съ Марсова-поля на золотой колѣсницѣ и на бѣлыхъ коняхъ, возвышаясь, какъ богъ, посреди торжественнаго хода ликторовъ, музыкантовъ, плясунновъ, жрецовъ, рабовъ, слоновъ, трафееносцевъ, консуловъ, сенаторовъ, солдатъ — червь пѣла вслѣдъ ему разныя насмѣшливыя пѣсни. Вы знаете также, сударыня, что у насъ въ Германіи много старыхъ бабъ и черни.

И такъ, сударыня, идеи, о которыхъ идетъ рѣчь, такъ же далеки отъ платоническихъ, какъ Аѳины отъ Геттингена, и вамъ точно также нечего возлагать большихъ надеждъ на самую книгу, какъ и на автора. Для меня такъ же не понятно, какъ и для моихъ друзей, почему авторъ могъ вообще возбуждать подобныя ожиданія. Графиня Юлія объясняетъ это и утверждаетъ, что если помянутый авторъ и выказываетъ иногда нѣчто умное и новое, то это лишь притворство, а въ сущности онъ также глушъ, какъ и остальные. Это несправедливо; я вовсе не притво-

ряюсь; говорю, что у меня навернется на языкъ; пишу въ простотѣ и невинности, что придетъ мнѣ въ голову; я не виноватъ, если изъ этого выходитъ чтонибудь порядочное. Но въ писаньѣ мнѣ больше счастья, чѣмъ въ альтанской лотереѣ, хотя я и желалъ бы, чтобъ было наоборотъ. . . . .

Начиная этотъ періодъ, я еще не знаю, какъ его кончу, и что именно хочу сказать, и предоставляю себя судьбѣ. Да и какъ бы могъ я писать безъ этой увѣренности въ ея милостяхъ? у меня въ комнатѣ стоитъ теперь разсылный изъ типографіи Лангоса и требуетъ оригинала. Едва рожденное слово отправляется, еще теплое и мокрое, въ станокъ, и то, что я думаю и чувствую въ эту минуту, можетъ быть завтра поутру уже макулатурой.

Вамъ легко, сударыня, напоминать мнѣ гораціево *ponit prematum in annum*. Это правило, какъ и многія другія въ этомъ родѣ, очень хорошо въ теоріи, но никуда не годится на практикѣ. Горацій, предписывая автору знаменитое правило держать свое сочиненіе девять лѣтъ въ ящикѣ письменнаго стола, долженъ бы котати сообщить рецептъ, какъ прожить десять лѣтъ безъ ѣды. Придумывая это правило, онъ сидѣлъ можетъ быть за трапезой Мецената и ѣлъ индѣекъ съ трюфелями, пуддингъ изъ фазановъ съ соусомъ изъ дичи, ребрышки жаворонковъ съ тельтовской рѣпой, павлиныя языки, индѣйскія птичьи гнѣзда, и мало ли еще что! и все даромъ; мы же несчастные, поздно родившіеся, живемъ въ инныя времена. У нашихъ меценатовъ совсѣмъ инныя правила. Они думаютъ, что авторы и кизиль становятся лучше, если нѣкоторое время полежать на соломѣ; собаки не годились бы на охотѣ идей и образовъ, еслибъ ихъ слишкомъ откармливали—и, увы! если они и кормятъ порой бѣдную собаку, то именно не ту, а вовсе незаслуживающую хлѣба, напимѣръ: дворняшку, которая лежитъ руки, или крошечную болонку, умѣющую жаться къ душистой груди хозяйки, или терпѣливаго пуделя, который выучится дѣльному ремеслу и умѣетъ подавать поноску, плясать и барабанить. Въ то время, какъ я это пишу, за мною стоитъ мой маленькій мопсъ и лаеетъ. Полно, Амишка! я говорю не объ тебѣ: ты меня любишь, ты сопровождаешь своего господина въ нуждѣ и опасности, и готовъ умереть на его могилѣ не хуже иной другой нѣмецкой со-

баки, прогнанной на чужбину и лежащей у дверей Германіи съ голоднымъ стономъ. Извините, сударыня, что я сдѣлалъ это отступленіе, желая объясниться съ моею собакой! Возвращаясь къ правилу Горація и къ его непримѣнности въ девятнадцатомъ столѣтіи, когда поэты не могутъ обходиться безъ гонорарія ихъ музъ. *Ma foi, madame!* мнѣ не выдержать бы и сутокъ, не только что девяти лѣтъ. Желудокъ мой вовсе не сочувствуетъ безсмертію. Обсудивъ дѣло, я готовъ отдать половину безсмертія за полную сытость. Вольтеръ отдавалъ триста лѣтъ своей вѣчной славы за хорошее пищевареніе, а я готовъ отдать вдвое за самую ѣду. Ахъ! какія прекрасныя, чудныя кушанья бываютъ на свѣтѣ! Философъ Панглось правъ: Это чудный міръ! Но въ этомъ чудномъ мірѣ надо быть съ деньгами въ карманѣ, а не съ рукописями въ письменномъ столѣ. Хозяинъ трактира *Zum König von England*, господинъ Марръ, самъ сочинитель, и знаетъ правило Горація; но я не думаю, чтобы онъ сталъ кормить меня, еслибъ я вздумалъ слѣдовать этому правилу.

Да и зачѣмъ не слѣдовать ему? у меня въ головѣ столько хорошаго, что нечего долго собираться. Пока сердце мое полно любви, а голова моихъ собратій полна глупостей, у меня не будетъ недостатка въ сюжетахъ. А сердце мое будетъ всегда любить, пока есть на свѣтѣ женщины; охладѣетъ къ одной, влюбится тотчасъ же въ другую. Какъ во Франціи никогда не умираетъ король, такъ никогда не умираетъ королева въ моемъ сердцѣ. *La reine est morte, vive la reine!* Точно такъ же не вымретъ никогда и глупость въ моихъ собратіяхъ. Умъ только одинъ и у него опредѣленныя границы; за то есть тысячи неизмѣримыхъ глупостей. Ученый казуистъ Шуппъ говоритъ даже, что на свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ людей.

Vid. Schuppi docta Opera, p. 1121.

Вспомните, что великій Шуппиусъ жилъ въ Гамбургѣ, и это статистическое свѣдѣніе вовсе не покажется преувеличеннымъ. Я нахожусь тутъ же и не могу не радоваться при мысли, что всѣ эти дураки, которыхъ я вижу здѣсь, годятся мнѣ для моихъ сочиненій; это наличный гонорарій, чистыя деньги. Я катаюсь, какъ сыръ въ маслѣ. Нынѣшній годъ благодатный; на дураковъ особенный урожай, и я, какъ хорошій хозяинъ, потребляю ихъ экономически: выбираю, которые лучше, и беру на будущее

время. Меня часто видятъ на гуляньѣ веселымъ и довольнымъ. Какъ богатый купецъ—похаживаетъ, самодовольно потирая руки, посреди ящиковъ, бочекъ и тюковъ въ своемъ товарномъ складѣ, такъ и я гуляю среди своихъ дураковъ. Вы всѣ мои! всѣ вы равно мнѣ дороги, и я люблю васъ, какъ сами вы любите свои деньги; а это не мало! Я отъ души посмѣялся, какъ мнѣ недавно сказали, что одинъ изъ моего народа озабоченно говорилъ, что не знаетъ, чѣмъ я буду со временемъ жить; а между тѣмъ онъ самъ—капитальный дуракъ, и я могъ бы жить имъ однимъ, какъ капиталомъ. Иные дураки для меня не только наличныя деньги; но уже и эти наличныя деньги, которыя они могутъ мнѣ доставить, назначены мною на извѣстную цѣль. Такъ, напримѣръ, одинъ толстый мягкій миллионеръ доставитъ мнѣ мягкій стулъ, который француженки называютъ chaise percée. На его толстую миллионершу я куплю себѣ лошадь. Когда мнѣ попадается толстякъ. . . . когда мнѣ попадается этотъ ковыляющій толстякъ на гуляньѣ, странно становится у меня на душѣ. Хоть онъ меня совѣтъ не знаетъ, но я невольно кланяюсь ему, и онъ отвѣчаетъ такимъ радушнымъ, такимъ пригласительнымъ поклономъ, что я тутъ же готовъ бы воспользоваться его добротой, еслибъ не отѣснялся множествомъ нарядныхъ людей, попадающихся на встрѣчу. Супруга его вовсе не дурна. У нея, правда, одинъ только глазъ; но за то онъ отъ этого еще зеленѣе; носъ ея, какъ столбъ смотрящій въ лицо Дамаска; грудь какъ море, и на ней развѣваются разноцвѣтныя ленты, какъ флаги кораблей. Только взглянешь, дѣлается морская болѣзнь. Шея ея прекрасна и жирна какъ. . . . сравненіе нѣсколько ниже. . . . и голубая гордина, прикрывающая это сравненіе, дала вѣроятно работы на цѣлую жизнь не одной тысячи шелковичныхъ червей. Вы видите, сударыня, какой будетъ у меня конь! Когда я встрѣчаюсь съ этой женщиной на гуляньѣ, у меня даже духъ захватываетъ. Кажется, такъ бы и вскочилъ, щелкнулъ хлыстомъ, прищелкнулъ пальцами, зачмокалъ губами, и я начинаю дѣлать ногами разныя наѣздническія штуки. . . . гоппъ! гоппъ! тирръ! тирръ! А милая дама смотритъ на меня такъ ласково, такимъ смысленнымъ взоромъ; она ржетъ глазомъ,—раздуваетъ ноздри, кокетливо изгибаетъ спину, дѣлаетъ курбеты и вдругъ пускается курць-галопомъ. Я стою, скрестивъ руки; съ удовольствіемъ

гляжу на нее; и размышляю, какъ мнѣ объѣзжать ее въ оглобляхъ, или на треземли, англійское ли сѣдло купить, или польское. Прохожіе, видя, что я стою передъ этой дамой, не могутъ понять, что такъ привлекаетъ меня къ ней. Сплетники старались уже встревожить супруга, и намекали, что я гляжу на его половину глазами гоуэ. Но почтенный мягкій *chaise percée*, говорить, отвѣчалъ, что считаетъ меня невиннымъ, даже нѣсколько застѣчивымъ молодымъ человѣкомъ, который смотритъ на него съ нѣкоторымъ вниманіемъ, какъ бы желая сойтись съ нимъ ближе, но краснѣетъ и стыдливо удерживается. Благородный конь мой находилъ, напротивъ, что у меня свободный, беззастѣчивый рыцарскій видъ, и что моя предупредительная вѣжливость выражаетъ лишь желаніе быть ими приглашеннымъ къ обѣду.

Вы видите, сударыня, что мнѣ годятся воѣ люди, и что адрессъ календарь есть, собственно говоря, мой домашній списокъ. Я не могу ни какъ обанкрутиться, ибо самыхъ кредиторовъ моихъ превращу въ источники дохода. Притомъ, какъ я уже упоминалъ я въ самомъ дѣлѣ живу очень экономно, чертовски экономно. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ я это пишу, я сижу въ темной унылой комнаткѣ на Дюстерьнъ-Штрассе. Но я охотно этому покоряюсь. . . Вѣдь я могъ бы, еслибъ только хотѣлъ, сидѣть въ прекраснѣйшемъ саду, какъ и мои друзья и пріятеля: мнѣ стоило бы только привести въ деньги моихъ утреннихъ кліентовъ. Эти послѣдніе, сударыня, состоятъ изъ неудачныхъ парикмахеровъ, отставныхъ трактирщиковъ, которымъ самымъ нечего вѣтъ, — оборвышей, умѣющихъ отыскать мою квартиру, и за нѣсколько грошей на водку рассказывающихъ мнѣ *la chronique scandaleuse* своего квартала. Вы удивляетесь, сударыня, что я не выгоню по шеямъ этого народа? Что вы, сударыня! Эти люди мои цвѣты. Я опишу ихъ со временемъ въ прекрасной книгѣ, и на гонорарій за нее куплю себѣ садъ. Они ужъ и теперь кажутся мнѣ со своими красными, желтыми, синими и пестрыми лицами цвѣтами этого сада. Что мнѣ за дѣло! Пусть чужіе носы утверждаютъ, что эти цвѣты пахнутъ только водкой, табакомъ, сыркомъ и порокомъ! собственный мой носъ, эта труба моей головы, гдѣ подымается и опускается, подобно трубочисту, моя фантазія утверждаетъ противное. Эти люди, по его мнѣнію, пах-

путь не хуже розъ, жасмина, фіалокъ, гвоздикъ, левкоя. Ахъ! какъ славно будетъ мнѣ сидѣть по утру въ моемъ саду, и внимать пѣнію птицъ, и грѣться на Божіемъ солнышкѣ, и вливать свѣжее дыханіе земли и, глядя на цвѣты, вспоминать моихъ старыхъ оборвышей!

Пока я сижу все еще въ темной Дюстернъ-Штрассе, въ моей темной комнаткѣ, и довольствуюсь тѣмъ, что вѣшаю посреди ея нашего величайшаго обскуранта. *Mais est ce que vous verrez plus clair alors?* По видимому: нѣтъ, сударыня; но вы не такъ меня поняли: я повѣшу не самого его, а лишь хрустальную лампу, пріобрѣтенную на гонорарій за описаніе его особы. Я впрочемъ думаю, что было бы лучше и разомъ освѣтило бы во всей нашей сторонѣ, еслибъ обскурантовъ повѣсить *in natura*. А нельзя повѣсить, такъ слѣдуетъ ихъ заклеить. Я опять выражаю фигурально; я клеймлю *en effigie*. Правда, господинъ Вейсъ(*) — онъ бѣлъ и непороченъ, какъ лилія — заподозрилъ меня, будто я рассказывалъ въ Берлинѣ, что онъ дѣйствительно заклеименъ. Вслѣдствіе этого дуракъ попросилъ начальство осмотрѣть себя, и дать ему писменное свидѣтельство, что у него не выжжено на спинѣ герба. Это отрицательное свидѣтельство о горбѣ считалъ онъ дипломомъ, который откроетъ ему доступъ въ лучшее общество, и очень удивился, что его все-таки не пустили туда. Теперь онъ ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ бѣднаго меня, и хотѣлъ меня застрѣлить, если встрѣтитъ, изъ заряженнаго пистолета. И — какъ вы думаете, сударыня! Какія приму я мѣры? Сударыня, на этого дурака, то есть на гонорарій за него, я куплю боченокъ рюдесгеймскаго рейнвейну. Упоминаю объ этомъ, дабы вы не подумали, что я буду весель отъ чувствъ мести, встрѣтившись на улицѣ съ господиномъ фонъ-Вейсомъ. Вѣдь я вижу въ немъ лишь мой милый рейнвейнъ. При взглядѣ на него, у меня становится такъ отрадно на душѣ и я невольно напѣваю: «На Рейнѣ, на Рейнѣ растутъ наши лозы. . . .» «Какъ чудно милъ мнѣ этотъ ликъ. . . .» «О бѣлая дама. . . .» У моего рейнвейна тогда очень кислый видъ, словно онъ состоитъ лишь изъ яду и желчи; но могу васъ увѣрить, сударыня, что это рейнвейнъ настоящій, хотя на немъ и не выжжено удостовѣритель-

(*) Weiss — бѣлый. (переводч.)

наго герба, и всякій знатокъ его оцѣнить. Я съ удовольствіемъ почну этотъ боченокъ, а если онъ слишкомъ сильно забродитъ и вздумаетъ опаснымъ образомъ взорвать стѣнки, я полицейскимъ путемъ заклеплю его въ желѣзные обручи.

И такъ, вы видите, сударыня, что обо мнѣ нечего хлопотать. Я могу спокойно смотрѣть на все въ этомъ мірѣ. Судьба благословила меня земными дарами; и пусть она не щедро снабдила погребъ мой винами, она все-таки позволяетъ мнѣ работать въ своемъ виноградникѣ; стѣнитъ только мнѣ набрать винограду, нажать его и нацѣдить, и у меня будетъ вдоволь Божьяго дару! И пусть дураки не летятъ мнѣ сами въ ротъ жареные а, какъ водится, сырые и не вкусные, пробѣгаютъ мимо меня, я съумѣю до-тѣхъ-поръ вертѣть ихъ на вертелѣ и шпиговать и жарить, пока они не сдѣлаются мягче и съдобнѣе. Вы останетесь довольны, сударыня, еслия когда нибудь задамъ большой пиръ. Вы непременно похвалите моюстряпню. Вы сознаетесь, что я умѣю угощать своихъ сатраповъ такъ же пышно, какъ нѣкогда великій Агасферъ, бывшій царемъ отъ Индіи до Мавровъ, надъ сто двадцатью семью провинціями. Я припасу цѣлыя гекатомбы дураковъ. Великій philoschnaps, занскивающая, какъ нѣкогда Юпитеръ во образѣ быка, милости Европы, пойдетъ на ростблѣвъ. Унылый трагическій поэтъ, показывавшій намъ унылаго Александра въ уныломъ персидскомъ царствѣ, можетъ служить для моего стола превосходной свиной головой съ кисло-сладкой улыбкой, съ ломтикомъ лимона въ рылѣ, и украшенный лавровыми листьями искусной кухаркой. Пѣвецъ коралловыхъ усть, лебединыхъ шей, дышащихъ снѣжныхъ холмиковъ, разныхъ вещицъ, икорокъ, грудокъ, подалуйчиковъ, а именно господинъ Клауревъ или, какъ называютъ его благочестивыя бернардинки на Фридрихъ-Штрассе: «отецъ Клауревъ! нашъ Клауревъ!» доставитъ мнѣ всѣ тѣ кушанья, которыя онъ описываетъ такъ прелестно въ своихъ альманахахъ съ воображеніемъ лакомой кухарки . . . . . Не будетъ недостатка ни въ геттингенской колбасѣ, ни въ гамбургской солонинѣ, ни въ померанскихъ кашченыхъ гусяхъ, ни въ бычачьихъ языкахъ, ни въ душеныхъ телячьихъ мозгахъ, ни въ трескѣ, ни въ разныхъ сортахъ желе, ни въ берлинскихъ блинахъ, ни въ вѣнскихъ пирогахъ, ни въ вареньи.

Сударыня, я ужъ въ умѣ обременилъ себя желудокъ! Чертъ съ нимъ, съ такимъ объѣденемъ! Я не могу много есть; желудокъ у меня плохо варитъ. Свиная голова дѣйствуетъ на меня такъ же, какъ на всю остальную нѣмецкую публику. Мнѣ приходится заѣдать ее Виллибальдъ-Алексансовымъ салатомъ, который очищаетъ желудокъ. Охъ, эта несчастная свиная голова! И какой ужасный соусъ! Онъ не греческій и не персидскій, а что-то въ родѣ ромашки съ мыломъ.... *Позвать мнѣ моего толстаго мильонера!*

Г Л А В А XV.

Сударыня, по прекрасному челу вашему какъ будто прошло легкое облако досады, и вы какъ будто спрашиваете, хорошо ли это, что я такимъ образомъ сажаю дураковъ на вертелъ, рублю, шпигую, а многихъ даже просто убиваю, и оставляю не съѣденными, и они служатъ добычей острымъ клювамъ насмѣшливыхъ птицъ, а между тѣмъ вдовы и сироты плачутъ и воютъ.

Madame, c'est la guerre! Я вамъ разрѣшу загадку. Я, правда, самъ не изъ умныхъ, но соединился съ этой партіей, и вотъ уже 5588 лѣтъ ведемъ мы войну съ дураками. Дураки думаютъ, что мы ихъ обидѣли. Они утверждаютъ, что на свѣтѣ есть только опредѣленная доля ума, что всею этою долей, Богъ знаетъ почему, овладѣли умные; по ихъ мнѣнію, это вопиющее дѣло, что часто одинъ человекъ забралъ себѣ столько ума, что его сограждане и вся страна погрузились во тьму. Вотъ тайная причина войны, и это истинно война губительная. Умные оказываются, какъ водится, самыми спокойными, самыми умѣренными и самыми благоразумными. Они сидятъ, укряпившись въ своихъ древне-аристотельскихъ твореніяхъ, у нихъ много пушекъ, много и снарядовъ: вѣдь они сами изобрѣли порохъ, и кидаютъ во временахъ въ своихъ враговъ ловко начиненными бомбами. Но, увы! враги слишкомъ многочисленны, и крику отъ нихъ много, и что ни день, производятъ они злодѣйства: не злодѣйство ли для умныхъ людей каждая глупость? Ихъ военныя хитрости часто очень лукавы. Нѣкоторые вожди великой арміи стараются скрывать тайную причину войны. Они слышали, что одинъ извѣстный жи-

вѣй челоуѣкъ, доведшій свою лживость до такого совершенства, что подѣ конецъ написалъ даже фалшивыя записки, а именно Фурше, сказалъ однажды: «Les paroles sont faites pour cacher nos pensées». И вотъ они употребляютъ столько словъ, чтобы показать, что у нихъ вообще нѣтъ мыслей, и держутъ длинныя рѣчи, и пишутъ толстыя книги; послушаешь ихъ — они прославляютъ единственно благодатный источникъ мыслей, разумъ; посмотришь на нихъ — они занимаются математикой, логикой, улучшеніемъ машинъ, книговѣдніемъ и т. д., и какъ обезьяна, становится смѣшнѣе, чѣмъ болѣе она похожа на людей, такъ и эти дураки тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ стараются быть умнѣе. Другіе вожди великой арміи болѣе искренни, и сознаются, что выпавшая имъ доля ума очень маловажна, даже что они вовсе ничего не получили, но тѣмъ не менѣе не могутъ не увѣрять, что умъ очень неприятенъ и въ сущности не очень важенъ. Это можетъ быть и правда, но къ несчастію у нихъ нѣтъ и на столько ума, чтобы доказать это. Отъ этого они хватаются за разныя средства, открываютъ въ себѣ новыя силы, объявляютъ, что эти силы такъ же дѣйствительны, какъ и умъ, а подѣ часть и дѣйствительнѣе, на примѣръ чувство, вдохновеніе и т. д. и употребляютъ этимъ суррогатомъ ума, этимъ овекловичнымъ умомъ. Особенно ненавидятъ они бѣднаго меня, ибо утверждаютъ, что я собственно принадлежу къ ихъ числу, что я отступникъ, перебѣжчикъ, что я разорвалъ священнѣйшія узы и сталъ теперь даже шпиономъ, и тайно вывѣдываю, что они, дураки, дѣлаютъ, чтобы потомъ насмѣхаться надъ ними вмѣстѣ съ своими новыми товарищами, и, по ихъ мнѣнію, я такъ глупъ, что того и не вижу, что новые товарищи въ то же время смѣются и надо мной самимъ, и не думаютъ считать меня равнымъ. И въ этомъ дураки совершенно правы.

Это правда. Они не считаютъ меня равнымъ, и часто относятся ко мнѣ ихъ тайный смѣхъ. Я это очень хорошо знаю, но стараюсь не замѣчать. Сердце мое исходитъ тогда кровью, и когда я одинъ, льются на него мои слезы. Я очень хорошо знаю, какъ не естественно мое положеніе. Все, что я ни дѣлаю, кажется умнымъ — безумствомъ, а дуракамъ — ужасомъ. Они ненавидятъ меня; и я чувствую всю справедливость пословицы: тяжело камень и песокъ; но гнѣвъ дураковъ тяжелѣе. И они не-

навидать меня не даромъ. Это совершенная правда; я разорвалъ священнѣйшія узы. По опредѣленію судьбы и людей, я долженъ бы жить и умереть между дураками. И какъ славно жилось бы мнѣ съ этими людьми! Вздумай я воротиться къ нимъ, они и теперь приняли бы меня съ распростертыми объятіями. Они стали бы глядѣть мнѣ въ глаза, чтобы сдѣлать для меня все угодное. Каждый день приглашали бы они меня на обѣдъ, а вечеромъ брали бы меня въ свои чайныя собранія и клубы, и я могъ бы играть съ ними въ вистъ, курить табакъ, разсуждать о политикѣ, еслибъ при этомъ мнѣ звъчулось, про меня говорили бы у меня за спиной: «что за чудный человекъ! сколько чувства! сколько души!» Позвольте мнѣ, сударыня, пролить слезу умиленія... Ахъ! я сталъ бы пить съ ними пуншъ — пить до вдохновенія; меня снесли бы домой на носилкахъ, съ трепетной заботой, какъ бы я не простудился; одинъ живо принесъ бы мнѣ туфли, другой шелковый халатъ, третій бѣлый ночной колпакъ, и сдѣлали бы они меня экстра-ординарнымъ профессоромъ, или президентомъ миссіонерскаго общества, или оберъ-канкуляторомъ или директоромъ римскихъ разкопокъ. Я былъ бы именно такой человекъ, чтобы годиться на всѣ отрасли, такъ какъ я очень хорошо умѣю отличить латинскія склоненія отъ спряженій, и не приму, какъ другіе, сапоги прусскаго почталіона за этрусскую вазу. Мое чувство и вдохновеніе въ минуты умиленія сдѣлали бы не мало добра — а именно для меня. Даже мое отличное поэтическое дарованіе сослужило бы мнѣ не одну службу при высокихъ тезоименитствахъ и бракосочитаніяхъ, и, право, было бы не дурно, еслибъ я въ большой національвой эпопее воспѣлъ тѣхъ героевъ, изъ истлѣвшихъ трудовъ которыхъ выползли черви, выдающіе себя за ихъ потомковъ.

Нѣкоторые люди, отъ природы не дураки и нѣкогда одаренные разумомъ, вслѣдствіе подобныхъ предразсудковъ перешли къ дуракамъ и живутъ у нихъ припѣваючи. Глупости, стоявшія имъ сначала нѣкоторыхъ усилій, стали имъ другою натурой, и они даже не лицемеры, а искренно вѣрующіе. Одинъ изъ нихъ, у котораго въ головѣ не наступило еще полное солнечное затмѣніе, очень меня любитъ, и недавно, когда я былъ у него одинъ, заперъ дверь и сказалъ мнѣ серьезнымъ голосомъ: «О глупецъ! ты играешь роль мудреца, а у тебя въ головѣ итъ и на столько

разума, сколько у рекрута во чревь матери! Развь ты не знаешь, что великіе міра сего возвышаютъ лишь того, кто самъ себя унижаетъ и считаетъ ихъ кровь чище своей? И съ людьми благочестивыми становисься ты во вражду. Неужто это такъ трудно закатывать умиленные глаза, засовывать благоговѣйно-сложенныя руки въ рукава кафтана, склонять голову подобно овцѣ, и лепетать выдолбленныя наизусть изрѣченія? Повѣрь мнѣ, ни одна высокая особа не заплатитъ тебѣ за твой скептицизмъ; люди кроткіе будутъ ненавидѣть тебя, обременять клеветами и преслѣдовать, и не сдѣлаешь ты карьеры ни здѣсь, ни тамъ.

Увы! все это правда; но я не могу раздѣлаться съ этой несчастной страстью къ разуму! Я люблю его, хотя и не осчастливленъ взаимностью. Я уступаю ему все, а онъ не даетъ мнѣ ничего. Я не могу отъ него отстать. Какъ нѣкогда одинъ древній поэтъ воспѣвалъ одно позднѣйшее учрежденіе подъ видомъ черной, распаленной любовью дѣвушки, чтобы не дать ничего замѣтить своимъ соплеменникамъ, такъ я въ безчисленныхъ пѣсняхъ воспѣвалъ противное, а именно разумъ, подъ видомъ бѣлой холодной дѣвы, которая привлекаетъ и отталкиваетъ меня, то улыбается мнѣ, то сердится, и наконецъ совсѣмъ отворачивается отъ меня. Эта тайна моей несчастной любви, которой я никому не открываю, дасть вамъ, сударыня, мѣрило для оцѣнки моей глупости. Какъ вы видите, она необыкновенна, и величаво возвышается надъ обычными глупостями людскими. Прочтите моего «Ратклифа», моего «Альманзора», мою «Лирическую Интермедію».... Разумъ! разумъ! всюду одинъ разумъ!... Высота моей глупости поразитъ васъ. Я могу сказать вмѣстѣ съ Агуромъ: «Я глупѣйшій изъ людей, и человѣчeskій разумъ далеко отъ меня!» Высоко поднимается въ воздухѣ дубъ, высоко взлетаетъ надъ дубровой орелъ, высоко надъ орломъ бѣгутъ облака, высоко надъ облаками блещутъ звѣзды.... не высоко ли ужъ это для васъ сударыня? Eh bien — высоко надъ звѣздами, нѣтъ, сударыня, выше идти въ глупости нельзя. Довольно и этого! У нея дѣлается головокруженіе отъ собственной высоты. Я становлюсь исполномъ въ семимильныхъ сапогахъ. Въ полдень я чувствую, что могъ бы съѣсть всѣхъ слоновъ Индустана, и покавырять въ зубахъ страсбургскимъ Мюнстеромъ; вечеромъ пападаетъ на меня сентиментальность, и я готовъ бы

выпить весь млечный путь, не стѣсняясь тѣмъ, что маленькія неподвижныя звѣзды совсѣмъ не удобоваримы; но главная суматоха начинается лишь ночью: у меня въ головѣ собирается конгрессъ изъ всѣхъ народовъ прежнихъ и нынѣшнихъ временъ—являются ассирійцы, египтяне, медійцы, персы, евреи, филистимляне, франкфурцы, вавилоняне, карагеняне, берлинцы, римляне, спартанцы, турки.... Было бы слишкомъ долго, сударыня, описывать вамъ всѣхъ этихъ народовъ; справтесь у Геродота, у Ливія, въ *Naude* и *Spenersche Zeitung*, у Курція, у Корнелія Непота, въ газетѣ *Gesellschafter*. А я между тѣмъ позавтракаю. Писанье у меня сегодня что-то нейдетъ.... боюсь, сударыня, не замѣтили ли вы это раньше меня.... Сударыня, я начну новую главу, и расскажу вамъ, какъ я прибылъ въ Годесбергъ по смерти ле-Грана.

ГЛАВА XVI.

Когда я прибылъ въ Годесбергъ, сѣлъ я опять у ногъ моей прекрасной пріятельницы, а рядомъ со мной легла ея коричневая собака и оба мы смотрѣли ей въ глаза.

Боже великій! въ этихъ глазахъ вмѣщалась вся пышность земли и въ добавокъ все небо. Глядя въ ея глаза, я могъ бы умереть отъ блаженства, и умри я въ такую минуту, душа моя улетѣла бы прямо въ ея глаза. О! я не могу описать этихъ глазъ! я вытребую изъ сумасшедшаго дома поэта, помѣшавшагося отъ любви; пусть онъ изъ бездны безумія добудетъ образъ, съ которымъ бы мнѣ сравнить эти глаза! Между нами будь сказано, я и самъ настолько помѣшанъ, что могъ бы обойдтись въ этомъ дѣлѣ безъ помощниковъ. «*God d—n!*» сказалъ разъ одинъ англичанинъ: «Когда она оглядываетъ васъ съ ногъ до головы этими спокойными глазами, мѣдныя пуговицы на фракѣ разстапливаются, да и сердце тоже.» — «*F—e!*» говорилъ одинъ французъ: «У нея глаза самага большаго калибра, и стоить имъ выпалить такимъ тридцати фунтовымъ взглядомъ — трах! и влюбился.» Тутъ же былъ рыжій адвокатъ изъ Майнца. Этотъ говорилъ, что у нея глаза какъ двѣ чашки чернаго кофе. Онъ хотѣлъ сказать нѣчто очень сладкое, потому что клалъ обыкновенно безчеловѣчное количество сахара въ свой кофе.... Все

это скверныя сравненія! Я и коричневая собака лежали тихо у ногъ прекрасной женщины, и смотрѣли и слушали. Она сидѣла около стараго, сѣдаго, какъ лунь, воина рыцарскаго вида, съ перечными рубцами на морщинистомъ лбу. Оба они говорили о семи горахъ, облитыхъ лучами прекрасной вечерней зори, и о синемъ Рейнѣ, который величаво и спокойно протекалъ не въ далекѣ. Что было намъ за дѣло до семи горъ, до вечерней зори, до синяго Рейна, до бѣлопарусныхъ челноковъ, плившихъ по немъ, до музыки, раздававшейся съ одной лодки, и до курчаваго студента, который пѣлъ тамъ такъ мило и съ такимъ замѣраньемъ? И я, и коричневая собака, мы смотрѣли въ очи нашей подруги, и любовались ея лицомъ, которое сіяло блѣдно розовымъ свѣтомъ посреди черныхъ косъ и кудрей, какъ мѣсяцъ межъ темныхъ облаковъ. Величавыя греческія черты, смѣло очерченныя губы, по которымъ пробѣгали и печаль, и блаженная радость, и дѣтская прихоть.... когда она заговорила, какъ-то глубоко звучали ея слова, будто вздохъ проходилъ по нимъ, и все-таки они вырывались у нея быстро и нетерпѣливо. Когда она заговорила и рѣчь ея полилась съ прекрасныхъ устъ, какъ теплый, свѣжій цвѣточный дождь—о! тогда облекла мнѣ душу вечерняя зоря; по ней проносились въ звучной игрѣ воспоминанія дѣтства, и надъ всѣми голосами звѣнѣлъ какъ колокольчикъ, голосъ маленькой Вероники.... я схватилъ прекрасную руку подруги, и прижалъ ее къ своимъ глазамъ, пока не прошелъ этотъ звонъ въ моей душѣ—а потомъ вскочилъ и засмѣялся, а собака залаяла, и суровѣ наморщился лобъ стараго генерала, и я опять сѣлъ, и взялъ опять прекрасную руку, и цаловалъ ее, и рассказывалъ, и говорилъ о маленькой Вероникѣ.

ГЛАВА XVII.

Вамъ угодно знать, сударыня, какова была маленькая Вероника. Но мнѣ это не угодно. Я не могу принуждать васъ, сударыня, читать дальше, чѣмъ вы хотите, и имѣю полное право писать лишь то, что мнѣ угодно. А теперь мнѣ угодно рассказать, какова была прекрасная рука, которую я цаловалъ въ предшествующей главѣ.

Прежде всего я долженъ признаться, что я былъ недостоевъ

цаловать эту руку. Это была прекрасная рука, такая вѣжная прозрачная, блестящая, сладкая, душистая, вѣжная, милая—мнѣ право надо послать въ аптеку, взять на двѣнадцать грошей эшкетовъ.

На среднемъ пальцѣ было кольцо съ жемчужиной. Никогда еще жемчугъ не игралъ такой жалкой роли! На безымянномъ пальцѣ былъ перстень съ голубымъ антикомъ. По цѣлымъ часамъ изучалъ я на немъ археологію. На указательномъ пальцѣ былъ у нея брильянтъ. Это былъ талисманъ. Когда я смотрѣлъ на него, я былъ счастливъ, потому что гдѣ былъ онъ, былъ палецъ и со своими четырьмя товарищами. И часто всѣми пятью пальцами была она меня по губамъ. Съ этихъ поръ я упрямо и твердо вѣрю въ магнетизмъ. Но она была не больно, и когда была, я всегда заслуживалъ этого какой нибудь вольнодумной фразою. Ударивъ меня, она тотчасъ же расквашалась, и брала пирожокъ, разламывала его пополамъ, и давала одну половину мнѣ, а другую коричневой собацкѣ, и улыбалась, и говорила: «Вы оба..... не будете никогда знать блаженства, и васъ надо кормить здѣсь пирожками.....» Она была почти права. Я былъ въ ту пору большой скептикъ, читалъ Томаса Пена, «Système de la nature», «Вестфальскій Вѣстникъ и Шлейерскаехера, отрустилъ себя бо-роду и разумъ, и хотѣлъ идти въ рационалисты. Но когда по лбу моему проходила прекрасная рука, разумъ мой останавливался, и сладостныя грезы наполняли меня, и мнѣ казалось, я слышу опять благочестивый напѣвъ, и думы мои неслись къ маленькой Вероникѣ.

Вы не можете себѣ представить, сударыня, какая хорошенькая была маленькая Вероника, когда она лежала въ маленькомъ гробикѣ. Горящія свѣчи, стоявшія кругомъ, бросали свѣтъ на блѣдное, улыбающееся личико, и на алыя шелковыя розы, и на шелестящіе фольговые листочки, которыми была украшена головка и бѣлая рубашечка. Благочестивая Урсула привела меня вечеромъ въ тихую комнату, и когда я увидѣлъ на столѣ маленькій трутъ со свѣчами и цвѣтами, я подумалъ сначала, что это слѣпленная изъ воску хорошенькая фигурка! Не скоро узналъ я милое лицо, и спросилъ смѣясь, отчего такъ притихла маленькая Вероника и Урсула сказала: «Это отъ смерти.»

И когда она сказала: «Это отъ смерти»... Но я не стану раска-

зывать сегодня эту исторію; она завела бы меня слишкомъ далеко. Мнѣ пришлось бы рассказывать сначала о хромой сорокѣ, которая ковыляла по дворцовой площади и которой было триста лѣтъ, а отъ этого какъ разъ впалъ бы я въ меланхолію. Мнѣ вдругъ приходитъ охота рассказать другую исторію. Эта исторія веселая, и здѣсь какъ разъ кстати, ибо это и есть та исторія, которую я долженъ былъ рассказать въ этой книгѣ.

ГЛАВА XVIII.

Ночь и скорбь были въ груди рыцаря. Мѣтко попали въ него кинжальные удары клеветы, и когда онъ шелъ по площади святаго Марка, ему казалось, что сердце его сокрушается и исходитъ кровью. Ноги его подламывались отъ усталости. Благородную дичь травили цѣлый день; а это былъ знойный лѣтній день. Чело его было покрыто потомъ, и онъ глубоко вздохнулъ, садясь въ гондолу. Безъ всякой мысли сидѣлъ онъ въ черной каютѣ гондолы; безъ всякой мысли качали его мягкія волны, и несли его знакомой дорогой въ Brentu, и когда онъ вышелъ у знакомаго палаца, онъ услышалъ, что синьора Лаура въ саду.

Она стояла, прислонясь къ статуѣ Лаокоона, около алаго розоваго дерева, въ концѣ террасы, неподалеку отъ плакучихъ и въ, грустно склонявшихся надъ проносящеюся мимо рѣвкой. Она стояла улыбаясь, словно кроткій образъ любви, благоуханная розами. Онъ же словно пробудился отъ чернаго сна и мгновенно какъ бы превратился въ нѣжность и грусть. «Синьора Лаура!» сказалъ онъ: «я несчастенъ, и меня преслѣдуютъ ненависть, нужда и ложь».... Тутъ онъ остановился и прошепталъ: «Но я люблю васъ!» И радостная слеза проступила у него въ глазахъ, и съ влажными глазами и пылающими устами воскликнулъ онъ: «Будь моею и люби меня!»

Таинственно темный покровъ лежитъ на этой минутѣ. Ни одинъ смертный не знаетъ, что отвѣчала синьора Лаура, и если спросить о томъ ея добраго духа, онъ закроетъ лицо и вздохнетъ, и не промолвитъ ни слова.

Долго еще стоялъ рыцарь одиноко около статуи Лаокоона; такъ же искажено и было было его лицо; безсознательно обрывалъ онъ всѣ розы съ куста, и мялъ даже молодыя почки —

кусть уже никогда не цвѣлъ послѣ этого — вдали рыдалъ безумный соловей, робко шепталось плакучія нвы, глухо журчали свѣжія волны Бретты, взошла ночь съ своимъ мѣсяцемъ и съ своими звѣздами — прекрасная звѣзда, лучшая изъ воухъ, ушла съ неба.

ГЛАВА XIX.

Vous pleurez, madame?

О! пусть эти глаза, что проливаютъ теперь такія прекрасныя слезы, еще долго озаряютъ міръ своими лучами, и пусть теплая, дружелюбная рука закроетъ ихъ со временемъ въ часъ смерти! И мягкая гробовая подушка, сударыня, то же хорошая вещь въ часъ смерти; пусть и она у васъ будетъ, и когда прекрасная усталая голова опустится на нее, и по блѣднѣющему лицу рассыпятся черныя кудри — пусть заплатитъ вамъ Богъ за слезы, пролитыя за меня. Вѣдь я самъ этотъ рыцарь, о которомъ вы плакали; самъ я этотъ странствующій рыцарь любви, рыцарь падучей звѣзды!

Vous pleurez, madame?

О! я знаю эти слезы! что долго притворяться? Вѣдь вы сами сударыня, та прекрасная женщина, что такъ мило плакала въ Годесбергѣ, когда я рассказывалъ темную сказку моей жизни. Какъ жемчужины по розамъ, катились прекрасныя слезы по прекраснымъ щекамъ. Собака молчала; вечерній звонъ на Кенигсвинтерѣ смолкъ; тише журчалъ Рейнъ; ночь закутывала землю своимъ чернымъ плащомъ; а я сидѣлъ у вашихъ ногъ, сударыня, и смотрѣлъ въ высь, на звѣздное небо. Сначала я принялъ и ваши глаза за двѣ звѣзды. Но можно ли смѣшать со звѣздами такіе прекрасныя глаза? Эти холодныя свѣтила неба не могутъ плакать надъ горемъ человѣка, который такъ несчастенъ что ужъ и плакать не можетъ.

И у меня были особенныя причины любоваться этими глазами. Въ нихъ жила душа маленькой Вероники.

Я рассчитывалъ, сударыня, что вы родились въ тотъ самый день, какъ умерла маленькая Вероника. Юганна въ Андернахѣ предсказала мнѣ, что я снова встрѣчусь съ маленькой Вероникой въ Годесбергѣ — и я тотчасъ узналъ ее. Напрасно, судары-

—я, умерли вы тогда, какъ только должны были начаться самыя лучшия игры. Съ-такъ-портъ, какъ благочестивая Урсула сказала мнѣ: «Это отъ смерти», я ходилъ одиноко и задумчиво по большой картинной галлерей. Картины не нравились уже мнѣ такъ, какъ прежде. Казалось, онѣ внезапно потемнѣли. Лишь одна сохранила блескъ и краски. Вы знаете, сударыня, о какой картинѣ я говорю.

Это делійскій султанъ съ султаншей.

Помните, сударыня, какъ часто мы стояли передъ нею по цѣлымъ часамъ, и богомольная Урсула такъ странно улыбалась, когда люди находили большое сходство въ лицахъ этой картинны съ нашими лицами? По моему, сударыня, вы на нее очень похожи. Удивительно, что художникъ изобразилъ васъ даже въ томъ платьѣ, въ которомъ вы тогда ходили. Говорятъ онъ былъ сумасшедшій, и видѣлъ во онѣ вашъ образъ. Или не сдѣла ли душа его въ большой обезьянѣ, которая слѣдовала за вами тогда, какъ жокей? Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ помнить серебристо-сѣрое покрывало, которое онъ облилъ разъ краснымъ виномъ и испортилъ. Я былъ радъ, что вы сняли его; оно къ вамъ не шло. И вообще европейская одежда для женщинъ гораздо красивѣе индійской. Конечно, прекрасная женщина прекрасна во всякой одеждѣ. Помните, сударыня, какъ одинъ любезный браминъ—онъ былъ похожъ на Гонезу, бога съ слоновьимъ хоботомъ, развѣзжающаго верхомъ на мышѣ—помните, какъ онъ сказалъ вамъ комплиментъ, что божественная Манека, исходя изъ золотаго града Индры къ царственному Висвамитрѣ, не могла сравниться красотой съ вами, сударыня?

Вы ужъ не помните этого, сударыня? Вѣдь всего тысячи три лѣтъ, какъ вамъ было это сказано, а хорошенькія женщины не забываютъ такъ скоро пріятныхъ комплиментовъ.

Что касается мужчинъ, имъ индійская одежда гораздо пріятнѣе европейской. О! мои розовые съ цвѣтами лотоса панталоны въ Дели! еслибъ вы были на мнѣ, когда я стоялъ передъ сибирой Лаурой и молилъ ее о любви, предъидущая глава вышла бы совоёмъ не такова. Но, увы! на мнѣ были тогда панталоны соломённого цвѣта, вытканныя трезвымъ китайцомъ въ Нанкинѣ (въ нихъ была заткана и моя погибель), и меня постигло горе.

Часто сидитъ молодой человекъ въ маленькой нѣмецкой ко-

сейной, и спокойно пьетъ себѣ кофе, а между тѣмъ въ далекомъ, далекомъ Китаѣ растеть и разцвѣтаетъ его погибель, и ее тамъ прядуть и ткуть, и не смотря на высокую китайскую стѣну, находитъ она путь къ молодому человѣку, который принимаетъ ее за нанковые штаны, и преспокойно надѣваетъ, и становится несчастенъ. Сударыня, много горя можетъ пританяться въ тѣсной груди человѣка, и такъ притаится, что бѣдный человѣкъ и самъ того почти не замѣчаетъ, и смотритъ весело, и весело пляшетъ, и посвистываетъ, и распѣваетъ—тра—ла—ла! тра—ла—ла—ла. . . .

ГЛАВА XX.

Она была мила, и онъ любилъ ее; но онъ не былъ милъ, и она его не любила.

(Изъ старой пьесы.)

И изъ-за этой глупой исторіи вы хотѣли застрѣлиться? Сударыня, если человѣкъ вздумаетъ застрѣлиться, у него всегда есть на то достаточныя основанія; можете бытъ увѣрены! Но знаетъ ли онъ самъ эти основанія, это вопросъ. До послѣдней минуты играемъ мы сами съ собой комедію. Мы маскируемъ даже наше горе, и умирая отъ раны въ груди, жалуемся на зубную боль.

Вы вѣрно знаете какое нибудь средство отъ зубной боли, сударыня?

Но у меня была зубная боль въ сердцѣ. Это ужасная болѣзнь, и отъ нея очень помогаетъ пломбированіе свинцомъ и порошокъ, изобрѣтенный Бартольдомъ Шварцомъ.

Какъ червь, грызло горе мнѣ сердце, и грызло! Бѣдный китаецъ не виноватъ; я явился на свѣтъ съ этимъ горемъ. Оно лежало уже со мной въ колыбели, и когда мать моя баюкала меня, баюкала и его, в когда усыпляла она меня пѣсней, засыпало со мной и оно, и просыпалось, только что я открывалъ глаза. Какъ сталъ я больше, выросло и горе, и стало наконецъ такъ велико, что разорвало мое. . . .

Станемъ говорить о другомъ, о дѣвственныхъ вѣнкахъ, о маскардахъ, о весельѣ, о свадебныхъ пирахъ—тра—ла—ла—ла! тра—ла—ла—ла! . . . .

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ВЪ ТЕРМАХЪ.

Опять въ развалинахъ. Лукавый проводникъ,
Въ истасканномъ плащѣ и съ мною безпечной,
Минутой пользуясь пускаетъ въ ходъ языкъ,
Поправивъ весело колнакъ остроконечный.
Невѣжество мое взявъ темой на авось,
Преданья старины толкуетъ вкривь и вкось:
Вотъ, говоритъ, бассейнъ, синьоръ; а это зала,
Гдѣ ванны принималъ самъ кесарь Каракала;
Вотъ бани женскія, тутъ былъ водопроводъ.
Но я не слушаю, что мой вожатый вретъ,
И не бужу тѣней, давно почившихъ въ Леть,
Забывъ на этотъ разъ весьхъ кесарей на свѣтъ.
Картиной новою мой восхищенный взглядъ
Проникнуть силится далъ древнихъ колонадъ,
Взячанныхъ зеленью плюща и павлики.
По нимъ картинною мѣстами полосой
Темно румянятся кудрявыя гвоздики,
Съ ихъ южнымъ запахомъ и южною красой.
Вотъ цѣлый потолокъ, остатокъ залы жалкій,
Поваленъ временемъ, поросшій мхомъ лежитъ;
Послышавши шагъ, по немъ паукъ бѣжитъ,
И робко прячется подъ алою фалкой.
Обломки мраморовъ чернющихъ, колонъ,
И свѣжесть зелени,—всѣ краски для картины!
И полдня жаркими лучами освещенъ
Такъ грандіозно видъ покинутой руины!
Повсюду хорошо,—куда не бросишь взоръ!
За что же, люди, васъ безсмысленный позоръ
Заставилъ здѣсь просить съ ножами часто хлѣба!
Сковалъ на вѣкъ вашъ духъ ханжей сомкнутый кругъ,

Тогда какъ жизнь кипитъ вокругъ,
 И сверху синее свѣтаетъ вѣчно небо!
 Но грузъ тяжелыхъ думъ свѣту я отклонить.
 Что пользы проклинать! Здѣсь хочется любить!
 Здѣсь какъ-то вѣрится еще въ возможность счастья;
 И слово теплое глубокаго участя
 Мой шепчетъ за тебя, Италия, языкъ!
 Однако же пора; давно мой проводникъ
 Съ меня не сводитъ глазъ и съ хитрою улыбкой,
 Слѣдитъ внимательно за мною, какъ за рыбой
 Мальчишка съ удочкой слѣдитъ на берегу.
 Прости картинный гробъ!—ужь солнце на бѣгу
 Пол-круга очертивъ, за Апеннины съшло,
 И цвѣтомъ розовымъ развалину одѣло.
 Еще прости,—пора;—ужь изъ далека
 Прохлада вечера на крыльяхъ вѣтерка
 Съдыханьемъ свѣжихъ травъ съ Альбанскихъ горъ несется.
 Я камышекъ беру;—вожатый мой смѣется,
 И отрицательно качаетъ головой.
 Но вынутый пластръ глазъ жадный соблазняетъ,
 И чуть не термы все мнѣ отражъ самъ предлагаетъ,
 Зарань отъ меня ждавъ выходы такой.
 Хоть правда горькая,—но скажете: нотонки
 Великихъ Регуловъ, какой урокъ вамъ дасть!
 Вы продали-бъ теперь не только все обломки,—
 Колонны Августовъ и самый Ватиканъ!

Н. КРОЛЬ.

Римъ. 1860.

ИЗЪ ВАЙРОНА.

(Стансы, написанные по дороге между Флоренціей и Пизой)

Что имя громкое въ вѣкахъ?
 Дни нашей юности—дни славы.
 И миртъ, и плющъ въ младыхъ лѣтахъ
 Всѣхъ вашихъ лавровъ стоятъ право!

Вѣнки на старческихъ кудряхъ —
 Роса на цвѣтѣ мертвомъ въ полѣ...
 Что въ позднихъ лаврахъ и хвалахъ?
 Въ нихъ только слава,—но не боль!

Не звономъ пыльныхъ фразъ меня
 Она пльнула—о, несколько!
 Въ очахъ у милой жаждалъ я
 Прочесть сочувствіе—и только.

Искалъ тамъ славу—и нашель;
 Чистѣйшій лучъ — былъ взглядъ прекрасный;
 Когда любовь я въ немъ прочелъ;
 Вотъ слава во члвчѣ—я понялъ ясно.

В. ПОПОВЪ.

ПОЛИТИКА.

ДОГОВОРЪ СВОБОДНАГО ОБМѢНА МЕЖДУ АНГЛЕЙ И ФРАНЦЕИ.

Между тѣмъ, какъ италянскій вопросъ, единственный живой вопросъ современной политики, занималъ общественное мнѣнiе Европы, во Франціи непредвиданно возникаетъ экономическая реформа. Гдѣ бы ни скрывался источникъ ея — въ дипломатическихъ разчетахъ правительства, искушеннаго оближеніемъ съ Англіей, или въ действительномъ желаніи прогресса, но реформа радикально измѣняетъ социальную задачу Франціи. Около двухъ вѣковъ она строго держалась запретительной системы, оставивъ ее всеми средствами, враждебными свободѣ труда и развитію промышленныхъ силъ. Трактатъ 1786 года съ британскимъ королевствомъ, заключенный на либеральныхъ началахъ и потомъ революція, разбившая цѣни средневѣковыхъ корпорацій, внутреннихъ заставъ и феодальнаго рабства, были тольکو вимводами въ печальной исторіи. Со времени континентальной блокады, которою Наполеонъ I хотѣлъ «въ нѣсколько мѣсяцевъ довести Англію до послѣдняго шиллинга», старая система возуцпла въ новыя права. Пользуясь смутнымъ событіемъ эпохи и привилегіями насты, она обратила торговлю въ систематическое воровство и, разставивъ на границахъ до двадцати тысячъ сыщиковъ, породила болѣе ста тысячъ контрабандистовъ. Въ 1815 году состояніе всей Европы, засыпанной развалинами и костями колоссальныхъ войскъ, съ небольшимъ различіемъ было то же, какое вынесла Германія послѣ тридцатилѣтней войны. Земледѣліе, промышленность и торговля почти прекратились; бѣдность была всеобщая; недостатокъ кредита, денегъ и дѣятельности повсемѣстный. Но фантасти-

ческая имперія, созданная мечомъ счастливаго Корсиканца, упала, а съ ней и тираннія «того грубаго и жестокаго завоевателя, который, по выраженію Барбье, стоилъ Франціи столько крови, слезъ и обидъ ради нѣсколькихъ вѣтвей лавра.» Когда возвратился миръ и довѣріе, свобода труда была общимъ желаніемъ народовъ. Послѣ Адама Смита, она нашла себѣ защитниковъ въ Ж. Б. Сезъ и Ф. Листъ; первый требовалъ ее во имя здраваго смысла и справедливости; второй изъ уваженія къ національному чувству и исторіи. Протестъ ихъ не остался безъ результата. Америка, Россія и Германія, такъ или иначе, послѣдовали ихъ совѣту. Реакція уничтожила плоды великаго дѣла, но Zollverein и швейцарская конфедерація, открывшая свои границы торговымъ сношеніямъ другихъ націй, остались великозлымъ памятникомъ экономической реформы.

Голосъ Сезъ, встрѣтившій сочувствіе у другихъ народовъ, всего менѣе напелъ его въ отечествѣ. Въ эпоху реставрацій было принято за правило, что «только одна запретительная система можетъ поручиться за успѣхъ національнаго труда,» оградивъ его отъ иностраннаго соперничества заставами и тарифомъ. На этомъ тупомъ союзизмѣ была построена новая политика, которая удержала большую часть прежнихъ злоупотребленій и прибавила къ нимъ новыя. Съ 1816 года предметы общенародной необходимости, двѣнадцать вѣковъ свободныя отъ всякой пошлины и только со времени Кольбера, обложенныя умѣренной таксой, теперь были поражены рѣшительнымъ запрещеніемъ; *) затѣмъ право ввозить желѣзо и каменный уголь, столь необходимыя развитію фабричной дѣятельности и земледѣлія, возрасло отъ тридцати до сорока милліоновъ франковъ. Правленіе Людовика-Филиппа прошло въ постоянной борьбѣ съ партіей монополистовъ, преобладавшей въ палатѣ перовъ, за уничтоженіе привилегій и экономическаго застоя. Министерство, въ головѣ котораго стояли люди, если не съ широкимъ государственнымъ взглядомъ, то, по крайней мѣрѣ, образованные, шесть разъ поднимало вопросъ объ измѣненіи тарифа и отиженіи нѣкоторыхъ запрещеній, и всякій разъ падало. Въ 1834 году былъ представленъ проектъ о радикальномъ преобразованіи всей протекціонной системы, но онъ встрѣтилъ та-

---

*) Въ 1664 году Кольберъ, въ первый разъ, установилъ пошлину на быковъ, привозимыхъ изъ-заграницы, по 3 франка съ головы. Ни республика, ни имперія не думали обременять налогомъ народную пищу, особенно необходимую рабочимъ классамъ. Декретъ отъ 28 апрѣля, 1816 года, возвысилъ тарифъ до 3 фр. 50 сант. какъ съ крупнаго, такъ и мелкаго скота. Вскорѣ затѣмъ это право было поднято до 33 фр., и потомъ до 50 съ головы иностраннаго быка; многіе и этимъ были недовольны.

кую сильную оппозицію, что болѣе уже не возобновлялся; въ томъ же году правительство хотѣло сбавить пошлину на скотъ, планъ его остался безъ исполненія; черезъ шесть лѣтъ оно предполагало соединить бельгійскую границу съ французской, палата депутатов не хотѣла и слышать о реформѣ; наконецъ преобразование таможеннаго устава, въ самомъ скромномъ видѣ, было послѣднимъ его намѣреніемъ, и опять отвергнутымъ котеріей богатыхъ собственниковъ. Февральскій ударъ освободилъ слабую власть отъ напрасныхъ попытокъ, и народъ отъ упорнаго ослѣпленія своекорыстной буржуазіи. Нельзя не замѣтить, что какъ въ періодъ ресторрацій, такъ и при Людовикъ-Филиппъ, правительство шло впередъ; насколько было возможно, оно хотѣло согласить общія выгоды страны съ интересами частной собственности, и всегда встрѣчало отпоръ въ привилегированныхъ сословіяхъ, отъ которыхъ во многомъ зависяло. Всякій защитникъ народнаго блага считался врагомъ Франціи; нельзя было произнести въ парламентъ слово «пролетарій» и напомнить о томъ миллиардѣ франковъ, который бесполезно висѣлъ на плечахъ сельскаго класса, чтобъ не вызвать упрековъ въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Между тѣмъ, какъ школа социалистовъ работала на всю Европу, книгопечатаніе обобщало социальныя понятія среди массъ въ романахъ, драмахъ, повѣсти и памфлетъ, между тѣмъ какъ Англія и Германія шли путемъ постепенныхъ реформъ, оппозиція французскихъ капиталистовъ оставалась при своихъ убѣжденіяхъ, если только лицемеріе и ложь эгонистической партіи можно назвать убѣжденіемъ. Оно повторяло одно «мудрое правило глупыхъ отцовъ», какъ выразился Прудонъ, что «народу необходимъ трудъ, а для обезпеченія труда необходима запретительная система». *Vae Victis!*

Послѣ пятидесяти лѣтъ опытовъ и общаго измѣненія въ социальномъ состояніи Европы, Франція «*Жирныхъ*» точно также дѣйствуетъ въ 1860 году, какъ она дѣйствовала во время Сюлли, Тюрго и Дюшателя. Настоящій договоръ свободнаго обмена съ Англіей снова подыалъ крикъ и неудовольствіе. Со всѣхъ сторонъ слышутся протесты: въ Руанъ, въ этомъ потомственномъ гнѣздѣ протекціонистовъ, составляется демонстрація купцовъ за старый порядокъ вещей; въ Парижъ подается просьба, подписанная тысячами главныхъ промышленниковъ Франціи, которые требуютъ отъ правительства предварительныхъ совѣщаній о начатой реформѣ, напередъ увѣренные, что эти совѣщанія, замкнутыя въ кругу ихъ клевретовъ, окончатся ничѣмъ. Какое право, говорятъ они, имѣетъ власть произвольно измѣнять конституціонныя начала, какъ будто только теперь и

пострадала власть императорской конституции (*), предлагая назначить пошлину въ 77 и 10 франковъ. Законы относительно главной торговли всегда допускали свободный ввозъ, какъ исключеніе. Только во время неурожаевъ открывались порты на несколько мѣсяцевъ, и какъ скоро страхъ голода приходилъ, запрещеніе становилось общимъ правиломъ. (*Histoire du système protecteur en France, par Clement. 1884 г. стр. 130, 240* и проч.)

«Какъ! продолжаютъ они, перевернуть вверхъ дномъ коммерческое законодательство страны, изменить весь экономическій порядокъ, разрушить вѣковыя правила, нанести глубокій ударъ состоянію рабочихъ классовъ и частному богатству, обязаться надолго и безъ всякой взаимной выгоды въ дѣлѣ общественнаго благосостоянія, — развѣ это значитъ заключить торговый договоръ?... Однихъ намъ рещій недостаточно, чтобъ снять ответственность съ правительства и удовлетворить народы. Франція вѣрила продолжительному миру, такъ торжественно обещанному, но она прошла уже черезъ двѣ войны и горизонтъ ея омрачается новыми смутами. Она вѣрила въ хорошую администрацію финансовъ со стороны судей, очень строгихъ къ прежнимъ правительствамъ и, въ несколько лѣтъ, государственный долгъ ея возросъ до тысячи пятисотъ милльоновъ. Она вѣрила въ снохоиствіе совѣсти, и твердость католическихъ интересовъ, и ихъ возмутили послѣднія жалкія событія. Она вѣрила въ освобожденіе Италіи, и Италія доселѣ находится подъ австрійскимъ игомъ, попрежнему предоставленная безсилію и мятежамъ. Она вѣрила въ промышленное и коммерческое благосостояніе, и вдругъ неожиданная революція подвергаетъ его сомнѣнію. Она вѣрила въ обещанныя свободныя права, и кругъ ихъ съ каждымъ днемъ стягивается, уже даже тѣхъ правъ, которыя она сберегла доселѣ. (*Le Traité avec l'Angleterre, par C. Perier. Стр. 11 12 и 97*). И опять поднимаются тѣ же упреки,

---

(*) Авторъ этой статьи прѣслѣдилъ всѣ измѣненія въ настоящемъ вопросѣ, нерешенномъ изъ офенціального міра въ журнальный. Съ одной стороны непониманіе самыхъ простыхъ національныхъ интересовъ, съ другой — явное недоброжелательство не могли не удивить самаго невзыскательнаго судью. До подписанія договора, брошюры появлялись каждый день сотнями, и за исключеніемъ двухъ — трехъ, всѣ были направлены противъ реформы. Изъ этого печатнаго сора мы можемъ указать на одно сочиненіе, достойное вниманія, не по идеѣ, а по фактамъ, на *Traité avec l'Angleterre par C. Perier*. Въ 1860 г. Казимиръ Перье — сынъ бывшаго министра, связанный съ дешевой аристократіей Шарика предѣшнимъ, личными и общественными отношеніями, орлеанскій въ политической вѣрѣ, протекціонистъ въ экономіи, лучше и полнѣй другихъ выразилъ мнѣніе своей партіи. Тамъ, гдѣ мы анализируемъ и опровергаемъ ея доводы, книга Перье служила намъ главнымъ источникомъ.

та же клевета, та же избитые софизмы и предчувствія «странныхъ дней», какъ ночные призраки надъ болотомъ. Мы послѣ оцѣнимъ справедливость этихъ жалобъ, а теперь пояснимъ слѣдующій вопросъ: почему Франція послѣ Испаніи и Италіи такъ долго сохранила предразсудки запретительной системы и далеко отстала отъ другихъ народовъ въ экономическомъ прогрессѣ? Почему та же самая страна, которая сказала Европѣ такъ много политическихъ истинъ, такъ долго враждуетъ съ свободой труда—первой социальной свободой, на своей собственной землѣ?

Одинъ изъ наивныхъ корреспондентовъ самаго наивнаго журнала (Le Nord), задалъ подобный вопросъ относительно Россіи, и рѣшилъ его тѣмъ, что ужителей сѣвера слишкомъ много воображенія и вкуса, чтобъ любить и заниматься экономическими задачами. Ужъ не тому ли же изящному вкусу надо приписать отсутствіе великихъ изобретеній; недостатокъ производительныхъ силъ, не пониманіе самыхъ обыкновенныхъ проблемъ общественной жизни? Но о вкусѣхъ не спорять: дѣло въ томъ, когда народъ начинаетъ сознавать потребность экономическаго воспитанія, иначе говоря, когда онъ перестаетъ быть равнодушнымъ къ собственнымъ интересамъ! Разумѣется, въ эпоху полного социального образованія, когда монетиръ о собственности и трудъ изъ отвлеченной формулы закона переходить въ практическое право, когда въ обществѣ, какъ въ планетной системѣ, каждое тѣло дѣйствуетъ независимо, насколько эта независимость не вредитъ другимъ. Съ развитіемъ индивидуальнаго чувства является потребность общественной справедливости и уваженія къ своимъ личнымъ правамъ, что составляетъ первую основу социальной экономіи. До-тѣхъ-поръ, пока я принадлежу абстрактной волѣ, называемой государствомъ, какъ слѣзное оружіе, мои намѣренія, желанія и дѣйствія лишены положительнаго характера; имъ не достаетъ ни энергіи, ни внутреннихъ побужденій. Это періодъ дикихъ ордъ, до-порихъ маневренію руки болѣе сильнаго или счастливаго вожда, потому начинается социальное броженіе, когда общественныя стихіи, отдѣляясь отъ общей всепоглощающей массы, принимаютъ самостоятельныя формы и, подъ вліяніемъ извѣстнаго общаго начала, живутъ своей собственною жизнью. Это періодъ гражданскаго прогресса.

Но что же нужно для развитія индивидуальнаго чувства въ народѣ? Исторія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ категорически: образованіе гражданской личности, то есть, той конкретной и внутренней силы, которая соединяетъ разрозненные члены въ одно цѣлое, надѣляя его одними социальными инстинктами и стремленіями. Защитники восточнаго деспотизма, обыкновенно, боятся, въ этомъ случаѣ частнаго

произвола и анархii; имъ кажется, разумеется, по привычкѣ, что тамъ, гдѣ нѣтъ духа касты и многочисленной бюрократiи, все должно идти врозь и распадаться; но они ошибаются, принимая внешнее давленiе за психическую стройность. Здѣсь разнообразiе и единство, какъ высшая гармонiя всякой жизни, составляетъ отличительную черту общества—разнообразiе въ частной дѣятельности и единство въ общихъ планахъ. Такая организациа, которой идеаль въ человѣческомъ быту еще нигдѣ не осуществился, всего лучше поясняется самой природой; въ ней нѣтъ ни одного предмета, не отмеченнаго своимъ особеннымъ типомъ, нѣтъ ни одного атома, полагажаго на другой; и не смотря на безконечное разнообразiе и оригинальность, все дѣйствуетъ съ удивительнымъ ладомъ. Если это законъ физическаго міра, то почему же онъ не можетъ быть закономъ нравственнаго? Жизнь во всемъ одна и та же, только видоизмѣненiя и формы ея—безпредѣльны: былинка дышетъ также, какъ я, но другими органами; идиотъ и гевій, червякъ и человекъ чувствуютъ и мыслятъ, но только не въ одинаковой степени. То же явленiе должно происходить и въ обществѣ, если оно переходитъ за черту варварской окаменѣлости.

Но при какихъ условiяхъ вырабатывается гражданская личность? Съ развитiемъ коммунальныхъ началъ, т. е., когда государство, если мы сравнимъ его съ пирамидой, ставится на широкомъ основанiи, а не на конической вершукѣ. Въ первомъ положенiи его твердость лежитъ корнями въ народномъ духѣ и вырастаетъ изъ его нѣдръ; во второмъ она держится искусственными подпорами, съ однихъ внешнихъ сторонъ. Если мы возьмемъ древнее вавилонское и эллиническое общество, въ періодъ полнаго процвѣтанiя, разница ихъ въ томъ, что въ первомъ всѣ жизненныя силы соединялись въ одномъ организмѣ, и слѣдовательно уничтожали сами себя отъ недостатка исходныхъ и правильнаго распределенiя, а во второмъ, за исключенiемъ мертвато класса рабовъ, они разливались по всѣмъ частямъ и взаимно подкреплялись. Только при такомъ социальномъ устройствѣ человекъ является передъ природой не простымъ зрителемъ богатствъ и слугой влiянiя ея, а распорядителемъ и хозяиномъ. Онъ увѣренъ, что сѣмя брошенное въ землю и окрошенное его потомъ, принесетъ плодъ, ему принадлежащій. Эта увѣренность составляетъ величайшій двигатель въ народной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, почему степной Колмыкъ не строитъ себѣ дома, а раскидываетъ палатку? потому что нынче онъ кочуетъ здѣсь, а завтра переходитъ вмѣстѣ съ стадомъ на другое мѣсто. Почему Самоѣдъ не укрываетъ свою юрту и не заботится объ удобствахъ хозяйства? Потому что онъ не ру-

чается за прочность собственности: ее может погубить буря, ночной воръ или соседъ-завоеватель. Почему житель французской деревни, при первой возможности, бѣжитъ въ столицу, покидая за собой семейный очагъ и его тихія удовольствія, а англичанинъ приростае къ нему, какъ улитка къ раковинѣ? Потому что домъ перваго, кромѣ бѣдности и лишеній, всегда открытъ для полицейскаго обыска и притѣсненія чиновника, а второй въ немъ спокоенъ, доволенъ и укрепленъ въ послѣдней хижинѣ, наравнѣ съ королевой въ Виндзорскомъ замкѣ. Съ увѣренностью въ собственности, естественно, соединяется другое чувство—желаніе прогресса въ приобрѣтеніи матеріальнаго добра. Съ той минуты, когда я работаю для личнаго благосостоянія, не опасаясь, что у меня отниметъ его произволъ закона, хищная рука взяточника или безнаказаннаго плута, мой трудъ дѣлается не принужденіемъ и неволею Негра, а наслажденіемъ и источникомъ моего совершенства. Для успѣха его я готовъ предпринять все, что позволяютъ силы и средства. Засѣвая поле, мнѣ хотѣлось бы собрать на немъ какъ можно болѣе жатвы: строя жилище, я желалъ бы соединить въ немъ красоту, удобство и прочность. Поэтому всякое новое открытіе, всякая новая мысль и добрый совѣтъ, подвигающій мое дѣло впередъ или облегчающій мои силы, стонуются для меня полезны и необходимы. Равнодушіе, въ настоящемъ случаѣ, было бы посягательствомъ на собственное счастье. При такихъ условіяхъ общественной жизни, экономическое воспитаніе не есть праздная игра въ теоріи, а одна изъ главныхъ потребностей народа. Выражается ли она въ наукъ или въ практическихъ опытахъ, что собственно все равно, но результаты его очень важны для каждаго члена общества.

Разсматривая жалкое состояніе французскихъ земледѣльцевъ, лучшіе мыслители видятъ причину его въ отсутствіи коммунальной независимости или самоуправленія. И это справедливо. Французская коммуна не участвовала въ социальномъ развитіи страны, какъ политическое тѣло; сначала ее подавила феодальная власть, потомъ королевская централизація. Надъ ней пронеслось множество событій, изъ нея состава—плоти и крови—образовался городъ, разрослась огромная столица; она дала возможность сложиться различнымъ сословіямъ, воспитала ихъ, если можно такъ выразиться, на груди своей, а сама осталась въ прежнемъ видѣ. Какъ въ эпоху Карла-Великаго, такъ и во времена Наполеона III, у нея почти та же бѣдность, то же невежество и та же зависимость отъ правительства. Даже въ средніе вѣка она была свободнѣй, если принять во вниманіе то обстоятельство, что тогда она пользовалась нѣкоторыми муниципальными при-

виллегіями, а теперь всякое движеніе ея зависитъ отъ распоряженія префекта. Начальственная опека преслѣдуетъ ее въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ жизни; безъ преувеличенія можно сказать, что житель деревни не можетъ переменить ни одного бревна въ своемъ домѣ, безъ позволенія центральной администраціи. Послѣ этого понятно, что народъ удаленный отъ своихъ собственныхъ интересовъ и нѣсколько вѣковъ предоставленный безусловному распоряженію то сеньора, то министра, не могъ выработать гражданское чувство. Онъ привыкъ не самъ разсуждать и дѣйствовать за себя, а всего ожидать отъ правительства, какъ избалованное дитя отъ няньки, и если часто приписываетъ ему небывалыя достоинства, то нерѣдко и обвиняетъ его въ томъ, въ чемъ оно, дѣйствительно, виновато. Потому во Франціи всѣ политическія реформы были дѣломъ партій, того или другаго класса людей, а не всего общества; въ нихъ играло роль больше чувство мести, чѣмъ потребность постепеннаго историческаго прогресса. Могло ли экономическое воспитаніе привиться къ такому народу? Разумвется, нѣтъ. Что ему за дѣло до социальныхъ вопросовъ, когда онъ знаетъ напередъ, что въ рѣшеніи ихъ не спросятъ ни его голоса, ни участія. Такія общества, отличаются апатіей и эгоизмомъ. *Chacun pour soi, chacun chez soi*, а что касается всѣхъ вмѣстѣ, о томъ не можетъ быть и мысли. Оттого, вѣроятно, во Франціи замѣтно какое-то странное недовѣріе къ социальнымъ теоріямъ, какъ будто между наукой и жизнью нѣтъ ничего общаго. «У насъ, говоритъ Мариньи, вообще смотрятъ на экономистовъ, скорѣе какъ на ловкихъ риториковъ, забавляющихся витійствомъ, чѣмъ какъ на людей положительныхъ, преподающихъ точную и практическую науку. (Mesnil Marigny. Стр. 2)

Есть и другая, ближайшая причина этому равнодушію. Она заключается въ разъединеніи національныхъ интересовъ и въ борьбѣ отдѣльныхъ сословій. Съ паденіемъ феодальной аристократіи, большая часть правъ ея перешла въ руки буржуазіи. Она является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ эпоху старой революціи; на нее опирался Наполеонъ I; она низвергла династію Бурбановъ и возвела на престолъ Лудовика-Филиппа—«*Von bourgeois*». Прежде вліяніе ея ограничивалось однимъ внутреннимъ управленіемъ, а теперь она приобрѣла государственное значеніе. Въ ея распоряженіи три главныя силы со временной Франціи—капиталъ, администрація и образованіе. Съ такими могущественными средствами буржуазія могла бы оказать величайшія услуги странѣ; къ сожалѣнію, у нея нѣтъ симпатической связи съ народомъ. Отдѣленная отъ него социальнымъ положеніемъ и матеріальными интересами, она находится въ постоянномъ авто-

гонимъ съ пролетаріемъ и работникомъ: на счетъ перваго она увеличиваетъ свою власть, на счетъ втораго богатѣетъ. Въ этомъ раздрающемъ антогонизмѣ, конечно, нѣтъ ни духа касты, ни гражданскихъ преградъ; повидимому, ничто не мѣшаетъ каждому угощнику сдѣлаться профессоромъ, министромъ, банкиромъ: въ юридическомъ смыслѣ все это возможно; но здѣсь есть фактъ, передъ которымъ исчезаетъ всякое равенство, стоившее столько борьбы и страданій Франціи. Этотъ фактъ, во-первыхъ, въ преданіи; съ той поры когда коммунальныя и мѣстныя права слились съ центральнымъ управленіемъ, между городомъ и деревней прекратились взаимныя отношенія; земледѣлецъ съ буржуа болѣе не встрѣчался ни на одномъ пунктѣ общественной жизни. Во второй половинѣ XVIII вѣка они такъ далеко разошлись, что всякое случайное столкновеніе ихъ сопровождалось враждой и ненавистью. И монархія Бурбоновъ ловко воспользовалась между сословной антипатіей; мѣщанину и купцу она открыла дорогу къ почестямъ, должностямъ и привилегіямъ, а сельскому и рабочему сословію заперла все выходы къ социальному улучшенію. Не надо, впрочемъ, думать, чтобъ это намѣреніе было строго обдуманно и выдержано; оно вытекало изъ самаго принципа феодальной власти. Время и послѣдующія событія не только не залечили, но еще больше разстроили больныя раны общества. Въ июльскіе дни 1830 года, на орлеанскій домъ, на войско, а парижская буржуазія выдала Францію . . . Второе обстоятельство этого раздѣла замѣчается въ самомъ характерѣ средняго класса. Консервативный по убѣжденіямъ, анти-соціальный по расчету, онъ принимаетъ *status quo* за единственную религію спасенія. *Status quo*, какъ нельзя лучше отвѣчаетъ его цѣлямъ, образу жизни и правамъ. Поэтому онъ подозрительно смотритъ на всякое нововведеніе и, съ виду, дѣйствуя за-одно съ демокритической партіей, въ душѣ презираетъ ее. Какъ скоро онъ окрѣпѣлъ до-того, что болѣе не могъ обвѣсаться аристократическаго вліянія, его тактика въ отношеніи къ народу измѣнилась. Увидѣвъ, что въ обществѣ нѣтъ другихъ идоловъ, кромѣ эгоизма и другаго идола, кромѣ денегъ, онъ создалъ новую, тиранію, болѣе грубую и хитрую, чѣмъ старая, — тиранія капитала надъ трудомъ и гонимъ челоуѣка. И *Jacques Bonhomme* долго не могъ догадаться, что его положеніе, послѣ всѣхъ жертвъ и усилій, нисколько не поправилось. Ремесленникъ находитъ въ той же зависимости отъ патрона, только безъ имени неха; земледѣлецъ, раздробляя поля до микроскопическихъ участковъ, попрежнему работаетъ для города, всегда сосавшаго народныя силы. Изъ того же убѣжденія, богатая буржуазія, замѣтивъ въ свободной конкуренціи

цим врага своимъ привилегіямъ, постаралась противопоставить ей самую энергическую оппозицію. Отсюда начинается драма лионскихъ и марсельскихъ междоусобій; на этомъ явленіи останавливается послѣдній вопросъ французской исторіи. Не надо быть пророкомъ, чтобъ предсказать побѣду правому и давно угнетенному.

Такъ съ одной стороны, отсутствіе комунальныхъ началъ, съ другой эгонизмъ и лицемеріе привилегированнаго класса не только замедлили, но систематически задушили экономическое движеніе Франціи. Кто знаетъ геній, трудолюбіе и раскошную природу ея, тотъ не можетъ не изумиться настоящей бѣдности народа. «Мы имѣемъ проговаривается одинъ изъ защитниковъ монополя, двадцать восемь милліоновъ сельскаго населенія, изъ которыхъ двѣ трети лишены одежды и обуви». (*Verité sur les prohibitions 1860 г. Стр. 9*). Тѣ же лишены преслѣдуютъ его и въ самой столицѣ; въ Парижѣ скучивается до 112,891 ремесленницъ, изъ которыхъ 950 зарабатываютъ менѣе 60 сант. (т. е. менѣе 15 коп. сер.), а средняя плата возхъ не превышаетъ 1 франк. 63 сант. въ день. Что же касается ремесленниковъ, — изъ нихъ 27,453, получаютъ дневнаго содержанія менѣе 3 франк., а средняя цифра для всѣхъ двухъ сотъ тысячъ чело-вѣкъ простирается до 3 франк. 80 сант. (*L'économie politique et la justice, par Leon Walras. 1860г. Стр. 1—2*). И эти «маторжники», какъ ихъ называетъ Корбонъ, работаютъ каждый за двухъ бѣлыхъ Негровъ. Теперь зайдите въ мансарду и спросите, какъ могутъ существовать съ такимъ содержаніемъ, при дороговизнѣ парижской жизни, тысячи семействъ, состоящихъ изъ одного работника и трехъ или четырехъ дѣтей. Стыдитесь же обвинять ихъ, послѣ того, въ развратъ и невежество! . . .

Между тѣмъ, какъ Франція отстаивала свою запретительную систему, посмотримъ, что сдѣлала Англія относительно свободы труда и обмена. Изъ этого очерка мы увидимъ, къ какимъ результатамъ привели противоположные направленія по сию и по ту сторону канала, и при какихъ социальныхъ условіяхъ, эти два народа заключаютъ торговый договоръ.

Виродожженіе двухъ съ половиной вѣковъ въ Англіи *) развивалась та же меркантильная система, какъ и во Франціи, тотъ же варварскій взглядъ на колонизацію, не означенный болѣе громкими злодѣяніями и жестокостью драконова законодательства. Чтобъ понять, какимъ образомъ Англія усвоила эту ложную политику, надо въ-

*) Мы вездѣ строго различаемъ двѣ Англіи: Англію «бѣдную и народную; Англію за Италію и противъ Итали; Англію глупую и работающую; Англію Дорбъ и его кліентовъ; Англію Кобдена и его друзей.

сколко пояснить значеніе ея аристократіи, одной изъ самыхъ живучихъ и мощныхъ аристократій міра. Известно, что вся земля соединеннаго королевства принадлежитъ высшему сословію, на правахъ импората. Сто тысячъ семействъ передаютъ ее, изъ рода въ родъ, старшимъ сыновьямъ, безъ раздѣла и отчужденія. Въмѣстѣ съ этой богатой и титулованной аристократіей растетъ поколѣніе младшихъ сыновей, которые не участвуя въ наслѣдствѣ поземельной собственности, съ теченіемъ времени образовали особенный родъ пролетаріата. По воспитанію, привычкамъ и образу жизни, они не могли смиряться съ рабочими классами; презиравъ трудъ, какъ что-то унижающее для нихъ патриційскаго достоинства, они искали средства жизни въ спекуляціи, то есть, въ завоеваніяхъ, налогахъ и распроотравленіи доходныхъ должностныхъ мѣстъ. Имъ помогали обстоятельство и старшіе братья, бывшіе законодателями въ парламентѣ. Такъ въ предѣлахъ Англіи раскинулась сеть сорока пяти колоній, постепенно доведенныхъ, подобно Индіи, до поголовной нищеты, соединенной со всеми бѣдствіями военныхъ и административныхъ притѣсненій. Захватывая острова и берега во всѣхъ частяхъ свѣта, Англія обращала ихъ въ исключительную спекуляцію метрополи; уничтожая мануфактурную промышленность тамъ, гдѣ она могла повредить британскому рынку, запирая порты для другихъ націй и деморализируя полудикія племена Востока искорененіемъ національныхъ учрежденій и законовъ, она бесполезно изтратила сотни милліоновъ фунтовъ и погубила тысячи людей. Внутри отечества, безземельная аристократія прививала ту же политику къ самому кроткому, умному и дѣтельному народу. Она методически поставила его въ положеніе полуголоднаго и полураздѣтаго, гдѣ, по замѣчанію Мэршама, пять милліоновъ жителей питались овсянымъ хлѣбомъ, а пять другихъ милліоновъ однимъ картофелемъ. (Cobden et la Ligue, par Bastiat. 1854. Стр. 188). И все это на оффиціальномъ языкѣ называлось *покровительствомъ* національнаго труда. Ради этого покровительства былъ объявленъ навигаціонный актъ и придумана таможенная система, положившая запрещеніе на всѣ главные предметы общественнаго потребленія. За одно право вѣсть иностранный хлѣбъ, народъ платилъ болѣе милліарда пошлины (что равняется 40,000,000 фунтамъ). Между тѣмъ, какъ косвенные налоги, падавшіе на большинство, постоянно увеличивались, поземельныя подати, столь близкія интересамъ аристократіи, удержались въ прежнемъ видѣ. Такъ послѣ королевы Анны (1706 г.) и до Викторіи акцизная сумма возрасла въ восемь, таможенные сборы въ пятнадцать разъ, а поземельный налогъ остался почти безъ измѣненія, хотя доходы собствен-

никовъ, въ волтера выка, достигли пропорціи, какъ 7: 1. Притомъ самая раскладка ковенныхъ налоговъ была крайне несправедливая; богатый и бѣдный — первый за произведенія лучшаго качества, второй за худшіе привозимые товары — платили одинаковую такую. Футтъ чаю въ четыре шиллинга, разумѣется, доступный только достаточному покупателю подвергался одинаковой пошлинѣ съ чаемъ, стоившимъ не болѣе шести пенсовъ за футтъ. Такое вопіющее злоупотребленіе породило страшное неравенство состояній и убѣло производительность въ самомъ источникѣ. Народъ давно ропталъ, но голосъ его не былъ слышенъ за стѣнами парламента. Не надо забывать, что до избирательной реформы 1832 года, уэстминстерскій сенатъ вѣдалъ судьбой страны въ лицѣ одного привилегированнаго класса. Члены его и следовательно законодатели Англій были лорды и аристократы; они обшуквали дѣла съ закрытыми дверями и издавали правила, конечно не въ ущербъ своему благополучію. Отсюда возникъ духъ монополя и народной эксплоатации.

Изъ всехъ золъ было величайшимъ зломъ — Corn-law (законъ хлѣба). Право ввозить хлѣбъ въ британскіе порты, равнявшееся по договорнымъ пошлинамъ полному запрещенію *), состояло въ 1815 году. Этому закону былъ сообщенъ самый благовидный предлогъ. Рассчитывая возвысить поземельные доходы, собственники утверждали, что запрещеніе необходимо для развитія агрикультурнаго труда и обезпеченія рабочаго сословія. Но результатъ, какъ и следовало ожидать, былъ совершенно противный. Въ 1819 году Англія почувствовала его и сдѣлала первую попытку отменить законъ «голода и смерти». Съ этой цѣлью назначенъ былъ митингъ, созванный Генгомъ, подъ открытымъ небомъ, въ центрѣ самого Лондона. Вооумьдесятъ тысячъ гражданъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ, — символомъ міра и надежды, — подъ звуками музыки, обшажались слушать даровитаго оратора и просить объ уничтоженіи запрещенія на хлѣбъ. Когда въ собраніи царствовала торжественная тишина, вдругъ толпа пьяныхъ солдатъ бросилась на народъ, сдѣлала его саблей, не щадя въ безумномъ ослѣпленіи, ни женщинъ, ни дѣтей. Это была первая кровь, собранная витригой монополистовъ. Но идеи не погибаютъ подъ ударами животной силы; предаетъ крикъ болѣе серьезный характеръ. Гвоздемъ одинъ, и два дѣла не

*) Этимъ закономъ запрещенъ былъ ввозъ иностраннаго хлѣба на слѣдующемъ положеніи: если внутреннія цѣны были ниже 80 шиллинговъ за quarter (35 франковъ за гектолитръ), ввозъ прекращался совершенно; если же цѣны поднимались выше 80 шил. за 9 quarter зерновой пшеницы, тогда былъ дозволенъ ввозъ на три шилса (Histoire du système protecteur. Clement. Стр. 142).

единственный поборник свободной торговли въ парламентѣ, далъ ему законную форму, предложивъ, въ 1823 году, отменить различіе таможенныхъ пошлинъ, собираемыхъ съ иностранныхъ кораблей того или другаго національнаго флага. Предложеніе было принято и затѣмъ заключены коммерческіе договоры, на равныхъ обоюдныхъ условіяхъ, съ Пруссіей, Швеціей, Даніей, Франціей, Южной Америкой и ганноверскими городами. Черезъ годъ были открыты выпуски английскихъ шерстяныхъ тканей съ правомъ двухъ пенсаовъ на фунтъ; наконецъ онъ же настоялъ на дозволеніи британскимъ ремесленникамъ переходить въ чужія края и работать на континентальныхъ фабрикахъ. Въ одно время съ Гёскисомъ дѣйствовалъ Каннингъ. Образовавъ новое министерство и освободивъ его отъ гнета вліянія Австріи, онъ поставилъ первымъ вопросомъ отмену запрещенія на жизненные продукты. Планъ его ограничивался легкой переходной мѣрой, и за всѣмъ тѣмъ былъ отвергнутъ палатой лордовъ, по совету герцога Веллингтона. Не въ характеръ Каннинга было поступать передъ слѣпой оппозиціей, и онъ конечно достигъ бы цѣли, еслибъ не предвидѣнная смерть не отняла его у народа. Отравленный, если не ядомъ, то клеветой, завистью и проноками его враговъ, что хуже всякаго яда, онъ умеръ съ однимъ горячимъ желаніемъ эманципировать трудъ отъ застоя, какъ онъ эманципировалъ Ирландію отъ протестантскаго іезуитизма. По смерти этого благороднаго и гениальнаго министра, Сого-лау былъ, на некоторое время, забытъ. Правда, его иногда возбуждали въ парламентѣ, за него говорили журналистика, его поднимали на митингахъ, но онъ еще не созрѣлъ въ общественномъ мнѣніи, и не перешелъ изъ идеи въ фактъ свободной страны.

Въ концѣ 1838 года въ Англіи обнаружались грозные симптомы мануфактурнаго кризиса. Причиной его былъ неурожай хлѣба и упадокъ промышленности въ американскихъ штатахъ. Вольдствіе этого цѣна на хлѣбъ необычайно вздорожала; многія мануфактуры закрылись, банкротства увеличились, запросъ на работу удвоился, а плата ремесленниковъ понизилась. До 1843 года страшная бѣдность, подобно чумѣ, опустошала островъ: возстанія на предѣлахъ Шотландіи, толпы нищихъ, бродившихъ по дорогамъ или укрывавшихся въ подвалахъ старинныхъ замковъ, эпидемическія болѣзни и пожары, фанатизмъ религіозныхъ сектъ и общее уныніе страны сопровождали катастрофу.

Въ это время является человекъ съ твердой волей, свѣтлымъ умомъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ помочь народу и разъяснить ему источникъ общественнаго бѣдствія. Это былъ сынъ бѣднаго фер-

мера, наступилъ въ юношескія лѣта, потомъ принявъ торговое дѣло въ Лондонъ и наконецъ манчестерскій купецъ. Терпящій: Англо-Самсонда онъ обязанъ первыми успѣхами своей карьеры, таланту и усердію — богатствомъ. Желая вознаградить потерянные годы юности, проведенной безъ всякаго образованія, и подотраченнымъ лѣтнимъ трудомъ, свойственнымъ счастливому дарованію и сердцу, онъ отправился путешествовать. Ему было не болѣе тридцати лѣтъ, когда онъ объѣхалъ полсвѣта, посѣтилъ Египетъ, Грецію, Турцію, Северную Америку и Европу, вездѣ входилъ въ сношенія съ экономистами и замѣчательными фабрикантами, съ жадностью изучая все, что навѣдило его на любимую идею или открывало новый фактъ въ социальномъ быту народовъ. Путешествіе обогатило его огромнымъ запасомъ свѣдѣній и скоро приобрѣло ему въ литературѣ видное мѣсто публициста. Этотъ-то человекъ становится въ голову міроваго вопроса Англій, овладѣваетъ вниманіемъ всей Европы и разрѣшаетъ одну изъ капитальныхъ задачъ нашего вѣка. Читатель догадывается, что мы говоримъ о Ричардѣ Кобденѣ.

Движеніе началось изъ Манчестера, откуда, обыкновенно подается первый голосъ въ пользу социальныхъ реформъ Англій. По совету Кобдена образовалась лига за свободу труда и противъ *Согг-Лавъ*. «Составимъ, говоритъ онъ, изъ нашихъ большихъ городовъ союзъ, чтобъ сломить несправедливость феодальнаго барства; пусть разрушенные замки на берегахъ Рейна и Эльбы послужатъ примѣромъ для нашихъ противниковъ, если они станутъ упрямятся въ борьбѣ противъ промышленнаго сословія страны» (*Richard Cobden et la ligue*, par J. Garnier. 1846. Стр. 19—20). Дѣйствительно, не задолго передъ тѣмъ посланные депутаты изъ Манчестера въ Лондонъ съ просьбой объ отменѣ запретительныхъ законовъ на хлѣбъ, не были приняты парламентомъ; 344 голоса противъ 197 отвергли предложеніе. Лига сомкнулась крѣпче и пошла дальше. Сначала она требовала только уничтоженія одного монополя на хлѣбъ, когда же увидѣла, что ее не слушаютъ въ самомъ законномъ и разумномъ протестѣ, она провозгласила «полное и немедленное отмененіе всѣхъ протекціонныхъ правъ въ земледѣліи, мануфактурахъ, торговлѣ и мореплаваніи, т. е. безусловный свободный обмѣнъ Англій (*Free-Trade*). Это былъ вопросъ жизни и смерти для британской аристократіи; съ нимъ соединились все привилегіи и политическое значеніе, открыты порты торговымъ сношеніямъ народовъ — значило потрясти въ самомъ основаніи колониальную систему, поземельную собственность, войско, флотъ и дипломатію, коротко, вырвать съ корнемъ все, что есть антинаціональнаго, эгонистическаго и опаснаго въ политикѣ Англій для человѣче-

чества. Такое требованіе превышало надежды даже радикаловъ, не потому, чтобъ оно было несвоевременнымъ или несправедливымъ, нѣтъ, а потому, что противная сторона была слишкомъ сильна, чтобъ не раздавить лигу. Въ самомъ дѣлѣ, чего недоставало этой сторонѣ? за нее было большинство парламента, войско, церковь, въковыя предразсудки и даже ложно-патріотическое самолюбіе націи. Она, по первому знаку, могла зажечь междоусобную брань, вооружить одну половину Англій противъ другой, и на все это у нея были и матеріальныя средства и нравственная инициатива. И за возмъ тѣмъ лига одоляла. Но гдѣ же она нашла ручательство за побѣду? Въ общественномъ мнѣніи. И нельзя не удивляться его спокойному и всеобъемлющему вліянію. На первой разъ оно приняло холодно реформу, но чѣмъ глубже легисты раскрывали идею, осыщая по дорогѣ множество второстепенныхъ истинъ, заваленныхъ софизмами, тѣмъ вниманіе публики становилось симпатичнѣй. Черезъ три года Томсонъ говорилъ такъ: «Вездѣ, гдѣ я ни былъ, — въ Египтѣ и въ Индіи, я видѣлъ самое живое сочувствіе труду нашего союза; вездѣ я слышалъ удивленіе глупости и упорству тѣхъ, которые хотятъ упочить свое счастье на бѣдности, голодѣ, наготѣ и развратѣ народа.» (*La ligue et Cobden, par Bastiat. Стр. 341*). Какъ скоро это сочувствіе было вызвано въ Англій, положеніе лиги сдѣлалось твердымъ; число послѣдователей ея съ каждымъ днемъ прибывало; на вечернихъ митингахъ собиралось по нѣскольکو тысячъ слушателей, въ числѣ которыхъ были женщины, дѣти, лорды и ремесленники. При открытіи подписки въ пользу свободно-торговаго союза (*Free-Traders*) были собраны огромныя суммы, такъ что въ концѣ дѣятельности онъ могъ располагать нѣсколькими милліонами. Въ 1843 году, лига построила, на собственныя счеты, грандіозный дворецъ, гдѣ десять тысячъ лицъ могли помѣститься въ сборной залѣ, во время засѣданій Кобдена и его товарищей.

Но если общественное мнѣніе съумѣло поддержать защитниковъ свободнаго труда, то и они, съ своей стороны вполне оправдали довѣріе и надежды его. Безъ особеннаго удовольствія нельзя смотрѣть на эту кучку людей, не имѣвшихъ ни громкаго имени, ни широкихъ общественныхъ связей, но множество враговъ, и только силой ума, непреклонной воли и истины совершившихъ такой гражданской подвижъ, какому могло позавидовать самое просвѣщенное и мощное правительство. Лига состояла большей частью изъ молодыхъ фабрикантовъ, отлично-образованныхъ и даровитыхъ; кромѣ Кобдена здѣсь были Брайтъ, Уильсонъ, Фоксъ, — имена, слишкомъ извѣстныя Европѣ, чтобъ сомнѣваться въ ихъ талантѣ или честности. Каждый изъ

нихъ съ практическимъ тактомъ въ жизни соединялъ глубокія спеціальныя знанія и, главное, любовь къ народному дѣлу. Желая дѣйствовать на здравый смыслъ и убѣжденія общества, они выродожили двухъ лѣтъ устроили до 260 митинговъ, переходили изъ одного города въ другой; то являлись въ столицѣ между рабочими классами, то въ селахъ между земледѣльцами, — и вездѣ съ однимъ намѣреніемъ, — учить и убѣждать; проводникомъ ихъ мысли была церковная кафедра диссидентовъ, школа и наконецъ самый парламентъ. Кобденъ всегда былъ впереди движенія; неутомимое усердіе его напоминаютъ намъ тѣхъ страстныхъ средне-вѣковыхъ проповѣдниковъ, которые, бросая домъ, состояніе и друзей, шли распространять ученіе, увѣренные, что выше и дороже его нѣтъ ничего въ мірѣ. «Недавно, говорилъ вожь лиги, я поразилъ собственниковъ въ самыхъ крепостяхъ ихъ, въ округахъ Норфолька, Гертфорта и Соммерсета; — на слѣдующей недѣлѣ я буду въ Бѣкингемшайръ, черезъ недѣлю въ Дорчестеръ, потомъ въ Линкольнъ и гдѣ бы я не показался, — говорю объ этомъ впередъ, — они не смѣютъ смотреть мнѣ прямо въ лицо. Чтò особенно замѣчательно въ этомъ бойцѣ за социальную идею, — умѣнье говорить съ народомъ; онъ переводитъ на его языкъ отвлеченныя понятія, выработанныя наукой, онъ рисуетъ ихъ въ живыхъ и осязательныхъ образахъ, понятныхъ каждому. Вотъ какъ, напримеръ, онъ представилъ монополь въ аудиторіи простыхъ работниковъ: «О! это таинственная личность, которая садится съ вашей семьей за чайный столъ и когда вы кладете кусокъ сахару въ чашку, она беретъ другой, и когда ваша жена и дѣти требуютъ отнятый кусокъ; этотъ таинственный плутъ — монополь, отвѣчаетъ вамъ: я беру его для вашего *покровительства*». Въ доказательствахъ Кобдена есть неотразимая логика; разрушая обще-принятую ложь, она не оставляетъ по себѣ серьезнаго возраженія съ противной стороны — ни одного пункта темнаго или недосказаннаго. «Этотъ человекъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ его биографовъ, въ силу здраваго смысла достигаетъ гевія». Чего недоставало его способностямъ, то восполнялось его сотрудниками. Въ числѣ ихъ Уильсонъ, президентъ лиги, былъ превосходный администраторъ; его расторопности на все доставало; онъ велъ обширную корреспонденцію, учреждалъ митинги, распоряжался кассой, изданіемъ періодическихъ листковъ, назначеніемъ рѣчей и выборомъ членовъ. Томсонъ отличался увлекательнымъ воображеніемъ, такъ что послѣ сухихъ статистическихъ вычисленій Гибсона, аудиторія отдыхала при его изящномъ словѣ; Уильямъ Фоксъ критической полемикой, яркой и живой, иногда исполненной ѣдкаго юмора. Когда ему возражали, что запрещеніе на

хлѣбъ необходимо для сохраненія національной независимости, онъ отвѣчалъ такъ: «Но что же это за независимость, которая лишаетъ свободы дѣйствія внутри и светъ раздоръ во внѣ?... Монополь разьединяетъ страну съ великой человѣческой семьей; онъ уничтожаетъ тѣ связи и взаимныя выгоды, которыя providѣнне имѣло въ виду, распространивъ разнообразіе на земномъ шарѣ. Законъ хлѣба есть испытаніе народа, вызовъ касты, сдѣланный справедливости, желаніе поднять цѣну собственности на счетъ своего ближняго, это—практическое отрицаніе всѣхъ чувствъ мира и любви. И кто же этотъ адвокатъ національной независимости и покровитель народности? Посмотримъ на его жизнь. Вотъ французскій поварь, который готовитъ обѣдъ господину, и швейцарскій слуга, который готовитъ господина къ обѣду. Миледи, жена его, вся обсыпана перлами, которыхъ нѣтъ въ британскихъ раковинахъ, и перо, развѣвающееся на головѣ ея, никогда не торчало въ хвостъ англійской индѣйки. Мясо стола его привозится изъ Бельгіи; его вина идутъ съ Рейна и Роны. Взоръ его покоится на цвѣтахъ южной Америки, обонаніе его вдыхаетъ ароматъ листа, растущаго въ сѣверной. Любимая лошадь его арабской породы, его маленькая собака—съ горы Сѣнь-Бернара. Галерея этого *патріота* обставлена богатыми картинами фламандской школы и греческими статуями. Хочетъ ли развлеченія, онъ идетъ слушать итальянскихъ пѣвцовъ, съ нѣмецкой музыкой и французскимъ балетомъ. Восходитъ ли онъ на степень судебного отличія, плечи его покрываетъ горностай, который никогда не лежалъ на спинѣ англійскаго животнаго. Самый умъ его есть сплетеніе иностранныхъ стихій; его философія и поэзія изъ Греціи и Рима; геометрія изъ Александріи, ариметика изъ Аравіи и религія изъ Палестины. Съ колыбели онъ держитъ во рту коралъ Индійскаго океана, и когда умираетъ, карарскій мраморъ ставится надъ его могилой. (Громкія рукоплесканія). И этотъ-то сеньеръ говоритъ: будемъ независимы отъ иностранца, т. е. обложимъ народъ таксами, допустимъ бѣдность, лишенія, страданія, истощенія, но будемъ независимы отъ иностранца. Я не оспариваю у него роскоши, но опровергаю софизмъ, лицемеріе и несправедливость,—желаніе независимости, когда дѣло идетъ о народной пищѣ и зависимость во всемъ, что относится до его удовольствій и блеска».

Когда вопросъ, постановленный лигой такъ ясно, принялъ общенародный характеръ, парламентъ не могъ долге противиться. Въ составъ его членовъ были введены друзья Кобдена, уже имѣвшіе право на вниманіе лордовъ и высоко стоявшіе въ глазахъ общества; наконецъ упало министерство виговъ. Въ 1841 году вступилъ въ управ-

леніе Робертъ Пиль. Политическая карьера этого государственнаго чловѣка всѣмъ знакома; онъ не имѣлъ ни постоянной вѣры, ни лич- ныхъ убѣжденій, но точно выражалъ потребность эпохи и мнѣніе большинства. Робертъ Пиль, принимая министерство, далеко былъ отъ реформаціонныхъ идей; партія его строго-консервативная, напе- редъ торжествовала, что государственнымъ рулемъ будетъ править приверженецъ тори. И вдругъ, къ крайнему ея удивленію, Пиль пе- ренесъ свое знамя на сторону враговъ. Онъ, который такъ ясно чи- талъ въ признакахъ времени, «понялъ, что вопросъ созрѣлъ, и даль- нѣйшая борьба не возможна. Въ ней замѣшивалась честь его имени, и онъ рѣшился лучше измѣнить старымъ друзьямъ, чѣмъ погубить ихъ вмѣстѣ съ собой въ бесполезномъ антагонизмѣ. Съ этой минуты успѣхъ Кобдена не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію, и свобода труда сдѣлалась предметомъ жаркихъ парламентскихъ совѣщаній.

Главная задача Роберта Пила была чисто-финансовая. Разрѣшеніе ея зависѣло отъ слѣдующаго вопроса: «какимъ образомъ облегчить положеніе народа и оживить промышленность, уничтоживъ стѣсненіе и монополъ, безъ нарушенія равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ?» Здѣсь министръ развернулъ всю ловкость неистощимаго адми- нистративнаго ума. Чтобъ объять финансовый кризисъ и прими- рить интересы партій, онъ нашелъ единственное средство въ пода- ти съ доходовъ (income-tax). Прежде эта подать была случайной и патріотической жертвой; къ ней прибѣгали во время войнъ и всеоб- щихъ бѣдствій страны, т. е. въ такихъ роковыхъ обстоятельствахъ, когда спасеніе частной собственности зависитъ отъ спасенія всего народа. Пиль рѣшился обратить ее въ общую государственную смѣ- ту, наравнѣ съ другими постоянными налогами. Разматривая эту мысль безотносительно, она, конечно, далеко не имѣетъ того гениаль- наго значенія, какое старались придать ей экономисты; но какъ пе- реходная мѣра, она въ высшей степени справедлива и заслуживаетъ полной похвалы: это былъ первый и чрезвычайно важный шагъ къ уравниванію состояній и уничтоженію англійскаго поперизма, потому что налогъ упалъ на одни богатые сословія; онъ простирался толь- ко на годовой доходъ свыше 150 фунтовъ, т. е. 3750 франковъ. За- конъ былъ утвержденъ, въ видѣ опыта на три года; можно думать, что Робертъ Пиль, допуская переходную мѣру, надѣялся впослѣдствіи увеличить поземельную подать. Затѣмъ онъ приступилъ къ преоб- разованію таможеннаго устава, гдѣ его ожидала самая неблагодар- ная и мелочная работа. Въ четыре года (1842—1846 г.), развивая планъ шире и шире, онъ уничтожилъ окончательно запретительную систему. Машинамъ, углю и всѣмъ главнымъ мануфактурнымъ про-

изведеніямъ, былъ открытъ свободный вывозъ; съ 430 предметовъ первыхъ жизненныхъ потребностей, ввозимыхъ въ Англію, были сняты всякія пошлины, и наконецъ Corn-law былъ навсегда вырванъ изъ конституціоннаго статута. Реформа вполне состоялась въ іюнь 1846 года. На третій день, среди негодованія и проклятій торн, Пиль оставилъ министерство. Выходя изъ парламента, онъ произнесъ слѣдующія слова, которыя потомъ врязаны въ его бронзовый памятникъ: «Можетъ быть, это имя (Р. Пиль) не одинъ разъ помянется добромъ подъ скромной кровлей труженниковъ, тѣхъ, которые каждый день добываютъ хлѣбъ въ потъ лица, и которые съ этихъ поръ, для возобновленія изнуренныхъ силъ, будутъ есть его вдоволь и безошлинно, тѣмъ болѣе сладкій хлѣбъ, что къ нему не будетъ примѣшиваться горечь ропота противъ несправедливости. (Brief history of the rise and progress of the anti corn-law league. Cobden et sa ligue, par Bastiat. Стр. 42—54.)

Такъ совершился величайшій переворотъ въ экономическомъ мѣрѣ Англіи. Реформа, конечно, далеко не отвѣчала всѣмъ надеждамъ лиги; она настаивала на радикальномъ измѣненіи таможенной и колониальной системы, на уничтоженіи навигаціонныхъ законовъ, сокращеніи морскихъ и сухопутныхъ силъ и соединенныхъ съ ними огромныхъ расходовъ, наконецъ на примѣненіи начала свободной торговли ко всѣмъ колоніямъ и отраслямъ промышленности. Изъ этой обширной программы Робертъ Пиль выполнилъ менѣе, чѣмъ половину но эта половина была самой важной; она обезпечила народу дешевое пропитаніе и дала прямолинейный толчекъ будущему прогрессу всей страны. Движеніе не могло остановиться на послѣднемъ словѣ Робертъ Пиль; напротивъ, съ каждымъ годомъ оно вызывало новые вопросы, изъ которыхъ поземельная собственность, колониальная система и преобразование парламента стоятъ на первой очереди англійской цивилизаціи. Едва закрылась лига, послѣ іюньскихъ бурныхъ дебатовъ 1846 года, черезъ пятнадцать мѣсяцевъ она снова вышла на сцену политической дѣятельности. «Упрочивъ свободную торговлю хлѣбомъ», говорилъ Кобденъ при открытіи новаго митинга въ Манчестеръ, намъ остается завоевать свободу мореплаванія; мы должны ограничить произволъ собственниковъ Западной Индіи налагать подати въ свою пользу на туземныхъ жителей, и за-тѣмъ приложить тѣже коммерческія начала ко всѣмъ вѣтвямъ торговли, какія приложены къ хлѣбу. Съ этого времени и до настоящей минуты союзъ не переставалъ дѣйствовать въ духъ своего соціального учена.

Вліяніе лиги, кромѣ экономическихъ преобразованій, отразилось и на другихъ вопросахъ общественной жизни. Она раздвинула кругъ фи-

лантропическихъ учрежденій, возбуждѣвъ симпатію къ бѣдотвѣямъ народа; она сблизила его съ правительствомъ, открывъ первому такія злоупотребленія, какихъ и не подозрѣвало общественное мнѣніе, и указавъ второму средства къ искорененію ихъ; она основала множество народныхъ школъ, согласивъ воспитаніе Англіи съ потребностями вака, разъясла тѣмъ ложныхъ понятій въ массахъ, и наконецъ доказала самымъ опытомъ, что свобода труда есть краеугольный камень народного благоденствія.

И Англія не замедлила собрать плоды. Не болѣе, какъ черезъ три года, реформа Кобдена и Пила заявила себя блистательнымъ улучшеніемъ британскаго общества. Мануфактурная, земледѣльская и промышленная дѣятельность удвоилась; довольство разлилось повсѣмъ сословіямъ гораздо равномѣрнѣй, чѣмъ было прежде; темницы и рабочіе дома освободились отъ множества нищихъ и преступниковъ; эмиграціи, повторявшіяся періодически въ огромныхъ размѣрахъ, сдѣлались рѣже; бѣдность въ ремесленныхъ слояхъ уменьшилась и, что главнѣе всего, самыя крѣпкіе лбы монополистовъ и аристократовъ убѣдились, что ихъ интересы не только не пострадали, но возрасли вмѣстѣ съ богатствомъ производительныхъ классовъ. Примѣръ Англіи вразумилъ и другіе народы: Швеція, Норвегія, Америка, Неаполь и Испанія двинулись впередъ. «Еслибъ Англія въ XIX вѣкѣ; справедливо замѣтилъ Джемсъ, кромѣ уничтоженія запретительной системы ничего другаго не сдѣлала, то и тогда ея заслуги одно изъ величайшихъ благодѣаній Европѣ. Если нынче или завтра—во всякомъ случаѣ это событіе отъ насъ недалеко—она откроетъ свои порты международнымъ сношеніямъ всего міра, это будетъ сигналомъ новой цивилизаціи и поворотомъ исторіи отъ варварскаго зрѣнища войнъ и ненавистей—къ миру и союзу человѣческихъ обществъ. (History of Free-Trade by James. Стр. 16).

И такое движеніе, полное умственного и соціальнаго интереса, прошло помимо вниманія континентальныхъ народовъ. Что оно не было замѣчено въ Россіи или Италіи—это неудивительно: но удивительно то, какъ Франція, отдаленная нѣсколькими милями отъ Англіи, едва слышала, что дѣлается по ту сторону канала. Всѣ эти умныя рвѣя лигистовъ, всѣ эти собранія въ двадцать и тридцать тысячъ человекъ, всѣ эти одушевленные споры парламента, самое имя Кобдена, вездѣ праздниками встрѣченнаго во время путешествія его по Европѣ въ 1847 году,—все это осталось неизвѣстнымъ Франціи. «Боже мой! писалъ около этого времени Бастіа, огорченный тупымъ равнодушіемъ своихъ соотечественниковъ, досугъ ли намъ заниматься тѣмъ, что, собственно, измѣняетъ лицо міра. Мы должны помо-

гать Тьеру замѣстить Гизо или Гизо—замѣстить Тьера.... Мы до страсти любимъ игры животной силы и потому такъ усердно занимаемся религіозными вопросами. Мы сдѣлались съ нѣкотораго времени такими добрыми католиками, такими ревностными папистами. (Cobden, pag Bastiat. Стр. 4). Но чѣмъ же занималась Франція въ это время? Мало ли чѣмъ! овадьбой испанской принцессы, интригами въ палатѣ перовъ и официальными визитами въ Тюльери. Обѣдъ даный Кобдену въ Парижѣ, надѣлалъ гораздо больше шума, чѣмъ вся его демонстраціи въ пользу свободнаго обмѣна. Едва Бастіа, окруженный нѣсколькими друзьями, поднялъ голосъ въ пользу реформы, тотчасъ же составила многочисленная компанія, подъ названіемъ комитета защиты національнаго труда. Какъ! закричалъ комитетъ, выдавать Францію Англіи, разрушать преданія великой старины и т. д. И тамъ, гдѣ мало толку въ обществѣ, гдѣ нѣтъ ни желанія, ни умѣнья взяться за дѣло помимо правительства, тамъ всегда будетъ довольно пяти или шести банкировъ, чтобъ обмануть цѣлую націю или погасить въ самомъ зародышѣ великій человѣческій вопросъ.

Одинадцать лѣтъ опыта не излѣчили Францію отъ ея протекціонной маніи. Настоящій договоръ ея съ Англіей былъ вызванъ не наукой, не желаніемъ общества, а былъ дѣломъ и, если угодно, капризомъ правительства. Мы говоримъ капризомъ, потому что онъ не былъ подготовленъ никакими предварительными мѣрами, ни въ умѣ народа, ни въ экономическомъ законодательствѣ. Послѣ февральской революціи, когда сабля Кавеньяка разсыпала золотые сны социалистовъ, парижская буржуазія, всегда вѣрная реакціонному духу, объявила себя за старый порядокъ вещей, и цѣной его купила вторую имперію.... Съ другой стороны, новая имперія понимала, что главная опора ея не въ всеобщей подачѣ голосовъ, изъ которыхъ третья часть не умѣетъ прочитать декрета, и двѣ трети совершенно не знаютъ, что дѣлается въ Парижѣ и о чемъ спрашиваютъ ихъ на выборахъ,—не въ этомъ ея дѣйствительная опора, а въ социальномъ положеніи рабочихъ сословій. Удовлетворить потребности ихъ—значило утвердить тронъ и династическіе интересы. Наполеонъ III-й угадалъ тему Франціи. Такимъ—образомъ до 1860 года мѣщанская партія была своеная; запрещенія и монополю продолжались на прежнемъ основаніи; къ нимъ мало-по-малу приросли новыя привилегіи, покрытыя отсутствіемъ гласности. Что же касается ремесленниковъ, и они не были забыты. Изъ львиной доли имъ досталась своя доля; для нихъ былъ найденъ трудъ и дневное обезпеченіе. Одна часть и притомъ самая многочисленная не участвовала въ этомъ раздѣлѣ—это замедельческое сословіе; оно даже во

многое проиграло, потому что мѣстныя права его, сравнительно съ эпохой Лудовика-Филиппа, ограничены гораздо больше, и притомъ изъ чисто бюрократическихъ и полицейскихъ расчетовъ. Такая система, неизбѣжно должна была привести къ злоупотребленіямъ, предоставивъ простому случаю распределеіе народнаго богатства. И дѣйствительно, когда общественное мнѣніе и политическая совѣсть заснули, когда ни судебная трибуна, ни литература не могли возвысить слова въ защиту слабого и обличеніе сильнаго, духъ партій и касты овладевъ социальными интересами. Въ послѣдніе три года недостатокъ труда и стѣсненіе мануфактурной промышленности повлекли за собой возрастающую бѣдность въ низшихъ рядахъ; не смотря на строгость полиціи, число арестовъ и уголовныхъ казней увеличилось. Кризисъ былъ слишкомъ очевиденъ и быстръ, чтобы правительство упустило его изъ виду; при всей его находчивости въ подобныхъ случаяхъ оно увидѣло, что однихъ потологическихъ средствъ мало, и потому, отступивъ отъ прежней программы, вдругъ избираетъ новую. И это было легко; теперь оно, крѣпкое влияніемъ войска, на которомъ еще не усталъ лавръ сольферинской побѣды, не боялось разорвать связь съ буржуазіей, т. е. съ той частью ея, которая находитъ выгоднымъ *status quo*, и ясно высказаться въ пользу народа. Послѣ двухъ или трехъ свиданій съ Кобденомъ, Наполеонъ III отнесся къ государственному министру такъ: «Настало время сообщить великое движеніе различнымъ отраслямъ національнаго богатства.... Съ давнихъ поръ провозглашаютъ ту истину, что для развитія цвѣтущей торговли, необходимо увеличить средства обмѣна, что безъ конкуренціи промышленность чахнетъ и поднимаетъ цѣны, которыя мѣшаютъ прогрессу потребленія, что безъ хорошей промышленности самое земледѣліе остается въ младенчествѣ. Такъ все соединяется цѣною въ постепенномъ развитіи элементовъ общественнаго благоденствія!... Теперь не только наши главныя предпріятія стѣсняются множественностью ограниченій, но даже состояніе ремесленныхъ классовъ далеко не достигло того развитія, какое ему дано въ Англіи.... Что касается земледѣлія, ему надо предоставить выгоды кредитныхъ учрежденій, расчистить лѣса, лежащіе въ долинахъ, и покрыть ими горы, отпускать каждый годъ значительную сумму на разработку, осушеніе, удобреніе и орошеніе. Эти труды, обративъ невоздѣланныя почвы въ плодородныя земли, обогатятъ комуну, не разоривъ государство, которое вознаградитъ свои издержки посредствомъ продажи некоторой части земель, разработанныхъ для агрикультуры.

«Одна изъ величайшихъ заслугъ странъ состоитъ въ томъ, чтобы облегчить перевозъ предметовъ первой необходимости для земледѣ-

ля, въ этомъ случаѣ, министръ публичныхъ работъ, въ возможно-скоромъ времени, откроетъ пути сообщеній, каналы, шоссейныя и желѣзныя дороги, которыя въ-особенности послужатъ для доставки каменнаго угля и матеріаловъ удобренія на тѣ мѣста, гдѣ они необходимы для производительности, онъ постарается сбавить тарифы, уравновѣсивъ ихъ итогъ между каналами и желѣзными дорогами. (Lettre au ministre d'Etat. 1860. 15 января).

Не останавливаясь на противорѣчійхъ и частныхъ фактахъ этого письма, мы спѣшимъ перейти къ его общей идее; она выражается 1) въ покровительствѣ земледѣльческому и промышленному труду; 2) въ уничтоженіи запретительной системы. Послѣдній пунктъ самый важный, хотя мы и не знаемъ, гдѣ можно провести точную грань между покровительствомъ и запрещеніемъ; гдѣ окончивается первое и начинается второе — опредѣлить невозможно, потому что эти понятія видоизмѣняются отъ тысячи обстоятельствъ. Что было покровительствомъ труда сегодня, то завтра можетъ быть запрещеніемъ его, что служитъ поощреніемъ для одного народа, то будетъ препятствіемъ для другаго. Причина этого различія, конечно не въ принципѣ, но въ условіяхъ социальнаго положенія той или другой страны. Само-собой разумѣется, лучший критеріумъ можетъ быть только счастливымъ результатомъ дальновидныхъ соображеній правительства. Когда государство должно явиться на помощь частному труду и когда должно предоставить ему полную свободу, гдѣ его вмешательство можетъ быть полезнымъ и гдѣ — вреднымъ, угадать норму этого равновѣсія составляетъ едвали не главную задачу всякой политической власти. На ней, то есть, на этой задачѣ основывается логика исторіи и социальнаго прогресса народовъ. Къ сожалѣнію, деспотическія правленія дѣйствуютъ совершенно въ обратномъ смыслѣ; чѣмъ дальше развиваются ихъ формы, тѣмъ больше вытѣсняють независимость народной самостоятельной дѣятельности; гдѣ прежде достаточно было самаго простаго механизма, впоследствии является самый многосложный; одна ошибка ведетъ другую, одна ненужная форма порождаетъ сотни другихъ, и этотъ наплывъ чуждыхъ элементовъ возрастаетъ пропорціонально отсутствію духа и совѣсти въ общественномъ организмѣ.

Какъ бы то ни было, но императорская программа, въ общемъ результатѣ, отмѣняетъ запретительную систему въ широкихъ размѣрахъ, и мы имѣемъ право считать ее навсегда оконченной для Франціи. Какъ трупъ, она болѣе не оживетъ; но духъ ея еще остается; многіе искренно убѣждены, что только ей Франція и обязана экономическимъ прогрессомъ, — гораздо больше тѣхъ, которые отстаиваютъ

вають се ради личныхъ выгодъ и какой-то нравственной гни. Но фактъ совершился, договоръ подписанъ. Мы не будемъ разбирать его подробностей, известныхъ каждому читателю любой французской и англійской газеты, а постараемся означить главныя черты его и подвергнуть анализу доводы поборниковъ консервативной экономической рутины.

Извѣстно, социальная теорія Листа заключалась въ томъ, что свободная конкуренція между двумя народами, стоящими на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи, не можетъ быть выгодной для нихъ до-тѣхъ-поръ, пока промышленныя силы ихъ не сойдутся почти подъ однимъ и тѣмъ же горизонтомъ развитія. «Народъ, говоритъ онъ, по какому нибудь несчастному стеченію обстоятельствъ отставшій въ промышленности, торговлѣ и мореплаваніи, если онъ только одаренъ умственными и матеріальными средствами необходимыми его восстанію, долженъ употребить энергическія усилія, чтобы быть въ состояніи выдержать соперничество съ народами образованными.» Согласимся, что эта теорія справедлива, что дѣйствительно, есть извѣстныя эпохи, когда куча людей, въ родъ напримѣръ, Турціи, не можетъ и не должна вступить въ свободныя торговыя сношенія съ націей, развитой подобно Америкѣ; но въ чемъ же собственно, опасность? Неужели въ самомъ дѣлѣ, въ подрывѣ обоюдныхъ выгодъ этихъ двухъ соперниковъ — одного недоросля, а другаго — переростка? Да и гдѣ положительная граница этого уровня, когда можно сказать навѣрное, что вотъ эти два народа совершенно поравнялись для взаимныхъ коммерческихъ интересовъ? Слова почти въ этомъ правилѣ мало. Притомъ много ли укажемъ такихъ націй на земномъ шарѣ, у которыхъ бы цивилизація была почти одинакова? Галлейскіе города среднихъ вѣковъ доказываютъ совершенно протявное; они не только себя но и всѣмъ другимъ народамъ, далеко немнѣшимъ равнаго съ ними социальнаго положенія, были въ высшей степени полезны. Голландія XVII вѣка до навигаціоннаго акта Англіи и таріфа Кольбера оказала обвѣмъ странамъ гораздо больше добра, чѣмъ послѣ. Еслибъ по теоріи Листа, Китай вздумалъ догнать Англію на пути ея развитія и потомъ заключить съ ней трактатъ свободнаго обмѣна, то, вѣроятно, онъ не заключилъ бы его еще пять милліоновъ вѣковъ, по своему мнѣологическому лѣтосчисленію. Дѣло не въ томъ, при какой цивилизаціи два народа вступаютъ въ союзъ, а при какихъ выгодныхъ условіяхъ ихъ производительности и труда;—это очень важно. Обоюдныя выгоды двухъ различныхъ національностей опредѣляются ихъ относительнымъ богатствомъ. А что такое народное богатство? Общая сумма всѣхъ средствъ, данныхъ намъ природою и

разработанныхъ трудомъ. И надо замѣтить, что трудъ человека играетъ здѣсь главную роль. Въ успѣхъ его, конечно, участвуютъ естественные законы страны, — климатъ, географическое положеніе между горами или у береговъ моря, качество земли, здоровье, способность, темпераментъ жителей и проч. и проч. Все это составляетъ тотъ матеріалъ, который претворяется народнымъ гениемъ въ пользу общества. Но какъ и съ какимъ прогрессомъ работалъ геній того или другаго народа — въ этомъ капитальный вопросъ соціальной науки. Доселѣ на него мало обращали вниманія, потому что искали богатства въ мертвомъ капиталѣ природы, въ завоеваніи, контрибуціяхъ, налогахъ, однимъ словомъ, въ споліативной системѣ, означенной убійствами, произволомъ и насиліемъ; теперь мы убѣждаемся, что истинная сила народа не въ географическомъ объемѣ его территоріи, не въ количествѣ его рукъ и головъ, а въ качествѣ его соціальной жизни и дѣятельности. Если мы положимъ Африку, со всеми ея матеріальными сокровищами и дикими племенами, на одни вѣсы съ тремя городами, подобными Бирмингаму и Ливерпулю, то послѣдніе перевѣсятъ въ соціальномъ отношеніи. Одинъ день ихъ работы отойтъ сотни лѣтъ животнаго призябанія кафровъ или гетейотовъ. По этому значеніе организаціи и экономіи труда выступаютъ на первый планъ умственныхъ интересовъ нашего времени. Мы видимъ, что въ одной странѣ, напримѣръ, въ Англіи, сбереженіе человѣческихъ силъ достигаетъ величайшихъ результатовъ: здѣсь механическія орудія работаютъ за шестьсотъ милліоновъ людей, а въ другой, напримѣръ, въ Римской области, едва есть нѣсколько тысячъ рукъ, употребленныхъ съ пользой. Потому Англія должна быть богаче папскихъ владѣній точно въ такой пропорціи, въ какой первый трудъ экономичнѣе втораго. Самый не выгодный трудъ, конечно, рабскій; кромѣ того что лишенъ нравственнаго характера, онъ вездѣ обходится вдвое и втрое свободнаго. И свобода, въ связи съ другими условіями соціальнаго богатства, служитъ величайшимъ двигателемъ экономическаго прогресса. *Laissez-faire, laissez-passer*, говорили физиократы, понимая подъ этимъ словомъ возможно-большую независимость человѣческой дѣятельности. Они были правы. Въ средніе вѣка внутрешнія заставы, цехи и привилегіи сеньоровъ гораздо больше повредили развитію Европы, чѣмъ все теократическіе споры и гоненія отъ религіознаго фанатизма? За феодалнымъ разбоемъ наступилъ меркантильный монополизмъ, и купецъ смѣнилъ стараго барона. Въ сущности система осталась прежняя, но въ ней менѣе деспотизма и споліанціи, и этому факту человечество обязано современными открытіями и улучшеніями. Свобода труда для народа то же, что легкія для

дыханія. Посмотрите на Швейцарію, и вы изумитесь, какою стремительный путь развитія она прошла въ самое короткое время, благодаря своему *laissez-faire, laissez-passer*. Страна маленькая, въ которой горы, озера и скалы едва оставляютъ нѣсколько плодородныхъ полей, страна, неимѣющая ни морскихъ портовъ, ни флота, и за весь тѣмъ земледѣліе ея выше французскаго, бумажныя фабрики ея не боятся соперничества съ англійскими, ея шелкъ не хуже лѣннокатаго. Но возможна ли свобода труда безъ политической свободы? вотъ вопросъ, который перепутываетъ весь социальный теоріи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь разсуждать о немъ съ полнымъ анализомъ. . . . .

Замѣтимъ, однакожь, что это единственное, дальнее возраженіе противникамъ настоящаго договора Франціи съ Англійей. Впрочемъ какъ ни противоположны ихъ политическія начала, здѣсь есть гораздо больше социального равенства, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Если взять съ одной стороны злоупотребленія земельной аристократіи, колониальную систему и дипломатическое лицемеріе правительства, съ другой сближеніе состояній и отсутствіе религиозныхъ и феодальныхъ предрассудковъ въ народѣ, то въ общемъ итогъ, разница невелика.

За тѣмъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, даже по теоріи Листа, такъ часто повторяемой протекціонистами, Англія и Франція встрѣчаются при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Страна по преимуществу мануфактурная вступаетъ въ обмѣнъ съ страной по преимуществу земледѣльческой; Англія особенно богата минеральными произведеніями, которыхъ недостаетъ Франціи; въ свою очередь, последняя изобилуетъ предметами вкуса и роскоши, въ которыхъ нуждается первая. Какъ близко сходятся ихъ взаимные интересы, это между-прочимъ, видно изъ того, что итогъ ихъ внешней торговли былъ почти равенъ и до заключенія договора. Франція продавала Англіи на 390, а покупала отъ нея на 320 милліоновъ франковъ: это не постоянная, но приблизительная цифра. Наконецъ географическое положеніе этихъ народовъ, неотъемлемое первенство ихъ въ системѣ европейскихъ государствъ и обоюдное ручательство за прочность мира и кредита—все это, какъ нельзя лучше, располагаетъ ихъ къ социальному единству. «Мы не знаемъ, замѣтилъ Брайтъ, въ парламентѣ, болѣе естественнаго и выгоднаго союза, какъ союзъ Англіи съ Франціей. До-тѣхъ-поръ, пока онъ не будутъ раздѣлены промышленными и политическими антипатіями, судьба мира въ ихъ рукахъ, и слово свобода еще не пустой звукъ для человечества».

Не смотря на то, друзья монополя и международныхъ концессій видятъ въ этомъ договорѣ рѣшительное бѣдствіе Франціи. «Насъ продаютъ Англіи», говорятъ одни; «у насъ отнимаютъ послѣднія

средства жизни, а склоняются другіе, и на эти варіаціи распыляется старинная песь для консерваторовъ. Но въ чемъ же страхъ и гдѣ опасность? Посмотримъ?

Первое возраженіе, какъ обыкновенно въ томъ, что наводненіе англійскихъ произведеній угрожаетъ національному труду Франціи. Но что же это за національный трудъ, который боится соперничества съ иностраннымъ? Чтобы составить понятіе о нелъпости этого довода, надо замѣтить, что во французской производительности есть двѣ отрасли труда — *полезнаго*, отвѣчающаго генію и спеціальнымъ условіямъ страны, и *паразитнаго*, неимѣющаго ничего общаго съ національными выгодами. Къ первому разряду мы относимъ плоды земли, шелковыя ткани Ліона и Нима, выдѣлку кожъ Гренобля, издѣлія парижскихъ мастерскихъ — бронзу, мебель, серебряныя и золотыя украшенія, моды и проч. По качеству, изящному вкусу и мѣстнымъ благоприятнымъ условіямъ эти произведенія стоятъ внѣ всякой опасности со стороны конкуренціи. Ко второму классу надо отнести всѣ отрасли труда, которыя требуютъ огромныхъ пожертвованій и не удовлетворяютъ народнымъ потребностямъ; сюда, между прочимъ, принадлежитъ разработка минеральнаго царства, въ-особенности тамъ, гдѣ ни условія природы, ни усилія челоука не могутъ вознаградить действительныхъ потерь въ настоящемъ фантастическими выгодами въ будущемъ. Франція добываетъ каменный уголь изъ 44 минъ, и большей частью, съ такими затрудненіями, что онъ обходится ей отъ 50—100 дороже, еслибъ она перевозила его съ иностраннаго рынка; и за всѣмъ тѣмъ почти половину годовой его пропорціи она принуждена покупать въ Англии, Бельгійи и Германіи. Тоже самое мы должны сказать о разработкѣ желѣза, котораго ввозится до ста тысячъ тоннъ, а потребляется въ промышленности и земледѣліи на 75 милліоновъ каждый годъ. Недостатокъ этихъ двухъ матеріаловъ чувствуется Франціей болѣе сорока лѣтъ; ему отчасти надо приписать замедленіе агрикультурныхъ улучшеній, и великихъ фабричныхъ предпріятій, потому что отъ избытка ихъ зависятъ всѣ главные источники соціального богатства — развитіе морскихъ силъ, постройки желѣзныхъ дорогъ, отопленіе локомотивовъ и фабрикъ, распространеніе механическихъ орудій, однимъ словомъ, удовлетвореніе самымъ существеннымъ нуждамъ народа. Спрашивается, въ чемъ же здѣсь протекція національнаго труда, когда онъ для однихъ обременителенъ, а для другихъ бесполезенъ? Тяжесть тарифа и привилегіи нѣсколькихъ компаній обращаютъ его въ чистый монополь, можетъ быть выгодный нѣсколькимъ производителямъ, но вредный милліонамъ потребителей. И такова участь протекціонной системы; она такъ

близорука и нелогична въ своихъ расчетахъ, что создавая *искусственный трудъ*, во-что бы то ни стало старается придать ему значеніе національнаго труда; ей хотѣлось бы собрать на извѣстномъ пространствѣ всевозможныя отрасли дѣятельности, не обращая вниманія на то, есть ли необходимыя данныя для успѣха ея. Не находя ихъ въ народномъ гениѣ и естественныхъ условіяхъ, она прибѣгаетъ къ искусственнымъ мѣрамъ, къ повышенію пошлинъ, запрещенію иностраннаго ввоза, разнымъ привилегіямъ и поощреніямъ, и для чего?... чтобъ породить тотъ или другой родъ промышленности, котораго по состоянію общества и природы, быть не можетъ. Система забываетъ, что всякая страна имѣетъ свои особенности, свои мѣстныя произведенія, которыми она богаче другихъ. Промышленный міръ, въ своемъ разнообразіи, представляетъ родъ федеративной республики; въ одной части много пшеницы, въ другой риса, въ третій оливковаго масла, въ четвертой чаю и т. п. Само-собой разумѣется, что для каждой изъ нихъ выгоднѣе разрабатывать тѣ произведенія, которыми надѣлена ее природа. Это первое правило истинной экономіи; она потребуетъ менѣе капитала, усилій и времени, чтобъ достигнуть тѣхъ же результатовъ, которые ожидаютъ насъ въ сферѣ чужаго труда. Положимъ, что мы довели до превосходства выдѣлку кожъ и мѣховъ; что же мѣшаетъ намъ промѣнять ихъ на индиго и сахаръ другихъ націй, у которыхъ эти продукты составляютъ источникъ мѣстнаго богатства? Въ такомъ случаѣ выгода и качество на сторонѣ обѣихъ партій? На этомъ законѣ покоится взаимная связь народовъ. Противники свободнаго обмена не хотѣтъ понять, что система ихъ вовсе не покровительствуетъ трудъ, а истощаетъ его, принося въ жертву полезную дѣятельность паразитной. Представьте, что горсть спекуляторовъ задумала развести виноградники въ окрестностяхъ Петербурга, съ тѣмъ, чтобъ обратить ихъ въ національное богатство; положимъ, что какимъ нибудь чудомъ виноградъ привился тамъ, гдѣ кроме березы и осины ничего порядочнаго не выростишь; но чего бы стоилъ этотъ трудъ? Чтобъ обезпечить его существованіе необходимо запретить продажу иностранныхъ винъ, подвергнуть общество систематическимъ лишеніямъ, и за всѣмъ тѣмъ предложить ему вмѣсто превосходнаго французскаго вина какое нибудь подобіе калмыцкаго кумыса. Такими примѣрами исторія европейской промышленности очень богата. Андалузія напримѣръ, пренебрегая мириносами, садится за ткацкія станки хлопчато-бумажныхъ матерій, а Россія, покидая полевныя работы, разводитъ мериносы, и все это дѣлается единственно изъ той ложно-патріотической гордости, — «да какъ же и намъ не имѣть мериносовъ, когда они есть въ Испаніи?» Выборъ и экономія труда суть

первыя условія прогресса его; но французскіе протекціонисты, какъ медики Мольера, дѣйствуютъ въ обратномъ смыслѣ: пусть трудъ будетъ и дорогъ и дурно выбранъ, но только бы націоналенъ, потому что по мнѣнію ихъ независимость отъ иностранныхъ промышленностей есть верхъ социальнаго счастья, какъ будто взять изъ Германіи десять тысячъ лишнихъ поросятъ значить сдѣлаться вассаломъ сольферейна. Для этой фантастической независимости они готовы истратить въ миллионъ разъ болѣе силъ на бесполезный трудъ, чѣмъ сколько его нужно для развитія полезнаго рода ея; они готовы обложить тарифомъ солнечный свѣтъ, чтобъ поддержать торговлю оливковымъ масломъ.

Но что же будетъ съ нашими ремесленниками, работающими теперь на желѣзныхъ и каменныхъ копяхъ? спрашиваютъ они. У людей, которые всего менѣе думаютъ о положеніи работника, являются филантропическіе припадки, когда ихъ привилегіямъ угрожаетъ кризисъ. Свобода труда—никогда и нигдѣ не разорила ремесленника; напротивъ, это единственная стихія, въ которой онъ можетъ жить и дѣйствовать, при современномъ устройствѣ общества. Послѣ уничтоженія корпорацій и цеховъ, послѣ отмены *Corn-law* въ Англіи, состояніе рабочихъ классовъ улучшилось. Иначе и быть не могло: интересъ пролетарія не въ ограниченіи поля дѣятельности, но въ свободной конкуренціи, гдѣ его силы, искусство и усердіе служатъ нормой болѣе справедливаго вознагражденія. Въ самомъ дѣлѣ, кто выигрываетъ въ протекціонной системѣ? Конечно не ремесленникъ, потому что плата его не увеличивается отъ привилегіи; даже не фабрикантъ, котораго расходы возрастаютъ пропорціонально дороговизнѣ цѣвъ, возвышаемыхъ запрещеніемъ; притомъ его тревожитъ постоянное безпокойство за будущее, зависящее отъ каприза правъ, налагаемыхъ правительствомъ, подѣ влияніемъ чисто-случайныхъ обстоятельствъ; наконецъ выигрываетъ не потребитель, потому что миллиардъ франковъ платимой имъ пошлины прямо падаетъ на его карманъ. Но на кого же дождитъ золотой ручей системы? На нѣсколькихъ капиталистовъ миллионеровъ, на Ротшильдовъ, царей биржи и банка. Игра въ акціи великихъ предпріятій, подѣ эгидой покровительства, изъ копейки творитъ миллионъ однимъ магическимъ словомъ: *chance* или *baisse*. Но эти брильянтовые и рубинные дворцы Аріосто разлетаются подобно волшебному сну съ первымъ днемъ свободной торговли.

Относительно ремесленниковъ желѣзно-угольныхъ заводовъ Франціи тѣмъ менѣе можетъ быть опасенія, что реформа застигаетъ ихъ не вдругъ, а исподволь. Притомъ Франція не открываетъ порта для

безусловно-свободнаго ввоза англійскаго угля и желѣза, а только сбавляетъ пошлины, *) слѣдовательно отъ полной конкуренціи еще далеко. Все, что можно ожидать впоследствии — закрытія нѣсколькихъ мастерскихъ, обременительныхъ для народной экономіи, и возбужденія дѣятельности въ другихъ, которые выдержать соперничество съ иностраннымъ рынкомъ. Рабочіе первыхъ, пользуясь переходнымъ состояніемъ, найдутъ себѣ болѣе благодарный трудъ; рабочіе вторыхъ будутъ лучше обеспечены. За тѣмъ не надо забывать общаго состоянія національнаго труда. Досель производительныя силы Франціи чахли отъ недостатка механическихъ орудій, капитала и двухъ главныхъ органовъ въ промышленной дѣятельности—желѣза и каменнаго угля. Съ пріобрѣтеніемъ ихъ отъ Англіи, нѣтъ сомнѣнія, всѣ отрасли труда закипятъ новой жизнью. Шелковыя, льняныя, бумажныя, зеркальныя и ковровыя фабрики, въ последнее время начинавшія упадать, снова поднимутся Обиліе машинъ, экономизируя трудъ и время, поправитъ нравственное состояніе ремесленника, дастъ ему вмѣстѣ съ отдыхомъ досугъ для умственныхъ занятій, и современемъ изъ бѣлаго негра образуетъ свободнаго гражданина. Сбереженіе капитала, изъ котораго третья часть миллиарда, вырванная изъ рукъ государственнаго и частнаго монопола, оплодотворитъ предпримчивость и возвратитъ народному богатству то, что было отнято у него предразсудкомъ касты и привилегій.

Второе возраженіе представителей системы состоитъ въ томъ, что свободный обмѣнъ съ Англіей обратится во вредъ Франціи, съ одной стороны увеличеніемъ иностраннаго ввоза, съ другой относительнымъ уменьшеніемъ вывоза. Здѣсь ложное заключеніе вытекаетъ изъ ложнаго принципа; объяснимъ его. Известно, что для протекціонистовъ мѣрой социальнаго богатства служитъ слѣдующее правило: чѣмъ больше известная страна выпускаетъ за-границу и чѣмъ меньше принимаетъ, тѣмъ экономическое состояніе ея выше. Но что же такое международный обмѣнъ въ коммерціи? Продажа одного національнаго труда за другой національный, и кто хочетъ сбыть первый, тотъ долженъ принять и второй. Это двѣ сестры, говоритъ Боневаль, которыя проходятъ въ одну и ту же дверь: если ее запереть, она будетъ заперта для обѣихъ; если отворить, она будетъ отворена для той и другой. (*Le Travail économisé, par Bonneval. 1855.*)

*) Только съ 1864 года пошлина съ англійскаго желѣза уменьшается на половину, т. е., до 60 франковъ съ тонна вмѣсто 120, взимаемыхъ въ настоящее время. Уголь и коксъ понижаются до той же половины съ 1860 г. 1-го іюля. Слѣдовательно договоръ отнюдь не допускаетъ радикальнаго перелома въ старой системѣ.

Стр. 183) Въ эпоху меркантильнаго торго вообще думали, что чѣмъ больше въ государствѣ денегъ, тѣмъ оно богаче; поэтому выпускъ звонкой монеты считался бѣдствіемъ наравнѣ съ голодомъ и повальной заразой. Теперь кромѣ двухъ-трехъ московскихъ лавочниковъ и петербургскихъ цѣловальниковъ никто не принимаетъ донынѣ за дѣйствительное богатство: они тотъ же товаръ, какъ пеняка и сало, но болѣе удобный для сохраненія, переноски и обращенія въ обществѣ. Въ этомъ — ихъ мировое значеніе. Недавно стали догадываться, что источникомъ соціальнаго богатства служить трудъ, и чѣмъ онъ совершится правильнѣй, экономичнѣй и ововоднѣй, тѣмъ иторъ общественнаго благосостоянія больше. Теперь предположимъ, что годовой трудъ Франціи равняется пяти милліардамъ, изъ которыхъ три обращаются внутри, а два выпускаются за-границу для обмена иностранныхъ произведеній, разумется тѣхъ, которыя ей необходимы и выгодны. Но вотъ является экономистъ и увѣряетъ правительство, что для улучшенія его финансовъ, эти два милліарда можно удержать дома. Спрашивается, какъ удержать ихъ. Для этого, конечно, есть два средства: разработать иностранныя произведенія у себя дома или запретить народу тѣ потребности, которыя онъ въ нихъ чувствуетъ. Последняя мѣра есть безумный парадоксъ, непримѣнимый на дѣлѣ, при самомъ деспотическомъ правленіи. Что же касается перваго случая, теорія полной независимости въ промышленномъ мѣрѣ есть чистая утопія. Мы уже сказали, что ни одна страна не можетъ обойтись безъ помощи другой. *La France suffit à elle seule* это школьная фраза опровергается на каждомъ шагѣ въ жизни. Франція пьетъ кофе, шоколадъ, чай, какао, поситъ каучукъ, вотъ множество рису: есть ли возможность завести все это дома? Нѣтъ. Следовательно *la France ne suffit pas à elle seule*. Но если она не можетъ производить у себя, напримѣръ, бумажно-шерстяныя ткани, и опять только потому, чтобъ не покупать ихъ изъ иностранныхъ рукъ, то здѣсь представляется другой вопросъ, самый простой и логическій для всякаго умнаго хозяина: могу ли я дѣлать ихъ дешевле и лучше, чѣмъ Англія и Америка? Если могу, тогда я останусь въ выгодѣ; если же я истрачу вдвое больше капитала, чѣмъ стоило бы мнѣ купить эти ткани у другаго народа, тогда ужъ это будетъ не политическая экономія, а какая-то галиматья. Не лучше ли мнѣ сосредоточить и увеличить трудъ на такомъ предметѣ, въ которомъ я сберегу вдвое больше силъ и средствъ, притомъ же успѣхъ, и промѣнять его на то, что дешевле и лучше на чужомъ рынкѣ. Кажется, это ясно; но протекціонистамъ непременно хочется перенести къ себѣ шведскіе и ньюкастельскіе рудники, кофе Ара-

нин; ледь Балтійскаго моря. Нельзя ли ужь развести, кругомъ Версаля, и опиумъ, чтобъ дурачить публику не одними теоріями національнаго консерватизма но и наркотическимъ порошкомъ.

Такимъ образомъ уничтожая ввозъ, мы уничтожаемъ и вывозъ. Равновѣсіе ихъ, при свободномъ обмѣнѣ, опредѣляется очень просто — во-первыхъ потребностями страны, и во-вторыхъ ея избыткомъ. Здѣсь есть положительная граница, dalje которой идти нельзя. Ни Франція, ни Турція не могутъ купить больше того, сколько могутъ заплатить, иначе говоря, обмѣнится одинъ народный трудъ на другой, и ни больше, ни меньше могу взять извѣтъ, сколько самъ произвожу у себя. Бѣдные народы не тѣ, которые покупаютъ много (напротивъ, это самые богатые), а тѣ, которые мало и дурно работаютъ мозгомъ и рукой.

По настоящую пору Франція вывозила изъ Англіи на 178 милліоновъ сырыхъ продуктовъ и на ту же сумму отпускали ей фабричныхъ произведеній. «Неизбѣжнымъ результатомъ, прибавляетъ Кавендиль Перье, будетъ измѣненіе этихъ пропорцій. Мы возьмемъ у Англіи менше сырыхъ предметовъ, а она придастъ намъ болѣе мануфактурныхъ.» (Стр. 43.) Главное опасеніе, какъ и надо было ожидать, въ томъ, что вина и спиртуозные напитки, составляющіе самый значительный итогъ въ расчетахъ торговаго трактата (въ 1857 году продано ихъ Англіи на 48,000,000 франковъ — и это приблизительно постоянная цифра), немногимъ увеличатся. Почему? Потому что, утверждаетъ система, средній и ремесленный классы предпочитаютъ пить пиво. Сколько мы знаемъ Англію, желаніе пить французское вино доходитъ въ ней до страсти, и если бѣдное большинство предпочитаетъ ему пиво, то во вовсе не по вкусу, а потому, что нарижскій работникъ пьетъ обыкновенное вино по 14 су (70 к. асс.) за литръ, а лондонскій долженъ платить за него болѣе трехъ франковъ. 150 на 100 пошлины отнимаютъ всякую возможность пользоваться французскимъ виномъ у девяти частей британскаго народонаселенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пониженіе цѣвъ увеличитъ потребность въ колоссальныхъ размѣрахъ. Притомъ, надо разсчитывать не на одну Англію, но на весь огромный рынокъ ея. Средства дешеваго привоза и всесвѣтныя ея коммерческія сношенія открываютъ французскому вину 380 разныхъ національныхъ портовъ. То же должно сказать и о предметахъ роскоши, принимаемыхъ Англіей отъ Франціи; теперь она продаетъ ихъ каждый годъ на 108,000,000; почему же не предположить, что, съ пониженіемъ тарифа, она не продастъ ихъ вдвое, и въ десять разъ больше съ полнымъ уничтоженіемъ его? Неужли опять помышляетъ *сукс* или та антипатія,

но которой некогда набожный лордъ не хотѣлъ нить чашу съ сахаромъ, «занятнаннымъ рукой раба-негра?» Но такихъ патриотовъ въ наше время мало, тѣмъ меньше ихъ въ Англіи, гдѣ жажда комфорта и роскоши составляетъ вторую религію. До закона Эзеннуса, поставившаго Парижъ въ блокадно-полицейское состояніе, здѣсь безсмысленно жило около ста тысячъ англичанъ. Что заставляло ихъ высылаться на континентъ? желаніе болѣе удобной жизни. Въ Лондонѣ двадцать тысячъ франковъ едва достаютъ семейству для самаго умереннаго продовольствія, а въ Женевѣ, Парижѣ, Флоренціи и Орлеанѣ съ тѣмъ же состояніемъ оно позволяетъ себѣ некоторую роскошь. И рѣдкая леди, оставляя французскій берегъ, не везетъ подъ крыльями на 100 или 200 фунтовъ изящныхъ вещей, которыми ее, вмѣстѣ съ русскими прохожими большихъ европейскихъ дорогъ, надуваютъ безсовѣстные купцы Пале-Рояля. Все это доказываетъ, что симпатіи и антипатіи въ экономическихъ расчетахъ націи ничего не значатъ; и если Англія пьетъ много пива, а Россія квасу, то не изъ этого же слѣдуетъ, чтобъ пиво или квасъ были лучше или здоровѣе французскаго вина, но они дешевле и потому доступнѣе массамъ. Въ средніе вѣки не шутя думали, что голубя и фазана могутъ вѣть только одинъ себѣры и что *вротой* человекъ отнюдь не достоинъ этой пищи. Это не удивительно: въ эту эпоху также думали, что первая ночь дѣвушки, выходящей замужъ за вассала, безспорно принадлежитъ феодалу. Но все это давно забыто, и въ наше время социальная наука стремится къ тому, чтобъ распространить между массами тѣ же удобства жизни, которыми доселѣ пользуются одни привилегированныя сословія. Если же цѣль недостижима на землѣ, тогда остается жалѣть, что планета наша не погибла въ первую минуту своего творчества.

Съ другой стороны Франція не только не теряетъ, но выигрываетъ относительно самыхъ продуктовъ взаимной торговли. Отпуская Англіи вина и вообще предметы роскоши, она беретъ отъ нея все, что удовлетворяетъ большинству ея потребностей. Бумажно-шерстяныя ткани одѣвуть бѣднѣе народонаселеніе ея; желѣзо, уголь и машины приведутъ въ движеніе ея фабрики и мануфактуры, удешевивъ содержаніе ихъ и увеличивъ итогъ производительности. Въ настоящее время Франція экономизируетъ свой трудъ подобно скутому Эзопу, который убиваетъ курицу, чтобъ достать изъ нея золотыя яицы, — то есть, при недостаткѣ механическихъ средствъ и промышленной конкуренціи, она ищетъ дешевизны въ пониженіи рабочей платы, биржевыхъ спекуляціяхъ и въ ремесленныхъ компа-

нихъ, образуемыхъ подъ рукою правительства и переходящихъ въ цехи. Союзъ съ Англiей откроетъ ей новые источники труда, облегчитъ его исполненiе и сообщитъ энергiю, которой ему особенно не достаетъ.

Наконецъ система предвидитъ невыгоды въ самомъ нравственномъ положенiи Францiи относительно Англии. Последней она отдастъ превосходство въ коммерческомъ гениѣ, въ обилiи капиталовъ, въ твердости конституционныхъ началъ и въ духъ предприимчивости. Все это справедливо, и мы особенно довольны такимъ признанiемъ со стороны людей, которые, въ чадѣ патристическаго озьяненiя, прежде не хотѣли видѣть ничего выше Францiи. Давно ли они говорили, что она стоитъ въ головѣ мировой цивилизацiи, раздастъ славу, образованiе и великiя идеи воимъ народамъ, а теперь находятъ ее бѣдной, отсталой и тупой сравнительно съ могучимъ соседомъ. Для софистовъ всякое оружiе по-плочу, если они хотятъ защищать ложь и лицемерiе своего ученiя. Мы не изъ тѣхъ, кто отпзываетъ Францiю, какъ трупъ, безъ капли теплой крови и биенiя соціальнаго пульса, ограничивая наблюденiя надъ ея внутренней жизнью по тремъ улицамъ Парижа, но мы и не за тѣхъ, кто навязываетъ ей небывалыя добродѣтели и по фасаду Лувра заключаетъ о ея величiи. Въ современной Францiи ясно отдѣляются два потока жизни съ противоположнымъ направлениемъ и различными цѣлями — жизни правительственной и народной. Они стоятъ другъ передъ другомъ во всеоружiе готовыхъ бойцовъ, выжидая первой удачной минуты, чтобъ рѣшить давнишнiй споръ. Здѣсь это раздвоенiе тѣмъ глубже, что слѣды первой революцiи напечатлѣлись рѣзче; послѣ радикальнаго перехода въ исторiи старой Францiи, въ ней постепенно совершается процессъ мысли и гражданскаго воспитанiя въ массахъ, которое незамѣтно готовитъ народу новую жизнь въ будущемъ. Это Францiя рабочая, думающая, не плачущая и ненавидящая. Рядомъ съ ней стоитъ другая — бюрократическая, въ которой все дряхлѣетъ и замираетъ, поступааясь передъ шапоромъ свѣжихъ силъ. Кто хочетъ произнести вѣрный приговоръ надъ судьбой этой страны, тотъ долженъ понимать различiе этихъ началъ, и не спешить панеги риками или укорами нацiи, которая, какъ усталый богатырь, спитъ до первой минуты пробужденiя. Мы стоимъ въ виду нашего вѣка простыми зрителями, но не дѣятелями и судьями; мы видимъ, что передъ нами валится ветхое зданiе, но что будетъ построено на его мѣстѣ и кому будетъ принадлежать творчество, этого никто не знаетъ. Но со-

любъ Франція, действительно, была по отношенію къ Англіи немного лучше полуострова Сирія или Палестины, то почему же торговый союзъ ея повредитъ ей? «Англія, говорятъ протекціонисты, овладѣетъ нашимъ внутреннимъ рынкомъ и воспользуется нашей неопытностью въ промышленныхъ расчетахъ.» Но отъ кого же зависить эта простота, похожая на боязнь лѣниваго школьника, нежелающаго имѣть дѣла съ умнымъ товарищемъ только потому, что онъ умнѣй его? Если Англія выше Франціи, коммерческимъ смысломъ и социальнымъ развитіемъ, то разумѣется, этотъ даръ упалъ на нее не съ неба, а былъ плодомъ долговременнаго воспитанія въ школѣ гражданской свободы и широкой промышленной дѣятельности. Что же мѣшаетъ Франціи пріобрѣсть эту способность? Неужели, продолжая исключительное положеніе и варварскую систему социального аскетизма, оно скорѣе дойдетъ до промышленнаго прогресса, чѣмъ участвуя въ общеловческихъ интересахъ? Посмотрите, г.г. протекціонисты, на Неаполь, къ чему привела ваша система, соединенная съ грубымъ деспотизмомъ, одну изъ прекраснѣйшихъ частей земнаго шара. Она служитъ обидой, оскорбленіемъ человеческому имени, будучи нѣкогда роскошнѣйшимъ садомъ Европы. И еслибъ вы могли отдѣлиться хоть на нѣсколько часовъ отъ духа партіи, то вы согласились бы, что та же причина замедляетъ ваше собственное экономическое развитіе. Рутинна, какъ ночной духъ зла, задушила въ васъ много чудесныхъ силъ, энергій и обезсмыслила историческую логику событій, и вы въ той же рутинѣ ищете какой-то національной независимости и богатства. Союзъ вашъ съ Англіей, въ этомъ отношеніи, благотворный союзъ; онъ разовьетъ во Франціи нивы социального чувства, заставитъ ее оцнить значеніе истиннаго труда и его результатовъ, и откроетъ ей борьбу, въ которой крѣпнуть силы великихъ и счастливыхъ народовъ. Только апатія и жалкое безсиліе боится борьбы и состязанія.

Намъ остается жалѣть не о томъ, что Франція разстается съ протекціонной системой, а о томъ, что настоящая реформа ея разрѣшаетъ вопросъ только въ половину. Но мы горячо сочувствуемъ и этой половинѣ, увѣренные въ томъ, что опытъ оправдаетъ истинную идею и въ грядущемъ поколѣніи возбудитъ желаніе осуществить ее вполне. Затѣмъ мы радуемся, что *покровительство* человеческого труда тамъ, гдѣ оно скорѣе мѣшаетъ дѣлу, чѣмъ помогаетъ ему, оканчивается вмѣстѣ съ другими предрасудками вѣка. «Какъ все прочія болѣзни человеческого мозга, заключимъ словами Боневалля, эта болѣзнь также проходитъ. Часъ пробилъ: долгое царство про-

тектонической системы умереть для блага человечества и останется въ исторіяхъ какъ одно изъ печальныхъ заблужденій нашего ума. Потомство удивится, что такъ долго дурало насъ звучное и дурно понятное слово». (Le Travail économisé, par Bonnevay. Стр. 247.)

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

Парижъ, 1860 г. 20 апрѣля.

КРИТИКА.

КОБЗАРЬ, Тараса Шевченка. Коштомъ Платона Семеренка.
С. Петербургъ. 1860.

Если мы скажемъ, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ, задерживающихъ самостоятельное развитіе челоуька, помимо бѣльшей или мѣньшей тупости или воспримчивости, косности или подвижности, силы или безсилія его ума, едва ли не слѣдуетъ поставить общую, хотя въ разныхъ степеняхъ выпавшую на долю каждаго челоуька слабость къ авторитету, въ какомъ бы смыслѣ ни принималось это слово и въ какой бы формѣ ни проявлялась эта болѣзнь челоуьческой расы,—то сомнѣваемся, чтобы кто-нибудь сталъ опровергать эту весьма простую истину и едва ли кому-нибудь такая мысль покажется особенно новою. Но къ сожалѣнію болѣзнь эта, повидимому мало разрушительная, хотя въ сущности гибельная и досихъ-поръ неизлѣчимая, проявляется иногда въ такихъ привлекательныхъ формахъ, сила авторитета бываетъ нерѣдко до того обаятельна, что мы готовы съ негодованіемъ отвергать ту неопровержимую истину, что служеніе этому авторитету, а съ нимъ вмѣстѣ поклоненіе старинѣ, вѣра въ преданіе, какую бы идею оно не скрывало въ себѣ, способность привязчивости, безъ размышленія и даже пожалуй по даста точномъ размышленіи, къ тому, что гармонируетъ съ нашими внутренними побужденіями,—что все это, если бы только у насъ достало силы не поддаваться увлеченіямъ или принятымъ отъ старины на слово върваніямъ, должно бы быть подведено, какъ не имѣющее разумнаго основанія, подъ категорію предрасудковъ и потерять часть того уваженія, которымъ Богъ-вѣсть почему пользовалось досель. Мы не разумемъ здѣсь китайскаго піэтизма, хотя въ

сущности онъ также вреденъ на Востокъ, какъ и на Западъ, также останавливаетъ движеніе впередъ въ Лондонъ, какъ и въ Шанхай; но говоримъ о нашемъ европейскомъ поклоненіи передъ тѣмъ, чему привыкли кланяться издавна, чему принято кланяться, — о чрезвычайномъ развитіи шишки венерацин (говоря языкомъ френологовъ), которая, невидимо для насъ, задерживаетъ поступательный ходъ человѣческаго развитія. Не думаемъ, чтобы эта истина требовала доказательствъ, — ихъ слишкомъ много, притомъ они всѣмъ, кажется, известны. Да и стоитъ ли трудиться приводить ихъ, когда вся исторія человечества, представляетъ непрерывный рядъ доказательствъ этой простой истины? Еще меньше она нуждается въ поясненіяхъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы всѣми одинаково принята была за непреложную истину та простая мысль, естественно вытекающая изъ перваго положенія, что на сколько наше развитіе задерживается поклоненіемъ авторитету, старинѣ и преданію, на столько же, или почти на столько, если въ иныхъ случаяхъ и не больше, задерживается оно нашимъ продолжительнымъ сочувствіемъ къ тому, что было прекрасно, истинно, полезно и разумно въ свое время, при известныхъ обстоятельствахъ и при известныхъ условіяхъ, однимъ словомъ — постояннымъ сочувствіемъ къ тому, что прекрасно, истинно, полезно и разумно — не безотносительно. Мы выразимся короче и, быть можетъ, понятнѣе, если скажемъ, что только служеніе абсолютной идеѣ (добра, истины и т. д.) должно быть законно и разумно. Та разница между поклоненіемъ авторитету и этимъ служеніемъ идеѣ, не безотносительной конечно, что первое должно быть положительно отвергаемо, а на второмъ не должно бы останавливаться долго; по крайней мѣрѣ дольше того, сколько слѣдуетъ. Вѣчное стоянье на одномъ мѣстѣ едва ли не вреднѣе, если позволительно такъ выразиться, нравственнаго мыканья изъ угла въ уголъ, съ мѣста на мѣсто.

Безъ сомнѣнія мы не ошибемся, если скажемъ, что какъ въ писателѣ, такъ и въ художникѣ и то и другое положительно вредно, хотя не можемъ отвергать, что и то и другое естественно. Неразумное поклоненіе авторитету не должно имѣть мѣста ни въ жизни, ни въ наукѣ, ни въ мірѣ отвлеченностей; оно должно быть изгоняемо во всемъ, какъ начало косности. Не всему вѣрь, о чемъ всѣми сказано, и сказано пожалуй давно, что это дѣло рѣшенное, надъ чѣмъ повидимому не предстоитъ труда задумываться. Иначе придется вѣрить всему, чему принято вѣрить на слово. Отвергая авторитетъ, мы не можемъ не пожалѣть художника и писателя, положимъ не признающихъ авторитета, но глубоко сочувствующихъ

прежде бывшимъ образцамъ. Это сочувствіе какъ оно ни прекрасно, не должно однако закрывать передъ нами жизнь, съ ея новыми образцами, съ ея видоизмѣненіями. Увлеченные высокими образцами старины, поглащенные созерцаніемъ ихъ и изученіемъ, они могутъ не замѣтить, что жизнь, проходящая мимо ихъ, творитъ новые образы и формы, даетъ новыя идеи, не подмѣченные прежде. Едва ли мы также скажемъ что-нибудь особенно новое, если припомнимъ, что поклоненіе признаннымъ образцамъ, повтореніе стараго, убило собой греческое искусство, которое перестало идти рядомъ съ жизнью и по слѣдамъ народнаго развитія, а начало жить преданіемъ, и оказалось несостоятельнымъ, когда жизнь выдвигала впередъ новыя идеи и новыя требованія, когда все, что имѣло смыслъ, стало разумно сочувствовать Аристофану и только по преданію, по привычкѣ продолжало сочувствовать Эсхилу и Софоклу. Оттого какъ ни прекрасны произведенія новой художественной школы, какъ напримѣръ Аполовъ Бельведерскій, группа Лаокоона и Венера Медицейская, они все-таки были только подражаніемъ прежде бывшимъ образцамъ и ими кончалось греческое искусство, потому что новыхъ образцовъ, сообразно требованіямъ жизни, не умѣли создавать или скорѣе не догадывались, что созданіе ихъ возможно, а прежніе оказались несостоятельными. Впрочемъ, это такая старая исторія, что ее уже не стоить поднимать. Нѣтъ сомнѣнія, что мы будемъ болѣе поняты, если напомнимъ читателю нѣкоторые факты изъ исторіи нашего собственнаго развитія. Поклоненіе авторитету и служеніе временнымъ идеямъ постоянно тяготѣло надъ русской мыслью. Если бы Пушкинъ былъ живъ, онъ охотно отказался бы теперь отъ нѣкоторыхъ своихъ произведеній, навязанныхъ ложными идеями извѣстнаго времени, которыми, онъ при всемъ своемъ умѣ и ясности взгляда, нелогично увлекался и которыя потомъ оказались несостоятельными. Думаемъ, что тоже самое увлеченіе отняло двадцать лучшихъ лѣтъ изъ жизни нашего художника Иванова, и хотя геній его вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы между идеєю, которой онъ отдалъ безъ раздѣла все лучшія силы своего духа, и жизнью, отъ которой у него достало воли отвернуться, однако побѣда выиграна была уже слишкомъ поздно, когда собственная жизнь художника была уже убита во имя извѣстной идеи, убита, правда, не безплодно, но—при всемъ томъ какъ-то думается, что отъ такого генія, какъ геній покойнаго художника, мы были бы вправѣ ожидать больше, чѣмъ онъ оставилъ намъ.

Правда, сила авторитета и вліяніе извѣстныхъ идей почти не отрезимо и подчиненіе имъ вполне естественно, это совершенно спра-

ведливо, но ведь не менее справедливо и то, что не все естественное должно иметь право на законное существование; не все естественное необходимо. Притомъ, влияние идей, равно какъ и сила авторитета могутъ быть действительны и терпимы только до известной степени, какъ всякая моральная сила; воздействие той и другой силы на человека подчинено известнымъ законамъ: въ первомъ случаѣ (влияніе идей) оно прямо пропорціонально степени восприимчивости субъекта; во второмъ (действие силы авторитета) обратно пропорціонально внутренней его самостоятельности или прямо пропорціонально его духовному безсилію. Не унижительно, хотя и не похвально, слѣпое подчиненіе первой силѣ; но унижительно для человека полное подчиненіе второй, подчиненіе авторитету, конечно не преднамеренное, совершается вѣз всякихъ разумныхъ основаній, по какому-то животному побужденію; подчиненіе же идеѣ совершается разумно и сознательно до известной степени. Первое дѣлается безъ участія головы и сердца; во второмъ случаѣ и голова и сердце принимаютъ дѣятельное участіе. Увлеченіе идеєю можетъ быть неразумно въ такомъ только случаѣ, когда идея ложна; тогда какъ подчиненіе авторитету всегда неразумно, — это крайняя степень незрѣлости, безсилія и умственной косности.

Сужденіе о литературныхъ произведеніяхъ, равно какъ и о всякомъ предметѣ человеческой дѣятельности, съ этой точки зрѣнія кажется намъ самымъ естественнымъ и рациональнымъ, и едва ли оно будетъ ошибочно. Мы думаемъ, что другаго сужденія и не должно быть: поелѣ объяснимся, почему мы принимаемъ именно эту точку зрѣнія.

Не станемъ говорить, почему съ половины тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ передовыхъ людяхъ Малороссіи явилось стремленіе къ ближайшему ознакомленію съ исторією и жизнью народа, изъ среды котораго вышли эти люди. Явленіе въ сущности понятное и естественное. Это — своего рода эпоха возрожденія, начинающаяся всегда анализомъ того, что и какъ прожито; это — раскапыванье могилы дорогого покойника, утрата котораго въ такое время чувствуется живѣе и сознательнѣе, — эпоха смутнаго сознанія своихъ силъ, которыя нѣтъ исхода, но которыя ищутъ дѣятельности, и пока еще не имеютъ ни точки опоры, ни точки отправленія. Подобное явленіе бываесть слѣдствіемъ потери безсознательнаго вврованія или подчиненія авторитету, начало самостоятельности пробуждающихся силъ, начало нравственной эмансипаціи. Но по привычкѣ ли, вслѣдствіе ли слабости и незрѣлости, пробуждающіяся силы, сбрасывая съ себя тяжесть авторитета, ищутъ новой опоры, новаго авторитета, но только на болѣе разумныхъ основаніяхъ, по свободному выбору; — дѣти начинаютъ ходить на своихъ ногахъ, но еще придерживаются за стулья,

превращаются за отомы, ходятъ по стынкѣ. Имъ нужна все-таки опора; примыръ, образецъ,—и эти примыры ученые и литераторы находятъ въ изученіи исторіи отжившихъ народовъ, въ ихъ жизни и литературѣ, художникъ—въ изученіи классическихъ образовъ. И здѣсь начинается новое подчиненіе мысли и воли, новое служеніе авторитету, старинѣ и преданію, новая «крыль и запись». И ты и другія снова начинаютъ жить чужой жизнью, часто во имя отжившей идеи, жизнью, правда, болѣе сознатательною, но не свободною, и долго еще остаются «кривыми» этому авторитету, этой старинѣ, хорошо еще, если остаются только кривыми болѣе или менѣе жизненной идее. Но этого перехода не совершается даромъ; онъ вырабатываетъ болѣе или менѣе положительное сознаніе, хотя самъ служитъ только подготовкою къ болѣе разумной дѣятельности. Такова судьба всѣхъ эпохъ возрожденія, великихъ и маленькихъ, греческихъ, германскихъ, англо-саксонскихъ и другихъ.

Едва ли есть возможность положительно опредѣлить время, съ котораго начинается обыкновенно известная эпоха возрожденія, какъ нельзя положительно указать, гдѣ конецъ древней или средней исторіи человѣчества, гдѣ черта слиянія прѣсной рѣчной воды съ соленой морскою, или начало общественнаго поворота въ пользу известныхъ идей. Вліяніе и преобладаніе авторитета далеко заходятъ и въ самую эпоху возрожденія, точно также какъ нравственная эмансипація начинается иногда очень рано, не рѣдко въ эпоху самаго абсолютнаго владычества нравственнаго авторитета, хотя это освобожденіе мысли бываетъ почти единично, въ видѣ исключеній, начинается такъ сказать спорадически. Какъ почти все еще не усвѣвшее войти въ сознаніе большинства, еще не понятое массою, не усвоенное ею, одними словомъ, не получившее правъ гражданства,—и это нравственное освобожденіе вызываетъ противоборство старыхъ началъ, жестокую борьбу отживающаго съ тѣмъ, что начинаетъ жить, и уверное владѣніе того, что еще слабо числомъ, но сильно принципомъ. Однако борьба рѣдко оканчивается въ пользу стараго, хотя самыя победы новыхъ началъ также рѣдко бываютъ полны и почти никогда не бываютъ блистательны.

Съ половинны тридцатыхъ годовъ, да пожалуй и раньше, пожалуй неже, началось изученіе исторіи южной Россіи и, отчасти, ознакомленіе съ самимъ народомъ, который некогда дѣйствовалъ на исторической аренѣ, составившей съ того времени предметъ изслѣдованія небольшого числа ученыхъ. Это-то время и было слабымъ подобіемъ эпохи возрожденія, какою она была у другихъ историческихъ народовъ, порою нравственнаго пробужденія,— и вотъ началось некакимъ

нового авторитета, въ старинѣ, въ преданіяхъ, во всемъ, что жила когда-то и уже немогло жить слова. Этотъ авторитетъ и былъ точкою опоры ребенка, начинавшаго ходить. Первыми нравственными эмансипаторами въ эту эпоху являются братья Пассеки, Срезневскій, Бодянский и очень ограниченное число другихъ. Но въ то время, когда эти немногіе дѣятели неутомимо работали надъ изученіемъ южнорусской старины, въ ряду ихъ начали показываться люди какъ-будто уже другой эпохи, пожалуй ихъ же современники, даже однолѣтки, многимъ обязанные своимъ собратьямъ, ими же возбужденные и призванные къ дѣятельности, но люди другаго уже закала, съ иными побужденіями. Такъ было всегда и едва ли когда либо будетъ иначе. Во всякомъ обществѣ, какъ и въ небольшомъ кружкѣ людей, повидимому одинаково сочувствующихъ известнымъ идеямъ, одинаково стремящихся къ известнымъ цѣлямъ, одинаково развитыхъ и направленныхъ, всегда найдется двѣ-три личности, которыя, находясь подъ вліяніемъ, казалось бы, однихъ и тѣхъ же условій съ остальнымъ обществомъ, носятъ уже въ себѣ зародышъ другаго развитія, иныхъ стремленій, чѣмъ та среда, которая воспитала ихъ. Въ сущности, стремленія ихъ тѣ же, что и стремленія общества, воспитавшаго ихъ, но въ этихъ немногихъ индивидуумахъ известныя стремленія массы, омутно ею сознаваемыя, находятъ болѣе сочувствія:—въ нихъ они, какъ лучи свѣта въ фокусъ оптического зеркала, отражаются полнѣе, и не разбиваются, не скользятъ по поверхности и не теряютъ своей силы. Эти новые дѣятели, вышедшіе изъ той же школы, какъ и поименованные сейчасъ, и работавшіе съ ними вмѣстѣ, во имя того же авторитета старины, но съ примѣсью чего-то новаго, были Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко и немного другихъ. Первые, а еще болѣе послѣдніе начали собой новую эпоху возрожденія, то-есть, систематическаго изученія южнорусской народности, эпоху уже не абсолютнаго поклоненія авторитету старины, и эпоху его отрицанія и разумно сознательнаго сочувствія известнымъ идеямъ, хотя тѣмъ не менѣе съ примѣсью увлеченія, а съ нимъ вмѣстѣ и некоторой односторонности.

Въ этой семьѣ ученыхъ, работавшихъ для одного и того же дѣла, историковъ, археологовъ, издателей памятниковъ старины, собирателей народныхъ думъ, пѣсенъ, преданій и повѣрьевъ Шевченко отонѣтъ какому-то особнякомъ, личность эта выдается какъ-то особенно рельефно, и въ то же время она необходима въ этой дружной семьѣ, хотя Шевченко не былъ собственно ни историкомъ, ни археологомъ, ни издателемъ памятниковъ. Глубоко-поэтическая натура его живо принимала въ себя образы и идеи минувшихъ вѣковъ роднаго народа,

изученію которыхъ отданы были все лучшія силы этого маленькаго кружка ученыхъ, и оживотворила ихъ въ стихъ, подобнаго которому не было прежде. Но Шевченко не безъ раздѣла отдался авторитету старины, не весь погрузился въ созерцаніе того, что отжило свой вѣкъ и не могло да и не должно было жить снова; для него было недостаточно глядѣть только назадъ да плакать о томъ, что прошло, вспоминать о покойникѣ; съ скорбью о мертвецѣ постоянно связывалась идея о жизни и о тѣхъ, которымъ вынала на долю жить такъ или иначе. Для него старина на столько имѣла право на вниманіе, на сколько она отвѣчала его идеѣ о народности, говорила о жизни и ея надеждахъ, однимъ словомъ—помогала его собственной инициативѣ. Прошедшее служило только формой, матеріаломъ для его созданій, но отнюдь не образцомъ и не идеаломъ жизни, какъ для художниковъ новѣйшихъ школъ произведенія старины составляютъ и идеалы и единственные образцы, а возможное приближеніе къ этимъ образцамъ конечную цель ихъ дѣятельности. Не въ прошедшемъ онъ искалъ идею, а искалъ ее въ настоящемъ, въ жизни, въ людяхъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ ихъ радостяхъ и надеждахъ, — и онъ находилъ эту идею, хотя и самъ онъ отчасти не чуждъ былъ увлеченія и односторонности, что мы узнѣемъ доказать въ свое время. Для него авторитетъ существовалъ въ известной идеѣ, — ложна ли она была или нѣтъ, до этого намъ нѣтъ дѣла, идеи не смѣемъ трогать. Но все-таки здѣсь мы видимъ больше свободы мысли и дѣла, чѣмъ во всехъ художникахъ и музыкантахъ новыхъ временъ, которыхъ дѣятельность рѣдко соединяется съ известною идеею, но которыхъ по рукамъ и по ногамъ связываетъ авторитетъ школы, стили; все они болѣе или менѣе рабы методъ, ношибовъ и школъ — Рафаэля, голландской, Моцарта, Бетховена; все они, за исключеніемъ немногихъ, рабы классицизма, вне котораго, по ихъ понятію, нѣтъ спасенія.

Если мы не ошибаемся, то, кажется, едва ли не до-сихъ-поръ, пользуется авторитетомъ, въ дѣлѣ сужденія о художественныхъ произведеніяхъ, старая клевета, или пожалуй и не клевета на самодѣятельность человеческого разума; но во всякомъ случаѣ странная, несовсѣмъ логическая мысль о тождествѣ поэта съ птицей; будто при созданіи художественнаго произведенія совершается тотъ же процессъ, тѣ же побужденія, которыя заставляютъ соловья свистать, воробья чирикать, ворону, сидящую на крышѣ, каркать и такъ далѣе. Иначе мы не можемъ понять известнаго стиха.

Joh singe wie der Vogel singt.

Пожалуй, въ этомъ изреченіи есть доля правды, но только доля. Признавая его справедливость, мы никакъ бы не могли вынутаться

изъ лабиринта противорѣчій при сужденіи по этой мѣркѣ, о томъ, что художественно и что не художественно, потому что и хорошее и дурное, умное и безтолковое, дѣло и вздоръ—все говорится и пишется по естественному закону, вслѣдствіе известныхъ побужденій. Иначе мы должны бы были въ равной степени довольствоваться отвѣтомъ глупца, который на вопросъ: почему вы сказали вздоръ, отвѣтилъ бы такъ—сказалось: *ich singe* и т. д. какъ и подобной фразой поэта: «такъ — написано: *ich singe wie der Vogel singt.*» Наконецъ мы бы еще болѣе запутались въ противорѣчіяхъ, когда приложили бы эту мѣрку къ оцѣнкѣ такихъ произведеній, въ которыхъ самъ художникъ объясняетъ и дѣли, и чувства, и побужденія, руководившія имъ въ минуты творчества; для насъ не имѣла бы смысла извѣстная фраза, которою Ювеналъ начинаетъ свои сатиры — *semper ego auditor tantum?* — какъ и собственное признаніе Гейне о минутахъ его вдохновенія. Эта мѣрка никоимъ образомъ не подходитъ и къ оцѣнкѣ поэта, имя котораго выставлено въ заголовкѣ нашей статьи. Шевченко тѣмъ именно знаменателенъ въ исторіи украинской письменности, что онъ началъ пѣть не потому что пѣлось, а потому что онъ не могъ не пѣть. Другіе изъ его современниковъ писали, можетъ быть, именно потому, что писалось, но крайней мѣрѣ въ ихъ произведеніяхъ мы не находимъ даже намека на какія-либо другія побужденія; а онъ самъ сознается, что не хотѣлъ писать; что не Богъ-вѣсть какіе восторги выводили его на Божій свѣтъ съ его думами; да если бы онъ и не сказалъ этого, то достаточно было прочесть два-три его стихотворенія, чтобы прійти къ тому же самому заключенію. Почему-то болью сжимается сердце, когда, раскрывая сборникъ стихотвореній Шевченка, останавливаешься на коротенькомъ прологѣ къ этимъ стихотвореніямъ. Кажется, вѣтъ тутъ ни особенной мысли, почему-либо могущей остановить на себѣ ваше вниманіе, ни идеи, которая бы не могла вамъ встрѣтиться въ иномъ даже плохомъ произведеніи; но тутъ есть что-то такое, чего вы объяснить не можете, что задѣваетъ васъ за живое, и вы невольно чувствуете, что это говоритъ человекъ «власть имѣющій». Можетъ быть, виною всему этому что-нибудь весьма простое; можетъ быть, васъ трогаетъ только гармонія языка, какъ иногда застаиваютъ усиленно биться ваше сердце звуки русской пѣсни, самой пустой по содержанію, но голоомъ выражающей то, что не выражено, не подъ силу выразится въ словахъ; можетъ быть, причиною всему ваши нервы: — но вы не можете не сознаться, что это хорошо, хотя конечно, у него же вы найдете много лучшаго. Говорятъ однако, что это-то и есть признакъ сильнаго таланта. Можетъ быть. Впро-

чемъ, этимъ прологомъ едва ли не объясняется весь характеръ поэзіи Шевченка, и самыя веселыя, игривыя мотивы, встрѣчающіеся, правда, очень рѣдко въ его стихотвореніяхъ, не могутъ заставить читателя забыть этой скорбной рѣчи, которая открываетъ собою рядъ послѣдующихъ произведеній.

Думи мої, думи мої,
 Лихо мині зъ вами!
 На що стали на папєрі
 Сумними рядами?
 Чомъ васъ вітеръ не розвіавъ
 Въ степу, якъ ниліну?
 Чомъ васъ лихо не приспало,
 Якъ своєю дитину?

Бо васъ лихо на світъ на сміхъ породило
 Поливали слези.... чомъ не затопили,
 Не винесли въ море, не розмили въ полі?
 Не питали бъ люди, що въ мене болять,
 Не питали бъ, за що проклинаю долю,
 Чого мужу світомъ?... «Нічого робить»,
 Не оказали бъ на сміхъ....

Квіти мої, діти!

На що жъ васъ колавъ я, на що доглядавъ? и т. д.

Двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ это написано, однако прелесть стиховъ не утратилась съ годами.

Въ исторіи украинской литературы, если она по какимъ-либо особеннымъ, неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, остановится на томъ, что до-сихъ-поръ сдѣлала, прологъ къ Кобзарю останется классическимъ мѣстомъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что какъ ни хороши самъ по себѣ этотъ прологъ, мы имѣемъ надежду впоследствии прочитать что-нибудь еще лучшее, если только останется хотя горсть людей, которые не перестанутъ говорить на украинскомъ языкѣ и писать на немъ. Думы свои Шевченко посвящаетъ Украинѣ, которую называетъ матерью, и, какъ прологъ писанъ въ Петербургѣ, то поетъ и посылаетъ оwoнкъ дѣтей, свои думы, на родину.

Думи мої, думи мої,
 Квіти мої, діти!
 Вироставъ васъ, доглядавъ васъ,—
 Дѣ жъ мині васъ діти?
 Въ Україну идіть, діти,
 Въ нашу Україну,
 По-підъ тинню сиротами,

А я — тутъ загину.
 Тамъ найдете шире сердце
 И слово ласкаве,
 Тамъ найдете шире правду,
 А ще, може, й славу.
 Привітай же, мой вѣнько,
 Мой Україно,
 Моїхъ дітокъ нерозумнихъ,
 Якъ свою дитину.

Скажемъ на это, что думы Шевченка нанли славу не въ одной Украинѣ, но и въ цѣлой Россіи, да быть можетъ и дальше гдѣ-нибудь.

Исключительныя обстоятельства, въ которыя потавлено было сознание поэта въ отношеніи къ судьбѣ родины, естественно должны были иногда, но только иногда, навѣвать на него тоску о прошедшемъ. Не наше дѣло доискиваться до источника этого чувства, — да онъ и безъ того повятевъ; не менѣе странно было бы искать тайный смыслъ внутреннихъ побужденій поэта, если онъ самъ или не считалъ нужнымъ или не могъ почему-либо раскрывать его передъ нашими глазами. Для насъ достаточно знать, что въ нѣныя минуты скорбь о прошедшемъ говорила въ немъ сильнѣе и онъ не стѣснялся бросать въ глаза настоящему это прошедшее, которое по многимъ причинамъ стоило сожалѣнія. Желалъ ли онъ возвращенія того, что миновало, или тосковалъ о немъ только *относительно*, — это другой вопросъ. Ближайшее знакомство съ его произведеніями заставляетъ насъ сомнѣваться, что едва ли онъ могъ желать этого: онъ нигдѣ не высказывалъ этой узкости взгляда и стремленій, этого ограниченія своего себя известными рамками, этого односторонняго оглядыванья назадъ. На это указываютъ намъ многія мѣста изъ его произведеній, что и объяснится въ свое время. Вообще, онъ смотрѣлъ далеко впередъ.

Мы того мнѣнія, что сожалѣніе о какомъ бы то ни было прошедшемъ, кромѣ того, что скрываетъ подъ собою пустоту настоящаго и безнадежность будущаго, оно едва ли не болѣе еще маскируетъ собою недостатокъ и даже пожалуй пустоту внутренняго содержанія въ томъ, кто поддается этому чувству, будь это поэтъ, художникъ, или кто бы то ни было; точно такъ, какъ довольство всякимъ настоящимъ, даже хорошимъ, не говоритъ въ пользу довольнаго. Всякое дурное — дурно только относительно, кромѣ того, что дурно въ самой идѣе; такъ и всякое хорошее — хорошо только относительно: нѣтъ такого дурнаго, которое не могло бы быть худшимъ, какъ и нѣтъ

такого перошого, которое не могло бы быть лучшимъ. Было бы несправедливо обвинять Шевченка въ безвыходной тоскѣ о прошедшемъ, хотя онъ и не чуждъ былъ этого чувства, совершенно извинительнаго по некоторымъ причинамъ; но уже никакъ нельзя обвинить его въ дозволенствѣ настоящимъ, въ примиреніи съ тьмъ, съ чьмъ многіе на его мѣстѣ охотно мирились. Мы сказали, что онъ не безъ раздѣла отдавался чувству сожалѣнія о прошедшемъ, не весь погружился въ совершаніе того, что отжило свой вѣкъ и уже не могло да и не должно было жить снова; что для него недостаточно было глядѣть только назадъ да плакать о покойникѣ; что съ скорбью о мертвецѣ въ его сознаніи постоянно связывалась идея о жизни и о тѣхъ, которымъ выпало на долю жить такъ или иначе.

Отчего же на всей поэзіи Шевченка лежитъ какой-то грустный колоритъ? Многіе объясняли его именно тьмъ, чего мы не признаемъ въ Шевченкѣ, по крайней мѣрѣ признаемъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ это можетъ казаться,—то есть сожалѣніемъ о минувшей судьбѣ своей родины. Напротивъ, источникъ всего этого мы хотимъ видѣть въ совершенно другихъ обстоятельствахъ, въ основаніяхъ болѣе разумныхъ. Никто, надѣемся, не станетъ отрицать, что въ ряду украинскіихъ писателей Шевченко былъ первый (не говоримъ о Квиткѣ), который заставилъ насъ грустить небезсознательной грустью и серьезно задумываться о многомъ, а не смѣяться только и тѣшиться надъ пошлостью жизни, что едва ли не было цѣлью всѣхъ писавшихъ до него, по крайней мѣрѣ многихъ. Казалось, да такъ и понимали, кажется, долго, что украинскій языкъ къ тому только и пригоденъ, чтобы говорить забавные анекдоты о простаках-малороссахъ и пѣть подъ гитару: іхавъ козакъ за Дунай. Украинскіе писатели, которыхъ нельзя сказать чтобы было много, чувствовали, кажется, эту несостовенность направленія, но имъ почему-то не удавалось сдѣлать многого, да быть можетъ они и не хотели ничего сдѣлать, вполнѣ понимая назначеніе писателя. Притомъ, въ то время, когда выступилъ Шевченко, и въ великорусской литературѣ господствовало также довольно странное направленіе, и такія имена, какъ Гоголь и Лермонтовъ, составляя исключеніе, не могли искунить собой странности общаго направленія. Тонъ, которымъ заговарывалъ Шевченко, былъ новъ для насъ и непривыченъ. Въ тонѣ этомъ какъ-будто слышалось, что поэтъ заговорилъ не отъ своего имени, а отъ имени пославшихъ его, и не о своихъ боляхъ и ожиданіяхъ, а о томъ, что творилось въ душѣ той вѣчно-молчаливой массы мыслящихъ по-своему индивидуумовъ, того вѣчно-работающаго сраго люда, который давалъ міру знать о своемъ существованіи

количествомъ десятикъ вспаханной земли и четвертой километреннаго хлѣба, да иногда тоскливой пѣснью, слова которой радио изржали то, что таня подь собой грудь, пѣвшая такъ громко и размашисто. Шевченко былъ въ числѣ первыхъ умовъ, начавшихъ вводить въ поэзію стихію народности, но не въ томъ узкомъ значеніи, какою она является у Квитки и у великорусскихъ писателей той эпохи, а онъ загадывалъ впередъ, стучался въ плотно-запертую дверь, которая только теперь, и пока теоретически, начинаетъ помалу приотворяться, чтобъ можетъ быть опять залопнуть надолго. Было бы странно, по поводу того, что мы заговорили о народности, говоря о Шевченкѣ, вспомнить Кольцова, хотя это было бы очень естественно. Но его дѣятельность не по той дорогѣ шла, на которую мы выходимъ; онъ сказалъ о русскомъ народѣ другое слово, не то, которое сказалъ украинскій поэтъ; и тотъ и другой, быть можетъ, шли по одному направленію, да только параллельно одинъ въ отношеніи къ другому, по двумъ не сходящимся линіямъ. Шевченко затрогивалъ такія струны народности, о существованіи которыхъ Кольцовъ едва ли и зналъ. Идея первая обнимала предметъ и шире и глубже. Шевченка бы пожалуй и не хватило на такую пѣсню, какую могъ спѣть Кольцовъ, но и Кольцова едва ли бы хватило на то, на что хватало первого. Послѣ уже, у Некрасова развѣ, мы находимъ то, что въ первый разъ привнесло наше вниманіе, затронуло и недоуманіе и сомнѣніе наше въ произведеніяхъ Шевченка. Читая того и другаго, чувствуешь, что мало-по-малу исчезаютъ дѣтскія иллюзіи о многомъ мнимо-хорошемъ на землѣ, разнатываются въ своемъ основаніи какіе-то принципы, и до того кое-какъ лѣнившіеся въ нашемъ сознаніи, и намъ не жаль съ ними разстаться. Въ произведеніяхъ своихъ Шевченко захватываетъ истинную идею народности, что называется съ корня, съ почвы, питающей этотъ корень, но какъ-бы мимоходомъ, такъ что не онъ за нее говоритъ, а она говоритъ сама за себя. А сурый людъ рѣдко говоритъ вообще, рѣдко проявляется беззаботнымъ.

Едва ли мы погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что грустный колоритъ поэзіи Шевченка былъ слѣдствіемъ такого же воспріятія поэта на жизнь, собственно на серьезную сторону жизни. Странно эта, въ его сознаніи, заслоняла собой все остальное, можетъ быть потому, что мало-привлекательная изнанка жизни всегда представляется здравому уму гораздо болѣе пици, чѣмъ лицевая ея сторона, точно такъ, какъ сложная болѣзнь въ человѣческомъ организмѣ привлекаетъ вниманіе врача, но только такого, который разумно преданъ своему дѣлу. Что одинъ не удостоиваетъ даже взглянуть;

не только сочувствіемъ, тому другой не погнушается отдать всю свою душу. Нѣтъ сомнѣнія, что величайшая заслуга Шевченка заключается въ томъ, что онъ сознательно отвернулся отъ святой стороны жизни (если только онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ ее святою) и не имѣлъ силы оторваться отъ печальныхъ явленій этой жизни, — а гдѣ же ихъ больше какъ не въ той средѣ, которая мучительно приковала къ себѣ его вниманіе? Подобно такимъ немногимъ людямъ какъ Ярудонъ, Бонмеръ и, пожалуй, въ нѣкоторой степени, подобно нашему Полевому, неудачно пытавшемуся создать «Исторію русскаго народа», онъ считалъ эту среду родственною себѣ, чувствовалъ это внутреннее родство, потому что, какъ и они, самъ вышелъ изъ нея и зналъ ее лучше другихъ, а потому лучше другихъ видѣлъ то, чего другіе не видѣли, и плакалъ надъ тѣмъ, что другихъ не печалило. Этимъ сочувствіемъ къ грустнымъ явленіямъ жизни выразилось въ немъ отрицаніе авторитета въ пользу сознательной идеи — первый признакъ эмансипаціи разума и таланта. Не симпатизируя странному направленію большинства тогдашнихъ литераторовъ, Шевченко въ предисловіи къ первому изданію Гайдамакъ (1841 года) открыто смѣется надъ убяженіями тѣхъ, которые могли осудить его за сочувствіе къ сырому люду, къ герою въ чапанѣ и лаптяхъ, за то наконецъ, что онъ не хотѣлъ воспѣвать ни Матрешу съ Парашей, ни султаны, паркетъ и шпоры. «Напрасно трудишься, любезный,» говорятъ ему оптимисты.

Коли хочешъ грѣшей
 Та ще й слави, тогдѣ дѣва,
 Співай про Матрешу,
 Про Парашу, радѣсть нашу,
 Султана, паркетъ, шпоры.
 Отъ де слава!! а то співа:
 «Грѣе синє море,
 А самъ плаче, за тобою
 И твоя громада
 У сирякахъ!...

Свою знаменитую поэму «Гайдамаки» — Шевченко самъ называетъ «мужичкою книжкою», и извинился передъ своими подписчиками, что онъ рѣшился не печатать ихъ именъ въ концѣ поэмы, какъ обещалъ, добавляетъ, что нашлись такіе «мички шо соромились своєю бласкородною фамилією (Кірипа-Гучкошювенко-въ *) и надрыковати въ мужичокій книжці».

* По русски: господинъ Задержинъ-Синюсгибайловъ.
 Отд. II.

Не одинъ разъ упоминаетъ Шевченко о своихъ родственныхъ, кровныхъ отношеніяхъ къ той средѣ, горести которой были такъ близки его сердцу. Еще ребенкомъ онъ жилъ и чувствовалъ за одно съ народомъ, горевалъ его горемъ и радовался, что было конечно рѣже, его радостями *. Изъ этой-то среды онъ и вынесъ ту глубокую симпатію къ народу, которая отражалась на всемъ, что выходило изъ-подъ его пера. Вотъ одно превосходное мѣсто въ «Гайдамакахъ», гдѣ Шевченко говоритъ о своемъ дѣтствѣ въ домѣ отца:

Давно те минуло, якъ, малѣ дитина,
Сиротѣ въ рядиніи, я колись блукавъ,
Безъ свити, безъ хлѣба, по тій Україні,
Де Залізнякъ, Гонта зъ свяченимъ гулявъ.
Давно те минуло, якъ тими шляхами,
Де йшли Гайдамаки, — малыми ногами
Ходивъ я та плакавъ, та людѣй шукавъ,
Щобъ добру навчили. Я теперъ згадавъ,
Згадавъ, та й жаль стало, що лихо минуло.
Молодее лихо! якъ-би ти вернулось,
Промінявъ би долю, що маю теперъ.
Згадаю те лихо, степі ті безкраї,
И батька, и діда старого згадаю...
Дідусь ще гуляє, а батько вже вмеръ.
Бувало, въ неділю, закривши Минєю,
По чарці зъ сусідомъ випивши тиєї,
Батько діда просить, щобъ той розказавъ,
Про Колявщину, якъ колись бувало,
Якъ Залізнякъ, Гонта Ляхівъ покаравъ.
Столітні очі, якъ зорі, сіяли,
А слово за словомъ сміялось, лилось:
Якъ Ляхи конали, якъ Сміла горіла,
Сусіди одъ страху, одъ жалю німили.
И мині, малому, не разз довелось
За титаря плакати. И нітѣо не бачивъ,
Що малѣ дитина у кутѣчку плаче* .

Дѣтство поэта, подъ вліяніемъ такихъ условий, и послѣдующая жизнь должны были выработать въ немъ своеобразный взглядъ на человѣческія отношенія, начало сомнѣнія во многомъ, въ чемъ не, сомнѣвались другіе; эти же условия дали его сознанию новую силу.

* На дняхъ, въ Народномъ Читеніи помѣщено письмо Шевченка, гдѣ онъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ въ передней у своего бывшего барина.

** Въ первомъ изданіи: «Ще малѣ дитина за рѣчиномъ плаче».

силу отрицанія всего, что жило и крало, не имея внутренняго со-держанія и смысла, а держалось на бессмысленномъ доврѣнн и авторитетѣ. Отсюда происходила сознательная вѣра въ идею какихъ-то новыхъ, лучшихъ отношеній между людьми,—и эта-то вѣра въ возможность иныхъ отношеній лежитъ въ основѣ лучшихъ произведеній Шевченка. Если мы будемъ смотреть на него съ этой точки зрѣнія, то личность Шевченка, какъ поэта, явственно выдвинется впередъ изъ цѣлой массы писателей всѣхъ школъ и всѣхъ направленій, и мы невольно согласимся, что дѣятельность его далеко не бесплодна.

Однако не на всемъ, что успѣлъ сказать Шевченко, отразилась вся сила его таланта, потому что не во всемъ вы найдете идею, безъ которой самое поэтическое, самое граціозное произведение бываетъ недолговѣчно. Правда, почти все, что писалъ Шевченко, если и не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго ни по идеѣ, ни по содержанію, тѣмъ не менѣе дышетъ такою прелестью, такой неподдѣльной теплотою чувства, что рѣдко не оставляетъ впечатлѣнія на душѣ читателя; но вѣдь правда и то, что вышней прелести и чувства, какъ бы ни было оно неподдѣльно и какой бы теплотой ни вѣяло отъ него, недостаточно для истиннаго художника, — по крайней мѣрѣ таково наше убѣжденіе. Многое, что написалъ Шевченко, могъ бы написать и другой; иными словами: многое, что написалъ онъ, для насъ неудивительно было бы встрѣтить и у кого-нибудь другаго. Но въ иныхъ произведеніяхъ Шевченка есть именно то, что не написалъ бы другой, не имѣющей равныхъ съ нимъ силъ, — а такія силы, какъ у него, даются не многимъ и рѣдко одному человеку. Дѣйствительно, объ иныхъ произведеніяхъ Шевченка можно только то сказать, что въ нихъ много тепла, граціи чувства, даже страсти, — но нѣтъ идеи. Впрочемъ, объ этой сторонѣ таланта Шевченка мы скажемъ при случаѣ, а теперь обратимся къ тому, что важнѣе.

Было время въ исторіи Польши, Украины и Россіи, когда историческія обстоятельства почему-то слагались такимъ страннымъ образомъ, что необходимо должны были поставить эти три національности въ непріязненныя отношенія одну къ другой. Почему обстоятельства эти слагались такъ, а не иначе, мы говорить не станемъ, да и не мѣсто здѣсь. Довольно того, если скажемъ, что украинскій народъ не былъ виною непріязни, потому что, какъ слабѣйшій, не располагалъ ходомъ политическихъ дѣлъ сосѣднихъ державъ и не самъ ставилъ себя въ то или другое положеніе. Но какъ бы то ни было, политическая вражда государствъ не могла не отразиться на

самыхъ національностейъ, и притомъ, къ сожалѣнiю, она не только выразилась въ народной поэзи, въ пѣсняхъ и думахъ, но и въ самомъ сознании народа едва ли не на всегда, а во всякомъ случаѣ очень на долго, воспитала какое-то непріязненное чувство къ тѣмъ, кто давно когда-то интриговалъ противъ него политически. Какъ поэтъ народный, Шевченко могъ поддаться этому обаянiю народнаго чувства, а потому, выражая въ своихъ произведенiяхъ и то, что любилъ народъ, и то, чего онъ не любилъ, могъ быть и самъ не чуждъ общихъ національныхъ симпатiй и антипатiй;— но мы были бы совершенно несправедливы, упрекнувъ его въ томъ, будто онъ своими произведенiями поддерживалъ эту старую непріязнь народностей. Правда: историческiя воспоминанiя иногда увлекали его до такой степени, что, выражая старую непріязнь народа къ притѣснителямъ, онъ, какъ будто отъ себя лично, жестоко каралъ ихъ судомъ поэта-историка за старыя ошибки и за невинно пролитую кровь его соотечественниковъ; во и тутъ, подъ влiянiемъ этихъ горькихъ воспоминанiй, онъ умѣлъ стоять выше узкаго чувства непріязни къ кому бы то ни было за грѣхи и недоразумѣнiя предковъ, хотя недоразумѣнiя эти дорого стоили его народу. Описывая одну изъ самыхъ кровавыхъ эпохъ въ исторiи Украины, мечь Гайдамаковъ за обиды и за все то зло, которое Ляхи причинили украинскому народу втеченіи нѣсколькихъ столѣтiй; говоря о пожарахъ, убiйствахъ, висѣльцахъ, о грудахъ мертвыхъ тѣлъ, пожираемыхъ собаками и хищными птицами на волахъ дорогахъ и перекресткахъ, о тысячахъ жертвъ народной мести,— поэтъ приходитъ къ слѣдующимъ грустнымъ размышленiямъ:

Оттакé-то було лихо
 По всій Україні!
 Гірте пекла. А за віщо
 За що люде гинуть?
Того жъ батька, такі жъ діти,—
Жити вь та брататъця.
Ні, не сміли, не хотіли
Треба розведіатъця!
 Треба крови брата, кровю,
 Бо заздо, що вь брата
 Е вь коморі и на дворі,
 И вьсамо вь хаті!
 •Уб'ємъ брата! спалимъ хату!
 Сказали, и сталося.
 Все бъ, адвѣтця; ні, на кѣру

Сироты остались.

Въ слезахъ росли, та и выросли;

Замучені руки

Развязались — и кровь за кровь,

И мѹки за мѹки!

Болишь сердце, якъ згадаєши:

Старшихъ Славянъ діти

Вмились кровью, а это виненъ!

Ксёндзі, Езуїти.

Странно было бы послѣ этого подозревать въ Шевченкѣ непріязненныя чувства къ польской національности, — а многіе хотѣть видѣть въ немъ эти чувства. Напротивъ, выписанное нами мѣсто говоритъ само за себя, въ немъ не только невидво узкихъ побуждений исключительной національности въ поэтѣ, но на первомъ планѣ стоитъ идея общославянскаго единенія. Двадцать лѣтъ назадъ у насъ было немного людей, даже истинно даровитыхъ, которые умѣли бы сочувствовать этой идее, а еще меньше было такихъ, которые бы хотѣли выразить ее. Но въ другомъ мѣстѣ Шевченко еще явственнѣе выражаетъ идею, лежащую въ основаніи его произведеній. Въ предисловіи (скорѣе въ послѣсловіи) къ первому изданію Гайдамаковъ онъ между прочимъ говоритъ: Вѣсело подивитъця на оліпого кобзаря, якъ вінъ собі сидить въ хлопцѣмъ, сліпий, підъ тиномъ, и вѣсело послухать его, якъ вінъ заспіваетъ думу про те, що давно діялось: якъ борлися Ляхи съ козаками — вѣсело... а все таки скажешъ: слава Богу, то минуло; а надто якъ згадаєшъ, то ми одної матері діти, що всі ми Славяне — сердце болитъ, — а розказувать треба, — нехай бабчать сини й ввѹки, що батьки ихъ помилялися (ошибались), — нехай братуютьця звѹбу съ своїми ворогами. *Нехай житомъ и пшеницею, якъ золотомъ покрита — нерозміжованною останетьця на віки одъ моря и до моря — Славянская земля.*“

Много глубокаго смысла въ этихъ немногихъ словахъ. Такъ вотъ оно, то высокое побужденіе, тотъ неточный вдохновенія поэта: слава Богу, скажемъ и мы, что миновалось, хотя и не безъ следа, это печальное время народныхъ ошибокъ и недоразумѣній, — слава Богу... А когда вспомнишь, что мы дѣти одной, матери, что мы все славяне, сердце болитъ, — *а надо рассказывать!*...“ Вотъ въ этихъ-то, какъ будто невольно вырвавшихся, словахъ выражается высокое призваніе поэта. Пусть видятъ сыны и внуки, что отцы ихъ ошибались, и пусть братаются съ своими врагами; пусть по крайней мѣрѣ впередъ меньше ошибается человечество. — Здесь мы видимъ разумную цель, об-

щечеловѣческую идею, безъ которой всякое поэтическое и художественное произведеніе не имѣетъ ни цѣны, ни смысла.

Той же идеей мира и любви проникнуть весь отрывокъ изъ мало-извѣстной его драмы—«Никита Гайдай», изъ которой, только одно третье дѣйствіе помѣщено въ Маякѣ (томъ V, кн. IX). Правда, отрывокъ этотъ, какъ все написанное Шевченкомъ по русски, много уступаетъ той художественной красотѣ и той неподражаемой поэтической легкости и силѣ, которыми отличаются его украинскія произведенія, однако онъ также богатъ внутреннимъ содержаніемъ, какъ все что написалъ Шевченко въ послѣднее время. Никита Гайдай, герой драмы, живетъ однимъ чувствомъ, во имя одной идеи—идеи мира, любви и братства съ поляками; его смущаютъ безпрестанныя войны казаковъ съ ляхами, возмущаютъ магнаты, «несчастной черни палачи»; его мучитъ кровь, пролитая бесплодно, въ удовольствованіе мелочныхъ придворныхъ интригъ, и та слепая, неразумная вражда между «родными братьями» изъ-за того только, что оскоратся между собою вельможи, а короли дѣлаютъ все, что хотятъ эти сластолюбцы. Въ одномъ монологѣ онъ вспоминаетъ прошлую славу Украины; ея победы, счастье и покой народа, которому было когда-то лучше жить на свѣтъ...

И все минуло, все прошло,
 Кавакъ въ неволѣ изнываетъ,
 И поле славы поросло
 Травой негодной.... умираетъ
 И звукъ и память о быломъ!
 Нѣтъ, завоемъ мы пѣсню славы
 На пеньелищѣ роковомъ.
 Огонь и кровь мы на расправу
 Въ жилища вражьи принесемъ.
 И наши вопли! наши стоны,
 Съ ихъ алчной яростью умрутъ!

«Славяне! несчастные Славяне! (говоритъ онъ вслѣдъ за этимъ) такъ нещадно и такъ много пролито храброй вашей крови, междоусобными ножами. Уже ли вамъ вѣчно суждено быть играющими инноплеменниковъ? Настанетъ ли часъ искупленія? Придетъ мудрый вождь изъ среды вашей, погаситъ пламенный раздора, и слить во едино любовью и братствомъ, могущественное племя!»

Точно также мы несправедливо стали бы обвинять Шевченка въ нерасположеніи къ другимъ національностямъ, которыя, какимъ-то несчастнымъ образомъ, почти всегда враждебно отаждивались съ Украиной на историческомъ поприщѣ и жестоко вредили ей. Когда

поэтъ умѣлъ, не оскорбляя національнаго чувства, коснуться самыхъ живыхъ и самыхъ скорбныхъ воспоминаній народа, самыхъ щекотливыхъ историческихъ вопросовъ, то тѣмъ благороднѣе высказывался онъ, говоря о другихъ столкновеніяхъ его народа съ соседними національностями, стоявшими на историческомъ пути его родины. Но объ этомъ предметѣ мы не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь.— Что касается до евреевъ, которые, по своей ли винѣ, или по стеченію несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, поставлены были въ самое невыгодное и щекотливое положеніе въ отношеніи къ украинскому народу, то, при случаѣ, Шевченко не задумывается надъ эпитетами, очень сильными и ни для кого не лестными, которыми онъ не скупится надвѣлать жидовъ. Правда, въ исторіи Украины еврей всегда является далеко не симпатичною личностью; странная судьба этого народа всегда непріязненно сталкиваетъ его и съ другими народностями, съ которыми онъ встрѣчается въ своей исторической жизни. Но онъ ли виноватъ въ томъ, въ чемъ, повидимому, обвиняетъ его безпристрастный судъ исторіи, самые факты, почти всегда свидѣтельствующіе противъ него? Едва ли: никакой народъ, тѣмъ болѣе еврейскій, лишенный всего, что необходимо для честной борьбы съ обстоятельствами, разбитый на части, не имѣющій своего собственнаго уголка на всемъ земномъ шарѣ,—не отвѣчаетъ за ту несчастную обстановку, въ которую онъ поставленъ не по своей волѣ и которая вынуждаетъ его дѣйствовать такъ, а не иначе. Впрочемъ, Шевченко не щадитъ только тѣхъ евреевъ, которые не стоятъ добраго слова, точно такъ какъ не щадитъ онъ офицера-москаля, погубившаго Катерину, — а вѣдь не весь еврей похожъ на Лейбу и не все офицеры достойны эпитета «препоганыхъ», которымъ Шевченко надѣлилъ знакомаго намъ кавалериста, обманувшаго бѣдную дѣвушку которая много любила его.

Изданныя нынѣ стихотворенія Шевченка можно подраздѣлить на два отдѣла: темою для однихъ служили историческія воспоминанія Украины, для другихъ содержаніе взято изъ дѣйствительной жизни народа, какова она теперь, съ ея горемъ и радостями, или изъ народныхъ преданій; въ концѣ книги помѣщено сверхъ того десять псалмовъ Давида, переложенныхъ на украинскій языкъ. Кромѣ псалмовъ, все стихотворенія, находящіяся въ новомъ изданіи Кобзаря, были напечатаны прежде въ разное время; въ некоторыхъ изъ нихъ не достаеетъ иныхъ мѣстъ, которыя въ прежнихъ изданіяхъ были напечатаны. Очень много стиховъ выпущено въ самомъ первомъ стихотвореніи, которымъ начинается Кобзарь: должно думать, что пропуски сдѣланы по волѣ самого автора.

Къ стихотвореніямъ перваго отдѣла принадлежатъ: «Иванъ Подкова», «Тарасова Нічъ», «Гамалія», «Гайдамаки», довольно объемистая поэма, и отчасти посланіе Квиткъ (Основьяненко).

Въ ряду стихотвореній послѣдняго отдѣла первое мѣсто, безспорно занимаетъ «Катерина», въ вышней степени художественное и граціозное произведеніе. Не станемъ говорить о содержаніи этой поэмы, въ полной увѣренности, что оно извѣстно читателю. Идея, лежащая въ основаніи произведенія, вытекаетъ изъ самой жизни и взята поэтомъ, повидимому, безъ всякой задней мысли; самая тема довольно избита, потому что за нее брались и талантливые и нѣхліе писатели. Офицеръ увлекъ простую крестьянскую дѣвушку, обманулъ ее и бросилъ. Катерина родила, отыскала отца своего ребенка, но тотъ отказался и отъ него и отъ нея. Катерина бросила маленькаго сына на дорогѣ и—утопилась. Мальчикъ выросъ и сталъ водить слѣплаго кобзаря. Отецъ (уже женатый) узналъ своего сына въ маленькомъ нищемъ и, когда жена подавала ему милостыню, отвернулся отъ него. Вотъ и все. Но зато этотъ нехитрый содержаніемъ рассказъ полонъ граціи и чувства; Катерина — существо до того нѣжное, любящее и вѣрующее въ добро, что сама лишаетъ себя жизни, когда узнаетъ, что тотъ, кого она любила, обманулъ ее. Въ «Катеринѣ» найдется не одно поэтическое мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя и какъ-будто лично о себѣ, въ родѣ напримѣръ того, которое начинается стихомъ.

Есть на свѣті доля
А хто її знає?
Есть на свѣті воля,
А хто її має? и т. д.

Что же касается до стиховъ, которыми начинается «Катерина», то мы смотримъ на нихъ, какъ на поэтическую шутку, которою авторъ, кажется, ничего не хотѣлъ сказать кому-либо обиднаго, говоря:

Кохайтеса, чорнобріві,
Та не зъ Москалями,
Бо Москалі — чужі люди,
Роблять лихо зъ вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде въ своє Московщину,
А дівчина гине....

Или окончаніе этой прелюдіи въ «Катеринѣ»:
Кохайтеса жъ, чорнобріві,
Та не зъ Москалями,

Бо Москалі — чужі люди,
Сміютьца надъ вами.

Нѣтъ сомнѣнія, что есаибѣ на мѣсто москаля-офицера былъ украинскій «паннчъ», онъ также обманулъ бы Катерину, когда бы имѣлъ однакоже нравственные задатки съ москалемъ. Мы хотимъ сказать, что и паннчи известнаго полета «роблять лихо» чернобрывымъ и также смѣются надъ ними.

Произведеніе это попятно возьмъ, начиная отъ изысканно-образованнаго чловѣка до послѣдней малороссійской крестьянки, и на всѣхъ производитъ глубоко впечатлѣніе. Положимъ, не все одинаково понимаетъ его красоты, его безыскусственную простоту, прелесть которой подмѣтитъ только опытный глазъ знатока народной поэзіи, но все-таки и тотъ, кто слушаетъ эту поэму безъ всякаго запаса научныхъ свѣдѣній о народной поэзіи, даже безъ всякаго понятія о какой бы то ни было литературѣ, просто однимъ своимъ сердцемъ пойметъ, что въ поэмѣ хорошаго и истиннаго. Мы имѣли случай испытать это.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ малороссійскихъ олободѣ Войска Донскаго, одинъ нашъ знакомый задумалъ прочесть «Катерину» крестьянскимъ молодымъ бабамъ и дѣвушкамъ, собравшимся въ праздничный день на улицѣ. Все слушали его съ величайшимъ вниманіемъ и только по временамъ отрывочными восклицаніями выражали свое сожалѣніе о Катеринѣ и укориизну обманувшему ее офицеру. Когда чтеніе было окончено, многія изъ слушательницъ горько плакали.

— Що вже мати Бѣжа! якъ-то жалібно написано (говорила одна).

— И се жъ такі воно й правда, сестрице?»

— Та мабуть правда, коли піше.»

— Дѣ не правда?... Дурно бѣ не писали.»

— Отъ, сердѣшна Катря... Не вже жъ и вінъ...»

Другихъ стихотвореній Шевченка онъ уже не хотѣли слушать: видно было, что онъ не могли принимать къ сердцу того, что не было имъ такъ понятно и такъ близко къ ихъ сознанію, какъ сущность этой поэмы.

Рядомъ съ этимъ произведеніемъ можетъ быть поставлена другая поэма, писанная, какъ кажется, много послѣ «Катерины.» Это «Наймичка». Пожалуй, въ некоторыхъ отношеніяхъ послѣдняя поэма выше первой; но едва ли «Наймичка» можетъ затронуть въ читателя то глубокое человеческое чувство сожалѣнія, навязать на душу столько мучительной тоски, какъ судьба героини первой поэмы. Пожалуй, въ «Наймичкѣ» меньше эффек товъ, больше действительно-

ности и спокойной, если хотите — гомерической простоты, но за то меньше движения, жизни, борьбы.

Въ первый разъ «Наймичка» была напечатана въ 1857 году, въ Запискахъ о Южной Руси, изданіи П. А. Кулиша, во второмъ томѣ. Не тогда самъ издатель не зналъ, что она принадлежитъ знаменитому автору Катерины и Гайдамаковъ. Онъ нашелъ эту поэму случайно, какъ говоритъ въ предисловіи къ ней, въ затасканномъ и весьма неправильно исписанномъ альбомѣ какой-то удивленной мечтательницы. Объ этой поэмі онъ до того времени «не слышалъ ни отъ кого ни слова», и потому его не могла не обрадовать находка такого высоко-поэтического произведенія. «Имя автора въ ней не означено, и я даже не знаю (говоритъ г. Кулишъ), кто бы могъ быть ея авторомъ. Содержаніе ея очень просто и не похоже на вымыселъ; но изящество формы обнаруживаетъ въ ней творчество высшего разряда. Живопись природы и нравовъ малороссійскихъ возведена здѣсь до изумительной точности и вмѣстѣ съ тѣмъ свободы, въ которой искусство замѣтно только для опытнаго глаза. Навиное и трогательное положено авторомъ въ основу поэмы, и въ этомъ отношеніи я не знаю ничего совершеннѣе ни въ одной европейской литературѣ. Что касается до языка, то призываю въ свидѣтели людей изучавшихъ народныя украинскія пѣсни: здѣсь онъ блещетъ всею свѣжестью и горитъ всеми красками, какія только мы встречаемъ въ нашихъ лучшихъ пѣсняхъ, изображающихъ семейный бытъ, материнскія чувства и умиленное благочестіе народа. И такое произведеніе скрывается, можетъ быть, въ единственномъ спискѣ, въ тетради какой-то хуторской барышни! и самъ его авторъ, можетъ быть, уже не существуетъ; можетъ быть, мы уже не услышимъ другихъ его звуковъ, другихъ его душевныхъ мотивовъ! Помѣщая въ своемъ сборникѣ его поэму, я далекъ отъ посягательства на чужую собственность: напротивъ, думаю, что оказываю услугу, какъ ему самому, такъ и его землякамъ, для которыхъ писалъ онъ и которыхъ сердца, созвучившіяся между собой, волшебной силою его стиха, будутъ для него лучшей наградою (стр. 147—148).

Послѣ узнали, что эта поэма принадлежитъ автору „Катерины“, который на цѣлые десять лѣтъ отлучался изъ европейской Россіи.

Относительно этой поэмы мы не умѣемъ сказать похвалы больше той, какую сейчасъ привели изъ отзыва г. Кулиша, когда еще онъ не зналъ, что „Наймичка“ писана авторомъ „Катерины.“ Этими отзывомъ сказано очень много. Что касается лично до насъ, то мы смотримъ на эту поэму съ другой точки зрѣнія и никакъ не можемъ поставить ее выше всего, что написалъ Шевченко, даже вы-

ше „Катерины.“ Въ „Наймичкѣ“ поражаетъ насъ удивительное знаніе народной жизни, народной поэзіи и духа народнаго; стихъ безподобный, — но этого не достаточно. Въ „Наймичкѣ“ мы видимъ спокойный, почти безстрастный рассказъ, какой-то тонъ равнодушія, какимъ отличаются все народные эпосы какъ славянскихъ, такъ равно и другихъ европейскихъ племенъ, — но и этого не достаточно. Дѣйствительно, „Наймичка“ ближе подходитъ къ народному эпосу, чѣмъ къ произведенію свободнаго творчества великаго поэта. Мы думаемъ, что какъ ни велико значеніе народнаго германскаго эпоса, хотя бы положимъ пѣсни о Нибелунгахъ, эпосъ этотъ не можетъ быть замѣной, даже слабымъ подобіемъ свободно-художественныхъ произведеній Шиллера, Гете, Гейне; точно такъ, какъ русскія пѣсни не могутъ замѣнить намъ ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова. Народная поэзія сама по себѣ, а свободное творчество само по себѣ. Не въ народной поэзіи должно искать образцовъ для художественныхъ произведеній, а въ жизни, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, ибо, какъ ни богата народная поэзія, какъ ни игриво творчество народнаго духа, но оно не исчерпываетъ всего, что можетъ дать сама жизнь и чѣмъ можетъ воспользоваться свободное творчество художника-поэта. Одно — конечное, другое — безконечное, и безконечно разнообразное, и постоянно новое, и постоянно измѣняющееся. Народная поэзія представляетъ собою нечто законченное, остановившееся, — подобіе статуи, положимъ прекрасной, но вѣчно остающейся такою же, какою она вышла изъ-подъ рѣзца художника, какъ пѣсня изъ устъ народа-поэта, творчество котораго остановилось на томъ, что сдѣлано, и дальше не двигается. Какъ ни много оригинальности, силы и поэзіи въ украинскихъ думкахъ, какъ ни много прелести, граціи и чувства въ украинскихъ пѣсняхъ, но ни тѣ ни другія не мѣшаютъ „Катеринѣ“ Шевченка быть выше ихъ тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, котораго иногда не достаетъ народной пѣснѣ. Чѣмъ меньше въ поэтѣ свободы творчества, чѣмъ больше въ немъ старанія слѣдовать образцамъ хотя бы самой богатой народной поэзіи, — тѣмъ уже кругъ его дѣятельности. А это подчиненіе поэта формамъ и образцамъ народной поэзіи и есть — подчиненіе авторитету, которое мы считаемъ губительнымъ, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось. Положимъ, ни одно произведеніе свободнаго творчества, ни одно стихотвореніе не можетъ быть *совершенно такимъ*, какъ народная пѣсня; это правда, оно и не можетъ быть такимъ: въ немъ замѣтна будетъ поддѣлка, подлаживанье; оттого ни одно подраженіе народнымъ пѣснямъ не удавалось, ни одна поддѣлка, кажется, не осталась не разгаданною, — надо только въ со-

вершенинство изучить подлинникъ, который служитъ первотипомъ поддѣлки, то—есть, знать народную поэзію. Но изъ этого не слѣдуетъ, что народная пѣсня выше произведенія свободнаго творчества: если сочиненная пѣсня не можетъ быть совершенно такою какъ народная, то она можетъ быть выше ея, въ томъ случаѣ, когда поэтъ, конечно даровитый, не свяжетъ себя условіями подражанія, подлаживанія подъ народность. Оттого псевдонародная пѣсня Дельвига и Нелединскаго не въ примѣръ ниже истинно-народной, а пѣсня Кольцова иногда не въ примѣръ выше ея.

Чтеніе „Наймички“ производитъ на васъ такое же впечатлѣніе, какое испытываете вы при чтеніи какой-нибудь народной думы, положимъ объ Ивасѣ Коновченкѣ, или одной изъ сербскихъ пѣсень о Маркѣ Кралевичѣ и Роксандѣ дѣвойкѣ: тотъ же невозмутимо спокойный тонъ, тѣ же приемы. Рѣдко, рѣдко шевельнется сердце при слушаньи монотоннаго распѣванья кобзаря, покачивающагося изъ стороны въ сторону и совершенно однимъ и тѣмъ же голосомъ поющаго и про смиреннаго Лазаря и про заборнаго Коновченка; тоже самое невозмутимое спокойствіе овладѣваетъ вами при чтеніи разсказа о чумакованьи Марка, сына наймички, и о хожденіи самой наймички въ Кіевъ на прощу. Но едва ли это — достоинство художественнаго произведенія. Можетъ быть, мы ошибаемся, но судя по личному нашему впечатлѣнію, при чтеніи „Наймички“ намъ всегда приходятъ на память народные разсказы одного изъ новѣйшихъ германскихъ писателей, именно Ауербаха. Само собою разумѣется, что мы говоримъ о тѣхъ его повѣстяхъ, въ которыхъ онъ наименѣ увлекается идеалами нѣмецкаго простонародья, а рисуетъ жизнь поселянъ, какъ она есть. Повторяемъ, это наше личное впечатлѣніе.

Изъ собственныхъ же произведеній Шевченка мы видимъ, что онъ не довольствовался гомерическимъ спокойствіемъ пѣвцовъ народнаго эпоса, и своему „Перебендѣ“ придавъ такія качества, какихъ въ сущности кобзари не имѣютъ. Перебендѣ, старому и слѣпому нищему, онъ даетъ зпитетъ „химернаго“ и посылаетъ его въ степь на могилу, чтобы люди не слышали его вдохновенныхъ пѣсень. Мысль его слѣпаго нищаго гуляетъ на облакѣ, летятъ на край свѣта, носится орломъ сизокрылымъ и бьетъ голубое небо своими широкими крыльями; она отдыхаетъ на солнцѣ, его спрашиваетъ, гдѣ оно ночуетъ, какъ оно встаетъ; прислушивается къ морю, что оно говоритъ; спрашиваетъ черную гору, отчего она нѣма...

И зноу на небо, бо на землі горѣ,
 Бо на ій, широкій, куточка, нема
 Тому, хто все знає, тому хто все чує:
 Шо море говорять, де сонце ночує.

Даже степной вѣтеръ затихаетъ, прислушивается, какъ поетъ нищій на курганъ:

Послѣха, по віе...

Это высокій образъ поэта, олицетвореніе человеческого вдохновенія. Этого старика никто не принимаетъ на бѣломъ свѣтѣ; онъ среди людей одинокъ, какъ солнце на небѣ; его знаютъ люди, потому что и его земля носитъ, но еслибъ люди услышали, что онъ поетъ въ степи на курганъ, одинокій, чтобъ никто, кромѣ вѣтра, его не слыжалъ, — что онъ разговариваетъ съ моремъ, они бы наемъ-ялись надъ Божимъ словомъ, глупцомъ бы назвали его и прогнали. Людямъ онъ поетъ, что имъ понятно, чему они могутъ сочувствовать, — обыденныя пѣсни, и веселыя и грустныя...

На базарі — про Лазаря,
Абó, щобъ те знали,
Тяжко-важко заспівав,
Якъ Січъ руйновали.

Такъ понимаетъ и значеніе поэта самъ Шевченко. Онъ обращаетъ ся къ своему нищему и говоритъ ему отъ себя:

Добре еси, мій кобзарю,
Добре, батьку, робишъ,
Що співати, розмовляти
На могялу ходишъ!
Ходи собі, мій голубе,
Поки не заснуло
Твоє серце, та виспівуй,
Щобъ люде не чули.

Вотъ и мы такъ понимаемъ поэта. Но въ этой характеристикѣ слишкомъ опозитизированъ слѣпой нищій, простой пѣвецъ народныхъ думъ.

Народныя преданія, на которыхъ такъ щедра фантазія украинца, послужили сюжетами для трехъ прекрасныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Кобзарь: это «Топіля», «Утоплена», и «Причина». Летъ двадцать назадъ, въ то время когда Шевченко выступалъ на литературное поприще, народныя преданія были въ большомъ ходу, потому что, въ эпоху перваго умственного движенія въ Украину, люди, руководившіе этимъ движеніемъ, какъ мы замѣтили выше, отдались изученію старины, куда можно отнести и народныя преданія. Известный украинскій поэтъ, кончившій свою поэтическую карьеру въ 1847 году, Іеремія Галка, издалъ особую книгу стихотвореній, основанныхъ на народныхъ преданіяхъ. Книга носитъ названіе „Украинскихъ балладъ“, и въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Но

говоримъ о другихъ писателяхъ, черпавшихъ изъ преданій все, что казалось сколько-нибудь занимательнымъ. Этому же направленію отдалъ небольшую дань и Шевченко, хотя онъ меньше чѣмъ кто-нибудь другой способенъ былъ увлекаться чужой мыслью и чужой фантазіей, еслибы эта фантазія была даже и народная и притомъ не лишена поэтическаго смысла. Мы выше замѣтили, что онъ меньше чѣмъ кто-нибудь могъ подчиняться авторитету, хотя бы это былъ авторитетъ ума.

Три поименованныя стихотворенія, какъ намъ кажется, принадлежатъ болѣе къ эпохѣ преобладанія авторитета, чѣмъ къ періоду свободнаго развитія его поэтическаго гениа, хотя мы не споримъ, что стихотворенія эти могли быть написаны послѣ другихъ. „Тополя“ и „Утоплена“ переданы мастерскимъ стихомъ; народныя преданія взяты въ основу этихъ стихотвореній, согрѣты такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, исполнены такой игривой поэзіи, имѣютъ столько смысла, что скорѣе могутъ быть отнесены къ произведеніямъ свободнаго творчества, чѣмъ къ подражаніямъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ есть то, чего нѣтъ въ самыхъ преданіяхъ, и эти-то проблески ничѣмъ не стѣсняемаго таланта и возвышаютъ ихъ. Нѣтъ сомнѣній, что не изъ преданія Шевченко взялъ это поэтическое мѣсто (въ „Тополя“), которое начинается стихами:

И то лихо
Попереду знати,
Що намъ въ світі зострінетця... и т. д.

Последнее изъ этихъ стихотвореній „Причина“, нѣсколько уступаетъ первымъ двумъ: въ немъ меньше той свободы, той легкости и игривости стиха, которыми отличаются все произведенія Шевченка, хотя его талантъ виденъ и въ этой украинской балладѣ.

Какъ бы то ни было, но едва ли такой родъ поэзіи можетъ быть поставленъ высоко: нѣтъ свободы для фантазій поэта и нѣтъ мѣста для самой идеи, которая должна быть заключена въ тѣсную рамку преданія. Выиграть можно только блестящимъ изложеніемъ, или, отбросивъ въ сторону мысль, заключающуюся въ преданіи, дать волю собственной инициативѣ поэта, какъ это и сдѣлалъ Лермонтовъ съ преданіемъ о Тамарѣ и Демонѣ, а Гете съ средневѣковой, схоластической фавулой о докторѣ Фаустѣ.

Къ числу стихотвореній, не выдающихся ничѣмъ особенно, кромѣ мастерскаго стиха и знанія всѣхъ приемовъ народной поэзіи, что вообще дѣлаетъ честь наблюдательности Шевченка, принадлежатъ такъ называемыя „Думки“, которыхъ въ изданномъ нынѣ Кобзарѣ помещено четыре. Думка, начинающаяся стихомъ — „Вітре буйний, вітре

буйний!“—помѣщена въ первый разъ въ Ластівкѣ, а другая («Тяжко-вѣшко въ свѣтѣ жити») въ Молодикѣ (*); что же касается до той, которая начинается словами

Тече вода въ синѣ море,

Та не витакѣе,—

То она является теперь не въ томъ видѣ, въ какомъ явилась въ печати первоначально. Это часть довольно большого стихотворенія, напечатаннаго въ Ластівкѣ и посвященнаго памяти Котляревскаго («На вічну пам'ять Котляревському»); въ нынѣшнемъ изданіи Кобзаря помѣщено только окончаніе этого стихотворенія. Не знаемъ, почему оно не перепечатано здѣсь вполнѣ, потому что такія вещи стоятъ перепечатки, особенно, когда вторично изданы болѣе слабыя пьески этого автора, а стихи, посвященные Котляревскому, едва ли не богаче содержаніемъ и едва ли не поэтичнѣе всѣхъ четырехъ думекъ, напечатанныхъ теперь во второй разъ. Можетъ быть, это воспоминаніе о Котляревскомъ не перепечатано потому, что поэтъ считаетъ теперь Котляревскаго, перваго украинскаго поэта (въ хронологическомъ порядкѣ), недостойнымъ тѣхъ похвалъ, какія онъ сказалъ ему въ своей молодости, двадцать лѣтъ назадъ, и сказалъ отъ души; можетъ быть, онъ успѣлъ переманить о Котляревскомъ свое мнѣніе, но какъ бы то ни было, жаль, что это стихотвореніе, по нашему мнѣнію, испорчено теперь. Впрочемъ, авторъ можетъ дѣлать съ своими произведеніями что ему угодно—его воля.

Переходимъ къ тѣмъ произведеніямъ Шевченка, для которыхъ тею служили историческія воспоминанія украинскаго народа. Выше мы имѣли случай высказать, какой имѣемъ взглядъ на художественныя произведенія подобнаго рода: они составляютъ необходимое явленіе всякой эпохи возрожденія, въ какихъ бы узкихъ границахъ ни проявлялось это возрожденіе, и должны быть понимаемы какъ первый признакъ отреченія отъ авторитета чуждаго вліянія въ пользу авторитета собственнаго созданія, авторитета исторической старины. Какъ бы прологомъ къ такимъ произведеніямъ у Шевченка служить посланіе къ извѣстному украинскому писателю Квиткѣ (Основьяненко) и надо сказать правду, стихотвореніе это, не смотря на тѣсную рамку, въ которую такъ—сказать насильно вдвинута основная мысль поэта, все-таки высоко-поэтично. Подъ тѣсною рамкой мы разумемъ здѣсь то, что поэтъ высказывается не весь, а только съ одной сто-

(*) „Ластівка“, альманахъ изд. Е. Гребенкою, Спб. 1841: здѣсь въ первый разъ было напечатано стихотвореніе „Причина“; въ „Молодикѣ“ же (изд. П. Бецаго, Харьковъ. 1843 г., ч. 2) помѣщена была первоначально „Утоплена.“

ровы: онъ всецѣло отдается чувству воспоминанія, сожалѣнью о прошедшемъ, и не выходитъ самъ, не выводитъ и читателя на Божій свѣтъ изъ этого узкаго круга воспоминаній, мало усноковывающихъ воображеніе. Читатель остается какъ-будто неудовлетвореннымъ, и невольно спрашиваетъ: что же дальше? Двамя-тремя фразами, которыя прямо хватаютъ за сердце, раздражаютъ какъ-то неритически, поэтъ вноситъ свое тоскливое чувство и въ душу читателя, и ему не кажется смѣшнымъ, даже сколько-нибудь страннымъ, что поэтъ заставляетъ говорить и тосковать вмѣстѣ съ собой и степные курганы, и чайку, и камыши на берегу Днѣпра, и мѣсяць, который все также всходитъ, какъ и прежде всходилъ, но видитъ уже не то, что прежде видѣлъ. Читатель не удивляется болѣе, что курганъ въ степи спрашиваетъ у вѣтра, гдѣ дѣвалось то, что было, и тѣ, что жили прежде и гуляли по этой степи. «Воротитесь», говоритъ имъ, этимъ отжившимъ, курганъ: «посмотрите—рожь колосится тамъ, гдѣ насилъ ваши кони, гдѣ шумѣла одна степная трава, гдѣ кровь поляка и татарина лилась моремъ.... Воротитесь!» Читая это превосходное место въ самомъ стихотвореніи, одномъ изъ лучшихъ, какія только выходили изъ-подъ пера Шевченка, читатель готовъ самъ закричать—воротитесь! — но только по здравому разсужденію не говоритъ этого, потому что не хотѣть, чтобы снова лилась кровь даже тогдашняго татарина: — пусть лучше рожь колосится. Дальше мы увидимъ, что и самъ Шевченко не желаетъ, чтобъ все это воротилось; онъ только говоритъ, что память о минувшей судьбѣ украинскаго народа не провадетъ; что исторія расскажетъ, что дѣлалось на землѣ, чья правда, чья „кривда“ и кто чіи дѣти....

Наша дѣла, наша пісня
 Не вмере, не загине...
 Отъ де, лідє, наша слава,
 Слава України!
 Безъ зѣлата, безъ каменє,
 Безъ хитрої лѣви,
 А голосна та правдива,
 Якъ Госвода слово.

Это правда. Но главная мысль стихотворенія и цѣль посланія та, что Шевченко проситъ Основьяненко, какъ уже известнаго тогда писателя, пользовавшагося авторитетомъ, принять на себя трудъ и раскрыть для украинскаго народа. Шевченко говоритъ, что самъ онъ не надѣется на свои силы; но что Основьяненко въ состояніи выполнить его мысль—

Тебѣ люде поважajúть,
Добрый глосъ мѣнешь...

И потому просить его пѣть про Запорожскую Свѣчь, про курганы, когда какой насыпали, кого въ немъ похоронили; пѣть *про старшину*, про то, что было да прошло.

Но едва ли кто-нибудь имѣлъ на это правъ больше, чѣмъ самъ Шевченко.

Въ слѣдующемъ же стихотвореніи (Иванъ Підкова) онъ уже самъ является пѣвцомъ минувшей славы своей родины и хотя не совсемъ положительно, однако высказываетъ — таки, какая идея руководить его мыслью и его направленіемъ. Онъ говоритъ, что было время, когда ревели пушки въ Украинѣ; было когда-то, — запорожцы умѣли властвовать; добывали себѣ и славу и свободу. Но все это прошло, и остались только курганы въ степи, высокіе курганы, гдѣ легло опочить казацкое бѣлое тѣло, повитое въ китайку. Высокіе курганы чернятъ какъ горы и тихонько бесѣдуютъ съ степными вѣтрами о свободѣ. Въ то время когда эти свидѣтели славы дѣдовъ говорятъ съ вѣтромъ, «внукъ кóсу несѣ въ рóсу» и поетъ за ними. «Было когда-то, говоритъ поэтъ, хорошо жить нашей Украинѣ. Вспомнимъ же старое! можетъ сердце отдохнуть хоть немного *).»

За этимъ стихотвореніемъ слѣдуютъ «Тарасова Нічъ». Рѣдко можно найти, чтобъ въ такой небольшой піескѣ, какъ эти стихи, было сказано такъ много и съ такимъ искусствомъ проведена была параллель между тѣмъ, что приходилось вспоминать украинскому писателю, и тѣмъ что онъ видѣлъ вокругъ себя.—Слѣдующее стихотвореніе, «Гамалія», было издано отдѣльной брошюрой въ 1844 году. Въ немъ Шевченко лично не высказывается, а заставляеть говорить самое событіе, связанное съ именемъ Гамаліи. Впрочемъ, это стихотвореніе не можетъ быть поставлено на-ряду съ тремя поименованными сейчасъ: въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ хорошаго стиха, который у Шевченка всегда хорошъ, и такого же изображенія рзыни въ Скутари, куда Гамалія привелъ казаковъ для освобожденія запорожскихъ плѣнниковъ.

Въ 1841 году появилась въ печати знаменитая поэма Шевченко,

(*) Въ подлинникѣ (Кобзарь. стр. 47) сказано.

Будо колись добре жити
Нашій Україні....
А згадаймо! може, сѣрце
Хоть трохи спочине

Гайдамаки. Изданная после Кобзаря, она, кажется, не произвела того впечатлѣнія на публику, какого слѣдовало ожидать. Въ журналахъ отозвались о ней вскользь, потому что въ то время, вслѣдствіе господствовавшего въ литературѣ понятія, писать на украинскомъ иврѣчій считалось если не предосудительнымъ, то во всякомъ случаѣ бесполезнымъ дѣломъ, да и самое иврѣчье называлось мужицкимъ, слѣдовательно не достойнымъ вниманія. Бѣлинскій, какъ извѣстно, не любилъ ни того, что писалось по малороссійски, ни того что говорилось славянофилами, которые все представлялись ему, и очень естественно, въ образъ знаменитаго Бурачка и прочихъ сподвижниковъ Маяка. Между тѣмъ поэма эта стояла вниманія и лучшаго приѣма. Если литература должна имѣть социальное значеніе, то Гайдамаки въ этомъ отношеніи выше всего, что напечаталъ (не говоримъ написалъ) Шевченко. Можетъ быть, поэма эта уступаетъ Катеринѣ въ художественности, въ изяществѣ, да въ нѣкоторыхъ высшихъ качествахъ; но она выше ея по содержанію и яркой обрисовкѣ характеровъ, выше по идеѣ и по цѣли, хотя цѣль въ художественномъ произведеніи до-сихъ-поръ понимается какъ нѣчто предосудительное, унижающее искусство; она выше наконѣцъ потому, что составляетъ историческое явленіе въ жизни украинскаго народа, выражаетъ его инициативу. Въ ней поэтъ вполне высказывается,—что не сожалѣніе о прошедшемъ руководило имъ, а иныя лучшія побужденія, идеи социальнаго добра, мира и любви; что онъ не желаетъ воротить то, что минуло, потому что въ этомъ минувшемъ было много горькаго. И не зачѣмъ—другимъ передавалъ онъ исторію этой ужасной рѣзни, которая совершалась въ Украинѣ въ первыхъ годахъ царствованія императрицы Екатерины II, какъ только за тѣмъ, чтобы напомнить кому слѣдуетъ, какъ это все унижительно для человечества, и что не виноваты тѣ, которыхъ вынуждаютъ на такія рѣшительныя ивры, къ какимъ прибѣгли тогда въ Украинѣ поселяне по винѣ поляковъ. Онъ самъ сознается, что хоть и горько передавать потомству ошибки прежнихъ лѣтъ, недоразумѣнія, стоившія столько слезъ и крови,—а нельзя, нѣтъ силъ молчать.

Тяжко, нудно розказувать,
А мовчати, не вмю.

Есть мѣста, гдѣ читателя поражаетъ ясность взгляда поэта на человѣческія отношенія, и глубина его мысли, нѣжность человеческого чувства, проглядывающаго во всемъ о чемъ онъ ни заговоритъ, но въ то же время и безотрадное пониманіе жизни. Говоря, что Гай-

дамаки не прекращали своихъ неответствъ все лѣто и всю зиму, что они не остановились и весной, когда такъ хорошо было кругомъ, такъ ярко смотрѣло солнце, такая чудная была зелень,—онъ добавляетъ, что людямъ всего этого мало—и солнца мало, и зелени мало и много облака: надо кровью дорисовать, осветить пожаромъ....

Вотъ это мѣсто:

Встала й весна, черну зѣмку
 Сѣнну розбудила,
 Уквѣчала її рѣстомъ,
 Барвінкомъ покрила;
 И на полі жайворонокъ,
 Соловейко въ гаі
 Зѣмлю ўбрану веснею
 Въ-ранці зустрічають....
 Рай тай годі! А для кѣго?
 Для людей. А люде?
 Не хотять на его й глянуть,
 А глянуть — огудять.
 Треба кровью домалевать,
 Освітить пожаромъ;
 Сѣнца мѣло, рѣсту мѣло
 И багѣто хмѣря.
 Пекла мѣло....Люде, люде
 Колч-то зв васъ буде
 Того добра, изо мѣете?
 Чудні, чудно люде!

Если бы Шевченко не написалъ ничего, кромъ этихъ нѣсколькихъ строкъ, онъ и тогда оставилъ бы по себѣ хорошую память. Но намъ кажется, что онъ напрасно такъ безотрадно смотритъ на исторію человеческого развитія, на утомительно-медленный ходъ жизни къ лучшему. Онъ прибавляетъ, что весна не остановила злобы и крови. „Впрочемъ, вспомнимъ, — говорятъ, — такъ было и въ Тров. *Такъ и будетъ.*“ Едва ли всегда такъ будетъ: будетъ долго, но не всегда.

Наконецъ, въ концѣ поэмы уже положительно высказывается взглядъ Шевченка на все прошедшее Украины. Онъ не желаетъ его возвращенія.

Посіяли Гайдамаки
 Въ Україні жито,
 Та не вони его жали.
 Що мусимъ робити?
 Немѣ правди, не віросла;

Кривда повивае....
 Розійшлися Гайдамаки,
 Куди-який знає:
 Хто додому, хто в діброву,
 Зъ ножемъ у холіві,
 Жидівъ кінчать. Така й досі
 Осталася слава.
 А тимъ часомъ стародавню
 Січъ розруйновали:
 Хто на Кубань, хто за Дунай;
 Тільки и остались,
 Що порогги середъ стѣну.
 Ревуть-завивають:
 „Поховали дітєй нашихъ,
 И насъ розривюать.“
 Ревуть собі и ревітмуть —
 Ихъ люде минули;
 А Україна на-віки,
 На-віки заснула
 Съ того часу въ Україні
 Житю зеленіе;
 Не чутъ плачу, ні гармати,
 Тільки вітеръ віє,
 Нагунає верби въ гаї,
 А тирсу на полі.
 Все замовкло. Нехай мовчить:
 Така Божя воля.

Правда, грустно становится на душѣ отъ этихъ словъ; но, вѣрно, такова сила привычки и никогда не умирающая любовь къ старинѣ, къ тому, что прожито и прожито не совсемъ дурно, что невольно сжимается сердце при чтеніи этого поэтического мѣста. Извинительное чувство! Вѣдь намъ жаль и Трои, когда мы читаемъ, какъ погибала она когда-то, очень давно, какъ колотилась о камни красивая голова Гектора, привязаннаго къ колесницѣ Ахиллеса: а что толку въ этой Трои? что она принесла человечеству своимъ существованіемъ? Можетъ быть, ровно ничего. Во всякомъ такомъ сожалѣніи о прошедшемъ выражается не иное что, какъ наша любовь къ жизни: зачѣмъ умираетъ то, чему жить следовало бы? Зачѣмъ проходитъ все?... У Шевченка сожалѣніе о прошедшемъ вырывается какъ будто невольно, именно — когда чувство сильно заговорить въ немъ и пересиливаетъ все, но потомъ разсудокъ входитъ въ свои права и нашептываетъ другое: „пустъ умираетъ, — таковъ законъ природы. Пусть молчитъ Украина, — таковъ законъ необходимости.“ Молчаніе здѣсь — признакъ разумнаго примиренія, вѣры въ лучшее

будущее, въ лучшую жизнь человечества, и даже — признакъ „благоденствія“ (*).

Что касается до „Псалмовъ Давида“, приложенныхъ въ концѣ Кобзаря, то объ нихъ едва ли можно сказать что-нибудь. Кромѣ того, что они очень хорошо переведены, хотя не очень близко къ подлиннику, и еще лучше подобраны. Содержаніе каждаго изъ нихъ имѣетъ близкое примѣненіе къ жизни и еще болѣе выигрываетъ отъ искусства передачи этихъ псалмовъ на современномъ, народномъ языкѣ. Намъ кажется, что переводы псалмовъ рѣдко кому удавались такъ, какъ Шевченкъ. Для примѣра возьмемъ хоть послѣдній (149-й) псаломъ, находящійся въ Кобзарѣ.

Псаломъ новій Господеві
 И новую славу
 Воспоёмъ честнымъ соборомъ,
 Серцемъ нелукавимъ;
 Во псалтири и тимпані
 Воспоёмъ благая,
 Яко Богъ кара неправилъ,
 Правимъ помогае.
 Преподобни во славі
 И на тихихъ лѣжахъ
 Радуютца, славословлять
 Хвалятъ имя Бѣже;
 И мечі въ рукахъ ихъ добрі,
 Гострі обоюду,
 На отмищеніе языкамъ
 И въ науку людемъ.
 Окутъ царей неситихъ
 Въ залізни пута
 И ихъ славнихъ окѣвами
 Ручними окрутятъ,
 И осудятъ губителей,
 Судомъ своимъ правимъ,
 И во-вѣки стане слава,
 Преподобнихъ слава!

Этимъ бы и слѣдовало окончить нашъ разборъ стихотвореній Шевченка. Но мы считаемъ необходимымъ прибавить, что многіе

(*). Напрасно во второмъ изданіи Гайдамаковъ опущено предисловіе къ этой поэмі, которое было напечатано въ 1841 году. Оно ни въ какомъ случаѣ не унизило бы собою достоинство поэмы. Мы не можемъ даже понять, почему оно выброшено.

псалмы переданы не вполне; почти въ каждомъ псалмѣ есть пропуски, означенные въ печати точками. Мы справлялись въ славянскомъ оригиналѣ пѣсней пророка Давида, въ самой псалтири, и нашли, что опущенныя мѣста очень поэтичны: нѣныя впрочемъ трудно или почти невозможно было бы передать, тѣмъ болѣе, что смыслъ ихъ въ настоящее время не всякому понятенъ. — Однако, говоря о достоинствахъ переложенія этихъ псалмовъ, мы не вполне въ этомъ случаѣ отдаемъ пальму первенства переводу Шевченка: псаломъ 81-й переведенъ у Шевченка не такъ хорошо, какъ у Державина. Для доказательства помѣщаемъ здѣсь оба перевода.

У Шевченка:

Міжъ царями й судіями,
 На раді великій,
 Ставъ земнихъ владикъ судити
 Небѣсний Владика.
 Доколі бѣдете стяжати
 И кровь невинну розливати
 Людѣй убогихъ, а багатимъ
 Судомъ лукавимъ помагати?
 Вдови убогій допоможіте,
 Не осудіте сироті
 И виведіте изъ тісноті
 На волю тихихъ, заступіте
 Одъ рукъ несітихъ. Не хотятъ
 Познати, розбити тьму . . .
 И воле Господа глаголи
 И всеу трепѣтна земля
 . . . . .
 И ви вмрете якъ и князь вашъ
 И вашъ рабъ убогий.
 Вотанъ же, Боже, суди зѣмлю
 И судей лукавихъ.
 На всімъ світі Твоя правда
 И воля и слава

У Державина (Русская Бесѣда за 1859 г., № 4, Записки Державина», стр. 382).

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
 Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ;
 «Доколь, — рекъ — доколь вамъ будетъ
 Щадитъ неправедныхъ и злыхъ?
 Вашъ долгъ есть сохранять законы,
 На лица сильныхъ не взирать,

Безъ помощи, безъ обороны,
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защитить безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.
Не внемлютъ! видятъ и не знаютъ;
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйствы землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.
Цари! я мнилъ, вы бѣги власти,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И также смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ дровъ увядшій листь падеть;
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣднй рабъ умреть!
Воскресни, Боже, Боже правыхъ!
И ихъ молвию внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ царемъ земли!

Мы увѣрены, что все согласны будутъ съ нами, что переводъ Державина лучше, хотя не такъ близокъ къ подлиннику, какъ первый. Переводъ Державина несколько растянуть, а Шевченко и въ послѣднихъ пророка Давида все тотъ же, какъ вездѣ.

Саратовъ. 2 апрѣль 1860

ДАНИИЛЪ МОРДОВЦЕВЪ.

БІБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное по рукописямъ автора. Три части. Москва. 1860. Въ 8-ю д. л.

Говоря высокимъ слогомъ, русская поэзія украсила пышнымъ венкомъ славы чело партизана-поэта. Новый издатель его сочиненій собралъ все эти шитическіе цвѣты, и приложилъ въ концѣ изданія въ видѣ диплома Давыдову на почетное мѣсто посреди дѣйствительныхъ членовъ россійскаго Парнаса. Дипломъ подписанъ и скрѣпленъ именами съ болѣе или менѣе значительнымъ авторитетомъ, для составителей «руководствъ къ исторіи русской литературы.» И Пушкинъ тутъ росписался, и Жуковский, и Языковъ, и Баратынский, и князь П. Вяземскій, и графиня Растопчина, и г. Федоръ Глинка. Къ этому отборному септету, стоящему любаго состава итальянской оперы, присоединили свои скромные голоса и мелкіе хористы, напримѣръ гг. Зайцевскій, Стромилловъ, какой-то гр. Федоръ Толстой. Послѣдній выразился, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ и съ истинно-величавымъ лаконизмомъ. «Ужасенъ, говоритъ, мечъ его отечества врагамъ; ужаснѣе перо надменныхъ дуракамъ.» Хорошо что это перо покоится теперь вѣроятно въ семейномъ музеумѣ; а то странно было бы и братья за разборъ сочиненій рьянаго воина. Не соглашаться съ мнѣніемъ всѣхъ вышепоименованныхъ авторитетовъ — не значить ли это, быть «надменнымъ дуракомъ», и вызвать на свою голову грозу «ужаснаго пера». Но, вѣроятно, зная неустрашимость «надменныхъ дураковъ», издатель не ограничился русскими авторитетами, и внесъ нѣсколько иностранныхъ аттестатовъ Давыдову. Подъ однимъ подписался г. Арю (de l'Académie), стишки котораго «Листокъ»:

«De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où vas tu?» и т. д.

дѣйствительно не дурно перевелъ Давыдовъ, за что они и помѣщаются постоянно въ «Хрестоматіи» г. Галахова. Кромѣ Арно, любознательный читатель найдетъ въ приложеніяхъ къ новому изданію и отзывъ графа Романа Солтыка, и нѣкоего г. Монтоле (chevalier de la légion d'honneur), и сэра Вальтеръ-Скотта, и французскаго литератора Vou-tourlin, съ примѣчаніями не менѣе французскаго барона Жомини, и разныхъ газетъ и журналовъ, въ томъ числѣ и Journal des Débats. Жене́раль Давидо́въ или Давуидо́въ (ударяй на послѣдній слогъ) всюду похваляется по мѣрѣ возможности. Особенно отличилась la Revue Encyclopédique, которая утверждаетъ, что мосеъ Давуидо́въ написалъ много прелестныхъ стихотвореній (charmantes), и особенно прелестна одна, подъ названіемъ *Déjourstvo*, которую нѣкоторые приписывали даже (!) знаменитому поэту . . . . Державину! Вотъ ужъ, что называется, попалъ пальцемъ въ аптеку. Впрочемъ, что-жъ? чѣмъ не Державинъ, хоть бы слѣдующіе стихи:

«Мы недавно отъ печали,
Лиза, я, да Кушудонъ,
По бокалу осушали,
И просили Мудрость вонъ.
— Дѣтшки, поберегитесь!
Говорила Мудрость намъ.
Пить не должно—воздержитесь:
Этотъ сокъ опасенъ вамъ.»

Точь-въ-точь Державинъ—хоть бы въ томъ напримѣръ стихотвореніи, гдѣ онъ желаетъ быть «сучкомъ»,

«Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ
На его сидѣть вѣтвяхъ.» и проч.

Пожалуй, стихи Давыдова можно бы приписать и не Державину только, а Ломоносову даже. Они подстаютъ и известной пѣснѣ:

«Ночною темнотою
Покрылись небеса;
Всѣ люди для покою
Смѣжили ужъ глаза.» и т. д.

И не думайте, что этимъ жалкимъ вопросамъ своимъ Давыдовъ не приписывалъ никакой цѣны. Напротивъ, въ автобіографіи своей, замѣчательней неслыханнымъ самохвальствомъ, онъ отмѣчаетъ съ точностью, достойной любого бібліографа, время сочиненія анакреонтической оды «Мудрость» (такъ называется эта исторія съ Лизой и Кушудо-

номъ). Въ автобіографіи прямо говорится: «По заключеніи міра, Давыдовъ (онъ всюду рассказываетъ тутъ о себѣ въ третьемъ лицѣ), возвратился въ Россію и написалъ: *Договоры*, *Мудрость* и нѣсколько другихъ стихотвореній.» Другія вѣроятно считались не столь замѣчательными какъ эти два. Хороши должно-быть были!

Обратимся, однакожъ, къ поэтическимъ аттестатамъ, приложеннымъ къ книгѣ издателя. Изъ нихъ будетъ видно, что особенно цѣнили всѣ эти великіе и малые поэты въ Давыдовѣ. Не надо забывать, что стихотворныя воззванія къ Давыдову, относятся къ той юной порѣ нашей литературы, когда поэты взапуски писали другъ другу посланія, словно обрадовавшись, что навизывать рѣшмы имъ не такъ уже трудно, какъ было какому-нибудь бѣдному Тредьяковскому. Само собою разумется, что посланія, писанныя безъ всякаго серьезнаго внутренняго побужденія, не обходились безъ лести, какъ письма, вызванныя лишь требованіями приличія, а не истиннымъ чувствомъ. Пушкинъ едва ли не больше всѣхъ подкурилъ Давыдова охмѣломъ. Онъ, не красясь говоритъ, что и въ даль поэзіи Давыдовъ ему «отецъ и командиръ.» Нѣтъ сомнѣнія, что словамъ своимъ Пушкинъ въ этомъ случаѣ вѣрилъ столько же, сколько обращенію солнца вокругъ земли. Въ другомъ стихотвореніи онъ узнаетъ и въ прозѣ «разкія черты неподражаемаго слога»; но въ то же время упрекаетъ «внчаннаго музою поэта», зачѣмъ онъ не пишетъ стиховъ,

«Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ
И тѣни Бурцова угрозы.»

Языковъ то же говоритъ, что Давыдовъ «заслужилъ два вѣнка славы звучной и прекрасной», то-есть вѣнокъ воина и вѣнокъ поэта. Про военную славу партизана Языковъ восклицаетъ:

«Лучезарна слава эта
И конца не будетъ ей!
Но такія жъ многи лѣта
И поэзіи твоей!
Не умереть твой стихъ могучій,
Достопамятно живой,
Упительный, кипучій
И воинственно-летучій
И разгульно-удалой.»

Въ другомъ посланіи Языковъ говоритъ, что стихи Давыдова «ему милы, солны». Замѣчательное признаніе! Его можно объяснить разве тѣмъ, что большая часть стиховъ самого Языкова, посвящена «давамъ ночи», «жересу», «малагѣ бархатной и чудно-маслянистой», и проч.

Въ томъ же смыслѣ почти говорятъ о Давыдовѣ и другіе авторы посланій къ нему. Не мало вниманія обращаютъ они и на наружность воина-стихотворца. Особенную поэзію и красу находятъ они въ томъ, что у Давыдова усы. Г. Фѣдоръ Глинка начинаетъ свое стихотвореніе прямо съ восклицанія: «Усачъ.» И ставитъ точку. Нужно ли, дескать, прибавлять къ этому что-нибудь? Не все ли тутъ сказано? Черезъ нѣсколько стиховъ г. Фѣдоръ Глинка опять съ любовью повторяетъ: «и, закрутивъ съ досады *усы*», и т. д. «Мой другъ, *усатый воинъ!*» обращается къ Давыдову Жуковский. Князь П. Вяземскій поетъ на голосъ трепака:

«Про вино ли, про свой *усъ* ли,
Или прочіе грѣхи
Рѣчь заводилъ: словно гусли
Разыграются стихи.»

Дальше Давыдовъ именуется «*усатымъ* запѣвалой.» Въ другомъ стихотвореніи князя П. Вяземскаго *усъ* Давыдова, названъ *краснорѣчи-вымъ*....

«... Твой усъ краснорѣчивый,
Взрощенный, завитый въ поляхъ,
И дымомъ брани окуренный...»

Языковъ объ усахъ умалчиваетъ; но упоминаетъ о кудряхъ въ двухъ стихахъ, которыми прожужжали всѣмъ уши поклонники друга Бурцова:

«Ты, боецъ чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ во лбу!»

Баратынскій, съ своей стороны, напоминаетъ о «*зѣ* народѣ славной бородѣ», съ которою и изображенъ Давыдовъ на портретѣ, приложенномъ къ мышиному изданію. Даже Семенъ Стромилловъ не отсталъ отъ другихъ, и призываетъ къ Давыдову:

«Награди жѣ меня улыбкой,
Парой словъ твоихъ, *усачъ!*»

Главною чертой, обращающей на себя вниманіе всѣхъ вышеупомянутыхъ поэтовъ, въ характеръ Давыдова является его гусарское «ухорство», столь вдохновенно воспѣтое имъ самимъ въ пѣснь:

«Гдѣ гусары старыхъ лѣтъ!»

Та гражданская доблесть, которая должна была одушевлять война въ

грозный двенадцатый годъ, нашла себѣ отголосокъ только въ стихахъ г. Языкова, столь всемъ извѣстныхъ:

«Пламень въ небо упирая,
 Лють, пожаръ Москвы реветъ —
 Златоглавая, святая,
 Ты ли гибнешь?—Русь, впередъ!
 Громче буря истребленья—
 Кричи смѣлый ей отпоръ!
 Это жертвенникъ спасенья;
 Это пламень очищенья;
 Это фениксовъ костеръ!»

Разбирать военные заслуги Давыдова, къ которымъ мы причисляемъ исключительное участіе его въ дѣйствіяхъ двенадцатаго года, не наше дѣло. Для этого нужны спеціальныя знанія, которыхъ мы не имѣемъ. Пусть военные историки отвѣдутъ Давыдову должное мѣсто въ ряду героевъ войны съ Наполеономъ, опредѣлятъ степень значенія его относительно другихъ партизановъ того времени, Сеславина и Фишера, и оцѣнятъ наконецъ важность примѣненія къ нашей войнѣ партизанскаго образа дѣйствій противъ непріятеля. Мы выбираемъ себѣ задачу болѣе ограниченную—опредѣлить, на сколько твердо установилась литературная слава Давыдова, которой Языковъ предвѣщаетъ безсмертіе. Самъ Давыдовъ, какъ кажется, ставилъ ее высоко. Скромныя выходки о себѣ въ письмахъ ничего не доказываютъ. Вотъ что писалъ онъ о себѣ для публики, печатая собраніе своихъ сочиненій: «Давыдовъ не нюхаетъ съ важностью табаку, не смыкаетъ бровей въ задумчивости; голосъ его тонокъ, рѣчь жива и огненна. Онъ представляется намъ сочетателемъ противоположностей, рѣдко сочетающихся. Принадлежа старшему уже поколѣнію и лѣтами и службою, онъ овладѣлъ чувствъ, веселостью характера, подвижностью тѣлесною и ратоборствомъ въ послѣднихъ войнахъ обратствуетъ какъ молодойтокъ и текущему поколѣнію. Его благословилъ великій Суворовъ *); благословеніе это ринуло его въ боевыя случайности на полное тридцатилѣтіе; но, кочуя и сражаясь тридцать лѣтъ съ людьми, посвятив-

---

*) Объ этомъ „благословеніи Суворова“ упоминается вообще не рѣдко въ сочиненіяхъ Давыдова. Дѣло было очень просто, и повидимому вовсе не стоило упоминанія; но Давыдовъ приписываетъ ему какую-то особенную важность. Суворовъ, осматривая полкъ отца Давыдова, замѣтилъ и будущаго партизана, который былъ тогда еще ребенкомъ, и сказалъ мимоходомъ: „ты выиграешь три сраженія!“ Вотъ и все. Но это, видите ли, слѣдуетъ считать чѣмъ-то въ родѣ providѣнція великаго человѣка, какимъ Давыдовъ считаетъ Суворова.

шими себя исключительно военному ремеслу, онъ въ то же время *занимаетъ не послѣднее мѣсто въ словесности, между людьми, посвятившими себя исключительно словесности*; охваченный вѣкомъ Наполеона, игравшимъ всеокрушительными событіями, какъ Везувій лавою, онъ *пылалъ въ пылу ихъ, какъ на костръ шамплиера Моле, обжаренный пламенемъ*. Миръ и спокойствіе—и о Давыдовѣ нѣтъ слуха, его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ; но повѣсть войною, и онъ уже тутъ, торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ — и Давыдовъ опять въ стихахъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, нахаръ, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея отрасляхъ—въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніяхъ художествъ, въ подвигахъ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли; вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея—вотъ Давыдовъ!»

Самохвалство, которымъ пропитанъ этотъ отрывокъ, не совсѣмъ обыкновенно въ человѣкѣ, главная заслуга котораго заключалась въ стараніи быть полезнымъ по мѣрѣ силъ своихъ родинѣ, въ то время, какъ ей грозила опасность. Стараніе осталось не бесполезно, и было оценено по достоинству. Чего жъ еще больше? Чужихъ похвалъ кажется Давыдову мало, и онъ прибавляетъ къ нимъ собственныя хвалы самому себѣ. Или отъ этихъ чужихъ похвалъ такъ закружилась голова? Въ новомъ изданіи есть между прочимъ письмо Давыдова къ Языкову, изъ котораго многія выраженія и фразы попали цѣликомъ въ приведенный нами отрывокъ изъ автобіографіи. Языковъ написалъ звучное посланіе, въ которомъ превознесъ Давыдова выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго. Давыдовъ, конечно, былъ въ восторгѣ. Кажется, больше сказать, чѣмъ сказано въ посланіи Языкова, трудно. Похвалилъ, дѣйствительно, сильно. Но Давыдову кажется не лишнимъ прибавить къ похваламъ пріятеля нѣсколько и своихъ. Благодаря за лестные стихи, выражая свою радость, что имя его съ этою звучною пѣсней еще разъ повторится въ Россіи, Давыдовъ не забываетъ однако и о похвалахъ потомства. Слова его должны, повидимому, служить камертономъ этимъ похваламъ. «Мнѣ весьма льститъ то», пишетъ онъ къ Языкову: «что гордая и независимая лира одного изъ первыхъ самобитныхъ поэтовъ нашихъ, никогда и никого не воспѣвающая на перекоръ сердца и совѣсти, удостоила прославить меня. Смотрите, чуръ не забывать меня послѣ моей смерти, ибо не довольно благодѣтельствовать мнѣ въ теченіи жизни моей. Я уже нѣкогда говорилъ о томъ Пушкину, Жуковскому, Баратынскому, Вяземскому; повторяю и вамъ тоже самое. Напишите тогда общими силами мою некрологию, и произведите на свѣтъ не пролетный листъ для воейковскаго Инвалида, а что-нибудь такое, которое осталось бы надолго. *Не шутя, зотя и не-*

пристойно о себѣ говорить, я принадлежу къ числу самыхъ поэтическихъ лицъ русской арміи не какъ поэтъ, но какъ воинъ; многія обстоятельства моей жизни, даютъ мнѣ на это право: во-первыхъ, благословеніе, данное мнѣ великимъ Суворовымъ, и проч.» Дальше: «я принадлежу бурному и мятежному вѣку Наполеона, извергавшему, подобно Везувію, событіями потрясающими, всеокрушительными, въ пылу которыхъ я пѣлъ, какъ некогда на кострѣ тампьеръ Моле, объятый пламенемъ. Наступилъ штыль и безмятежіе, обо мнѣ нѣтъ слуху и духу; соха и словесность поглащаютъ всю мою дѣятельность. Но возникаетъ новая буря, и я являюсь подобно алкіону, бѣляющемуся на черномъ небѣ. Война въ Персіи—и я тутъ, бьюсь и кочую у подножія Арарата; война въ Польшѣ — и я также на берегахъ Вислы, громлю и милую, хвалю и вѣшаю...» и такъ далѣе, какъ въ автобіографіи.

Забота о похвалахъ потомства проглядываетъ очень ясно и въ несходительности Давыдова къ самоуправству Михайловскаго-Данилевскаго относительно военныхъ статей партизана. Въ одномъ изъ писемъ къ Пушкину находимъ мы слова: «Досадно, что Данилевскій отсыкаетъ безъ всякаго основанія цѣлые періоды отъ статей моихъ. Что дѣлать? Я пока ни слова не намекну ему о томъ, боясь разсердить его. Онъ теперь пишетъ двѣнадцатый годъ и пожалуй съ сердцовъ вычеркнетъ изъ него и двѣ мои. А между тѣмъ никто можетъ-быть лучше Давыдова не зналъ, что за историческую истину имѣлъ въ виду патентованный военный историографъ, принимаясь повѣствовать о событіяхъ двѣнадцатаго года(*)».

Въ числѣ стихотвореній Давыдова есть отрывокъ, изъ котораго видно, что онъ собирался изобразить столь поэтическую, по мнѣнію его, личность свою въ стихотворной поэмѣ. Отрывокъ этотъ называется «Партизанъ». Описавъ «навздниковъ веселый рой», отправляющихся отъ пылающей Москвы «на отдаленныя ловитвы», Давыдовъ такъ рисуетъ себя въ лицѣ начальника отряда:

(*) «Всѣмъ извѣстенъ этотъ славный баснописецъ-историкъ (говоритъ г. Семеновскій въ любопытной статьѣ своей о партизанѣ Сеславинѣ въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на нынѣшній годъ), этотъ Крекшинъ новѣйшаго времени; извѣстно всѣмъ, какъ искажалъ этотъ баснописецъ факты, возводилъ въ герои людей, въ пріязни которыхъ нуждался, пересочинялъ подлиныя реляціи. . . Одно изъ достовѣрныхъ лицъ сообщило намъ, что оно видѣло записку, которой Михайловскій-Данилевскій приказываетъ чертежнику плановъ къ его исторіи *передвинуть юру*, потому-де, что она *не приходится* къ его веледѣрчивому цвѣтами краснорѣчія усыпанному разсказу.»

«Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
 Въ косматой шапкѣ кабардинской,
 Горитъ въ передовыхъ рядахъ
 Особой яростью воинской.
 Сынъ блокаменной Москвы,
 Но рано брошенный въ тревоги,
 Онъ жаждетъ съчи и *молвы*,
 А тамъ, что́ будетъ... вольны боги!»

Поэма дальше двухъ страницъ, весьма вялыхъ и водянистыхъ, впрочемъ не подвинулась.

Прозаическія статьи Давыдова занимаютъ два съ половиной тома, изъ которыхъ одинъ очень почтенной толщины; стихи же все уместились на восьмидесяти разгонистыхъ страничкахъ. Но характеръ прозы тотъ же, какъ и характеръ приведеннаго стихотворенія, или отрывковъ изъ писемъ и автобіографіи. Всюду таже «жажда молвы», таже желаніе выставить впередъ, на показъ свою особу. Такъ, напримѣръ, въ «Дневникъ Партизанскихъ Дѣйствій» напрасно будете вы искать подробностей о состояніи народныхъ умовъ во время войны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ двигались отряды Давыдова, о положеніи застигнутыхъ наполеоновскимъ погромомъ мѣстностей; напрасно захотите вы составить по разказу Давыдова въ воображеніи своемъ картину цѣлаго широкаго края, залитаго потокомъ войны. Не требуйте у нашего партизана отвѣта на самый естественный вопросъ, въ какой мѣрѣ грозная война эта была народною въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ; какъ и что говорилъ народъ о непріятель. Весь почти дневникъ занятъ разказами о дѣйствіяхъ самого Давыдова. Не забыта ни одна ничтожнѣйшая стычка, не забытъ ни одинъ взятый въ пленъ мародеръ, ни одна захваченная у непріятеля фура. А между тѣмъ по двумъ тремъ бѣглымъ замѣткамъ видно, что даже поверхностное описаніе дѣйствій и расположенія не военнаго населенія было-бы гораздо интереснѣе счета раненыхъ и разказовъ о встрѣчахъ съ мелкими шайками мародеровъ.

Странно выражался патриотизмъ у многихъ нашихъ военныхъ героевъ, и между прочимъ у Давыдова. Стараясь избавить отъ бѣды свой народъ, они въ то же время оставались какъ будто чуждыми интересамъ его, и ставили на первомъ планѣ свою личную славу. Очень характеристична замѣтка Давыдова въ его партизанскомъ дневникѣ, что крестьяне не вдругъ вѣрили ему, что онъ русскій, и что такіа *quirquo* заставили его надѣть на себя простой кафтанъ, навѣсить на грудь, вмѣсто ордена, образъ Николая Чудотворца, отростить бороду и стараться говорить по простонародному. Последнее, сколько можно су-

дять по запискамъ, не особенно ему удавалось, и не смотря на свой маскарадъ, Давыдовъ представлялся народу не болѣе какъ переодѣтымъ баринномъ.

Въ статьѣ г. Семеvскаго о Сеславинѣ, изъ которой мы привели небольшой отрывокъ въ выноскѣ, помѣщенъ между прочимъ отзывъ о Давыдовѣ Бестужева-Марлинскаго. Здѣсь, кажется намъ, будетъ кстати указать на него, какъ на добавленіе къ характеристикѣ поэта-партизана. Дѣло опять таки не въ военныхъ заслугахъ Давыдова, которыхъ мы не думаемъ порицать, а въ личномъ его характерѣ, объясняющемъ лучше всего и его литературную дѣятельность. «Дениса Давыдова (писалъ Бестужевъ Полевому) вы судите по его словамъ; а между нами будь сказано, онъ болѣе *выписалъ*, чѣмъ *вырубилъ* себя славу храбрца. Въ 1812 году быть партизаномъ значило быть наименѣе въ опасности, нападая ночью на усталыхъ или въ расялохъ. Притомъ, французы безъ пушекъ и внѣ строя — не страшныя ратники. Это не черкесъ и не делибашъ, который не задумается вступить въ борьбу съ пятерыми врагами. Между прочимъ я былъ друженъ съ Николаемъ Бедрагою, который служилъ съ Денисомъ въ 1812 году. Онъ говоритъ, что они могли бы въ тысячу разъ быть полезнѣе, еслибъ Бахусъ не мѣшалъ Марсу. Денисъ ввѣрился слишкомъ какому-то Храповицкому и занялся болѣе маскарадомъ да чаркою, чѣмъ дѣломъ. Бедрага ухалъ изъ отряда давыдовскаго за то, что онъ велѣлъ перерезать — на честное слово сдавшихся ему французовъ. Въ 1826 году, хотя онъ и пронесся въ горахъ, около Арарата, съ шайкою грузинъ, но тамъ не было сборищъ куртинцевъ и потому они не имѣли даже ни одной стычки. Я не отнимаю впрочемъ ни славы, ни пользы у Давыдова: онъ очень хорошо постигъ свое ремесло; однако я желалъ бы видѣть и сравнить его съ здѣшними наездниками: я думаю, что онъ оказался бы школьникомъ въ сравненіи съ ними. Въ мѣрѣ все относительно. Я очень люблю его, но онъ принадлежитъ исторіи, а исторія есть нагая истина.»

Самый предубѣжденный въ пользу Давыдова читатель, пробѣгая одна за другою прозаическія статьи его, не можетъ не убѣдиться, что заботы о своей личной славѣ, о представленіи личности своей въ наиболѣе партизанскомъ видѣ, наиболѣе эффектнои освѣщеніи, занимали если не первое, то и далеко не последнее мѣсто въ мысли Давыдова. Подкрѣпляютъ это мнѣніе еще нѣсколькими выписками изъ разныхъ мѣстъ его трехъ томовъ, кажется, не для чего. Довольно и того, что мы выписали и указали.

Теперь посмотримъ на прочность его поэтической славы.

Представимъ для этого, что лицо Давыдова мы знаемъ лишь по

исторіи, не по той еще неразработанной исторіи, которая опровергнет или утвердитъ отзывъ Бестужева, а по той, которая есть въ настоящую минуту. Французы, говорятъ, прозвали его «Чернымъ капитаномъ». Это названіе какъ-то пахнетъ романтическими ужасами. Валтеръ-Скоттъ не забылъ этого прозвища, и тоже именуется Давыдова въ своей унылой «Исторіи Наполеона»— the black captain. Этотъ черный капитанъ или, по словамъ Языкова, этотъ «боецъ чернокудрый съ бѣлымъ локономъ во лбу», въ критическую минуту для родной земли, пускается съ небольшимъ отрядомъ, по глухимъ дорогамъ, всячески одолевая непріятеля, защищать не города, лежащіе на пути непріятельской арміи, а бѣдные селенія съ безоружными жителями, однимъ словомъ стать въ ряды темныхъ, но полезныхъ дѣятелей въ грозную минуту разоренія и погрома военнаго. Представимъ его во всей высокой доблести, одушевляющей человека, когда дѣло идетъ о спасеніи или погибели его отечества, и предположимъ, что намъ совершенно неизвѣстны стихи, которые писалъ этотъ герой и которыми прославился столько же, сколько военными своими подвигами.

Обращаясь къ знакомству съ этими прославленными стихами, не въ правъ ли каждый незнающій ихъ читатель ждать, что услышитъ отъ война-поэта тѣ мужественныя рвчи, какими выражается въ такіхъ торжественныхъ минутахъ истинно-гражданское чувство. Еслибъ спросить хоть бы Валтеръ-Скотта, какъ онъ думаетъ, какіе стихи долженъ писать знаменитый black captain, такъ отважно жертвовавшій собой за благо родины, нѣтъ сомнѣнія, англійскій романистъ не задумался бы отвѣчать: «Если эти стихи нашли доступъ къ русскому сердцу, если они стали популярны въ Россіи, то они должны выражать всеобщее чувство любви къ отечеству, жаркаго желанія ему блага.» Такъ отвѣчалъ бы вѣроятно и всякой. Стихи Теодора Кернера, пѣсни Арндта потому и стали популярны, что въ нихъ выдѣлились народное негодованіе и стремленіе вырваться изъ-подъ иноземной власти.

Но напрасно станемъ мы искать у Давыдова такихъ стиховъ и пѣсень. Это не призывъ на бой за независимость родной земли, это и не торжество побѣдителя, на сторонѣ котораго правда. Это какое-то разгульное молодечество, хмельное ухорство, похвальба тѣмъ, кто больше выпьетъ, кто больше намашетъ саблей, хотя бы безъ всякаго толку. Это не любовь къ родинѣ, увлекающая въ кипятокъ битвы за ея спасеніе; это страсть къ военному ремеслу, которой всякая рвня пріятна, какъ бы она ни была печальна для отечества. «Я люблю кровавый бой!» восклицаетъ Давыдовъ. Вкусъ очень странный.

«Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской —
Съ вами въкъ мнѣ золотой!»

Удивительное понятіе о «службѣ царской!» Не напоминаетъ ли этотъ взглядъ тѣхъ грибоѣдовскихъ барышень, которыя лънули къ военнымъ, потому-что «патріотки». Патріотизмъ не надѣвается вмѣстѣ съ мундиромъ и не въ томъ заключается, чтобы звать къ себѣ враговъ и радоваться житію въ боевыхъ палаткахъ, посреди разоренной войною земли, разореннаго войною народа; у истиннаго патріота болитъ сердце, когда подобныя безчеловѣчныя столкновенія становятся неизбежны вслѣдствіе честолюбивыхъ политическихъ видовъ. Не правда ли, эта апофеяга, по своей новости, достойна помѣщенія на страницѣ «повѣйшихъ русскійскихъ прописей»? Но какъ удержаться и не высказать ее, читая партизанскія пѣсни Давыдова?

«За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!
Пусть французиски *гилые*
Къ намъ пожалуютъ назадъ!

«Станемъ, братцы, *въчно жить*
Вкругъ огней, подъ шалашами;
Днемъ рубиться молодцами,
Вечеркомъ горьлку пить!»

Подумаешь, Россія, въ такомъ же несчастномъ положеніи, какое произвело въ Греціи клефтскія пѣсни. Но нѣтъ! такого плясового тона не могло бы тогда быть. Клефты не воспѣвали ни водки, ни горьлки.

Не знаемъ, какъ кому, а намъ рѣшительно непостижима поэзія гусарской жизни, какъ ее описалъ Давыдовъ. «Я гусаръ», говоритъ онъ «давно, всегда гусаръ».

И съ просьбью усовъ все рабъ молодой привычки;
Люблю разгульный шумъ, умовъ, рѣчей пожаръ,
И громогласныя шампанскаго оттычки.
Отъ юности моей врагъ чопорныхъ утѣхъ,
Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и распашки.
Давай мнѣ хоръ цыганъ! давай мнѣ споръ и смѣхъ,
И дымъ столбомъ отъ трубочной *затяжки!*»

Эти «затяжки» и «оттычки» составляютъ по видимому весь смыслъ воспѣтой Давыдовымъ гусарской жизни. Съ какимъ глубокимъ сожалѣніемъ говоритъ онъ о некоторомъ смягченіи этихъ «звѣрскихъ», но его же собственному выраженію, правовъ. Старина съ ея безсмыслен-

нымъ пьянствомъ представлено какимъ-то желаннымъ идеаломъ въ знаменитой «Пьсьнъ стараго гусара».

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ?
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бездѣдъ,
Собутыльщики оуды?

Дяды! помню васъ и я
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вокругъ огня
Съ красноносными носами.

На затылкѣ кивера,
Доломаны до кольна,
Сабли, пашки у бедра,
А диваномъ — кипа сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны — дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ.

Ни полслова.... Дымъ столбомъ....
Ни полслова.... Всѣ мертвецки
Пьютъ, и, преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Особенно замѣчательно это безмолвіе, въ которомъ дѣлается столь важное дѣло, какъ питье мертвой что называется чаши. И всюду въ стихахъ Давыдова это тупое пьянство ставится какою-то непременною обязанностью и въ тоже время первую красой истиннаго «патріота», то-есть военнаго. Есть стихотворенія у Давыдова совершенно невѣроятныя по отвратительной своей животности, которую стихотворцу желалось возвести въ перлы созданія. Что можетъ быть гаже напрымъръ слѣдующаго признанія въ любви, именующагося «рѣшительнымъ вечеромъ гусара».

«Сегодня вечеромъ увижусь я съ тобою —
Сегодня вечеромъ рѣшится жребій мой;
Сегодня получу желаемое мною —
Иль абшидѣ на покой.
А завтра — чортъ возьми! какъ зюзя натянуся;
На тройкѣ ухорской стрѣлою полечу;
Проспавшись до Твери, въ Твери опять напьюся,
И пьяный въ Петербургъ на пьянство прискачу.
Но, если счастье назначено судьбою

Тому, кто целый вѣкъ со счастьемъ незнакомъ,
Тогда... о, и тогда наплюю свиная свинойю,
И съ радости проплюю прогоны съ кошалькомъ.»

Въ образцовой компаніи, къ которой принадлежит этотъ гусарь, рѣшившійся напиться свиная свинойю, нравственное достоинство однается количествомъ опорожненныхъ стакановъ. Перечитывая стихотворенія Давыдова, становишься въ тупикъ и не видишь возможности этихъ киргиз-кайсацкихъ нравовъ и взглядовъ по среди народа, считающаго себя европейскимъ. А между тѣмъ тонъ правды, господствующій во всѣхъ этихъ забубенныхъ давыдовскихъ произведеніяхъ, убеждаетъ васъ, что они искренны, и что дѣйствительно существовала цѣлая категория «сыновъ отечества», полагавшая краеугольнымъ камнемъ жизни пьянство, кутежъ и ухорское самохвальство.

Посмотрите, что соединяетъ людей, по мнѣнію Давыдова? Водка и пуншъ, пуншъ и водка — для разнообразія, пожалуй, аракъ. У него нѣтъ согражданъ, у него только собутыльники.

«Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и... арака
Посѣти домишко мой!»

Ужасные пуншевые стаканы, полные «гибельнымъ жаромъ», «лоханъ золата гдѣ веселіе живетъ», «обширные чаши» и тому подобныя прелести — вотъ общій интересъ, смыкающій около себя тѣсный кружокъ.

«Ради Бога, трубку дай!
Ставь бутылки передъ нами!
Всѣхъ навздниковъ сзывай
Съ закрученными усами!
Что бы хоромъ здѣсь гремѣлъ
Эскадронъ гусаръ летучихъ;
Чтобъ до неба возлетѣлъ
Я на ихъ рукахъ могучихъ;
Что бы стѣны отъ ура
И тряслись и трепетали!
Лучше бъ въ полъ закричали....
Но другіе горло драли —
И до насъ придетъ пора!
Бурцовъ, братъ! что за раздолье!
Пуншъ жестокій!... Хоръ гремитъ!
Бурцовъ! пью твое здоровье....
Будь гусаръ, вѣкъ пьянъ и сытъ.
Понтируй, какъ понтируешь,

Фланкируй, какъ фланкируешь;
 Въ мирныхъ дняхъ не унывай,
 А въ бояхъ качай—валяй!»

Та же почти картина повторяется въ «Гусарской исповѣди»; только «жестокій пуншъ» замѣненъ шампанскимъ.

«... Я сплшу въ мою гусарскую семью,
 Гдѣ хлопають еще шампанскаго оттычки.
 Долой, долой крючки! отъ глотки до пупа!
 Гдѣ трубки? — Вейся дымъ на удаломъ раздолъ!
 Раскошествуй, веселая толпа,
 Въ живомъ и братскомъ своеволь!»

Вспоминая о своемъ прошедшемъ, Давыдовъ такъ говоритъ о своей ухорской молодости:

«Бывало, слово: «другъ, явись!»
 И ужъ Денисъ съ коня слезаетъ;
 Лишь чашей стукнулъ, и Денисъ
 Какъ тутъ — и чашу осушаетъ;
 .....
 Иль въ карты бѣтся до утра,
 Раскинувшись на горской буркѣ,
 Или вокругъ свѣтлаго костра
 Танцуетъ съ дѣвками мазурки».

Это взглядъ сожалѣнія на свои подвиги, а вотъ и одобреніе другому на такіе же доблестные поступки. Обращаясь къ «храброму повѣсь» Давыдовъ восклицаетъ:

«Люблю тебя, какъ сабли доскѣ,
 Когда, пріосвнясь фуражкой,
 Съ виноточивою баклажкой
 Идешь въ бивачный мой кіоскъ!»

«Когда, летая по рядамъ,
 Горнишь какъ свѣчка въ дымъ бранномъ;
 Когда въ — — окаянномъ
 Ты lupишь — — по щекамъ».

«Киплю, любуясь на тебя,
 Глядя на прыть твою младую:
 Какъ старый хрычъ, цыганъ Илья
 Глядитъ на пляску удалую,
 Подъ ладъ плечами шевеля».

«О, рыцарь, идолъ усачей!»

Гордись пороками своими!
Чаруй съ гусарами лихими
И очаровывай — —!

Токово содержаніе и направленіе самыхъ оригинальныхъ, наиболее известныхъ стихотвореній Дениса Давыдова. Только самую безобразной стороной своей отразилось въ нихъ военное поприще партизана. Мы сказали, что Давыдовъ не писалъ такихъ пламенныхъ патриотическихъ гимновъ, какъ Теодоръ Кернеръ или Арндтъ. Къ этому надо прибавить, что еслибъ онъ писалъ ихъ, поприще его вѣроятно было бы кончено двѣнадцатымъ годомъ, и онъ не считалъ бы честью торчать казацкой пикой всюду, гдѣ только дерутся.

Эпиграфомъ къ одному изъ прозаическихъ своихъ сочиненій Давыдовъ поставилъ слова: «*je ne suis qu'un soldat, et je n'ai que du zèle*» («я солдатъ — и больше ничего; у меня одно усердіе»). Это вполне справедливо, и напрасно Давыдовъ старался проявлять усердіе свое въ другихъ сферахъ. Мы видѣли, что въ военной жизни составляло для него главную поэзію. Едва ли теперь увлечется ею такой человекъ, который мыслить, любить свою родину и видеть благо ея не въ однихъ «кровавыхъ бояхъ», какими бы «побѣдными громами» ни наполняли они міръ. Для истиннаго гражданина нашего времени скромная дѣятельность и глухая, не на показъ свѣту, борьба со зломъ и не-вѣжествомъ, гораздо выше картинной игры честолюбія. Пора завоеваній, когда —

«... нашъ шаръ земной
 Отъ громовъ побѣдныхъ
 Колыхался и дрожаль,
 И народъ въ смятенъ
 Ницъ упавши, ожидалъ
 Міра разрушенья.»

пора эта намъ представляется печальною неизбѣжностью, вызванною неустройствомъ общественнымъ, а не идеаломъ какихъ-то доблестей. «Пиръ мечей» не пляшетъ теперь никого, и «современная пѣсня» Давыдова съ ея восторгомъ отъ «разрушенья міра» и насмѣшками надъ пробужденіемъ въ обществѣ сознанія чисто человѣческаго достоинства производитъ самое непріятное чувство.

Воспѣвая «ѣръ и забіякъ», Давыдовъ не умѣлъ понимать людей истинно полезныхъ, глубоко любившихъ родину и жертвовавшихъ этой любви всеми своими личными благами. Сужденіе о Чадаевѣ, которое мы нашли въ одномъ изъ писемъ Давыдова къ Пушкину, показываетъ какъ нельзя лучше степень его нравственнаго развитія. Нельзя не возму-

щаться, читая ухорскій отзывъ партизана о чловкѣ высоко благонамѣренномъ и притомъ несчастномъ. Вотъ что пишетъ «пѣвецъ вина, любви и славы»: «Ты спрашиваешь о Чадаевѣ? Какъ очевидецъ, я ничего не могу тебѣ сказать о немъ; я прежде не ѣзжалъ къ нему и теперь не ѣзжу. Я всегда почиталъ его чловкомъ весьма начитаннымъ и, безъ сомнѣнія, весьма умнымъ шарлатаномъ въ непрерывномъ пароксизмѣ честолюбія, но безъ духа и характера, какъ блокурая кокетка, въ чемъ я, кажется, не ошибаюсь. С. рассказывалъ мнѣ весь разговоръ его съ нимъ, отъ доски до доски. Видя бѣду неминуемую, онъ признался ему, что писалъ этотъ пасквиль на русскую націю по возвращеніи изъ чужихъ краевъ во время сумасшествія, въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную свою жизнь; какъ онъ старался свалить всю бѣду на журналиста и цензуру, на перваго — потому что онъ очаровалъ его и увлекъ его къ дозволенію отдать въ печать этотъ пасквиль, а на послѣднюю — за то, что пропустила оный. Это просто гадко; но что смѣшно — это скорбь его о томъ, что скажутъ о призваніи его умалишеннымъ, знаменитые его друзья и ученые: Ballanche, Laménais, Guizot и какіе-то нѣмецкіе шустера — метафизики! Но полно: еслибъ ты не вызвалъ меня, я бы о немъ промолчалъ, потому что не люблю разочаровывать.»

Въ опроверженіе обвиненій Чадаева въ паткости убѣжденій, какъ на лучшій отвѣтъ, укажемъ на разборъ этого письма въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Русскаго Вѣстника» на этотъ годъ.

Намъ могутъ, пожалуй, замѣтить, что виною узости взгляда на жизнь и превратнаго пониманія существенныхъ обязанностей гражданина было въ Давыдовѣ постоянное, почти безвыходное житіе его въ сферѣ Бурцовыхъ и тому подобныхъ собутыльниковъ. Но у Давыдова замѣтно нѣкоторое стремленіе къ приобрѣтенію прочныхъ знаній; онъ жалуется въ своей автобіографіи на свое крайне-поверхностное образованіе, — и будь это стремленіе, будь эти жалобы болѣе искренны онъ вѣрно попалъ бы въ кругъ иной, не столь грубой и немыслящей. Въ то время, какъ и въ настоящую минуту, въ числѣ людей того званія, къ которому принадлежалъ Давыдовъ, было не мало свѣтлыхъ умовъ, и благородныхъ сердецъ, умѣвшихъ понимать стремленія и надежды людей въ родѣ Чадаева и находившихъ въ себѣ силу идти къ ихъ осуществленію.

Намъ кажется, самую темною стороною характера Давыдова было самолюбіе. Забота объ ореолѣ славы для своей головы на время не осталась безъ плода; но онъ забылъ, что только тѣ имена идутъ въ

потомство и становятся дорогими для людской памяти, о которых люди, носившие ихъ, забывали, жертвуя всею своею личностью, общему благу.

Переводы и подражанія Н. В. Берга. Изданіе Н. В. Гербеля. Спб. 1860. Въ 8-ю д. л.

Собраніе стихотворныхъ переводовъ и подражаній г. Берга составляетъ первый выпускъ предпринятой г. Гербелемъ «Библиотеки иностранной поэзіи», съ целью, какъ говоритъ издатель, пополнить, хотя отчасти, недостатокъ въ нашей литературѣ изданій, знакомящихъ съ поэзіею другихъ народовъ. Для этого онъ предположилъ выпустить отъ времени до времени собранія стихотворныхъ переводовъ извѣстныхъ русскихъ поэтовъ-переводчиковъ.

Въ числѣ такихъ поэтовъ г. Бергъ пользуется почтенною и вполне заслуженною репутаціею, со времени изданнаго имъ въ 1854 году сборника, подъ заглавіемъ «Пѣсни разныхъ народовъ». Этотъ сборникъ, напечатанный съ текстомъ подлинныхъ пѣсень, остается при своемъ прежнемъ значеніи и послѣ изданія нынѣшняго собранія, въ которое не вошло изъ него ни одной пѣсы. «Подражанія и переводы» даже дополняютъ его въ значительной степени. Цѣлый отдѣлъ, занимающій половину новой книги, посвященъ народнымъ пѣснямъ.

Здѣсь, на первомъ планѣ произведенія народной поэзіи славянской. Книга начинается върнымъ, добросовѣстнымъ и въ то же время поэтическимъ переводомъ знаменитаго собранія древне-чешскихъ стихотвореній, извѣстнаго подъ именемъ «Краледворской рукописи». Этотъ любопытный памятникъ, передавъ г. Бергомъ цѣликомъ.

Далѣе переводчикъ выбралъ изъ цикла эпическихъ, сербскихъ пѣсень о гибели сербскаго царства, нѣсколько наиболее характеристичныхъ и составляющихъ въ совокупности какъ бы цѣлую поэму. За этими пѣснями слѣдуютъ еще нѣсколько эпическихъ и лирическихъ сербскихъ пѣсень.

Всѣ замѣтили еще въ изданіи «Пѣсни разныхъ народовъ» преимущественно переводы съ славянскихъ языковъ. Такъ и въ настоящей книгѣ имъ отдаемъ мы преимущество въ первомъ отдѣлѣ. Стихъ г. Берга также не принужденъ и естественъ, какъ въ подлинникѣ. Знакомство съ русскою пѣснью, съ языкомъ и тономъ ея, сообщило большую свѣжесть его переводамъ. Не говоря уже объ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ тонъ давался самымъ подлинникомъ, стоить прочесть хоть бы переводъ пѣсни «Морлахъ въ Венеціи» изъ апокрифическаго сборника Мериме, которому подражалъ Пушкинъ въ сво-

ихъ «Песняхъ Западныхъ Славянъ». Вамъ кажется, будто у г. Берга былъ въ рукахъ дѣйствительно сербскій подлинникъ.

Изъ трехъ новогреческихъ пьесъ одна клефтокая, а именно «Сонъ Дима»; по силѣ и одушевленію, съ какими передалъ ее г. Бергъ, читатели могутъ судить и о переводахъ съ сербскаго, которые составляютъ лучшую красу сборника, а потому мы и приведемъ эту пьесу цѣликомъ. Вотъ она:

«Не разъ я говаривалъ Диму въ бою:
Приплюсни ты вострую шапку свою,
И мѣдную грудь запахни у себя:
Не то угадають альбанцы тебя!

Кукуеть кукушка за дальней горой,
Кричитъ куропатка въ долину глухой,
А ласточка, взвившись, надъ Димомъ шумить,
По нашему Диму поетъ—говорить:
Что нынче задумчивъ и не веселъ, Димъ?
И что ты пойдешь къ паликарамъ своимъ?

«А то я задумчивъ, что легъ я уснуть,
И только дремой позабылся я чуть—
Гляжу: небеса и въ дыму, и горять,
И красныя звезды оттуда глядятъ;
И мутны кровавыя волны ручья,
И кровью забрызгана сабля моя!»

Два испанскихъ романа о Сидѣ, вышли нѣсколько прозаичны въ переводѣ. Сдѣлаемъ по поводу ихъ одно чисто техническое замѣчаніе. Намъ кажется, четырехстопный хорей, оканчиваясь мѣстами мужской цесурой, отчасти нарушаетъ на русскомъ стройность эпическаго разсказа. Однообразія нечего бояться и при женскихъ окончаніяхъ во всей пьесѣ: отъ него спасутъ мужскія цесуры въ срединѣ стиха, какъ напримѣръ въ третьемъ стихѣ слѣдующаго четверостишія.

«Жидъ пришелъ взглянуть на Сиду,
Подошелъ и самъ съ собою
Разсуждалъ: Такъ вотъ какой онъ,
Этотъ Сидъ, вездѣ хвалимый!»

Второй отдѣлъ книги г. Берга, названный: «Переводы съ разныхъ языковъ», представляетъ большое разнообразіе. Тутъ есть переводы и съ санскритскаго, и съ древне-арабскаго, и съ древне-греческаго, и съ латинскаго, и съ итальянскаго, и съ нѣмецкаго, и съ шведскаго, и съ англійскаго, и съ чешскаго, и съ польскаго. Наиболее переводовъ съ послѣдняго языка и затѣмъ съ санскритскаго.

Г. Бергъ выбралъ эпиграфомъ для своего собранія слова Гоголя: «Въ переводъ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и мнѣю всего къ словамъ, хотя послѣднія очень соблазнительны». Руководствуясь этимъ правиломъ, переводчикъ позволялъ себѣ иногда замѣтные отступленія отъ выраженной подлинника; но ни какъ нельзя его упрекнуть, чтобы онъ не сохранялъ самаго тона въ большей части пьесъ. Исключеніями можно назвать развѣ переводъ первой еврейской мелодіи Байрона: *the walks in beauty*, да еще оды Горация и двухъ пьесей Анакреона (первой и второй; «Цикада» удачнѣе можетъ-быть потому, что г. Бергъ не стѣснялся римой).

Мы очень жалеемъ, что въ числѣ переводовъ съ санскритскаго, не встрѣтили цѣлой эпизодической поэмы изъ Махабгараты: «Сундъ и Унасундъ», переведенной г. Бергомъ и напечатанной когда-то въ «Москвитининъ». Эта поэма, разумѣется, не доставитъ читателю большаго эстетическаго наслажденія, какъ чуждая ему по духу; но она очень интересна какъ историческій памятникъ чудовищныхъ вѣрованій древней Индіи.

Большинство нашей публики знакомо съ древне-индійскою поэзіей лишь по «Налю и Дамаянти» Жуковскаго, который перевелъ эту поэму съ довольно свободнаго, хотя и глубоко пропитаннаго первобытною поэзіей переложенія Рюккерта. Вѣроятно не многимъ известно существованіе вѣрнаго, хотя не художественнаго перевода этой поэмы, сдѣланнаго г. Коссовичемъ, однимъ изъ немногихъ русскихъ знатоковъ Санскрита. Мы имѣли случай прочесть въ рукописи и еще переводъ г. Коссовича изъ «Махабгараты», именно эпизодъ «Савитри», по нашему мнѣнію отличающійся еще большимъ поэтическимъ обстоятельствомъ, чѣмъ эпизодъ о Налѣ. По этому переводу рассказалъ исторію Савити г. Полонскій, но и его пересказъ тоже почему-то до-сихъ-поръ не напечатанъ. Труды, подобныя переводамъ г. Коссовича, не могутъ конечно найти себѣ мѣста въ журналахъ, какъ представляющіе довольно исключительный интересъ; но мы думали, что всякой любитель поэзіи, ищущій въ ней не одного лишь минутнаго наслажденія, а знакомства съ воззрѣніями и нравственнымъ развитіемъ человечества въ разныя эпохи его жизни, былъ бы очень благодаренъ, если бы проектированная г. Гербелемъ «Библіотека» познакомила насъ съ санскритскою поэзіей въ переводахъ г. Коссовича.

Единственный отрывокъ изъ «Махабгараты», помѣщенный въ книгѣ г. Берга (Царь Ушнара и коршунъ) далеко не такъ характеристиченъ, какъ эпизодъ о Сундѣ и Унасундѣ, и мы не знаемъ, за что онъ отдалъ ему преимущество передъ послѣднимъ. Преданіе въ родѣ разсказа о царѣ Ушнарѣ есть и о Магомметѣ. Далѣе г. Бергъ перевелъ нѣсколько мел-

кихъ пьесъ изъ Срингаратилаки, Амару и Бхартригари. Особенно оригинальна пьеска перваго поэта «Двушка-охотникъ».

„Милую видѣть мучительно жажда,
Къ ней прибѣжалъ я; вдругъ стала у ней
Лукомъ натянутымъ бровь ея каждая,
Меткими стрѣлами—взоры очей;
Я же, испуганной, сдѣлавшись серною,
Сталъ на порогъ, а сердце колотится!
Буду я здѣсь добычею върною,
Пусть поиграетъ она, поохотится!»

Изъ прелестныхъ пьесенъ Амару мы помнимъ двѣ-три въ переводѣ, кажется, г. Ознобишина, напечатанномъ въ альманахѣ тридцатыхъ годовъ «Съверная Лира». Г. Бергъ перевелъ двѣ, изъ которыхъ мы выишемъ одну, по нашему мнѣнію очень граціозную. Она называется «Двѣ дѣвушки».

„Будь въ страстяхъ своихъ умнѣе,
Силъ душевныхъ не губи;
Съ милымъ будь похолоднѣе,
Такъ безумно не люби!
Та стоитъ, блѣдна, чуть дышитъ:
Замолчи и не грѣши!
А не то тебя услышитъ
Властелинъ моей души!
Онъ отсюда недалѣко,
У меня подъ сердцемъ спитъ,
И недремлющее око
Всякой вздохъ мой сторожитъ!»

Г. Бергъ объясняетъ въ выноскѣ, что выраженіе: «властелинъ моей души», переведено съ санскритскаго слово въ слово.

Жаль, что изъ большаго собранія мелкихъ стихотвореній Бхартригари г. Бергъ выбралъ всего два, и то очень незамѣчательныхъ... А между тѣмъ большая часть этихъ пьесъ можетъ быть поставлена на ряду со многими лучшими отрывками изъ греческой антологіи. Мы судимъ о нихъ по нѣмецкимъ переводамъ Гёфера и Рюккерта.

Богатое собраніе древне-арабскихъ стихотвореній, извѣстное подъ названіемъ «Хамасы» дало г. Бергу одну прелестную пьеску «Бедуинъ».

„Я смотрѣлъ, за пальмой скрытый, сладко плача и рыдая,
Какъ она съ горы спускалась, что денница молодая;

Я смотрѣлъ—и непрестанно грудь слезами обливалась,
Точно нить драгихъ жемчужинъ въ ожерельѣ разорвалась“.

Изъ остальныхъ переводовъ г. Берга укажемъ на двѣ оригинальныя пьесы шведскаго поэта Рунсберга, и на стихотворенія Мицкевича, которыя одни могли бы составить особую книжку. Читая отрывки, переведенные изъ «Пана Тадеуша», нельзя не желать, чтобы г. Бергъ съ такимъ же поэтическимъ тактомъ, съ такою же поэтической вѣрностью передалъ всю поэму по-русски. Не менѣе хорошъ и небольшой отрывокъ изъ «Коврада Валленрода». Въ «Крымскихъ сонетахъ», изъ которыхъ мы встрѣчаемся въ книгѣ г. Берга съ тринадцатю, онъ не вездѣ держался формы подлинника, какъ и Козловъ; но по поэтической передачѣ послѣдняго никакъ нельзя сравнить съ г. Бергомъ. Онъ часто опускалъ именно самыя характеристическія подробности въ переводимыхъ имъ поэмахъ. Какъ примѣръ перевода г. Берга, приведемъ сонетъ «Аккерманскія степи».

„Плыву среди сухаго океана,
Въ волнахъ цвѣтовъ ныряетъ легкій возъ,
Минуя кустъ колючаго бурьяна
И острова коралловые розъ.
Не видно ни дороги, ни кургана;
Сіянье звездъ по небу разлилось;
А тамъ, вдали, какъ зарево зажглось:
То блещетъ Днѣстръ—лагуна Аккермана!
Какая тишь! трава не шелохнетъ!
Кругомъ меня вся ночь живетъ и дышитъ;
Вотъ, журавлей мнѣ слышится полетъ;
Чу, мотылекъ во тьмѣ траву колышетъ,
И легкій вѣтеръ ласково поетъ...
Какая тишь! откликнись, мой народъ:
Въ такой тиши мой духъ тебя услышитъ!
Повѣдомъ: голосу никто не подастъ“.

Чтобы указать и недостатки сборника г. Берга, скажемъ, что братья за переводъ такихъ пьесъ, какъ двѣ пѣсни Ганки, пѣсня Масальскаго, и, наконецъ, какъ стихотвореніе «Парень и дѣвица», написанное частью Одынцемъ, частью Мицкевичемъ, рѣшительно не стоятъ. Они переведены, пожалуй, и не дурно, да въ нихъ нѣтъ никакого поэтическаго достоинства.

М. Л.

Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній Павла Якушкина. Спб. 1860.

Всѣмъ извѣстно событіе, случившееся съ г. Якушкинымъ въ Псковѣ, описаніе его и полемика съ полиціймейстеромъ Гемпелемъ. Понятно по этому съ какими ожиданіями мы стали читать путевыя письма г. Якушкина, — и, къ сожалѣнію, должны признаться, что нашли далеко не то, что думали. Г. Якушкинъ подмываетъ довольно мѣтко черты народнаго быта и характеры — но все это выражается въ отрывочныхъ замѣткахъ, мелочахъ, часто ничего неговорящихъ. Кажется, что виною слабости путевыхъ писемъ взглядъ автора на дѣло. Г. Якушкинъ думаетъ, что живой народъ слѣдуетъ описывать какъ какое-то необыкновенное растеніе. Встрѣчается съ нимъ солдатъ, рыбакъ, чухонка, монахъ, — онъ приводитъ цѣликомъ разговоры съ нимъ, нигдѣ не отступая даже хоть бы для вывода смысла, — все это непереваренное, не пережеванное комомъ ложится въ голову читателя. Значительная часть писемъ посвящена пребыванію на Чудскомъ и Ильменскомъ озерахъ, — гдѣ авторъ хотѣлъ поглядѣть на рыбацкій промыслъ, — и что же? картины промысла и быта рыбаковъ вы вовсе не видите, а только мелькаютъ предъ глазами мужички съ безконечными разговорами. Часто, вмѣсто того, чтобъ сказать въ трехъ словахъ о какомънибудь обычаѣ рыбаковъ, объяснить какойнибудь терминъ ихъ промысловаго языка — авторъ приводитъ цѣлую страницу разговоровъ, словомъ — описываетъ весь процессъ, какимъ-образомъ онъ что узналъ. Мы спросимъ еще, къ чему авторъ удерживалъ съ стенографической точностью въ разговорахъ и описаніяхъ, складъ выраженія простонародной рѣчи? Мѣстное выраженіе характеровъ, остротъ рѣчи русскаго простолюдина дороги, они должны быть вносимы въ литературный языкъ, обогащать его, — но цѣлыя страницы, на которыхъ не попадается ничего годнаго въ этомъ отношеніи.... Къ чему это? Неужели авторъ думаетъ, что это литературный прогрессъ? Смѣемъ ему сказать, что это поворотъ назадъ, и притомъ весьма скучный.

Другая причина слабости г. Якушкина, — неподготовка его къ предмету. Онъ не потрудился ознакомиться съ краемъ изъ того, что напечатано, — а только при этомъ условіи можно скатать истинно-дѣльное, можно получить взглядъ на предметъ, понятіе о томъ, чего слѣдуетъ искать, отъ того тамъ, на примѣръ при описаніи Старой Руссы, гдѣ читатель вправъ былъ бы ожидать дѣльнаго изложенія о вредѣ военныхъ поселеній, о перемѣнѣ въ бытѣ народа съ уничтоженіемъ ихъ, характеристику аракчеевскаго управленія и проч. и проч., вмѣсто этого онъ находитъ кой-какія замѣтки, сдѣланныя какимъ-то старикомъ,

очень похожих на замечанія двухъ мужичковъ о колесе чичиковскаго тарантаса.

Впрочемъ, можетъ быть мы и не совсѣмъ правы относительно г. Якушкина. Видно что письма его собственно замѣтки изъ памятной книжки.... Но кто же издаетъ такіа замѣтки,—онѣ имѣютъ значеніе только для обладателя памятной книжки,—а для другихъ развѣ только тогда, когда онѣ великій историческій человѣкъ. По этому мы имѣли право требовать отъ книги съ заглавіемъ «Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній» того, что представляютъ подобныя изданія во всѣхъ европейскіхъ литературахъ.

Мы, впрочемъ, вовсе не хотимъ сказать, чтобъ книга г. Якушкина лишена была интереса, — читатель найдетъ въ ней много характеристическихъ анекдотовъ — мы ихъ не приводимъ, не желая вырывать лучшую часть книги,—но она не даетъ того, чего читатель вправдѣ былъ ожидать и отъ заглавія и даже отъ имени автора. Приводимъ только одинъ анекдотъ, характеризующій самого г. Якушкина «При мнѣ (на тверской станціи желѣзной дороги) одна старуха просила всѣхъ кондукторовъ и офицеровъ взять ее съ собой, потому что у ней денегъ нѣтъ ни копейки, все потратила въ Твери: она солдатка, такъ ей надо же было изъ кантонистовъ дѣтей выписывать, и надобно было ей всего-то взать до Волочка, а тамъ въ сторону... Плакала старуха, кланялась въ ноги, но всѣ начальствующіе ей отказали: не имѣемъ, говорятъ, права. *Признаться вамъ сказать меня удивила эта брутовская стойкость, это «чувство законности» даже при такихъ обстоятельствахъ!*

Это очень характерично. Г. Якушкинъ думаетъ, что чиновники могутъ съ благотворительной цѣлью дарить казенныя деньги (или что тоже билеты на проѣздъ). Какъ же послѣ этого нападать на чиновниковъ, которые распоряжаются казеннымъ добромъ, какъ своимъ, когда такой даровитый человѣкъ и литераторъ, и притомъ человѣкъ благородный, какъ видно изъ всѣхъ его произведеній и поступковъ раздвѣляетъ въ сущности тоже самое убѣжденіе. Конечно, это явилось отъ доброты сердца,—но это мнѣніе показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и степень пониманія общественныхъ вопросовъ, — показываетъ и то, что читатель не можетъ ожидать многого отъ такого путешественника.

О ПРИОБРѢТЕНІИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ ПО РУССКОМУ ПРАВУ. Соч. Н. И. Энгельмана С.п.в. 1859 г.

Лѣтъ десять тому назадъ, одинъ отставной офицеръ обратился къ военному министру съ прошеніемъ *отвести ему землю для пропитанія.*

Министръ доложилъ объ этомъ Государю Императору, и на прошеніе послѣдовала Высочайшая резолюція объ отводѣ офицеру участка въ казачьихъ земляхъ, съ тѣмъ чтобъ онъ и потомство его несли казачью (офицерскую) службу и приказано впредь взять эту мѣру за правило при подобныхъ случаяхъ.

Здѣсь живо сказалось національное русское понятіе о землѣ! У насъ земля всегда считалась общимъ доменомъ всего русскаго народа. До-сихъ-поръ этотъ взглядъ твердо сохранился въ нашемъ законодательствѣ и существуетъ повсемѣстно, если не какъ фактъ, то какъ великій принципъ.

Каждый русскій имѣетъ право и возможность получить участокъ земли отъ государства не за деньги, а даромъ, на основаніи только того, что онъ русскій. Крестьянинъ помѣщичій получаетъ землю въ надѣлъ отъ помѣщика: до такой степени строго проведенъ принципъ землевладѣнія, даже и въ этомъ сословіи, что если у помѣщика не будетъ земли въ достаточномъ количествѣ по числу крестьянъ, — то послѣдніе отбираются отъ него и обращаются въ государственные, т. е., получаютъ землю отъ государства.

Государственные крестьяне имѣютъ землю въ общинномъ владѣніи, — ни одинъ членъ этого сословія не можетъ остаться безъ участка земли, община обязана ему выдавать наравнѣ съ другими. Но община, т. е. число ея членовъ, можетъ разростись современемъ до такой степени, что участки каждаго сдѣлаются чрезвычайно малы. Здѣсь опять выступаетъ великій принципъ: община имѣетъ право послать выборныхъ осмотрѣть по всей Россіи казенныя незаселенныя земли, выбрать по своему усмотрѣнію участокъ и выслать на него часть своихъ членовъ.

Къ этому сословію государственныхъ крестьянъ, имѣющему абсолютное право на полученіе земли отъ государства, принадлежатъ всѣ отпрыски другихъ разрядовъ нисшаго и средняго сословія: отставные солдаты, вольноотпущенные мѣщане и прочіе. Всѣ они имѣютъ право приписаться къ общинѣ государственныхъ крестьянъ и слѣдовательно сдѣлаться землевладѣльцами, и притомъ не справляясь согласна ли община принять ихъ, или нѣтъ; потому что община владѣетъ казенною землею, и слѣдовательно не можетъ имѣть права отказывать въ участіи владѣнія другимъ. Наконецъ, вольноотпущенные имѣютъ право вступать въ казачье сословіе, слѣдовательно опять таки становятся землевладѣльцами.

Что касается до дворянъ, то въ старое время они имѣли eo ipso, право на личный земельный участокъ, — каждый дворянскій сынъ по достиженіи совершеннолѣтія «верстаеся», т. е. получалъ помѣстье или участокъ государственной земли съ обязательствомъ нести военную службу, подобно тому, какъ государственный крестьянинъ платилъ и

платить денежный оброкъ. Со временъ Петра Великаго измѣнился и характеръ службы чрезъ уничтоженіе дворянскаго ополченія и самое право дворянства на землю. Въмѣсто земли дворянство стало получать денежное жалованье и пенсіи; безземельное, не имѣя навыка къ сельскому хозяйству, не много цѣнило прежнее право на поземельную собственность. Но, вотъ, десять лѣтъ тому назадъ, нашелся же дворянинъ и офицеръ, который просилъ участокъ земли, — и просьба его не только уважена, но и повелѣно, частный случай обратить въ общее правило.

Конечно положеніе члена общины государственныхъ крестьянъ, — сословія хотя и свободнаго, но находящагося подъ строгой опекой администраціи, не представляетъ много привлекательнаго даже и для бѣднаго мѣщанина; владѣніе свободнымъ небольшимъ участкомъ, гдѣ вѣбудь на окраинѣ государства не можетъ особенно нравиться дворянину или офицеру даже и въ нищетѣ, потому что при существованіи крѣпостнаго права, небольшое свободное хозяйство (фермерное) почти не можетъ идти. Положимъ, что это право русскаго на землю является большею частью для лицъ неприннадлежащихъ по происхожденію къ государственнымъ крестьянамъ или казакамъ, только какъ абстрактъ, осуществленіе его сопряжено съ формальностями весьма затруднительными. Но все это не уничтожаетъ важности великаго принципа, выработаннаго духомъ и исторіей народа и устоявшаго послѣ столькихъ переворотовъ въ законодательствѣ. Многое изъ того, что мѣшаетъ или дѣлаетъ непривлекательнымъ осуществленіе его, измѣнится быстро въ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія и полусвободнаго состоянія государственныхъ крестьянъ. Земля получитъ настоящую цѣну, владѣніе ею даже и въ малыхъ размѣрахъ станетъ выгоднымъ, и тогда принципъ начнетъ осуществляться. Измѣнятся многія юридическія отношенія и сельская община перестанетъ быть *крестьянской*, т. е. составленной исключительно изъ лицъ ниспаго класса несвободныхъ или полусвободныхъ, и станетъ общиной народной въ полномъ смыслѣ этого слова.

Какая прекрасная современная и благодарная тема для юридическаго изслѣдованія! Отъ чего бы Г. Энгельману было не посвятить всю свою диссертацию этому *способу приобрѣтенія* поземельной собственности коренному, національному? Но онъ писалъ диссертацию по той классификаціи юридическихъ понятій, которая находится въ сводѣ гражданскомъ и въ учебникахъ права. А тамъ въ числѣ способовъ и не упомянуть коренной ни подъ цифрою, ни подъ буквою. Стоитъ только пожалованія, завладѣнія, земская давность, купля, мѣна и проч. Авторъ написалъ немалое изслѣдованіе о томъ, съ какими формальностями этими способами приобрѣтается и укрѣпляется право собственности на

землю въ наше время, и какъ это было въ старину по судебникамъ и Уложенію,—даже сравнилъ этотъ механизмъ съ римскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ. Диссертація вышла *дольная*, какъ принято говорить. Дѣйствительно, все въ ней точно, обстоятельно, вездѣ подведены цитаты. Ученые судьи должны одобрить ее. Но можно ли впннть наше общество въ равнодушія въ такого рода книгамъ, въ которыхъ оно не найдетъ отвѣта не на одинъ живой вопросъ? Правы ли наши ученые, когда оставляютъ въ сторонѣ великіе принципы національнаго права и весь трудъ обращаютъ на сухую формалистику, которая конечно нужна въ наукѣ,—но гораздо послѣ.

Лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ М. М. Михайлова. С.п.в. 1860. Выпускъ 1-й.

Г. Михайловъ обѣщаетъ изложить мѣстные гражданскіе законы дѣйствующіе въ Остзейскомъ краѣ, Малороссіи, Бессарабіи, на Кавказѣ, въ казачьихъ земляхъ и у инородцевъ сибирскихъ. Теперь вышелъ первый выпускъ его труда, затѣмъ появится второй и послѣдній. Въ первомъ выпускѣ изложена только исторія источниковъ остзейскихъ законовъ, — а главная часть — ихъ догматическое содержаніе отложено до втораго. Поэтому надобно полагать, что второй выпускъ будетъ сравнительно съ первымъ очень великъ. Если же авторъ думаетъ изложить съ такою же подробностію исторію бессарабскихъ и кавказскихъ законовъ, какъ и исторію остзейскихъ, — и догматическую часть мѣстныхъ законовъ пропорціонально съ историческою, то мы съ трудомъ понимаемъ такое неравное раздѣленіе двухъ выпусковъ. О вышедшемъ теперь выпускѣ можно сказать, что въ немъ есть много излишняго. Собственно въ исторіи остзейскаго права отведено вѣсколько страничекъ, а вся остальная часть книжки занята изложеніемъ исторіи германскаго права съ самыхъ отдаленныхъ временъ, — на томъ основаніи, что источники германскаго права дѣйствовали въ Остзейскомъ краѣ. Но исторія германскаго права нужна только какъ введеніе, поясненіе къ исторіи остзейской, а послѣдняя въ той же скромной мѣрѣ для догматическаго изложенія дѣйствующихъ законовъ,—а между тѣмъ у г. Михайлова въ вышедшемъ выпускѣ на оборотъ—большой хвостъ прикрѣпленъ, да еще на живую нитку, къ маленькой головѣ; полагдемъ что будетъ дальше.

А. В. ЛОХВИЦКІЙ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДВА СВѢТА, РОМАНЪ КРАШЕВСКАГО.

(Dwa Swiaty, powiesé Kraszewskiego)

ОКОНЧАНИЕ.

Мамъ остается прибавить нѣсколько словъ къ этому, и безъ того длинному извлеченію изъ романа Крашевскаго. Читатели должны понять, что здѣсь собственно оканчивается эта замѣчательная повѣсть и судьба другихъ лицъ романа такъ опредѣлилась, что всякій догадается, что могло статься съ ними. Поля не овладѣла съ своей страстію и умерла отъ злой чахотки. Эмиль, одинъ изъ всѣхъ членовъ семьи Каринскихъ, остался другомъ Алексѣя и однажды испросилъ позволеніе навѣстить его. Заброшенный въ домъ брата, жена котораго боялась его, онъ мало-по-малу одичалъ, потомъ впалъ въ апатію, наконецъ въ прежній идиотизмъ и умеръ какъ жилъ, въ совершенномъ одиночествѣ. Анна вышла замужъ за Альберта, не смотря на то, что дядя Атаназій глубоко скорбѣлъ о такомъ выборѣ и не церемонилась назвать Альберта куклой. Она по словамъ автора не долго была счастлива; состоянія не оказалось у ея мужа, который жилъ тѣмъ только, что она принесла ему при замужествѣ; притомъ она скоро разгадала все ничтожество его и обратила всю любовь свою на своего ребенка. Юліанъ женился на милліоннѣхъ Зенобіи; ему, говоритъ авторъ, какъ и сестрѣ, выпадало многого тосковать и порою томиться жизнью, но мы превозносимъ себя не вносимъ повѣрить дѣйствительности этой тоски. Мы часто видали, что такого рода люди тоскуютъ особеннымъ образомъ, изъ приличія, для *порядку*, если можно такъ выразиться. Развѣ хорошаго тона люди могутъ быть довольны своимъ жребіемъ? Это какъ-то отзывается мѣщанствомъ. Непонятны женщины выдуманнны въ большемъ свѣтѣ и до-сихъ-поръ тамъ обитають. Людямъ высшаго полета надо непременно скучать, чваниться, корчить изъ себя, что-нибудь, чтобы только быть не самимъ собою, и непременно презирать кого-нибудь, чтобы тѣмъ казаться выше и недоступнѣе. Отсюда непонятны женщины и разочарованные мужчины. А дарчикъ открываеся просто. Чего, напримѣръ, не понять въ Аннѣ и ей подобныхъ? Въ чемъ разочароваться Юліану и имъ подобнымъ? И Анна и Юліанъ такъ холодны, безсильны, такъ изуродованы и извращены жизнью и понятіями извѣстнаго, узкаго круга, такъ эгоистичны и неспособны ни къ чему, что думая о нихъ невольно вспомнится книга одного Француза, который писалъ о исчезновеніи породы и вымираніи расъ.

Романъ Крашевскаго напоминаетъ эту книгу. Дѣйствительно въ немъ изображена такая порода, которая не имѣетъ будущности, которая не только въ физическомъ, но еще болѣе въ нравственномъ отношеніи неудержимо, неизбежно стремится къ исчезновенію. Да и гдѣ право ея на дальнѣйшее существованіе? Все что живетъ и дышетъ на землѣ, должно жить и дышать до-тѣхъ-поръ, пока приноситъ хотя относительную пользу? Какую пользу не только человѣчеству, но странѣ, обществу могутъ принести Юбіаны? Мало того, какую пользу могутъ они извлечь изъ существованія даже для самихъ себя? Они не умѣютъ упрочить за собою даже относительное матеріальное счастье. Они не довольно порочны, чтобы словомъ сжиться съ своею порочною стію и наслаждаться одними матеріальными благами жизни. Имъ все что-то неловко, всего имъ мало, и они все еще чего-то желаютъ, не смотря на то, что не имѣютъ никакого на это права.

Въ романѣ Крашевскаго съ одной стороны является благородное, хотя и не сильное лицо молодого бѣднаго дворянина, подлѣ избѣжавшаго знатнаго барича, который напоминаетъ жаксъкую намъ каторгію баръ на нашей родной землѣ. Мы съ неизреченіемъ утробили слово: баричъ, говоря о героѣ Крашевскаго, ибо къ нему невозможно отнести слово аристократъ. Намъ кажется вообще, что это западное понятіе неприложимо къ Россіи. Мы не довольно знакомы съ Польшею и еще менѣе знакомы съ другими славянскими землями, чтобы сказать какое именно значеніе имѣетъ ихъ аристократія или знать, какъ она сложилась, какъ живетъ и думаетъ,—да и признаться, насъ это интересуетъ въ меньшей степени. Романъ Крашевскаго намъ показался особенно замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ сопоставлены два различныя слоя, того же самаго класса, а именно богатая знать и небогатое дворянство. На Западѣ, въ двухъ первенствующихъ странахъ, есть двѣ знаменитыя аристократіи — изъ которыхъ одна процвѣтаетъ до-сихъ-поръ, а отъ другой уцѣлѣли только одни обломки, вымирающія такъ сказать отрасли: это аристократіи Англій и Франціи. Французская аристократія исключочающая и исключительная, замкнутая, не принимала никого въ себя и не допускала самой мысли о какомъ бы то ни было сближеніи съ другими классами общества. Въ этихъ свойствахъ ея таится зародышъ ея будущей гибели. Въ борьбѣ съ людьми новыми, нравственно сильными и энергическими она не устояла; она осознана и рухнула, оставивъ по себѣ малочисленныхъ сыновъ, живущихъ теперь въ родной странѣ своей безъ всякаго вліянія на дѣла политическія, живущихъ однимъ воспоминаніемъ прошлаго. Напротивъ тою аристократію англійскую, вѣчно возобновляющую сама себя, принимающую въ свои нѣдра, все что выходитъ изъ уровня посредственности. Талантъ, богатство, заслуга передъ лицомъ націи имѣютъ въ нее доступъ, входятъ въ нее, сливаются съ ней въ одно крѣпкое цѣлое. Въ этомъ-то именно и лежитъ ея живучесть, ея сила, ея право на дальнѣйшее существованіе.

Французская аристократія, закоренѣлая въ своихъ понятіяхъ, вездѣ послѣдовательна. Французъ-аристократъ изучилъ свою родословную, расскажетъ вамъ, что такой-то Генрихъ XX или Эдуардъ XV, прапрадѣдъ его, участвовалъ въ такомъ-то походѣ, а былъ убитъ въ та-

комъ-то сраженіи, что у него не было сыновей, но племянникъ его, такой-то, ему наследовалъ (будто на королевскомъ или княжескомъ престолѣ) и былъ взвѣстенъ... и проч. и проч. все въ подробности. А онъ, рассказчикъ вашъ, потомокъ этихъ рыцарей и притомъ потомокъ обидѣнный, залезъ за каменнымъ заборомъ какой-нибудь улицы Бакъ (*), и мечтаетъ о возшествіи Бурбоновъ на прародительскій престолъ и о высокой роли, которая тогда будетъ предоставлена ему, потомуку рыцарей, умиравшихъ на полѣ брани за вѣру и короля. Отечество правда играетъ въ его воспоминаніяхъ менѣе важную роль, чѣмъ его вѣра, его король, не это не его вина, а вина французскихъ аристократическихъ преданій, на которыхъ онъ выросъ. Имя, славу, значеніе приобрѣлъ его предки, сражаясь за вѣру (въ крестовые походы), за короля (во время междоусобныхъ распрій). Отечество стояло какъ будто на второмъ планѣ за этими двумя великими, для французскаго аристократа принципами, и осталась для нихъ совершенно на второмъ планѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ люди революціи 1789 года, разорвали всякую связь между собою и наследственной монархіей.

Въ Сенжерменскомъ предмѣстіи и во всей провинціальной аристократіи, связанной съ ней и родствомъ и единствомъ политическихъ убѣжденій, есть не только свои воззрѣнія на вещи и изврѣченія, ставшія аристократизмомъ, но есть еще свои нравы, свои обычаи, свои завѣтными, непреложныя правила для обыденной жизни.

У насъ же все эти понятія чужія, наносныя, а не свои; понятія нашей знати также пестры и разнородны, какъ самый составъ ея, въ которомъ нѣтъ ничего связующаго, крѣпкаго; ничего дѣйствительнаго въ ея значеніи, кромѣ скоро преходящей въ ихъ рукахъ власти, и еще болѣе скоропреходящаго богатства. Развѣ мы не знаемъ, что смыслова людей, имѣвшихъ власть и силу, проматываютъ съ неслыханною быстротою достоянія своихъ отцевъ. Наша знать, что тѣни китайскаго фонаря; нынче одни, завтра другія, и какъ скоро являютъ онѣ, также скоро и исчезаютъ.

Съ недавняго времени у насъ тоже начинается классъ общества болѣе образованный, болѣе полезный. Лѣтъ тому сто или даже пятьдесятъ онъ былъ не болѣе, какъ клиентомъ знати, ея униженной святей, ея хвостомъ; теперь мало-по-малу онъ будто начинаетъ понимать, что такое самостоятельность, начинается знакомиться съ чѣмъ-то похожимъ на чувство собственнаго достоинства, онъ не гонится за знатью, не добивается родниться и якшаться съ ней, держитъ себя особнякомъ, безъ спѣси, но не безъ гордости. Мы говоримъ о среднемъ дворянствѣ. Къ нему мы отнесимъ не только образованныхъ по-

(*) Вся улица Бакъ, какъ и многія другія улицы Сенжерменскаго предмѣстія, напоминаютъ ея grand, по своему устройству, устройство татарскихъ городовъ и предмѣстій. Извѣстно, что весь Вахчисарай и татарское предмѣстіе въ Симферополѣ состоятъ изъ небольшихъ каменныхъ стѣнъ, широканыхъ воротами на вѣчномъ запорѣ, за которыми построены жилища татаръ. Въ улицѣ Бакъ и другихъ высокія каменные стѣны, огромныя, всегда закрытыя ворота, скрываютъ за собою дома, принадлежащіе знатымъ фамиліямъ. Домъ стоитъ въ глубинѣ двора, съ садомъ позади. Entre cour et jardin выражаетъ необходимое условіе аристократическаго жилища.

мѣщиковъ (какъ ихъ ни мало), но еще и всѣхъ тѣхъ, кто благодаря образованію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или недавно нажитому богатству, или наконецъ чинами прибрѣтенными отцами на службу, породнились съ среднимъ дворянствомъ и вошли въ составъ его. Если отцы такихъ людей не отличались образованностію, то сыновья этихъ выслужившихся отцевъ уже учатся и мало-по-малу все, что есть у насъ образованнаго, честнаго, желающаго блага родной землѣ, примыкаютъ къ этому классу, который всякой день увеличивается, видимо развивается и обѣщаетъ дать полезныхъ дѣятелей обществу. Этотъ классъ не говоритъ о своемъ значеніи, и еще не ищетъ его, но онъ трудится, или начинатьъ трудиться: въ немъ не мало старыхъ русскихъ именъ, подѣлъ именъ новыхъ; все это читаетъ, живетъ по деревнямъ, и даже по городамъ, но нѣсколько удивленно, особенными группами. Въ послѣдніе годы вѣсти изъ губерній подтверждаютъ существованіе подобныхъ кружковъ; въ каждомъ губернскомъ городѣ есть небольшое зерно образованнаго общества, составленное именно изъ такихъ лицъ. Люди небогатые различныхъ происхожденій, вышедшіе изъ университетовъ, лицеевъ, школы правовѣдovъ и другихъ, разсѣваясь по губерніямъ, тотчасъ примыкаютъ къ этимъ кружкамъ, и женятся по большей части на дочеряхъ дворянъ средней руки. Молодому человѣку, хорошо образованному, трудно жениться иначе. Какъ бы ни было недостаточно воспитаніе русскихъ дѣвушекъ, дочь дворянина средней руки образованнѣе купчихи или мѣщанки, образованнѣе часто и дочери знатнаго барина. Оно понятно; живя въ деревнѣ или живя въ городахъ, безъ возможности постоянныхъ шумныхъ удовольствій и развлеченій, онѣ читаютъ очень много по русски. Тогда какъ дочери разныхъ баръ воспитывавшіе по французскому рецепту ничего не читаютъ, ничего не знаютъ кромѣ какъ богатствъ на двухъ, трехъ языкахъ, да повторять какъ попугай историческія имена и числа (это впрочемъ ужъ замѣчательная ученость) безъ всякаго понятія, развитія, безъ всякаго знакомства съ эпохой, лицами и наконецъ идеей. Заключенныя въ узкую сферу свѣта и баговъ, лишеныя всякой свободы, дома, всякаго развитія, онѣ для сохраненія своего дорогаго титула *jeune fille*, даже и до двадцати пяти лѣтъ, незнакомы ни съ одной литературой. Это почти тоже невѣжество, что и у купчихъ, но подѣвной, болѣе изящной формой. Но здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ и мы возвращаемся къ среднему дворянству, о которомъ говорили. Пусть не думаютъ, что мы желаемъ выставить его въ идеальномъ свѣтѣ—несколько, мы говоримъ только, что оно существуетъ уже въ зародышѣ, начинаетъ слагаться, что въ немъ есть *что-то*, что обѣщаетъ въ будущемъ, и что въ настоящее время вся образованная молодежь (какъ ея ни мало) примыкаетъ къ нему, родится съ нимъ, входитъ въ него

Романъ Крашевскаго обратилъ на себя наше вниманіе именно потому, что герой его, Алексѣй Дробицкій, показался намъ лицомъ похожимъ по положенію и характеру, на людей средняго дворянства въ Россіи, хотя онъ бѣднѣе и завислѣе, чѣмъ такіе люди у насъ.

Посмотримъ же каковъ характеръ Алексѣя и Юліана представителя знати.

Въ началѣ романа оба молодые люди, товарищи по университету и

друзья, являются одинаково благородными въ своихъ чувствахъ и понятіяхъ, одинаково развитыми, и внушаютъ почти равную симпатію; но по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе развивается, характеръ обихъ означается болѣе и болѣе. Типъ Юліана, созданный съ замѣчательнымъ талантомъ, котораго потребовалъ тѣмъ больше, что онъ представлялъ мало крупныхъ чертъ и рѣзкихъ особенностей для очерченія всей его фигуры, есть тѣмъ немощи физическаго, немощи нравственнаго и отсутствія того, что составляетъ самую дорогую принадлежность человѣка: отсутствіе воли, самообладанія, конечное невѣденіе того, что зовется *правилами*. Громадный эгоизмъ и прямо изъ него вытекающая черная неблагодарность—таковы основы этой бѣдно-созданной и криво направленной воспитаніемъ натуры, совершенно искажившейся въ искусственныхъ отхошеніяхъ высшаго общества. Да и какъ остаться простымъ и безыскусственнымъ, правдивымъ и честнымъ, безкорыстнымъ и добросовѣстнымъ, тамъ гдѣ ложь, спѣсъ, жажда пріобрѣтенія и пустота господствуютъ нераздѣльно. Нельзя сохранить здравыя человѣческія понятія тамъ, гдѣ все понятія искажены до безобразія (послушайте только предсѣдателя—а ихъ вездѣ много найдется), гдѣ нѣтъ простаго человѣческаго смысла, а есть принятая, условная правда, и принятая, условная нравственность, страшно безнравственная. Таковы, между прочимъ, намекъ предсѣдателя на то, что женившись на миллионеркѣ и выдавъ Полю замужъ, Юліану никто не помѣшаетъ возобновить съ ней романъ своей Юліанъ, и таковы все вообще Юліаны, входящія въ этотъ закодированный отъ серьезной мысли свѣтъ, въ этотъ кругъ обвѣтой тройною цѣлью предрасудковъ и извращенныхъ понятій, и думать съ первоначала, что его слабы, налету схваченныя въ школы идеи уцѣлѣвъ въ немъ, и пристануть отъ него къ людямъ его сферы. На дѣлѣ, разумеется, оказывается не то. И болѣе сильному душею, и болѣе развитому уму, и болѣе отважному духомъ пришла бы не подъ силу такая борьба. Надо было думать не столько о другихъ какъ оставлять себя и, спасая себя, выйдти изъ душевой сферы—далеко отставить ее за собою. Любовь Поля въ этомъ случаѣ могла играть роль спасителя. Но малодушный, слабосильный себялюбецъ Юліанъ именно и погибаетъ отъ любви къ Полю. Изъ честнаго юноши онъ быстро переходитъ въ роль недостойнаго обольстителя и окончательно патнаетъ себя рядомъ недостойныхъ поступковъ, онъ начинаетъ недобросовѣстной сдѣлкой съ своей совѣстью и кончаетъ тѣмъ, что вступаетъ на скользкую тропу, гдѣ каждый шагъ есть новое паденіе, есть новое преступленіе. Юліанъ вездѣ вѣрнѣ самому себѣ, онъ не только не можетъ рѣшиться дѣйствовать по внушенію сердца и чести, онъ даже не смѣетъ высказать своихъ желаній и мыслей. Дядя его управляетъ имъ самовластно. Намъ не нужно глядѣть вдаль, послѣ его женитьбы и догадываться что станется съ нимъ—передъ нами стоитъ уже личность его дяди-предсѣдателя, рѣзко обрисованная и вполне удовлетворительная до своей психологической правды. Вотъ тѣмъ отдѣляется Юліанъ въ старости, за исключеніемъ впрочемъ ума, котораго предсѣдатель не придется занимать ни у кого, тогда какъ со временемъ Юліану несомнѣнно предназначено утратить и малую долю того ума, который держала его природа. Умъ, и особенно умъ обмыканный, какъ умъ

Юлиана, требует постоянного ухода, литаіа, постоянного упражненія; въ пошлой, пустой и искаженной средѣ, онъ долженъ необходимо потухнуть, какъ огонь въ мететическомъ воздухѣ. Кромѣ того несчастіе Юлиана, представителя выродившейся породы и состоитъ въ томъ, что онъ не способенъ къ совершенному нравственному развращенію, какъ его дядя. Въ немъ нигдѣ нѣтъ цѣлостности, если можно такъ выразиться — онъ нравственный недоросекъ. Онъ подобно своему дядѣ-предсѣдателю не способенъ вполне освоить себѣ извѣстнаго взгляда на жизнь, извѣстнаго образа дѣйствій, въ немъ никогда не воцарится невозмутимое согласіе между правиломъ и дѣломъ, мыслию и жизнью, стремленіями души и преслѣдованіемъ извѣстныхъ цѣлей практической мудрости. Всѣ пороки, преступленія Юлиана вытекаютъ не изъ порочности его природы, а изъ слабосилія и слѣдствія того изъ постепеннаго искаженія понятій. Молодые люди вообще и люди богатые въ-особенности мало-думаютъ о томъ, что такое недостатокъ силы. Во всѣхъ прошедшихъ для дѣтей стоитъ та неоспоримая аксіома, правда которой всякой день подтверждается жизнью: «справдливость есть мать всѣхъ пороковъ.» Мы убѣждены въ томъ, что рядомъ съ нею надо поставить другую аксіому, столь же неопровержимую, а именно: недостатокъ силы и слѣдственно характера есть задатокъ всѣхъ низкихъ поступковъ. Кому не случилось видѣть людей одаренныхъ свѣтлымъ умомъ, рѣдкимъ сердцемъ, великодушными порывами и прекрасными стремленіями и чтоже? Все это гибнетъ, гложетъ, на всегда уничтожается и ведетъ часто къ позорной жизни, безчестнымъ дѣламъ, всякаго, кто не одаренъ силой и волей. Мы сказали всякаго, потому что если найдется хотя одинъ безсильный человѣкъ, который бы не запятналъ себя безчестнымъ дѣломъ, то это случилось благодаря однимъ только обстоятельствамъ, внѣшней обстановкѣ или положенію. Иначе онъ неминуемо былъ бы увлеченъ потокомъ и непременно бы погибъ. Безсильнаго пловца быстрая рѣка унеситъ за собою — только сильный пловецъ можетъ бороться съ потокомъ. А потокъ жизни сильнѣе всякаго бурнаго потока воды. Сила и воля, опирающаяся на крѣпкомъ основаніи правилъ и принциповъ несокрушимы и такъ могучи, что изъ человѣка одареннаго очень обыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, создаетъ замѣчательнаго дѣятеля, истинно честнаго члена общества. Въ жизни нельзя полагаться на сердце и умъ — надо полагаться на правила и характеръ — только они одни не обманутъ. Но характеръ создается воспитаніемъ, правила тоже зарождаются, благодаря воспитанію, и крѣпнуть въ соприкосновеніи съ обществомъ. Гдѣ нѣтъ ни здороваго, осмысленнаго воспитанія, ни сложившагося общества и слѣдственно общественнаго мнѣнія, тамъ почти нѣтъ ни характеровъ, ни правилъ. Тамъ не нарождаются сильные люди, а если бы и народились они, то такъ или иначе сложенные, задавленные массой, должны неминуемо погибнуть, особенно при шаткости правилъ, которыя не могутъ выработаться въ такомъ несозрѣвшемъ обществѣ. Въ такихъ несложившихся обществахъ большинство будетъ всегда состоять изъ Юлиановъ, чувствительныхъ, мелкихъ и вѣчно колеблющихся, и изъ предсѣдателей холодныхъ, не колеблющихся и идущихъ прямо къ цѣли, не выбирая средствъ для ея достиженія, словомъ вполне обладающихъ житейскою мудростію. Они не падаютъ, какъ Юлианы, а просто

лежать посреди грязи, основвшись съ нею, пожалуй наслаждаясь ею. Въ такихъ обществахъ есть конечно и благородные, но все-таки не состоятельные люди, лишенные дѣятельности и почти всегда загубленные какой-нибудь несчастой страстію. Да и какъ не гибнуть имъ отъ любви, отъ игры, отъ всякаго другаго экцесса? Мужчину спасаетъ отъ несчастой страсти одна общественная дѣятельность, которая поглощаетъ не только избытокъ силъ его, но и всѣ его силы; когда нѣтъ общественной дѣятельности человѣкъ складываетъ руки, опускаетъ голову, и гложетъ въ бездѣйствіи безплодно, мечтая о томъ, что могло бы быть и чего нѣтъ, или очертя голову бросается во всѣ экцессы, гдѣ хоронитъ все лучшее души своей.

Алексѣй съ этой точки зрѣнія совершенно понятенъ: онъ не бросился въ крайности, а сложивъ руки обрекъ себя на безмолвіе и отчаянное бездѣйствіе. Последнее слово романа, гдѣ авторъ убѣждаетъ насъ, что Алексѣй молчалъ по цѣлымъ часамъ, глубоко вѣрно. Иначе быть не могло, весь онъ источился въ страданія, весь ушелъ въ себя, потому что уйдти ему было некуда. Онъ не былъ по своей природѣ способенъ предаваться разгулу или буйному разврату, дѣятельности передъ нимъ не было—чтожъ ему оставалось дѣлать? Онъ сложилъ руки и остался навѣки съ одной мыслию, неотвязною, какъ пунктъ помѣшательства. Любовь такова, что становится пунктомъ помѣшательства, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, при недостаткѣ дѣятельности и серьезнаго отданія себѣ цѣли болѣе серьезной и важной. У Алексѣя не отъискалось цѣли, или по крайней мѣрѣ не отъискалось возможности посвятить всего себя благородному дѣлу и потому онъ погибъ, тѣмъ легче, что не страдалъ избыткомъ силы и воли. Въ этомъ онъ совершенно вѣренъ дѣйствительности — но мы не можемъ согласиться ни съ Алексѣемъ, ни съ самимъ авторомъ въ томъ, что Анна не женщина, а ангель, не свѣтская дѣвушка, а святая. Мы охотно прощаемъ это ваззрѣніе Алексѣю, принимаемъ во вниманіе то, что онъ въ качествѣ влюбленнаго, ослѣпленъ страстію, но не можемъ простить этого автору, не можемъ простить ему тѣмъ болѣе, что не смотря на свои отзывы о Аннѣ, онъ создалъ ее чрезвычайно полно и вѣрно. Это мастерски обрисованная свѣтская дѣвушка; она вездѣ вѣрна самой себѣ, вѣрна съ дѣтства усвоеннымъ понятіямъ, которыя исказили частію ея сердце, еще болѣе исказили умъ ея и обрекли ее на жертву первому пустоголовому щеголю, бездушному фразеру, котораго ей доведется встрѣтить. Анна, дѣвушка добрая по природѣ, готовая принять участіе въ бѣдѣ ближняго, лишь только бы бѣда эта не заходила за узкій кодексъ, который она привыкла считать своимъ Кораномъ. Онъ-то навязывалъ ей, не правила нравственности, а тѣсный кругъ искаженныхъ понятій, скривленныхъ обычаевъ. Въ этой зачумленной средѣ, которую зовутъ она свѣтомъ и за которой для нея нѣтъ янаго свѣта, ей суждено не жить а прозябать и провести безцвѣтную молодость, страшась и избѣгая мысли, чувства, впечатлѣній, то есть живой жизни, отдавая всю себя одному лишь исполненію условныхъ законовъ и порою условныхъ удовольствій. Участъ жалкая—но не слишкомъ достойная сожалѣнія, ибо Анна съ своей точки зрѣнія убѣждена, что ей жить хорошо, что иначе жить невозможно женщинамъ ея класса. Она довольна своею судь-

Бою—кто же осмѣлится за нее быть недовольнымъ ею? Анна, не смотря на доброту свою, не обладаетъ чувствительнымъ сердцемъ, оно или замерло въ ней или неравнѣлось, что почти одне и тоже; она холодна душою и не способна ни оцѣнить, ни раздѣлить истинной любви. Отъ того, живя подъ одною кровлею, постоянно дѣля досуги и все свое время съ Алексѣемъ, она не подозреваетъ любви его; а когда узнаетъ о ней, то приходитъ въ ужасъ, негодование, и отдается чувству позорнаго стыда, какъ того и ожидать слѣдовало. Видъ Алексѣй по законамъ свѣтскаго уложенія не могъ осмѣлится любить ее; ее можетъ любить только равный, а Алексѣя, по его бѣдности и незнатному имени, она не считаетъ себя равнымъ; слѣдовательно онъ совершилъ преступленіе и это преступленіе противъ свѣтскихъ уставовъ ужасаетъ ее гораздо больше, чѣмъ безчестный поступокъ Юліана, который забывъ о Богѣ, совѣсти и чести, обольстилъ несчастную сироту, взятую въ его семью на воспитаніе. Богъ, совѣсть и честь понятія отвлеченныя для Анны. Она всякій день молится Богу, братъ ея также присутствуетъ при церковномъ служеніи, слѣдственно они оба не исполняютъ въ этомъ отношеніи свои обязанности. Кромѣ того Юліанъ *ле украдъ* и никогда еще *не струсилъ*, слѣдовательно честь его осталась неприкосновенной, а совѣсть? Ну да и совѣсть можно усмекнуть. Полъ можно дать великодушное приданое. Кто не бывалъ мелодъ? Да и сама Поля виновата во всемъ этомъ гораздо больше чѣмъ Юліанъ. Женщина всегда виновата, гласитъ свѣтская заповѣдь, когда мужчина погубилъ ее. Вотъ вкратцѣ понятія, правила свѣта, гдѣ живетъ Анна, она ихъ усвоила, и съ замѣчательной настойчивостію провела ихъ въ жизни и покоряется имъ. Слѣдуя имъ, она заботится, чтобы свадьба Поли совершилась безъ огласки и скандала и, сбывъ съ рукъ подругу своего дѣтства и молодости, названную сестру свою, даже не навѣщаетъ ее. Только однажды какъ то печально понадеваетъ она къ ней за нѣсколько минутъ до ея смерти. Характеръ Анны ровный, мягкій, уступчивый и кроткій, какъ нельзя лучше дѣрсовываетъ свѣтскую дѣвушку; возможно ли себя представить ее влече, какъ выломанную, вышколепную, до безлчія отполированную и нравственно и физически. Она ни чѣмъ не возмущается, все ее трогаетъ умѣренно, прилично, какъ тому и быть слѣдуетъ. Надо впрочемъ замѣтить, что всѣ холодныя сердца женщины одарены ровнымъ, кроткимъ нравомъ и пріятны въ обращеніи и обыденной жизни. Это понятно. Тотъ только неровенъ, порывистъ, склоненъ къ измѣняющемуся расположенію духа, кто чувствителенъ, впечатлителенъ, а оттого порою впадаетъ въ раздражительность. Ничто не возмущаетъ, не раздражаетъ, не затрогиваетъ холодную женщину, какъ же ей не быть характера ровнаго, права уживливаго и всегда одинаковой, нынче какъ завтра, вчера какъ нынче.

Замѣчательно тоже, что Анна, живя въ своей семьѣ, остается слѣпа и безчувствена къ драгѣ, которая завязывается, развивается и наконецъ развязывается на глазахъ ея; по этому поводу всѣ ее окружающіе говорятъ постоянно о ея святости, что очень понятно, но что самъ авторъ твердитъ намъ тоже, это уже совершенно непонятно. Юліану, предводителью, всей семьѣ нежно и должно говорить о святости Анны; это въ обычай. Въ великосвѣтскихъ гостинныхъ всѣ дѣвицы суть

или мѣтять въ святыхъ; онѣ такъ невинны, такъ отдаются отъ жизни, и она тревожней; это впрочемъ не мѣшаетъ имъ въ возмнѣдять дѣтъ уважать и лютыйскую мудрость отцовъ и матерей и динаматическую тонкость въ семейныхъ дѣлахъ и интригахъ гостиной. Этого пышный титулъ святой рисуетъ намъ опять и самую Анну и кругъ ея. Ея святость на глаза всякаго здравомыслящаго человека превращается въ равнодушіе, эгоизмъ и поворное безучастіе къ судьбѣ близкихъ. Не лучше ли ей и подобнымъ ей быть менѣе святой и болѣе заботливой, менѣе дѣтски-невинной и болѣе прерзливой и пытаться спасти свѣтомъ, просѣбамъ и любовію, двухъ ей близкихъ существъ, очевидно стремящихся къ гибели. А это было бы возможно. Если Анна не выдала любви брата къ Полю, то потому только, что не хотѣла ее видѣть. Что было бы легче, какъ вразумить Полю, удалить брата, который не только любитъ сестру, но еще по своейвольной ему слабости боится ее, боится и самой любви своей къ Полю, и ея любви къ себѣ. Впрочемъ роль Анны могла бы быть достойна честной женщины, и послѣ того, какъ она узнала объ отношеніяхъ Поля къ Юліану — но Анна не честная женщина, она только свѣтская дѣвушка. Она, бѣдная, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ истинномъ долгѣ своемъ, также какъ и о чести мужчины и потому не можетъ подать брату благаго совѣта, не можетъ помочь ему дѣйствовать по внушенію совѣсти и чести. Она не понимаетъ собственныхъ обязанностей, гдѣ-жъ ей судить объ обязанностяхъ другихъ? За прикѣрами идти не далеко. Пока она дома, она ухаживаетъ за глухими братомъ; кажется будто онъ составляетъ предметъ ея особенныхъ, постоянныхъ попеченій, кажется будто онъ—дѣль ея жизни, несвѣдѣнной милосердію по словамъ автора—но все это только кажется. Не успѣла Анна выйдти замужъ, какъ она бросила брата на произволъ судьбы, то есть, оставила его на попеченіе Юліана и жены его; а они, занятые своими экипажами, убранствомъ дома, своими роковыми заѣтками, разумѣется и знать не хотятъ о существованіи несчастнаго Эммы, который вскорѣ и умираетъ безъ призора, съ однимъ лакеемъ у своей постели. Анна не является и на похороны несчастнаго, котораго, будто тайкомъ, хоронятъ въ семейномъ склепѣ. Точно также несостоятельною оказывается она и въ отношеніи къ Алексѣю. Узнавъ что онъ увлекъ Эмму изъ бездны идиотизма, она говоритъ о вѣчной своей къ нему благодарности, и даже увлекается собственными образами до того, что высказываетъ мысль, будто считаетъ его себѣ равнымъ, членомъ своей семьи. Она думаетъ что, сказавъ это, заплатила за все, ибо соглашается потомъ на волю предѣдателя, который и выгоняетъ Алексѣя изъ ихъ дома. Мало того, узнавъ что Алексѣй при смерти, она какъ благовоспитанная свѣтская дѣвушка не подаетъ признака жизни, пребываетъ въ своихъ помыслахъ и даже не осведомляется о немъ, не восмѣляетъ сказать его матери о его смертельномъ недугѣ. Человѣческія чувства подавлены, заглушены въ ней приличіемъ — въ самомъ тѣсномъ и узкомъ смыслѣ этого слова.

Не смотря на очевидное измѣреніе Крашевскаго представлять въ Аннѣ не что бы то ни стало идеальную дѣву, онъ не достигъ этой цѣли и мы можемъ за это принести ему благодарность не ему, автору.

а его таланту, который по мимо его воли руководилъ чуткимъ перомъ его. Анна вышла изъ подъ дараваго пера этого — красивою, доброю, не козвонною двлаушной знатнаго дома, искаженною воспитаніемъ, не вѣщающей понятія о долгѣ, обязанности и правмахъ честной женщины, но за то свободномъ рецентомъ поведенія законнаго (*forte a glâce*, какъ говорятъ французы), въ тѣсныя цѣпи предрасудковъ и правилъ. Въ ней нѣтъ и педосервія о томъ, что такое развитіе — самое слово это, какъ для ней, такъ и для многихъ ей подобныхъ невѣдомое и звучитъ дико. Сердце ея подчинено разуму (это еще не бѣда), а разумомъ водкиженъ (и вотъ здѣсь-то именно ея Ахиллесева пята) предрасудкамъ, увикимъ понятіямъ искусственной среды, зараженной неизлѣимой эпѣзою, возмущающимъ чванствомъ, низостію и олдственно безинравственности.

Менше всѣхъ понятенъ и крайне слабо задуманъ и выдержанъ характеръ Поля. Что она такое? Это трудно опредѣлать. Страстная женщина? Но истинная страсть, безморыстная любовь никогда не бываетъ безотыдна. Поля является иногда такимъ, особенно въ польскомъ подлинникѣ, который мы позволили себѣ смягчить въ переводѣ и сжатости русскаго разсказа. Или Поля увлекающаяся кокетка, какою она кажется въ началѣ романа? И этого нѣтъ, потому что она жертвуетъ собою и умираетъ отъ безумной и недостойной страсти къ малодушному, жалкому Юлиану. Это совершенно невѣрно въ психологическомъ отношеніи. Поля сильна отъ природы, а женщины одаренныя силой не умираютъ а переживаютъ и излѣчиваются отъ страсти, когда онѣ полюбили человека недостойнаго. Гордость, чувство собственного достоинства спасаютъ ихъ. Если прибавить къ этому, что Полей руководитъ инстинктъ, что у ней нѣтъ опредѣленныхъ понятій и никакихъ правилъ, то можно помериться и съ ея непонятнымъ съ перваго взгляда поступкомъ, именно съ рѣшеніемъ ея выйдти замужъ и вмѣстѣ съ собою сгубить, девчанаго и добродушнаго Юстина. Женщина можетъ жертвовать собою, но кто далъ ей право жертвовать другимъ, губить другаго? Поля, какъ и другія лица романа, исключая Ажекся, совершенно неразвиты, первобытны, если такъ можно выразиться, не смотря на то, что самыя условія ея жизни таковы, что она должна бы была развиться, особенно при ея умѣ, рѣдкой наблюдательности и смѣтливости.

Что касается до Юстина и до Атаназія, то это не лица, это больше чѣмъ чудакъ, это какіе-то нравственные уроды, подъ которыми нельзя усмотрѣть какой бы то ни было дѣйствительной почвы. Это что-то въ родѣ ярмыковъ, ходячихъ теорій. Юстинъ ярмыкъ на это, и притомъ пощаднаго и глауionato-добродушнаго. Атаназій ходячая теорія аристократизма, теорія непонятная и обитая непроницаемымъ мракомъ мистицизма. Графъ Юноша какой-то мелкій представитель отрезвившагося сына вѣдшекой образованности, который возвращается въ доню природы, надѣваетъ сапки и сѣрмагу, и по рецепту Руссо дѣлается первобытнымъ человекомъ, съ примѣсью впрочемъ какого-то польскаго славянофильства.

Всѣ вообще лица романа Крашевскаго поразили насъ одвою, ярка выступающей особенностію — признакомъ несозрѣвшаго общества, неустановившихся понятій, мы говоримъ о совершенномъ отсутствіи

въ нихъ всякихъ принциповъ, кромѣ тѣхъ, которые имъ навязаны ихъ средою. Эта среда, это общество, сложилось съ французскаго свѣта. Въ немъ мы видимъ всѣ пороки вырождающагося первообраза; въ немъ самымъ большимъ свѣтъ, какъ его изобразилъ Крашевскій, мы видимъ всеобщее подражаніе жизни, правамъ и обычаямъ Франціи, и какъ въ самой Франціи видимъ извѣженную, искаженную, обезсиленную, извращенную аристократію, стремящуюся къ нечеловѣческому, носящую въ себѣ зародышъ смерти. Взгляните только попристальнѣе на это семейство Карлинскихъ. Предсѣдатель и Атаназій бездѣтны; Юліанъ слабъ физически еще болѣе чѣмъ нравственно—прочтите только описаніе его извѣшенной, женоподобной, болѣзненной наружности и сложенія. Эмиль глухонѣмой, и умираетъ въ юности. Авторъ не говоритъ намъ, что Юліанъ имѣетъ пресмычковъ своего имени, но мы можемъ заключить, что у него или вовсе нѣтъ дѣтей или его дѣти повторяютъ въ себѣ всѣ наследственные слабости, немощи, и уродства отцовскаго рода. Такия породы не долго существуютъ, онѣ обречены на гибель и неминуемо угасаютъ. Самъ Юліанъ не болѣе какъ выродившійся потомокъ, когда то сильныхъ и могучихъ предковъ. Что же станетъ съ дѣтьми его и каковы они будутъ? Отвѣтъ не можетъ быть двойной.

ЕВГЕНІЯ ТУРЬ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ПИСАТЕЛЯ XIII ВѢКА КИРАКОСА ГАНЦАКЕЦИ О МОНГОЛАХЪ.

Недавно вышелъ въ Москвѣ изъ печати армянскій текстъ Исторіи Киракоса Ганцакеци о монголахъ ¹⁾. Еще въ рукописи она, т. е. Исторія, обратила на себя вниманіе многихъ ученыхъ любопытными свѣдѣніями о первыхъ нашествіяхъ монголовъ. Авторъ будучи современникомъ описываемыхъ событій, и находясь долгое время въ плѣну у этихъ дикихъ пришельцевъ, рассказываетъ о нихъ такъ подробно, и съ такою точностію, что свѣдѣнія доставляемые имъ не лишены интереса для монгольскаго періода русской исторіи, а для исторіи монголовъ и ихъ завоеваній въ Азійи они очень важны. Онъ начинаетъ свою исторію обращеніемъ армянъ въ христіанскую вѣру, и оканчиваетъ 1270 годомъ. Книга его раздѣляется на два отдѣла; въ первомъ онъ приводитъ событія, рассказанныя другими историками армянскими; во второмъ онъ самъ очевидецъ, и говоритъ только о томъ, что самъ видѣлъ, или слышалъ отъ другихъ, которыхъ онъ тутъ же называетъ по имени.— Хотя періодъ занимаемый татарами въ исторіи не великъ (не болѣе двухъ вѣковъ), но завоеванія ихъ были такъ обширны, власть ихъ была такъ распространена, они имѣли такое сильное вліяніе на судьбы Азійи и нѣкоторыя части Европы, что рѣдкій народъ въ такое короткое время совершалъ болѣе, чѣмъ они, или, лучше сказать, даль исторіи болѣе фактовъ, чѣмъ они. Хотя исторія ихъ очень богата источниками, которыми воспользовались ученые — Гоммеръ, d'Ohson, Котрмеръ, но

¹⁾ Книга издава въ концѣ 1856 года.

эти ученые при своих исследованиях выпустили из виду армянских историков, которые доставляют нам богатый материал для истории и географии Азии, особенно в продолжение периода от Чингизь-Хана до Тимурлана включительно.

Из сохранившейся истории *Юстуса Ванакана* о нашествии татаръ на Армению, Иверию и Агванию ²⁾ утрачена; но въ XII и XIII вѣкѣ литература армянская пробудилась съ новою силою, и не было недостатка въ людяхъ, желавшихъ увѣковѣтить свою память добросовѣстной передачей былаго. Таковы были современники и ученики Ванакана—*Киракосъ*, *многъ Магакія* и *Варданъ* ³⁾, которые часто ссылаются на сочиненія своего друга и наставника (т. е. Юанна Ванакана).

Мы хотѣли познакомить читателей съ книгою Киракоса, и дать имъ понятие о содержаніи и образѣ изложенія его творенія. *Киракосъ* родился въ началѣ XIII вѣка, потому что въ 690 году эры армянской, или въ 1242 году по Р. Х., ему было, какъ онъ говоритъ на страницѣ 163, «сорокъ лѣтъ, нѣсколько болѣе или менѣе». Значитъ онъ родился въ 1201 или 1202 году. 1270 годомъ онъ прекращаетъ вдругъ свою лѣтопись, и должно полагать, что смерть застала его еще за трудомъ, которымъ онъ хотѣлъ оставить по себѣ память. Въ предисловіи онъ говоритъ: «Каждый изъ предшествующихъ мнѣ писателей брался за что нибудь важное: или описывалъ дѣяніе какого нибудь царя, или же исторію какого нибудь знаменитаго рода. Но мы лишены всего этого. Царство наше въ династіи Аршакидовъ и Багратидовъ перестало существовать ⁴⁾, и нѣтъ болѣе владѣтелей артонскихъ (въ собственной великой Арменіи). Далѣе онъ проситъ читателей не искажать его труда и не пренебрегать имъ, а сънисходительно прочесть его, и самимъ оставить по себѣ память для потомковъ». Далѣе прибавляетъ онъ: «Но мы примемся за трудъ и начнемъ съ преемниковъ Св. Григорія на патриаршемъ престолѣ и вкратцѣ доведемъ событія до настоящаго времени, — чтобъ трудъ нашъ сдѣлался бы намъ не мертвымъ, но живымъ надгробнымъ памятникомъ, и чтобъ памятно было въ немъ имя Киракоса». По примѣру рѣдкихъ армянскихъ лѣтописцевъ, онъ упоминаетъ въ началѣ своего творенія, всѣхъ извѣстныхъ историковъ армянскихъ, изъ которыхъ многіе дошли благополучно до нашего времени, а другіе или искаверканы переписчиками, или совершенно утрачены.

Онъ начинаетъ свою исторію, какъ уже мы сказали, обращеніемъ армякъ въ христіанскую вѣру, и въ краткихъ словахъ описываетъ время послѣднихъ царей Аршакидовъ ⁵⁾ въ Арменіи, и воцареніе династіи Сассанидовъ въ Персіи.—Далѣе онъ говоритъ объ изобрѣтеніи

²⁾ Т. е. Албанію.

³⁾ *Варданъ* написалъ всеобщую исторію или, лучше, исторію всѣхъ извѣстныхъ въ его время народовъ. Въ его книгѣ много любопытнаго для всеобщей исторіи. Сочиненія его еще неизданы. Одна прекрасная рукопись находится въ румяновскомъ музеумѣ.

⁴⁾ Авторъ жилъ во время правленія Рупенидовъ, которые въ концѣ XI вѣка основали четвертую династію Армянскаго царства не въ Великой Арменіи, а въ Киликіи.

⁵⁾ Династія Аршакидовъ въ Арменіи отъ 150 лѣтъ до Р. Х. до 428 по Р. Х.

писемъ армянскихъ въ царствованіе Врашпапуха (392—414), о переводѣ Библии на армянскій языкъ, о первыхъ писателяхъ армянскихъ V вѣка, составляющихъ золотой вѣкъ армянской литературы. О паденіи Армянскаго царства Аршакидовъ онъ говоритъ мало. По примѣру другихъ лѣтописцевъ и онъ не терзаетъ насъ виду рядъ патріарховъ, на престолѣ Св. Григорія, что случить ему въ тоже самое время хронологическою нитью до позднѣйшихъ временъ. О религіозныхъ несогласіяхъ армянъ съ греками онъ упоминаетъ, хотя и не такъ часто, какъ современныя ему лѣтописцы.

По паденію Царства Армянскаго персы управляли Армению посредствомъ своихъ маршановъ⁶⁾, которыхъ Киракосъ также добросовѣстно исчисляетъ до воцаренія династїи Багратидовъ. — Вообще въ 1-мъ отдѣлѣ своего творенія Киракосъ не выпускаетъ изъ виду просвѣщенность царей соссанидскихъ и греческихъ, современныхъ описываемымъ эпохамъ. Далѣе онъ говоритъ, о возникновеніи религіи Магомета, о паденіи Царства Персидскаго. Но, что принадлежитъ въ этомъ наложеніи самому Киракосу—это то, что онъ въ каждомъ періодѣ забываетъ, сколько можно, распространиться о литературѣ известной эпохи, и о ея представителяхъ въ то время, и о томъ, о чѣмъ они писали. Изъ всѣхъ древнихъ армянскихъ писателей я ни у кого не встрѣчалъ этой особенности, дѣлающей честь автору. Далѣе онъ рассказываетъ о мажествѣ силъчукидовъ и о паденіи царства Багратидовъ и оначиваетъ первый отдѣлъ свой 1185 годомъ. До-сихъ-поръ (до 3-й главы) какъ онъ самъ говоритъ, трудъ его есть собраніе и компіляція трудовъ его предшественниковъ, но то, что онъ намъ рѣшилъ рассказать далѣе, тому онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ или слышалъ о немъ отъ самихъ очевидцевъ.

Въ 1224 году въ первый разъ вторгнувшись въ Русь монголы при Мстиславѣ-Удаломъ и Мстиславѣ Романовичѣ Киевскомъ.

Окончивъ завоеваніе Хиразма, два полководца монгольскіе Чене и Субатой хотѣли вести войска свои вокругъ Каспійскаго моря черезъ Дербендскія ворота для присоединенія съ толпами Чингизъ-Хана. Еслибъ обстоятельства благоприятствовали имъ, то они, не касаясь Руси, предприняли бы обратный путь. Но другіе обстоятельства, предшествовавшіе ихъ появленію на Руси, принудили ихъ не мирно обойти Каспійское море, а силою пройти черезъ непреступныя преграды Кавказскихъ горъ, и потому, открывая себѣ путь оружіемъ, монголы вовлекли въ споръ съ собою полководцевъ русскихъ и, побѣдивъ ихъ легко, открыли новое поприще для своихъ завоеваній.

Мы предлагаемъ читателю переводъ нѣсколькихъ главъ исторіи Киракоса Гандзакецы, стараясь какъ можно ближе придерживаться къ подлиннику, и передавая собственные имена такъ, какъ ихъ произносятъ самъ авторъ. Вотъ какъ онъ описываетъ первое появленіе въ Европѣ татаръ.

⁶⁾ Пограничные правители, отъ слова *марз*—граница и *панз*—стражъ, соответствуетъ нѣмецкому *Marcgraf*.

ГЛАВА XI.

О томъ какъ выступили татары, и обратили въ бѣгство царя
ГРУЗИНСКАГО.

«Въ лѣто 669 (1121), когда возгордившимся своею побѣдой надъ Тад-
жикомъ (мухомедане) грузины отняли у нихъ нѣсколько областей ар-
мянскихъ, внезапно безчисленныя полчища вооруженнаго войска втор-
гнулись въ Агванію (Албанію) черезъ ворота Дербендскія, и устремивше-
ся на Грузію и Арменію. Все, что попадалось имъ на пути, они предавали
мечу—людей, скотъ, даже собакъ, не обращая вниманія ни на что—ни
на богатая одежды, исключая только лошадей. Они быстро дошли до
города Тифлиса, вскорѣ воротились снова въ Агванію, къ предѣламъ
города Шахона ⁷⁾».

Всюду предшествовалъ имъ лживый слухъ,— что они по вѣрѣ своей
маги и христіане и творятъ чудеса; что они пришли на мщеніе тад-
жикамъ за притѣсненіе христіанъ. Говорили также, что у нихъ въ
шатрахъ есть церковь и крестъ чудотворный; что они приносятъ къ
кресту четверикъ ячменю, и что все войско кормитъ имъ своихъ ло-
шадей, и что четверикъ всегда остается полнымъ. Также самое говорили
и о людской пищѣ. Таними лживыми слухами наполнились страны наши,
и жители ихъ не думали укрѣпиться. Такъ одинъ священникъ вышедъ
къ нимъ на встрѣчу со всемъ своимъ приходомъ и хоругвами. Ино-
племенники однако бросились на нихъ и перерѣзали всѣхъ до одного.
Находя всюду беззаботныхъ жителей, они умерщвляли ихъ, и, награбивъ
добычу, скрывали ее въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстахъ между двумя
городами—Портавомъ (Берда) и Белугавомъ, и укрѣпили эти мѣста.
Оттуда они производили набѣги на окрестныя области. Тогда царь
грузинскій *Лаші* ⁸⁾, и великій военачальникъ Иванѣ собрали войска свои
и устрѣмились на нихъ. Вступивъ въ долину Хунакъ, они встрѣтили
непріятеля. Завязалась битва. Сначала татары обратились въ бѣгство,
но такъ какъ они приготовили засаду, то засадныя войска ударили въ
тылъ грузинамъ. Тогда остановились и бѣгущіе, и, окруживъ христіанъ
нанесли имъ въ тотъ день жестокое пораженіе. Бѣжали царь и князья
его. Непріатели собравъ добычу падшихъ, возвратились въ свои лагеря.

Царь грузинскій снова собралъ войска свои и шелъ на непріятеля;
но тѣ, взявъ жезъ, дѣтей и дожитки свои, нахвртывались воротиться на
родину чрезъ Дербендскія ворота. Войска таджиковъ, находившіяся въ
Дербендѣ не допустили ихъ до прохода. Тогда они прорвались чрезъ
Кавказскія горы, по мѣстамъ не проходимымъ, наполняя овраги и бездны
камнями, деревомъ, пожитками, лошадьми и боевыми своими снарядами.
Такъ они воротились къ себѣ на родину. Начальникомъ ихъ былъ нѣкто
Сабата—Багадуръ.

Еще первый отрядъ монголовъ не успѣлъ воротиться на родину и
дать отчетъ о своихъ открытіяхъ, какъ уже другія полчища вторгают-

⁷⁾ Вѣроятно Шамхора.

⁸⁾ Георгій IV.

ся въ Арменію, и съ этихъ поръ участь трехъ странъ—Авганія, Грузія и Арменія рѣшена: монголы стояли въ нихъ твердой ногой.

Вотъ какъ рассказываетъ Киракосъ о вторженіи другихъ ордъ татарскихъ.

ПОРАЖЕНІЕ ГРУЗИНЪ ВЪ ОКРЕСНОСТЯХЪ ГОРОДА ГАНДЗАКА.

«Черезъ нѣсколько времени послѣ того, другія орды, называемыя Хучаки (Кипчаки) вышли изъ стороны гуиновъ, и достигнувъ Грузіи, просили у царя *Лаша* и полководца *Иване*—мѣста для поселенія, заманъ чего (они обѣщались) служить имъ вѣрно; но тѣ не согласились доставить имъ убѣжища. Тогда они обратились къ жителямъ города Гандзака ⁹⁾, которые приняли ихъ охотно, потому что они терпѣли сильныя притѣсненія отъ грузинъ, разорявшихъ страну ихъ, и забравшихъ въ плѣнъ людей и скотъ. Они дали имъ мѣсто жительства въ окрестностяхъ города, помогали имъ пищей и напитками, чтобъ имѣть въ нихъ опору противъ царя грузинскаго. Когда орды гунскіе расположились уже въ томъ краю, *Иване* съ сильнѣйшимъ войскомъ, горделиво двинулся на нихъ. Онъ хвасталъ, что истребитъ ихъ и жителей города, но онъ помогался болѣе на численность своего войска, чѣмъ на Бога, который даруетъ побѣду кому хочеть. Когда дѣло дошло до схватки, варвары спокойно вышли изъ своихъ берлогъ (т. е.—нора, берлога) и предали лезвію меча утомленное и усталое войско грузинское. Многихъ они забрали въ плѣнъ, остальныхъ обратили въ бѣгство. Великое пораженіе пошелъ въ тотъ день войско христіанское, и до того Богъ покинулъ ихъ, что обыкновенный варваръ гналъ ихъ впереди себя, какъ пастухъ стада, многихъ мужей храбрыхъ и отличившихся въ битвахъ. Лишить ихъ Господь своей помощи и не призналъ ихъ во время битвы. Татары выводили этихъ благородныхъ мужей, и продавали ихъ за нѣсколько кусковъ одежды или съѣстныхъ припасовъ. Покупали ихъ персы, которые подвергали ихъ страшнымъ терзаніямъ, и требовали отъ нихъ такого выкупа серебромъ и золотомъ, что многіе не будучи въ состояніи заплатить ихъ—умирали въ плѣну. Между другими были захвачены: *Григорій* сынъ *Ахбака*, братъ храбраго *Васака* и *Папакъ* сынъ сего послѣдняго. *Васакъ* имѣлъ трехъ сыновей—*Папана*, *Мктема* и *Гассана*, именуемаго *Прешемомъ*, людей храбрыхъ и извѣстныхъ, отъ которыхъ трепетали войска таджиковъ ¹⁰⁾. *Папана* убили въ битвѣ, *Григорій*, взятый въ плѣнъ, былъ подвергнутъ персами ужаснымъ пыткамъ—съ цѣлью заставить его отречься отъ Христа; но тотъ не только остался непоколебимымъ, но и хулялъ дивнаго законодателя ихъ *Магоммета* и скверные законы его.—Невѣрные въ ярости повлекли его голаго по землѣ, и истязали тѣло его шинами. Они его терзали до того, что онъ полъ ударами ихъ испустилъ духъ свой, и принялъ отъ Христа вѣнецъ мученическій. *Вовтели* ¹¹⁾ эти были изъ

⁹⁾ Теперь Ганджа.

¹⁰⁾ Аравитявъ.

¹¹⁾ Христіанскіе мученики.

округа Хачена, изъ знаменитаго роду, вѣроу православные ¹²⁾ христіане, по происхожденію армяне. Беззаконные персы подвергали другихъ плѣнниковъ разнымъ мучевіямъ, то голоду, то жаждѣ, то наготѣ. Христіане, жившіе въ Гандзакѣ оказывали много милостей несчастнымъ единовѣрцамъ своимъ,—иныхъ выкупали и освобождали, другихъ кормили и одѣвали, а усопшихъ предавали землѣ. Такимъ образомъ они являли свою благотворительность. Черезъ нѣсколько дней, великій полководецъ Иване, во главѣ новаго войска шель мстить тѣмъ, которые истребили вонновъ его. Онъ бросился на варваровъ внезапно, предалъ ихъ дезвію меча и увезъ въ плѣнъ въ страну свою добычу и дѣтей ихъ.

Выступивъ изъ предѣловъ своей родины монголы не оставляли на пути народовъ непокорныхъ имъ. Первою жертвою ихъ завоевательнаго духа сдѣдался султанъ хоразмійскій Джеламдуиль. Потерпѣвъ жестокое пораженіе, султанъ покинулъ страну свою и съ многочисленною своею конницею бросился на сосѣднія страны, желая завоевать себѣ новое царство. Извѣстно его гибельное участіе въ судьбѣ Іерусалимскаго королевства.

«Вышеупомянутый сѣверо-восточный народъ, называемый татарами, привелъ въ крайнее положеніе султана хорасанскаго, Джелонеддина, разбивъ войска и опустошивъ страну его. Принужденный къ бѣгству въ Агванію, султанъ прибылъ въ городъ Гандзакъ, завладѣлъ имъ, и собралъ несмѣтное число войска—изъ персовъ, тадменковъ и турковъ. Онъ перешелъ въ Арменію. Свѣдавъ о томъ, Иване даетъ знать царю грузинскому и собираетъ сильное войско, чтобъ устоять противъ султана. Иване и Лаша кичились сильно и давали обѣщаніе,—если побѣда останется за ними—обратить въ грузинскую вѣру всѣхъ армянъ, находящихся подъ ихъ властію, а упорствующихъ—предать мечу. Они рѣшились на это безъ промысла божьяго; они приняли за дѣло безъ внушенія его Духа, забыли Господа, который даруетъ побѣду кому пожелаетъ.

Послѣ того султанъ вступилъ въ область *Кутайкз* ¹³⁾. Иване съ грузинскими войсками расположился выше ихъ, и, увидѣвъ ихъ, колебался, потому что расположился на этомъ мѣстѣ (?). Между тѣмъ султанъ устроилъ свое войско насупротивъ ихъ. Увидя то, одинъ изъ вельможъ грузинскихъ Шангуэ и братъ его Иване — люди храбрые и именитые, привыкшіе побѣждать въ битвахъ, говорятъ своимъ: «вы подождите здѣсь нѣсколько, а мы пойдемъ, бросимся на нихъ; если мы обратимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ бѣгство—то побѣда наша—приходите и вы; если же они насъ побьютъ, то бѣгите и спасайте себя.» Когда дѣло дошло до схватки, они стали истреблять войска султана; но грузины, не обративъ на то вниманія, обратились въ бѣгство съ такою поспѣшностію, что не узнавали другъ-друга. Хотя никто не преслѣдовалъ ихъ, но они отъ страха бросались внизъ и топились въ долину городка Гарни. Увидя это, воины султана бросились за ними въ погоню—многихъ умертвили, остальныхъ столкнули со скалъ. Султанъ, будучи свидѣтелемъ этого зрѣлища, видя, что люди и лошади толпятся въ лошнѣ, какъ

¹²⁾ Въ обширномъ значеніи слова.

¹³⁾ На востокъ Араратской области.

кучи камней, покачалъ головой и сказалъ: «это дѣло не человѣка, а Бога всемогущаго.» Онъ возвратился тогда, чтобъ ограбить падшихъ, и, разорвавъ нѣсколько округовъ, явился передъ Тифлисомъ. Персы, находившіеся въ немъ, передали ему городъ. Онъ умертвилъ въ немъ многихъ, а большую часть принуждалъ отречься отъ христіанства и признать обманчивое и ложное ученіе (Магоммета) таджиковъ. Тогда, многіе страшась смерти, перемѣнили истину на ложь; другіе, предпочитая мужественную смерть жизни, полной угрызений, воспріяли вѣнецъ мученической, покинули свѣтъ со славнымъ и добрымъ именемъ. Послѣ того султанъ далъ приказаніе подвергнуть обрѣзанію всѣхъ, не дѣлая различія, кто жаждаетъ и кто не жаждаетъ принять вѣру Магоммеда. Такимъ образомъ два человѣка брали cadaго за руки, влекли на площадь, гдѣ третій съ ножомъ въ рукѣ обрѣзывалъ кожу мужскаго члена. Они безчестно и срамно насилывали женщинъ, разоряли и сокрушали церкви и кресты, гдѣ только ихъ находили. Такъ поступали они не только въ Тифлисъ, но и Нахчаванѣ, Гандзакѣ и въ другихъ мѣстахъ. Одинъ изъ начальниковъ ихъ Орханъ, за которымъ была мать султана, жестоко притѣснялъ жителей Гандзакъ — христіанъ и персовъ, дѣлая сильныя паборы. Онъ былъ убитъ въ томъ же городѣ *Мулхидтами*,¹⁴⁾ которые вѣроломно убиваютъ людей. Когда Орханъ шелъ по одной улицѣ, подошли къ нему нѣсколько человѣкъ, какъ бы жалуясь на кого-то, показали бумагу и восклицали: «Дадъ, дадъ». (Правосудіе, правосудіе! Когда тотъ остановился и хотѣлъ распросить, — кто ихъ обидѣлъ, они напали на него и поразили его саблями, которыя они скрывали у себя. Такъ погибъ злодѣй. Едва могли умертвить его убійцы, ибо они, нанося многимъ раны, убѣжали черезъ городъ. Этотъ народъ всегда поступаетъ такъ. Они обитаютъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ *Тунз* и *Танджакъ*, и въ лѣсахъ Ливанскихъ. Отъ начальника своего, котораго они почитаютъ, какъ Бога, получаютъ цѣну своей крови и отдаютъ дѣтямъ и женамъ своимъ. Они отправляются, куда ихъ посылаетъ князь¹⁵⁾ (начальникъ), блуждаютъ подъ разными видами, доколѣ не найдутъ случая учинить преднамѣренную смерть, и убиваютъ указаннаго имъ человѣка. Потому всѣ боятся ихъ; всѣ князья и цари платятъ имъ подать. Они строгіе исполнители приказаній своего начальника — и предписанное имъ совершаютъ, часто жертвуя своею жизнью. Такъ они убиваютъ многихъ изъ важныхъ людей, которые не платятъ имъ дани, какъ и сей злодѣй, о которомъ шла рѣчь.

Въ слѣдующей главѣ идетъ рѣчь о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергли татары армянъ и грузинъ. Желая познакомить читателя съ образомъ изложенія Киракоса, мы выбираемъ только тѣ главы, въ которыхъ содержаніе довольно разнообразно. Одно описаніе военныхъ дѣйствій

¹⁴⁾ Т. е. Ассасинами. Главное мѣстопробываніе ихъ было въ крѣпости Аламутъ, въ Рудбарѣ — долиня Эльбурса. см. J. v. Hammer. Geschichte der Assasinen, стр. 202—260. Marco Polo. Trav. Lib 1. с. XX, р. 109. Ассасины — названіе европейское, мусульмане называютъ ихъ мулахитъ, или мелахитъ, т. е. еретикъ безславный...

¹⁵⁾ Старецъ Горь, Vetulus de montanis у крестоносцевъ; il vecchio della montagna у Marco Polo...

показало бы его съ одной только стороны, между тѣмъ какъ онъ смотритъ на описываемой имъ народъ съ разныхъ сторонъ, онъ говоритъ, о языкѣ монголовъ, о нравахъ ихъ и о религiи, даетъ подробныя извѣстiя о странѣ ихъ. Потому мы ограничиваемся только переводомъ тѣхъ главъ, въ которыхъ авторъ трактуетъ о вышеизложенныхъ предметахъ.

ТАТАРЫ РАЗОРЯЮТЪ И ГРУЗИЮ.

Спустя нѣсколько времени послѣ разграбленiя Гандзака, татары жестокiе и хитрые, въ то же время раздѣляли между собою по жребiю страны Арменiи, Грузiи и Албанiи. Начальники ихъ имѣли предписанiе брать и разорять города, области и крѣпости. Каждый отрядъ прибывъ въ доставшiйся ему участокъ съ женами, дѣтьми и утварью для стоянки. Они, ни заботясь не о чемъ, уничтожали всю зелень на поляхъ верблюдами и скотомъ своимъ.

Въ эту эпоху Царство Грузинское ослабѣло. Имъ правила царица Русудавъ, дочь Тамары, сестра Лаша и внучка Георгiя III, женщина сладострастная и развратная, какъ Шаширашъ.¹⁶⁾ Эта женщина отказала всемъ мужьямъ, которыхъ ей предлагали, и была въ сношенiяхъ со многими. Оставаясь вдовой, она управляла государствомъ съ помощью Ивана, сына его Авака, Шаханшаха, сына Захарiя, Вахрама и другихъ.—Иване умеръ преждевременно и былъ похороненъ въ Пегипаганкѣ (медные рудники), монастырѣ, отнятомъ у армянъ и вновь выстроенномъ для грузинъ. Сынъ его былъ облеченъ его властiю.—Такъ какъ Грузiя не въ состоянiи была держаться противъ наступающей бури; то каждый, думая о своемъ спасенiи, искалъ себѣ безопаснаго убѣжища въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Татары, разсѣянные по всемъ поверхностямъ долинъ, горъ, полей, по безчисленности своей были похожи на саранчу, или на потоки дожди, падающаго на поля. Тамъ можно было видѣть зрѣлища не описанныхъ бѣдствiй и несчастiй, способныя вырвать слезы! земля не скрывала тѣхъ, которые искали убѣжища въ ея нѣдрахъ; скалы и лѣса—тѣхъ, кто искалъ въ нихъ спасенiя. Самыя крѣпкiя стѣны крѣпостей, глубокия ущелья не помогали ничему. Ни кто не избѣгалъ ударовъ татаръ. Самые безстрашные оробѣли и руки лучшихъ стрѣлковъ опускались безъ силы. Всякiй, имѣвшiй саблю, скрывалъ ее изъ страха, чтобъ открытiе оружiя у нихъ не подвергло его безжалостной смерти. Крикъ непрiятеля лишалъ ихъ бодрости и звукъ ихъ кочановъ погружалъ ихъ въ ужасъ. Каждый думалъ, что настала его послѣднiй день, и сердца ихъ прерастали биться. Устрашенные дѣти искали убѣжища въ объятiяхъ своихъ родителей, а родители вмѣстѣ съ ними бросались въ пропасти, чтобы не попасться въ руки непрiятелей. Надо было видѣть, какъ безжалостный мечъ умерщвлялъ мужей, женъ, молодыхъ людей, дѣтей, старцевъ, епископовъ, священниковъ, диаконовъ, церковно-служителей. Грудные дѣти были разбиваемы о камни, а дѣвъ красивыхъ насмывали и уводили въ пѣлы. Татары имѣли видъ отвратительный, внутренность безъ со-

¹⁶⁾ Семиприада.

страданія; они оставались безчувственными къ слезамъ матери, безъ уваженія къ сѣдымъ волосамъ старости. Они съ радостью шли въ сѣчу, какъ на свадьбу, или на пиръ. Всюду разбросанные трупы, никто не хоронилъ ихъ. Другъ не имѣлъ болѣе слезъ для тѣхъ, кто былъ ему дорогъ; не смѣлъ оплакивать ихъ, боясь злодѣевъ. Церковь одѣлась въ трауръ: красота и блескъ ея исчезли, церемонія ея остановилась; святое причастіе не было уже раздаваемо съ алтаря, голосъ пѣвцовъ не раздавался, умолкли всѣ пѣсни церковныя. Страна была покрыта какъ будто густымъ туманомъ. Жители предпочитали ночь дню, и земля осталась безъ обывателей. Ходили по ней сыны чужестранцевъ, собирая имущество и драгоценности страны. Голодная жадность ихъ не знала насыщенія. Всѣ дома и комнаты были обысканы, ни чтó не скрылось отъ нихъ. Всюду рыскали они съ быстротою дикихъ козъ, и рвали все на куски подобно волкамъ. Лошади ихъ были неутомимы на ходу, сами они не утомимы въ грабежѣ. Такую горькую участь они доставили многимъ народамъ, ибо Господь проиалъ на насъ чашу гнѣва своего въ возмездіе за грѣхи наши и за то, что мы возбудили праведный гнѣвъ Его. Вотъ почему татары легко вступили въ землю нашу. Собралъ скотъ, драгоценности, плѣнниковъ въ открытыхъ мѣстахъ, они приступили ко взятію крѣпостей и городовъ. Благодаря хитрости и находчивости своей, они вскорѣ завладѣли и разрушили множество крѣпостей и замковъ. Тогда было лѣто, и такъ какъ зной былъ не выносимъ и не было приготовлено припасовъ предъ ихъ внезапнымъ нападениемъ—люди и животныя, изнеможенные жаждой, послѣ перенесенныхъ трудовъ, волей не волей попадались въ ихъ руки. Однихъ они умерщвляли, другихъ берегли для служенія. Такъ же поступали они съ населеннѣйшими городами, которыми завладѣвали послѣ тяжелой осады.

Далѣе авторъ приступаетъ къ описанію наружности татаръ и ихъ обычаявъ. Мы говоримъ, что самъ онъ долго находился у нихъ въ плѣну слѣдовательно самъ могъ видѣть все, о чемъ говорить. Кромѣ того въ это время армяне были уже въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ монголами, что не было недостатка въ людяхъ, могущихъ дать автору необходимыя для него свѣдѣнія. Не разъ авторъ упоминаетъ самъ отъ какихъ лицъ онъ получилъ то или другое извѣстіе. Извѣстія эти тѣмъ достовѣрнѣе кажутся намъ, что люди, цитируемые имъ, принадлежали къ высшему, образованному классу армянъ.

Извѣстія, сообщаемыя Кираносомъ въ слѣдующей главѣ такъ подробны и добросовѣстны, что едва ли можно найти болѣе достовѣрныхъ данныхъ о домашней жизни татаръ въ пространныхъ изслѣдованіяхъ объ этомъ предметѣ новѣйшихъ ученыхъ. —

ИЗОБРАЖЕНІЕ ТАТАРЪ.

«Желая оставить будущимъ поколѣніямъ память о себѣ, мы, которые надѣемся на скорое освобожденіе отъ гнетущихъ насъ притѣснителей—мы въ короткихъ словахъ опишемъ для любознательныхъ наружность и языкъ ихъ (татаръ). Видъ ихъ былъ ужасенъ и отвратителенъ; бороды они не имѣли, только у нѣкоторыхъ надъ губой и подбородкомъ было столько

велось, что ихъ можно было съ легкостію пересчитать (¹⁷). Глаза узкіе и дальнозоркіе, голосъ тонкій и рѣзкій; они долгожизненны и плотнаго, крѣпкаго сложенія. Когда имъ попадались съѣстные припасы—они съ ненасытимою жадностію ѣли и пили; когда же ихъ (пищи) не было—они легко переносили голодь. Они ѣли безразлично всѣхъ животныхъ—чистыхъ и нечистыхъ, но предпочитали всему коняну, которую они сперва раздирали на части, жарили или варили безъ соли, и ѣли ее, обмакивая въ соленую воду—иные на корточкахъ подобно верблюду, другія сидя (¹⁸). Во время ѣды ровная часть доставалась господамъ и служителямъ. Когда они принимались пить кумысъ или вино, то одинъ изъ нихъ сначала бралъ въ руки большую чашку, и, почерпнувъ изъ нея маленькой чашкой, брызгалъ жидкостію къ небу, потомъ на западъ, сѣверъ и на югъ; послѣ того самъ совершатель этихъ возліаній выпивалъ нѣсколько изъ чашки и тогда уже предлагалъ напиться старшему. Каждый, кто подавалъ яство или напитокъ, долженъ былъ сперва самъ при всѣхъ ихъ попробовать, послѣ чего остальные пили и ѣли. Такъ поступали они, чтобъ не подвергнуться отравѣ. Они брали столько женъ, сколько имъ было угодно, а непотребныхъ женщинъ лишали жизни. Сами же въ столкновенияхъ съ чужестранцами безразлично сближались съ ихъ женами. Воровство они ненавидѣли до того, что лютой смертію казнили виновнаго. У нихъ не было богопочитанія или религіознаго служенія, но имя Бога повторяли часто и при всѣхъ случаяхъ. Призывали ли они такимъ образомъ вѣчно-сущаго Бога, или другаго какого либо бога, -- мы не знаемъ и сами они — также. Они обыкновенно говорили, что царь ихъ родственникъ Бога, что Богъ, взявъ себѣ на долю небо, а землю далъ Хагану. Они говорили, что Чингизъ-Ханъ, отецъ Хагана, т. е. Октая, не былъ рожденъ отъ сѣмени человѣка, но что свѣтъ, истекшій изъ невидимыхъ мѣстъ, проникъ чрезъ крышу въ теремъ его матери, и сказалъ ей: «Зачи, и родишь сына, который будетъ владыкою земли. Такъ по ихъ мнѣнію родился Чингизъ-Ханъ. Это было намъ рассказано княземъ Григоріемъ, сыномъ Марспаца, братомъ Аслабека Саргиса и Амира изъ роду Мамиконьянъ; онъ слышалъ этотъ рассказъ изъ устъ одного изъ первыхъ вельможъ татарскихъ, называемаго *Гуту-Нуинъ*, когда сей послѣдній наставлялъ при немъ молодыхъ людей. Когда кто либо умиралъ изъ нихъ, или когда сами умерщвляли кого изъ своихъ же, то долгое время они возли съ собою трупъ умершаго, ибо думали, что бѣсъ, вошедши въ тѣло усопшаго, богалъ вздоръ (¹⁹); другихъ же сожигали. Иныхъ хоронили въ глубокихъ ямахъ, и вмѣстѣ съ ними оружіе, одежды, золото и серебро ему принадлежащее. Если умиралъ кто изъ ихъ вельможъ, то вмѣстѣ съ нимъ хоронили также его слугъ и рабынь, чтобъ, какъ они говорили, они служили имъ; также вмѣстѣ съ ними клали коней, потому что они предпогадали, что на томъ свѣтѣ происходятъ сильныя войны. Когда они справляли поминки по усопшемъ, то разсѣкали (вспарывали) брюхо лошади и вытаскивали въ это отвер-

¹⁷) Поразительно сходно съ описаніемъ гунновъ Юрландомъ.

¹⁸) Въ IX вѣкѣ Моисей Каганказуаца, оставившій исторію Албанъ, почти въ этихъ же самыхъ выраженіяхъ говоритъ о хазарахъ и о ихъ бытѣ.

¹⁹) Т. е. Вѣроятно дѣлалъ предсказанія.

стие все мясо, не касаясь костей; послѣ того сожигали всю внутренность и кости, и шивали шкуру лошади такъ, чтобъ лошадь казалась въ тѣлѣ. Наконецъ наостривъ шесть, они втыкали его въ желудокъ лошади, и высузувъ его черезъ ротъ, они подымали ее на деревья или на другое высокое мѣсто.

И жены ихъ были волшебницами, и гадали обо всемъ. Безъ позволенія колдуновъ и чародѣевъ они ни подъ какимъ видомъ не пускались въ путь. Языкъ ихъ былъ варварскій и непонятный для насъ. Вотъ нѣкоторые изъ словъ ихъ ²⁰⁾.

Богъ	тангри.
Человѣкъ	эрѣ; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ—hagerian.
Женщина	ише; " " " anri.
Отецъ	езга.
Мать	ака.
Братъ	ага.
Сестра	акоджи.
Голова	тиронъ.
Глаза	нитукъ.
Уши	чякинъ.
Борода	саканъ.
Лицо	иязюръ; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ — ёзъ.
Ротъ	амокъ.
Зубъ	сгетунъ; " " " — скуръ.
Хлѣбъ	отмонкъ.
Дерев. масло	акаръ.
Корова	уненъ.
Овца	гойна.
Ягненокъ	гургакъ.
Козель	иманъ.
Лошадь	мори.
Лошакъ	луса.
Верблюдъ	таманъ.
Собака	навха шеи нуха.
Волкъ	зина.
Медвѣдь	айтку.
Лисица	haunkan или honkan или hokan.
Заяцъ	табига.
Птица	тагя.
Голубь	кавкачья.
Орелъ	гушъ.
Вода	усунъ.
Вино	тара-су.
Море	дангызъ.
Рѣка	улансу.

²⁰⁾ Journal Asiatique. 1858. Мѣс. мартъ. Ed. Dulaurier. Cette liste étant le plus ancien spécimen de la langue Mongole, je la reproduis ici. Дюлорье приводитъ такъ же могольское очертаніе сихъ словъ, но мы, не зная этого языка, пропускаемъ ихъ.

Сабля	ходду.
Лукъ	нму.
Стрѣла	сму.
Царь	меликъ.
Князь	нуинъ.
Великій князь	скануинъ.
Земля	элъ.
Небо	куко.
Солнце	наранъ.
Луна	сора.
Звѣзды	сорга.
Свѣтъ	овдуръ.
Ночь	сойны.
Псець	питикчи.
Сатана	барахуръ; и много также варварскихъ словъ, догдо

намъ незнакомыхъ *), и которыя мы понимаемъ теперь противъ воли!

Изъ главныхъ начальниковъ ихъ выше всѣхъ стоялъ: Чарепа-ганъ-Нуинъ, завѣдывавшій правосудіемъ, и товарищи его *Исаръ-Нуинъ*, *Гутунъ-Нуинъ*, *Тутунъ-Нуинъ*. Предводитель войска былъ Джагатай, убитый мелагитами. У нихъ было еще множество другихъ начальниковъ, и безчисленное войско.»

Читатель видитъ, какъ добросовѣтно и подробно говоритъ лѣтописецъ объ избранномъ имъ предметѣ. Въ слѣдующей главѣ онъ знакомитъ читателя съ родной монголовъ, хотя не съ такою опредѣленною, но съ такою же подробностью. Данные, сообщаемыя имъ въ слѣдующей главѣ, имѣютъ большую важность для географіи средней Азіи въ средніе вѣки. По примѣру (русскихъ) удѣльныхъ князей, цари и князья армянскіе также часто должны были предпринимать отдаленныя путешествія, и кланяться великому хану и супругѣ его дорогими подарками. Такъ долженъ былъ поступить и Гетумъ ²¹⁾.

Царь Гетумъ отправляется къ Бату и Мангу-Хану

«Усердный къ вѣрѣ и христіюлюбивый царь армянскій Гетумъ, царствовавшій въ Киликіи въ городѣ Сисѣ, отправилъ передъ тѣмъ брата своего Сигбата, военачальника своего войска, къ хану *Гюку* съ великолѣпными подарками. Принятый съ почетомъ, Сигбатъ, воротился изъ путешествія съ дружественными грамотами. Когда же воцарился *Мангу-Ханъ*, то великій «царскій отецъ» ²²⁾ военачальникъ *Бату*, который расположился въ странахъ сѣверныхъ съ несмѣтнымъ войскомъ на берегу великой и глубокой рѣки *Эмилъ*, ²³⁾

*) Еслибъ случайно неизвѣстно было къ какому племени принадлежали монголы, то на основаніи подобныхъ данныхъ, легко было бы опредѣлить ихъ съ достовѣрностью.

²¹⁾ Гетумъ I, или Айтонъ I западныхъ писателей, 3-й изъ коронованныхъ царей килекійской династии Рупеньдовъ. Царствовалъ отъ 1224—1269. За нимъ была *Завель*, дочь Леона II Рупеньяна.

²²⁾ «Царскій отецъ» собственно не означаетъ здѣсь отца царя. Это не что иное какъ почетный титулъ, даваемый иногда на Востокъ старшему въ царскомъ родѣ, какъ у грековъ *basileopator*.

²³⁾ Волга, въ другомъ мѣстѣ встрѣчается *Амль*.

впадающей въ Каспійское море—отправилъ къ Гетуму гонца, съ приглашеніемъ прибыть на свиданіе съ нимъ и съ Мангу-Ханомъ. Страхась Батыя, Гетумъ отправился къ нему, переодѣвшись и скрывая свой путь, ибо боялся турокъ, сосѣдей своихъ, управляемыхъ Амадиномъ, султаномъ румскимъ, который сильно желалъ отмстить ему за то, что онъ находился въ сношеніяхъ съ татарами.

Быстро прошелъ Гетумъ владѣнія султана, и черезъ двѣнадцать дней былъ въ Карсѣ. Тамъ онъ видѣлся съ *Бачу-Нушомъ*, главнымъ начальникомъ татарскихъ войскъ на Востокѣ и съ другими старшинами монгольскими, и былъ ими принятъ съ почетомъ. Онъ остановился въ области Аракаотитъ²⁴⁾, на супротивъ горы Араія²⁵⁾, въ селѣ Варденисъ, въ домѣ князя Курда — армянина по происхожденію и христіанина по религіи. У этого князя было два сына—Ваче и Гассанъ; жена его Хориша, изъ рода мамиконьянъ, дочь Марзапана, была сестрой Асланъ-Бега и Григориса. Царь оставался въ этихъ мѣстахъ до-тѣхъ-поръ, пока не привезли къ нему изъ его дворца сокровищъ, назначенныхъ для подарковъ. Ихъ отправилъ къ нему бывший уже въ старческихъ лѣтахъ отецъ его Константинъ, князь-князей, и дѣти его Леонъ и Торосъ²⁶⁾. Царь имъ поручилъ управленіе дѣлами государства, потому что благочестивая супруга его, Забель, т.-е. Елизавета, уже преставилась. Когда великій католикосъ Константинъ увѣрился, что Гетумъ благополучно достигъ великой Арменіи, то отправилъ къ нему великаго вардана²⁷⁾ Якова, мужа благоразумнаго и мудраго, отправленнаго за нѣсколко времени до того къ греческому императору Іоанну для дружественныхъ сношеній. Кромѣ того, прибыли къ царю епископы Стефанъ и Мхиторъ Скверскій, священники Василій и Торосъ, отправленные къ нему Батыемъ, Карапетъ, придворный священникъ царя, и множество князей. Принявъ ихъ въ свою свиту царь черезъ Агвалію (Альбанію) и проходъ Дербента, т.-е. Чора²⁸⁾, отправился къ Батюю и сыну его Сартаку, исповѣдававшему христіанскую вѣру. Онъ былъ принятъ имъ съ большими почестями. Послѣ того Бату отправилъ его къ Мангу-Хану по очень длинной дорогѣ за Каспійскимъ моремъ.

Царь съ своей свитой выѣхалъ 6-го числа мѣсяца мареря, т.-е. 13 мая²⁹⁾. Переѣзда рѣку Аехъ³⁰⁾ они прибыли въ Оръ, гдѣ была половина дороги отъ Бату къ Мангу-Хану. Переправившись черезъ рѣку *Ер-тичь*,³¹⁾ они вступили въ страну Наймановъ. Оттуда прибыли въ *Каракитай* и пройдя Тарастай³²⁾ 4-го числа мѣсяца гори, т.-е. 13-го сентября, въ праздникъ Воздвиженія Креста, они прибыли къ Мангу-Хану, и видѣли его сидящаго на тронѣ во всемъ величіи. —

²⁴⁾ На сѣверо-востокъ Араратской области.

²⁵⁾ Т.-е. Арарата.

²⁶⁾ Сокращенное отъ слова Теодорсъ.

²⁷⁾ Ученый титулъ у армянскихъ монаховъ.

²⁸⁾ Проходъ Дербента, или врата Дербенткіа, у писателей армянскихъ очень часто извѣстны подъ именемъ *Чора* или Чога.

²⁹⁾ Переводъ армянскихъ мѣсяцевъ на римскіе сдѣланъ самимъ авторомъ.

³⁰⁾ Яикъ.

³¹⁾ Иртышъ.

³²⁾ Въ переводѣ Дюморье—Татарстанъ, т.-е. Татарія.

Гетумъ поднесъ ему подарки, и былъ почтенъ имъ по достоинству, остался у него пятьдесятъ дней. Тогда Мангу далъ ему грамоты, чтобъ никто не осмѣлялся притѣснять его и стражу его; въ тоже время онъ далъ ему другую грамоту, обезпечивающую свободу церкви страны его. —

Гетумъ уѣхалъ отъ него на 50-й день 23 числа мѣсяца самі, т. е. 1-го ноября, и черезъ 30 дней достигъ *Гумагура* ³³⁾. Оттуда они прибыли въ *Пербалехъ* и *Бешибалехъ* и въ песчаную страну, въ которой жили дикіе, нагіе люди, имѣющіе волосы только на головѣ; груди у женъ ихъ были большія и весьма длинныя—они были почти безсловесны. Лошади у нихъ цвѣту желтаго и чернаго; мулы чернаго и бѣлаго цвѣта и больше обыкновенныхъ лошадей и ословъ; верблюды дву-горбые.

Оттуда они перешли въ *Лехъ*, *Кулукъ* и *Еикахъ* ³⁴⁾, *Джамбалехъ*, *Хутана* и въ *Янки-балехъ*. Послѣ того они вступили въ *Туркестанъ*, прибыли въ *Екопронъ*, *Тинка-балехъ* и *Пуладъ*, а оттуда черезъ Молочное море—*Сута-коль* въ *Алуалехъ* и *Иланъ-балехъ*. Перейдя рѣку *Иланъ-су* и черезъ отрасль Тавра, они достигли *Танасса* и прибыли къ брату Мангу-Хана—*Гулагу*, который получилъ въ удѣлъ страны востока. Послѣ того, поворотивъ на сѣверо-западъ, они прошли *Хутухи*, *Беркандъ*, *Сугулганъ*, *Уросоганъ*, *Кайкандъ*, *Хузатъ*, т. е. *Камецъ*, *Хедагуйръ* и *Сизатъ*, т. е. гору *Харчухъ*—родиву Сельчукидовъ. Оттуда они поворотили и встрѣтили *Сартака*, сына Батыева, шедшаго къ Мангу-Хану. Оттуда—въ *Оганъ* и *Соранъ*, который очень великъ, въ *Харачухъ*, въ *Асонъ*, *Сори*, *Отраръ*, *Зурнухъ* и *Дизатъ*; оттуда черезъ 30 дней въ *Самаркандъ*, *Сарипонъ*, *Керманъ*, *Бухару*. Послѣ того они перешли рѣку *Джехунъ* ³⁵⁾ и прибыли въ *Мермизъ* ³⁶⁾ и *Сараехъ*, въ *Тусъ* на предѣлахъ Хоросана, называемаго Равгастаномъ; далѣе они вступили въ Мазандеранъ, оттуда въ *Бетанъ* и въ страну *Ерагъ* ³⁷⁾ къ предѣламъ *Мулхидовъ*; оттуда въ *Тамга* ³⁸⁾ въ великій городъ *Ре*, въ *Хазуинъ*, въ *Авазгъ*, *Заиганъ*, *Міана*; оттуда черезъ 12 дней прибыли въ *Тавризу*. Черезъ 26 дней они перешли Араксъ, достигли *Сисана* ³⁹⁾ и прибыли къ Бачу-Нуину, начальнику татарскаго войска. Бачу отправилъ его къ *Хоча-Нуину*, которому онъ поручилъ команду вмѣсто себя, а самъ съ главными начальниками войска шелъ на встрѣчу Гулагу, брату Мангу-Хана.

Благочестивый царь Гетумъ возвратился въ домъ князя Курда, въ село Варденисъ, гдѣ онъ оставилъ свои вещи и ждалъ возвращенія священника Василія, котораго онъ отправилъ вторично къ Батю—сообщить ему грамоты и письма, съ тою цѣлью, чтобъ и Батый сдѣ-

³³⁾ Или Гумсгура.

³⁴⁾ Многія изъ этихъ мѣстностей существуютъ и теперь; но многія или перемѣнили названіе или не существуютъ болѣе.

³⁵⁾ Аму-Дарья.

³⁶⁾ Мейменъ? Мервъ.

³⁷⁾ Иракъ.

³⁸⁾ Damdan.

³⁹⁾ Область въ сѣверо-западной Арменіи.

лалъ свои распоряженія въ томъ же духѣ. Послѣ того прибыли къ нему вардапеты его—Яковъ и Мхитаръ.

Приходившихъ къ нему епископовъ, вардапетовъ, священниковъ и князей, царь принималъ очень ласково: онъ былъ мужъ пріятный, мудрый и свѣдущій въ Св. Писаніи. Онъ дѣлалъ всѣмъ подарки и отгу-скалъ всѣхъ довольными, дарилъ священническія ризы для украшенія церквей, потому что онъ очень любилъ обѣдни и церковныя церемоніи. Онъ принималъ христіанъ всѣхъ народовъ и умолялъ ихъ жить въ любви между собою, какъ братья по Христу, какъ заповѣдалъ Господь, говоря: «Въ томъ и познають, что вы мои ученики, если будете любить другъ друга.» Онъ рассказывалъ намъ много удивительнаго и незнакомаго о варварскихъ народахъ, которыхъ онъ видѣлъ, или о которыхъ онъ слышалъ.

Говорятъ, что за Китаешъ есть страна, гдѣ женщины имѣютъ видъ людей словесныхъ, а мужчины похожи на собакъ, лишены разума, рослы и покрыты волосами. Собаки эти никому не позволяютъ войти въ ту сторону, доятъ дичь и питаются вмѣстѣ съ женщинами. Отъ связи этихъ собакъ съ женщинами рождаются самцы—похожіе на собакъ, а самки—на женщинъ ⁴⁰⁾.

Есть также печальный островъ, на которомъ, какъ дерево, растетъ превосходная кость, называемая рыбьимъ зубомъ. Когда ее срѣзываютъ, на томъ же мѣстѣ вырастаетъ другая кость, на подобіе роговъ оленя.

Есть еще такъ же страна, гдѣ пропасть идолопоклонниковъ, которые поклоняются огромнымъ глинянымъ кумирамъ, называемымъ Шакошиа ⁴¹⁾, о которыхъ говорятъ, что онъ уже 3040 лѣтъ какъ сдѣлался богомъ, и что будетъ существовать въ продолженіе 37 тумановъ лѣтъ (каждый туманъ заключаетъ въ себѣ 10,000 лѣтъ), и что послѣ того онъ уже потеряетъ свою божественность. Есть еще другой богъ Майтрея ⁴²⁾, которому воздвигнуты исповискія глиняныя статуи въ великолѣпныхъ храмахъ. Весь народъ этотъ съ женами и дѣтьми состоитъ изъ жрецовъ, называемыхъ Тойнами ⁴³⁾. Они ходятъ съ бритыми головами и бородами, носятъ желтыя фелоніи на подобіе христіанъ, только на груди, а не на плечахъ. Въ пищѣ и въ бракахъ они очень умеренны. Въ 20 лѣтъ они женятся и сближаются съ женщинами три раза въ недѣлю, до 30 лѣтъ; до 40 лѣтъ—три раза въ мѣсяць; до 50 лѣтъ—три раза въ годъ.

По прошествіи 50 лѣтъ они совсѣмъ прекращаютъ всѣ сношенія съ ними.

Много еще кой-чего рассказывалъ вашъ мудрый царь объ этихъ варварскихъ народахъ; мы не повторяемъ его рассказовъ, чтобы не показались они излишними.

На восьмой мѣсяць, по отъѣздѣ отъ Мангу-Хана царь достигъ Арменіи, по лѣтосчисленію армянскому въ 704, т. е. 1256 году.

Эта глава въ путешествіи Гетума въ Монголію переведена Тутуловымъ

⁴⁰⁾ Между замѣчаніями Клапроте говорится будто бы многіе изъ современныхъ Гетуму путешественниковъ рассказываютъ эту же басню.

⁴¹⁾ Sakyas-mouni. Поклонники Будды, буддисты.

⁴²⁾ Или Мадри.

⁴³⁾ У калмыковъ и другихъ буддистовъ духовные и теперь такъ называются.

на русскій языкъ и помѣщена въ Сибирскомъ Вѣстникѣ за 1835 годъ съ примѣчаніями Клапрота. Клапротъ помѣстивъ нѣмецкій переводъ этой главы въ лейпцигскихъ *Annenen*.

О происхожденіи и предкахъ Чингизъ-Хана нѣтъ никакихъ данныхъ у нашего лѣтописца, но о преемникахъ его онъ говоритъ подробно. Такъ описываетъ онъ смерть Чингизъ-хана и назначеніе ему наследниковъ.

«Въ дальнихъ странахъ сѣверо-востока, въ предѣлахъ Хатін⁴⁴⁾, въ странѣ, называемой на варварскомъ языкѣ *Каракоруш* живетъ безчисленное множество невѣдомаго и варварскаго народа.

Народъ этотъ называется татарами. Главою царей ихъ былъ *Чингизъ-Ханъ*. Наступило ему время смерти. Онъ призываетъ къ себѣ войска свои и трехъ сыновей⁴⁵⁾ своихъ, и говоритъ войску: «я умираю; выберите себѣ въ цари одного изъ моихъ сыновей, кого хотите». Они отвѣчаютъ: «кого выберетъ воля твоя, тотъ будетъ царемъ нашимъ, и мы будемъ ему служить усердно». Тогда сказалъ Чингизъ-Ханъ: «Я расскажу вамъ о склонностяхъ и дѣлахъ трехъ сыновей моихъ».

Вотъ старшій сынъ мой—*Чагатай*, человекъ воинственный и храбрый; но онъ гордъ по природѣ и высокомеренъ при счастіи. Второй сынъ мой, также побѣдоносенъ въ битвахъ, но жаденъ правомъ. Младшій сынъ мой съ дѣтства одаренъ способностями. Онъ добраго нрава и щедръ на подарки. Съ того дня, какъ онъ мнѣ родился, постоянно увеличивались моя слава и величіе. Я все рассказалъ вамъ, теперь преклонитесь передъ кѣмъ хотите изъ трехъ сыновей моихъ». Тогда все преклонились предъ младшимъ сыномъ—*Октай-Хаганомъ*. Отецъ возложилъ на него вѣнецъ свой, и скончался.

Получивъ царскую державу, *Октай* собралъ многочисленное войско, безчисленное, какъ песокъ моря. Въ немъ заключалось его собственное племя Мугаль, татары⁴⁶⁾, хазары⁴⁷⁾, гунны, хатійцы, алкитаны и другіе варварскіе племена съ ихъ имуществомъ, женами, дѣтьми и шатрами. Онъ раздѣляя ихъ на три части. Одну часть онъ отправилъ на югъ, назначивъ начальникомъ ея своихъ любимцевъ и приближенныхъ; другую на западъ и сѣверъ, поручивъ ее своему сыну; третью часть на востокъ и сѣверъ, подъ предводительствомъ *Чармагана*, мужа мудраго, хитраго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ. *Октай* предписалъ всемъ разорять и опустошать все царства и не возвращаться къ нему, пока весь свѣтъ не будетъ покоренъ власти его.—Самъ онъ, не заботясь ни о чемъ, ѣлъ, пилъ, занимался увеселеніями и постройками.

Войска же его шли на разныя страны, разоряли области и царства, разрушали могущества народовъ, собирали добычу, имущества, брали въ плѣнъ молодыхъ женщинъ и отроковъ въ рабство; нѣкоторыхъ от-

⁴⁴⁾ Катай.

⁴⁵⁾ Изъ четырехъ сыновей Чингизъ-Хана—Чучи, Чагатай, Октай и Тилуй—первый умеръ раньше своего отца.

⁴⁶⁾ Господствующее племя, къ которому принадлежали *Чингизъ* съ своими потомками были Мугаль—Татары. Слѣдовательно понятно почему весь народъ назывался этимъ именемъ, не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ другимъ татарскимъ племенамъ.

⁴⁷⁾ Изъ этого, какъ и изъ другихъ мѣстъ Киракоса, можно заключить то, что *монголы, хазары и гунны*—принадлежали татарскому племени.

правили на чужбину, въ отдаленную страну, къ великому Хагану, а другихъ держали у себя для служенія. Отправленные на Востокъ подъ предводительствомъ Чармаганъ-Нушна, напали на Делаводдинна, султана хорасанскаго, разбила его, какъ мы уже сказали, и завоевала *Персию*, *Атротаканъ* (Азербейсанъ) и страну *Дилемъ*.

Далѣе рассказываетъ авторъ о томъ, какъ они разрушали великіе города *Ре* и *Спаганъ*, и какъ они вновь выстроили ихъ по своему обыкновенію.

Послѣ того эта часть монголовъ вступила въ плодородныя равнины (Албавин) и расположилась тамъ лагеремъ.

О *Батый* и *Сартакъ* онъ отзывается слѣдующимъ образомъ:

Великій военачальникъ *Бату*⁴⁸⁾ поселился съ несмѣтными полчищами своими въ сѣверныхъ странахъ, на берегу Каспійскаго моря, у великой рѣки *Атиль*, которой нѣтъ на землѣ подобной по величинѣ: она катится по великимъ и просторнымъ полямъ Киччакскимъ, подобно морю, потому что земля тамъ не гористая. Монголы поселились въ своихъ шатрахъ. Во время кочевокъ шатры эти снимались и возились въ телѣгахъ, въ которыхъ впрягались лошади и быки. —

Батый сдѣлался сильнѣе и могущественнѣе всѣхъ; покорилъ себя вселенную и весь свѣтъ платилъ ему подати. Соплеменники его почитали его выше всѣхъ и высшій *хаганъ* вступалъ на престолъ по его волѣ.

Когда умеръ Гуйюкъ-Ханъ, племя его не знало кого посадить на престолъ и всѣ единогласно предложили престолъ *Батыю*, или тому, кого онъ назначить. — Призвали его изъ сѣверныхъ странъ на родину, и предложили ему царствовать. Онъ же, оставивъ сына своего *Сартака* предводителемъ войска, самъ отправился на родину, чтобъ утвердить дѣла царства.

Батый не принялъ вѣнца царскаго, но назначилъ другаго, изъ родственниковъ своихъ *Мангу-Хана*, а самъ воротился къ войскамъ своимъ.

Многіе изъ родственниковъ его не были довольны этимъ: они думали или воцарить сына Гуйюкъ-Ханова, *Хоча-Хана*, или самимъ вступить на престолъ; но не посмѣли выразить своего неудовольствія въ его присутствіи. Когда же онъ былъ на возвратномъ пути, многіе возмущились противъ *Мангу-Хана*. Узнавъ о томъ, *Батый* приказалъ умертвить многихъ изъ нихъ, между прочими одного изъ славныхъ вельможъ *Эчи-Гада*.

Я думаю достаточно этихъ выписокъ для того, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о манерѣ изложенія и правдивости разсказа нашего дѣтописца. Еслибъ мы захотѣли извлечь изъ книги его все то, что относится до монголовъ, то намъ пришлось бы поступить какъ *Mr Ed. Du-laugier*, который перевелъ больше половины книги *Киракоса*, и помѣстилъ свой переводъ на страницахъ *Journal Asiatique* за 1858 годъ, мѣсяцы февраль—юль. Къ сожалѣнію, у насъ не существуетъ журналовъ, въ которые можно бы было помѣщать любопытныя только для специалистовъ подробности о судьбахъ Востока.

⁴⁸⁾ Въ другомъ мѣстѣ стр. 170 онъ говоритъ: „Военачальникъ *Бату*, родственникъ хана, повелѣвалъ надъ тѣми войсками, которые находились въ Россіи (*Рузы*), *Осетіи* и *Дербентъ*; онъ былъ первымъ человекомъ послѣ хана. —

С М Ъ С Ъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ОДЕССЫ.

Местовныя. — Проектъ общей думы и распорядительней. — Воскресныя школы. — Слухи о женской гимназiи. — Необходимость преобразованiя ривельскаго лица въ университетъ. — Мѣстныя газеты. — Развѣтъ, первый еврейскiй журналъ на русскомъ языкѣ.

Но много найдется городовъ въ Россiи, гдѣ бы интересы были такъ разнообразны и многосложны, какъ въ Одессѣ. Въ городѣ, въ которомъ обороты заграничной торговли простираются на сумму до пятидесяти миллионовъ рублей серебромъ въ годъ, интересы торговли естественно стоятъ на первомъ планѣ, и къ нимъ уже сами собою примыкаются вопросы объ успѣхахъ нашего пароходства, о лiнiяхъ желѣзныхъ дорогъ и ожидаемыхъ отъ нихъ послѣдствiяхъ, о великой мѣрѣ, имѣющей дать Россiи огромную массу свободнаго труда, о различныхъ движенiяхъ внѣшней политики, и т. д. Въ другой мѣстности всѣ эти вопросы занимаютъ только людей болѣе или менѣе образованныхъ; здѣсь же они имѣютъ очевидную, практическую важность для каждаго. Но интересы торговли не исключительно поглощаютъ наше вниманiе; за ними слѣдуютъ общiе всей Россiи вопросы о внутреннемъ благоустройствѣ и благоуправленiи, вопросы тѣмъ болѣе важные для Одессы, что наконецъ на заднемъ планѣ уже являются интересы народнаго просвѣщенiя, которые за исключенiемъ оффиціальныхъ его служителей, близко принимаютъ къ сердцу лишь небольшой кругъ истинно-образованныхъ людей.

Въ Одессѣ болѣе ста тысячъ жителей; торгуетъ она съ чужими краями, какъ сказано, на сумму до 50,000,000 въ годъ. До 60,000,000, говорятъ, ежегодно одесская почтовая контора пересылаетъ и получаетъ ввутьрь и извутьри Россiи; на каждомъ шагу встрѣчаются вамъ великолѣпныя трехъ-этажныя зданiя, блестящiе магазины, превосходныя экипажи и отаичныя наряды; И однакоже улицы ея хуже любой прос-

лочной дороги: въ дождливую пору это одно нескончаемое вонючее болото; въ сухую—это песчанья пустыня Аравіи, или даже самой Африки. А между тѣмъ на мостовыя въ Одессѣ употреблены въ прошлые годы милліоны; куда они пошли, объ этомъ, мнѣ извѣстно только, что у города 1,200,000 р. сер., которые и опредѣлено употребить на замощеніе вновь улицъ Одессы. Длинная была это исторія,—какъ и кому поручить мощеніе: рѣшили было дѣло въ пользу бывшаго севастопольскаго подрядчика г. Волохова, помимо всякихъ торговъ и конкурентовъ; установлена была уже и комиссія изъ выборныхъ отъ одесскихъ домовладѣльцевъ для надзора за работами счастливаго подрядчика; измѣрено было и пространство подъ одесскими улицами чинами строительнаго комитета, какъ вдругъ неожиданно-негадано все дѣло перерѣшено было въ Петербургѣ и притомъ такъ, какъ только могъ желать самый просвѣщенный поборникъ разумныхъ началъ общественнаго управленія. Комиссія, избранной—было домовладѣльцами только для надзора за работами подрядчика, поручалось взять ихъ въ полное свое завѣдываніе, съ правомъ отдать подрядъ кому бы то ни было на условіяхъ, какія признаетъ навбогѣе выгодными. Впервые такая значительная общественная сумма поступаетъ у насъ въ полное распоряженіе людей выборныхъ: имъ предстоитъ и сдѣлать дѣло возможно лучшимъ образомъ и выѣсть на самомъ дѣлѣ доказать превосходство системы управленія общественными дѣлами черезъ выборныхъ, предъ системою управленія черезъ коронныхъ чиновниковъ. Въ числѣ выборныхъ есть нѣсколько такихъ лицъ, которыя или по своей опытности, или по своему характеру и независимому образу мыслей и дѣйствій, способны внушить къ себѣ полное довѣріе. Словомъ, важнѣйшее для благоустройства Одессы дѣло, дѣло о хорошихъ мостовыхъ, которыя составляютъ первое удобство городской жизни, по видимому находится теперь въ хорошихъ и надежныхъ рукахъ. Съ перваго начала комиссія, сколько извѣстно, принялась за дѣло съ величайшимъ рвеніемъ: тотчасъ же оказалось, что пространство подъ улицами Одессы по прежнимъ расчетамъ преувеличиваемо было на нѣкую треть, или почти на 40000 квадратныхъ саженъ, и комиссія людей выборныхъ самый свой приступъ къ дѣлу ознаменовала уже экономіею для города почти въ 400000 р. сер.; за тѣмъ рѣчь шла о составленіи подробнѣйшаго плана всѣмъ улицамъ Одессы, всѣмъ работамъ по ихъ замощенію; наводились справки объ этомъ предметѣ во всѣхъ большихъ европейскихъ городахъ, принимались и разсматривались всѣ проекты, и по составленіи плана, который бы лучше всего шелъ къ мѣстнымъ условіямъ, намѣревались приступить къ вызову техниковъ и подрядчиковъ на эти работы изъ Россіи и изъ-за границы. Къ сожалѣнію, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ и неизвѣстнымъ образомъ первоначальныя предположенія комиссія впоследствии значительно измѣнились, и комиссія, отказавшись отъ мысли о предварительномъ точнѣйшемъ измѣреніи пространства и уровня улицъ, и о вызовѣ отовсюду подрядчиковъ, удовольствовалась тѣмъ, что выработала свой проектъ мощенія въ общихъ чертахъ, на домовладѣльцевъ возложила возведеніе крѣпкихъ тротуаровъ и за тѣмъ раздѣляла работы на двѣ части: собственно мощеніе и предварительное приготвленіе водосточ-

ныхъ трубъ, опредѣлена на первое дѣло 800000 р., на второе—400000, обративъ въ тому же подрядчику, на котораго указывали власти. Только одинъ членъ комиссія остался вѣрять первоначальнымъ ея предположеніямъ, а потому, видя безуспѣшность своихъ протестовъ, счелъ своимъ долгомъ выбыть изъ ея состава. Въ его образѣ дѣйствій, нѣтъ сомнѣнія, гораздо больше разумной послѣдовательности; но не станемъ еще порицать и образа дѣйствій остальныхъ членовъ комиссія, пока не будетъ обнародованъ контрактъ ея съ г. Волоховымъ, до сихъ-поръ все еще не заключенный, и не окажется изъ него, насколько комиссія соблюла или нѣтъ интересы какъ всего города, такъ и своихъ довѣрителей—домовладѣльцевъ. Пока намъ удалось слышать, что предполагается въ этомъ контрактѣ вымостить одесскія улицы гранитными плитами въ пять дѣймовъ толщиною, по 9 р. 35 к. сер. за квадратную сажень (всего слѣдуетъ около 86000 квадратныхъ сажень) и окончить работы въ четыре года со дня заключенія контракта, по 30000 квадратныхъ сажень или около того въ годъ, не считая перваго года, подрядчикъ отказывается отъ проведенія на какомъ либо пространствѣ мостовыхъ, хотя при заключеніи контракта и получаетъ впередъ половину всей подрядной суммы; какъ бы те ни было, мы, несчастные жители одессы, измученные всеобразною грязью и пылью, начинаемъ свѣтлѣе смотрѣть въ будущее и оживляться надеждою, что наконецъ-то, года черезъ четыре, будетъ возможность дышать намъ воздухомъ, а не пылью, и ходить и ѣздить по городскимъ улицамъ, а не по болоту. А къ тому времени управленіе городомъ будетъ уже совсемъ другое, которое не допуститъ его до той степени нечистоты, беспорядковъ и упадка, на какой онъ находится теперь. Я говорю о новой общей и распорядительной городскихъ думахъ, проектъ которыхъ выработывался здѣсь всю нынѣшнюю зиму особо составленнымъ комитетомъ, подъ предѣвательствомъ г. градоначальника. Самый составъ комитета ручался уже за то, что дѣло будетъ сдѣлано хорошо и добросовѣстно. Правда, онъ образовался не во выборѣ мѣстныхъ жителей, а по назначенію отъ городскихъ властей; но на этотъ разъ назначенія были большею частью удачны: чиновники тутъ составляли меньшинство, а большинство принадлежало людямъ независимымъ, съ рвеніемъ къ дѣлу соединяющимъ достаточное образованіе. Жаль, что г. генералъ-губернаторъ отвергъ мысль комитета печатать всѣ свои совѣщанія; тогда достоверно извѣстна бы стала и мѣра заслуги каждаго члена въ такомъ важномъ общемъ дѣлѣ, и подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія насчетъ каждаго вопроса, самые результаты работы вышли бы еще лучшими. Насколько намъ извѣстно, главныя положенія выработаннаго проекта состоятъ въ слѣдующемъ: право голоса на выборахъ въ общую думу предоставляется: 1) всѣмъ домовладѣльцамъ безъ различія состояній, 2) купцамъ и 3) мѣщанамъ, получающимъ съ своего промысла не менѣе 200 р. сер. годоваго дохода, или нанимающимъ себѣ помѣщеніе въ 60 р. сер. въ годъ. Каждый изъ трехъ упомянутыхъ классовъ избираетъ изъ своей же среды по 50 депутатовъ въ общую думу, которая такимъ образомъ будетъ состоять изъ 150 членовъ. Она въ общемъ своимъ составѣ завѣдуетъ городскимъ хозяйствомъ, доходами и расходами, городскими зданіями, больницами, училищами, благотворительными заведеніями, тор-

ковомъ полиціамъ, имѣеть для этого два раза въ годъ обыкновенныя засѣданія, а на чрезвычайныя можетъ быть созываема по усмотрѣнію городского головы; она же, распадаясь на свои три отдѣленія, заѣмлетъ всѣми дѣлами, касающимися какого-либо класса въ отдѣльности. Изъ среды своей избираетъ она членовъ думы распорядительной и городского голову съ достаточнымъ содержаніемъ для обезпеченія, даже и бѣднаго человѣка. Распорядительная дума, дѣйствуя постоянно, приводитъ въ исполненіе всѣ предначертанія думы общей и непосредственно управляетъ, отдавая во всемъ отчетъ общей думѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ проектъ дѣлаетъ важный шагъ впередъ къ уничтоженію ремесленныхъ цеховъ, крайнее неудобство которыхъ особенно чувствуется въ такомъ городѣ, какъ Одесса, гдѣ ремесленность и безъ того развита очень мало и гдѣ развитію ея очень мѣшала необходимость для полученія званія мастера представлять пробную работу на разсмотрѣніе ремесленной управы. Если проектъ будетъ одобренъ, то всякій, запативши за свой патентъ, будетъ вправѣ открыть мастерство, и недостаточные жители не будутъ больше эксплуатировемы ремесленниками, число которыхъ до-сихъ-поръ было черезъ-чуръ ограничено; наступитъ болѣе обширная конкуренція, обавитъ цѣны на издѣлія, и дѣлаетъ ремесленниковъ болѣе честными и надежными въ выполненіи сдѣланныхъ имъ заказовъ. Два существенныя возраженія могутъ быть сдѣланы вротивъ всего проекта: съ какой стати онъ, при общемъ разумномъ и прогрессивномъ своемъ направленіи, ограничиваетъ право избирателей каждаго класса выборами непремѣнно изъ своего же класса? И безъ всякаго ограниченія они могли бы избирать депутатовъ изъ своего сословія, если бы того требовали ихъ интересы; зачѣмъ же мѣшать имъ избрать въ представители свои люди изъ другихъ классовъ, которыхъ бы они сочли, можетъ быть, болѣе къ тому способными, зачѣмъ изолировать другъ отъ друга сословія вмѣсто того, чтобы стараться объ ихъ сближеніи? И потомъ, съ какой стати исключать изъ числа активныхъ гражданъ, съ правомъ избирательства и избираемости, людей свободныхъ званій и профессій, — медиковъ, учителей, художниковъ, литераторовъ, адвокатовъ, которые всѣ въ высшей степени полезны и необходимы для благосостоянія города, а между тѣмъ во будучи болѣею частію ни домовладѣльцами, ни записанными въ гильдію, сетаемымъ совсѣмъ за чертою? Очевидно однакожъ, что люди либеральныхъ профессій сообщили бы думѣ болѣе независимости, и внесли бы болѣе свѣтлыхъ мыслей въ управленіе общественными дѣлами; кромѣ того медики и учителя пригодятся бы думѣ для контроля и управленія городскими училищами, благотворительными заведеніями и госпиталями, точно также, какъ и почасті торговая полиція, и если бы эти обязанности съ болѣеимъ рвеніемъ и безформлетіемъ, будучи сами членами думы, нежели служе по найму. Во вниманіе приняте по-видимому только то, что эти лица не платятъ въ пользу города никакихъ налоговъ. Не лучше ли было бы постановитъ, что каждый изъ нихъ дѣлается активнымъ гражданиномъ, какъ только обязуется платить налогъ въ пользу города хотя бы вдвое болѣеи претивъ того или же и равнымъ тому, какой платитъ мѣщанинъ, имѣющій до 200 р. сер. дохода?

Итакъ у насъ впереди и хорошія гранитныя мостовныя и хорошее управление городское, при которомъ невозможно уже будетъ эта страшная нечистота и вонь на улицахъ, эта непроницаемая темнота въ ночное время, эти вопли и крики на цѣлый кварталъ до двухъ часовъ ночи въ винныхъ погребахъ, эта распродажа на рынкахъ не свѣжей говядины или рыбы. Но и за всѣмъ тѣмъ, многого еще будетъ доставать намъ для удобствъ матеріальной жизни: тутъ разумно я недостатокъ хорошей воды, недостатокъ хоть сколько-нибудь сносной прислуги, крайне-малое развитіе ремесленности и мануфактурной промышленности, особенно чувствительное для кармана недостаточныхъ жителей со времени уничтоженія одесскаго порто-франко. Въ обоихъ послѣднихъ отношеніяхъ мы много полагаемся на приливъ къ Одессѣ капиталовъ и особенно лицъ изнутри Россіи, приливъ, который несомнѣнно произойдетъ съ устройствомъ жѣлѣзныхъ дорогъ, съ преобразованиемъ крайне стѣснительной до-сихъ-поръ паспортной системы и особенно съ полною отиѣной крѣпостнаго состоянія.

Но довольно объ интересахъ жизни матеріальной; перейдемъ къ интересамъ нравственнымъ. Давно уже въ кругу людей, которые ближе принимаютъ къ сердцу интересы народнаго просвѣщенія, шла рѣчь о народныхъ школахъ для первоначальнаго обученія. Мысль эта ближе подвинута къ осуществленію на обѣдахъ нынѣшняго года въ честь московскаго и харьковскаго университетовъ; на послѣднемъ собраніи была и сумма рублей въ 300 серебромъ для закупки необходимѣйшихъ учебныхъ пособій. Затѣмъ попечитель Одесскаго учебнаго округа, принимавшій сильное участіе въ этомъ дѣлѣ, обратился ко всѣмъ лицамъ учебнаго вѣдомства съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ принять на себя трудъ преподаванія въ предполагаемыхъ воскресныхъ школахъ, объ устройствѣ которыхъ должно было состояться общее совѣщаніе. Охотниковъ нашлось до тридцати изъ уѣздныхъ, приходскихъ, гимназическихъ и лицейскихъ преподавателей, къ которымъ присоединилось еще до пятнадцати студентовъ. Положено было открыть воскресныя школы въ пяти различныхъ частяхъ города, опредѣливши по шести преподавателей на каждую, раздѣлить каждую на два отдѣленія: вовсе неграмотныхъ и грамотныхъ; первыхъ обучать чтенію, письму и счисленію, вторыхъ — правописанію и сочиненію, чтенію съ объясненіями прочитываемаго, и наглядной геометріи. Затѣмъ народъ извѣщенъ былъ посредствомъ особыхъ объявленій, и школы открыты въ первое воскресенье великаго поста, 21-го февраля. Съ каждымъ воскресеньемъ число учениковъ обоихъ отдѣленій въ трехъ школахъ прибываетъ, двѣ же остальные съ самаго начала оказались пустыми, и закрыты. Общее число учениковъ въ двухъ школахъ при второй гимназій — свыше 100, при уѣздномъ училищѣ и при сиротскомъ домѣ по 50, — итого до 200. О результатахъ преподаванія пока не можетъ быть рѣчи; на первый разъ достаточно и того, что численный успѣхъ воскресныхъ школъ въ Одессѣ несомнѣненъ. Взрослыхъ какъ между грамотными, такъ и между не грамотными очень немного; больше же всего подростковъ и дѣтей, которыя являются едва ли по доброй волѣ, а скорѣе по волѣ своихъ мастеровъ или родителей. Какъ бы то ни было, дѣломъ преподавателей должно быть теперь заинтересовать ихъ посѣщеніемъ

школы, и въ отдѣленіи грамотныхъ приохотить ихъ къ толковому и разумному чтенію, развить ихъ понятія, и обогатить ихъ познаніями пригодными какъ для практической ихъ жизни, такъ и для общечеловѣческаго ихъ образованія. У насъ въ Одессѣ послѣднія цѣль поведомому будетъ преобладать надъ первымъ, такъ какъ между преподавателями физики и наукъ естественныхъ не нашлось охотниковъ трудится для воскресныхъ школъ. Положиться на одніе воскресныя школы въ дѣлѣ общенароднаго образованія было бы большою ошибкой; по нашему крайнему разумію, онѣ могутъ быть хороши только въ качествѣ школъ повторительныхъ, а не первоначальныхъ, и вѣроятно принесутъ больше пользы для отдѣленія грамотныхъ, чѣмъ для отдѣленія безграмотныхъ. Для начинающихъ только учиться грамотѣ, — одного раза въ недѣлю недостаточно. Притомъ же личный составъ учениковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ еще очень не установился; во всѣхъ школахъ безпрестанно являються новыя лица, съ которыми должно начинать съ нова; найдутся между ними вѣроятно и такія, которыя странствуютъ изъ школы въ школу, пробуя, гдѣ лучше. Затрудняется еще преподаваніе неравномѣрностію познаній и навыка въ чтеніи и въ письмѣ, затрудненію, которое легче всего могло бы быть устроено при второй гимназій, гдѣ двѣ школы, и слѣдовательно возможно было бы лучшее распредѣленіе учениковъ. Не худо было бы также, чтобы чтеніе, письмо и счисленіе преподавались одновременно паралельно въ двухъ отдѣленіяхъ одной и той же школы, такъ чтобы умѣющій хорошо читать, но неумѣющій вовсе писать, что нерѣдко случается, могъ при урокахъ чтенія присутствовать въ высшемъ отдѣленіи, а при урокахъ письма въ нижнемъ. Наконецъ, наибольшее затрудненіе въ недостаткѣ книгъ на русскомъ языкѣ приспособленныхъ къ тѣмъ двумъ цѣлямъ, которыя должно имѣть въ виду въ общенародныхъ школахъ, да и тѣхъ, которыя имѣются, до-сихъ-поръ еще нельзя получить въ Одессѣ. Хорошо было бы, еслибы воскресныя школы замѣнились ежедневными вечерними, съ вознагражденіемъ учителей отъ правительства или же изъ мѣстныхъ городскихъ суммъ. Не видимъ также, за что обойдены при устройствѣ воскресныхъ школъ женскій полъ. Правда, по слухамъ для него готовилось нѣчто не въ примѣръ лучшее — женская гимназія, но слухи эти почему-то канули въ вѣчность. А между тѣмъ ни въ чемъ такъ не нуждается Одесса, какъ въ женской гимназій; частныхъ женскихъ пансіоновъ въ ней, правда, чрезвычайно много, но всѣ они, за весьма немногими исключеніями какъ въ примѣръ пансіоновъ г-жъ Гейтверъ, Шмидъ, крайне плохи, а между тѣмъ обученіе въ нихъ обходится очень дорого. Надзоръ за ними со стороны учащцаго начальства, раздѣленный между всѣми преподавателями лицей, начѣмъ за то вознаграждаемыми, совершенно недостаточенъ, и они, можно смѣло сказать, едва ли оправдываютъ довѣріе родителей, вѣряющихъ имъ обученіе своихъ дѣтей. При такомъ положеніи женская гимназія особенно необходима и всѣ мы ждемъ ея устройства отъ нашего городского головы С. С. Яхненко, въ которомъ каждое хорошее дѣло и начинаніе находятъ себѣ самое дѣятельное и горячее сочувствіе. А между тѣмъ давно уже весь нашъ край, весь учебный округъ, слагающійся изъ трехъ губерній: херсонской, таврической и екатеринославской, и изъ одной области бессарабской ждетъ-не-дождется

преобразованія рыхельевскаго лицея, единственнаго высшаго учебнаго заведенія въ краѣ, въ императорской новороссійской университетъ.

Мысль о необходимости такого преобразованія впервые высказана была совѣтомъ профессоровъ лицея еще въ 1856 году при самомъ вступленіи Н. И. Пирогова въ управление одесскимъ учебнымъ округомъ. Она вполне одобрена была и главнымъ правленіемъ училищъ, и если до-сихъ-поръ еще не приведена въ исполненіе, то потому только, что къ нынѣшнимъ ежегоднымъ средствамъ лицея, простирающимся до 25000 слѣдовало бы каждый годъ добавлять около 56000 рублей, для того, чтобъ у насъ былъ полный университетъ и съ медицинскимъ факультетомъ, — пожертвованіе повидимому ничтожное сравнительно съ великою пользою такого университета въ Одессѣ и съ огромными средствами, которыя каждый изъ насъ привыкъ предполагать въ нашемъ отечествѣ. И въ самомъ дѣлѣ однихъ процентовъ съ суммы, ежегодно жертвуемой правительствомъ въ пользу общества пароходства и торговли, было бы слишкомъ достаточно, чтобъ подарить Россію и Новороссію такимъ важнымъ національнымъ учрежденіемъ. Несправедливо, было бы сказать, что лицей не приносилъ и не приноситъ никакой пользы нашему краю и всему нашему отечеству; но только университетъ въ полномъ своемъ составѣ могъ бы снабжать всѣ учебныя заведенія обширнаго и отдаленнаго округа вполне приготовленными преподавателями, тогда какъ теперь выборъ ихъ не можетъ быть очень строгимъ, да и то сколько учительскихъ должностей и по сколько времени остаются вовсе не замѣщенными; только университетъ при своихъ средствахъ могъ бы вполне завоевать наукѣ нашъ малоислѣдованный край съ сопредѣльными ему странами; наконецъ только университетъ, здѣсь на крайнѣй Россіи, привлекая въ свои аудитуріи единоплеменныхъ или единоверныхъ намъ обитателей сосѣднихъ странъ, могъ бы сообщить нашему отечеству огромное нравственное вліяніе на Востокъ, котораго никогда не доставитъ общество пароходства и торговли. Достаточно, кажется, причинъ для пожертвованія такой малой суммы въ годъ, какъ 50000 р. сер., и однакожь за ними остановилось все дѣло. Н. И. Пироговъ, какъ слышно, въ бытность свою здѣсь, истощилъ всѣ возможныя комбинаціи, чтобы открыть источникъ для пріобрѣтенія этой суммы: онъ указывалъ и на то, что можно было бы прибавить по полукопейкѣ на каждую четверть вывозимой изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ пшеницы, и на то, что можно было бы обратиться къ ежегодному выпуску акцій, пріобрѣтенію которыхъ только бы и давало право на поступленіе въ число студентовъ новаго университета: при отбѣнѣ пріемныхъ экзаменовъ, да даже и безъ этой мѣры, нашлось бы ежегодно до 200 и до 300 человекъ, которые желая вступить въ университетъ, купили бы по одной акціи (каждая въ 200 р.) и затѣмъ уже были бы на все время курса свободны отъ платы по 50 р. ежегодно заслушаніе лекцій. Но и та и другая комбинація были отвергнуты. Преемникъ Н. И. Пирогова, Н. Р. Ребиндеръ, не раздѣляя его мысли о необходимости медицинскаго факультета въ Одессѣ, для трехъ остальныхъ думалъ пріобрѣсти средства съ помощью патріотическихъ пожертвованій дворянства губерній и области, входящихъ въ составъ учебнаго округа. Но и этотъ расчетъ оказался не-

вѣрныя: Вотъ послѣ всего этого и проповѣдуй себѣ и прославляй патристическія пожертвованія! А между тѣмъ очевидно, что рижельскій лицей не можетъ долѣе оставаться въ нынѣшнемъ своемъ состояніи. Первоначально это была не болѣе, какъ привилегированная гимназія, потомъ гимназія коммерческая, далѣе съ 1837 г. если не ошибаемся что-то среднее между выснимъ и среднимъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ нѣлось въ виду прежде всего общее образованіе, а потомъ уже и специальное по отдѣленіямъ юридическому и физико-математическому, на которыя и распадался лицей; въ сороковыхъ годахъ къ этимъ двумъ отдѣленіямъ прибавлено еще камеральное, представляющее странное смѣшеніе массы общихъ предметовъ, предметовъ юридическаго и физико-математическаго отдѣленій съ присоединеніемъ технологіи и сельскаго хозяйства съ лѣсоводствомъ. Въ настоящее время съ возстановленіемъ самостоятельной каведры исторіи философіи, логики и психологіи, числится въ лицей восемнадцать профессоровъ, не считая четырехъ лекторовъ новѣйшихъ языковъ; профессора распределяются такимъ образомъ, что на общіе предметы приходится семь учащихся (причисляя сюда профессоровъ богословія и римской словесности), на юридическое отдѣленіе — пять (съ профессоромъ политической экономіи и статистики), на физико-математическое — также пять и камеральному отдѣленію специально принадлежитъ только одинъ профессоръ — сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Уже изъ этого очевидно одно изъ двухъ: или всѣ три отдѣленія лицей должны быть загромождены общими предметами въ ущербъ успѣшному преподаванію специальныхъ, или преподаватели общихъ предметовъ не посвящаютъ лицей всей учебной своей силы, опредѣленной уставомъ въ восемь лекцій въ недѣлю. Лицей дѣйствительно страдаетъ и тѣмъ и другимъ недостаткомъ вмѣстѣ: при нынѣшнемъ его устройствѣ значительная часть наличныхъ учебныхъ силъ пропадаетъ для него совсѣмъ даромъ, а между тѣмъ этихъ силъ у него и безъ того очень немного; ни общіе, ни специальные предметы не могутъ быть излагаемы съ достаточною полнотою, и лицей не въ состояніи дать ни полнаго общаго, ни полнаго специальнаго образованія. Налаучшимъ средствомъ развязать этотъ гордиевъ узелъ было бы немедленно, преобразовать лицей въ университетъ. Но на это нужно было бы ежегодно прибавочная сумма въ 50000 р., Затѣмъ остается только одно: преобразовать лицей такъ, чтобы наличныя въ немъ учебныя силы не терялись даромъ и вмѣстѣ чтобы специальные предметы не поглощались и не подавлялись общими. Та и другая цѣль можетъ быть достигнута однимъ разомъ — уничтоженіемъ самаго смѣшаннаго отдѣленія камеральнаго — съ отнесеніемъ специальныхъ его предметовъ: технологіи сельскаго хозяйства и лѣсоводства къ отдѣленію физико-математическому, значительнымъ ограниченіемъ преподаванія общихъ предметовъ на остающихся отдѣленіяхъ юридическомъ и физико-математическомъ и усиленіемъ преподаванія наукъ специальныхъ чрезъ введеніе свѣднхъ курсовъ (сводя 1-й и 2-й, 2-й и 3-й курсы), что тѣмъ удобнѣе можетъ быть исполнено, что нѣтъ въ лицей почти ни одного профессора, который бы и теперь не читалъ по двѣ, а иногда и по три науки, и наконецъ образованіемъ изъ общихъ предметовъ особаго отдѣленія — историко-литературнаго, которое сравнительно съ историко-

филологических факультетахъ университетовъ лишено было бы только кафедръ греческой словесности и славянскихъ нарѣчій и которое при болѣе спеціальности преподаванія могло бы снабжать училища округа, достаточно подготовленными учителями латинскаго языка, русской словесности и исторіи, такъ какъ при такомъ преобразованіи лица науки излагались бы въ немъ гораздо обширнѣе и спеціальнѣе, и съ цѣлью возбудить въ студентахъ болѣе рвенія къ научнымъ занятіямъ, справедливо было бы и въ высшей степени полезно увеличить нѣсколько ихъ права, и уже изъ лица отличнѣйшимъ изъ нихъ открыть перспективу будущей ученой карьеры. Съ отличіемъ окончившимъ курсъ ученія въ лицѣ могло бы быть даровано право, примѣрно чрезъ полгода, приобрести степень кандидата со всеми присвоенными ей преимуществами, но не иначе какъ по представленіи и защищеніи диссертациі передъ профессорами и передъ публикою. Кто не помнитъ, какъ сильно возбуждаютъ въ каждомъ студентѣ рвеніе къ научнымъ занятіямъ публичные ученые диспуты? Проектъ такого преобразованія лица, какъ мы достоверно знаемъ, дѣйствительно уже представленъ въ совѣтъ однимъ изъ профессоровъ.

Мѣстныя наши газеты болѣе или менѣе имѣютъ характеръ оффиціальныя: одна — Одесскій Вѣстникъ — съ 1859 года снова издается отъ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, впрочемъ на правахъ частной собственности; другая, Листокъ Общества Пароходства и Торговли — отъ конторы этого общества, и имѣетъ характеръ спеціальнаго изданія; обѣ поэтому даютъ намъ очень мало уместившей пищи. Для обсужденія мѣстныхъ интересовъ здѣсь нѣтъ довольно независимаго и широкаго органа, къ которому бы можно было обратиться, и приходится утомлять вниманіе читателей вашихъ столичныхъ газетъ и журналовъ письмами въ родѣ того, которое теперь предлагается и которому собственно лучше было бы занять мѣсто въ какомъ-нибудь одесскомъ журналѣ. За те столичные иностранные журналы выписываются во множествѣ, ожидаются и перечитываются съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и тотчасъ въ извѣстныхъ кружкахъ подають поводъ къ долгимъ и горячимъ преніямъ. Съ іюня нынѣшняго года возникаетъ въ Одессѣ новый журналъ: «Разсвѣтъ», органъ русскихъ евреевъ, который будетъ издаваться гг. Рабиновичемъ и Тарнопольемъ по разу въ недѣлю въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ въ каждомъ номерѣ. Программа его показала намъ очень обширную и вообще удовлетворительную. Цѣль его — сблизить и породнить евреевъ съ нашей матушкой — Россіей, съ ихъ собственными иноплемениками за-границей, такъ далеко опередившими ихъ въ дѣлѣ просвѣщенія и гражданственности, наконецъ съ собственною ихъ достопочтенною стариною, которая молодому, болѣе образованному поколѣнію евреевъ въ Россіи становится уже совершенно terra incognita. Выше съ тѣмъ журналъ будетъ имѣть въ виду ознакомить русскую публику съ бытомъ, интересами и нуждами евреевъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и Царства Польскаго. Журналъ, какъ сказано въ программѣ, долженъ быть органомъ самопознанія и совершенствованія для евреевъ, и сподручнымъ средствомъ для всѣхъ русскихъ и для самого правительства ознакомиться ближе съ живущими въ Россіи ев-

реями. Трудно ожидать, чтобы журналъ съ такими широкими видами и такими благими цѣлями, при хорошемъ, разумѣется, выполненіи своей программы, — не нашелъ себѣ самаго полнаго сочувствія со стороны не только самихъ евреевъ, но и русскихъ читателей и русскаго правительства. Пожелаемъ только, чтобы онъ избѣжалъ тѣхъ подводныхъ скалъ и отмелей, о которыя такъ легко и такъ непредвидѣнно могутъ разбиваться наши одесскія наданія, и пожелаемъ видѣть, чтобы программа не осталась только словомъ, а тотчасъ же стала и дѣломъ, за что, какъ кажется, ручается нѣя по крайней мѣрѣ одного изъ редакторовъ, г. Рабиновича, уже имѣющаго нѣкоторую извѣстность въ нашей русской литературѣ.

М. А. Д. Г.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СКАГО КУПЕЧЕСТВА.

«Сознаніе есть половина исправленія.»

Было время когда основныя обще-человѣческія истины признавали мы неудобноисполнимыми, и потому не заботились привить ихъ къ нашей жизни и еродиться съ ними въ сферѣ общественной дѣятельности. Всѣ заботились о внѣшности, о приличной обстановкѣ — о формѣ безъ содержанія. Такой порядокъ вещей довелъ насъ — даже и въ самыхъ мѣлочахъ — до унизительнаго самообольщенія, до совершеннаго забвенія истинно-человѣческихъ качествъ. Голова кружилась, какъ въ чаду похмѣлья, отъ трескучихъ эффектовъ, отъ неожиданныхъ радужно-мыльныхъ пузырей; а бѣдный, подавленный умъ нашъ — смотрѣлъ, дивился и молчалъ. Образованнымъ челоѣкомъ въ провинціи считался тотъ, у кого голова постоянно была съ англійскимъ — не умомъ — а пробормомъ; кто носилъ на рукахъ длинныя, не челоѣческія когти; ничего не читалъ и не любилъ русскаго; драгъ челоѣческую кожу для того, чтобы промѣнять ее на дорогую шкуру енота или бобра. Вслѣдствіе этого, понятія наши окончателно свихнулись: бѣдняку, напримѣръ, торговцу или мелкому чиновнику казалося, что для того, чтобы быть замѣтнымъ и порядочнымъ челоѣкомъ въ обществѣ нужно невремѣнно имѣть: лѣтомъ — дорогое драповое пальто, а зимою — богатую енотовую шубу. Сообразно этому направленію общества, всѣ дѣла изъ кожи, чтобы драпироваться выше средствъ, чтобы всѣми неправдами добыть лишній рубль и — стыдно сознаться — подарить его модисткѣ или портному. А нравственное развитіе, умственное образованіе? Мы прозябали въ умозрительныхъ теоріяхъ администраторовъ, никогда не стаякивавшихся съ дѣйствительными нуждами общества; литература молчала; изъ нея не брызгали на насъ живые ключи засушнхъ потребностей общества, и все читающее апатично опускалось до самого дна стоячихъ водъ ка-

кого нибудь *мертвого озера* или блуждало безъ цѣли—по чуждымъ для насъ — *тремя странами свѣта*; среднее же сословіе даже забыло, что есть на свѣтѣ печатныя книги, и охотно предпочитало имъ пустыя свѣтскія побрякушки. Вездѣ встрѣчались завитые, раздушенные и разряженные въ пухъ и прахъ—такъ называемые— *львы и львицы*, да бубновые козыри средней руки; но съ человѣкомъ — въ настоящемъ значеніи этого великаго слова — рѣдко приходилось сталкиваться: модныя ходячіе преисъ-куранты не терпятъ разумныхъ людей. Но, слава Богу, этотъ темный періодъ нравственной спячки переживаетъ самъ себя. Въ обществѣ начинается пробуждаться самосознаніе съ новыми взглядами на то, что мы есть, чѣмъ могли бы и должны быть.

И вотъ, когда во всѣхъ концахъ необъятной Россіи встрепенулась свѣтлая мысль о потребностяхъ нравственнаго развитія и воплотилась она не въ мертвую букву краснорѣчивой теоріи, а въ живое слово, выработанное нуждами общества; наше купечество и вообще среднее сословіе все какъ-то старается заслонить собственные свои грѣшки—*не-благоданьмеренными станowymi, испрашиками, окружными* и тому подобными печатными личностями, наводнившими собою нашу литературу; собственныхъ же недостатковъ и темныхъ сторонъ своего быта само купечество не хочетъ выводить на свѣтъ Божій, какъ будто оно и не признаетъ гогрбности очистить себя отъ вѣковой копоти предразсудковъ и невѣжества. Какъ не прискорбно мнѣ, имѣющему честь принадлежать къ . . . . . скому купечеству, свидѣтельствовать о такомъ уродливомъ направленіи нашего сословія; но искреннее сознаніе для нашей же пользы необходимо: иначе грязныя и сальныя пятна всегда останутся пятнами, если мы не будемъ выводить ихъ посредствомъ печатнаго обмѣна мыслей. Вѣдь всѣ стараются теперь о томъ, чтобы словомъ и дѣломъ усвоить истину, пропустить ее по всѣмъ артеріямъ нашей жизни и стряхнуть пагубное самообольщеніе; зачѣмъ же большинству провинціального купечества-то коснѣть въ невѣжествѣ и оставаться какой-то отверженной кастой? По наружности мы всѣ люди очень пріличные — такъ что пожалуй и не стыдно показаться на свѣтѣ Божій; правда—мы хотя и грамотные, но ничему не учились и ни за что порядкомъ не умѣемъ взяться: все какъ-то воротимъ *дуромъ*, по своему, по старинному. . . . Да вѣдь учиться никогда не поздно. Что же? Не хочется? вѣковая лѣнь одолѣла; батюшкинъ карманъ тоестъ, на нашъ вѣкъ достанетъ . . . . . Въ силу этихъ убѣжденій православное купечество въ провинціи пока еще не признаетъ за собою никакого грѣха и все—*живаетъ на Петра*. . . . да напрашивается въ героя къ г. Островскому.

Въ родномъ мнѣ губернскомъ городѣ жизнь торговаго сословія какъ-то невольно дѣлится на коммерческую, семейно-общественную, клубную и трактирную. При этомъ послѣднемъ словѣ быть можетъ какой-нибудь ветхозавѣтный старичекъ сочтетъ за дерзость мое выраженіе и впадетъ въ справедливое негодованіе; но у насъ трактирныя заведенія имѣютъ свой мѣстный характеръ и потому считаю долгомъ оговориться.

Въ прежнее—доброе время—слово *трактиръ* оскорбляло нравственность достопочтенныхъ старичковъ и старушекъ: всѣ подобныя заведенія считались пріютомъ грязнаго разгула жизни. Горе тому, кого бы-

ваго увидать выходящимъ изъ трактира—господишь этотъ, кто-бъ онъ ни былъ, падалъ во мнѣнїи общества; онъ представлялся пьянымъ, развратнымъ и вообще человѣкомъ пропавшимъ, хотя иногда вышедшїй изъ трактира и не былъ причастенъ никакому грѣху. Такое—первоначально не заслуженное — порицаніе и таинственность, которою общественное мнѣніе старалось окружить трактиры, возбуждали въ молодежи всѣхъ сословїй сильный апетитъ вкусить запретнаго плода — побывать въ трактирѣ, взглянуть что тамъ дѣлается и какъ веселятся люди, поспѣшающїй эти заведенїя. И вотъ любознательность проводила ихъ тайными и темными путями въ трактиры; причемъ, разумѣется, въ проводники избирался какой нибудь бывалый *фатъ*. Съ своей стороны содержатели заведенїй и особенно ловкіе половые, оскорбляясь незаслуженнымъ безчестїемъ трактира, которое отталкивало отъ него большинство поспѣтителей и слѣдовательно подрывало кредитъ заведенїя, — всѣми позволительными и не позволительными средствами старались *развеселить и угостить* своихъ поспѣтителей — инкогнито, обязываясь разумѣется никому не говорить о такомъ поспѣщенїи. Изъ опасенїя огласки, тайные поспѣтители трактира по необходимости должны были паясать по ихъ, дудкѣ и изъ того же опасенїя знакомиться съ другими поспѣтителями людьми иногда дѣйствительно вредными; а между тѣмъ угодливість и услужливість — *во всемя*—прислуги; свобода дѣйствїй и возможность пропустить чарку вина, приправленнаго визгомъ бродячей шарманки, неотразимо манили молодежь *въ увеселительное заведенїе*. Такимъ образомъ, постепенно вытекало то, что трактиры дѣлались надежнымъ прїютомъ для купеческихъ молодцовъ, когда они захотятъ поволяничать и покутить; а отсюда сложилось и невыгодное общественное мнѣніе о трактирахъ. Но когда нѣкоторые изъ нашихъ стариковъ, по торговымъ дѣламъ своимъ, побывали въ *Рршавѣ* и *Англь*, когда всѣ мы изъ описанїй и изустныхъ разсказовъ узнали, что за-границей трактиры поспѣщаются людьми очень порядочными, солидными; тогда мало-по-малу и у насъ трактиры—изъ совершенно закрытыхъ—сдѣлались открытыми заведенїями, гдѣ нельзя уже больше кутить такъ, чтобъ ни кто изъ порядочныхъ людей не видалъ и не узналъ бы объ этомъ.

Неудобно ли зайдти въ наше заведенїе, подъ вывѣскою *московскїй трактиръ*, въ которомъ вы найдете Московскїя Вѣдомости, Современность и Иллюстрацію; я не говорю о Губернскихъ Вѣдомостяхъ, они тоже есть, но по пустотѣ содержанїя ни кѣмъ не читаются. Смотрите залъ совершенно полонъ поспѣтителями; всѣ они люди коммерческіе, заняты дѣломъ — тутъ есть старички и молодежь. Табачный дымы, нестерпимый чадъ отъ кухни, законченныя стѣны, потолокъ и драпировки; сплошной диванъ кругомъ стѣны и противъ него длинный рядъ столиковъ съ грязновато-красными постилками, въ родѣ скатертей; *Терентїй* и *Осипычъ* съ подстриженной подъ гребенку бородкой, въ наивно-дѣтской рубашечкѣ: все это, вѣроятно, давно уже вамъ знакомо. Посмотримъ лучше, что дѣлаютъ въ трактирѣ *наши*. Вотъ затѣмъ крайнимъ столякомъ Н. читаетъ своимъ собесѣдникамъ, только что полученное изъ Москвы, письмо о цѣнахъ на шерсть, сало, масло, *сальчу* и всякую всячину. На другомъ столѣ идетъ расчетъ за купленный или проданный товаръ; на третьемъ совершается рукобѣтье и поздравле-

нія—одного съ покупкой, а другаго съ продажей—и разумеется требуется *магариш*—снова, только что росшитыя, *тыя пары чаю* и т. д. курать, читать, говорить, спорить. Такимъ образомъ наши трактиры приняи практически дѣльное направление: почти все торговыя дѣлаки начинаются и оканчиваются въ трактирѣ. Если вы прѣѣзжій торговецъ и желаете отыскать кого нибудь изъ нашихъ — идите въ трактиръ и навѣрное тамъ найдете его; если вамъ нужно поговорить о дѣлѣ, вамъ непременно назначать свиданіе въ трактирѣ, за стаканомъ чаю. Словомъ трактиръ для человѣка коммерческаго замѣняетъ кууческую биржу, для мастераго и простолюдина это своего рода клубъ, гдѣ грамотные за чашкой чаю, глядя на другихъ, читають своимъ товарищамъ всякую всячину, иногда даже и политическій отдѣлъ; тутъ нерѣдко иностранныя фамиліи—за трудности произношенія — сопровождаются одними изъ тѣхъ крѣпкихъ словцовъ, которыми такъ богаты русскій языкъ.

Теперь когда вы, мой добрый читатель, убѣдились, что нашъ губернский трактиръ, если не по наружности, то по внутреннему содержанию, вовсе не такое мѣсто куда совѣстно заглянуть, позвольте познакомить васъ съ нѣкоторыми личностями, которыхъ мы здѣсь увидимъ.

Вотъ сидятъ пятеро молодыхъ людей: это купеческія дѣти порядочныхъ фамилій; все они занимаются торговлею въ родительскихъ лавкахъ. Въ эту минуту одинъ изъ нихъ читаетъ обличительную статью о злоупотребленіяхъ, безчестныхъ поступкахъ, обманахъ и грабежѣ казны какого-то служившаго, а можетъ быть и теперь служащаго, господина. Прислушайтесь какъ горячо они сочувствуютъ свѣту истины, съ какимъ негодованіемъ глумятся надъ обманомъ и взятками; какъ хорошо они судятъ, — что обманывать и грѣхъ и стыдно. Вы непременно подумаете, что это олицетворенная честность. Но . . . . черезъ пять минутъ эти строгіе моралисты — волей или не волей заташатъ васъ въ свои темныя торговныя лавочки; пятнадцать разъ сряду поклонятся Богомъ, что називается *своя чина*, дешевле которой взять нельзя, что товаръ продается *на совѣсть*; а затѣмъ награждать васъ, понушающаго *на честность*, гнилой, испорченной или линочней дрянью, сдеруть двойную цѣну и, когда еще не остынетъ слѣдъ вашъ, отъ души осмѣютъ васъ же, да еще и похвалятся передъ своими, что съумѣли отаично надуть . . . . Если вы когда нибудь бывали въ нашихъ магазинахъ и лавкахъ; то навѣрное не разъ задавали себѣ вопросъ: для чего это царствующій въ этихъ торговыхъ заведеніяхъ не полусвѣтъ, а просто — полумракъ, увеличивается еще повѣшенными на дверяхъ и окнахъ непроницаемыми разноцвѣтными занавѣсками, такъ что рѣшительно дѣтъ возможности разсмотрѣть что покупаете. Въ этомъ-то и заключается вся тайна нашей коммерческой цивилизаціи. Устрой-ка свѣтлау лавку, да покажи вамъ въ настоящемъ свѣтѣ свой товаръ — съ васъ и полевны не возмешь претивъ того, что берется въ теперешнихъ мышеловкахъ. Странно, какимъ образомъ до-сихъ-поръ все эти продѣлки поддерживаются самимъ обществомъ; впрочемъ и то сказать — вѣдь неперестраивать же лавки, когда большая часть ихъ устроена почти со всемъ безъ оконъ. Но еще страннѣе, что стоитъ какому нибудь веъмъ извѣстному мелочному торговцу напечатать вдругъ предлинное объявленіе,

что у него не такъ какъ у другихъ, а все отлочно-хорошо и вдвое дешевле; и благодушное общество толпою валитъ въ западныя, отлочно выручаетъ ловкаго промышленника до-тѣхъ-поръ, пока не ляжетъ на свѣну ему другой аферистъ, съ болѣе замысловатымъ объявленіемъ. Втеченіе поста столько появилось у насъ подобныхъ объявленій, что мы рѣшительно потеряли имъ счетъ. Какихъ названій не придумали для приманки? напримеръ: *торговля тѣмъ-то — такого-то* — какой широкій взмахъ для мелочной лавченки . . . или: русскій базаръ . . . голландскій базаръ, тульскій базаръ . . . и всѣ эти штуки на нашемъ общественномъ базарѣ идутъ, какъ доказательство вѣры въ силу печатнаго слова.

Дальше — смотрите на дѣло — вотъ почтенной наружности полусудой господинъ, такъ нѣжно и *набожно* бесѣдующій съ двумя наголыми тулупами: тулупы занимаютъ печенбемъ — сыроватаго ржаного хлѣба, съ пескомъ и щепками; булокъ съ тараканами; калачей съ мухами и волосами, да такъ называемыхъ *печенбевъ* на маслѣ, отъ котораго стошнить самаго не прихотливаго потребителя. Этотъ приличный господинъ — оптовой мучной торговецъ, а это его покупатели *на кредитъ*. Заготовленная приличнымъ господиномъ по дешевой цѣнѣ мука — немного подгуляла . . . . Чтожъ, не высыпать же ея на земь: если нѣтъ поставки въ казну, такъ сохнемъ ее покупающимъ на счетъ будущей выручки. Хлѣбни и видятъ, что мука-то скверная; но господинъ оптовой торговецъ увѣряетъ, что *для сѣтлаго дѣла* сойдетъ, вѣроятно думая про себя, что человѣкъ вѣдь не свинья — сваякую дрянъ съѣсть . . . . И пошла негодная мука входить. Спросите хлѣбника, отъ чего это такой скверный хлѣбъ, хоть огни замазывай? . . . — «Ктожъ его знаетъ, отвѣтитъ вамъ наввно хлѣбникъ, должно партія муки такая попалась . . . . Мы вѣдь ее не сами дѣлаемъ, а другое дѣло — въ нее не влѣзайшь . . . .» — Ну а сирой-то она, съ отрубями да съ мочалами — это тоже отъ муки? . . . Вамъ скажутъ въ отвѣтъ, что безъ этого ужъ нельзя; что намъ некогда заниматься чистотою, это вѣдь не у нѣмцевъ . . . . *Сядоваксий* господинъ, сбывши дурную муку *за златъ*, набожно крестится — должно быть благодарить Бога за такое честное дѣло — и потомъ спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, уходитъ.

Видете ли вы того, даже и по внѣшности, очень непредставительнаго господина, въ тепломъ мѣховомъ сюртукѣ — какъ выразился покойный Н. В. Гоголь — *по сіе время*, съ сухой, продолговатой желчной физиономіей, съ давно не бритой полусудой бородой, остриженнаго *въ скобку*? Онъ вообще говоритъ очень тихо и вяло сквозъ зубы; но когда не много разгорячится, то вы увидите рядъ отвратительно желтыхъ зубовъ и почувствуете брызги слюней. У этого господина, вѣроятно отъ свинной нечистоплотности, такъ скверно воняетъ изъ рта, что трудно повѣрить, чтобы онъ имѣлъ около двухсотъ тысячъ серебромъ капитала. Таковъ съ виду нашъ почтеннѣшій Федоръ Федоровичъ — третьей гильдіи купецъ, занимающійся по шибайной части. Немногіе изъ гражданъ знали о томъ, что есть на свѣтѣ Федоръ Федоровичъ, богатый мужикъ и скотина съ тремя знаками восклицанія . . . Ну, скотина и скотина — что кому за дѣло: будь онъ свинь хоть дѣлой свиньей; дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что Федоръ Федоровичъ семейный человѣкъ и что Господь не съѣтъ его — должно быть за доброту и простоту — семейнымъ несча-

стѣмъ, горемъ, которое и выдвинуло его на-показъ всему обществу. У Федора Федоровича была дочь, которую онъ выдалъ замужъ за купеческаго сына; денегъ въ приданое онъ не далъ по той причинѣ, что хоть и свое дитя, а все какъ-то жаль растаться съ наличными. Новой семьѣ не посчастливилось отъ богатой невѣстки, ее одолевалъ бѣтшникъ «самодуръ», къ которому подстрекала родная матушка. Тестя и тещу она не почитала; мужу колола глаза отцовскимъ богатствомъ и называла его *гольтепой*; сама все какъ-то капризничала да хворала и наконецъ со всѣмъ следа. Медицинскія пособія, къ которымъ самодуры прибѣгаютъ едва ли не накануне смерти, оказались безуспѣшны: у ней была чахотка въ послѣднемъ періодѣ развитія. Федоръ Федоровичъ сильно печалился и вздыхалъ, но не о любимой своей дочери, а о томъ, что вотъ-де какую пропасть потратили денегъ въ аптеку и докторамъ, а все повапрасну; тутъ же невольно тѣснились въ памяти его пропащія свадебные расходы и тяжело, почти до слезъ, вздыхалъ Федоръ Федоровичъ. . . . Между тѣмъ смертная агонія тяготѣла надъ больною; ей оставалось жить очень не много. Въ послѣдніе дни мать безвыходно была у больной; но не о ней она заботилась: она стерегла камодъ, гдѣ хранились цѣнныя вещи, и какъ коршунъ слѣдила за зятемъ, который тоже былъ ловкій малый и не дремалъ.

Господь послалъ по душу и больная скончалась. Пока мать принимала послѣдній вздохъ ея, мужъ въ ту же минуту открылъ камодъ, взялъ узелъ съ вещами на извозчика, и маршъ. Мать, бросивъ едва закрывшую глаза дочь, посакала извѣстить мужа своего не о смерти дочери, а о томъ, что зять взялъ какой-то узелъ и ушелъ. Лѣтнее солнце садилось; на улицахъ было людно. Федоръ Федоровичъ, окончивши свои дневныя занятія, спокойно вѣхалъ взглянуть, что дѣлается съ дочерью; но вдругъ на дорогѣ останавливаетъ его жена и объявляетъ прежде всего объ узлѣ съ вещами, а потомъ о кончинѣ дочери. . . . И чтожь вы думаете, что почтенный Федоръ Федоровичъ, пораженный горемъ, кинулся, какъ отецъ, чтобы перекрестить еще не остывшее тѣло усопшей, чтобы прильнуть еще къ теплымъ устами милой дочери съ послѣднимъ горячимъ поцѣлуемъ? . . . . Нѣтъ-съ! Онъ торопливо спросилъ въ какую сторону поѣхалъ *подлецъ Петрушка*, (такъ звали зятя), и стремглавъ бросился договянь его. Зять съ узломъ подъѣзжалъ къ отцовской лавкѣ; увидавши же погоню, поскакалъ обратно къ своему дому. Федоръ Федоровичъ, нагнавши его среди улицы, перескакиваетъ къ нему въ пролетку и, схвативши за пельки, кричитъ — «стой!.. ты зачѣмъ узелъ укралъ, а?.. куда ѣдешь? . . . » Зять объясняетъ, что это узелъ съ вещами, которыя подарила ему покойная жена, что въ узлѣ есть и деньги; что все это онъ — для безопасности отъ похоронныхъ суевъ — везеть спрятать въ лавку. Нѣтъ, врешь! . . . ты хочешь меня ограбить. . . . Поѣдемъ въ полицію. . . . Зять видитъ дѣло не ладно; уговорилъ Федора Федоровича ѣхать вмѣстѣ домой къ умершей; вотъ и ѣдутъ, а за узелъ держутся оба. . . . Не доѣзжая до дома, зять, увидя удобную минуту, вырываетъ узелъ, скакиваетъ съ пролетокъ и бѣжитъ что есть силы по улицѣ; почтеннѣйшій Федоръ Федоровичъ бѣжать за нимъ и кричать — караулъ!.. братцы! . . . ограбили. . . . Зять подбѣгаетъ къ своей садовой калиткѣ, выламываетъ съ розмаху дверь и созываетъ на

помощь своихъ работниковъ. Но въ это время Федоръ Федоровичъ нестигаетъ его; запускаетъ три пальца за галстукъ зятя, встряхиваетъ его, валетъ на землю, и, осѣдлавши верхомъ, тянетъ изъ рукъ узелъ, который такъ замеръ отъ молодецкой встряски въ рукахъ зятя, что Федоръ Федоровичъ съ подоспѣвшимъ на помощь къ нему кучеромъ, едва могли сдѣлать то, что концы скатерти остались въ рукахъ зятя, а узелъ у нихъ.... Тутъ подоспѣли работники, которыхъ кликалъ зять, и началась общая свалка. Неизвѣстно чѣмъ бы она кончилась, еслибъ сбѣжавшіея домашніе не развели ихъ. Не забудьте, между прочимъ, что въ это время еще обмывали тѣло сейчасъ только умершей женщиной а эта женщина одному изъ двухъ дравшихся почтенныхъ гражданъ, была дочь, любимое дитя.... а другому — жена, подруга жизни.....

Въ день погребенія дочери Федоръ Федоровичъ, чтобы доказать своему небогатому свату, какъ онъ имъ не нуждается, приказалъ изготовить помпальный обѣдъ въ собственной своей кухнѣ, а оттуда готовое кушанье перевести въ домъ свата, который съ своей стороны то же приготовилъ и у себя. Домъ, гдѣ умерла дочь Федора Федоровича — двухъ-этажный, и потому въ нижнемъ этажѣ накрытъ былъ столъ съ кушаньемъ Федоръ Федоровича, а въ верхнемъ съ кушаньемъ его свата. Странно, говорить, было видѣть какъ два враждующіе свата, совершенно забывши близкое сердцу ихъ горе, усердно подчивали духовенство и родныхъ, приговаривая съ гордостью и жолчною насмѣшкой: «Пожалуйте, батюшка, это вѣдь наше—Хрюкинское, а не Рыловское.... не беспокойтесь — мы угощаемъ своихъ, а не чужимъ: у насъ достанетъ!....» Съ другой стороны слышалось: «Батюшка, отецъ Н., прошу выкупать водочки, помянуть усопшюу—это вѣдь Рыжовская, наша; хоть я и небогатые люди, а то же своихъ подучюмъ.... усерднѣе прошу васъ—чѣмъ Богъ пошлетъ.»—Обѣдать сѣли каждый свать съ роднею за свой столъ, не зная какъ они духовенство раздѣлили.... По окончаніи обѣда разсолодѣвшій Федоръ Федоровичъ и его свурга шумно распорядились и покривляли на прислугу. — «Смотри, ребята, чтобы въ этомъ проклятомъ домѣ ничего не оставалось нашего: ѣшь, мой все; а чего не одолѣемъ—дей на земь и кидай собакамъ.... или лучше—собирай и вези домой....»

И вотъ эти достойные сограждане, схоронивши одинъ — дочь, другой — жену, а третій — невѣстку, сей часъ же настроили просьбы, кто въ полицію—кто куда, и повли пишущія машины да кривоколатыя уловны въ ходъ. Этотъ любопытный процессъ тянется и теперь; въ полиціи дѣло перетянуто въ городской магистратъ; все мы съ любопытствомъ ждемъ конца. А что же наше купеческое общество? . . . Какъ приняло оно этотъ неслыханный скандалъ, это грязное для всѣхъ пятно? . . . Ничего! посмѣялись втихомолку, каждый про себя, ни гу-гу! . . . Федору Федоровичу при встрѣчѣ опять — *мое почтение-са!* . . . — Почемужъ бы этому самолюбивому обществу, обижавшемуся до бѣшенства когда печатно называютъ его *грубымъ и неразумнымъ*, такое скверное, пятнающее всѣхъ насъ, дѣло—не допускала даме и до полиціи—не рѣшить судомъ общественнымъ? . . . Почемужъ бы не собраться, имѣющимъ вѣсь гражданамъ, и не помарить двухъ, выжившихъ изъ ума, сватовъ на какихъ бы то ни было условіяхъ?—Гдѣ же вы, жекот-

ливые и задорные поборники своей чести, или вы забыли вашу русскую святую поговорку, что в худой миръ лучше доброй дражн? . . . — Денюшки, друзья мои, великое дѣло: онѣ заслоняютъ ваши глаза и затыкаютъ вамъ уши. Медлота да бѣдность молчать, поклоняясь богатству Федора Федоровича, богатые имѣютъ сами съ нимъ дѣла; а люди благомыслия, мало-мальски развитые, составляютъ собою такую ничтожную цыфру противъ большинства подобныхъ Федору Федоровичу, что подумаешь, подумаешь, да невольно и скажешь—*одни съ полъ не свият* . . . а между тѣмъ супруга Федора Федоровича похваляется своимъ знакомымъ въ церквѣ, что хоть двадцать пять тысячъ серебромъ истратимъ, а ужъ засадимъ свата съ зятемъ въ острогъ. . . . И не мудрено, свать съ зятемъ люди бѣдные.

Да чтожъ мы привязались къ этому Федору Федоровичу? Ну его! . . . пусть себѣ возится въ своемъ грязномъ бомотѣ . . . А мы вотъ займемтесь-ка теперь тѣмъ господиномъ небольшого роста съ просѣдью, у котораго лукообразное лицо точно выкрашено свекольнымъ сокомъ и накрашировано личнымъ бѣлкомъ. Это нашъ преноченнѣйшій и дорогой — *видитель*, — *али* — *нѣтъ* *). Онъ по второй гильдѣи, собственникъ для почетнаго гражданства, приторговываетъ шорсткой, саломомъ, деготькомъ, масломъ, солью, своимъ братомъ скотомъ и прочими мелочушками. Убытка никогда и ни отъ чего не знаетъ, а потому у него *денюги* — по поговоркѣ и куры не клюютъ . . . развѣ иногда подъ веселую руку сынки пошалаютъ маленько, такъ и то по безграмотству не сочтеть. Если кто со стороны скажетъ нашему доброму собрату, что вотъ-де сыновья твой такъ и такъ . . . не хорошо! Такъ онъ тоже за отгѣтомъ въ карманъ не ползаетъ. — «А тебѣ, видишь, али—нѣтъ, что за дѣло! . . . Вѣдь не на твой мотають. Прокуютъ, видитель, али—нѣтъ, такъ все-таки мое, а не ваше. . . .» — А сынки, такъ ужъ сынки — *кравъ* съ моломомъ, точно отпоеنامه на убой телята; двое женаты. Да какіе погѣшники, еслибъ вы знали. . . . Самъ папаша пятидесяти лѣтъ женатъ на молоденькой, второй женѣ. Разъ, говорятъ, одному изъ женатыхъ телятъ захотѣлось завести порядки въ жизни на барскую ногу, имѣть на всякій случай подъ рукою другую, партикулярную, воиновпрактикую жену: Ну чтожъ, человекъ богатый, вздумалъ — *сдѣлалъ* и *засадил* себѣ пригвѣвучи на двѣ семьи: законную содержитъ батюшка, а другую самъ. Но родитель строгій человекъ, у него ни гу-гу! *кошени* не даетъ, развѣ самъ изловчилось укропчишь; или къ *мачѣ* какъ и *будь* подвернешься лисой — на пальто да на шубу . . . . Такимъ манеромъ и пробавлялся нашъ молодецъ до поры до времени. Тутъ вышло такой случай, что деньги крѣпко были нужны, а взять негдѣ. Между тѣмъ молодецъ-то засѣдалъ въ приказѣ по выбору общества въ качествѣ казначея. На грѣхъ принесла нелегкая какого-то господина со внезапной ревнѣей суммы. Хватъ за ящикъ, а тамъ тысячь около трехъ не досчитываются. Туда — сюда . . . Взять — не можетъ быть — не согласится: вѣдь это пятно, срамъ! . . . Бились, бились — а дѣло оказалось пустяки: господня казначея какъ-то передъ выходомъ изъ присутствія

*) Постоянная поговорка господина Зг
Отд. III.

получить сумку, да по новости службы, ошибкой, вмѣсто ящика сумку ее въ карманъ и затаявъ домой. Потомъ—нынче отвесь недосугъ, завтра должно быть жалко, а тутъ вотъ какой грѣхъ и случился. Чтожъ вы думаете, съѣздивъ домой и сейчасъ же привезъ ихъ. *Видитель*,—*али-нлыз* сначала удивился и все пыхтѣлъ; потомъ о чемъ-то горячо спорилъ съ сыномъ, внакоонецъ съѣхалъ на томъ, что долго сердился на сына за его ребяческую разсѣянность и плохую память . . . . .

Другой сынъ, *видитель-али-нлыз* недавно, говорятъ, еще лучше отличился. Былъ онъ, по коммерціи батюшки, въ большомъ торговомъ селѣ на ярмаркѣ, а они большею частію существуютъ въ дни храмовыхъ праздниковъ. Народъ кипитъ; со всѣхъ сторонъ раздаются веселыя пѣсни—разгулъ у мужичковъ въ полномъ разгарѣ: сами посудите, пойдеть-ли тутъ на умъ батюшкина коммерція? Аль мы-то не люди,—да еще какіе—губернскіе и денежныя; такъ валяй въ родительскую голову . . . . . И вотъ русская, купеческая душа распахнулась настѣжъ и нашъ добрый молодецъ нахватался *до зеленыхъ чертъ*. Идетъ себѣ по площади, поталкивается да молодецкимъ бабочкамъ подмаргиваетъ. Вдругъ, откуда не возмись, проходитъ отецъ съ дочерью; дѣвушка кровь съ молокомъ, а гуляка нашъ не промахъ—даромъ что женатъ . . . . . Отецъ какъ-то затюгался въ народѣ, а молодецъ подлетѣлъ къ дѣвушкѣ, обнявъ ее и вѣпилъ въ розовую щечку превкусную безешку. . . . . Отецъ ахуалъ и вступилъ въ права свои; не тутъ-то было: блудный сынъ, ничего не слушая, знай свое кричитъ: «подай мнѣ ея . . . . . ты не отецъ ей . . . . . врешь—какой ты отецъ! . . . . » Разумвется раба Божія скрутили *по надлежащему*, да и къ становому . . . . . Дальше мы ничего не знаемъ объ этой *дѣтской шалости*; слышала только, что священникъ чрезвычайно остался доволенъ правосудіемъ станового, а становой съ восторгомъ гордился своей судебной профессіей; сынокъ же говорить не счастливо торговалъ на ярмаркѣ и вмѣлъ около двухъ тысячъ убытка . . . . . Сибѣкнулъ ли панаша чего стоило поѣздка сычу—этакъ тоже не извѣстно.

Да полноте возится съ молодыми ребятами, познакомимся лучше поближе съ самимъ *видитель-али-нлыз*. О степени образованія его и грамотности можно сказать только то, что если *видитель-али-нлыз* заставитъ написать четверть странички, то и сами семьдесятъ семь токовскихъ не прочтутъ и не переведутъ на русскій языкъ этого писанья, короче—часто самъ писака ни за что не разберетъ своей каллиграфіи. Вообще по части грамотности онъ какъ-то очень тугенекъ на голову; а впрочемъ преполозный гражданинъ. Посмотрите-ка какъ онъ безкорыстно сочувствуетъ общественной пользѣ. Перенесемъ мысленно въ ту счастливую для города эпоху, когда подвизались на поприще общественной службы, *видитель-али-нлыз*—гласнымъ, а другой богатѣйшій и почетнѣйшій гражданинъ Надуваевъ въ качествѣ городского головы. Но для большей послѣдовательности разсказа считая нужнымъ оглянуться назадъ еще, положимъ хоть дѣтъ за тридцать. Въ это время городъ имѣлъ свой общественный домъ, въ которомъ помѣщались присутственныя мѣста городского управления. Домъ былъ старинный, а наши дѣды шутить не любили и строились на славу—прочю: стѣны чуть не въ два аршина толщины и всѣ на желѣзныхъ связяхъ; полы ва-

верху дубовые, а внизу чугунные. Вотъ и стоялъ себѣ домъ покойно въсѣмъ корпусомъ внутри двора; казалось, что ему и въку не будетъ. Неупомню хорошенько кому первому пришла въ голову мысль передрвинуть домъ фасадомъ на улицу, распространить его и отдѣлать получше; мысль можетъ быть и очень хорошая, но случилось вотъ что. Присутственные мѣста вывели въ наемное помѣщеніе; выдержали долготѣльную переписку, по которой испрашивалось разрѣшеніе; сломали домъ и заготовили новые матеріалы, и . . . . какъ только консулась убійственная дединаца архитектора къ исполненію дѣла — домъ исчезъ съ лица земли . . . . Этотъ господинъ по искусственной части пустылъ отъ себя какой-то очень мудреный протестъ, который рѣшался такъ долго, что большую часть матеріаловъ порастаскали добрые люди и вообще дѣло доведено было до положенія, вслѣдствіе котораго признано было полезнѣйшимъ—уцѣлѣвшіе остатки дома съ прекраснѣйшми и большими мѣстамъ продать. Этими случаемъ воспользовался одинъ изъ почетныхъ гражданъ. Городское мѣсто, сибѣжное съ его дворомъ, было куплено имъ за пустую цѣну: понеже онъ былъ и есть почетнымъ гражданиномъ не только по званію, но и по положенію въ обществѣ; имѣеть большой капиталъ, а слѣдовательно и вѣсъ. Говорять—изъ остатковъ городского дома онъ выстроилъ очень приличный, фасадомъ на улицу, одно-этажный каменный домъ, приносящій ему доходу болѣе двухъ сотъ рублей серебромъ. И такъ, о существованіи городского дома осталось одно только темное преданіе и не многіе укажутъ вамъ мѣсто, гдѣ онъ былъ. А между тѣмъ въ городскомъ обществѣ нѣтъ-нѣтъ да и отрыгнется воспоминаніе, съ горкимъ упрекомъ, что вотъ-де и у насъ когда-то былъ свой домъ, что не умѣли мы удержать его, что намъ стыдно противъ другихъ городовъ и нужно позаботиться приобрести вновь городу свой уголь . . . . Не благія желанія все-таки оставались желаніями до самой той эпохи, когда вступили въ общественную службу—Надуваевъ городскимъ головою, а *видитель-али-нѣтъ* гласнымъ.

Въ губернскомъ правленіи продавался съ торговъ за долги, (не знаю на вѣрное за какіе, но должно быть за казенные), старинный, каменный о трехъ-этажахъ домъ съ флигелями, на отличномъ мѣстѣ, пространствомъ до двухъ тысячъ квадратныхъ сажень. Бывшій въ то время начальникъ губерніи, ревнуя о благѣ общества, предложилъ словесно Надуваеву, чтобы онъ позаботился приобрести этотъ домъ для города, обѣщая между тѣмъ, что при его содѣйствіи домъ можно купить за очень дешевую цѣну. Но какъ на городскія суммы безъ особенныхъ разрѣшеній высшаго начальства покупки сдѣлать было нельзя; завести же объ этомъ переписку и ждать конца—значить окончательно упустить домъ, срокъ продажи котораго уже наступилъ и распубликованъ; то и рѣшили дѣло такъ: голова Надуваевъ и гласный *видитель-али-нѣтъ*, какъ-люди очень богатые, употребить на покупку свои деньги, а съ обществомъ — свои люди, сочтутся. Съ этой цѣлью уполномочили *видитель-али-нѣтъ* явиться на торги, какъ частному лицу, отъ своего имени. Начальникъ губерніи частно объявилъ всѣмъ желавшимъ торговаться, что домъ вотъ такимъ-то будетъ покупаться для города и потому просилъ не набивать цѣны и не перебивать покупки. Сказано-сдѣлано:

домъ оставая за *видитель-али-нѣтъ* почти за пустую, въ сравненіи съ дѣйствительной стоимостью, цѣну — за 4925 руб. Половину суммы заплатилъ Надуваевъ, остальные — *видитель-али-нѣтъ* и какъ онъ торговался отъ своего имени, то и крѣпостной актъ былъ выданъ ему. Надуваевъ же, чтобы обезпечить себя, заключилъ съ ними формальное условіе, засвидѣтельствованное маклеромъ; по этому условію домъ впредь до отдачи городу, долженъ былъ находиться въ общемъ ихъ распоряженіи.

Благодушный начальникъ губерніи, при которомъ было это дѣло, оставилъ нашъ городъ; Надуваевъ съ *видитель-али-нѣтъ* отслушали свои сроки; заботиться о пользахъ города, кому-же, а да ну ихъ говорить..... Такимъ образомъ выгодно купленный домикъ оставался во владѣніи двухъ почтенныхъ гражданъ цѣлые десять лѣтъ, продолженіе которыхъ ревнители эти общественной пользы преспокойно отдавали его въ наемъ подъ помѣщеніе городскихъ присутственныхъ мѣстъ, а часть денегъ подъ мастеркія, и, безъ зазрѣнія совѣсти, получали въ годъ дохода около девяти сотъ рублей серебромъ, что составитъ въ десять лѣтъ болѣе восьми тысячъ рублей. Если изъ этой суммы вычестъ расходы на уплату съ оцѣнки дома въ пользу города и на квартирную повинность, да на ремонтъ мостовыхъ и дома; то мы положительно узнаемъ, что затраченный на покупку дома для города капиталъ съ избыткомъ выбранъ уже изъ доходовъ съ дома. Затѣмъ, если бы у этихъ почтеннѣйшихъ была человѣческая совѣсть; то имъ слѣдовало бы давно отдать домъ городу, но они — въ простотѣ сердца — и не помышляли объ этомъ невыгодномъ для нихъ дѣлѣ, пока не вступилъ въ должность городского головы человѣкъ съ желаніемъ принести посильную пользу обществу. Нужно сказать, что этого человѣка почему-то не любилъ наша капиталисты. Новый голова зналъ всю исторію о купленномъ для города домѣ и просилъ почтенныхъ владѣльцевъ уступить свои права городу; но они и слушать не хотѣли, особенно *видитель-али-нѣтъ*: тотъ такъ и ревѣлъ, «пусть городъ заплатитъ 16,000 руб. сер., тогда отдамъ.... Я, видитель али нѣтъ, одного *замѣза* вогналъ вовъ на сколько... *сасе* мостилъ да исправлялъ разныя *спорушности*..... Ты, видѣтель али нѣтъ, наживи себѣ такой домъ, да и подари его, да.....» Голова видя, что честью дѣло не беретъ; надобно изыскивать другія средства. Известно, что чувствительная и самая больная сторона нашего купечества, есть городская служба; отъ ней почему-то всякій бѣжитъ какъ отъ чумы. Надуваеву сейчасъ же позаботились дать самую заутанную оцѣнку; сына его, неграмотнаго франтика, депутатомъ въ квартирную комиссію; а самого *видитель-али-нѣтъ* казначаемъ въ приказъ. Поноробило Надуваева; замыслить просить: нельзя ли дескать какъ нибудь освободить *отъ пользы обществу*. Ему — стороной — отвѣчаютъ: вѣдь ты владѣлецъ половины дома купленнаго для города; деньги свои давно уже получилъ изъ доходовъ, пожертвуй его теперь..... Почтенный гражданинъ пыхтѣлъ, пыхтѣлъ да и пустилъ въ думу объявленіе, что вотъ-де, исполняя давнишнее мое сердечное желаніе и прочесъ, я жертвую обществу принадлежащую мнѣ половину дома, съ тѣмъ чтобы общество приняло во вниманіе мою *долгольстную* и *безполезную* службу, да и уволило бы меня съ сыновьями на всегда отъ службы по го-

родскимъ выборамъ..... Какъ вы объ этомъ думаете? Вѣдь поступокъ и личность Надуваева очень замѣчательны: почетный гражданинъ, миллионеръ, который — если бы желалъ — могъ принести громадную пользу своею службою, — смиренно приноситъ жертву *Толл ома твоему* и упрямиваетъ, чтобы его съ потомствомъ не безжалея больше на счетъ общественной пользы..... Чтожь — дѣлать нечего — приняла жертву и худую траву изъ поля вонъ.....

Не знаю какими мѣрами при содѣйствіи начальника губерніи уломили *видитель-али-нѣтъ*, только въ одно прекрасное утро получается предложеніе губернатора, что такой-то изъявилъ ему письменно желаніе пожертвовать въ вѣчное владѣніе обществу домъ съ мѣстомъ для помѣщенія городскихъ присутственныхъ мѣстъ; а потому предписывалось сдѣлать распоряженіе объ укрѣпленіи жертвы въ общественную собственность чрезъ совершеніе дарственного акта законнымъ порядкомъ. Вслѣдъ за тѣмъ полученъ былъ и указъ губернскаго правленія съ объявленіемъ *видитель-али-нѣтъ* признательности министерства, о которой публиковано было въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Напечатали благодарность, а дома все нѣтъ: жертвователь обдумался, да и на понятный дворъ — «не хочу, говорить, я вашей печатной благодарности; дай мнѣ, видитель, али — нѣтъ, лучше деньги, не то я до-тѣхъ-поръ и *кратки* совершать не буду.....» По этому случаю начальника губерніи предписалъ городскому головѣ избрать изъ среды купечества пользующихся наибольшимъ уваженіемъ лицъ и при содѣйствіи полиціймейстера разъяснить жертвоприносителю неосновательность и неблаговадность его поступка; причемъ внушить, что уклонность его отъ выдачи дарственной записи будетъ строго преслѣдуема по закону..... Созвали вѣче. Добродѣтельный жертвователь, цвѣтомъ лица близкимъ къ апоплексіи, трясется какъ въ лихорадкѣ и со слезами на глазахъ упирается.... Лежали, лежали полезного гражданина, — наизялу уломами. Мѣсяца чрезъ два явился *видитель-али-нѣтъ* въ присутствіе гражданской палаты съ депутатомъ отъ города и совершилъ безприкословно дарственную записку, а магистратъ ввелъ городъ во владѣніе домою. Совершеніе дарственной — стоить городу около восьмисотъ рублей серебромъ. Ну слава Богу — думаете вы, читатель — дѣло обошлось безъ скандала и городъ съ домою.... Какъ бы не такъ! Развѣ наша купеческая натура, изъ породы *видитель-али-нѣтъ* можетъ жить безъ грязи; развѣ она способна быть полезной, кромѣ самой себя?.... *Видитель-али-нѣтъ* взялъ да и подалъ просьбу въ сенатъ, что его вынудили пожертвовать домъ, что онъ хоть и совершилъ дарственную записку; но общество будто бы не выполнило какихъ-то не бывавшихъ, нелѣпыхъ, выдуманныхъ имъ условій, и потому онъ желаетъ взять домъ назадъ..... Не знаемъ чѣмъ кончиться это потѣшное дѣло въ административномъ отношеніи; на наше купеческое общество поступокъ *видитель-али-нѣтъ* не произвелъ ни какого дурнаго впечатлѣнія; напротивъ — нашлись даже люди, вполне сочувствующіе добровольному жертвователю.

А посмотрите, потрудитесь, вотъ сюда — что это за явленіе. Отставной унтеръ-офицеръ вызвалъ чрезъ полового очень приличнаго, съ черными усами, молодого человѣка и о чемъ-то жарко спорить съ нимъ. Это, я вамъ доложу, вещь очень обыкновенная: молодой человѣкъ —

членъ городского управленія, общественный дѣятель, представитель и защитникъ сословныхъ интересовъ, а унтеръ-офицеръ — сторожъ городского присутственнаго мѣста. Онъ посланъ въ рекогносцировку на базаръ или *es Московскій трактиръ* розыскать хоть одного изъ членовъ для подписи бумагъ и жуналовъ. Вотъ теперь между ними и идетъ споръ: одинъ уравниваетъ пожаловать въ присутствіе, а другой въ порывѣ горячаго сочувствія къ общественной службѣ, сердито отвѣчаетъ «а мнѣ какое дѣло, что никого нѣтъ! Вотъ еще . . . развѣ я одинъ; насъ десять человекъ . . . повши кого нибудь другаго. . . .»

Чувствую, читатель, что вы говорите про себя: все это отвратительно, гадко; лучше бы заглянуть въ клубъ. . . . хорошо, заглянете на минутку и въ клубъ. Да не думаете ли вы, что нашъ клубъ есть мѣсто, гдѣ общество могло бы саться въ одну дружескую семью, а эта семья безъ китайскихъ церемоній иногда бы поплясала и повеселилась, а иногда заѣхала бы вокругъ столиковъ не съ картами, а съ книгами и газетами въ рукахъ. Почитали бы себѣ, потолковали бы о томъ, что пинуть и какъ нишуть; что есть хорошаго у нашихъ сосѣдей, чего нѣтъ у насъ и что нужно; смѣшному — посмѣялись бы, изъ разумаго и дѣльнаго почерпнули бы полезное для себя; о дурномъ пожалѣли бы и пожелали скораго исправленія; это было бы весело, здорово и полезно. . . . Къ сожалѣнію нашъ клубъ не служитъ мѣстомъ публичнаго обмена мыслей и взглядовъ общества, гдѣ бы можно было хоть на минуту, забывши свой чинъ и служебное мѣсто, говорить со всѣми такъ, какъ долженъ говорить человекъ съ человекомъ, а не чиновникъ съ чиновникомъ или богатый съ бѣднымъ; гдѣ бы можно было посредствомъ живаго, задушевнаго слова многому научиться и многихъ поучить; особенно для мѣкаго чиновничества клубъ съ такимъ направленіемъ могъ принести огромную нравственную пользу. Теперь же наши клубные собранія ничто иное какъ общественныя сходки, куда мѣстныя власти есуть наказать свое чиновное я, а купечество и вообще люди безъ ранговъ — свои карманы, съ которыми придти въ сопрякосновеніе не отказывается никакой чинъ. Словомъ — клубъ есть игорный домъ. Что ни шагъ, то зеленое сукно съ мелками и картами; что ни шагъ, то и карманъ чину или карману, съ которыми и не имѣешь чести быть знакомымъ. Доберешся до газетной и думаешь, что вотъ наконецъ здѣсь можно будетъ покойно посидѣть и освѣжиться чтеніемъ газетъ и журналовъ; не тутъ-то было: ты за газету, а передъ тобой, какъ листъ передъ травой — опять замѣякали чины да карманы, питающіеся поклонами своихъ ближнихъ. . . . .

Кружокъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ посѣтителей купеческаго клуба составляютъ: застарѣлые капитальные холостяки, прокутившіе всю молодость и ступившіе етъ невѣжества и разврата; откупщики или ихъ уполномоченные, составляющие необходимую принадлежность всякой чиновной пущи; семейные люди съ хорошимъ капиталомъ, но съ нелѣпнымъ допотопнымъ безграмотствомъ и не истощимымъ запасомъ тинолибія и почета; наконецъ молодые люди, желающіе сказать на другой день своимъ знакомымъ — на вопросъ какъ проводите время? — что они вчера были въ клубѣ, засидѣлись и *яродулись*. . . . .

Посмотрите, вотъ пожилой мужчина, слегка разбитый параличемъ —

это нашъ старый знакомый миллионеръ Надуваевъ, предобрѣнная душа. . . . Положимъ, что небогатому торговцу понадобились деньги; онъ обращается къ Надуваеву, который не отказывается дать, но съ условіемъ, чтобы домъ небогатаго человѣка данъ былъ ему въ залогъ за пощѣны, да платились-бы исправно проценты по 12 на 100.—Должнику не везло на занятія деньгами—дѣла его по разстроившася; однакожъ онъ, не теряя надежды, желаетъ соблазну для своего многочисленнаго семейства единственное достояніе — заложенный домъ, и исправно платитъ проценты столько лѣтъ, что сумма ихъ въ два раза покрываетъ занятый капиталаецъ. Наконецъ, недостаетъ средствъ платитъ проценты. Бѣдный должникъ, сосчитавши количество уплаченныхъ процентовъ, разсчитываетъ на милосердіе почтеннаго богача. Онъ объясняетъ ему свое безвыходное положеніе, поставивъ на видъ многочисленное семейство, доказываетъ, что долгъ давно уже оплаченъ незаконными процентами и затѣмъ, почти Христа-ради, упрасиваетъ сотворить ему великую милостыню—освободить домъ—тѣмъ болѣе, что занятая сумма такъ ничтожна для капиталиста, какъ капля въ морѣ. И чтожъ, добрый богачъ, почетный гражданинъ, русскій купецъ—выгоняетъ съ бранью вонъ своего собрата—бѣдняка, подаетъ ко взысканію закладную и выводитъ раззоренную семью изъ отнятаго дома чрезъ полицію, выбросивши всѣ пожитки на дворъ и даже недавши времени прискаты мѣста, гдѣ бы преклонить голову. . . . А вѣдь судя по безмятежному спокойствію лица, по пріятной улыбкѣ Надуваева, можно подумать, что въ этомъ грязномъ мѣшкѣ съ деньгами есть нѣчто похожее на человѣческую душу. . . . Не смотря на баснословное скряжничество этого господина въ домашнемъ быту, у него прекрасный гастрономическій вкусъ, на чужой счетъ. Посмотрите, вотъ онъ идетъ по рыбному ряду изъ лавки въ лавку, начиная съ крайней, и спрашиваетъ хорошей зернистой икры. Въ его рукѣ вы видите половину крупитчатаго калача, съ которымъ онъ въ каждой лавкѣ изволитъ пробовать икру; такимъ образомъ, обоедши весь рядъ, въ послѣдней уже лавкѣ проситъ свѣситъ ему полунтика икорки. . . . Мѣлкіе рыбные торговцы, знаяши натуру Надуваева, обходятся съ нимъ безъ церемоній. Если онъ подходитъ къ стерляди, бичирьямъ и вообще къ цѣнной рыбѣ, то они, предупреждая вопросъ—почемъ это?—прямо говорятъ: не кошайте N. N., это не для васъ—дорога. . . . вамъ вотъ подешевле есть. И господинъ капиталистъ не обижается, улыбнется и отойдетъ. Есть у него два сына, которые вслѣдствіе капитальнаго образованія панаша, исключительное вниманіе въ жизни обратили на одну только часть человѣческихъ познаній, именно на *питейную*. . . . По этому и грамотность ихъ ограничивается только лишь разборомъ краснорѣчивыхъ надписей на ярлыкахъ—желудочная, полынная, ночная красавица, сухарная, шведская и т. д. . . .

Теперь вы желаете знать, кто этотъ пріятный и высокий съ усамъ блондинъ. Это почетный гражданинъ — прихвостень губернской аристократіи; это живая и бесполезная кипа серій, одѣтая въ человѣческое платье. Въ порядочной гостинной онъ корчатъ льва, съ ослиной дбмъ, чемъ головой; а у себя настояшій Корнелій въ заколдованномъ ви-
про-

Отличный гастрономъ на чужой счетъ, онъ держитъ своего повара для кухни. Врагъ всего разумнаго и человѣческаго, онъ однакожъ принадлежится человѣкомъ совершеннымъ: у него есть прекрасные музыкальные инструменты, физическіе и астрономическіе аппараты, прекрасный дѣмъ, садъ, словомъ такая вѣдшая обстановка, при которой можно бы быть чрезвычайно полезнымъ тому обществу, къ которому принадлежитъ онъ по своему званію. Между тѣмъ вся польза обществу отъ этого господина заключается въ томъ, что онъ перевелъ всю свою городскую недвижимость на родственниковъ, капитала не объявляетъ, не считаетъ себя постояннымъ жителемъ города и по этому навсегда избавляетъ отъ службы по городскимъ выборамъ. Впрочемъ виновать, онъ не чуждъ помощи ближнимъ — только и тутъ на чужой счетъ. У него есть фотографическій приборъ, посредствомъ котораго онъ — изъ любви къ искусству — снимаетъ портреты съ своихъ знакомыхъ; а эти знакомые обязываются по окончаніи сеанса положить посылную ленту, въ особо придѣланную въ стѣбѣ кружку, съ надписью — *за пользу бѣдныхъ*. Удивительно смысленъ иногда бываетъ и глупый человѣкъ.....

Но довольно! Вы рѣшительно утомлены, мой терпѣливый читатель, этикъ ни къ чему не нужнымъ хламомъ бездѣльных личностей, такъ, что даже скучаете и въ нашихъ клубахъ, гдѣ не воняетъ — какъ въ трактирѣ — ни чадомъ ни копатью; но гдѣ не менѣе того воздухъ зараженъ мѣзгами человѣческихъ страстишекъ.....

Семейная жизнь нашего купечества, отъ подражанія высшему и среднему кругу дворянства и чиновничества, до того сдѣлалась безцвѣтна и несособразна, что въ этой перековерканной безличности и при самомъ внимательномъ наблюденіи не отыщешь ни одной свѣтлой черты. У насъ нѣтъ даже и того патриархальнаго обыкновенія, чтобы напримѣръ ваша жена и вы сами могли запросто прѣхать ко мнѣ безъ чопорной натянутости, безъ показной обстановки; чтобы я могъ принять васъ съ семействомъ, не выходя изъ обыденнаго своего нормальнаго положенія и расчета. Названомъ вечерѣ хозяинъ дома встрѣчаетъ васъ чуть не на порогѣ съ карточкой въ рукахъ. Такимъ образомъ все живое — отъ старика до юноши, отъ пожившей женщины до застарѣлой дѣвы — умираетъ за картами; не играющіе безмолвно бродятъ между столами, какъ тѣни между могилами. Только и слышно — разъ купилъ.... безъ козырей.... въ червякъ.... вистъ.... откройте.... или отважный стукъ по столу при удачномъ ходѣ и взрывъ смѣха надъ оставленнымъ безъ двухъ. Затѣмъ въ кѣпый вечеръ вы не услышите ни одного разумнаго, теплаго слова, въ которому бы не приплетались ни черви, ни яки, ни тресы. Танцовальскихъ вечеровъ почти совсѣмъ не бываетъ; о музыкальных же — и помни нѣтъ. А вѣдь если хотите, почти въ каждомъ дѣмѣ есть даже и порядочный инструментъ, взятый впрочемъ для себя въ приданое за женою. Надѣется даже и много дѣвицъ, получившихъ воспитаніе въ частномъ пансіонѣ, гдѣ они учились и музыкѣ и танцамъ. Но все это дѣлается со стороны родителей большею частью для того, чтобы уменьшить иногда слишкомъ зазорный запросъ вещественныхъ благъ со стороны будущаго зятя и пустить ему дыръ въ гла-

за не вещественнымъ капиталомъ будущей супруги, т. е. павсіонамъ, французскимъ языкомъ, о которомъ—по окончаніи курса—остается въ головѣ одно только смутное воспоминаніе; да музыкой, которая ограничивается нѣсколькими мотивами какого нибудь безхитростнаго вальса и дурно выученной полькой.... Естественно, что ни одна изъ этихъ милыхъ дѣвицъ не сядетъ при постороннихъ людяхъ и еще въ чужомъ домѣ за фортепiano; но на воѣ убѣдительныя просьбы будетъ отбивать, что у ней или сильно голова болитъ, или—хватай выше—безъ нотъ мы не играемъ, а ноты разумѣется требуются свои, по чужимъ немы. Какъ не пожалѣть теперь о томъ, что при отличныхъ средствахъ къ хорошему воспитанію родители добровольно уродуютъ своихъ дѣтей; сколько гибнетъ въ этой страшной кастѣ невѣжества способностей и талантовъ отъ того только, что сами папаша съ мамашей, какъ говорится, *изъ-за угла мышкомъ пришибены*.... и не сознаютъ необходимости рациональнаго и основательнаго развитія своихъ дѣтей. Имъ нужно, извольте видѣть, такъ называемое *галлатеррейное* образованіе, наружный блескъ, потому что товаръ будетъ сбываться съ рукъ лицомъ. Чего не достанетъ у милой дочки въ головѣ, то отыщется въ карманѣ у папаша; для жениха же, который въ тридцать лѣтъ кончаетъ курсъ научнаго образованія по методѣ слушника Чичикова—Петрушка, и сдается въ лавку на руки опытнаго прикизчика для изученія всѣхъ тонкостей надувательной системы,—тѣмъ пустѣе голова шевѣты и полнѣе карманы теста, тѣмъ лучше.... Ну положимъ, что воспитанные въ духъ стараго времени, почти ни чему не учившіеся въ молодости и съ упорствомъ отталкивающіе отъ себя возможное развитіе въ зрѣломъ возрастѣ,—мы для себя не находимъ ничего интереснѣе картъ и вообще не хотимъ переименовать намъ быть къ лучшему. Почему жъ намъ не позаботиться объ общечеловѣческомъ развитіи своихъ сыновей и дочерей? Затѣмъ не хотимъ приготовить изъ первыхъ—благоразумныхъ отцовъ и полезныхъ гражданъ, а изъ послѣднихъ—такихъ матерей, которыя бы способны были непосредственно сами прежде всего вложить въ душу ребенка зерно благородства, честности, истины; развить въ немъ идею добра?... Неужели женщина изъ нашего нупечества не способна воспринять никакого другаго развитія, кромѣ вишняго..... Неужели она вѣчно останется раздраженной куклой въ гостяхъ, нехалявой матерью дома, потому только, что у ея отца или мужа денегъ много—стало быть заботиться больше не объ чемъ. А если?... Развѣ на глазахъ нашихъ нѣтъ примѣровъ, что не только батюшкины, но и дѣдушкины имущество вылетаетъ въ трубу; тогда что?... Какъ встрѣтится она, ни когда ни о чемъ незаботившаяся, немислившая и отупѣвшая отъ праздности и лѣни, съ новой, неожиданой гостью—нищетою. За что возьмется, съ чего начнетъ она; какой явится помощницей мужу, какой хозяйкой и матерью для дѣтей?—Вѣдь такое положеніе не назнъ, отъ которой сей часъ же умрешь; а продолжительная пытка, которую способенъ выдержать только нравственно, внутренне развитая женщина, у которой и при блестящей обстановкѣ болитъ душа при встрѣчѣ съ злобнымъ ей человѣкомъ, лишеннымъ дневнаго пропитанія, у которой сердце замерзаетъ отъ чужаго горя и которую трогаетъ до слезъ несча-

стие ближняго, даже и на театральныхъ подмосткахъ..... Вѣдь стыдно а нужно сознаваться, что многія изъ нашихъ блестящихъ женщинъ не знаютъ изъ чего и какъ готовится ихъ всредневный обѣдъ, сколько нашихъ продуктовъ для него нужно, во чемъ и гдѣ они продаются. И все это происходитъ единственно изъ того ложнаго убѣжденія, что вспрямично дескать мнѣ, окутанной съ ногъ до головы въ шелкъ и бархатъ, входить въ такія грязныя мелочи, о которыхъ знаютъ кухарка и поваръ; и потѣмъ—*что скажете обо мнѣ* какая нибудь купеческой породы, *княгиня Марья Алексѣевна!*.... Всякая ли изъ нашихъ купеческихъ матерей лично сама влагаетъ въ душу ребенка первоначальную идею о Богѣ и необходимости вечерней и утренней молитвы. Изъ собственныхъ ли устъ этихъ матерей слагаются дѣтскимъ лепетомъ молитвы — эти будущіе снутники и проводники къ твердой вѣрѣ въ промыслъ Божій на жизненномъ пути нашихъ дѣтей. Нѣтъ. Все эти сладкія мгновения, эта гордость матери отдаются въ удѣлъ отупѣвшихъ отъ старости нянекъ и вѣтренныхъ горничныхъ, которыя коверкаютъ молитвы по своему, набиваютъ голову ребенка паническимъ страхомъ ко всякой бѣсовщинѣ. Ихъ стараніями развивается въ ребенкѣ, въ противность религіи фанатизмъ, вслѣдствіе котораго большая часть нашего купечества въ юношескомъ и даже въ зрѣломъ возрастѣ твердо вѣруеть въ то, что какое бы скверное дѣло не сдѣлалъ человѣкъ, то все это такъ ему назначено отъ Бога, потому не для чего было заботиться о возможности устранить зло; говорятъ, *Бога не перестарайшъ*.... Отсюда сложилась та фзіономическая черта общества, что русскій человѣкъ часто дѣлается непросыннымъ пьяницею съ горя, вѣруя твердо, что оно непременно назначено Богомъ, а не подготовлено имъ самимъ и обстоятельствами. А мало ли наберется и такихъ простыхъ, но необходимыхъ для первоначальнаго развитія ребенка, понятій, которыя каждая мыслящая мать должна и можетъ шутя передать ребенку, недожидаясь пока онъ вызубритъ азбуку и будетъ все это заучивать вмѣсто наказанія. Для этого не требуется профессорскихъ, научныхъ знаній. Впрочемъ, когда же заняться всѣмъ этимъ матери? Она, во-первыхъ, должна позаботиться чтобы не быть одѣтой хуже какой нибудь Мелитрысы Кирѣевны; во-вторыхъ ей нужно *прилично* поддержать многочисленное знакомство и потому—ничего мы къ вамъ, а завтра вы у насъ; да вѣдь не заросто—по домашнему, *по своему*..... въ-третьихъ—самое главное — если мы воспитывались дома подъ руководствомъ самихъ Степана Дмитриевича и Глашеры Кузьминшны, то можно прямо сказать, что мы блаженны ищю умомъ и богатые уроды карманомъ..... Если же мы воспитывались въ частномъ пансіонѣ какой ни на есть мадамъ III., то о цѣли и црности такого образованія не станемъ и словъ терять. Спросите по совѣсти любую пансіонерку мадамъ III. уже окончившую курсъ, столкнувшуюся съ дѣйствительною жизнью и получившую своего рода право гражданства, — ощущала она когда нибудь потребность пречесть дѣльную книгу, по которой могла бы сама себѣ составить идею объ обязанностяхъ нравственно развитой женщины—будущей жены, матери и хозяйки—и усвоивши такую идею, могла бы приготовить себя ко всему этому. Впрочемъ, въ подобныхъ пансіонахъ

едва ли и объясняютъ о различіи между печатной чепухой и дѣльной книгой. Мы видимъ, что у насъ и воспитанники гимназій не могутъ похвалиться выборомъ для чтенія; а вѣдь этотъ выборъ, если не ошибаюсь, долженъ носить отпечатокъ литературнаго знанія учителя русской словесности.....

Но не думайте читателя, что все наше купеческое общество состоитъ изъ благодатныхъ натуръ—Надуваевыхъ, *видите-ль-а-ли-нѣтъ*, Федоровъ Федоровичей, до Васильевъ Васильевичей съ братією; положительно говорю — нѣтъ. Мы можемъ съ гордостію указать на многія свѣтлыя личности, которыя вполнѣ сознаютъ потребность не въ мишурномъ, а въ дѣльномъ, прочномъ нравственномъ и научномъ образованіи своихъ дѣтей и потому рѣшительно не жалѣютъ истратить для этого святаго дѣла и лишнюю тысячу, если она требуется. Жаль только одного, что эти личности, во имя прогресса, не хотятъ дѣйствовать дружно, за одно, на большинство прозябающихъ въ невѣжествѣ своихъ согражданъ; они не заботятся усвоить себѣ ту вліятельную силу, изъ которой возродилось бы общественное мнѣніе, могущее преслѣдовать упорныхъ ненавистящихъ просвѣщенія. Словомъ, они не хотятъ сдѣлаться передовыми людьми нашего коммерческаго муравейника. Пусть два-три дома, въ которыхъ наиболѣе сосредоточивается наше общество, попробуютъ замѣнить мертвящую человѣчество игру въ карты, напримѣръ музыкой, чтеніемъ, домашними спектаклями; тогда каждый молодой человѣкъ и дѣвица, зная, что въ этомъ обществѣ нужно не умѣнье молчать, курить напирсы да играть въ карты; а умѣнье читать, понимать прочитанное, мыслить объ немъ и сказать свое разумное слово,—навѣрное не захотятъ, чтобы на нихъ указали пальчикомъ, какъ на безграмотныхъ, и потому будутъ стараться какъ можно чаще заглядывать въ печатное слово, да вдумываться въ прочитанное. Вѣдь, напримѣръ, какому ни на есть бравому молодцу, когда попроситъ его хорошенькая и любезная хозяйка дома прочесть что нибудь, не захочется осрамить себя отказомъ, что это-молъ не по нашей части.

Завести такой порядокъ вещей ничего не стоитъ. Пусть напервыхъ порахъ наши взгляды и сужденія будутъ походить на разнохарактерный девертисментъ, это ничего: никто на свѣтъ не рождался еще прямо умникомъ. Можемъ сосредоточить вокругъ себя людей болѣе насъ развитыхъ и понимающихъ; повѣрьте — не откажутся, стоитъ только захотѣть. Это былъ бы такой великій для насъ и благодѣтельный шагъ къ лучшему, что о немъ—почтеннѣйшіе мои сограждане — коммерсанты—стоитъ подумать серьезно и примѣнить къ дѣлу. Ей! великое слово—пора взять въ руки книги вмѣсто картъ, не то жестокой поставимъ ремизъ..... Подумайте, что съ окончаніемъ крѣпостнаго права, кончится и наше темное владычество въ коммерціи: потому что большая часть дворянства, во всякомъ случаѣ лучше насъ развитаго и подготовленнаго къ общественной дѣятельности, обратится къ тому же источнику, изъ котораго мы черпаемъ теперь средства къ жизни, и повѣрьте, что насъ утопятъ въ нашемъ же грязномъ болотѣ невѣжества....

В. М—въ.

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА НОВАГО УСТАВА СРЕДНИХЪ И ВЫСШИХЪ УЧИЛИЩЪ
ПОДЪВЪДОМСТВЕННЫХЪ МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Εφύρασι εν μευλόις κἀσινάδειν χελετόν.

Необходимымъ условіемъ для оцѣнки чего бы то ни было служить начало, на которомъ она могла бы основываться. Точно также какъ эстетическая критика какого нибудь художественнаго произведенія не возможна безъ предварительнаго соглашенія на счетъ общихъ основаній изящнаго, такъ и достоинства и недостатки государственной педагогической мѣры не могутъ быть опредѣлены иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго изложенія взгляда на всю систему общественнаго воспитанія и образованія человѣка.

Рѣшаясь, вслѣдствіе вызова министерства народнаго просвѣщенія, представить нѣкоторые замѣчанія на сообщенный имъ проектъ новаго устава, я по этому считаю необходимымъ для надлежащаго подтвержденія ихъ, высказать начало, на которомъ я ихъ основываю.

Это начало я полагаю въ томъ, что *школа*, вообще говоря, *самостоятельнаго значенія не имѣетъ*, что она есть только одно изъ орудій жизни, что ея устройство и организція обуславливается потребностями послѣдней. Съ требованіями жизни должна согласоваться слѣдовательно и всякая система общественныхъ учебныхъ заведеній.

Первая же задача жизни есть *труда*. Кто живетъ, трудится и долженъ трудиться. Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ оно болѣе проникается этою истиною, тѣмъ оно выше оцѣниваетъ трудъ. Неуваженіе къ нему и стремленіе къ бездѣйствию посредствомъ эксплуатаціи чужаго труда характеризуетъ младенческое состояніе общества.

Задача школы состоитъ въ *приготовленіи* къ труду, въ дарованіи ученику возможно большаго количества средствъ и способовъ къ имѣнію той доли труда, которая выпадетъ на нихъ въ самой жизни.

Эту задачу древніе выражали словами: *non scholae, sed vitae discendum*.

Держась этого девиза, подвергавшагося столь разнороднымъ толкованіямъ, я однакожъ, во избѣжаніе послѣднихъ, долженъ ближе опредѣлить, какъ понимаю его. Я не считаю школы ремесленною мастерскою, изъ которой ученикъ, прошедши черезъ разныя степени ремесленной іерархіи, выходитъ въ жизнь прямо мастеромъ по той или другой специальности. Она даетъ только общее *приготовленіе* къ труду; приспособить это приготовленіе къ извѣстной специальности — дѣло самой жизни.

Отличительный характеръ школьнаго образованія заключается по этому въ *общности* его. Много образованія школа дать не можетъ, да еслибъ могла, не должна, потому что не знаетъ къ какой именно специальности ученикъ ея будетъ пригоденъ, слѣдовательно насильствовали бы натуру его преждевременною дрессировкой для опредѣленнаго поврѣща.

И такъ школьное образованіе есть *общее*. Но эта общность не такъ безусловна, чтобы въ ней нельзя было отличить отдѣльныхъ видовъ.

Принимая на себя обязанность готовить къ труду, школа не может имѣть въ виду всебезконечное разнообразіе частныхъ приложений труда, но она можетъ и должна приспособляться къ главнымъ родамъ его. Даваемое ею образованіе, будучи общимъ въ извѣстномъ смыслѣ, будетъ и специальнымъ въ разсужденіи этихъ главныхъ родовъ труда, назначеннаго человѣку.

Этихъ родовъ два. — Трудъ бываетъ *умственный* и *физическій*. Люди работаютъ или головою, или руками, конечно почти всегда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, но главная роль все-таки принадлежитъ или тому, или другому.

Согласно съ этимъ и общее образованіе будетъ двоякимъ: одно служитъ приспособленіемъ къ одному роду, другое къ другому. Согласно съ этимъ должна быть устроена и система общественныхъ училищъ.

На сколько она служитъ общему образованію, въ ней слѣдовательно должны быть отлечены два разряда: *нисшія училища*, каковы школы грамотности и народные училища, и *высшія*, каковы гимназіи, прогимназіи и подобныя имъ заведенія.

Слова «нисшія» и «высшія» въ этомъ случаѣ означаютъ различіе не только по степенямъ, но и по роду. Точка исхода для нисшихъ и высшихъ заведеній одинакова и въ началѣ движеніе ихъ совпадаетъ; но потомъ оно постепенно расходится, стремясь къ различнымъ цѣлямъ, и притомъ такимъ, что разстояніе ихъ отъ точки исхода не одинаково.

Каждый изъ этихъ двухъ родовъ общаго образованія довершается специальнымъ, которое въ отношеніи къ нему будетъ слѣдовательно высшею степенью. Это специальное образованіе дается или самою жизнью—ремесленникъ научается ремеслу у мастера, пахарь своему дѣлу на самой работѣ или же различными специальными заведеніями, каковы факультеты университетовъ, разныя академіи, институты и проч. Они тутъ уже не только служатъ жизни, но прямо замѣняютъ ее. Ихъ нельзя отнести къ системѣ общаго образованія, къ области школы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.

Въ виду этого я не могу признать дѣленіе учебныхъ заведеній, принятое въ 1-мъ § проекта устава, логически вѣрнымъ. Мнѣ кажется, что тутъ смѣшаны два начала дѣленія. Категоріи, означенныя тамъ словами «нисшія» и «среднія», составлены на основаніи родового различія. Университеты же и лица отличаются отъ среднихъ училищъ только по системѣ, потому что они, точно также какъ послѣднія, имѣютъ цѣлью приготовить питомцевъ своимъ къ единой въ существѣ своей, умственной дѣятельности.

Принятое на Западѣ дѣленіе школьной системы на *enseignement primaire* и *enseignement secondaire* по моему мнѣнію гораздо ближе подходитъ къ сущности дѣла, чѣмъ принимаемое «проектомъ» уставомъ тройственное на нисшія, среднія и высшія училища.

Я не остановился бы на этихъ общихъ соображеніяхъ, которыя, при видимой отдаленности ихъ отъ практики, могутъ показаться педагогствомъ, если бы этого педагогства въ настоящемъ случаѣ не считалъ высшею практичностью. Не сдѣлавъ диалектической, формальной ошибки, держась съ педагогскою строгостью логическимъ основамъ, вмѣсто того, чтобы увлечься поверхностнымъ воспріятіемъ видимыхъ фактовъ,

«проектъ устава» въ дальнѣйшемъ развитіи не выпалъ бы въ погрѣшности весьма важныя и въ практическомъ отношеніи.

Возвращаясь къ тому, что трудъ, къ которому школа должна готовить учениковъ своихъ, двойной: физическій и умственный. Въ послѣднемъ долгие отличить опять два разряда, смотря по предмету, на которой онъ обращается. Духовной дѣятельности человѣка представляется *два обширныхъ поприща*: или она прилагается къ *человѣку* или къ *вещно-материальной природѣ*. Сфера дѣятельности судьи, адвоката, священника, воспитателя, учителя—человѣчeskій же духъ; ее можно поэтому назвать дѣятельностию *гуманною*. Купецъ, фабрикантъ, инженеръ, военный прилагаютъ тотъ же умственный трудъ къ вещественному міру; ихъ дѣятельность *реальная*. Каждое изъ названныхъ званій или занятій требуетъ для себя особой специальной подготовки, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждое изъ нихъ предполагаетъ извѣстное, лежащее въ основаніи ея общее образованіе, которое будетъ однимъ для одного рода труда, другимъ для другаго. Для судьи, адвоката, священника, учителя нужно одинаковое *общее гуманное образованіе*. Для военнаго, купца, фабриканта кромѣ стратегіи, коммерціи, технологіи, нужно какъ основаніе вѣсьхъ названныхъ специальностей, одинаковое *общее реальное образованіе*. Специальности, относящіяся къ первому разряду, составляютъ предметъ университетскихъ курсовъ; имъ соответствуютъ университетскіе факультеты со всѣми ихъ подраздѣленіями. Специальностямъ втораго разряда научаютъ заведенія, по преимуществу называемыя специальными, военныя, коммерческія, политехническія и другія школы, или же, за отсутствіемъ ихъ промыслы самой жизни.

Что же касается общаго образованія, которое должно лежать въ основаніи, какъ факультетскихъ, такъ и другихъ специальныхъ курсовъ, то для университета оно дается гимназіемъ, въ преподаваніи которой по этому должно господствовать гуманное начало. Что же касается общаго реального образованія, то особаго, дарующаго его заведенія у насъ нѣтъ; не будетъ и по новому уставу, если проектъ его утвердится безъ надлежащихъ измѣненій.

Этотъ пробѣлъ по моему мнѣнію и есть главный недостатокъ его. Онъ былъ бы избѣгнутъ, если бы при составленіи проекта было глубже вникнуто въ основныя начала общественной педагогикѣ, если бы вопросъ былъ точнѣе поставленъ, если бы, однимъ словомъ, во всемъ этомъ господствовало побольше педантизма.

«Проектъ устава» пополняетъ этотъ пробѣлъ тѣмъ, что опредѣляетъ въ 173 § гимназію, какъ заведеніе готовящее къ переходу какъ въ университетъ, такъ и въ жизнь. Но трудно не согласиться съ тѣмъ, что это пополненіе хуже самаго исправляемаго имъ недостатка.

Гимназіи въ силу 173 § навязываютъ разомъ двѣ задачи—давать общее гуманное и общее реальное образованіе, вѣсти въ одно время и однимъ и тѣми же средствами питомцевъ своихъ по двумъ совершенно различнымъ дорогамъ. Она въ одно время должна *оканчивать* и *не окончиваема* образованіе. Въ опредѣленіе ея вкралось такимъ образомъ логическое противорѣчіе, которое въ дальнѣйшемъ развитіи повело къ самымъ чувствительнымъ несообразностямъ.

Невозможность соединить въ гимназическомъ курсѣ реальное и

манное начала текъ, чтобы оба они въ одно и тоже время господствовали и не господствовали, оказалась прежде всего въ томъ, что въ предполагаемомъ «проектѣ» видѣ гимназія не можетъ служить достаточноымъ пригетовленіемъ къ университету. Изученіе классической древности, необходимое для него, будетъ соответствовать своей цѣли только въ такъ называемыхъ нормальныхъ гимназіяхъ, а число такихъ въ необходимости будетъ гораздо меньше другихъ. — Да и тутъ двадцати четырехъ уроковъ латыни и семнадцати греческаго языка едва ли вполне достаточно. Въ ненормальныхъ же гимназіяхъ латынь будетъ изучаться въ такомъ объемѣ, что лучше бы вовсе не изучать ее. Видѣ этотъ предметъ только тогда и можетъ принести пользу, когда имъ занимаются основательно; въ противномъ случаѣ онъ будетъ не полезенъ, а вреденъ, потому что займетъ напрасно время и отобьетъ охоту къ ученію. — А для будущихъ техниковъ, механиковъ, инженеровъ, на что латынь, если бы они даже успѣвали научиться ей какъ слѣдуетъ? Не лучше ли убитое на нее время посвятить другимъ болѣе производительнымъ занятіямъ. Вліяніе, оказываемое изученіемъ древнихъ языковъ на умственное развитіе важно и необходимо только въ гуманномъ образованіи; въ реальномъ съ большимъ успѣхомъ для той же цѣли служатъ другіе предметы.

Другая несообразность вытекающая изъ ложнаго опредѣленія цѣли и назначенія гимназіи, принятаго 173 § «проекта» заключается въ необходимости внести уже въ гимназію начало факультетскаго дробленія, сдѣлать заведеніе съ общимъ характеромъ спеціальнымъ. Что ученики ненормальной гимназіи, при 19 урокахъ латыни и совершенномъ отсутствіи греческаго языка не можетъ приготовиться ко всѣмъ факультетамъ университета, что ему нельзя поступить въ историко-филологическое отдѣленіе, — этого не могли скрыть отъ себя и составители проекта. И вотъ греческій языкъ—одно изъ главныхъ оснований общаго гуманнаго образованія, является какъ бы приклееннымъ къ нѣкоторымъ гимназіямъ въ качествѣ спеціального предмета. Только эти нѣкоторыя гимназіи и будутъ въ состояніи готовить своихъ питомцевъ ко всѣмъ отраслямъ гуманной дѣятельности, къ университету вообще безъ различія факультетовъ. Другія приготовить съ грѣхомъ пополамъ будущихъ юристовъ, камераловъ, математиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вышустятъ часть учениковъ своихъ на различныя поприща реальной дѣятельности, для которыхъ они также лишь съ грѣхомъ пополамъ будутъ въ состояніи считаться приготовленными.

Указавъ въ предъидущемъ на то, что по моему мнѣнію составляетъ коренной недостатокъ «проекта», я вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и на средство къ его исправленію. Требованіе не смѣшивать въ задачѣ одного и того же учрежденія двухъ различныхъ цѣлей, заключается въ себѣ и другое—отдѣлать другъ отъ друга эти цѣли и достиженію каждой изъ нихъ посвятить особый разрядъ заведеній. Пусть гимназія будетъ однимъ. Пусть не хлопочетъ о дрессировкѣ своихъ питомцевъ къ спеціальностямъ вещественной практической дѣятельности; пусть она останется чисто гуманитарнымъ заведеніемъ, единственною задачею котораго будетъ приготовленіе къ университетскимъ курсамъ. — Для реальности промышленной жизни же пусть будетъ устроена другая категория

училища—реальных гимназій, равностепенныхъ съ прочими, но чтобы онѣ ужъ не думали объ университетской карьерѣ для учениковъ своихъ.

Въ слѣдующемъ я попытаюсь теперь опредѣлить точнѣ различіе, которое должно существовать между этими двумя разрядами училищъ—среднихъ въ смыслѣ сиректа, высшихъ, если принять предложенное мною двойственное дѣленіе училищъ, служащихъ общему образованию. Повторяю, что это различіе состоитъ не въ степени, а есть генерическое.

Оно заключается главнымъ образомъ не въ энциклопедіи наукъ проходящихъ здѣсь и такъ (хотя конечно и въ этомъ отношеніи нѣтъ тождественности между ними). Гораздо болѣе составляетъ его *тонъ преподаванія, колоритъ*, сообщаемый ему тѣмъ, что въ одномъ случаѣ преподаватель обладаетъ однимъ предметъ, въ другомъ другой.

Безъ дальнѣйшаго ясно, что энциклопедія, понимаемая подъ словомъ *humanitas* или *humaniora*, должна господствовать въ гимназіи. Изученіе челоѣческаго духа—вотъ задача гимназическаго курса. Явленія, въ которыхъ онъ высказывается всего непосредственнѣе, для гимназіи представляютъ особенную важность. Эти явленія суть языкъ и исторія. Языкоученіе и исторія, вотъ что слѣдовательно опредѣляетъ характеръ и направленіе гимназическаго преподаванія. И притомъ языкоученіе въ смыслѣ *поэтической закѣпки языка*, которые въ тоже время суть и законы челоѣческой мысли, а не пріобрѣтенія ловкости болтать словами того или другаго нарѣчія—слѣдовательно (такъ какъ это постиженіе лучше и легче всего совершается надъ мертвыми языками) преимущественно древняго эллинизма.—Ничто не выведетъ отсюда заключенія, что реальные предметы, математика и естествознаніе, разумія тутъ и географію, лишны для гимназіи; но звучать ихъ въ ней надобно иначе, чѣмъ въ реальномъ училищѣ. Не лишны они; потому что и въ ихъ построеніи отражается духъ челоѣческій, и изъ нихъ можно познать, по нимъ изучать его. Но преподаваться иначе, чѣмъ въ реальномъ училищѣ они должны, потому что, во-первыхъ, гимназія не можетъ посвящать имъ такою же количества времени, какъ послѣднее, такъ какъ оно ей нужно для гуманическихъ предметовъ, и, во-вторыхъ, она должна въ нихъ видѣть примѣненіе духовной дѣятельности преимущественно къ мысли, къ идеѣ, а не къ матеріальному сѣнту и предмету. Гимназическое преподаваніе должно по этому отмѣтить особеннымъ удареніемъ научное начало въ нихъ; тогда какъ реальное училище болѣе заботится о приложеніи науки къ дѣлу и поэтому предполагаетъ въ преподаваніи ихъ главнымъ образомъ прикладное начало. Если напримѣръ въ области ариѣметки преподаватель гимназіи можетъ задѣвать и кое-что изъ теорій чиселъ, то учитель реальной школы долженъ ввѣсти въ свой курсъ бухгалтерію, учеть всею еей и всю такъ называемую коммерческую ариѣметку. Приведа эту примѣру, я вовсе не хотѣлъ сказать, что такъ дѣйствительно долженъ быть составленъ курсъ ариѣметки въ томъ и другомъ заведеніи; я имѣлъ только намереніе примѣрно показать взаимное отношеніе преподаванія одного и того же предмета въ въ нихъ обоихъ.

Точно такъ, какъ въ гимназіи тонъ всего преподаванія опредѣляется

Философическимъ и историческимъ элементомъ, такъ въ реальномъ училищѣ задаютъ его естествовѣдѣніе и географія. Къ тому и другому математическій калькулъ прилагается гораздо болѣе, нежели къ филологическимъ и историческимъ познаніямъ; ясно что математика въ реальномъ училищѣ должна занимать гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ гимназіи, хотя собственно образовательное вліяніе ея одинаково важно для учениковъ первой и послѣдней. Но совершенно также, какъ реальные предметы не могутъ быть вовсе исключаемы изъ гимназіи, такъ и гуманитарныя необходимо оставить мѣсто въ реальномъ училищѣ. Знаніе духа въ извѣстной мѣрѣ столь же необходимо ученикамъ его, какъ знаніе природы въ извѣстной мѣрѣ гимназистамъ. Но первое не можетъ жертвовать этой цѣли столько же времени, сколько гимназія, и потому представители гуманизма въ немъ будутъ ослаблены. Древніе языки ему не нужны, потому что они въ немъ невозможны. Ихъ мѣсто заступаютъ, на сколько могутъ, отечественныя и новыя языки. Исторія излагается короче, съ особеннымъ удареніемъ на исторію новой цивилизаціи, тогда какъ гимназія изучаетъ преимущественно древнюю, такъ какъ по ней, какъ по трупу, легче прослѣдить общіе законы человѣческаго развитія. Для преподаванія исторіи въ реальномъ училищѣ первое дѣло—*фактъ*, въ гимназіи, сколько возможно, *историческая идея*.—Полагаю, что взаимное отношеніе курсовъ обоихъ разрядовъ заведений будетъ ясно изъ этихъ краткихъ указаній.

Обращаюсь теперь къ подробностямъ устройства того и другаго. Для курса гимназіи 174 § «проекта» опредѣляется 8 лѣтъ. Этого времени скорѣе мало, чѣмъ много, но при состояніи нашего общества, еще не сознающаго всей важности общаго образованія, можно согласиться съ тѣмъ, что его достаточно. Впечатленіе его должны быть изучаемы:

1. Законъ Божій.	2. Математика.
3. Латинскій и греческій языки.	4. Естествовѣдѣніе.
5. Отечественная словесность.	6. Географія.
7. Французскій и нѣмецкій языки.	8. Чистописаніе, черченіе и рисованіе.
9. Исторія.	

Спрашивается во 1) какое будетъ взаимное отношеніе этихъ предметовъ по числу уроковъ, и во 2) какъ они распределяются по 8 классамъ гимназіи?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ всегда должно быть болѣе или менѣе произвольнымъ, такъ какъ основаній для точнаго разграниченія предметовъ между собою и для опредѣленной группировки ихъ по классамъ не имѣется. Мы можемъ руководствоваться тутъ только двумя весьма общими положеніями: что во 1-хъ) преобладать должны гуманитарскіе предметы; во 2-хъ) чѣмъ однороднѣе до извѣстныхъ предѣловъ въ данное время будутъ занятія ученика, чѣмъ меньше въ нихъ окажется пестроты, тѣмъ лучше. Но вывести отсюда гдѣ и сколько именно должно быть уроковъ по данному предмету, очевидно невозможно. Условія практики въ этомъ случаѣ важнѣе всякихъ апіорическихъ построеній.

И такъ повторяю, что всякій планъ преподаванія въ подробностяхъ своихъ всегда будетъ болѣе или менѣе произвольнымъ. Обязательной нормы тутъ нѣтъ и быть не можетъ. И таблица распредѣленія уроковъ,

въ нормальной гимнази, приложенная къ 275 § «проекта» представляетъ слѣдовательно въ подробностяхъ произволъ и не можетъ быть аргюти ни оправдаема, ни порицаема. Единственное средство къ возраженіямъ противъ нея состоитъ въ томъ, чтобы противоставить ей другую, столь же произвольную таблицу и потому черезъ сравненіе ихъ найдти относительныя преимущества и недостатки той или другой. Какая бы однакожъ изъ нихъ ни оказалась лучшею, всегда мыслимо другое распределеніе, еще совершеннѣйшее; но для нахожденія его нѣтъ другаго способа, кромѣ только что указаннаго. И я воспользуюсь имъ въ предстоящихъ соображеніяхъ и выписываю на этотъ конецъ таблицу «проекта», а противъ нея означамъ отступленія, которыя хотѣлъ бы сдѣлать въ ней. Сравненіе этихъ двухъ рядовъ цифръ покажетъ намъ предпочтительность послѣдняго.

По таблицѣ «проекта» считается.	Измѣненія.
Законъ Божій . . . . . 11 уроковъ.	11 уроковъ.
Русскаго языка . . . . . 24 »	22 »
Латинскаго . . . . . 24 »	26 »
Греческаго . . . . . 17 »	20 »
Нѣмецкаго . . . . . 23 »	22 »
Французскаго . . . . . 23 »	21 »
Математики . . . . . 22 »	22 »
Естествовѣдѣнія и	
Физики . . . . . 16 »	16 »
Исторіи . . . . . 13 »	16 »
Географіи . . . . . 9 »	12 »
Чистописанія, черченія, рисованія . . . . . 10 »	4 »

Итого . 192 урока.

192 урока.

Въ разсужденіи закона Божія, математики и естествовѣдѣнія оба распределенія согласны. Что въ измѣненіяхъ выставленныхъ противъ цифръ проекта значительно усилены греческій и латинскій не можетъ не считаться преимуществомъ первыхъ. Особенно уроки греческаго языка уменьшены въ «проектѣ» до минимума, при которомъ отъ занятій имъ едва ли можно ожидать хоть какую нибудь пользу. Какъ въ самомъ дѣлѣ на труднѣйшее изъ всѣхъ нарѣчій индо-европейской отрасли послѣ санскритскаго употребить только $\frac{3}{4}$ того времени, которое посвящается легчайшему изъ нихъ — французскому. Мы скажемъ, что за то и требованія въ отношеніи къ послѣднему гораздо значительнѣе, чѣмъ въ отношеніи къ первому. Но если бы требовалась даже десятичная мѣра знаній въ французскомъ языкѣ, противъ знаній въ греческомъ, то и въ такомъ случаѣ еще не будетъ надлежащаго отношенія между посвященнымъ имъ временемъ. Притомъ эта неравномѣрность требованій есть только предположеніе ни на чемъ не основанное. Правила о пріемныхъ экзаменахъ въ университеты и лицей, сообщенныя въ нынѣшнемъ году, опредѣляютъ требованія въ отношеніи къ французскому языку тѣмъ, чтобы испытуемый могъ à livre ouvert переводить какаго нибудь легкаго историческаго писателя; этого самого нельзя не требовать и въ разсужденіи греческаго.

Въ виду этого усиленія древнихъ языковъ, которые суть представителями языкоученія вообще, потому что одни въ гимназіи знакомятъ учениковъ съ истинною методою этого предмета—въ виду его, говорю я, можно ослабить нѣсколько изученіе отечественнаго, какъ я предложилъ въ «измѣненіяхъ.» Видимый ущербъ, наносимый ему отъятіемъ у него двухъ уроковъ, съ излишкомъ вознаграждается усиленіемъ древнихъ языковъ. Преподаваемо какъ слѣдуетъ (не нѣмцами, какъ по видимому предполагается «проектомъ устава», по которому въ прогимназіяхъ латинскій и нѣмецкій языки возлагаются на одного преподавателя) они едва ли не болѣе способствуютъ владѣнію отечественнымъ, чѣмъ систематическое обученіе послѣднему. — Покойный Гресе часто говорилъ на своихъ лекціяхъ: *mein Deutsch habe ich bei den Alten gelernt*; а онъ зналъ родной языкъ свой какъ не многие. Откуда же почерпнулъ и почерпнуетъ до нынѣ свое краснорѣчіе, вполнѣ самобытное и не досаждающее тѣмъ подражательности, какой нибудь Чатамъ, Фоксъ, Кеншингъ, Брумъ, Гладстонъ, какъ ни изъ изученія языковъ классической древности. — Вырастить мысль древняго писателя совершенно одоковатымъ образомъ на своемъ родномъ языкѣ служитъ лучшею гимнастикой, лучшимъ упражненіемъ въ послѣднемъ, чѣмъ составленіе какого угодно сочиненія, будь это написанная по всѣмъ правиламъ схоластической риторики хрипъ, или изъ тѣхъ легонькихъ, украшенныхъ всѣми блестящими дешаваго фольготоннаго остроумія статеекъ, которыя нерѣдко считаются драгоценными наставниками признакомъ особой даровитости ихъ авторовъ.

Въ параллель уменьшенія числа уроковъ по отечественному языку, я уменьшилъ его и по французскому и нѣмецкому. У перваго въ измѣненіяхъ отнято два часа въ недѣлю, у втораго одинъ часъ противъ таблицы проекта. Неравномѣрность эта объясняется болѣею трудностью нѣмецкаго сравнительно съ французскимъ. Никакъ нельзя допустить, чтобы остающагося затѣмъ числа уроковъ не хватало для обоихъ языковъ. Если въ настоящее время при томъ же самомъ почти числѣ успѣха по нимъ въ большей части случаевъ весьма слабы, то это зависитъ вовсе не отъ недостатка во времени, а отъ нелюбимой методы употребляемой преподавателями, отъ недостаточнаго авторитета, которымъ пользуются въ глазахъ учениковъ, отъ незнанія ими русскаго языка и иныхъ причинъ, заключающихся въ ихъ личности. Большая часть нынѣшнихъ учителей новѣйшихъ языковъ такова, что они и при двойномъ числѣ уроковъ не сдѣлаютъ успѣховъ.

Не менѣе чѣмъ древняя филологія въ усиленіи противъ распредѣленія «проекта» нуждается исторія и географія. Первой, не смотря на то, что она одинъ изъ главныхъ представителей гуманизма въ гимназіи, уступлено всего тринадцать часовъ, менѣе чѣмъ она теперь имѣетъ при семи-лѣтнемъ курсѣ, менѣе даже чѣмъ ей по «проекту» же дано въ ненормальныхъ гимназіяхъ, гдѣ гуманическое начало значительно стѣснено реальными предметами. Прибавленіе ей трехнедѣльныхъ часовъ въ виду этого найдетъ себѣ полное оправданіе. Что касается географіи, то девять часовъ рѣшительно недостаточно для нея, будь это въ гимназіи или въ реальномъ училищѣ. Въ разсужденіи этого предмета курсъ той и другаго должны развиться во все не въ количествѣ, а лишь въ точкѣ зрѣнія, съ которой преподаватель смотритъ на него; въ гимназіи онъ

налагает преимущественно на историческую сторону его. Этнография и политическая география и в тоже время объяснение того, как историческое развитие племени обуславливается географическими данными, тут главное. В реальном училищѣ напротивъ географія проходитъ преимущественно какъ землевѣдѣніе. Но чтобы эти оттънки выступили съ надлежащею ясностью, двѣнадцать часовъ въ недѣлю для нея составляютъ рѣшительную необходимость; при девяти часовомъ курсѣ изложенія ея останется слишкомъ блѣднымъ, чтобы принять требуемые мною оттънки.

Употребленные на усиленіе исторіи и географіи взяты мною у предмета, противъ ослабленія котораго дѣйствительно могутъ быть сдѣланы основательныя возраженія и котораго я самъ не тронулъ бы, если бы видѣлъ на то возможность. На чистописаніе, черченіе и рисованіе въ таблицѣ «проекта» назначено десять часовъ въ недѣлю, а это число уменьшено мною до четырехъ. Мною руководила въ этомъ случаѣ мысль, что значеніе науки, каковы исторія и географія, въ истинно гуманномъ образованіи неизмѣримо выше того слабого эстетическаго развитія, которое можетъ быть дано шестью лишними часами черченія и рисованія. Въ замѣвъ ихъ я предлагалъ бы ввести особенные уроки рисованія въ послѣобѣденное время. Обученія ему не было бы обязательно и простиралось бы только на тѣхъ, которые имѣютъ на то охоту и природную способность. Имъ бы могли пользоваться такимъ образомъ всѣ классы вѣствѣ, раздѣленные пожалуй на два отдѣленія, такъ что на каждаго ученика приходилось бы не менѣе трехъ уроковъ въ недѣлю. Если бы къ этому присовокупить хоральное (свѣтское) пѣніе, обязательное для всѣхъ рисующихъ, то эстетическій моментъ получалъ бы гораздо большее развитіе, чѣмъ то, которое назначено ему по «проекту». А прибавка одного лишняго часа послѣ обѣда, по крайней мѣрѣ въ трехъ лишнихъ классахъ, гдѣ домашнія занятія учениковъ еще не могутъ быть значительны *) едва ли будетъ слишкомъ обременительна. Высшіе классы можно было бы и освободить отъ обязательнаго обученія искусствамъ.

Оставшіеся на чистописаніе и черченіе четыре часа я полагалъ бы распределить такимъ образомъ, чтобы два изъ нихъ шли на первый изъ названныхъ предметовъ. При безпрестанныхъ упражненіяхъ въ письмѣ, къ которымъ даютъ поводъ уроки по всѣмъ предметамъ, двухъ часовъ въ недѣлю втеченіе года для него совершенно достаточно, особенно если сосредоточить ихъ въ одномъ полугодіи (такъ чтобы втеченіе его было по четыре въ недѣлю) и соединить съ ними домашнія упражненія. Весь секретъ разныхъ профессоровъ каллиграфіи, рѣшительныхъ къ намъ изъ-за границы и дѣйствительно въ какихъ нибудь пяти-шести недѣляхъ доводящихъ учениковъ своихъ до результатовъ, которыхъ обыкновенные учителя не достигаютъ и годовыми курсами, состоитъ именно въ томъ, что они заставляютъ ихъ разомъ писать очень много, и такимъ образомъ набиваютъ имъ руку.—Оставшіеся за тѣмъ два урока

*) Я исхожу въ этомъ случаѣ изъ того положенія, что чѣмъ мложе ученикъ, тѣмъ болѣе за него долженъ работать учитель, т. е., тѣмъ болѣе все ученіе его должно происходить во время самаго урока; чѣмъ онъ старше, тѣмъ болѣе могутъ усиливаться домашнія занятія. Доказывать справедливость этой мысли нѣтъ надобности, хотя практика у насъ часто представляетъ порядокъ вещей прямо противоположный.

посвящались бы черченію или срисовыванію геометрическихъ моделей.

Что касается втораго обстоятельства, распредѣленія всей исчисленной энциклопедіи предметовъ по классамъ, то въ разсужденіи его при составленіи таблицы «проекта» не совсѣмъ упущено изъ вида начало кумуляціи. Стремленіе скучивать предметы преподаванія въ извѣстныхъ классахъ, вмѣсто того, чтобы растягивать ихъ черезъ весь курсъ, замѣтно особенно въ распредѣленіи уроковъ по новымъ языкамъ, для которыхъ это начало дѣйствительно представляетъ наибольшую важность. При всемъ томъ оно можетъ быть примѣнено къ дѣлу еще гораздо рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе. Представлю опытъ такого прижненія: русскій языкъ по таблицѣ «проекта» имѣетъ одинаковое число уроковъ во всѣхъ классахъ, въ каждомъ по три. Замѣнивъ, какъ выше было показано число ихъ двадцать четыре, двадцатью двумя, я раздѣлѣлъ бы ихъ слѣдующимъ образомъ: въ первомъ классѣ пять часовъ, во второмъ четыре, въ третьемъ три, во всѣхъ остальныхъ по два. Само собою разумѣется, что эти пять и четыре урока не посвящались бы схоластической грамматикѣ, а носили бы главнымъ образомъ характеръ *упражнений* въ языкѣ. Что касается грамматики, то достаточно было на эти два года ограничиться матеріаломъ, который заключается въ первой части извѣстнаго учебника Смирнова. Третій, четвертый и пятый классы были бы посвящены подробно грамматическому курсу, шестой—стишистики и краткой теоріи словесности, которая могла бы продолжаться и въ двухъ послѣднихъ, идучи рядомъ съ исторіею литературы. — Подъ упражненіями же въ языкѣ, для которыхъ назначилъ первый и второй классы, я разумѣю не грамматическій разборъ или писаніе сочиненій—трудъ для этого возраста еще не преодолимый,—а изустное повтореніе краткихъ разсказовъ, выучиваніе наизусть образцовыхъ стихотвореній и—главное—чтеніе отрывковъ съ вещественнымъ разборомъ и поясненіемъ ихъ. Всякій опытный преподаватель согласится, что при такомъ порядкѣ вещей гораздо болѣе шансовъ научиться *сладень* отечественнымъ языкомъ, чѣмъ при растянутыхъ черезъ всѣ классы и потому самому раздробленныхъ упражненіяхъ. А что для человѣка уже владѣющаго языкомъ постиженіе законовъ его, т. е. курсъ грамматическій, будетъ несравненно легче и притомъ занимательнѣе, въ этомъ также не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Латинскій языкъ разгруппировалъ бы я слѣдующимъ образомъ: второй классъ шесть уроковъ, третій—пять, четвертый и пятый по четыре, въ остальныхъ по два. Ослабленіе его въ трехъ высшихъ классахъ оправдывается идущимъ въ это время уже въ параллель изученіемъ греческаго языка, преподаватель котораго при интерпретаціи греческихъ авторовъ конечно будетъ пользоваться преимущественно латинскимъ языкомъ.—Греческій языкъ начинался бы, какъ и по «проекту» въ пятомъ классѣ; вмѣсто четырехъ уроковъ за неизмѣнимъ времени ему назначается только три, но за то въ слѣдующемъ не четыре а пять, въ двухъ послѣднихъ не четыре и пять какъ теперь, а по шести. Въ математикѣ все измѣненіе состояло бы въ перенесеніи одного часа изъ втораго класса въ седьмой. Для арифметики остающихся восемь уроковъ (распредѣленныхъ по трехгодичному курсу) достаточно и сдѣланная на ней экономія времени съ боль-

шею пользою послужить на усиленіе высшихъ частей математики. Естественнѣе, не знаю почему «проектъ» исключается изъ перваго класса, тогда какъ именно этотъ предметъ, преподаваемый какъ слѣдуетъ, наглядно и такъ, чтобы онъ возбуждалъ собственную наблюдательность учащихся, приличнѣе всего для младшаго возраста. Я размѣстилъ бы его по первымъ пяти классамъ такъ, чтобы въ первомъ преподавался онъ три раза въ недѣлю, въ трехъ слѣдующихъ два, а въ пятомъ одинъ разъ. Продолженіемъ его служила бы физика, одинъ часъ въ шестомъ, два въ седьмомъ и три въ восьмомъ классахъ. Первые главы физики—статьи о тяжести, движеніи, простыхъ машинахъ и т. под. еще такъ тѣсно связаны съ математикой, что нечего опасаться изолированности этого единственнаго часа въ недѣлю, назначаемаго для шестаго. Въ разсужденіи другаго предмета я бы конечно не рѣшился предложить такое размѣщеніе.—Исторія велась бы точно также, какъ по «проекту», съ тѣмъ, чтобы три часа, которыми она должна быть усилена, размѣстились бы въ третьемъ, шестомъ и восьмомъ классахъ. Отъ географіи я освободилъ бы уже шестой классъ, сосредоточивъ ее, съ прибавленіемъ еще трехъ уроковъ въ пяти высшихъ. Но сильнѣйшее развитіе это начало сосредоточиванія получило бы въ примѣненіи къ новѣйшимъ языкамъ. Оно выразилось бы въ требованіи не учить французскому и нѣмецкому языкамъ совмѣстно, а послѣдовательно, одному послѣ другаго. Такимъ образомъ я посвятилъ бы высшіе классы преимущественно первому (ради трудностей произношенія), высшіе послѣднему. Французскому я назначилъ бы шесть часовъ въ первомъ, пять во второмъ, четыре въ третьемъ, два въ четвертомъ классахъ, а въ остальныхъ по одному. Этотъ единственный часъ служилъ бы только для того, чтобы предохранить учениковъ отъ забвенія того, что они выучили въ предъидущихъ; собственно курсъ французскаго языка оканчивался бы въ четвертомъ, что при простотѣ его грамматическаго строя весьма возможно. Въ остальныхъ занимался бы чтеніемъ французскихъ классиковъ, читали бы ихъ очень много, дѣлали бы извлеченія (въ видѣ домашнихъ упражненій), но о грамматикѣ вспоминали бы только мимоходомъ. За то отъ нѣмецкаго я освободилъ бы три высшихъ класса вовсе, скучивъ въ высшихъ, такъ, чтобы въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ было по пяти, въ седьмомъ и восьмомъ по четыре и по три урока.

Чтобы яснѣе представить все это распредѣленіе, изображу его въ таблицѣ, которую для сличенія поставлю рядомъ съ таблицей «проекта».

Предметы.	Предположеніе проекта.								измѣненія.									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	всего.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	всего.
Законъ Божій . . .	2	2	2	1	1	1	1	1	11	2	2	2	1	1	1	1	1	11
Русскій языкъ . . .	3	3	3	3	3	3	3	3	24	5	4	3	2	2	2	2	2	22
Латинскій языкъ . . .	—	—	5	4	4	4	4	3	24	—	6	5	4	4	3	2	2	26
Греческій языкъ . . .	—	—	—	—	4	4	4	5	17	—	—	—	—	3	5	6	6	20
Математика	3	3	3	3	3	3	2	2	22	3	2	3	3	3	3	3	2	22
Естествов. и физика . . .	—	2	2	2	2	2	3	3	16	3	2	2	2	1	1	2	3	16

Предметы.	Предположеніе проекта.								Измѣненія.									
	1	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	всего.	1	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	всего.
Исторія	—	—	1	2	2	2	3	3	13	—	—	2	2	2	3	3	4	16
Географія	2	2	1	2	1	1	—	—	9	3	2	2	3	2	—	—	—	12
Нѣмецкій языкъ	5	4	3	3	2	2	2	2	23	—	—	—	5	5	5	4	3	22
Французскій языкъ	5	4	3	3	2	2	2	2	23	6	5	4	2	1	1	1	1	21
Чистоп. и черченіе	4	4	1	1	—	—	—	—	10	2	1	1	—	—	—	—	—	4
Итого	24	24	24	24	24	24	24	24	192	24	24	24	24	24	24	24	24	192

Противъ предлагаемыхъ мною перемѣнъ можно сдѣлать еще то возраженіе, что вслѣдствіе ихъ предметы не распредѣляются такъ удобно между отдѣльными преподавателями, какъ по росписанію «проекта». Одному приходится поручить большее, другому меньшее количество уроковъ въ недѣлю, а вознагражденіе они станутъ получать одинаково. Средство помочь этому затрудненію весьма просто: оно состоитъ въ оплачиваніи не *должности*, а *труда*, въ назначеніи жалованья не по штатному мѣсту, а по числу годовыхъ уроковъ, на подобіе того, какъ водится въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Представляя преимущество передъ нынѣшнимъ порядкомъ, въ отношеніи къ справедливости, это способъ заслуживаетъ предпочтенія и по другимъ уваженіямъ. Въ большихъ городахъ, гдѣ преподавателямъ гимназій представляется множество частныхъ уроковъ, одинъ предметъ очень удобно можетъ быть раздѣленъ между двумя, тремя лицами; вслѣдствіе этого увеличится число преподавателей вообще, а вѣдь это несомнѣнная выгода для общества. Положимъ напримѣръ, учитель гимназіи дастъ 24 урока въ недѣлю въ заведеніи, въ которомъ онъ служитъ; при такомъ избыткѣ служебныхъ занятій, частныя безъ ущерба для физическаго здоровья и умственной бодрости будутъ возможны только для особенно-энергическихъ натуръ, слѣдовательно въ исключительныхъ случаяхъ. Частнымъ лицамъ и заведеніямъ уже нельзя будетъ пользоваться дѣятельностью гимназическаго учителя; имъ придется искать удовольствія своей потребности у людей, которые исключительно живутъ частными уроками, у людей, представляющихъ въ неизмѣримо большей части случаевъ гораздо менѣе гарантій, чѣмъ преподаватели гимназій. Да и если бы даже по своимъ познаніямъ и способностямъ они были равны имъ, то все-таки они лишены благотворнаго въ педагогическомъ отношеніи вліянія, которое оказывается на послѣднихъ тѣмъ, что они служатъ въ казенномъ заведеніи, принадлежатъ къ извѣстной ученой корпораціи, подлежатъ контролю начальства, пользуются педагогическою опытностью старшихъ товарищей. Частный учитель живетъ обыкновенно особнякомъ; коллегіальныхъ отношеній съ людьми одинаковыхъ занятій, одинаковаго образа мыслей, онъ большею частью не имѣетъ, потому что не примыкаетъ къ тому, что служить въ этомъ случаѣ звеномъ соединенія—къ казенному заведенію.

Предположимъ напротивъ, что вознагражденіе производится по годовымъ урокамъ. Ничто не мѣшаетъ въ такомъ случаѣ раздѣлить тѣ са-

мы двадцать четыре часа въ недѣлю между двумя преподавателями, хотя конечно ничто и не обязываетъ къ такому дробленію. Каждый изъ нихъ, давая двѣнадцать уроковъ въ гимназіи, можетъ давать еще столько же въ частныхъ домахъ и училищахъ, которые такимъ образомъ тоже воспользуются педагогическою выправкою, даруемою службою въ казенномъ заведеніи и обыкновенно недостающей у частнаго учителя.

На основаніи сказаннаго я не могу не пожелать соответственнаго измѣненія 222 § «проекта», гдѣ говорится о вознагражденіи учащихся. Это измѣненіе, повторяю, нисколько не помѣшало бы въ случаѣ нужды соединить цѣлый предметъ въ однѣхъ рукахъ, и вѣроятно слѣдствіемъ его былъ бы такой порядокъ вещей, что въ большихъ городахъ онъ дробился бы между двумя и болѣе лицами, въ малыхъ поручался бы одному только.

Но если даже не принять вознагражденія по годовымъ урокамъ въ уваженіе преимуществъ, представляемыхъ системою штатнаго, постояннаго жалованья въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то и въ такомъ случаѣ предлагаемая мною измѣненія въ таблицѣ «проекта» не представили бы серьезныхъ неудобствъ для возможно-равномѣрнаго распредѣленія уроковъ между преподавателями. Я предложилъ бы тогда слѣдующую комбинацію.

Учитель русскаго языка	22	урока.
— латинскаго во 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-ми клас.	24	—
— греческаго и латинскаго въ 8-мъ классѣ	22	—
— французскаго	21	—
— нѣмецкаго	22	—
— исторіи во всѣхъ классахъ и географіи въ 3, 4 и 5	23	—
— математики и географіи въ 1, и во 2 и естест. ист.	20	—
— математики въ высшихъ классахъ и физики	23	—

Всего 177 уроковъ на 8 преподавателей.

Предполагаемое тутъ раздробленіе географіи между учителями исторіи и естествовѣдѣнія не только не представляетъ неудобствъ, а напротивъ должно считаться выгодною, потому что каждый возьметъ себѣ ту часть науки, которая находится въ ближайшей связи съ его собственнымъ предметомъ: учитель естествовѣдѣнія начертательную и физическую географію; учитель исторіи этнографическую и политическую. Столь же мало предосудительно соединеніе въ одномъ преподавателѣ естественной исторіи и математики въ двухъ высшихъ классахъ.

Означивъ въ предъидущемъ распредѣленіи предметовъ гимназическаго курса, обращаюсь теперь къ организаціи преподаванія въ реальномъ училищѣ. Оно, повторяю еще разъ, даетъ общее реальное образованіе, т. е. кладетъ въ своихъ ученикахъ основаніе, на которомъ впоследствии воздвигнется зданіе спеціальнаго, промысловаго образованія. Сами спеціальности, каковы коммерція, технологія, сельское хозяйство, законовѣдѣніе (я отличаю этотъ предметъ отъ *правовѣдѣнія*) въ немъ поэтому столько же неумѣстны, какъ въ гимназіи, хотя ничто не мешаетъ посвящать имъ особые дополнителные курсы, какъ это имѣется въ виду и «проектъ».

Задача реальнаго училища слѣдовательно генерически отлична отъ

задачи гимназій. Но кромѣ этого родового различія можно допустить и нѣкоторую разницу въ степени. Съ одной стороны общее формальное развитіе ума, требуемое промысловою практикою достигается легче, чѣмъ то, которое предполагается гуманическою дѣятельностью. Съ другой—та же самая практика требуетъ скорѣйшаго удовлетворенія своимъ нуждамъ и не можетъ жертвовать столь продолжительнымъ временемъ на подготовку своихъ дѣятелей, какъ гуманическое поприще. Судью, законодателемъ, священнослужителемъ можетъ быть только вполне зрѣлый мужъ съ окончательно сложившимся характеромъ, а потому есть полная возможность посвятить восемь лѣтъ на приобретение общаго образования, которое лежитъ въ основаніи только что названныхъ специальностей. Но нельзя сказать того же самаго о какомъ нибудь вещественномъ производствѣ, гдѣ умственная сила прилагается къ матеріальному міру, а не къ человѣческимъ отношеніямъ. Отсюда слѣдуетъ, что реальное училище можетъ и должно оканчивать свой курсъ ранѣе гимназій. По тѣмъ же причинамъ оказывается удобнымъ и начинать его ранѣе. Если для гимназическаго курса промежутокъ времени отъ десяти до восемнадцати лѣтъ какъ разъ кстаети, то столь же кстаети для реального училища время отъ девяти до шестнадцати. При восьми классахъ въ гимназій семи классовъ въ немъ вполне достаточно.

Содержаніе этого курса во вѣдѣности мало будетъ отличаться отъ предполагаемыхъ «проектномъ» ненормальныхъ гимназій. Отойдетъ только латвискій языкъ и время, ему назначенное, съ пользою употребится на усиленіе естествовѣдѣнія и другихъ предметовъ первостепенной важности. Энциклопедія реального училища слагалась бы, по моему мнѣнію, изъ слѣдующихъ наукъ: 1) Закона Божія—11 часовъ 2) отечественнаго языка и словесности—24 часа, 3) французскаго языка—20 час. 4) нѣмецкаго—22 часа, 5) математики—26 час. 6) физики—6 час. 7) естественной исторіи — 14. 8) химіи — 6 ч. 9) географіи—13 ч. 10) исторіи—14 ч. 11) чистописанія, черченія и рисованія—12 час. въ недѣлю. Введеніе химіи какъ отдѣльнаго предмета совершенно необходимо въ виду громадной, ежедневно возрастающей важности этой науки для всѣхъ отраслей промышленной дѣятельности. Усиленіе отечественнаго языка сравнительно съ гимназією оправдывается отсутствіемъ того подспорья, которымъ въ послѣдней служитъ ему древняя филологія. И это распредѣленіе предметовъ, если отказаться отъ системы вознагражденія по годовымъ урокамъ, какъ нельзя лучше мирится съ весьма ограниченными личнымъ штатомъ преподавателей. Для того, чтобы доказать это и вывести съ тѣмъ представить образчикъ распредѣленія предметовъ по классамъ, прилагаю таблицу въ родѣ той, которая была представлена выше.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	всего.
Законъ Божій	2	2	2	2	1	1	1	11
Русскій языкъ	5	5	4	4	2	2	2	24
Французскій языкъ.	5	5	3	3	2	1	1	20
Нѣмецкій языкъ	—	—	5	5	4	4	4	22
Математика.	4	4	3	3	3	5	4	26
Физика	—	—	—	—	2	2	2	6

	I	II	III	IV	V	VI	VII	всего.
Естественная исторія	3	3	2	2	2	1	1	14
Химія	—	—	—	—	2	2	2	6
Географія	2	2	2	2	2	1	2	13
Исторія	—	—	1	2	3	4	4	14
Чистописание и черчение	3	3	2	1	1	1	1	12
Итого	24	24	24	24	24	24	24	168

Тутъ возможна слѣдующая группировка:

Учитель русскаго языка въ пяти высшихъ классахъ	20	уроковъ.
— исторіи и русскаго языка въ шестомъ и седьмомъ классахъ	18	—
— французскаго языка	20	—
— нѣмецкаго	22	—
— ариметики въ первыхъ двухъ классахъ и географіи	21	—
— математики въ третьемъ, четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ и физики	24	—
— естественной исторіи и химіи	20	—

Всего на 7 преподават. 145 уроковъ.

Я такъ убѣжденъ въ вѣрности руководившей мною основной мысли о необходимости дробленія высшаго общаго образованія на двѣ вѣтви и сообразнаго съ тѣмъ дѣленія такъ называемыхъ среднихъ училищъ на два разряда, что считаю лишнимъ подтвердить ее педагогическими авторитетами и аналогіею учебнаго устройства другихъ странъ Европы, напримѣръ Пруссіи и Франціи.—Я считаю даже примѣненіе этого начала въ томъ видѣ, въ какомъ предложено въ предыдущемъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ то, которое оно нашло себѣ въ организации прусскихъ и французскихъ училищъ. На въ Пруссіи, ни въ Франціи реальныя школы не могли еще избавиться отъ господства неизмѣнной для нихъ никакого смысла латыни. Притомъ во Франціи развѣтвленіе общаго образованія не идетъ съ самого начала, а лишь съ половиннаго курса (см. *decret du prince président* отъ 10 апрѣля 1852 г.), т. е. послѣ того, какъ ученики прошли уже вовсе не нужный для нихъ курсъ греческой и латинской грамматики (*ibid. art. 2*). Изъ шести лѣтъ, втеченіе которыхъ французская молодежь посѣщаетъ соответствующіе нашимъ гимназіямъ лицей, такимъ образомъ цѣлыхъ три теряются для учениковъ, избирающихъ себѣ реальное поприще, потому что только съ четвертаго класса начинается дѣленіе лицей на два параллельныхъ курса, изъ которыхъ одинъ (*section qui prépare aux professions commerciales et industrielles, aux écoles spéciales* и проч.) соответствуетъ реальному училищу. Французскимъ лицеямъ слѣдовательно хоть частью можно сдѣлать тотъ же упрекъ, который заслужили бы наши гимназіи, если бы дѣйствительно подошли подъ опредѣленіе, даваемое имъ 173-мъ § «проекта».

При такомъ убѣжденіи въ вѣрности принятаго мною начала я вовсе и не жду противорѣчій противъ него со стороны теоріи. Единственное возраженіе, котораго я опасаясь, состоитъ въ вопросѣ о практиче-

свой приложности его, въ томъ, что скажутъ, что у министерства нѣтъ средствъ къ осуществленію его, такъ какъ для этого конечно потребовалось бы почти удвоить число такъ называемыхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ гимназій пришлось бы открыть въ каждомъ губернскомъ городѣ еще реальное училище, а это повело бы къ расходамъ, которые, быть можетъ, превышаютъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія. Но и передъ этимъ возраженіемъ не зачѣмъ безусловно класть оружіе. Во-первыхъ оно чисто временное, потому что, если теперь нѣтъ средствъ, то ничто не мѣшаетъ найти ихъ въ будущемъ; а во-вторыхъ и для настоящаго момента приводимое возраженіе не совсѣмъ состоятельно, какъ это видно изъ болѣе точнаго разсмотрѣнія дѣла.

Само собою разумѣется, что, коль скоро гимназій будутъ только приготовительными заведеніями для университетскихъ курсовъ, количество учащихся въ нихъ значительно поубавится. Весьма многіе ищутъ общаго реального образованія, котораго теперь не находятъ, точно также какъ остальные не находятъ и надлежащаго общаго гуманнаго образованія. Изъ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1856 г. видно, что напримѣръ въ петербургскомъ и московскомъ округахъ на 6543 гимназиста было 1949 студентовъ, что, при надлежащемъ сравненіи этихъ чиселъ, показываетъ, что лишь половина первыхъ перешла въ университеты. Цифры изъ другихъ округовъ даютъ еще гораздо невыгоднѣйшее отношеніе. Всѣ же тѣ гимназисты, которые не имѣли въ виду университетской карьеры, поступили бы въ реальныя училища, если бы таковыя существовали. Отсюда слѣдуетъ, что въ тѣхъ городахъ и губерніяхъ, гдѣ болѣе одной гимназій, цѣлая половина изъ числа ихъ можетъ быть обращена въ реальныя училища. Сколько мнѣ известно число этихъ гимназическихъ дублетовъ, если можно такъ выразиться, не многимъ менѣе двадцати, такъ что ничего не мѣшало бы замѣнить ихъ двадцатью реальными училищами (взявъ во вниманіе, что послѣдніе будутъ состоять не изъ восьми, а изъ семи классовъ).—Да и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ всего одна гимназія, въ нѣрѣдкихъ случаяхъ было бы полезно произвести ту же самую замѣну, руководясь при этомъ разумѣется мѣстными потребностями. Тамъ, гдѣ преобладаетъ классъ богатыхъ землевладѣльцевъ, людей по положенію своему нуждающихся въ гуманномъ образованіи, тамъ пусть останутся гимназій; гдѣ сильнѣе развита промышленная дѣятельность, до поры до времени можно довольствоваться одними реальными училищами. Конечно, что постепенно возникли бы вторыя и тамъ, гдѣ первоначально были только первыя, и на оборотъ; такъ что вѣроятно не далеко было бы время, когда въ каждомъ губернскомъ городѣ существовало бы и то и другое вмѣстѣ. Считается же въ Пруссіи при семнадцати милліонахъ жителей около 120 гимназій и слишкомъ 90 реальныхъ училищъ; отчего же намъ при семидесяти не дожить до того же самаго?

Но и кромѣ того я позволю себѣ указать на обильный источникъ, отъ котораго нечего заранѣе отказываться, хотя онъ теперь и не находится въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія. Неизмѣримо большая часть специальныхъ заведеній у насъ въ Россіи, кадетскіе корпуса, институты и проч. устроены такъ, что вся специаль-

ность ихъ ограничивается высшими классами; курсъ высшихъ же совпадаетъ съ курсомъ предполагаемыхъ мною реальныхъ училищъ, такъ что они могли бы съ удобствомъ и даже выгодною замѣнить ими. Возможность этого замѣна доказывается тѣмъ, что и теперь въ очень многихъ принимаются прямо въ спеціальныя классы кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, не смотря на то, что онѣ въ нынѣшнемъ состояніи своемъ далеко не могутъ дать столь же приспособленное къ нимъ приготовленіе, какъ реальные училища. Сверхъ того господствующая у насъ несчастная система дрессировки была бы избѣгнута при такомъ замѣнѣ. Девятилѣтняго мальчика не стали бы сажать въ какой нибудь технологическій институтъ, гдѣ онъ въ первые годы учился бы рѣшительно тому же самому, чему въ лѣсномъ, но уже съ перваго года долженъ быть лѣсничимъ. Составивъ же изъ общихъ классовъ того и другаго и всѣхъ подобныхъ имъ заведеній реальныхъ училища, ему бы дали возможность до семнадцатаго года приобрести свѣдѣнія одинаково необходимыя и для техника и для лѣсничаго, а по наступленіи семнадцатаго года онъ могъ бы сознательно и свободно избрать именно ту спеціальность, къ которой имѣетъ наклонность. Очевидная выгода, вытекающая для самихъ спеціальностей изъ такой свободы выбора, даетъ поводъ думать, что вѣдомства, теперь содержащія спеціальныя заведенія, охотно уступятъ министерству народнаго просвѣщенія ту часть средствъ, которая идетъ теперь на содержаніе такъ называемыхъ общихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы на нихъ были основаны реальные училища. Возраженіе, что заведенія этого рода даютъ не только *спеціальное образованіе*, но и *воспитываютъ* своихъ питомцевъ сообразно съ данною спеціальностью, не имѣетъ смысла, потому что такое спеціальное воспитаніе не возможно, а если бы и было возможно, было бы дрессировкой и несогласно съ достоинствомъ человѣческой природы. Воспитаніе — если противопоставить это слово, какъ означеніе нравственнаго образованія, обученію, какъ умственному образованію — одинаково для всѣхъ людей, точно также какъ нравственный законъ одинаковъ и равно обязателенъ для всѣхъ, не смотря ни на какія различія занятій, знаній, положеній и т. д.

При раздробленіи учреждений, служащихъ, по выраженію «проекта» среднему образованію, на два разряда, вводимыя вновь прогимназіи не могутъ сохранить значеніе, которое въ настоящее время присвоено имъ. Онѣ не въ состояніи разомъ приготовить къ гуманному и реальному курсу, такъ какъ отступленія перваго отъ втораго начинаются уже тамъ, гдѣ прогимназіи также только что начинаютъ свое дѣло. Онѣ могутъ остаться только въ смыслѣ приготовительныхъ заведеній для высшихъ классовъ или гимназій, или реального училища, не того и другаго вмѣстѣ. И въ разсужденіи ихъ должно слѣдовательно принять двѣ категоріи — прогимназій въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и заведеній, находящихся въ такомъ же отношеніи къ реальному училищу въ какомъ первыя находятъ къ гимназіямъ. Тѣ и другія будутъ собственно не чѣмъ инымъ какъ высшими параллельными классами гимназій и реальныхъ школъ, которые изъ видовъ практическаго удобства отдѣлены отъ соответственныхъ имъ главныхъ заведеній. Въ такомъ

смыслъ учрежденіе ихъ принесетъ несомнѣнную пользу; я увѣренъ, что каждая изъ нихъ послужитъ ядромъ будущей гимназіи или реального училища, которыя возникнутъ, какъ скоро только найдутся средства къ ихъ осуществленію.

Вотъ сущность тѣхъ замѣчаній, которыя мнѣ хотѣлось сдѣлать на предположенія «проекта» объ устройствѣ средняго (въ его смыслѣ) общаго образованія. Съ большою частію его параграфовъ, на сколько они не противорѣчатъ выставленному мною началу, можно согласиться. Считаю однакожъ нужнымъ прибавить еще два замѣчанія, которыя, хотя и не въ связи съ послѣднимъ, касаются предметовъ столь важныхъ, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Это глава о пансіонахъ (§. §. 300 — 323) и положенія объ административныхъ обязанностяхъ директоровъ губернскихъ гимназій (§. §. 68, 70, 79, 115, 173, 189, 197, 200).

Существованіе пансіоновъ при гимназіяхъ при настоящемъ положеніи дѣлъ у насъ, есть и, къ сожалѣнію, долго будетъ еще настоятельная необходимость. Передъ этою не обходимою умолкають всѣ возраженія противъ нихъ, раздающіяся со стороны собственно педагогической теоріи и практики. Что закрытыя заведенія, къ которымъ ни относятся, правительствомъ или частными лицами, суть зло, съ этимъ всѣ согласны. Но избѣгнуть этого зла пока нѣтъ возможности, и ужъ если выбирать, такъ пансіоны содержимые казною все-таки зло меньшее, чѣмъ предоставленіе ихъ содержанія одной частной промышленностію.

Сознаніе этого зла проглядываетъ и въ 299-мъ параграфѣ «проекта» гдѣ существованіе пансіоновъ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ допускается только за отсутствіемъ другихъ болѣе совершенныхъ способовъ воспитанія—«для облегченія родителей».

Но если оно зло и зло такое, котораго нельзя пока искоренить, то все таки слѣдуетъ заботиться объ уменьшеніи его. Допуская пансіоны, какъ нѣчто неизбежное, правительство никакъ не должно хлопотать о распространеніи ихъ круга дѣятельности.

И съ этимъ по видимому согласенъ проектъ устава, полагая комплектъ пансіона не выше, какъ въ 80 человекъ (§. 303). Разумѣется, что фабричное, гуртовое воспитаніе, даваемое въ закрытомъ заведеніи, будетъ тѣмъ менѣе дурно, чѣмъ менѣе количество подвергаемаго такой обработки товара, чѣмъ болѣе это воспитаніе по числу воспитываемыхъ будетъ подходить къ домашнему.

Но и кромѣ того опредѣленный цифрою 80 комплектъ, ручаясь за болѣе успѣшное рѣшеніе задачи, лежащей на пансіонѣ, въ тоже время затруднитъ и для многихъ родителей опредѣленіе въ него сыновей своихъ, слѣдовательно ограничитъ кругъ дѣятельности пансіоновъ и такъ или иначе выполнитъ одно изъ выставленныхъ выше условий.

А это ограниченіе чрезвычайно важно; весьма многіе родители, имѣющіе всѣ средства воспитывать дѣтей дома, живущіе напримѣръ въ томъ же городѣ, гдѣ находится гимназія, по нерадѣнію или непростительной любви къ спокойствію, опредѣляютъ дѣтей своихъ пансіонерами, забывая, что только въ рѣдкихъ случаяхъ домашній бытъ семейства бываетъ такъ испорченъ, что можетъ оказать на дѣтей болѣе вредное

вліяніе, чѣмъ то, которому онѣ подвергаются со стороны сѣры, окружающей ихъ въ закрытомъ общественномъ заведеніи.

Но для отнятія—то легкомысленныхъ и до преступности переданныхъ родителей ограниченіе, вводимое 303-мъ параграфомъ не достаточно. тѣмъ болѣе, что оно дѣйствуетъ одинаково на нихъ и на людей, дѣйствительно нуждающихся въ пансіонѣхъ, на помѣщиковъ и прочихъ проживающихъ въ городахъ, гдѣ есть гимназіи. Для первыхъ-то я предлагалъ бы усилить ограниченіе слѣдующимъ образомъ:

1) Принимать пансіонерыми дѣтей только такихъ лицъ, которыя въ своемъ дѣлѣ не имѣютъ способовъ держа дома, обучать ихъ, сдѣлать же тѣхъ, конхъ родители не имѣютъ жительства въ городахъ, гдѣ есть гимназіи.

2) Обезпечить нравственность поступившихъ въ пансіонъ, предохраняя ихъ по возможности отъ соприкосновенія съ вредными элементами. Но этому слѣдовало бы принять особенно строгія мѣры къ удаленію изъ пансіона всѣхъ не совсѣмъ надежныхъ воспитанниковъ; по той же причинѣ должна быть ограждена неравнобѣрность возраста, допускаемая въ гимназіи, какъ въ училищѣ. Если въ послѣднее могутъ быть приняты въ первый классъ дѣти отъ 10 до 13 лѣтъ (257 §), то въ пансіонѣ только отъ 10 до 12; если на основаніи правилъ о переводѣ (259 §) въ четвертомъ классѣ могутъ находиться вмѣстѣ тринадцати и двѣнадцатилѣтніе воспитанники, то въ разсужденіи пансіонеровъ слѣдуетъ уничтожить шансы такой неравнобѣрности, опредѣливши, что изъ пансіонеровъ никто не можетъ оставаться въ томъ же классѣ на второй годъ болѣе одного раза втеченіе цѣлаго курса. Это бы конечно не лишило ихъ права оставаться въ томъ же заведеніи въ качествѣ вольноприходящихъ.

Относительно втораго пункта, на который я хотѣлъ обратить вниманіе— административныхъ обязанностей директора губернской гимназіи—я долженъ прямо сказать, что онѣ рѣшительно не по силѣ ему. Точно также, какъ и всякій другой директоръ, онъ долженъ завѣдывать хозяйственною, воспитательною и учебною частью своего заведенія (а вѣдь это одно, если при немъ есть пансіонъ, требуетъ усиленной дѣятельности цѣлаго человѣка), онъ долженъ прешодовать одинъ изъ предметовъ въ высшемъ классѣ (§ 199), онъ членъ попечительнаго совѣта и онъ же долженъ быть непрямѣннымъ членомъ учебныхъ совѣтовъ высшихъ народныхъ училищъ цѣлой губерніи (§ 189), а въ то же время и посредникомъ между всѣми низшими училищами и попечителемъ округа. Безъ всецѣлнн и вседѣсущія въ немъ, мудреца понять, какъ онъ все это сдѣлаетъ.

Извѣстно, что всякая пружина отъ перегуги, если не ломается, то теряетъ свою упругость, что чрезмѣрное напряженіе органа неминуемо ведетъ къ разслабленію его. Точь-въ-точь такимъ же образомъ и чрезмѣрное обремененіе служащаго человека непремѣнно оканчивается бездѣйствіемъ его. Если возложить на него столько, что онъ всего не въ состояніи сдѣлать, то онъ ничего не будетъ дѣлать. Иначе говоря, онъ будетъ принимать видъ, что дѣлаетъ, будетъ исполнять разныя формальности, при несоблюденіи которыхъ подвергся бы отвѣтствен-

ности, подписывать чужіе отчеты и вѣдомости, но въ сущность дѣла входить не станутъ.

Но *еслибы* у директора и хватило времени на исполненіе всего того, что отъ него требуется, и въ такомъ случаѣ даже требованіе быть начальникомъ всѣхъ высшихъ училищъ губерніи неосновательно. Директоръ гимназій не только слишкомъ занятъ, чтобы нести эту обязанность, онъ и неспособенъ, онъ человѣкъ въ этомъ случаѣ *некомпетентный*.

Въ самомъ дѣлѣ, высшее и высшее образование — дѣло народныхъ училищъ и гимназій — двѣ вещи столь отличныя другъ отъ друга, что ставить ихъ въ зависимость одну отъ другой невозможно. Никто не станетъ утверждать, что преподаватель народной школы вслѣдствіе отлично усердной службы можетъ сдѣлаться преподавателемъ гимназій, или инспекторъ перваго директоромъ второй, а заключать на оборотъ не считаютъ нелогичнымъ!

Трудно намъ освободиться отъ того страннаго взгляда, что совершенство въ извѣстной, ограниченной сферѣ дѣятельности, тождественно съ способностью къ дѣятельности въ болѣе обширномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и иномъ кругѣ, что способность къ послѣдней *eo ipso* есть ручательство за совершенство въ первой, хотя бы и не однородной. Прежде, когда и гимназій въ свою очередь подчинялись не попечителю округа, а университетамъ, онъ господствовалъ еще сильнѣе; отъ этой нелѣпости избавилъ насъ уставъ 1828 года. Отчего же уставъ 1860 года не хочетъ продолжать дѣло избавленія.

Наконецъ *если бы* даже директоръ гимназій былъ компетентенъ (въ частныхъ, исключительныхъ случаяхъ это возможно), то къ чему все таки осложнять его посредствомъ производства дѣла? Отчего не поставить народныхъ училища въ прямую зависимость отъ попечителя? Затѣмъ эта лишняя инстанція, единственнымъ результатомъ которой будетъ, что она, вдвинувшись между нихъ, заслонитъ ихъ другъ отъ друга?

На попечителя округа, возражать мнѣ, лежатъ слишкомъ многосложныя обязанности; онъ не въ состояніи входить во всѣ подробности ввѣренныхъ ему заведеній. Ему предоставлено управленіе университетомъ, лицеями, гимназіями, народными училищами. Гдѣ же сладить со всѣмъ этимъ?

Пусть такъ, хотя съ этою переобремененностью попечителя можно и помирить. Въ подробности ему входить нечего; на то есть непосредственное начальство. А въ университетахъ и равностепенныхъ имъ заведеніяхъ уже въ значительной мѣрѣ признанъ принципъ самоуправленія, который, нужно надѣяться, современемъ еще усилится. — Слишкомъ обремененнымъ можетъ показаться положеніе попечителя, только въ томъ случаѣ, если держаться начала *сугубоуправленія* (*des zwaarfregierens* — на русскомъ нѣтъ соответственнаго слова, хотя самая вещь провѣтаетъ на русской почвѣ) и отказать во всякомъ значеніи началу мѣстной самостоятельности.

Но я не буду спорить. Я соглашусь съ тѣмъ, что попечитель, такъ, какъ онъ поставленъ, затруднится непосредственнымъ управленіемъ всѣми учрежденіями ввѣреннаго ему округа. Такъ дайте ему помощ-

ника. Да за чѣмъ же дайте, когда почти вездѣ онъ имѣетъ его; вездѣ есть, кромѣ того еще инспекторъ казенныхъ училищъ. Вотъ между этими лицами, кругъ обязанностей которыхъ въ настоящее время чрезвычайно неопредѣленный, и раздѣлите надзоръ за гимназіями и народными училищами. Пусть будетъ помощникъ попечителя не только тѣмъ онъ, какимъ-то резервомъ при дѣйствующей силѣ, пусть онъ и самъ дѣйствуетъ. Пусть инспекторъ казенныхъ училищъ — изъ опытныхъ и заслуженныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ блюдетъ за ними, контролируетъ ихъ дѣятельность и охраняетъ ихъ интересы; пусть онъ не представляетъ изъ себя какого-то чиновника особыхъ порученій, коего дѣятельность только тогда пробуждается, когда ее вызываютъ какіе нибудь экстренные случаи.

Этимъ я на нынѣшній разъ заключаю свои замѣтки на «проектъ устава». Въ другой статьѣ коснусь его положеній о ниспихъ училищахъ и вѣстѣ съ тѣмъ обращаю вниманіе на другое весьма важное обстоятельство, на то, какъ онъ опредѣляетъ положеніе и приготовленіе учащихъ.

Р. Орбинскій.

48^c

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	Стран.	
Двѣ публичныя лекціи о санскритскомъ эпосѣ. Лекція I. К. КОССОВИЧА.....	1	✓
Параллели (замѣтки русскаго пахаря по возвращеніи изъ-за границы). И. ПАЛИМИСЕСТОВА.....	26	✓
Трехмѣсячное путешествіе по южнымъ краямъ Австріи. П. Л. ....СКІЙ.....	94	
Калейдоскопъ. Романъ. Соч. О. РАБИНОВИЧА. Часть первая.	134	✓
Мохаммедъ-Аминъ. Профессора М. А. КАЗЕМЪ-БЕКА.....	227	
Идеи (изъ Гейне). Переводъ М. Л. МИХАЙЛОВА.....	247	
Въ термахъ. Стихи Н. И. КРОЛЯ.....	300	
Изъ Байрона. (Стансы, написанные по дорогѣ между Флоренціей и Пизой.) В. П. ПУПОВА.....	302	

ОТДѢЛЪ II.

Политика. Договоръ свободнаго обмена между Англіей и Франціей. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА.....	1	
Критика. Ковзарь, Тараса Шевченка.—Коштомъ Платона Семеренка. Спб. 1860 г. ДАНИЛА МОРДОВЦОВА.....	37	✓
Библиографія. Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова. Изд. 4-е, исправленное и дополненное по рукописямъ автора. Три части. Москва. 1860 г. Въ 8-ю долю листа.....	72	
Переводы и подражанія. Н. В. Берга. Изд. Н. В. Гербея. Спб. 1860. Въ 8-ю долю листа. М. Л.	88	
Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній. П. Якушкина. Спб. 1860.....	93	
О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву. Соч. Н. И. Энгельмана. Спб. 1859 г.	94	
Лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ. М. М. Михайлова. Спб. 1860 г. Выпускъ 1-й. А. В. ЛОХВИЦКАГО.....	97	

Иностранная литература. Два свята. Романъ <i>Крашевскаго. (окончаніе.)</i> ЕВГЕНІЯ ТУРЪ	98.
КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ПИСАТЕЛЯ XIII ВѢКА КИРАКОСА ГАН- ДЗАКЕЦЫ О МОНГОЛАХЪ	108.

ОТДѢЛЪ III.

Сигъсъ. Письмо изъ Одессы. М. А. Д. Г.....	1.
Физиологическій очеркъ . . . . скаго кучества. В. М—ва.....	10.
По поводу проекта новаго устава среднихъ высшихъ училищъ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія. Р. ОРБИНСКАГО.....	28.
Отъ Редакціи.....	49.